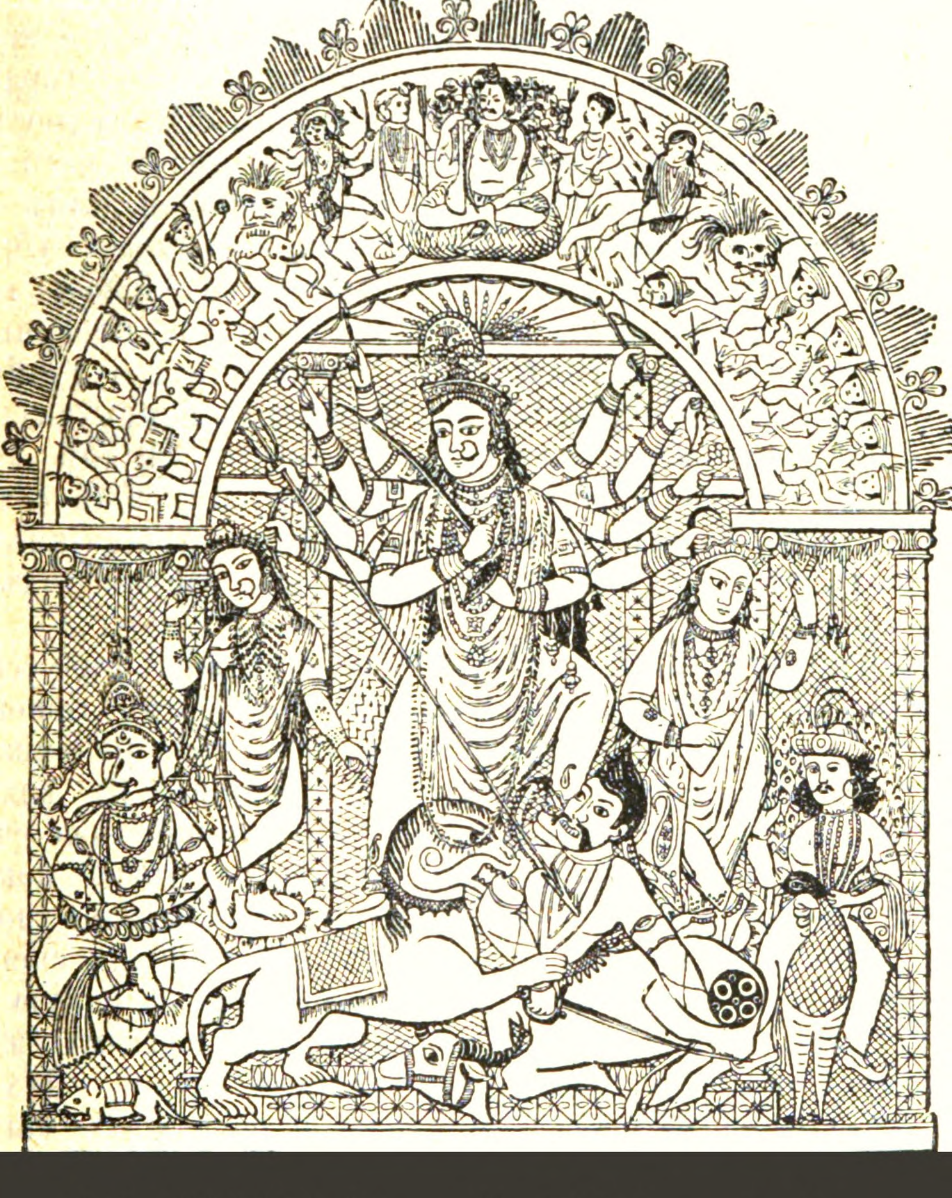

Velikīi͡a͡ religīi Vostoka

George Thomas Bettany, L B Khavkina,
Andreĭ Nikolaevich Krasnov, Robert Kennaway Douglas

БЕТТАНИ и ДУГЛАСЪ.

ВЕЛИКІЯ РЕЛИГІИ

ВОСТОКА.

Переводъ съ англійскаго

Л. Б. Хавниной.

Подъ редакціей и со вступительной статьей

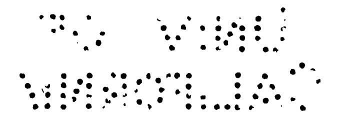
профессора **А. Н. Краснова.**

Типографія Товарищества И. Д. Сытина, Валовая ул., свой д.

МОСКВА.—1899.

Дозволено цензурою. Часть I, С.-Петербургъ, 28 января 1898 г.
Часть II, С.-Петербургъ, 1 августа 1898 г.

Вступленіе.

Предлагаемая книга имѣетъ своею цѣлью въ сжатыхъ очеркахъ, принадлежащихъ перу различныхъ спеціалистовъ, познакомить русскаго читателя съ сутью главнѣйшихъ религіозныхъ ученій, возникавшихъ и донынѣ еще существующихъ у различныхъ народовъ далекаго востока и юга Азіи. Если Европу, и современную Европу въ особенности, мы въ правѣ считать колыбелью человѣческихъ знаній и источникомъ того строя жизни, который развился на почвѣ научныхъ свѣдѣній и техническихъ изобрѣтеній, то Азію, по всей справедливости, можно назвать матерью религій и религіозно-философскихъ ученій, воспитавшихъ ея многомилліонныя массы въ извѣстномъ духѣ и направленіи. Европа и страны Запада только лишь въ различныхъ направленіяхъ истолковывали ученіе Христа, жившаго и проповѣдывавшаго на томъ же Востокѣ; изъ Азіи, между тѣмъ, кромѣ христіанства и ученія Магомета, вышелъ цѣлый рядъ религіозно-философскихъ ученій вродѣ Веданты, джайнизма, парсизма или ученія Зороастра; тамъ зародились еще до сихъ поръ находящія себѣ поклонниковъ, даже въ просвѣщенномъ европейскомъ обществѣ, ученія Лао Цзы, Будды, Конфуція и цѣлый рядъ новѣйшихъ религіозныхъ доктринъ. Большинство ученій этихъ было проповѣдано еще въ то время, когда религіозно-философская мысль народовъ Запада дремала и религіи ихъ находились въ состояніи религій первобытныхъ народовъ или лишь немного возвышались надъ ихъ уровнемъ. Уже болѣе чѣмъ за V вѣковъ до Р. Х. самыя глубокія истины религіозной морали были посѣяны въ человѣчествѣ. Именно тогда на Востокѣ дѣйствовали Будда, Лао Цзы и Конфуцій, тогда же извѣстно уже было ученіе джайновъ. Научныя свѣдѣнія того времени были слабы. То немногое, что было извѣстно, составляло достояніе избранниковъ, но никакъ не толпы, къ которой была обращена проповѣдь религіозныхъ мыслителей и невѣжество которой было немного меньше, чѣмъ у малокультурныхъ сыновъ природы. Идеи обращавшихся къ ней проповѣдниковъ формировались на почвѣ того же народнаго міровоззрѣнія, но ихъ проповѣдывали люди, которые, большею частью, въ уединеніи имѣли возможность

вдуматься въ злобы дня и которые глубже другихъ приняли къ сердцу страданія человѣчества, и старались вникнуть въ причины ихъ и дать рецептъ для ихъ исцѣленія.

Въ этомъ и секретъ возникновенія религіозныхъ ученій въ Азіи, на ея югѣ и востокѣ. Это была первая страна, гдѣ человѣчество сплотилось въ большія массы, гдѣ эта тѣснота жизни создавала и давала возможность ежедневно видѣть картины человѣческаго несчастія, проистекавшаго отъ дурныхъ сторонъ человѣческой натуры, непониманія другъ друга, эгоизма и самыхъ условій совмѣстной жизни. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эта же скученность, создавши большую культуру, давала возможность, хотя единицамъ, не думая о завтрашнемъ днѣ, посвящать свое время мышленію и обсужденію прочихъ вещей.

Здѣсь была первая работа обобщающей мысли, первая попытка направить обобщенія своихъ наблюденій на пользу человѣчества. И работа эта, доступная умамъ выдающимся, благоговѣйно воспринималась массами; послѣднія чувствовали превосходство мысли своихъ вѣроучителей надъ своею собственною, восхищались ею, слѣдовали за нею, но, не будучи въ состояніи или по недостатку времени, или по ограниченности своей, провѣрить ее, принимали ее на слово и, вѣря въ авторитетъ проповѣдника, боготворя его, создавали изъ проповѣдей его свою новую вѣру.

Но въ томъ и лежитъ существенная разница между вѣрою и знаніемъ, что знаніе для всѣхъ людей одно, тогда какъ вѣра зависитъ вполнѣ отъ степени пониманія, отъ міровоззрѣнія каждаго человѣка. Знаніе провѣряется опытомъ, и такъ какъ опытъ, при одинаковыхъ условіяхъ, постоянно показываетъ одно и то же, то и знаніе для всѣхъ людей, каковы бы они ни были, будетъ все одно. Дважды два для всѣхъ будетъ четыре, а что вода есть соединеніе кислорода съ водородомъ — можетъ провѣрить каждый. Но прочувствовать то, что прочувствовалъ Будда или Лао Цзы, пріурочить къ своему міровоззрѣнію мысли этихъ философовъ можетъ далеко не всякій, такъ какъ объять всю глубину ихъ мысли посильно не каждому, а кругъ міровоззрѣнія у каждаго человѣка — свой собственный. Правъ Шопенгауеръ, говоря, что то же самое впечатлѣніе, воспринятое двумя различными лицами, можетъ явиться для ихъ собственнаго я далеко не тѣмъ же самымъ. А потому, въ сущности, всякій человѣкъ вѣритъ по-своему, и только внѣшняя формула этой вѣры для всѣхъ одинакова. Азія и исторія ея великихъ религій представляетъ тому блестящее доказательство. Ничье ученіе не привлекало къ себѣ такой массы поклонниковъ, самыхъ горячихъ, самыхъ преданныхъ, какъ ученіе Будды. Ничье ученіе не было такъ возвышенно и чисто, какъ ученіе Лао Цзы. И что же

мы видимъ? На родинѣ Будды, въ Индіи, если не считать Цейлона, теперь нѣтъ ни одного послѣдователя его ученія: оно исчезло, уступивъ мѣсто не какимъ-нибудь болѣе возвышеннымъ и лучшимъ ученіямъ, но разложившись на массу самыхъ дикихъ и нелѣпыхъ сектъ. Въ Тибетѣ, на Цейлонѣ, въ Китаѣ и Японіи, правда, еще милліоны народу называютъ себя послѣдователями Сакія-Муни. Но то, что тамъ носитъ названіе буддизма, имѣетъ столь же мало общаго съ религіей индійскаго вѣроучителя, какъ мало общаго между индусами, среди которыхъ оно зародилось, и китайцами, которымъ оно было проповѣдано. Буддизмъ современный, какъ можетъ убѣдиться читатель, прочтя нашу книгу, представляетъ почти діаметральную противоположность тому, что составляетъ суть ученія, столь поэтично изложеннаго Эдвиномъ Арнольдомъ въ его книгѣ „Свѣтъ Азіи". Еще далѣе стоитъ современное чернокнижіе священниковъ религіи Тао отъ ученія Лао Цзы, и основатель его, вѣроятно, пришелъ бы въ ужасъ, если бы онъ, вернувшись изъ страны безсмертія, могъ увидѣть, какъ его проповѣди искажены его послѣдователями. Искаженіе ученій основателей великихъ религій Азіи шло постепенно, мало-по-малу, незамѣтно. Первые послѣдователи, подавленные гипнотизирующимъ вліяніемъ великаго человѣка, почти буквально воспринимали и заучивали его ученіе. Въ исключительныхъ только случаяхъ ученики, не понимая глубины философскаго взгляда учителя, толковали его узко, вызывая поправки и порицанія. Но разъ сходили со сцены первые проповѣдники, мысль послѣдователей начинала работать. Новое ученіе часто стояло въ полномъ разрѣзѣ съ пониманіемъ и міровоззрѣніемъ послѣдователя: его нужно было согласовать, и путемъ для этого былъ компромиссъ, новое произвольное толкованіе.

А такъ какъ такихъ міровоззрѣній существуетъ ровно столько же, сколько и людей, то, очевидно, разъ имъ предоставлялась свобода толкованія своей вѣры, они создавали себѣ столько же вѣръ, сколько и послѣдователей; они реформировали не только ученія, но и самыхъ боговъ, вѣрою въ которыхъ ученіе это подкрѣплялось, создавая, въ полномъ смыслѣ этого слова, боговъ по образу и подобію своему, понимая ихъ со своей узкой человѣческой точки зрѣнія и навязывая имъ всѣ свои слабости и недостатки.

Классическимъ примѣромъ хода такой эволюціи или, вѣрнѣе, разложенія вѣроученій является Индія, страна безъ господствующей церкви, которая скрѣпляла бы и канонизировала то или другое вѣроученіе.

Мы видимъ, что современный индуизмъ, создавшійся на развалинахъ ведизма, браманизма и буддизма, представляетъ изъ себя рядъ сектъ съ безчисленнымъ количествомъ толковъ и подраздѣ-

леній, искажающихъ основныя идеи, легшія въ основу его ученія, до самыхъ феноменальныхъ уродливостей. Въ средніе вѣка и до нашихъ дней, какъ мыльные пузыри, поднимающіеся у ребенка въ чашкѣ, наполненной мыльной водою, создавались и создаются все новыя и новыя религіозныя ученія, чтобы лопаться какъ пузыри же, превращаясь въ уродливыя искаженія этихъ ученій, постепенно пропадающихъ въ массѣ народнаго суевѣрія, и чтобы возродиться вновь въ болѣе оригинальной, но и столь же непостоянной формѣ, изъ матеріала, когда-то заготовленнаго въ умѣ массы.

Въ Тибетѣ, въ Китаѣ и Японіи на первый взглядъ существуетъ нѣчто вродѣ церквей, подобіе канонизаціи догматовъ, особенно конфуціанства, но эта устойчивость часто кажущаяся.

Ламаизмъ съ его верховнымъ главою въ Хлассѣ, какъ показали труды Ведделя, представляетъ чуть ли не большее искаженіе буддизма, чѣмъ не носящія даже имени этого послѣдняго индійскія секты. Здѣсь, въ противоположность христіанству, сама церковь, чтобы быть понятою массой, пошла на компромиссъ, включивъ въ свой пантеонъ не только всѣхъ боговъ, но и большую часть культовъ и суевѣрій своихъ прозелитовъ. Но такъ какъ уровень развитія этихъ послѣднихъ былъ слишкомъ низокъ, чтобы понять ученіе Будды, то они и остались вѣрны своимъ прежнимъ пенатамъ, признавъ надъ ними господство Будды, какъ нѣкоего верховнаго существа, подобно тому, какъ подчиненные вассалы, признавая главенство далекаго сюзерена, продолжаютъ болѣе всего бояться власти того, подъ чьимъ непосредственнымъ начальствомъ они находятся.

Личность Будды отождествилась съ Верховнымъ Существомъ, богомъ надъ богами, а за исключеніемъ немногихъ проповѣданныхъ Буддою правилъ по міровоззрѣнію и вѣрѣ, ламаисты являются такими же шаманистами, какими они были до Сакія-Муни, только шаманизмъ этотъ облекся въ болѣе сложныя формулы, получилъ пышный и утонченный ритуалъ.

То же самое было и въ Китаѣ, только здѣсь практическій и реалистическій умъ населенія рѣшилъ вопросъ проще. Въ Китаѣ, а особенно въ Японіи, религія Будды, ученіе Конфуція и древнія вѣрованія отцовъ существуютъ совмѣстно, не мѣшая развитію другъ друга. Зовя на панихиду буддійскаго священника, японецъ одновременно посѣщаетъ свой шинтоискій храмъ и, если представится случай, не откажется прослушать и проповѣдь католическаго священника.

Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы всѣ эти религіи сохранились въ своемъ чистомъ видѣ. И здѣсь буддизмъ является въ видѣ сектъ, сущность ученія которыхъ, искаженная мѣстными вліяніями, представляетъ діаметральную противоположность тому,

что училъ Будда. Примѣромъ того, какъ далеко ушли въ этомъ направленіи хотя бы японцы, можетъ служить сопоставленіе ученій сектъ хоненъ и ничиренъ съ чистымъ буддизмомъ. Если конфуціанство сохранилось въ большей чистотѣ отъ толкованій, то только потому, что это былъ скорѣе Домострой для китайской жизни, а не религіозное ученіе, потому, что послѣдователи Конфуція, если они только не атеисты, слѣпо вѣрятъ и въ чудеса буддизма, и въ догматы таоистовъ, которые, главнымъ образомъ, и ложатся въ основу ихъ міровоззрѣнія.

Итакъ не будетъ парадоксомъ, если мы скажемъ, что у народовъ далекаго востока Азіи тщетно станете вы искать въ чистомъ видѣ тѣ ученія, которыя проповѣдывали имъ ихъ великія религіозныя свѣтила, и съ сутью ученія которыхъ мы знакомимся въ нашихъ курсахъ богословія и религіозной философіи. Тѣ искаженія, въ видѣ которыхъ ученія эти являются въ народныхъ массахъ, далеки отъ того, чтобы дать хотя слабое понятіе объ ихъ основѣ.

Народы, которымъ было проповѣдано слово этихъ мыслителей, были слишкомъ невѣжественны, чтобы оно могло быть воспринято и могло принести свои плоды. Это невѣжество было терніемъ, которое заглушило самую руководящую идею, исказивъ ее до неузнаваемости, и теперь несравненно правильнѣе было бы говорить о религіозномъ пониманіи каждаго отдѣльнаго лица въ частности, чѣмъ о вѣрованіи китайскихъ, японскихъ или индійскихъ буддистовъ, таоистовъ и т. п.

Но міровоззрѣніе невѣжественныхъ массъ, занимающихся земледѣліемъ, каковы интересующіе насъ народы, само есть продуктъ окружающей обстановки и характера ихъ занятій. При общности этихъ послѣднихъ, и міровоззрѣніе болѣе или менѣе одинаково, а одинаковость міровоззрѣнія вліяетъ на то, что и преподанное ученіе перерабатывается, такъ сказать, въ одномъ и томъ же направленіи. Вотъ почему, хотя я беру на себя смѣлость утверждать, что ни ученіе Будды, ни ученіе Лао-Цзы или другихъ вѣроучителей не исповѣдуется современными народными массами Азіи, но все-таки можно говорить о буддизмѣ китайскомъ или индійскомъ, о чертахъ вѣрованій, общихъ всѣмъ индусамъ, японцамъ или парсамъ, такъ сказать, о религіи этихъ народовъ, составляющей то, чѣмъ живутъ эти люди и къ чему болѣе или менѣе искусственно прилѣплено то или другое искаженіе древнихъ религій, принятое, какъ господствующая въ той или другой странѣ церковь. Эта религія есть логическій выводъ простолюдина изъ тѣхъ наблюденій окружающей его природы, о свойствахъ которой, за отсутствіемъ научно поставленныхъ опытовъ и широкаго кругозора для сопоставленій, онъ судитъ по сравненію съ самимъ

собою, со свойствами своего организма. Эти свойства, правда, въ большинствѣ случаевъ для него загадочны и непонятны, но онъ ихъ объясняетъ дѣйствіемъ невидимо присутствующаго и оживляющаго его тѣло духа, вліянію того, что мы называемъ душою.

Какъ душа человѣка заставляетъ его двигаться, говорить, думать, дѣйствовать и чувствовать, такъ, по міровоззрѣнію жителя Востока, всякое непонятное явленіе или вліяніе окружающей природы есть воздѣйствіе такихъ же точно невидимыхъ духовъ природы. Это они заставляютъ дерево шелестить листьями, тигра — дѣлать набѣгъ на его добычу, море — волноваться и губить неопытнаго мореплавателя, пропасть — позволять безнаказанно ходить по ея краю или поглощать неосторожнаго путника, солнце — освѣщать землю, тучу — разражаться громомъ и дождемъ и т. д., и т. д.

Тѣло и духъ, хотя при жизни тѣсно связанные между собою, тѣмъ не менѣе могутъ существовать независимо другъ отъ друга. Сонъ есть наглядный случай, когда душа разстается съ тѣломъ и странствуетъ по разнымъ мѣстамъ, испытывая различныя приключенія, воспоминаніемъ о которыхъ является сновидѣніе. Потому-то сновидѣніямъ всѣ народы полукультурные придаютъ громадное значеніе, но нѣкоторыя племена юго-восточной Азіи даже боятся переносить съ мѣста на мѣсто спящаго человѣка, дабы душа не заблудилась и не покинула тѣла или, что еще хуже, дабы въ тѣло не вселился какой другой духъ и не причинилъ ему зла. На такое вселеніе въ тѣло постороннихъ духовъ сводятся также объясненія большинства болѣзней и помѣшательства, почему и лѣченіе у первобытныхъ народовъ носитъ столь варварскій характеръ, какъ заклинаніе, адская музыка и пріемъ внутрь веществъ противнаго вкуса, долженствующихъ изгнать своимъ непріятнымъ сосѣдствомъ вселившагося духа.

Смерть есть окончательная разлука души съ тѣломъ. Душа отлетаетъ отъ него, и у многихъ народовъ, если человѣкъ умираетъ, въ комнатѣ отворяютъ окна или даже дѣлаютъ отверстіе въ крышѣ для свободнаго отлета души. И душа эта только въ рѣдкихъ случаяхъ летаргіи возвращается вновь въ тѣло. Она не теряетъ, привязанности къ мѣсту, и духъ невидимо витаетъ еще долгое время надъ могилою. Отсюда — стремленіе спрятать тѣло, похоронить его съ почестями, стараться не разгнѣвать покойника, приносить на могилу пищу для духа, особенно въ извѣстные дни и сроки. Связь умершихъ родителей съ живыми дѣтьми не прерывается и послѣ смерти, точно такъ же, какъ не прерывается она между правителемъ и народомъ. Онъ чтится потомствомъ, и его память боготворится тѣмъ болѣе, чѣмъ больше было его вліяніе и значеніе при жизни. Невидимый духъ его чтится на-

равнѣ съ невидимыми духами природы, и часто для болѣе тѣснаго общенія дѣлается изображеніе умершаго — его идолъ, такъ какъ всѣмъ первобытнымъ народамъ присуща вѣра въ то, что это изображеніе какъ бы притягиваетъ къ себѣ духа, онъ можетъ влiять на него, и обратно, черезъ изображеніе можно влiять на духа; вотъ почему, между прочимъ, многіе народы такъ неохотно позволяютъ себя фотографировать незнакомцамъ. Фетиши дѣлаются и силамъ природы. Но такъ какъ эти послѣднія, т. е. ихъ духи, часто проявляютъ дѣйствія, отличныя отъ человѣческихъ, то и обликъ ихъ фетишей долженъ быть иной. Отсюда безобразная и неестественная форма большинства истукановъ.

Вотъ народныя вѣрованія первобытной азіатской массы, на фонѣ которыхъ развивались ихъ религіи. Въ Японіи, въ лицѣ такъ называемаго шинтоизма, доселѣ еще играющаго роль государственной религіи страны, мы видимъ эту религію въ чистомъ видѣ. Первый шагъ эволюціи религіи и міровоззрѣнія дикаря Азіи это — религіи гиляка или айна. Здѣсь силы природы: солнце, луна, бури, волненія, горы и долины — суть проявленія или мѣста жительства невидимыхъ духовъ. Эти духи обладаютъ слабостями и вообще свойствами людей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сверхъестественными силами. Имъ нѣтъ истукановъ, и если бъ не вліяніе буддизма и заимствованнаго отъ него ритуала, то не было даже и культа, какъ нѣтъ его у гиляка и айна. Есть только благоговѣйное поклоненіе богу, будь оно подъ открытымъ небомъ, какъ это производится пилигримами богу солнца на вершинѣ Фузи-Яма, при его восходѣ, или передъ маленькой закрытой деревянной часовенькой, выстроенной въ лѣсу или на горѣ, среди красотъ природы. Молитва такому богу есть чистосердечная просьба объ исполненіи желанія. Жертва — какой-нибудь кротъ или щепотка табаку — представляетъ обмѣнъ дара, приносимаго отъ души бѣднякомъ за подачку богатаго и всесильнаго духа.

Здѣсь нѣтъ нравственнаго кодекса. Онъ лежитъ въ человѣкѣ. Человѣкъ рождается безпорочнымъ. Всѣ нечистыя теченія, всѣ злыя дѣянія создаются со временемъ. Они дѣлаются противъ голоса совѣсти, которая есть единственный руководитель человѣка. Слушая ее, онъ останется чистъ какъ ребенокъ, и этимъ исполнитъ свое назначеніе. Суть религіи составляютъ легенды, преданія и хвалебные гимны богамъ. Число послѣднихъ громадно, такъ какъ къ нимъ принадлежатъ не только обоготворенныя силы природы и духи-покровители разныхъ мѣстностей, но и души умершихъ героевъ. Эти-то боги и становятся мѣстными патронами и о нихъ-то создаются главныя легенды, исполненныя чудесныхъ и нравоучительныхъ похожденій, составляющія примѣръ для потомства и

предметъ удивленія взрослыхъ. Наконецъ, микадо, прямой потомокъ боговъ, есть какъ бы земной богъ, которому еще недавно воздавались почти божескія почести. Вѣрность микадо есть вѣрность богу, и отсюда шинтоизмъ — государственная религія Японіи, а зеркало, эмблема богини Аматеразу, завѣщанная ею своему внуку первому микадо, — святыня, изображеніе которой вы найдете въ каждомъ храмѣ. Если теперь читатель сравнитъ суть религіи древнихъ Ведъ съ тѣмъ, что сказано о религіи японцевъ, то онъ убѣдится, что вѣрованія древнихъ арійцевъ мало отличались отъ только что описанныхъ. Но, спустившись въ жаркую Индію, они достигли, такъ сказать, большей ширины и полноты міровоззрѣнія.

Наблюденіе окружающей природы, доступное каждому, показываетъ, что въ ней бренны однѣ только формы матеріи, создающая же и одухотворяющая ихъ сила вѣчна. Срубленная пальма гибнетъ; но на мѣсто ея гдѣ-нибудь вырастаетъ другая такая же. Мы убиваемъ тигра, данный индивидъ пропадаетъ, но вмѣсто него являются другіе тигры. И въ томъ, и въ этомъ случаѣ исчезаютъ виды, но родъ сохраняется. Духъ умершей пальмы или умершаго тигра не пропадаетъ: онъ вселяется въ слѣдующаго новаго. И нѣтъ надобности, чтобы онъ вселился именно въ тигра. Мы видимъ животныхъ, нравами, обликомъ, тою или другою чертой характера похожихъ на человѣка, и, наоборотъ, — людей, въ физіономіи которыхъ есть что-то лошадиное, собачье, свиное. Одни питаютъ глубокое отвращеніе къ жукамъ, тогда какъ другіе берутъ ихъ руками. Одни безгранично боятся гусеницъ, другіе змѣй, третьи мышей, четвертые боятся плавать по водѣ.

Для полукультурнаго сына природы, это — несомнѣнныя доказательства прежняго воплощенія, прежней жизни, впечатлѣніе которой передается въ послѣдующую. Отсюда — общее всей южной и восточной Азіи вѣрованіе въ переселеніе душъ. Только временно пребываетъ душа въ видѣ безплотнаго существа, она вновь и вновь возвращается на землю, пробѣгая безконечный циклъ формъ и воплощеній.

Эти формы и ихъ дѣйствія — лишь иллюзія, злая потѣха Мара, какъ говорятъ индусы, но увлеченіе ими имѣетъ роковой характеръ: оно привязываетъ къ жизни, производитъ болѣзнь, смерть или лишеніе любимаго, дорогого, является источникомъ страданій и вмѣстѣ съ тѣмъ причиною къ возвращенію вновь и вновь къ жизни въ различныхъ населяющихъ землю формахъ.

Справедливость удовлетворяется лишь отчасти воплощеніемъ существъ совершенныхъ въ тѣла счастливыхъ и высокоорганизованныхъ существъ, тогда какъ люди грѣшные принуждены воплощаться въ видѣ тварей презрѣнныхъ. Но страдаютъ и не лишены поро-

ковъ всѣ, даже сами боги, составляющіе, такъ сказать, высшую инстанцію для воплощенія духовъ. Эти боги остаются тѣми же силами природы, и безъ общенія съ ними земледѣлецъ не можетъ обойтись, такъ какъ жизнь его и богатство зависятъ отъ такихъ только случайныхъ и необъяснимыхъ для него причинъ, какъ несвоевременно выпавшій дождь, поразившая складъ хлѣба молнія и т. п. Поэтому онъ долженъ постоянно трепетать передъ богами, которые завѣдуютъ стихіями, и молиться имъ. Но, въ религіи индусовъ, какъ и въ религіи китайцевъ, изъ всѣхъ этихъ dii minores et majores, два главныхъ фактора земледѣльческой жизни: небо съ его живительною силой, солнцемъ и свѣтомъ и земля съ ея производительною рождающею силой стоятъ на первомъ мѣстѣ. Въ естественной религіи народовъ востока Азіи они остаются и оставались главными и высшими благами. Для Индіи, въ эпоху браманизма, мы опять видимъ господство культовъ солнца и огня — Агни, Варуны — неба, а позже Вишну, существа, поддерживающаго и обновляющаго жизнь. По вмѣсто земли главнымъ богомъ здѣсь является время; это сила, болѣе отвлеченная, въ вѣдѣніи которой находится рожденіе и смерть, гибель и созиданіе, сила страшная, непостижимая и неумолимая. Въ этой отвлеченной формѣ олицетвореніе его, богъ Сива, былъ доступенъ лишь философски развитымъ умамъ — но его проявленіе: созидающія, рождающія силы земли и сила смерти, страшная и неумолимая, были главными предметами почитанія, какъ образованныхъ браминовъ, такъ и темной чернокожей массы полудикихъ, принявшихъ индуизмъ народовъ Индостана. Изображеніе мужского полового органа, т. наз. *линга*, вы найдете во всякомъ Сиваитскомъ храмѣ; ему воздаются почести, какъ эмблемѣ этой созидающей силы Сивы, и эти фаллическія изображенія были свойственны не однимъ индійскимъ культамъ. Еще недавно сотнями возвышались они въ храмахъ Японіи, пока правительство не нашло нужнымъ ихъ убрать, какъ оскорбляющихъ чувство цѣломудрія. Точно такъ же культъ кровожадной богини смерти и разрушенія — Кали, несмотря на вѣру въ переселеніе душъ и проповѣдь Будды, направленную противъ кровавыхъ жертвъ, до сихъ поръ господствуетъ въ Индіи, и ежегодно десятки тысячъ животныхъ, а еще недавно и человѣческія существа, приносились ей въ жертву.

Какъ эти два главныхъ бога Индіи, такъ и воплощеніе Вишну — Кришна, или еще пользующіеся почетомъ боги рѣкъ, дождя и горъ, соотвѣтственно разному уровню развитія, а потому и подчиненію силамъ природы, въ Индіи носятъ еще фантастическій характеръ. Въ Китаѣ, гдѣ народъ жилъ давно уже скученно, гдѣ, за исключеніемъ засухъ и наводненій, ему меньше приходилось имѣть дѣло

съ грозными явленіями природы, боги приняли уже совершенно человѣкоподобный характеръ. Міръ живущихъ и міръ мертвыхъ составляютъ какъ бы одно государство, при чемъ души временно переселяются изъ одного существа въ другое. Культъ предковъ, высоко развитый въ Китаѣ, сдѣлалъ то, что души ихъ въ пантеонѣ получили первенствующее передъ стихіями вліяніе, и начальниками надъ стихіями въ большинствѣ случаевъ являются души давно умершихъ героевъ.

Если Китай самъ по себѣ есть царство чиновниковъ, то и загробный міръ есть такъ же точно бюрократическое царство съ судьями, губернаторами, наградами, производствами въ слѣдующій чинъ и т. д.

Въ загробномъ мірѣ души дѣлаются такими же чиновниками какъ и въ этомъ, — ихъ можно такъ же подкупить, какъ подкупны мандарины, и за дурную службу ихъ ссылаютъ или, вѣрнѣе, вселяютъ въ тѣла людей и животныхъ, въ шкурѣ которыхъ въ этой жизни согрѣшающій не пожелалъ бы быть. Нѣтъ религіи, въ которой представленія о загробномъ мірѣ боговъ были бы такъ прозаичны, какъ у этого самаго прозаичнаго изъ народовъ, боги котораго лучшею изъ жертвъ считаютъ деньги, которыя въ видѣ бумажекъ ежедневно милліонами приносятся имъ въ жертву.

За добрыя и злыя дѣла человѣкъ, по китайскому міровоззрѣнію получаетъ возмездіе уже въ этомъ мірѣ; вѣдающій его формуляромъ чиновникъ только подводитъ итоги этимъ дѣламъ, а одинъ изъ судей опредѣляетъ его мѣсто. Онъ продолжаетъ сноситься со своею семьей, и если его духъ не получаетъ отъ нея надлежащаго ухода, то можетъ наказывать ее черезъ посредство духовъ высшей инстанціи. По послѣднихъ смертные могутъ умилостивить дарами приносимыми въ храмы, имъ воздвигнутые; такъ и подкупаютъ ихъ чиновники, если на нихъ жалуются старшіе въ родѣ. Связь между міромъ живыхъ и мертвыхъ такъ велика, что боги загробнаго міра до извѣстной степени подвѣдомственны наивысшему чиновнику изъ міра живущихъ — китайскому императору. Отъ него зависитъ возвысить чиномъ того или другого бога и дать для него культъ болѣе или менѣе почетный, чѣмъ при его предшественникѣ. Далѣе этого по пути матеріализаціи духовъ идти нельзя, и мы дѣйствительно видимъ, что образованные классы Китая заражены невѣріемъ, хотя было бы ошибочно думать, что процентъ настоящихъ матеріалистовъ великъ въ средѣ китайской бюрократіи. Большая часть чиновниковъ, не исключая и извѣстнаго всему міру Ли-хунчанга, способны придавать значеніе самымъ невѣроятнымъ съ нашей точки зрѣнія суевѣріямъ.

Такова была и есть та почва, на которую сѣялись слова великихъ вѣроучителей Азіи.

Какъ ни высоко и ни возвышенно было ихъ ученіе, оно лицомъ къ лицу становилось съ этимъ міровоззрѣніемъ массъ и тѣми логическими выводами, которые изъ него вытекали: зависимостью человѣка отъ духовъ загробнаго міра, вліяніемъ ихъ на его судьбу, необходимостью обращаться къ нимъ за помощью лично или черезъ посредство жрецовъ, сверхъестественною силой этихъ послѣднихъ.

Напрасно Конфуцій отказывался говорить о загробномъ мірѣ, Будда училъ о бренности земного счастья и высшемъ благѣ небытія, Лао Цзы о счастьѣ, любви къ ближнему и кротости,—всѣ эти ученія пріурочивались къ основному міровоззрѣнію массы и понимались ею постольку, поскольку они ему не противорѣчили. Что жъ удивительнаго, что изъ всей книги Тао-те-кингъ масса обратила вниманіе лишь на нѣсколько темныхъ мѣстъ, которыя она истолковала въ смыслѣ возможности безсмертія на землѣ, добыванія философскаго камня и т. п., создавъ изъ таоистическаго священника чернокнижника, составителя гороскоповъ и полный аналогъ западнаго средневѣкового алхимика на Востокѣ. Изъ ученія Будды о Нирванѣ получилось ученіе о переселеніи душъ за грѣхи въ адъ и за добрыя дѣла въ рай, гдѣ царитъ Амитабга-Будда и гдѣ блаженство праведника расписано такими красками, послѣ которыхъ блѣднымъ покажется даже рай Магомета. Ученіе объ отреченіи отъ всего земного и отъ жизни создало въ Тибетѣ громадные монастыри, гдѣ ничего не дѣлающіе монахи пожираютъ добрую половину доходовъ мірянъ или, какъ въ Китаѣ, предаются всѣмъ формамъ скрытаго разврата.

Я не буду перечислять здѣсь всѣхъ другихъ формъ искаженія религіозныхъ ученій, излагаемыхъ въ этой книгѣ. Онѣ, какъ увидитъ самъ читатель, настолько значительны, что, въ большинствѣ случаевъ, отъ самаго ученія остается только тѣнь или даже нѣчто совершенно противоположное, какъ напр. въ религіи сиковъ, съ особенною силой ратовавшей противъ идолопоклонства и приведшей къ поклоненію и воздаянію божескихъ почестей той книгѣ, гдѣ говорится противъ идолопоклонства, или, какъ въ религіи джайновъ,— статуямъ проповѣдниковъ.

Поэтому невольно приходится задать вопросъ, что же сдѣлали для человѣчества эти великія свѣтила мысли и чувства, имена которыхъ чтутъ тысячи ихъ послѣдователей, если слова ихъ истолкованы по-своему, основныя идеи искажены до неузнаваемости? Стало ли человѣчество дѣйствительно добрѣе, гуманнѣе, лучше подъ вліяніемъ ихъ проповѣди? И, кажется, что и къ ихъ ученіямъ съ одинаковою справедливостью можно будетъ примѣнить слова, что много было званныхъ, но мало избранныхъ.

Правда, мы, сыны христіанскаго Запада, когда попадаемъ на

буддійскій Востокъ, мы впервые, въ особенности, бываемъ поражены мягкостью манеръ и если не человѣколюбіемъ, то во всякомъ случаѣ скотолюбіемъ азіатца.

Но всмотритесь внимательнѣе — и вы увидите, что эта вѣжливость обращенія есть слѣдствіе древней культуры, съ давнихъ поръ установившей внѣшнія правила общежитія, устраняющія непріятнаго свойства тернія между людьми. Подъ нимъ уже скрываются все тѣ же жестокость и безсердечіе. Снимите внѣшнюю маску — и вы подъ нею увидите звѣря-человѣка, ни чуть не лучшаго, чѣмъ всѣ другіе. Отвращеніе къ мясу вызвано скорѣе его дороговизною, невозможностью имѣть его подъ рукою или даже просто непривычкою, выработавшеюся при хозяйствѣ, основанномъ на растеніеводствѣ безъ помощи животнаго. Японцы не употребляютъ даже и молока или коровьяго масла, между тѣмъ какъ этого рода продукты не принуждаютъ ихъ къ убійству. Между тѣмъ, среди китайцевъ вы зачастую находите страстныхъ охотниковъ, а въ обращеніи съ животными народы Востока далеко не всегда такъ мягки и деликатны, какъ то принято думать. Сыновнее почтеніе у китайцевъ и ихъ уваженіе къ старшимъ, извѣстное всему міру, приписывается вліянію Конфуція. Но не нужно забывать, что оно ложится въ основу всего китайскаго міровоззрѣнія. Если духъ предка нуждается въ уходѣ потомка, надо сдѣлать такъ, чтобы потомокъ этотъ чтилъ предка, чтобы отецъ не оставался бездѣтнымъ и по смерти пользовался бы затѣмъ культомъ. Потому имѣть дѣтей — это conditio sine qua non жизни китайца. Если онъ не въ силахъ ихъ произвести, онъ беретъ пріемныхъ и воспитываетъ, внушая сыновнія обязанности. Философія или, если хотите, религія Конфуція была лишь систематизаціей этихъ народныхъ правилъ; она сыграла ту же самую роль, что Домострой Сильвестра для жизни до-петровской Руси, и онъ былъ такимъ же выразителемъ народнаго духа китайцевъ, какимъ является Бисмаркъ для нѣмцевъ.

Такимъ же образомъ можно разбить и другія стороны кажущагося вліянія религіозныхъ ученій Востока на его жителей. Если вліяніе этихъ религій гдѣ и выразилось, то только во внѣшнемъ культѣ. Храмы съ тѣмъ или другимъ характеромъ богослуженія играютъ видную роль, производя сильное впечатлѣніе на пріѣзжаго. Гдѣ господствуетъ буддизмъ, вездѣ вы встрѣтитесь съ громадными изображеніями вѣроучителя. Повидимому, стопа Будды на вершинѣ Адамова пика на Цейлонѣ дала идею изображать великаго учителя статуями, размѣры которыхъ были бы пропорціональны величинѣ стопы. Отсюда исполинской величины истуканы Будды, лежащіе и сидящіе, разбросаны въ пещерныхъ храмахъ Цейлона. А такъ какъ стремленіе изображать великихъ людей громадными

статуями свойственно человѣчеству и мы его встрѣчали еще у древнихъ египтянъ, то что жъ удивительнаго, что исполинскія деревянныя и бронзовыя статуи Будды мы встрѣчаемъ и въ Китаѣ, и, въ особенности, въ Японіи, гдѣ эти Дай Будсу представляютъ одну изъ главныхъ достопримѣчательностей Кама-кура и Нара. Буддизмъ создалъ монастыри и культъ реликвій. Такъ называемыя ступы или громадныя колоколовидныя постройки всюду возвышаются близъ буддійскихъ храмовъ и монастырей Индіи, и если бы сосчитать всѣ зубы, ногти, кости и другіе останки Сакія-Муни, надъ которыми онѣ воздвигнуты, то, сложивъ ихъ вмѣстѣ, мы составили бы существо, обликомъ мало похожее на человѣка. Эти ступы являются характерными памятниками также и для погибшихъ древнихъ городовъ Индіи, въ родѣ Анурадгапура на Цейлонѣ. Ни одна религія въ мірѣ не группировала въ своихъ храмахъ такой массы идоловъ, какъ буддійская. Буддійскіе храмы — это своего рода музеи, въ которыхъ пытливый изслѣдователь найдетъ истукановъ древнихъ и новыхъ боговъ, донынѣ имѣющихъ поклонниковъ и уже вышедшихъ изъ моды.

Буддійское духовенство, въ гораздо даже большей степени, чѣмъ духовенство католическое, ищетъ всего, что дѣйствуетъ на воображеніе прихожанъ, что позволяетъ импонировать.

Среди полудикой массы тибетскаго населенія оно ввело мистеріи и діавольскіе танцы, изображающіе судъ надъ душею грѣшника въ аду и мщеніе ей. Тамъ же оно создало сложный ритуалъ пѣснопѣній и богослуженій, многія черты которыхъ носятъ несомнѣнный характеръ заимствованій изъ христіанства. Такимъ же заимствованіемъ, по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени, можно считать и культъ Кваннонъ, или богини милосердія, — личности, не стоящей, повидимому, ни въ какой прямой связи съ буддизмомъ, но идолъ которой, нерѣдко изображаемый въ видѣ женщины съ младенцемъ на рукахъ, вы найдете въ каждомъ буддійскомъ храмѣ, гдѣ онъ для поклонниковъ играетъ почти ту же роль, что Мадонна для христіанъ Запада. Къ ней возносятся молитвы объ исцѣленіи недуговъ, ее увѣшиваютъ изображеніями исцѣленныхъ органовъ, къ ней обращаются въ минуты скорбей и печалей, и, какъ на Западѣ, въ Японіи, напр., имѣются десятки храмовъ, разбросанныхъ въ различныхъ мѣстностяхъ, гдѣ статуи Кваннонъ носятъ различныя названія; съ идолами ея связаны различныя легенды, и благочестивые пилигримы долгомъ своимъ считаютъ обойти всѣ эти храмы, помолившись каждой статуѣ въ отдѣльности. Въ храмахъ ламайскихъ вы услышите ектеньи, литіи; у японскихъ буддистовъ выходятъ жрецы въ ораряхъ и шитыхъ золотомъ ризахъ, благословляя плоды, хлѣбъ и рыбу, расположенные передъ алтаремъ; зажигаются

восковыя свѣчи, курится ѳиміамъ въ курильницѣ, а къ небу возносится дымъ отъ курительныхъ свѣчей.

Подраздѣленія буддійскаго духовенства напоминаютъ католическія. Тутъ есть священники, діаконы, дьячки и пѣвчіе, настоятели монастырей и главы духовенства. Они носятъ особыя желтыя или красныя рясы, покрываютъ бритую голову особыми шапочками и, какъ католическіе ксендзы, безбрачны. Какъ у католиковъ, богослуженіе здѣсь производится на непонятномъ для массъ тибетскомъ языкѣ,—санскритѣ или пали,—обыкновенно настолько исковерканномъ, что онъ непонятенъ и для самихъ совершающихъ требу, и сводится на бормотанье не имѣющихъ смысла заклинаній, при которыхъ народная толпа присутствуетъ, какъ при интересномъ представленіи, не принимая активнаго участія.

Ея роль—слѣдовать за процессіями, присутствовать при храмовыхъ праздникахъ и покупать путемъ мѣновой торговли съ богами то, чего ей не могутъ дать смертные: тайну будущаго, прощеніе тяготѣющихъ надъ душою грѣховъ и исцѣленіе отъ недуговъ, которые врачи отказываются лѣчить. Пилигримъ, благоговѣйно простершись предъ идоломъ, бросаетъ въ стоящую передъ нимъ копилку нѣсколько мѣдныхъ монетъ и возжигаетъ курительныя свѣчи, затѣмъ, если рѣчь идетъ объ узнаніи будущаго, объ удачѣ или неудачѣ предпріятія, онъ беретъ съ алтаря колчанъ со стрѣлами и, съ молитвою потрясая имъ предъ идоломъ, вынимаетъ одну изъ нихъ. Для того, чтобы провѣрить, правильно ли выпалъ жребій, онъ бросаетъ разрѣзанный надвое кривой кусокъ бамбуковаго ростка и, если обѣ половинки упадутъ на выпуклыя стороны, жребій выпалъ вѣрно. Соотвѣтственно №№ стрѣлъ жрецъ вынимаетъ предсказаніе, написанное темнымъ слогомъ Дельфійской Пиѳіи, и любопытство пилигрима удовлетворено.

Для успокоенія совѣсти предлагаются не болѣе сложныя мѣры. Въ буддійскихъ храмахъ Китая вы можете купить у тамошнихъ бонзъ родъ кредитокъ, по ихъ увѣренію, вращающихся въ царствіи небесномъ; захвативъ ихъ въ гробъ, вы можете смѣло разсчитывать на свободный пропускъ у стражей рая. Постоянная мысль объ Амитабга-Буддѣ и тысячекратное повтореніе его имени совершенно достаточно для того, чтобы въ слѣдующемъ возрожденіи воплотиться въ его царствѣ, т. е. въ буддійскомъ раю, и этимъ путемъ достигнуть Нирваны. Посѣщая храмы Японіи, туристъ бываетъ пораженъ, видя, что металлическія рѣшетки, отдѣляющія многихъ идоловъ отъ публики, бываютъ сплошь заплеваны катышками жеваной бумаги въ родѣ тѣхъ, какими гимназисты младшихъ классовъ часто портятъ потолки своихъ залъ. Это—молитва, пережеванная съ благочестивыми просьбами во рту па-

ломниковъ и ловкимъ плевкомъ пущенная въ бога. Если такія бумажки прилипли къ рѣшеткѣ капища, молящійся смѣло можетъ надѣяться на исполненіе его просьбы. Наконецъ, почти всякій буддійскій бонза болѣе или менѣе докторъ. Пепелъ отъ сожженной бумажки, разболтанный въ водѣ и принятый внутрь, нѣсколько молебновъ, отслуженныхъ во время болѣзни, большинствомъ буддистовъ предпочитается какимъ угодно другимъ медицинскимъ пріемамъ. Такова внѣшняя сторона буддизма, покрывшаго своими капищами Китай, Японію, Тибетъ, Монголію и Индо-Китай. Народный характеръ, условія мѣстной природы и, наконецъ, національный вкусъ народа придали этимъ храмамъ и капищамъ далеко не одинаковый видъ. Буддійскій храмъ на Цейлонѣ не похожъ на таковой же въ Китаѣ или Японіи, и китайскій, въ свою очередь, отличается отъ японскаго; но во всякомъ случаѣ, въ обликѣ туземныхъ городовъ они вездѣ играютъ такую же видную роль, какую духовенство играетъ въ народной жизни. Обрядная внѣшность, выработанная буддистами, плѣнила себѣ сердца народовъ Востока независимо отъ того, послѣдователями какой религіи они ни были бы. Бонзу зовутъ при рожденіи и смерти, это онъ даетъ совѣты въ случаѣ болѣзни, несчастья или жизненнаго затрудненія, это буддійская религіозная процессія и мистерія влечетъ за собою толпы народа, независимо отъ того, будутъ ли эти люди чисто буддистами, послѣдователями Конфуція, Лао Цзы или шинтоистами.

Въ Индіи, на полуостровѣ, гдѣ другія религіи стали на мѣсто буддизма, картина получается совершенно такая же. И здѣсь многочисленные храмы наполнены идолами, носителями таинственной силы тѣхъ божествъ, которыхъ они изображаютъ. И здѣсь эти идолы получаютъ жертвы отъ посѣщающихъ ихъ капища пилигримовъ, въ надеждѣ, что взамѣнъ того просители получатъ тѣ же три недостижимыя блага. И здѣсь, какъ бы ни были высоки догматы той или другой религіи, паломничества къ святому мѣсту, купанье въ священной рѣкѣ, постройки возможно большаго числа часовенъ, крупныя пожертвованія браманамъ — вотъ главное, что нужно для человѣчества, чтобы пріобрѣсти спокойствіе души и совѣсти и будущее блаженство. Истязанія плоти, кровавыя жертвы богамъ, какъ до пришествія Будды, такъ и въ настоящее время, считаются лучшимъ путемъ къ спасенію, вызываютъ наибольшее удивленіе, сочувствіе и уваженіе окружающихъ. Милліоны головъ рогатаго скота ежегодно обагряютъ алтари Кали, и Индія до сихъ поръ кишитъ нищими и факирами. Браманы читаютъ богамъ молитвы на непонятномъ языкѣ, отношеніе же простолюдина къ божеству ограничивается запоминаніемъ безсмысленнаго заклина-

нія, — единственнаго свѣдѣнія религіознаго характера, получаемаго отъ духовника, или гуру. Послѣдователи секты джайновъ боятся проглотить комара и этимъ совершить убійство, но это не мѣшаетъ индусу быть попрежнему и мстительнымъ, и злопамятнымъ, и злорѣчивымъ [1]).

Итакъ, нравственная проповѣдь основателей великихъ религій Востока, дѣйствуя на чувство людей, была подобна фейерверку, который, озаривъ, освѣтивъ точку яркимъ свѣтомъ великихъ и привлекательныхъ истинъ, такъ же скоро и погасъ во мракѣ окружающаго невѣжества. Немногіе, возвышавшіеся до пониманія основныхъ истинъ этихъ ученій послѣдователи проповѣдника дѣйствовали такимъ же образомъ. Толпы послѣдователей, на чувство которыхъ они вліяли, шли за ними. Но въ человѣчествѣ чувство и разумъ постоянно спорятъ другъ съ другомъ, и какъ бы простъ и невѣжественъ ни былъ народъ, къ которому обращена проповѣдь, онъ стремится понять ее по-своему, въ духѣ того развитія и тѣхъ знаній, которыми онъ обладаетъ. И чѣмъ темнѣе и невѣжественнѣе масса, тѣмъ болѣе дико будетъ ея толкованіе. Если ученіе противорѣчитъ практикѣ жизни, житейскому опыту, то оно найдетъ компромиссы, какъ бы плохи они ни были, какъ бы сильно они ни искажали смыслъ ученія. Во внѣшнихъ формахъ и обрядностяхъ, въ легче даваемыхъ жертвахъ, оно задушитъ основное ученіе, ослѣпивъ совѣсть обрядностями, одинаково выгодными и для толпы, и для стоящаго на стражѣ интересовъ церкви духовенства.

Только тогда истина, будь она въ области науки отвлеченной или практической, въ области чувства или разума, будетъ осязательной для всѣхъ, когда она будетъ доказана, когда она будетъ принята умомъ постольку же, поскольку она воспринята сердцемъ. Религія Востока обращается, главнымъ образомъ, къ послѣднему. Никто болѣе Лао Цзы не возставалъ противъ учености и знаній, утверждая, что ученіе нравственности должно быть открыто людямъ простымъ и неученымъ. И зато ни одна религія въ мірѣ не подверглась такому искаженію, не пришла къ такимъ діаметрально противоположнымъ теченіямъ, какъ таоизмъ. Чувство и разумъ должны идти рука объ руку, иначе не выйдетъ ничего добраго. Исторія религіозныхъ ученій Востока иллюстрируетъ это какъ нельзя лучше.

Проф. А. Красновъ.

[1]) Даже послѣдователи Конфуція — китайцы, отрицающіе и буддизмъ и таоизмъ, въ своихъ культахъ являются такими же фетишистами. Ихъ храмы предковъ содержатъ таблички съ именемъ умершихъ, на которыхъ невидимо присутствуютъ души послѣднихъ. Имъ молятся, имъ приносятъ жертвы, съ ними дѣлятся обѣдомъ и у нихъ просятъ совѣта.

ВЕЛИКІЯ РЕЛИГІИ ВОСТОКА.

Часть I.

БЕТТАНИ. — ВЕЛИКІЯ РЕЛИГІИ ИНДІИ.

ГЛАВА I.

Первобытная ведійская религія.

Сходство съ греческой и римской религіями. — Эпоха Риг-Веды, до-письменный періодъ. — Языкъ Риг-Веды. — Религіозная основа. — Древнѣйшіе гимны. — Поклоненіе олицетвореннымъ силамъ природы. — Діаусъ и Притгиви (небо и земля). — Начало міра. — Митра и Варуна. — Индра, богъ яснаго голубого неба. — Маруты или боги грозы. — Боги солнца Сурія и Савитаръ. — Пушанъ. — Сома, индійскій Діонисій-Вакхъ. — Ушасъ, богиня зари. — Агни, богъ огня. — Тваштаръ. — Ашвины. — Браманаспати. — Вишну. — Яма и будущая жизнь. — Небесная награда за добродѣтель. — Будущее наказаніе. — Переходъ къ монотеизму и пантеизму. — Вишвакарманъ. — Отсутствіе позднѣйшихъ индусскихъ предписаній. — Бытъ древнихъ индусовъ. — Нравы. — Другія Веды. — Браманы. — Человѣческія жертвоприношенія. — Животныя жертвоприношенія. — Преданіе о потопѣ. — Безсмертіе. — Понятіе о движеніи солнца. — Происхожденіе кастъ. — Увѣренія брамановъ. — Содержаніе Браманъ. — Домашнія жертвоприношенія. — Очищеніе. — Постъ. — Установленіе жертвеннаго огня. — Упанишады. — Слогъ Омъ. — Происхожденіе міра изъ эѳира. — Атманъ. — Шветашватара. — Переселеніе душъ. — Цѣль Упанишадъ.

Какова бы ни была исторія составителей Ведъ, арійцевъ, до ихъ переселенія въ Индію, но несомнѣнно то, что, живя въ Индіи, задолго до появленія буддизма (которое относится къ VI в. до Р. Х.), они придерживались религіозныхъ воззрѣній и понятій, представляющихъ удивительное сходство съ первобытными вѣрованіями грековъ. Это показываетъ, если не доказываетъ, что европейскіе и индусскіе арійцы имѣли общее происхожденіе. Названіе индусскаго божества „дева“ или „сіяющій“ легко можно узнать въ латинскомъ *deus*; санскритское „діаушпитаръ“ (небо — отецъ) — въ римскомъ „Юпитеръ“ и Діеспитеръ; санскритское Варуна (всеобъемлющее небо) — въ греческомъ „Уранъ“. Какъ это ни странно съ перваго взгляда, но, на основаніи цѣлаго ряда подобныхъ словъ, нельзя не прійти къ заключенію, что браманская и греко-римская религіи произошли изъ общаго источника. Въ данномъ случаѣ не особенно важно, которая изъ нихъ древнѣе по происхожденію. Мы знаемъ, что индусскія священныя книги, Веды — по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ — принадлежатъ къ древнѣйшимъ литературнымъ памятникамъ и развертываютъ передъ нами одни изъ самыхъ раннихъ человѣческихъ воззрѣній, закрѣпленныхъ путемъ письменности.

Большинство мнѣній сходится на томъ, что Риг-Веда создана между 1200 и 800 гг. до Р. Х. Она состоитъ изъ десяти книгъ, въ которыхъ содержится 1017 гимновъ; въ каждой изъ первыхъ восьми книгъ сначала идутъ гимны къ Агни, затѣмъ — къ Индрѣ и, наконецъ, къ другимъ богамъ. Повидимому, Риг-Веда составлена не меньше, чѣмъ двумя поколѣніями авторовъ, такъ какъ послѣднія книги носятъ подражательный характеръ. Есть также вѣроятіе, что нѣкоторые гимны существовали ранѣе 1200 г. до Р. Х.

Не только въ этомъ сборникѣ, но даже въ другихъ, болѣе позднихъ памятникахъ, нѣтъ никакихъ указаній на письменность. Отсюда можно заключить, что Риг-Веда предшествовала Моисееву Исходу, гдѣ ясно говорится о „книгахъ" и о письменности, и лишь богатая народная память могла сохранить это удивительное собраніе гимновъ. Какъ извѣстно, браманы и теперь посвящаютъ много лѣтъ на медленное, методическое заучиваніе и повтореніе своей священной литературы, и, судя по всему, этотъ обычай установился еще въ ту пору, когда не существовало другого способа для сохраненія Ведъ. Въ литературныхъ памятникахъ, относящихся къ болѣе поздней эпохѣ, чѣмъ Риг-Веда, встрѣчается подробное расписаніе жизни брамана, но нигдѣ не упоминается о томъ, чтобы онъ учился писать; только въ законахъ Ману впервые говорится объ этомъ.

Самый языкъ Риг-Веды свидѣтельствуетъ о древности ея происхожденія. Слова такъ трудно поддаются объясненію, что вызываютъ рядъ толкованій. Когда значеніе отдѣльныхъ словъ установлено, то еще нерѣдко возникаютъ разногласія въ пониманіи ихъ сочетаній и внутренняго смысла. Въ гимнахъ понятія совершенно ребяческія или, на нашъ взглядъ, несообразныя, перемѣшиваются съ выраженіями возвышенныхъ чувствъ, и многословіе смѣняется краткими, убѣдительными афоризмами. Этимъ исключается всякое предположеніе о томъ, чтобы отдѣльные значительные отрывки могли быть составлены однимъ лицомъ. Дѣйствительно, въ древней индусской литературѣ авторство понималось не въ такомъ смыслѣ, какъ теперь. Слово „Веда" (премудрость) ясно указываетъ на то божественное знаніе, которое, по представленіямъ индусовъ, исходило, какъ дыханіе, отъ Предвѣчнаго Существа и вдохновляло мудрецовъ, такъ называемыхъ *риши*; по этой причинѣ Веды и до сихъ поръ считаются непогрѣшимыми.

Обычная форма Ведъ — простая и не особенно плавная лирическая поэзія. Содержаніе ихъ почти исключительно религіозное; это въ значительной мѣрѣ обусловливается характеромъ индусовъ. Проф. *Whitney* говоритъ: „Ни одинъ великій народъ не отличался такимъ строго-религіознымъ направленіемъ въ своемъ раз-

витіи; ни одинъ изъ нихъ не строилъ такъ безусловно всей своей общественной и политической жизни на религіозной основѣ; ни одинъ изъ нихъ не предавался такому глубокому и исключительному размышленію о сверхъестественныхъ явленіяхъ; ни одинъ изъ нихъ не поднимался такъ высоко въ сферы умозрительной религіи и въ то же время не погружался такъ глубоко въ низменныя суевѣрія — двѣ крайности, къ которымъ естественно приводитъ подобная тенденція".

Хотя первые ведійскіе гимны созданы въ весьма отдаленную эпоху, тѣмъ не менѣе имъ долженъ былъ предшествовать продолжительный періодъ цивилизаціи, такъ какъ языкъ ихъ достаточно выработанъ и сложенъ. Существуетъ уже не только опредѣленное представленіе о богахъ, но даже указано число ихъ — тридцать-три; всѣ они изображены великими и старыми, и вѣрующій взываетъ къ нимъ, чтобы они не уклонили его отъ пути его отцовъ. Каждый богъ, котораго прославляетъ тотъ или другой гимнъ, считается самымъ важнымъ и вполнѣ независимымъ, пока о немъ идетъ рѣчь. *Max Müller* говоритъ по этому поводу: „Во мнѣніи вѣрующаго всѣ боги равны, и въ данную минуту любой изъ нихъ считается истиннымъ и величайшимъ, тогда какъ мы, европейцы, думали бы, что многочисленность боговъ должна отражаться на поклоненіи каждому изъ нихъ въ отдѣльности".

Древній ведійскій индусъ покланялся олицетвореннымъ силамъ природы и вѣрилъ, что на нихъ могутъ повліять его славословія, молитвы и поступки. Свойства отдѣльныхъ боговъ мало разграничены. Всѣхъ ихъ называютъ безсмертными, однако, часто смотрятъ на нихъ не какъ на предвѣчныя, несотворенныя существа, а какъ на порожденія неба и земли; однако, въ этомъ пунктѣ существуетъ разногласіе. Надо думать, что предки тоже возводятся въ божеское достоинство, такъ какъ про нѣкоторыхъ боговъ говорится, что они удостоены безсмертія за свои подвиги и добродѣтели или же получили его въ даръ отъ Агни; подразумѣвается даже, что одни боги являются преемниками другихъ, существовавшихъ раньше. Есть, напримѣръ, слѣдующее обращеніе къ Индрѣ: „Кто сдѣлалъ мать твою вдовою? Кто изъ боговъ присутствовалъ при борьбѣ, когда ты умертвилъ своего отца, схвативъ его за ногу?" По временамъ боги воюютъ между собою. Власть и преимущества ихъ выражаются въ томъ, что изъ числа смертныхъ, которые, безъ сомнѣнія, не могутъ измѣнять ихъ повелѣній, они награждаютъ своихъ ревностныхъ поклонниковъ и наказываютъ нерадивыхъ.

Небо и земля, какъ родоначальники боговъ, олицетворены въ образахъ Діауса и Притгиви. Гимны, обращенные къ нимъ, гласятъ: „На празднествѣ я приношу дары и прославляю Небо и Землю,

покровителей добра, великихъ, мудрыхъ, дѣятельныхъ, прародителей боговъ, которые вмѣстѣ съ богами расточаютъ благословенія за наши гимны. Я покланяюсь мысли благодѣтельнаго Отца и могучей силѣ Матери. Плодовитые родители сотворили все существующее и своими милостями доставили широкое безсмертіе своему потомству"... Вотъ какъ совпадали понятія древнихъ индусовъ о Матери-Землѣ и Отцѣ-Небѣ съ воззрѣніями грековъ и римлянъ! Во многихъ мѣстахъ, однако, говорится, что боги также были созданы, преимущественно, Индрою, который сотворилъ ихъ изъ собственнаго тѣла и которому они воздаютъ почести.

Какой же взглядъ существовалъ на начало міра? Въ одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ ведійскихъ гимновъ говорится:

Бытье и небытье тогда не были,
И не было ни воздуха, ни неба.
Но что вращалось? Гдѣ? Подъ чьимъ покровомъ?
Была ли водъ зіяющая бездна?

—

И не было ни смерти, ни безсмертья,
Межъ днемъ и ночью не было различья.
Само безъ вѣтра То одно дышало,
И не было тогда бытья иного.

—

Въ началѣ тьма была покрыта тьмою,
Весь этотъ міръ былъ мрачною пучиной.
Но — бездною прикрытое начало,—
Оно одно тепла родилось силой.

—

То искони любви начало было,
Исконное то было сѣмя Духа,
И связь бытья съ небытіемъ открыли
Поэты въ сердцѣ, разумомъ взыскуя.

—

И поперекъ протянутъ лучъ ихъ мысли,
Внизу и наверху сіяетъ лучъ тотъ...
Они творцы, они велики были,
Внизу ихъ воля, наверху ихъ сила.

—

Кто жъ это знаетъ, кто здѣсь это скажетъ,
Откуда вышло это мірозданье?
Съ нимъ заодно и боги появились.
Но кто же знаетъ, какъ оно возникло?

—

Откуда вышло это мірозданье?
Была ли создана иль нѣтъ природа?
Ея блюститель на небѣ то знаетъ, —
Иль, можетъ-быть, и онъ того не знаетъ!..

(Пер. проф. Овсянико-Куликовскій).

Итакъ, человѣкъ ведійскаго періода разрѣшалъ вопросъ о происхожденіи міра почти тѣмъ же путемъ, какъ самые развитые люди позднѣйшей эпохи, и приходилъ къ такому же неопредѣленному конечному выводу.

Оставляя въ сторонѣ Адити, трудно объяснимое олицетвореніе общей Природы или Существованія, мать боговъ (Адитій), способную освобождать людей отъ грѣха, мы переходимъ къ характеристикѣ ея сыновей Митры и Варуны, которые часто слиты въ одно понятіе и могутъ быть истолкованы, какъ день и ночь. Варуна иногда изображается видимымъ. Про оба эти божества говорится, что они летаютъ въ колесницѣ, запряженной конями, что они поднимаются въ высочайшія воздушныя сферы и видятъ все, что дѣлается на небѣ и на землѣ. Солнце иногда называютъ окомъ Митры и Варуны, а обоихъ ихъ, вмѣстѣ и порознь, величаютъ царями вселенной. У Варуны такіе же атрибуты, какъ у греческаго Урана. По его велѣнію засвѣтило солнце, подулъ вѣтеръ, открылись русла и по нимъ потекли рѣки, изливая свои воды въ океанъ, который никогда не переполняется. Ему извѣстенъ полетъ птицъ небесныхъ, путь морскихъ кораблей, теченіе дальняго вѣтра; онъ слѣдитъ за всѣми священнодѣйствіями, которыя совершались или будутъ совершаться, и видитъ все, какъ на ладони. Тамъ, гдѣ соберутся двое, царь Варуна присутствуетъ, какъ третій. Онъ пользуется неограниченной властью надъ людьми и обладаетъ тысячью средствъ помощи; поэтому его молятъ явить глубокое благоволеніе и отстранить отъ людей зло и грѣхъ. Приводимъ переводъ одного отрывка:

Варуна (съ туземнаго рисунка).

„Всемогущій богъ съ неба видитъ наши дѣла, какъ на ладони. Боги знаютъ все, что люди дѣлаютъ, хотя бы люди и старались скрыть свои поступки. Кто стоитъ, кто движется, кто подкрадывается, кто прячется въ укромномъ мѣстѣ, — все это боги отмѣчаютъ. Гдѣ бы двое ни сговаривались, считая, что они наединѣ, царь Варуна, какъ третій, всегда между ними, и всѣ ихъ намѣренія ему извѣстны. Эта земля принадлежитъ ему, эти обширныя, необъятныя небеса принадлежатъ ему; оба моря подвластны ему, и даже маленькая лужица зависитъ отъ него. Если бы кто-нибудь направилъ свой путь далеко за предѣлы неба, то все-таки не вышелъ бы изъ владѣній царя Варуны. Его слуги, сходя съ неба, скользятъ по всему міру и тысячами всевидящихъ очей наблюдаютъ за отдаленнѣйшими уголками земли. Все, что существуетъ на землѣ, на небѣ и выше небесъ, открыто передъ глазами царя Варуны. Ему извѣстно, сколько разъ каждый смертный моргнетъ. Онъ

управляетъ міромъ, какъ игрокъ костями. О, боже, крѣпкіе силки, которые ты плетешь, чтобы ловить злыхъ, закинь ты на лжецовъ, но помилуй всѣхъ праведныхъ!“ (*Muir.*)

Какъ въ этомъ, такъ и во многихъ другихъ отрывкахъ, Варуна изображенъ существомъ высоко-нравственнымъ. Священные барды или риши молятъ его о прощеніи; однако, *вино, гнѣвъ, игра въ кости и необдуманность* иногда сбиваютъ его съ истиннаго пути. Очень часто Митрѣ и Варунѣ въ совокупности приписываютъ тѣ же атрибуты, что и одному Варунѣ. Ниже будетъ указано, какое большое сходство между зороастрійскимъ и индійскимъ Митрой; надо полагать, что представленіе объ этомъ божествѣ существовало еще до отдѣленія индійской вѣтви отъ иранской (персидской). Впослѣдствіи Варунѣ стали приписывать исключительное владычество надъ водой и возсылать мольбы о дождѣ.

Индра (съ туземнаго рисунка).

Индра и Агни, которые сначала играли не такую видную роль, какъ Митра и Варуна, впослѣдствіи пріобрѣли большее значеніе. Они рождены на свѣтъ и обладаютъ разными удивительными свойствами. Описываются личныя черты каждаго изъ нихъ. Индра, богъ яснаго неба, красивъ собою: у него рыжіе или золотистые волосы и длинныя руки; по своему усмотрѣнію онъ можетъ принимать разнообразныя формы [1]). Онъ разъѣзжаетъ въ блестящей золотой колесницѣ, запряженной парой золотыхъ коней, которые несутся быстрѣе мысли; въ рукахъ у него громовая стрѣла и другое оружіе. Подъ вліяніемъ напитка „сомы“, приносимаго его поклонниками, онъ развеселяется. Во многихъ мѣстахъ высказывается убѣжденіе, что извѣстныя послѣдствія этого излюбленнаго опьяняющаго напитка не чужды были и богамъ. Одно изъ спеціальныхъ назначеній Индры — вызывать на бой и побѣждать враждебныхъ демоновъ засухи. По словамъ *Muir*'а, эта ассоціація идей представляется совершенно естественной и понятной для тѣхъ, кто видалъ смѣну временъ года въ Индіи. „Индра — страшный воинъ и въ то же время добрый другъ: оглобли его колесницы приносятъ врагамъ разороніе, а поклонникамъ освобожденіе и благосостояніе. Явленія грома и молніи неизбѣжно порождаютъ мысль о столкновеніи враждебныхъ силъ; даже мы сами

[1]) На туземныхъ изображеніяхъ его, большею частью, представляютъ верхомъ на слонѣ, какъ видно изъ прилагаемаго рисунка. *Прим. пер.*

нерѣдко упоминаемъ о войнѣ или борьбѣ стихій. Люди усматривали въ фантастическихъ очертаніяхъ облаковъ то колесницу и коней своего бога, то нагроможденныя массами развалины разрушенныхъ имъ замковъ и городовъ“. Индрѣ часто возсылаютъ привѣтствія, какъ богу, обладающему наибольшей властью надъ внѣшнимъ міромъ, „обожаемому изъ обожаемыхъ, побѣдителю непобѣдимыхъ, величайшему изъ живыхъ существъ“. Поклонники должны относиться къ нему съ полнымъ довѣріемъ; могущество его ограждается отъ скептическаго отрицанія. Онъ любитъ смертныхъ, помогаетъ всѣмъ людямъ, защищаетъ и освобождаетъ ихъ, внемлетъ ихъ молитвамъ. Онъ можетъ надѣлять всевозможными земными благами и, по своему произволу, распоряжаться судьбою человѣка. Иногда въ молитвахъ выражается наивность поклонниковъ, которые просятъ бога выказать свою доблесть или же льстятъ ему, увѣряя, что „не слышно, чтобы на землѣ кто-нибудь ему равный совершалъ подобныя дѣянія“. Индра также является особеннымъ поборникомъ и защитникомъ арійскихъ индусовъ противъ покоренныхъ ими темныхъ расъ. Повидимому, понятіе объ Индрѣ развивалось по мѣрѣ того, какъ падалъ авторитетъ Варуны; послѣдній богъ тѣсно связанъ съ первобытною несложною вѣрой арійцевъ до ихъ переселенія въ Индію; его можно узнать въ зороастрійскомъ Ормуздѣ и греческомъ Уранѣ. По другой версіи, Индра низвергъ во мракъ бога Діауса; этимъ изображается различіе между тѣмъ временемъ, когда арійцы жили въ возвышенной и гористой странѣ Центральной Азіи, гдѣ ясное безоблачное небо было благодатнымъ и желаннымъ явленіемъ, и болѣе позднимъ періодомъ, въ Индіи, когда дождь составлялъ предметъ мечтаній, и отождествленіе его съ Индрою получило широкое распространеніе.

Минуя незначительныя божества: Парджанію, бога проливного дождя, и Ваю, бога вѣтра, мы переходимъ къ Марутамъ, Рудрамъ, многочисленнымъ богамъ грозы, которые часто соединяются то съ Индрой, то съ Агни. Отрывки изъ гимна, обращеннаго къ нимъ, лучше всего покажутъ, какія представленія связываются съ ними. „Они потрясаютъ своею силой самыя могучія существа на землѣ и на небѣ... Они, подающіе силу, ревущіе, пожирающіе враговъ, произвели вѣтеръ и молнію. Они доятъ небесное вымя (облака) и, скитаясь, поятъ землю молокомъ (дождь)... Вы могущественны, сильны, ослѣпительны, непоколебимы, какъ горы, (но) легко скользите; вы пожираете лѣса, какъ слоны... О, Маруты, подайте своимъ поклонникамъ силу непобѣдимую, блестящую, приносящую богатство, славную между людьми! Дайте намъ прокормить нашихъ близкихъ и родныхъ въ продолженіе ста зимъ!“ (*Max Müller*.)

Боги, олицетворяющіе солнце въ различныхъ фазахъ, — Сурія и Савитаръ — въ Ведахъ описываются и снабжаются соотвѣтственными эпитетами. Они ѣздятъ въ колесницахъ, запряженныхъ многочисленными конями, охраняютъ все живущее, даютъ людямъ возможность дѣлать свое дѣло и видятъ рѣшительно всѣ, какъ хорошіе, такъ и дурные, ихъ поступки. Про Сурію иногда говорится, что онъ подвластенъ Индрѣ, который даетъ ему сіяніе и подготовляетъ ему путь.

Еще одно солнечное божество, это — Пушанъ, который во время путешествій ведетъ людей по дорогѣ, покровительствуетъ рогатому скоту и содѣйствуетъ увеличенію людского имущества. Гимнъ къ нему гласитъ слѣдующее: „Поведи насъ, о Пушанъ, по нашей дорогѣ; отврати отъ насъ несчастье, о сынъ освободителя; пойди впереди насъ! Истреби на нашемъ пути жаднаго, лютаго волка, который ищетъ нашей погибели! Прогони съ нашего пути врага, вора, разбойника... О, богъ съ золотымъ копьемъ, подающій всякое благословеніе, помоги намъ легко достичь богатства! Проведи насъ мимо противниковъ, дай намъ благополучно совершить путь, пошли намъ силу!“ Въ другомъ гимнѣ встрѣчается выразительная мольба о личномъ благосостояніи: „Дай намъ, Боже, приличное людямъ богатство и пошли хорошаго хозяина, который осыпалъ бы насъ дарами. Побуди къ щедрости, о сіяющій Пушанъ, и такого человѣка, который не хотѣлъ бы ничего давать; смягчи сердце даже скрягѣ. Открой намъ путь, чтобы достать пропитаніе, порази нашихъ враговъ, пошли намъ удачу въ дѣлахъ, о славный Богъ!“ Его иногда вмѣстѣ съ Сомой прославляютъ, какъ подателей богатства и охранителей міра.

Сома, придающій жизнь опьяняющему соку растенія сомы (вѣроятно, изъ рода *Asclepias*), занимаетъ среди индійскихъ боговъ мѣсто Діонисія-Вакха. Ему посвящены всѣ гимны 9-й книги Ригъ-Веды, числомъ 114. Проф. *Whitney* говоритъ: „Замѣтивъ, что подъ вліяніемъ даннаго напитка люди приходятъ въ возбужденное состояніе и совершаютъ необычные поступки, простодушный арійскій народъ приписалъ это чему-то божественному. Растеніе, доставляющее такой напитокъ, сдѣлалось въ ихъ глазахъ царемъ растеній; процессъ его приготовленія сталъ священнодѣйствіемъ, и необходимыя для этого орудія — священными“. Поклоненіе Сомѣ велось еще въ глубокой древности, такъ какъ о немъ упоминается въ Зендъ-Авестѣ. Сомѣ приписываютъ почти всѣ божественныя силы и воздаютъ божескія почести, главнымъ образомъ, благодаря вліянію, которое онъ оказываетъ на другихъ боговъ и на поклоняющихся ему людей. Культъ Сомы постепенно падалъ и почти исчезъ вмѣстѣ съ первобытными ведійскими вѣрованіями.

Къ богинѣ зари, Ушасъ, обращены многіе прекраснѣйшіе гимны. Она возстановляетъ сознаніе, льстиво улыбается, побуждаетъ существа къ веселью, приводитъ въ движеніе все живущее, возрождается снова и снова, открываетъ завѣсу неба. „Благословенная Ушасъ, оживленная силой и сіяющая удивительною роскошью!— говоритъ вѣрующій.—Подай мнѣ славное и прочное богатство, которое заключается въ здоровыхъ сыновьяхъ, многочисленныхъ рабахъ и лошадяхъ“ (*Muir*). Ушасъ обыкновенно считается дочерью неба, а солнце — ея возлюбленнымъ. Имя Ушасъ тождественно съ греческимъ Эосъ и латинскимъ Аврора.

Агни, богъ огня (романскій Игнисъ, славянскій Огнь), занимаетъ видное мѣсто, такъ какъ по количеству гимновъ съ нимъ соперничать можетъ только Индра. Его характеристика показываетъ, что наши предки смотрѣли на огонь, какъ на чудо. Агни безсмертенъ; живя на землѣ, онъ служитъ посредникомъ между богами и людьми. Онъ — мудрецъ и въ то же время жрецъ, высочайшій руководитель религіозныхъ церемоній и обязанностей. „О, Агни! отъ тебя, какъ новорожденный мальчикъ, исходитъ безсмертное пламя, и блестящій дымъ возносится къ небу, такъ какъ ты посланъ вѣстникомъ отъ боговъ. Твоя власть мгновенно распространяется по землѣ, когда ты захватишь пищу въ уста; твое дыханіе исходитъ, какъ смѣлое войско; своимъ легкимъ пламенемъ ты, какъ будто косишь траву. Лишь за нимъ, за вѣчно юнымъ Агни, люди вечеромъ и на зарѣ ухаживаютъ, какъ за конемъ; они укладываютъ его на ложе, какъ чужестранца“. (*M. Müller.*) При его появленіи міръ и небеса, дотолѣ объятые мракомъ, становятся видимыми. Онъ все пожираетъ, у него пылающая голова, тысяча глазъ и тысяча роговъ. Его пламя рычитъ, какъ морскія волны, его стукъ подобенъ грому, а крикъ вѣтру. Онъ обладаетъ различными божественными свойствами; вѣрующіе въ него благоденствуютъ и долго живутъ. Онъ покровительствуетъ поклоннику, который приноситъ ему топливо или въ потѣ лица служитъ ему. Его молятъ о всевозможныхъ милостяхъ и о прощеніи разныхъ безразсудныхъ грѣховъ. Образцомъ фамильярнаго отношенія къ богамъ, о которомъ мы уже упоминали, могутъ служить слѣдующія слова: „Если бы ты, Агни, былъ смертнымъ, а я безсмертнымъ, то, повѣрь, я не оставилъ бы тебя въ нуждѣ и бѣдѣ. Мой поклонникъ не былъ бы ни бѣднымъ, ни огорченнымъ, ни обездо-

Агни.

леннымъ". Агни также причастенъ къ будущей жизни, о чемъ свидѣтельствуютъ слѣдующія строки: „Освободи, могучій владыка, твоихъ рабовъ! Смой съ насъ слѣды грѣха, а когда мы умремъ, окажи намъ милость на кострѣ, спали наши тѣла съ ихъ тяжелой виной, но упрочь намъ вѣчный удѣлъ наверху въ сіяющихъ чертогахъ и молніеносныхъ царствахъ, чтобы намъ тамъ вѣчно жить вмѣстѣ съ праведниками!" (*Monier Williams.*)

Тваштаръ, ремесленникъ и искусный изобрѣтатель, во многомъ соотвѣтствуетъ Гефесту-Вулкану. Онъ точитъ желѣзную сѣкиру Браманаспати и куетъ громовыя стрѣлы для Индры. Ему приписываютъ всякаго рода созданныя силы.

Ашвины — первые носители утренняго свѣта передъ зарей; они часто соединяются съ Суріей. Имъ воздается поклоненіе и хвала за то, что они прогоняютъ тьму, охраняютъ отсталыхъ и запоздалыхъ, врачуютъ хромыхъ, слѣпыхъ, больныхъ, даютъ производительную силу всѣмъ существамъ и могутъ обновлять юность во всемъ. Поэтому ихъ молятъ о разныхъ милостяхъ и просятъ покарать, низвергнуть въ прахъ скрягу, который не приноситъ жертвы. По нѣкоторымъ авторитетнымъ мнѣніямъ, Ашвины, это — обоготворенные смертные, отличавшіеся въ земной жизни проворствомъ и владѣвшіе искусствомъ врачеванія.

Къ болѣе позднему періоду относится божество Бригаспати или Браманаспати; оно олицетворяетъ поклонника подъ видомъ священнослужителя, жреца, который является посредникомъ между людьми и богами. Это уже шагъ впередъ въ нравственномъ развитіи. Слово браманъ одно изъ труднѣйшихъ на санскритскомъ языкѣ, такъ какъ его различно производятъ и объясняютъ. Въ виду того, что въ высшемъ смыслѣ оно обозначаетъ объективное существо или Источникъ міра, то первоначально оно, быть-можетъ, обозначало соревнованіе передъ богами, затѣмъ — всякое священное слово, формулу, церемонію, дѣйствіе и, наконецъ, жреца. Браманаспати — владыка молитвы, помогающій Индрѣ разбить демона тучъ; иногда его отождествляютъ съ Агни. Онъ — потомокъ двухъ міровъ (неба и земли) и вдохновитель молитвъ; молитва — его орудіе. Онъ ѣздитъ въ церемоніальной колесницѣ и побѣждаетъ тѣхъ, кто враждебно относится къ богамъ и молитвѣ. Онъ руководитъ благочестивыми, покровительствуетъ имъ, защищаетъ ихъ отъ бѣдствій и посылаетъ имъ блага.

Богъ Вишну довольно рѣдко упоминается въ Ригь-Ведѣ, но съ теченіемъ времени онъ пріобрѣлъ большое значеніе. Древніе характеризовали его тремя шагами, которыми онъ проходитъ надъ міромъ; тройственнымъ его существованіемъ въ видѣ огня на землѣ, молніи въ атмосферѣ и солнца въ небѣ или же тремя по-

ложеніями солнца — восходомъ, кульминаціей и заходомъ. Ему приписываютъ различныя тройственныя силы, и онъ считается помощникомъ другихъ боговъ. Но иногда ему воздаютъ самостоятельное поклоненіе, напримѣръ: „Мы возсылаемъ гимны и молитвы Вишну, сотворившему много чудесъ; онъ — широко шагающій, возвышенный богъ, и творческія силы его неистощимы". Часто Вишну ассоціируется съ Индрой. Впослѣдствіи, какъ мы увидимъ дальше, онъ занялъ совершенно иное положеніе. О большинствѣ богинь, перечисленныхъ въ Риг-Ведѣ, намъ не придется вовсе говорить, такъ какъ онѣ играютъ весьма незначительную роль.

Въ девятой и десятой книгахъ Ригъ-Веды говорится о безсмертіи и будущей жизни; въ предыдущихъ книгахъ упоминается только о томъ, что люди достигли безсмертія или отправились къ богамъ, которые продлятъ ихъ жизнь. Иногда также встрѣчается воззваніе къ душамъ предковъ, существующимъ на ряду съ богами. Въ позднѣйшихъ частяхъ Риг-Веды понятіе о загробной жизни связывается съ Ямой, божественнымъ правителемъ умершихъ душъ, который, какъ полагаютъ иные, изображаетъ перваго человѣка и имѣетъ сестру — близнеца Ями (*Max Müller* съ этимъ не согласенъ). *Monier Williams* приводитъ слѣдующее описаніе Ямы: „Хвала и дары могучему царю Ямѣ! Онъ былъ первымъ изъ умершихъ людей, первый неустрашимо отправился по стремительному потоку смерти, первый указалъ путь на небо и привѣтствовалъ другихъ, приходящихъ въ это свѣтлое жилище. Никакая сила не можетъ отнять у насъ прибѣжища, завоеваннаго тобою. О, царь, мы идемъ! Рожденные должны умереть, пройти проложенную тобою тропинку, по которой уже прошли ряды народовъ и наши предки. Душа покойника, отойди! Не бойся вступить на дорогу, на древнюю дорогу, по которой двигались твои предки. Взойди и узри бога, узри своихъ счастливыхъ отцовъ, которые блаженствуютъ съ нимъ. Не бойся стражей, четырехъокихъ рябыхъ псовъ, которые караулятъ умершихъ. Вернись въ свое жилище, о душа! Оставь на землѣ свой грѣхъ и стыдъ, прими свой прежній сіяющій образъ, утонченный и незапятнанный".

Яма (съ туземнаго рисунка).

Интересно сопоставить двухъ четырехъокихъ псовъ Ямы со стражемъ Тартара, Церберомъ. Въ Риг-Ведѣ Яма еще не имѣетъ отношенія къ будущему наказанію нечестивыхъ, какъ въ позднѣйшей миѳологіи. Его собаки приходятъ на землю въ качествѣ вѣ-

стниковъ и охраняютъ путь къ его жилищу; покойнику подается совѣтъ спѣшить за ними, насколько возможно. Когда тѣло умершаго возложено на костеръ, то бога Агни молятъ не сжигать и не уничтожать его, а перенести къ предкамъ, какъ жертву. „Пусть его око отправится къ солнцу, а дыханіе къ вѣтру, пусть онъ пойдетъ на небо и на землю, согласно природѣ, или же въ воду, если это тебѣ угодно. А перерожденную часть, ты (Агни) воспламени своимъ жаромъ и перенеси въ міръ праведниковъ". Согласно этимъ представленіямъ, душа вступаетъ въ болѣе совершенную жизнь, гдѣ исполняются всѣ желанія; тамъ она будетъ исполнять волю боговъ. Въ тотъ періодъ, когда боговъ изображали вступающими въ бракъ и поддающимися вліянію сомы, міръ умершихъ не представлялся идеализированнымъ.

Слѣдующее мѣсто даетъ понятіе о добродѣтеляхъ, за которыя полагается небесная награда: „Пусть онъ отойдетъ къ тѣмъ, которые, усердно удаляясь отъ міра, сдѣлались непобѣдимыми; пусть онъ отойдетъ къ воинамъ, къ героямъ, которые пожертвовали своею жизнью или оказали тысячи благодѣяній. Допусти его, о Яма, къ тѣмъ суровымъ предкамъ, которые проповѣдывали и прославляли священные обряды". Судя по нѣкоторымъ гимнамъ, вѣрующіе воздаютъ поклоненіе своимъ предкамъ, спрашиваютъ ихъ соизволенія, боятся ихъ гнѣва, молятъ ихъ о покровительствѣ, просятъ у нихъ долгоденствія, богатства и многочисленнаго потомства. Предполагается, что предки вкушаютъ возліянія и жертвенную пищу и поэтому тысячами стекаются на жертвоприношенія.

Что касается будущаго наказанія, то въ десятой книгѣ Ригъ-Веды есть мольба къ Индрѣ, чтобы онъ повергъ въ глубокій мракъ всякаго человѣка, который оскорбитъ его поклонника; однако, подъ глубокимъ мракомъ не всегда подразумѣвается мѣсто наказанія. Въ девятой книгѣ говорится, что Сома сбрасываетъ ненавистниковъ и безбожниковъ въ пропасть. Надо, однако, сознаться, что свѣдѣнія о будущей жизни въ Ригъ-Ведѣ смутны и неясны.

Одинъ изъ лучшихъ гимновъ Ригъ-Веды, это —121-й изъ десятой книги Ригъ-Веды, который гласитъ:

Въ началѣ былъ рожденъ Хиранья-гарбха,
То былъ единый сущаго владыка.
Онъ землю утвердилъ и небо.
Какому богу воздадимъ мы жертву?

—

Источникъ духа и податель силы,
Чьему велѣнью всѣ послушны боги,
Онъ тотъ, чья тѣнь есть смерть, чья тѣнь — безсмертье.
Какому богу воздадимъ мы жертву?

—

Въ величьи былъ владыкой онъ единымъ
Всего, что дышитъ, ходитъ или дремлетъ,

Двуногихъ царь, четвероногихъ царь онъ.
Какому богу воздадимъ мы жертву?

—

Тотъ, кѣмъ земля прочна, кѣмъ сильно небо
Тотъ, коимъ твердь упрочена и солнце,
Кто атмосферу широко раскинулъ!
Какому богу воздадимъ мы жертву?

—

Кого двѣ рати въ трепетѣ сердечномъ
Зовутъ къ себѣ на помощь, уповая,
Кого на небѣ солнце озаряетъ!
Какому богу принесемъ мы жертву?

—

Куда стеклись, огонь рождая, воды,
Великія, чреватыя, оттуда
Воздвигся богъ — единый животворный!
Какому богу воздадимъ мы жертву?

—

Кто созерцалъ тѣ творческія воды,
Когда онѣ рождали жертвы тайну,
Кто надъ богами богомъ былъ единымъ!
Какому богу принесемъ мы жертву?

—

Да не обидитъ насъ творецъ правдивый,
Который создалъ землю, небо, воды,
Великія сіяющія воды!
Какому богу воздадимъ мы жертву?

—

Никто другой, о Праджапати, не былъ,
Какъ ты, превыше всѣхъ созданій этихъ!
Что просимъ мы, даруй намъ, и да будемъ
Мы господами надъ богатствомъ нашимъ.

(Пер. проф. Овсянико-Куликовскій).

Такимъ образомъ, въ первобытныхъ ведійскихъ гимнахъ мы видимъ рядъ представленій о различныхъ божествахъ, олицетворяющихъ силы природы и носящихъ соотвѣтственныя названія. Лишь значительно позднѣе зарождается мысль, что всѣ они только разностороннія проявленія одной и той же силы; подчасъ это вытекаетъ изъ желанія особенно возвеличить какого-нибудь излюбленнаго бога. Впослѣдствіи такимъ обобщеннымъ понятіямъ присвоены новыя имена, какъ Вишвакарманъ и Праджапати; имъ не отводится особой области; это божественныя силы, управляющія землею. Другія выраженія указываютъ на первобытную форму пантеизма, отождествляющаго главныя божества съ природой, напримѣръ: „Адити — небо, Адити — воздухъ, Адити — мать, отецъ и сынъ, Адити — всѣ боги вмѣстѣ взятые и пять классовъ людей. Адити — все уже рожденное, Адити — все, что еще должно родиться". (*Muir.*)

По десятой книгѣ Ригъ-Веды, Вишвакарманъ (первоначально одно изъ именъ Индры) есть великій міровой архитекторъ, всевидящій богъ, имѣющій на каждой сторонѣ тѣла лица, глаза, руки и ноги, отецъ мірозданія, знающій всю вселенную и дающій бо-

гамъ имена. Въ гимнахъ, составленныхъ, по всей вѣроятности, различными авторами, такіе же атрибуты приписываются и другимъ божествамъ, какъ, напр., Браману, Праджапати и т. п. Мы можемъ прослѣдить постепенное развитіе идей у первобытныхъ арійцевъ по ихъ разнообразнымъ попыткамъ объясненія міровыхъ явленій. Весьма естественно, что эти понятія смутны, разнорѣчивы и подчасъ очень наивны, но трудно ожидать чего-нибудь другого, такъ какъ конечный итогъ человѣческаго мышленія и въ наши дни формулируется фразой: „нельзя изысканіями познать Бога“.

Monier Williams дѣлаетъ слѣдующіе авторитетные выводы: „ведійскіе гимны ни слова не говорятъ о переселеніи душъ, которое составляетъ отличительную особенность позднѣйшей индусской религіи. Въ нихъ также не воспрещается вдовамъ вступать въ бракъ, не поощряются браки между дѣтьми, не предписываются строгія кастовыя правила, не возбраняется выѣздъ за границу, не видно, чтобы олицетворенныя силы природы изображались картинами или же деревянными и каменными символами. Животныхъ убивали не только для жертвоприношеній, но и для ѣды; бычачье мясо употреблялось въ пищу, тогда какъ впослѣдствіи это было строго запрещено.

По всѣмъ вѣроятіямъ, ведійскіе народы первоначально заселяли Пенджабъ и лишь впослѣдствіи захватили страну, орошаемую Джумной и Гангомъ. Въ каждомъ домѣ обязанность жреца исполнялъ глава семейства, а въ каждомъ племени — вождь. Но по мѣрѣ того, какъ вырабатывалось сложное богослуженіе, совершеніе его стали поручать жрецамъ, которые знали одобренные гимны и дѣйствительныя молитвы. Съ теченіемъ времени вожди получили право удерживать при себѣ любимыхъ и прославленныхъ жрецовъ, и жреческія обязаности такъ же, какъ и званіе вождя, стали передаваться по наслѣдству изъ рода въ родъ. Жрецы получали щедрые подарки отъ царей, и многіе ведійскіе гимны восхваляютъ этотъ обычай. Нѣкоторые гимны были составлены самими царями. Мало-по-малу риши начали оспаривать первенство у правителей и выдѣлились въ особую касту брамановъ; однако, этого положенія они достигли не безъ борьбы. Отдѣльныя семьи различались по внѣшнимъ признакамъ, какъ, напр., по особой манерѣ бритья головы или по числу и расположенію прядей волосъ.

Общимъ правиломъ было одноженство, но допускалось и многоженство. Женщины могли вступать вторично въ бракъ и, повидимому, пользовались нѣкоторою свободой выбора. Разумѣется, въ обществѣ была и своя доля безнравственности; даже Индра, будто бы, высказалъ мнѣніе, что у женщины „легкомысленный характеръ

и неукротимый нравъ". Ложь безусловно осуждалась и влекла за собою божеское наказаніе. Въ гимнахъ упоминается о разбойникахъ, которые грабили на большихъ дорогахъ, и о ворахъ, которые втайнѣ совершали похищенія. Щедрость и вѣрность высоко цѣнились.

Какая разница между добрыми, милостивыми, снисходительными божествами первобытныхъ арійцевъ и строгими, безчеловѣчными, жестокими богами позднѣйшихъ индусовъ! Непосредственныя сношенія съ богами, непосредственная награда за гимны и жертвоприношенія, пламенная молитва, сосредоточенное размышленіе, спасительное благословеніе, — вотъ основныя черты древней индусской религіи.

Сама-Веда и Яджур-Веда по размѣрамъ гораздо меньше и составлены, преимущественно, изъ Риг-Веды, но со значительными измѣненіями. Первая изъ нихъ въ стихотворной формѣ описываетъ жертвоприношенія Сомѣ, а вторая, въ прозѣ — другія жертвоприношенія. Яджур-Веда относится къ тому времени, когда арійцы разселились по восточной Индіи, и браманы пріобрѣли верховную власть. Четвертый большой сборникъ — Атгарва-Веда — явился гораздо позднѣе, вѣроятно, въ эпоху Браманъ, и заключаетъ въ себѣ уже значительно видоизмѣненное ведійское богослуженіе и употребительные гимны. Изъ него видно, что сильно возросла вѣра въ злыя силы, для предохраненія отъ которыхъ, такъ же, какъ и отъ болѣзней, и отъ вредоносныхъ животныхъ и растеній, указанъ рядъ заклинаній; кромѣ того, перечислены проклятія врагамъ и магическія изреченія на разные случаи повседневной жизни, предотвращающія несчастье. Атгарва-Веда содержитъ множество народныхъ выраженій.

Слѣдующій крупный отдѣлъ въ индусской литературѣ составляютъ *Бра́маны*; въ нихъ еще нѣтъ никакихъ хронологическихъ указаній или ссылокъ на историческія лица, зато подробно изложено ученіе о жертвоприношеніяхъ, предназначенное для жрецовъ или брамановъ. Это — цѣлый рядъ прозаическихъ произведеній, описывающихъ связь священныхъ пѣснопѣній и словъ съ жертвенными обрядами. Они относятся къ 7 или 8 в. до Р. Х. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ жреческихъ системахъ, мы видимъ стремленіе упрочить, развить такіе обряды, которые могутъ быть выполнены только наслѣдственной кастой священнослужителей и влекутъ за собою щедрыя даянія отъ вѣрующихъ. Длина Браманъ чрезвычайно утомительна, особенно въ виду ихъ догматическихъ предписаній и сложнаго символизма. Каждый изъ ведійскихъ сборниковъ имѣетъ соотвѣтствующія Браманы, такъ, напр.,

къ Сама-Ведѣ существуетъ не менѣе восьми Браманъ. Кромѣ обрядовыхъ предписаній, Браманы даютъ обширный матеріалъ, по которому можно опредѣлить постепенный ростъ индусскихъ религіозныхъ воззрѣній.

Въ одномъ изъ разсказовъ бездѣтный царь прославляетъ всѣ преимущества, которыя приноситъ сынъ, и обѣщаетъ, что если у него родится сынъ, то онъ посвятитъ его Варунѣ. Родившійся царевичъ, узнавъ о своей участи, отказывается исполнить обѣтъ и покидаетъ отцовскій домъ. Разгнѣванный Варуна наказываетъ отца водяною болѣзнью. Сынъ много лѣтъ странствуетъ по лѣсамъ и, наконецъ, однажды встрѣчаетъ браманскаго отшельника, который поверженъ въ отчаяніе оттого, что его второй сынъ добровольно предлагаетъ себя въ жертву вмѣсто царевича. Впрочемъ, силою ведійскихъ молитвъ, замѣститель освобождается отъ жертвы.

Въ другомъ разсказѣ говорится о томъ, какъ боги умертвили человѣка, и часть его, пригодная для жертвоприношенія, послѣдовательно входила въ лошадь, быка, овцу и козу, которые поочередно были принесены въ жертву. Жертвенный элементъ дольше всего пребывалъ въ козѣ, отчего она особенно удовлетворила назначенію. Отсюда видно, что человѣческая жертва постепенно замѣнилась животной.

Въ Шатапата-Браманѣ, одной изъ самыхъ интересныхъ Браманъ, есть древнее преданіе о потопѣ. Рыба предупредила святого человѣка, Ману, о томъ, что потопъ сотретъ съ лица земли все живущее, но ему, Ману, суждено спасти родъ человѣческій. Ману долженъ былъ построить корабль и войти въ него, когда вода начнетъ подниматься. Онъ все въ точности исполнилъ и привязалъ къ кораблю рыбу, которая увезла его за сѣверныя горы. Когда потопъ прошелъ, Ману оказался единственнымъ человѣкомъ на землѣ; въ силу религіозныхъ обрядовъ у него таинственно родилась дочь, и впослѣдствіи вся земля заселилась его потомками. Позднѣе сложилось мнѣніе, что рыба была однимъ изъ воплощеній Вишну, который хотѣлъ такимъ путемъ предостеречь Ману.

Ученіе о безсмертіи выражено въ той же Браманѣ опредѣленнѣе, чѣмъ въ ведійскихъ гимнахъ. Боги, послѣ ряда трудныхъ религіозныхъ обрядовъ, сдѣлались безсмертными. Тогда смерть высказала опасеніе, чтобы люди не послѣдовали ихъ примѣру; и боги устроили такъ, что ни одно существо въ своей тѣлесной оболочкѣ не могло получить безсмертія, а должно было предварительно отдать тѣло во власть смерти.

Древніе браманы имѣли удивительное для той эпохи представленіе о солнцѣ, какъ видно изъ одного замѣчательнаго от-

рывка: „Солнце никогда не восходитъ и не садится. Когда люди считаютъ, что оно заходитъ, оно только мѣняетъ положеніе, достигнувъ конца дня, и образуетъ ночь, а на другой сторонѣ день. Люди думаютъ, что оно утромъ восходитъ, а оно только круто поворачиваетъ, дойдя до конца ночи, и производитъ день, а на другой сторонѣ ночь. Такимъ образомъ оно никогда не садится".

Успѣшныя увѣренія брамановъ въ своемъ превосходствѣ способствовали утвержденію касты жрецовъ; на ряду съ этимъ образовался классъ земледѣльцевъ, отдѣлившійся отъ воиновъ, которые прежде составляли огромное большинство населенія. Въ то время, какъ завоеватели — арійцы разселились по бассейну Джумны и Ганга, браманы, соблюдая свою выгоду, находили нужнымъ показать, что они исповѣдуютъ лучшую и болѣе могущественную религію, чѣмъ покоренные туземцы. Въ силу этого мы встрѣчаемъ увѣренія въ родѣ слѣдующихъ: „Поистинѣ боги не вкушаютъ пищи, принесенной царемъ безъ пурогиты (семейный жрецъ)". Или въ Атгарва-Ведѣ: „Да снизойдетъ полная, непоколебимая, побѣдная сила на тѣхъ, у кого я состою пурогитой. Я усовершенствую ихъ царство, ихъ власть, ихъ силу и мощь. Посредствомъ этого жертвоприношенія я отрѣзаю руки ихъ врагамъ". Обряды развились до такой степени, что для выполненія ихъ понадобилось нѣсколько классовъ жрецовъ.

Чрезвычайно трудно, не вдаваясь въ детали, дать понятіе о содержаніи Браманъ. Онѣ описываютъ древнѣйшія церемоніи, комментируютъ каждую подробность, которая могла бы потребовать объясненія, обсуждаютъ смыслъ какого-нибудь отдѣльнаго стиха или даже его размѣра и объясняютъ происхожденіе жертвоприношеній, большей частью, въ формѣ пространныхъ легендъ и миѳовъ.

Каждый браманскій домохозяинъ, обзаводясь собственнымъ очагомъ, долженъ былъ ежемѣсячно совершать два двухдневныхъ жертвоприношенія, — на новолуніе и на полнолуніе. Въ первый день былъ постъ, во время котораго полагалось подмести и убрать очагъ и зажечь огонь; при этомъ браманъ и его жена произносили обѣтъ: воздерживаться отъ мяса и нѣкоторой другой пищи, стричь бороду и волосы за исключеніемъ одной пряди на темени, спать на полу въ одномъ изъ главныхъ „домовъ огня" и соблюдать молчаніе. „Тотъ, кто собирается произнести обѣтъ, прикасается къ водѣ, стоя между (жертвенными) огнями и обративъ лицо на востокъ. Онъ долженъ дотронуться до воды потому, что человѣкъ (жертвенно) нечистъ, такъ какъ онъ говоритъ ложь, а этимъ способомъ онъ достигаетъ внутренняго очищенія, такъ

какъ вода поистинѣ (жертвенно) чиста... Глядя на огонь, он произноситъ обѣтъ въ слѣдующихъ словахъ: „О Агни, богъ обѣ товъ! Я исполняю обѣтъ! Да буду я достоинъ его, да успѣю я в немъ!“ Агни — богъ обѣтовъ и къ нему-то долженъ обращатьс. вѣрующій со своими словами.

Сущность обѣта заключается въ постѣ. Боги видятъ помышлені человѣка; когда онъ произноситъ обѣтъ, то они знаютъ, что на слѣ дующее утро онъ принесетъ имъ жертву, и собираются въ его домѣ Не подобаетъ, чтобы человѣкъ вкушалъ пищу раньше, чѣмъ боги на сытятся, поэтому онъ можетъ ѣсть только то, что въ жертву н приносится, а именно то, что растетъ въ лѣсу.

Ежедневно утромъ и вечеромъ полагалось приносить богу Агні всесожженіе изъ свѣжаго молока, а утромъ жертвеннаго дня глав дома избиралъ себѣ брамана, или верховнаго жреца.

Далѣе въ Браманахъ слѣдуютъ многочисленныя сложныя ука занія и разъясненія различныхъ жертвоприношеній.

Очень подробно разработаны правила, касающіяся устано вленія жертвенныхъ огней въ домѣ молодого хозяина. Кромѣ жреца при этомъ должны были присутствовать четыре священнослужи теля; они воздвигали по всѣмъ правиламъ два навѣса или дома огня, затѣмъ добывали огонь треніемъ или же приносили его изъ опредѣленныхъ мѣстъ и возлагали на тщательно вычищенный жер твенникъ. Передъ заходомъ солнца приносившій жертву взывалъ къ богамъ слѣдующимъ образомъ: „Боги, отцы! отцы, боги! Ка ковъ я есть, я приношу жертву и не исключу того, въ чьей власти. Мое будетъ приношеніе, мой трудъ, моя жертва!“ Затѣмъ браманъ шелъ въ одинъ изъ домовъ огня, а жена его въ другой; послѣ различныхъ церемоній они получали по полѣну особо при готовленныхъ дровъ для того, чтобы развести жертвенный огонь на слѣдующее утро. Приносимая вслѣдъ за этимъ жертва состояла, главнымъ образомъ, изъ риса и очищеннаго коровьяго масла. Молодой хозяинъ умывалъ жрецамъ ноги, подавалъ имъ благовонія, одѣлялъ ихъ соотвѣтственными подарками и приглашалъ откушать. Церемонія Сомы по Браманамъ еще сложнѣе, но за недостаткомъ мѣста мы не можемъ дать ея описанія.

Съ теченіемъ времени оказалось, что Веды и Браманы не достаточно обезпечиваютъ господство жреческаго сословія надъ народомъ, и вотъ появилась новая большая группа сочиненій: Упанишады, или мистическая доктрина. Нѣкоторыя изъ нихъ составляли дополненіе къ Браманамъ, это — такъ называемыя Араніаки или лѣсныя книги, предназначенныя для тѣхъ брамановъ, которые, завершивъ обязанности ученика и домохозяина, удалялись въ лѣса, чтобы провести остатокъ дней въ созерцаніи.

По словамъ мѣстныхъ авторитетовъ, названіе Упанишада означаетъ „уничтоженіе невѣжества откровеніемъ мудрости высшаго духа". Собственно этимологическій смыслъ его — засѣданіе, главнымъ образомъ, засѣданіе учениковъ вокругъ учителя. Эти книги сдѣлались важнѣйшими толкованіями Ведъ для учениковъ-индусовъ. *Max Müller* думаетъ, что хотя Упанишады написаны позднѣе Браманъ, но зачатки ихъ находились еще въ Риг-Ведѣ. По его мнѣнію, древнѣйшія Упанишады всегда будутъ занимать въ литературѣ видное мѣсто среди самыхъ удивительныхъ, гдѣ бы и когда бы то ни было созданныхъ произведеній человѣческой мысли.

Чхандогія-Упанишада, дополняющая Сама-Веду,— одна изъ важнѣйшихъ индусскихъ философскихъ книгъ. Она начинается страннымъ для европейца совѣтомъ: „Пусть человѣкъ размышляетъ о слогѣ Омъ", или, по иному переводу, „пусть человѣкъ поклоняется слогу Омъ". Смыслъ этого тотъ, что непрестанное повтореніе вышеупомянутаго слога отвлекаетъ мысль отъ всего посторонняго и сосредоточиваетъ ее на тѣхъ предметахъ, для которыхъ онъ служитъ символомъ. Слогъ *Омъ* былъ началомъ Веды, сущностью ея, символомъ рѣчи и жизни. Поэтому онъ изображалъ физическія и умственныя силы человѣка, въ особенности духъ животворящаго начала, а впослѣдствіи отождествился съ духомъ солнца или природы. Чхандогія-Упанишада учитъ, что никакія самыя совершенныя жертвы не обезпечиваютъ спасенія, тогда какъ размышленіе о слогѣ *Омъ* или объ его значеніи неизмѣнно ведетъ къ спасенію и безсмертію. Она затрогиваетъ высшіе философскіе вопросы. Очень интересенъ выводъ, что міръ произошелъ изъ эѳира, — „такъ какъ всѣ существа зарождаются изъ эѳира и возвращаются въ эѳиръ; эѳиръ старѣе ихъ, эѳиръ — ихъ остатокъ". По далѣе эѳиру придается болѣе, чѣмъ физическое значеніе. Упанишада гласитъ: „Браманъ есть то же, что эѳиръ, окружающій насъ, а эѳиръ вокругъ насъ — все равно, что эѳиръ внутри насъ. Эѳиръ внутри насъ, это — эѳиръ внутри сердца. Онъ вездѣсущъ и неизмѣненъ. Тотъ, кто это постигнетъ, получитъ вѣчное и неизмѣнное блаженство. (*M. Müller*).

По *M. Müller*'у главная доктрина Упанишадъ заключается въ томъ, что человѣкъ-браманъ считалъ свое Я или Атманъ лишь за отраженіе Высшаго Я и стремился познать себя въ этомъ Высшемъ Существѣ, которое соотвѣтствуетъ Божеству, абсолюту западныхъ философовъ. Благодаря этому познанію, онъ надѣялся возвратиться къ Высшему Я и опять отождествиться съ нимъ. „Въ данномъ случаѣ познать значило сдѣлаться, познать Атманъ равносильно тому, чтобы сдѣлаться Атманомъ, а наградой за это

высшее познаніе было освобожденіе отъ новыхъ рожденій и безсмертіе“. Итакъ Атманъ есть источникъ видимаго существованія, тождественный съ Браманомъ и Духомъ, истинный и дѣйствительный, существующій сначала и до вѣка, и порождающій все живущее. Хотя съ этой философіей связано много такого, что кажется мелочнымъ или же страннымъ, но въ ней кроется основа пантеизма. Современные философы въ этомъ отношеніи не далеко ушли отъ древнихъ индусовъ. Въ Упанишадахъ можно найти много свѣдѣній о жертвоприношеніяхъ и объ отдѣльныхъ богахъ; между прочимъ говорится, что тотъ, кто размышляетъ о жертвоприношеніяхъ и познаетъ ихъ, какъ повелѣно, получитъ награду въ различныхъ мірахъ, съ богами, на опредѣленные сроки, пока, наконецъ, не достигнетъ истиннаго Брамана. Въ такомъ состояніи онъ уже не возвышается и не понижается, а одинъ стоитъ въ центрѣ. Для того, кто познаетъ это ученіе, „солнце не восходитъ и не заходитъ. Для него разъ навсегда наступаетъ день“.

Размышленіе о пяти чувствахъ — одно изъ самыхъ достопримѣчательныхъ; а слѣдующее за нимъ разсужденіе излагаетъ основы браманской философіи, поэтому мы приводимъ его цѣликомъ: „Все это — Браманъ. Пусть человѣкъ размышляетъ о томъ (видимомъ мірѣ), какъ начинающемся, кончающемся и существующемъ въ немъ (въ Браманѣ).

„Теперь человѣкъ - существо воли. Такое же значеніе, какъ его воля въ этомъ мірѣ, будетъ онъ имѣть самъ, окончивъ нынѣшнюю жизнь. Поэтому пусть у него будетъ воля и вѣра.

„Разумъ, тѣло котораго есть духъ, форма котораго есть свѣтъ, мысли котораго истинны, сущность котораго подобна эѳиру (вездѣсущему и невидимому); отъ котораго происходятъ всѣ дѣла, всѣ желанія, всякое благоуханіе и пріятный вкусъ; который все это обнимаетъ, никогда не говоритъ и никогда не удивляется, —

„Вотъ мое внутреннее Я, которое меньше рисоваго зерна, меньше ячменнаго зерна, меньше горчичнаго зерна, меньше канареечнаго сѣмени, меньше ядрышка канареечнаго сѣмени. Это также мое внутреннее Я, которое больше неба, больше всѣхъ міровъ.

„То существо, отъ котораго исходятъ всѣ дѣла, благоуханіе и пріятный вкусъ, которое все обнимаетъ, никогда не говоритъ и никогда не удивляется, мое внутреннее Я, это — Браманъ. Когда я уйду изъ этого міра, я соединюсь съ нимъ“ (*M. Müller*).

Въ Тавалакара-Упанишадѣ есть слѣдующее интересное мѣсто: „То, что не выражается рѣчью и чѣмъ выражается рѣчь; то, что не думаетъ мыслью и чѣмъ думаетъ мысль; то, что не видитъ глазами и чѣмъ видятъ глаза; то, что не слышитъ ухомъ и чѣмъ слышитъ ухо; то, что не дышитъ дыханіемъ и чѣмъ дышитъ ды-

ханіе, то одно, знай, есть Браманъ, а не то, что люди здѣсь обожаютъ“ (*M. Müller*). Эта Упанишада основана на покаяніи, отреченіи и жертвоприношеніи. „Веды — ея члены, Истина — ея мѣстопребываніе. Тотъ, кто познаетъ эту Упанишаду и стряхнетъ съ себя зло, попадетъ въ безконечный, непобѣдимый небесный міръ“.

Шветашватара содержитъ болѣе разработанное ученіе, хотя по временамъ отождествляетъ высшее Я, Брамана, съ различными низшими божествами. Она учитъ о сліяніи душъ въ единомъ Я и о невещественности міра, какъ ряда умственныхъ измышленій. Браманъ не имѣетъ эволюціи; онъ не творитъ непосредственно и предоставляетъ это Исварѣ или Девѣ, Господу — Браману подъ видомъ особаго бога-творца и вседержителя.

Интересно сопоставить пантеизмъ этой Упанишады съ предшествовавшими воззрѣніями. Напримѣръ: „Я познаю это Великое существо, сіяющее подобно солнцу во меракѣ. Человѣку, который поистинѣ позналъ его, смерть не страшна: другой дороги нѣтъ. Весь міръ наполненъ этимъ Существомъ, нѣтъ ничего выше его, внѣ его, больше и шире его; оно стоитъ отдѣльно, укрѣпленное въ небѣ, какъ дерево. Все, что за предѣлами этого міра, не имѣетъ формы и не страдаетъ. Тѣ, которые познаютъ это, дѣлаются безсмертными, остальные же терпятъ муку... Руки и ноги его вездѣ, глаза и голова его вездѣ, уши — вездѣ, онъ объемлетъ весь міръ. Отдѣленный отъ всѣхъ чувствъ, онъ есть богъ и правитель вселенной, великое прибѣжище всѣхъ“ (*Max Müller*).

Нѣкоторые разсказы, введенные въ Упанишады, развиваютъ ученіе о борьбѣ между добрыми, свѣтлыми богами (девами) и злыми духами, которое неясно выражено въ Ведахъ и нѣсколько понятнѣе въ Браманахъ. Въ одномъ изъ нихъ, Индра, какъ главный *дева*, и Вирочана, какъ главный злой духъ, просятъ разъясненій у верховнаго бога Праджапати. Праджапати говоритъ: „Существо, свободное отъ грѣха, свободное отъ старости, отъ смерти и печали, отъ голода и жажды, желающее только того, что оно должно желать, и думающее только о томъ, о чемъ оно должно думать, — вотъ то, къ чему намъ надлежитъ стремиться и что надлежитъ постигать“ (*Max Müller*). Оба представителя хотятъ осуществить этотъ идеалъ и проходятъ черезъ рядъ иллюзій; Вирочана легко удовлетворяется мыслью, что тѣло есть Атманъ, но Индра продолжаетъ разслѣдованія и, наконецъ, постигаетъ, что истинный Атманъ познаетъ и видитъ, но отличается отъ ума и очей, какъ отъ инструментовъ.

Другая Упанишада подробно излагаетъ ученіе о переселеніи душъ. Атманъ безсмертенъ, и послѣ смерти иные люди вновь рождаются на землѣ, въ видѣ животныхъ, а другіе входятъ въ

стволы деревьевъ или въ камни. „Онъ, Высочайшій Духъ, бодрствующій надъ нами, когда мы спимъ, создающій одинъ пріятный видъ за другимъ, онъ поистинѣ называется Свѣтлымъ, называется Браманомъ... Есть только одинъ вѣчный мыслитель, думающій невѣчныя мысли. Онъ хотя и одинъ, но исполняетъ желанія многихъ. Мудрецы, которые узрятъ его въ своемъ Я, обрѣтутъ вѣчный покой... Его нельзя достигнуть рѣчью, умомъ или глазомъ. Понять его можетъ только тотъ, кто говоритъ: *онъ есть*. Когда прекращаются всѣ желанія сердца, тогда смертный становится безсмертнымъ и достигаетъ Брамана".

По опредѣленію *M. Müller*'а, цѣль Упанишадъ — „показать высшую степень безполезности и пагубности всякихъ обрядовъ, осудить всякое жертвоприношеніе, въ основѣ котораго таится желаніе или надежда на награду, опровергнуть если не самое существованіе, то исключительный и преувеличенный характеръ Девъ и научить, что спасеніе заключается только въ признаніи истиннаго и всеобщаго Я, и въ поискахъ покоя тамъ, гдѣ онъ единственно находится".

Такъ работалъ человѣческій умъ въ Индіи тысячелѣтія тому назадъ и создалъ книги мудрости, считающіяся непосредственнымъ откровеніемъ и заключающія въ себѣ много ребяческаго. Отсюда разрослась чрезвычайно искусственная жреческая система; благодаря ей, браманы въ Индіи достигли верховной власти, которой они и впослѣдствіи вполнѣ не утратили.

ДОПОЛНЕНІЕ КЪ ГЛАВѢ ПЕРВОЙ [1]).

Основная идея религіи.—Погоня за богами.—Молитва.—Сила культа.— Безсмертіе боговъ и людей.— Наивно-религіозное отношеніе къ огню.— Культовая религія, теософія и мистика огня.—Культъ и космосъ.— Rtam.—

Во всякой религіозной системѣ есть своя основная идея, къ которой тяготѣетъ все содержаніе религіи. Въ іудаизмѣ — единобожіе и мессіанизмъ; въ маздеизмѣ (религіи Зороастра) — дуализмъ, и т. д. Въ ведаизмѣ такимъ центральнымъ пунктомъ является своеобразная идея *культа* и теософія культовыхъ божествъ — Агни и Сомы.

Индра—національное божество арійцевъ эпохи Ведъ; онъ неизмѣнно держитъ ихъ сторону въ борьбѣ съ неарійскими племенами Пенджаба; эти послѣднія, называемыя *дасью*, его услугами не пользуются, не поклоняются ему, не приносятъ ему жертвенныхъ даровъ и возліяній; онъ не ихъ богъ, онъ — богъ арійцевъ. Враждуютъ ли между собою два арійскихъ племени (или два союза арійскихъ общинъ), оба наперерывъ другъ передъ другомъ стараются привлечь Индру на свою сторону. Къ какимъ же средствамъ прибѣгаютъ они для привлеченія Индры? Они пользуются жертвоприношеніями, возліяніями, гимнами,—однимъ словомъ, силою *культа*.

Всѣмъ нуженъ Индра и всѣ обращаются къ нему. Но въ такомъ случаѣ почему же въ гимнахъ онъ такъ настойчиво приглашается „услышать именно насъ“, при чемъ подразумѣвается: „а не другихъ“? Развѣ онъ не могъ бы одновременно внять мольбѣ всѣхъ или многихъ? Въ томъ-то и дѣло, что онъ, такъ сказать, физически не въ состояніи сдѣлать этого. По понятіямъ эпохи, божество дѣйствуетъ не иначе, какъ движимое силою культа, при чемъ оно должно *самолично* явиться къ жертвоприношенію; вкусивъ жертвенные дары, возліянія и гимны, выслушавъ моленіе тѣхъ, которые совершили культъ, оно нѣкоторымъ образомъ *обязуется* или *принуждается* исполнить то, о чемъ его просятъ. Но

---

[1]) Въ дополненіе къ главѣ о ведаизмѣ, приводимъ выдержки изъ статьи извѣстнаго спеціалиста *проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго* «Религія индусовъ въ эпоху Ведъ» («В. Е.» 1892, 4—5.)

разъ божество услышало однихъ и явилось къ нимъ, то понятно, что оно отвернулось отъ другихъ. Ведійскіе боги, за изъятіемъ Агни, Сомы и еще нѣкоторыхъ, въ строгомъ смыслѣ не вездѣсущи и не всемогущи [1]) Есть сила выше ихъ, которая способна связать ихъ волю: это *сила культа.*

Понятіе „молитвы", которое мы можемъ извлечь изъ ведійскихъ обращеній къ божеству, далеко не совпадаетъ съ тѣмъ, которое мы привыкли соединять со словомъ: „молитва". Это не моленія въ собственномъ смыслѣ, это почти приказанія, но только особаго рода: ихъ удобнѣе всего назвать „заклинательными формулами". Въ ту отдаленную эпоху арійцы Пенджаба еще не достигли той ступени развитія, на которой люди впервые начинаютъ молиться. Настоящая молитва начинается тогда, когда человѣкъ приходитъ къ сознанію своего ничтожества передъ всемогуществомъ божества, когда онъ въ глубинѣ души смиряется передъ божественною волей и обращается къ божеству не иначе, какъ съ полной покорностью и глубокимъ благоговѣніемъ. Напрасно будемъ мы искать въ гимнахъ Ведъ выраженія этихъ чувствъ. Ведійскія отношенія человѣка къ божеству совсѣмъ иныя. Человѣкъ еще не созналъ своего ничтожества; онъ считаетъ себя если не равнымъ божеству, то нужнымъ ему. Дѣло въ томъ, что въ рукахъ человѣка находится нѣчто такое, безъ чего боги не могутъ обойтись, сила, которая необходима богамъ, которая ихъ питаетъ, поддерживаетъ ихъ божественную мощь и даже ихъ безсмертіе. Эта сила есть *культъ* вообще и „молитва" (въ ведійскомъ смыслѣ) въ частности.

Изучая многочисленные гимны Риг-Веды, мы убѣждаемся, что индусы того времени „молились" не иначе, какъ совершая извѣстные обряды жертвоприношенія. Молитва — это только одна изъ частей культа. Сама по себѣ, независимо отъ послѣдняго, она не мыслима: она потеряла бы всю свою силу, не дошла бы до божества, не могла бы на него воздѣйствовать.

„Молитвы" понимались какъ нѣчто объективное, независимое отъ молящагося человѣка; это не просто функція души человѣческой, а какъ бы самостоятельныя и къ тому же одаренныя сверхъестественною силой существа, которыми люди пользуются въ своихъ сношеніяхъ съ богами, потому что эти существа, эти „богини рѣчи" обладаютъ особою магическою силой — дѣйствовать

[1]) Эпитеты, указывающіе на всемогущество божествъ, встрѣчаются нерѣдко, но въ большинствѣ случаевъ они употреблены въ весьма условномъ смыслѣ. Не нужно упускать изъ вида также и того обстоятельства, что авторы ведійскихъ гимновъ часто намѣренно *льстятъ* данному божеству, приписывая ему такіе атрибуты, которые не вытекаютъ изъ его сущности. Сюда относится между прочимъ перенесеніе атрибутовъ одного божества на другое.

на волю боговъ. Однимъ словомъ, „молитвы“ и гимны были объективированы и обоготворены.

Теперь намъ нужно выяснить ведійское понятіе безсмертія, которое необходимо для правильнаго пониманія ведійской идеи культа.

Безсмертіе есть отличительный признакъ боговъ. Боги и богини, обоготворенныя явленія природы, разные атрибуты божествъ— очень часто опредѣляются эпитетами *амрта* и *амартья*—безсмертные; люди же, въ противоположность божествамъ, называются *марта, мартья*—смертные. Это различіе между „двумя племенами“, какъ называются въ гимнахъ Риг-Веды люди и боги, проведено съ достаточной отчетливостью и послѣдовательностью. Но при всемъ томъ разстояніе между безсмертіемъ божествъ и смертностью людей, съ ведійской точки зрѣнія, далеко не такъ велико, какъ мы могли бы думать.

Боги безсмертны, но ихъ безсмертіе не обходится безъ поддержки со стороны культа, а культъ находится въ рукахъ людей; стало-быть, люди являются нѣкоторымъ образомъ блюстителями безсмертія боговъ. Божество какъ бы ждетъ отъ смертныхъ подтвержденія и признанія своего безсмертія, какъ и другихъ своихъ атрибутовъ.

Совершая для того или другого божества таинство культа, актъ жертвоприношенія, человѣкъ, по выраженію гимна, „снаряжаетъ его, это божество, для безсмертія“.

На чемъ же зиждется эта таинственная сила культа?

Первоисточникъ безсмертія, это—*священный огонь* (Агни). Онъ именуется безсмертнымъ не только какъ богъ, какъ всякое божество, но и какъ источникъ безсмертія для другихъ боговъ.

Дѣло въ томъ, что *огонь* есть по преимуществу *божество культа*; онъ образуетъ необходимую основу, безъ которой немыслимо никакое священнодѣйствіе. Все, что люди преподносятъ богамъ въ актѣ жертвоприношенія, проходитъ черезъ священный огонь, который служитъ посредникомъ между людьми и богами; вотъ почему культъ можетъ оказывать поддержку безсмертію боговъ.

Въ культѣ есть еще одинъ источникъ безсмертія. Это— священный напитокъ Сомы, который составляетъ необходимую принадлежность священнодѣйствія. Сома есть божество не только опьянѣнія, экстаза, пѣнія, поэзіи, но также и безсмертія, какъ и Агни. Онъ именуется безсмертнымъ въ томъ же смыслѣ, какъ и Огонь, т. е. онъ безсмертенъ не только самъ по себѣ, но является также источникомъ безсмертія для боговъ.

Итакъ культъ является для боговъ поддержкою ихъ безсмертія, потому что онъ зиждется на Огнѣ, и потому также, что Сома составляетъ его неотъемлемую принадлежность.

Благодѣяніями культа пользуются не одни боги, — ими пользуются и люди. Можно даже сказать, что культъ есть учрежденіе, имѣющее въ виду преимущественно благо людей. Онъ оказываетъ извѣстныя услуги богамъ, обязуя ихъ тѣмъ самымъ покровительствовать и помогать людямъ. Но, помимо этого, люди непосредственно извлекаютъ извѣстныя выгоды изъ культа, участвуя вмѣстѣ съ богами въ „жертвенномъ пиршествѣ“, вкушая жертвенную пищу и напитокъ Сомы. Они, стало-быть, также и „пріобщаются“ Огню и Сомѣ, этимъ первоисточникамъ безсмертія. Неужели же это пріобщеніе можетъ не отразиться на ихъ смертной природѣ? Ясное дѣло, что оно не можетъ пройти безслѣдно, и человѣкъ такимъ путемъ пріобрѣтаетъ своего рода безсмертіе.

Въ чемъ же состоитъ это безсмертіе смертныхъ?

Прежде всего оно сводится къ *размноженію потомства*. Въ гимнахъ на ряду съ „безсмертіемъ“ говорится также о „славѣ“: это не что иное, какъ увѣковѣченіе имени въ потомствѣ, это почти синонимъ „человѣческаго безсмертія“, которое состоитъ въ продленіи рода. Въ Ригъ-Ведѣ мы встрѣчаемся съ одной изъ характерныхъ идей древности — съ своеобразнымъ, весьма отличнымъ отъ нашего, пониманіемъ личности и ея отношеній къ предкамъ и потомкамъ. Неразрывными религіозными узами былъ связанъ человѣкъ съ цѣлыми поколѣніями своихъ предковъ, *души* которыхъ, на ряду съ богами, являлись предметомъ религіознаго почитанія. Всѣ поколѣнія предковъ призываются къ участію въ жертвенномъ пиршествѣ; имъ преподносятъ жертвенную пищу, возліянія, напитокъ Сомы. Культъ предковъ необходимъ для поддержанія ихъ безсмертія и образуетъ священную обязанность человѣка, для котораго потерять связь съ предками значило потерять то цѣлое, часть котораго онъ составлялъ. Это цѣлое слагалось изъ двухъ огромныхъ половинъ: изъ длиннаго ряда поколѣній, теряющихся въ глубинѣ временъ, и изъ неопредѣленно-длиннаго ряда поколѣній грядущихъ.

Итакъ, заключая все сказанное о ведійскомъ понятіи безсмертія, мы можемъ подраздѣлить его на три категоріи: во-первыхъ, безсмертіе Агни и Сомы, представляющееся абсолютнымъ и служащее источникомъ безсмертія для другихъ боговъ, а также и для людей; во-вторыхъ, безсмертіе другихъ боговъ (кромѣ Агни и Сомы и отчасти также кромѣ Земли и Неба — божествъ космическихъ), представляющееся относительнымъ, требующее подтвержденія и поддержки со стороны культа; въ-третьихъ, безсмертіе людей, еще болѣе относительное, сводящееся къ безсмертію душъ и непрерывности рода, цѣликомъ основанное на родовомъ культѣ предковъ.

Есть основаніе думать, что самое понятіе „безсмертія“ развилось изъ понятія „долгой жизни“, и что первоначально боги на-

зывались безсмертными не въ смыслѣ „неподлежащихъ смерти“, а въ смыслѣ „долго живущихъ“, „не (скоро) умирающихъ“.

Но когда человѣкъ сравнивалъ свою смертную природу или свое — человѣческое — безсмертіе съ безсмертіемъ Агни и Сомы, то въ его сознаніи обрисовывалось отношеніе иного рода. Агни и Сома безсмертны и вѣчны; ихъ жизненная мощь не можетъ изсякнуть и не нуждается въ поддержкѣ со стороны культа, который отъ нихъ же и получаетъ всю свою силу. Передъ лицомъ Агни и Сомы человѣкъ долженъ былъ яснѣе всего сознавать и признавать всю бренность своей смертной природы. И дѣйствительно, противопоставленія смертной природы человѣка безсмертію божества чаще всего встрѣчаются въ гимнахъ, посвященныхъ Агни и Сомѣ. Но это сознаніе своей бренности должно было быть весьма своеобразно и, конечно, весьма мало отвѣчало подобному же сознанію, свойственному намъ, ибо общее отношеніе индусовъ эпохи Ведъ къ божеству далеко не походило на наше. Изучая религіозное сознаніе древнихъ, мы должны по возможности не поддаваться весьма понятному искушенію — приписывать имъ наши современныя или вообще болѣе позднія понятія и чувства.

Въ гимнахъ Риг-Веды отразилось то впечатлѣніе, которое производилъ огонь на младенческіе умы огнепоклонниковъ. Въ явленіи огня все казалось имъ удивительнымъ и необычайнымъ. Яркое пламя огня, его жаръ, его блескъ, его дымъ вызывали восторженное удивленіе. Поразительнымъ казался и тотъ фактъ, что огонь свѣтитъ *даже* ночью, а равно и то, что онъ виденъ издали. Съ чувствомъ особливаго изумленія было отмѣчено также стремленіе огня къ небу при содѣйствіи вѣтра. Не безъ любопытства наблюдали, какъ огонь „пожираетъ“ дрова, растенія и всякую пищу, которую ему предлагали, при чемъ особенно казалось поразительнымъ то, что это легкое, эѳирное существо такъ ловко справляется не только съ мягкою, но и съ твердою пищей.

Ихъ воображеніе было поражено явленіями и свойствами огня, а подъ вліяніемъ *двухъ важныхъ факторовъ,* это „наивное изумленіе“ преобразовывалось и претворялось въ религіозное чувство.

Первый факторъ — *логическій.* Логика подсказывала, что огонь есть живое существо, одаренное разумомъ и волею. На той ступени развитія, на которой стояли эти огнепоклонники въ древнѣйшее время, человѣкъ въ высшей степени субъективенъ и представляетъ себѣ вещи не иначе, какъ приписывая имъ свои собственные атрибуты. Ощущая въ себѣ жизнь, волю, чувство, разумъ, онъ всюду усматриваетъ присутствіе этихъ признаковъ. Онъ заранѣе предрасположенъ во всякомъ явленіи встрѣтить живое и сознательное существо. Наблюденія, которыя онъ дѣлаетъ, черты, которыя

бросаются ему въ глаза, въ большинствѣ случаевъ идутъ навстрѣчу такому предрасположенію и оправдываютъ эту точку зрѣнія. Такъ, въ огнѣ прежде всего бросалась въ глаза его яркость, стремительность, подвижность, жаръ его пламени, теплота, которую онъ распространяетъ, — признаки, невольно вызывавшіе въ умѣ представленіе жизненности.

Такимъ образомъ, путемъ логики, подкрѣпленной наблюденіемъ, люди пришли къ воззрѣнію на огонь какъ на живое существо, одаренное волею и разумомъ, какъ одаренъ ими человѣкъ, но только существо высшаго порядка, существо „сверхъестественное“ или, лучше сказать, сверхъчеловѣческое.

Второй факторъ — *культурный*. Открытіе огня, т. е. способовъ искусственно добывать его (изъ дерева посредствомъ тренія и изъ камня черезъ высѣканіе), совершонное въ глубочайшей, незапамятной древности, задолго до раздѣленія индо-европейскихъ племенъ, было въ свое время величайшимъ завоеваніемъ и могущественнѣйшимъ орудіемъ цивилизаціи. И много вѣковъ спустя, уже послѣ раздѣленія индо-европейскихъ племенъ, долго еще сохранялись старыя преданія о священномъ огнѣ, объ его открытіи, о перенесеніи его съ небесъ на землю, о многочисленныхъ услугахъ и благодѣяніяхъ, которыя онъ оказалъ людямъ.

Итакъ, вотъ тѣ три психологическіе фактора, которыхъ дѣйствіе было вызвано явленіемъ и культурной ролью огня: 1) изумленіе передъ его необычайными свойствами, 2) работа примитивной логики, приведшая къ воззрѣнію на огонь, какъ на живое существо, и 3) сознаніе зависимости отъ него человѣка, сознаніе услугъ, имъ оказанныхъ людямъ, культурныхъ благодѣяній, которыя онъ расточалъ. Совмѣстное дѣйствіе этихъ трехъ факторовъ привело къ ихъ сліянію въ одно психологическое цѣлое, явившееся какъ новый психологическій моментъ, гораздо болѣе сложный и заключавшій въ себѣ зародыши дальнѣйшаго и весьма плодотворнаго развитія. Это было — *религіозное чувство* по отношенію къ огню. Установилась та специфическая *связь* (religio) человѣка съ обоготвореннымъ явленіемъ, которая придаетъ своеобразную окраску всѣмъ чувствамъ и помысламъ, вызываемымъ въ человѣкѣ даннымъ явленіемъ. Отнынѣ онъ будетъ изумляться ему, любить его, дорожить имъ, сознавать свою зависимость отъ него и т. д. — не такъ, какъ это происходило раньше. Всѣ эти струны душевныя будутъ теперь трепетать учащеннѣе и сильнѣе, ихъ звуки будутъ чище, выше, страстнѣе, значительнѣе. Вникая въ нихъ, мы легко подслушаемъ первые аккорды зарождающагося *мистическаго чувства*, воздѣйствіе котораго на младенческую психію человѣка было въ высокой степени сильно и плодотворно.

Возникновеніе *религіознаго* отношенія къ огню привело къ созданію его *теологической* и *культовой* концепціи.

Для индусовъ эпохи Ведъ, какъ и вообще для древнихъ народовъ, стоявшихъ на той же ступени развитія, сказать, что какой-то Агни, Индра, Аполлонъ, Зевсъ и пр. есть богъ — значило ничего не сказать или, по крайней мѣрѣ, сказать очень мало. Нужно было опредѣлить, *чего именно этотъ богъ есть богъ*. Понятіе „богъ" было равносильно понятію дѣятель, заправитель, владыка, податель, при чемъ каждое божество дѣйствовало въ опредѣленномъ районѣ, заправляло извѣстнымъ кругомъ явленій, было владыкою и подателемъ извѣстныхъ благъ. Были, разумѣется, такіе „дары", которые могло дать любое божество, и также нѣкоторыя явленія разсматривались, какъ общая принадлежность двухъ, трехъ, многихъ, даже всѣхъ боговъ. Но, за вычетомъ этихъ случаевъ, каждое божество имѣло свою спеціальность, свою строго опредѣленную функцію. Въ чемъ же состояла спеціальность или функція Агни?

Самый распространенный и самый характерный эпитетъ Агни, это — *жрецъ* и притомъ такой, котораго спеціальность состоитъ въ томъ, чтобы совершать *возліянія* богамъ и произносить молитвенныя воззванія, къ нимъ обращенныя.

Жреческая дѣятельность Агни выражалась, во-первыхъ, въ томъ, что онъ *приводилъ боговъ* къ жертвоприношенію, во-вторыхъ, въ томъ, что онъ *возносилъ къ богамъ* возліянія, жертвенные дары, молитвы и гимны людей. Боги „вкушали" все это не иначе, какъ черезъ посредство Агни.

Онъ также другъ и благодѣтель смертныхъ, среди которыхъ онъ живетъ, *гоститъ*. Живя у людей, онъ является жрецомъ-посредникомъ между ними и богами; онъ приводитъ боговъ къ культу и возноситъ къ богамъ дары, молитвы и гимны смертныхъ. Въ этомъ-то и состоитъ его роль, какъ *вѣстника*. Въ концѣ концовъ онъ — вѣстникъ постольку, поскольку онъ — жрецъ.

Этотъ богъ, гость и благодѣтель смертныхъ рисовался въ воображеніи его поклонниковъ какъ великій мудрецъ, который все знаетъ, все видитъ, все понимаетъ.

Огонь добывали посредствомъ тренія двухъ кусковъ дерева[1]). Эта процедура рано или поздно должна была навести на вопросъ: какимъ образомъ треніе можетъ производить огонь? На этотъ вопросъ не могли отвѣтить иначе, какъ предположивъ, что

[1]) Инструментъ для добыванія священнаго огня состоялъ изъ двухъ частей, называвшихся *арани*: одна изъ нихъ была дощечка съ углубленіемъ посрединѣ, а другая — палочка, заостренный конецъ которой опускался въ это углубленіе; за симъ, посредствомъ веревокъ или ремней, она приводилась въ быстрое вращательное движеніе, результатомъ коего и было воспламененіе ея остраго конца. Огонь понимался, какъ сынъ двухъ *арани*.

огонь — это такое живое существо, которое имѣетъ свойство невидимо скрываться въ деревѣ, откуда его извлекаютъ посредствомъ тренія. Опытъ показывалъ, что онъ скрывается также въ камнѣ, откуда его получали черезъ высѣканіе. Далѣе было установлено его присутствіе въ грозовыхъ тучахъ, изъ которыхъ онъ выскакиваетъ въ видѣ молніи. А такъ какъ въ этихъ тучахъ находятся небесныя воды, то молнія была концепирована какъ огонь, скрывающійся въ водахъ, и получила спеціальное названіе: „Агни—сынъ водъ". Дожди, падая на землю, приносятъ съ собою зародыши огня, скрывающагося въ дождевыхъ капляхъ; вмѣстѣ съ послѣдними эти зародыши проникаютъ въ землю и, оплодотворяя ее, переходятъ въ растенія, выходящія изъ земли и растущія подъ воздѣйствіемъ животворной мощи огня, въ нихъ пребывающаго. Это — своего рода „научная" теорія, объяснявшая явленіе растительности и возможность добыванія огня изъ дерева. Итакъ, огонь находится, видимо или незримо, вездѣ: на небѣ, гдѣ онъ обнаруживается въ свѣтилахъ небесныхъ, въ землѣ, въ водахъ, въ растеніяхъ, въ камняхъ, въ тѣлахъ людей и животныхъ. Это божество *космическое*, *вездѣсущее* и *всепроникающее*. Его безсмертіе является лишь необходимымъ постулатомъ этихъ атрибутовъ его. Оно не есть то условное безсмертіе, которое присуще, напр., Индрѣ и возводится къ понятію „долгой жизни". Оно больше этого „безсмертія", оно есть *вѣчность*.

Такимъ образомъ, представленіе о *мудрости* Огня развилось изъ его *теософической* концепціи, изъ вѣрованія въ стихійную природу этого божества, сокровенно пребывающаго во всякомъ тѣлѣ.

По навстрѣчу этому воззрѣнію шло нѣсколько иное представленіе о мудрости Агни, развивавшееся изъ другого источника, изъ вышеуказаннаго взгляда на культурное и цивилизаціонное значеніе Огня. Какъ мы видѣли выше, индусы довольно долго не переставали смотрѣть на Агни, какъ на цивилизатора и благодѣтеля смертныхъ. Оттуда — одинъ шагъ къ признанію необыкновенной *мудрости* Агни. Онъ — мудрецъ просто потому, что онъ „устрояетъ общежитія смертныхъ", что онъ — цивилизаторъ. И мнѣ кажется, что *эта* именно его мудрость, — культурная, житейская, общественная, должна быть отмѣчаема отъ его высшей, метафизической мудрости.

Послѣ всего вышеизложеннаго читателю должна быть ясна та связь, которая существовала между „культовой религіей" и „теософіей" Огня. Конечно, культовая утилизація огня, то-есть его употребленіе для цѣлей культа, должна была возникнуть раньше, чѣмъ развилась его „теософія". Послѣдняя развивалась постепенно, по мѣрѣ того, какъ открывали присутствіе сокровеннаго огня въ

разныхъ тѣлахъ. Но когда эта теософія окончательно установилась, то она не могла, въ свою очередь, не воздѣйствовать, и притомъ могущественно, на культовую концепцію Огня. Выяснилось, что не даромъ далекіе праотцы избрали Агни жрецомъ-посредникомъ между людьми и богами. Кому же исполнять эту функцію, какъ не ему, божеству космическому и стихійному, всюду пребывающему, разлитому по всей природѣ, источнику жизни и безсмертія, обладателю высшей мудрости?

Подъ тѣмъ же воздѣйствіемъ развилась и другая сторона этихъ сложныхъ идей, группировавшихся вокругъ симпатичнаго образа „кроткаго друга и гостя“ людей, а именно сторона *мистическая*. Агни — божество скрывающееся, прячущееся. Его нужно было искать, и старыя легенды, уходящія въ глухую индоевропейскую древность, повѣствовали о томъ, какъ впервые онъ былъ найденъ и утилизированъ.

Всѣ эти легенды образуютъ только часть мистики Огня. Существенное содержаніе этой послѣдней имѣетъ своимъ предметомъ „таинство“ культа. Вотъ въ немногихъ словахъ мистическая сущность этого „таинства“.

Великое космическое божество, наполняющее собою вселенную, величаво обнаруживающееся въ свѣтовыхъ явленіяхъ неба, источникъ жизни и безсмертія, спрятано въ деревѣ. Это его тайное убѣжище. Неоднократно говорится, что онъ „помѣщенъ тайно“ или въ „потаенномъ мѣстѣ“ въ тѣхъ двухъ „арани“, изъ которыхъ онъ извлекается посредствомъ тренія. Онъ представлялся зачатымъ въ деревѣ и рождающимся отъ дерева.

Процедура культа, это — великая *мистерія*, въ которой люди овладѣваютъ величайшимъ божествомъ, превратившимся въ младенца; съ восторгомъ и религіознымъ трепетомъ взираютъ они на него, какъ онъ растетъ, какъ онъ пылаетъ на алтарѣ, устанавливая связь земли съ небомъ и обязуя боговъ служить людямъ. Объятые мистическимъ восторгомъ, они и привѣтствовали его крылатымъ словомъ гимна:

Онъ — первый жрецъ, — смотрите на него вы,
На этотъ свѣтъ — безсмертный среди смертныхъ!

Изъ вышеочерченной культовой и теософической концепціи Огня вытекаетъ слѣдующее:

Великое и таинственное божество *культа*, Агни-*жрецъ*, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и божество космическое, движущая и животворящая сила космоса. Поэтому понятіе *міра* и *порядка*, въ немъ царящаго, осложняется представленіями, взятыми изъ понятія *культа*.

Космосъ изображается какъ своего рода культъ, какъ грандіозное всемірное жертвоприношеніе. Космосъ, это — *макрокозмъ* культа.

И обратно: великое космическое божество — Агни-Джатаведасъ — есть вмѣстѣ съ тѣмъ и, по преимуществу, божество жертвоприношеній. Поэтому понятіе *культа* и *порядка*, въ немъ царящаго, осложняется признаками, взятыми изъ понятія космоса. Культъ изображается какъ своего рода маленькій космосъ, какъ *микрокозмъ*, въ которомъ собраны всѣ важнѣйшія стихіи и силы міра.

Между этими двумя сферами, космосомъ и культомъ, между этими двумя *порядками*, аналогичными и соотносительными, завязаны искони таинственныя связи. Если культъ зависитъ отъ космоса (ибо отъ него получаетъ свой матеріалъ), то космосъ, въ свою очередь, находится въ прямой зависимости отъ культа, ибо въ таинствѣ послѣдняго этотъ матеріалъ такъ сконцентрированъ и организованъ, что становится могущественною силой, магически дѣйствующей на весь міръ. Эта сила находится въ рукахъ людей, — и люди управляютъ космосомъ „уздою культа".

Все это, вмѣстѣ взятое, то-есть вселенная, какъ макрокозмъ культа, культъ — какъ микрокозмъ, ихъ взаимныя связи, ихъ зависимость другъ отъ друга, магическая сила культа, наконецъ, *порядокъ*, царящій въ той и въ другой сферѣ, — все это образуетъ сложную религіозную идею, которая въ гимнахъ Ведъ обозначается словомъ „ṛtam".

Въ примѣненіи къ культу этотъ терминъ обозначаетъ тотъ строгій порядокъ, который соблюдался при совершеніи обрядовъ жертвоприношенія. Ṛtam культа, это — стройная система священнодѣйствій и пѣснопѣній, издревле установленная и нерушимо соблюдаемая во всѣхъ своихъ частяхъ и подробностяхъ. Но эта система, если можно такъ выразиться, не стоитъ на мѣстѣ: она движется, она повторяется ежедневно — съ незапамятныхъ временъ, съ тѣхъ поръ, какъ впервые отдаленные миѳическіе предки, по преданію, учредили таинство культа и упорядочили его составныя части. Съ тѣхъ поръ колесо культа катится безостановочно.

Въ примѣненіи къ космосу ṛtam обозначаетъ порядокъ, господствующій въ мірѣ, правильную смѣну временъ года, дня и ночи, движенія свѣтилъ, законосообразность явленій. Это космическое ṛtam изображается часто какъ продуктъ творческой дѣятельности боговъ, при чемъ каждое божество является творцомъ ṛtam — порядка въ подвѣдомственной ему сферѣ явленій.

ГЛАВА II.

Браманизмъ.

Сутры. — Философы-раціоналисты. — Шесть шастръ. — Общія положенія. — Какъ достигнуть освобожденія. — Значеніе поступковъ. — Философская система. Санкхія. — Философская система Іога. — Древніе обряды. — Уставъ Гаутамы. — Обряды очищенія. — Четыре браманскихъ ордена. — Аскетъ. — Отшельникъ. — Обязанности домохозяина. — Цари. — Въ какихъ случаяхъ не полагается читать Ведъ. — Различныя запрещенія. — Обязанности женщинъ. — Отверженные. — Епитиміи и наказанія. — Законы Ману и ихъ эпоха. — Происхожденіе міра. — Высокій религіозный идеалъ. — Самобичеваніе. — Изученіе Ведъ, какъ привилегія. — Боги по законамъ Ману. — Новыя рожденія и ады. — Обязанности четырехъ кастъ. — Притязанія брамановъ. — Четыре періода жизни. — Ученикъ. — Либеральныя мысли. — Домохозяинъ. — Главные повседневные обряды. — Жертвоприношенія за умершихъ. — Положеніе женщинъ. — Подарки. — Нравственныя заслуги. — Отшельникъ. — Нищенствующій аскетъ. — Обязанности царя. — Превосходство брамановъ. — Преступленія. — Наказанія. — Оправданіе лжи. — Касты. — Смѣшанныя касты. — Переселеніе душъ. — Значеніе законовъ Ману. — Сводъ законовъ Яджнавалькіи.

Ведійская священная литература разрослась до такой степени, что никто не могъ цѣликомъ изучить или усвоить ея. Понадобилось сокращенное изложеніе откровеній и обрядовыхъ правилъ, которые мы находимъ въ формѣ *Сутръ,* или сборниковъ афоризмовъ, сжато передающихъ самыя необходимыя свѣдѣнія. Сутры составлялись различными авторами для различныхъ браманскихъ семействъ и появлялись въ несмѣтномъ количествѣ. Всѣ онѣ основаны на Ведахъ и на соотвѣтствующихъ Браманахъ и сохраняютъ многія особенности ведійскаго языка. Въ нихъ впервые дается полный очеркъ кастовой системы, составленный въ эпоху, совпадающую съ возникновеніемъ и распространеніемъ буддизма.

Лѣтъ за 500 до Р. Х., одновременно съ Буддой, появилась масса философовъ-раціоналистовъ, которые, признавая авторитетъ Ведъ и высокое значеніе Браманъ, въ то же время свободно обсуждали философскіе и міровые вопросы. Ихъ доктрины свелись, въ концѣ концовъ, къ шести главнымъ системамъ или *шастрамъ,* хронологическій порядокъ которыхъ еще не выясненъ. Эти философскія системы заключаютъ въ себѣ много общаго и до сихъ поръ приняты большинствомъ образованныхъ индусовъ. Общими положе-

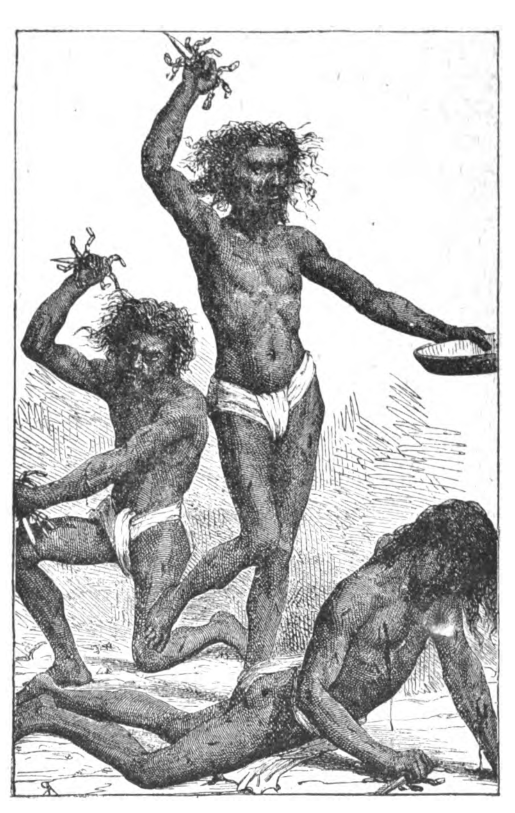
ніями въ нихъ являются: вѣчность души, какъ верховной души или Брамана, такъ и индивидуальной или Атмана; вѣчность матеріи или вещества, изъ котораго произошелъ міръ; то, что душа можетъ мыслить и желать лишь тогда, когда она входитъ въ тѣлесную оболочку и соединяется съ разумомъ, какъ она и проявлялась въ теченіе ряда вѣковъ въ лицѣ Брамы, Вишну, Сивы и др. боговъ и въ образѣ людей; что соединеніе души съ тѣломъ налагаетъ узы, а у людей порождаетъ несчастіе; что послѣдствія хорошихъ и дурныхъ поступковъ частью находятъ возмездіе на небѣ или въ аду, а частью искупаются переселеніемъ душъ въ различныя животныя, вещественныя и высшія формы; что это переселеніе душъ обусловливается зломъ, но что душа несетъ лишь послѣдствія своихъ дѣяній, хотя бы они произошли въ ея незапамятныхъ прошлыхъ существованіяхъ; и, наконецъ, что великая цѣль философіи — вызвать безразличіе мысли, чувства и поступковъ и содѣйствовать возвращенію личности въ положеніе первоначальной души.

Образчикомъ философіи Сутръ могутъ служить выдержки изъ Ніяйи философа Гаутамы (котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ Буддой). Вотъ что говорится о злополучныхъ повторныхъ рожденіяхъ: „Несчастье, рожденіе, дѣятельность, заблужденія, ложныя понятія — если все это устранять по очереди (начиная съ послѣдняго), то устраняется и предыдущее; затѣмъ, наконецъ, наступаетъ освобожденіе“ (*Monier Williams*). Индусскій комментарій къ этому гласитъ слѣдующее: „Ложныя понятія порождаютъ пристрастіе и предубѣжденіе, отсюда происходятъ: злословіе, зависть, обманъ, увлеченіе, гордость, скупость. Дѣйствуя тѣлесно, человѣкъ совершаетъ обиды, кражи, предается беззаконію, чувственности, становится лживымъ, грубымъ, злоязычнымъ. Порочныя дѣла заслуживаютъ наказанія; но добрыя дѣла: благотворительность, услужливость, правдивость, прямая рѣчь, повтореніе Ведъ, доброта, безкорыстіе и почтительность, достойны награды. Такимъ образомъ, награда или наказаніе назначается сообразно поступкамъ. Поступками же обусловливается какъ низкое, такъ и благородное рожденіе. Спутникъ рожденія — страданіе, т. е. горесть, бѣда, болѣзнь и печаль. Освобожденіе есть прекращеніе всего этого. Какой разумный человѣкъ не пожелаетъ освободиться отъ страданія?“

Какъ эта система, такъ и ея дополненіе — Вайшешика, — учатъ о вѣчности матеріальныхъ атомовъ, а также — высшей Души и индивидуальныхъ душъ. Философія Санкхія держится болѣе положительныхъ взглядовъ по этимъ вопросамъ и гласитъ: „Не можетъ что-нибудь возникнуть изъ ничего; то, чего нѣтъ, не можетъ развиться въ то, что есть“. Она признаетъ, что есть сущность или

эссенція, развивающаяся и производящая все остальное вмѣстѣ съ душами, которыя не созданы и не созидаютъ, но соединяются съ производителемъ міра въ различныхъ степеняхъ. Развитіе этихъ идей въ позднѣйшей индусской теологіи и философіи будетъ указано ниже.

Философія Іога служитъ основой индійскаго аскетизма. Она признаетъ Высшее Существо и стремится научить человѣческую душу, какъ достигнуть полнаго единенія съ высшею Душой. Въ ней пространно изложены преимущества созерцанія слога Омъ, какъ символа божества. Умственное сосредоточеніе облегчается тѣлесными лишеніями, утомительными позами, религіозными размышленіями, удерживаніемъ дыханія, умерщвленіемъ чувствъ и т. д.; предполагается, что вѣрующій такими путями можетъ достигнуть единенія съ высшимъ Существомъ даже въ земной жизни.

Индусскіе религіозные фанатики (Іоги).

Два философскихъ ученія — Джаймини и Веданта — разрабатываютъ обрядовую сторону. Первое изъ нихъ придаетъ обрядамъ чуть ли не божеское значеніе и высказываетъ сомнѣніе въ непогрѣшимости Ведъ. Веданта основывается на пантеизмѣ Упанишадъ.

Многіе индусскіе церемоніалы въ древности также были сведены въ Сутры, при чемъ каждая школа имѣла свою форму. Нѣкоторыя Сутры, предшествовавшія знаменитымъ законамъ Ману, дошли и до насъ. Онѣ представляютъ нѣчто въ родѣ руководства, составленнаго ведійскими учителями для своихъ школъ и лишь

впослѣдствіи послужившаго общимъ связующимъ звеномъ для арійцевъ. „Уставъ Священнаго Закона“, приписываемый Гаутамѣ, начинается признаніемъ Ведъ за источникъ священнаго закона, затѣмъ указываетъ время и способъ посвященія брамана и описываетъ обряды очищенія послѣ прикосновенія къ нечистымъ предметамъ. Вотъ одинъ изъ этихъ обрядовъ:

„Обратившись лицомъ къ востоку или къ сѣверу, онъ долженъ очищаться отъ оскверненія. Сидя на чистомъ мѣстѣ, держа правую руку между колѣнъ, расправивъ платье (или жертвенный шнуръ), какъ при жертвоприношеніяхъ богамъ, онъ долженъ три или четыре раза вымыть руки до запястья, затѣмъ молча выпить глотокъ воды, которая доходитъ до сердца, дважды вытереть губы, окропить ноги и голову, дотронуться до головной впадины правою рукой и потомъ приложить ее къ темени и къ пупку“.

Изученіе каждой Веды продолжалось двѣнадцать лѣтъ, но можно было ограничиться и одной изъ нихъ. Изучивъ Веду, браманъ выбиралъ для себя любой изъ четырехъ орденовъ: учениковъ, домохозяевъ, аскетовъ или лѣсныхъ отшельниковъ. Отъ аскета требовалось, чтобы онъ жилъ милостыней, подавлялъ въ себѣ всякія желанія и выказывалъ равнодушіе ко всѣмъ живымъ существамъ, независимо отъ того, хорошо или дурно они къ нему относятся. Отшельникъ долженъ былъ жить въ лѣсу, питаться плодами и корнями, умерщвлять плоть, почитать боговъ, тѣней (культъ предковъ), людей, демоновъ и риши (великихъ ведійскихъ учителей). Онъ не имѣлъ права ни заходить въ деревню, ни ступать на вспаханную землю; его одежда состояла изъ древесной коры и звѣриныхъ шкуръ.

Для домохозяина бракъ и связанные съ нимъ обряды имѣли огромное значеніе, поэтому даны были подробнѣйшія указанія относительно выбора жены и свадебныхъ церемоній, которыя видоизмѣнялись, сообразно роду брака. Потомство отъ брака представителей различныхъ кастъ выдѣлялось въ особую касту. Домохозяинъ долженъ совершать сложныя домашнія церемоніи съ жертвоприношеніями: богамъ, владѣющимъ восемью пунктами горизонта, Марутамъ — на порогѣ дома; домашнимъ богамъ — внутри дома; Браману — въ центрѣ дома; Водамъ — у котла; Эѳиру — на воздухѣ, и ночнымъ духамъ — передъ вечеромъ. Онъ долженъ быть гостепріимнымъ, и передъ тѣмъ, какъ вкусить пищи, накормить своихъ гостей, дѣтей, больныхъ, женщинъ, стариковъ и людей низкаго происхожденія. Браману въ случаѣ нужды позволяется зарабатывать себѣ хлѣбъ различными занятіями и воспрещается только продавать нѣкоторые сорта товаровъ.

Уставъ Гаутамы поддерживаетъ авторитетъ царей, но въ то

же время требуетъ особыхъ привилегій для брамановъ, такъ, напр., чтобы ихъ, какъ лицъ высокаго происхожденія и жреческаго сословія, не подвергали тѣлесному наказанію, тюремному заключенію, денежному штрафу, изгнанію или поношенію. Правдивость рѣчи и показаній всегда вмѣняется въ обязанность.

Одна изъ любопытнѣйшихъ главъ этого Устава подробно указываетъ, въ какихъ случаяхъ не полагается читать Ведъ, напр., если вѣтеръ поднимаетъ пыль среди дня или воетъ ночью; если слышится лай собакъ, вой шакаловъ или ржаніеословъ; если человѣкъ ѣдетъ въ экипажѣ или же на вьючныхъ животныхъ; если онъ проѣзжаетъ черезъ кладбище, черезъ околицу деревни; если гремитъ громъ во время дождя и т. д. и т. д.

Интересны также свѣдѣнія о подаркахъ, которые можно принимать отъ дважды рожденныхъ людей (т. е. отъ чистокровныхъ арійцевъ). Въ крайности, если нельзя достать никакихъ средствъ къ существованію, то браману дозволяется принять помощь отъ Судры (представителя одного изъ порабощенныхъ, подчиненныхъ народовъ). Домохозяинъ не долженъ ѣсть пищи, въ которую попалъ волосъ или насѣкомое, или которую понюхала корова, или которая была разогрѣта, или того, что было подарено дурными людьми, исполняющими низкія обязанности. Перечисленіе животныхъ, которыхъ нельзя употреблять въ пищу, напоминаетъ книгу Левитъ; впрочемъ, нѣкоторыя ограниченія для лицъ, принадлежащихъ къ высшему или къ избранному сословію, свойственны многимъ религіямъ. Браманы не должны пить молока овецъ, верблюдовъ и полнокопытныхъ; имъ нельзя употреблять въ пищу животныхъ о пяти пальцахъ, за исключеніемъ дикобраза, зайца, кабана, игуаны, носорога и черепахи; запрещается также ѣсть животныхъ съ двойнымъ рядомъ зубовъ, животныхъ, покрытыхъ чрезмѣрно густой шерстью или вовсе лишенныхъ шерсти, полнокопытныхъ и др.

Женщинамъ предписывается точно исполнять обязанности по отношенію къ мужьямъ, удерживать языкъ, глаза и поступки; при этомъ, однако, для нихъ считается законнымъ и справедливымъ многое такое, что возмутило бы христіанъ. Раннія помолвки поощряются.

За нѣкоторыя преступленія, какъ, напр., за убійство, за оскорбленіе брамана, за сношенія съ отверженными, человѣкъ подвергается изгнанію, и это наказаніе едва ли не древнѣе самого браманизма. „Быть отверженнымъ“, говоритъ Гаутама: „это значитъ лишиться права на законныя занятія дважды-рожденныхъ людей, а послѣ смерти – на награду за достойныя дѣла“.

За проступки налагались многочисленныя строгія епитиміи.

Убійца брамана долженъ былъ изнурять себя лишеніями и трижды броситься въ огонь, или же, сохраняя цѣломудріе, въ теченіе двѣнадцати лѣтъ заходить въ деревню только за милостыней, при этомъ носить въ рукѣ ножку кровати и черепъ и всенародно разсказывать о своемъ проступкѣ. Стоя днемъ, сидя ночью и совершая омовенія трижды въ день, черезъ двѣнадцать лѣтъ онъ могъ освободиться отъ грѣха; того же онъ достигалъ, если спасалъ жизнь браману. Браманская литература упорно отстаиваетъ святость и неприкосновенность жрецовъ и стремится вполнѣ подчинить своему авторитету повседневную жизнь арійцевъ. Строжайшія епитиміи налагаются за употребленіе спиртныхъ напитковъ, напримѣръ: „надо влить горячій спиртной напитокъ въ ротъ брамана, вкусившаго такой напитокъ; онъ получитъ очищеніе послѣ смерти“. Строгія тайныя епитиміи назначаются тѣмъ, чьи грѣхи не были публично обнародованы. Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, что всѣ эти правила установлены для того, чтобы умышленно нанести уронъ культу боговъ; но обязательные обряды и епитиміи пріобрѣли такую силу, что умалили значеніе боговъ и подняли вліяніе брамановъ; поэтому зарожденіе буддизма явилось вполнѣ естественнымъ.

Законы Ману.

Въ виду ограниченныхъ рамокъ нашего сочиненія, переходя къ знаменитымъ законамъ Ману, мы не можемъ сравнить ихъ съ другими болѣе поздними уложеніями законовъ (Васишта, Баудгаяна и Апастамба) или поговорить о Грихія-Сутрахъ, книгахъ, посвященныхъ домашнимъ церемоніямъ. Законы Ману представляютъ стихотворное изложеніе всего браманскаго вѣроученія и, согласно авторитетнымъ мнѣніямъ, относятся къ пятому вѣку до Р. Х. Проф. *Bühler*, однако, думаетъ, что едва ли они въ нынѣшней своей формѣ могли существовать раньше второго столѣтія послѣ Р. Х., хотя и несомнѣнно развились изъ прежнихъ варіантовъ на то же основное содержаніе. Дѣйствительно, они произошли отъ постепеннаго преобразованія школьнаго курса въ общій законодательный сводъ; съ теченіемъ времени къ нему прибавлены были разныя вымышленныя легенды для того, чтобы упрочить его божественный авторитетъ и обезпечить повиновеніе всѣхъ арійцевъ. Первая глава законовъ Ману весьма характерна, поэтому мы приводимъ выдержку изъ нея.

„Великіе мудрецы приблизились къ Ману, который сидѣлъ, сосредоточивъ мысли. Воздавъ ему должное поклоненіе, они сказали слѣдующее:

„Удостой, божественный, повѣдать намъ точно и въ должномъ порядкѣ, священные законы каждой изъ четырехъ главныхъ кастъ, а также законы переходныхъ кастъ.

„Такъ какъ тебѣ одному, Владыка, извѣстенъ смыслъ, (т. е.) обряды и мудрость души, преподаваемая во всѣхъ повелѣніяхъ Предвѣчнаго, который непостижимъ и неизмѣримъ!

„Тотъ, кого можно познать лишь однимъ внутреннимъ органомъ, тотъ, кто невидимъ, неразличимъ и вѣченъ, кому подвластны всѣ живыя существа, обнаружился по своей волѣ“.

„Желая сотворить изъ своего тѣла разнородныя существа, онъ раньше всего создалъ воды и положилъ въ нихъ свое сѣмя“.

„Это сѣмя превратилось въ золотое яйцо, по блеску подобное солнцу; въ этомъ (яйцѣ) онъ самъ родился, какъ Браманъ, родоначальникъ всего міра“ *(Bühler)*.

Послѣ фантастическаго разсказа о сотвореніи міра и объ отношеніяхъ творца къ тварямъ, говорится, что творецъ самъ составилъ этотъ Сводъ законовъ и преподалъ его автору, Ману, который послалъ своего ученика Бхригу возвѣстить его.

Введеніе къ Законамъ Ману, опредѣляющее ихъ общую авторитетность, было вызвано, повидимому, накопленіемъ болѣе древнихъ произведеній, имѣвшихъ лишь мѣстное или ограниченное значеніе, и возраставшимъ вліяніемъ частныхъ школъ на общее религіозное и юридическое образованіе. Безъ сомнѣнія, однимъ изъ факторовъ, способствовавшихъ признанію этого Свода, послужило пространное изложеніе обязанностей царя и судебныхъ властей, а другимъ, общая примѣнимость его для всѣхъ арійцевъ, къ какой бы кастѣ они ни принадлежали. Авторитетъ этихъ законовъ поддерживался тѣмъ, что ихъ выдавали за произведеніе Ману, символическаго человѣка, потомка предвѣчнаго Брамана, обладающаго въ силу своего происхожденія двумя естествами: божескимъ и человѣческимъ. Поэтому Ману призывали, какъ Владыку живыхъ существъ, и даже отождествляли его съ Браманомъ или Высшимъ Духомъ. Въ Риг-Ведѣ его часто называютъ Отцомъ Ману; тамъ же говорится, что онъ — родоначальникъ „пяти племенъ“ или „человѣческихъ расъ“. Мы уже упоминали о легендѣ изъ Шатапата-Браманы, которая повѣствуетъ о томъ, какъ Ману спасся отъ великаго потопа, уничтожившаго всѣхъ остальныхъ людей. Такимъ образомъ, Ману олицетворяетъ соціальный и нравственный порядокъ и является типомъ временнаго правителя, вдохновеннаго учителя и жреца. Во многихъ мѣстахъ Риг-Веды говорится объ его жертвоприношеніяхъ и возсылаются мольбы богамъ, чтобы они приняли жертву отъ жрецовъ такъ, какъ принимали ее отъ Ману.

Въ эпоху законовъ Ману письменность была уже извѣстна и

даже пользовалась значительнымъ распространеніемъ, какъ это видно по отрывкамъ и приведеннымъ сложнымъ переводамъ. Обиліе архаическихъ фразъ и описаніе первобытныхъ обычаевъ свидѣтельствуетъ о томъ, что законы Ману основывались на болѣе древнихъ сочиненіяхъ, и тщательное изученіе даетъ возможность начертить ходъ ихъ развитія.

Законы Ману проникнуты религіознымъ колоритомъ. Европейцу трудно представить себѣ, до чего каждая мелочь въ жизни и поступкахъ индуса связана съ его религіозными вѣрованіями. Христіанскій идеалъ религіозности уже въ древности былъ осуществленъ индусами, хотя по формѣ, основѣ и характеру эти обѣ религіи представляютъ существенныя различія.

Индусскіе законы основаны на авторитетѣ Ману, Ведъ, ведійскихъ учителей и на обычаяхъ святыхъ людей. Они не считаютъ похвальнымъ стремленія людей къ наградамъ, но мирятся съ нимъ. Человѣку, исполняющему предписанныя обязанности, обѣщается осуществленіе всѣхъ его желаній въ земной и безсмертіе въ загробной жизни. До какой степени доводится самобичеваніе и безучастіе, можно видѣть изъ слѣдующаго стиха: „Побѣдившимъ свою плоть можно считать того человѣка, который, слыша, трогая, чувствуя, пробуя, нюхая что-нибудь, не испытываетъ ни радости, ни отвращенія“. Изученіе Ведъ составляетъ привилегію для избранныхъ, но денежнымъ подаркомъ можно смягчить это ограниченіе. Однако, даже во времена жестокихъ бѣдствій ведійскій учитель долженъ скорѣе умереть со своей ученостью, чѣмъ посѣять ее на безплодную почву. Браманъ, не изучившій Ведъ, считается безполезнымъ, какъ деревянный слонъ, который только по имени сходенъ съ настоящимъ животнымъ. Веда возводится на недосягаемую высоту. Говорится, что она — вѣчный глазъ тѣней, боговъ и людей и выходитъ за предѣлы людского пониманія. Все, что не основывается на ней, зиждется на макѣ и послѣ смерти не удостоивается награды; вѣчная премудрость Ведъ поддерживаетъ всѣ живыя существа. Только тотъ, кто знаетъ Веды, достоинъ быть царемъ, судьей, полководцемъ; знаніе Ведъ смываетъ съ души пятно проступка. Браманъ, выучившій наизусть Ригъ-Веду, не будетъ считаться виновнымъ, хотя бы онъ разрушилъ три міра. Изученіе Упанишадъ считается необходимымъ для того, чтобы достигнуть единенія съ высшей Душой.

Кромѣ всеобщаго Духа или Души, въ законахъ Ману упоминаются еще другіе боги, и почти тѣ же, что въ Ведахъ, какъ-то: Индра, Сурія, Маруты, Яма, Варуна, Агни и т. д., но они, повидимому, занимаютъ скромное мѣсто, а на первомъ планѣ всетаки стоитъ Высшій Духъ и браманскіе обряды. Тутъ уже видно

несомнѣнное тяготѣніе къ пантеизму, такъ какъ часто упоминается, что все происходитъ отъ всемірной Души, Брамы, и со временемъ опять съ нею сольется. Эта философія включаетъ еще переселеніе душъ, возрожденія въ тѣхъ же или низшаго рода существахъ, или въ адахъ, какъ слѣдствіе дурного поведенія, и поглощеніе въ Высшей Душѣ, какъ конечный результатъ величайшихъ заслугъ. Ады ужасны по описанію, но пребываніе въ нихъ лишь временное. Въ числѣ адскихъ мукъ упоминается о воронахъ и совахъ, заклевывающихъ людей, о знойномъ, палящемъ пескѣ, о кипяченіи въ котлахъ и т. д. Въ общемъ теологія почти отсутствуетъ въ книгахъ Ману; но не слѣдуетъ забывать, что вездѣ рекомендуется постоянное изученіе Ведъ. Чрезвычайно рѣдко упоминается объ общественномъ богослуженіи и о храмахъ. Изъ всего видно, что семья была краеугольнымъ камнемъ браманской религіи. Въ ту пору, когда составлялся сводъ законовъ Ману, браманы оказывали огромное вліяніе на домашній бытъ индусовъ.

Основныхъ кастъ считается четыре: браманы, кшатріи или воины, вайшіи, или земледѣльцы, и судры, или слуги. Въ десятой книгѣ Риг-Веды говорится, что Брама создалъ представителей главныхъ кастъ изъ своихъ устъ, рукъ, бедръ и ногъ и опредѣлилъ имъ соотвѣтственныя обязанности. Браманамъ онъ поручилъ изученіе и объясненіе Ведъ, совершеніе жертвоприношеній за себя и за другихъ, и далъ имъ право подавать и принимать милостыню. Кшатріямъ онъ вмѣнилъ въ обязанность защищать народъ, дѣлать подарки, приносить жертвы, изучать Веды и воздерживаться отъ чувственныхъ наслажденій. Вайшіямъ онъ повелѣлъ разводить скотъ, приносить дары и жертвы, изучать Веды, вести торговлю, ссужать деньги и обрабатывать землю. Судры же обязаны были служить первымъ тремъ кастамъ.

Браманская каста возвеличивается надъ другими на томъ основаніи, что браманы созданы изъ устъ Брамы: они — первородные, они охранители и толкователи Ведъ. „Кто изъ сотворенныхъ можетъ превзойти того, чьими устами боги постоянно вкушаютъ жертвенное мясо и жертвоприношенія за умершихъ?“ Превосходство отдается тому браману, который исполняетъ въ точности свои обязанности и познаетъ Брамана; онъ соединяется съ Брамой-творцомъ. Ему принадлежитъ право на господство надъ всѣми существами, на верховное владычество; ему все дано. Самое существованіе смертныхъ зависитъ отъ благоволенія брамановъ. Книги Ману возводятъ всякаго брамана въ божеское достоинство, будь онъ ученый или невѣжда, даже если онъ занимается какимъ-нибудь низкимъ ремесломъ. Считается, что браманъ, изучающій законы Ману и добросовѣстно исполняющій свои обязанности, не

грѣшитъ ни словомъ, ни дѣломъ, ни помышленіемъ и своимъ пр
сутствіемъ освящаетъ не только всякое общество, куда онъ пр
соединится, но еще семь своихъ предковъ и семь потомковъ. Бе
сомнѣнія, нигдѣ не встрѣчается такой нахальной самоувѣренност
какъ у брамановъ. Царю дѣлается предостереженіе, чтобы онъ
разгнѣвалъ брамановъ, такъ какъ они своимъ безграничнымъ мог
ществомъ или же произнесеніемъ магическихъ текстовъ мгновен
могутъ уничтожить его со всей его арміей. Довольно нелоги
нымъ является допущеніе, что какъ кшатріи не могутъ процв
тать безъ брамановъ, такъ, наоборотъ, браманы безъ кшатріев
Личность брамана считается неприкосновенной, и человѣкъ, погр
зившій ему палкой, сто лѣтъ будетъ мучиться въ аду, а удари
шій его — тысячу лѣтъ. Еще рѣзче слѣдующая угроза: „Сколь
пылинокъ осядетъ въ пролитой крови брамана, столько лѣтъ пр
лившій ее пробудетъ въ аду". Конечно, для поддержанія кастово
системы нужны были постоянные крупные доходы. Чтеніе Вед
и жертвоприношенія, лежавшія на обязанности брамановъ, щедр
оплачивались. Браманы были избавлены отъ всякихъ налогов
Существовало убѣжденіе, что если царь допуститъ ученаго бр
мана умереть съ голоду, то голодъ постигнетъ все его царств
съ другой стороны — достойныя дѣла брамана увеличатъ богатст
покровительствующаго ему царя, продлятъ его жизнь и умножат
его владѣнія. Если же, несмотря на всѣ эти предписанія, браман
не удастся получить приличнаго покровительства и содержані
то онъ можетъ сдѣлаться солдатомъ, земледѣльцемъ или купцом

Упомянемъ еще объ особенностяхъ жизни и обученія брам
новъ, которыя лишь отчасти примѣняются въ другихъ кастах
но составляютъ всеобщій идеалъ индусской религіозной жизн
Нельзя не удивляться продолжительности учебнаго періода у бр
мана: девять, восемнадцать, тридцать-шесть лѣтъ или даже ве
вѣкъ. Самый важный изъ многочисленныхъ предварительныхъ обр
довъ, это возложеніе священнаго или жертвеннаго шнура, которы
долженъ быть сдѣланъ изъ трехъ бумажныхъ волоконъ, свитых
въ правую сторону. Носить его надлежитъ черезъ лѣвое плеч
Въ началѣ этой церемоніи приготовляютъ шестъ въ ростъ уч
ника, затѣмъ стояніемъ и хожденіемъ около священнаго огн
воздаютъ поклоненіе солнцу; далѣе юноша проситъ милостыни
пищи поочердно у всѣхъ присутствующихъ въ назначенномъ п
рядкѣ. Послѣ ѣды и омовенія, идетъ еще рядъ формальностей,
затѣмъ учитель приступаетъ къ преподаванію Веды. Въ началѣ
въ концѣ урока всегда произносится слогъ Омъ. Посвященны
браманъ-ученикъ долженъ въ положенное время совершать ом
венія, а также возліянія воды богамъ, вдохновеннымъ риши

умершимъ предкамъ. Онъ долженъ почитать божества (что впослѣдствіи толковалось „поклоняться богамъ") и возлагать топливо на священный огонь. Онъ обязанъ также вести цѣломудренную жизнь, не обижать живыхъ существъ, не носить обуви, не брать съ собою зонтика, воздерживаться отъ мясной пищи и отъ чувственности, отъ пляски, пѣнія, игры на музыкальныхъ инструментахъ, отъ гнѣва, жадности, праздныхъ ссоръ и азартной игры. Предписывается почтительное отношеніе къ учителямъ, а также уваженіе къ родителямъ и старшимъ. Говорится, что страданіе, которое родители переносятъ при рожденіи дѣтей, не можетъ быть вознаграждено и во сто лѣтъ, а послушаніе родителямъ и учителю есть лучшее выраженіе строгой жизни. Сынъ долженъ дѣлать то, что пріятно и полезно родителямъ. Почитая ихъ, онъ получаетъ три міра; для того же, кто не уважаетъ родителей, безполезны всѣ обряды.

Чрезвычайно странно встрѣтить въ этомъ строгомъ регламентѣ слѣдующія либеральныя мысли: „Имѣющій вѣру, можетъ почерпнуть чистое ученіе даже у человѣка низшей касты и взять прекрасную жену даже изъ презрѣнной семьи".

„Даже изъ яда можно приготовить нектаръ, даже отъ ребенка получить хорошій совѣтъ, даже отъ врага—нравственный урокъ, даже изъ нечистаго вещества — золото".

„Прекрасную жену, ученость, знаніе законовъ, правила чистоты, хорошій совѣтъ и различныя искусства можно пріобрѣсть отъ кого бы то ни было".

Браману, не нарушившему обѣта за все время обученія, обѣщается послѣ смерти высочайшее небо и освобожденіе отъ новыхъ рожденій на землѣ.

Достигнувъ положенія домохозяина, браманъ избираетъ себѣ жену изъ своей же касты, не имѣющую тѣлесныхъ недостатковъ и обладающую нравственными достоинствами. Многоженство допускается, хотя не одобряется, и если первая жена изъ одной съ мужемъ касты, то другія могутъ быть и изъ низшихъ кастъ. Существуетъ восемь формъ брака: четыре похвальныхъ и четыре непохвальныхъ, смотря по тому, въ чемъ заключается приданое и каковы свадебныя церемоніи. Выше всего ставится тотъ бракъ, гдѣ отецъ невѣсты отдаетъ ее въ богатыхъ одеждахъ съ дорогими украшеніями ученому браману; если сынъ такой женщины совершитъ достойныя дѣла, то освободитъ отъ грѣха десять своихъ предковъ и десять потомковъ.

Браманъ-домохозяинъ долженъ исполнять ежедневно пять главныхъ обрядовъ: 1) читать про себя Веду, 2) приносить воду и хлѣбъ предкамъ, 3) приносить всесожженіе богамъ, 4) прино-

сить жертву всѣмъ существамъ, включая сюда престарѣлыхъ родителей, злыхъ и добрыхъ духовъ, т. е. разбрасывать рисовыя зерна на крышѣ дома или за дверью, 5) приносить жертву людямъ, т. е. оказывать гостепріимство (браманамъ) гостямъ. Послѣднее предписаніе имѣетъ особенное значеніе, такъ какъ доставляетъ главныя средства къ существованію ученикамъ, аскетамъ и отшельникамъ. Каждое новолуніе совершаются жертвоприношенія за умершихъ и тогда ученымъ браманамъ оказывается особенно радушный пріемъ. Существуетъ длинный перечень лицъ, которыхъ въ эти дни слѣдуетъ избѣгать, какъ-то: врачей, жрецовъ при храмахъ (на томъ основаніи, что они пріобрѣтали все большее значеніе, и интересы ихъ шли въ разрѣзъ съ интересами домашнихъ брамановъ), продавцовъ муки, актеровъ и пѣвцовъ, одноглазыхъ людей, поджигателей, пьяницъ, игроковъ и лицъ, покинувшихъ своихъ родителей. Прославленіе умершихъ, которое считается важнѣе, чѣмъ обряды въ честь боговъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что среди арійцевъ культъ предковъ появился позже, чѣмъ обоготвореніе природы. Впослѣдствіи погребальныя церемоніи легли въ основу индусскихъ законовъ о наслѣдствѣ. Всѣ, совмѣстно приносившіе въ жертву погребальный пирогъ и воду, считались связанными въ одную семью, представителемъ которой являлся старшій по возрасту мужчина, хотя настоящая семья также имѣла право на извѣстную часть наслѣдства.

Масса повседневныхъ обрядовъ и запрещеній отмѣняется для добрыхъ брамановъ; сравнить это можно только съ крайностями древняго фарисейства. Мясная пища вообще воспрещается, но въ иныхъ случаяхъ она, наоборотъ, предписывается.

Все, что въ законахъ Ману говорится про женщинъ, свидѣтельствуетъ объ ихъ полномъ порабощеніи. Мужъ не смѣетъ ѣст вмѣстѣ со своею женой, не смѣетъ даже смотрѣть на нее, когд она ѣстъ. Женщинамъ воспрещается читать Веды или совершат религіозные обряды. Онѣ всегда должны чувствовать свою зависи мость отъ мужей. Жена обязана почитать мужа, какъ бога. Жен щинамъ приписываютъ различные пороки. За невѣрность жена в послѣдующей жизни возраждается въ видѣ шакала и подвер гается мучительнымъ болѣзнямъ. Разводъ женщины первоначальн не признавался, и считалось, что если мужъ продастъ или отвер нетъ ее, то она не можетъ сдѣлаться законною женой друго Вкоренившееся мнѣніе, будто законы Ману и Веды поощряютъ ил даже предписываютъ сожженіе вдовы (Сати [1]), лишено всяка основанія. Вторичный бракъ женщины допускается, но съ изв

[1]) *Сати* значитъ «вѣрная».

стными ограниченіями, и вдовѣ, сохранившей цѣломудріе, обѣщается небесная награда. Очень ранніе браки дѣвочекъ дозволяются, если женихъ знатенъ и красивъ.

Домохозяева должны дѣлать щедрые подарки. „Если его просятъ, то онъ всегда долженъ что-нибудь подать, хотя бы самую малость, безъ всякаго ропота". Дающій получаетъ соотвѣтственную награду, либо въ мірскихъ благахъ, либо въ будущей жизни. Правдивость очень поощряется: „нечестный въ рѣчи, нечестенъ и во всемъ". Домохозяинъ не долженъ никого обижать; ему надлежитъ постепенно накоплять себѣ запасъ вѣчныхъ нравственныхъ заслугъ. „Одиноко каждое родившееся существо, одинокимъ умираетъ оно, въ одиночку получаетъ оно награду за добродѣтель, въ одиночку несетъ наказаніе за грѣхъ... Тотъ, кто постояненъ, кротокъ и терпѣливъ, кто избѣгаетъ сообщества жестокихъ людей и не обижаетъ живыхъ существъ, достигаетъ такой жизнью небеснаго блаженства".

Отшельническій или аскетическій періодъ жизни считается верхомъ браманскаго совершенства. Намъ неизвѣстно, многіе ли браманы дошли до этого состоянія, но домохозяину рекомендуется, когда онъ доживетъ до морщинъ и сѣдыхъ волосъ и будетъ имѣть внуковъ, удалиться въ лѣсъ, захвативъ съ собою священный огонь и необходимыя принадлежности для домашнихъ жертвоприношеній, которыя онъ долженъ совершать попрежнему. Живя въ лѣсу, онъ заплетаетъ волосы, не стрижетъ бороды и ногтей, обуздываетъ свои чувства, читаетъ Веды, терпѣливо переноситъ утомленіе, привѣтливо обходится со всѣми, выказываетъ состраданіе къ живымъ существамъ и предается размышленію. Онъ долженъ переносить различныя лишенія: такъ, напримѣръ, подвергаться зною лѣтомъ, жить подъ открытымъ небомъ и носить влажное платье зимою, самоистязаніями сокращать себѣ жизнь и неизмѣнно учиться. Подъ конецъ, онъ можетъ даже питаться одною водой и воздухомъ, пока „его тѣло не погрузится въ покой". Освободившись отъ тѣлесной оболочки, онъ вступаетъ въ міръ Брамы, гдѣ нѣтъ ни страха, ни печали.

Лѣсной отшельникъ, не нашедшій освобожденія, можетъ сдѣлаться нищенствующимъ аскетомъ. Онъ произноситъ обѣтъ вѣчнаго молчанія, для него не существуетъ наслажденій, онъ равнодушно относится ко всему и сосредоточиваетъ свои помыслы на Брамѣ. „Пусть онъ не стремится ни къ жизни, ни къ смерти; пусть онъ ждетъ назначеннаго срока, какъ слуга ждетъ уплаты жалованья". „Пусть онъ терпѣливо выслушиваетъ грубыя слова, пусть никого не оскорбляетъ и не дѣлается ничьимъ врагомъ... Пусть онъ не платитъ гнѣвомъ за гнѣвъ, пусть онъ благословляетъ про-

клинающихъ его". Вотъ нѣкоторыя изъ многочисленныхъ правил предписывающихъ аскетамъ высокую духовную жизнь. Размышле ніе, сдержанность, ровность, довольство, прощеніе, честност правдивость, воздержаніе отъ гнѣва, очищеніе и т. п. качест составляютъ итогъ нравственныхъ законовъ для всѣхъ брамановъ

Мы вкратцѣ коснемся обязанностей царя и правительств предписанныхъ книгами Ману. Царь является представителем Агни, Индры, Марутовъ, Варуны, Ямы и другихъ боговъ; предпол гается, что онъ сотворенъ изъ нихъ всѣхъ; поэтому онъ — „вели кое божество въ человѣческой формѣ". Онъ одаренъ божественн властью и долженъ покровительствовать всѣмъ существамъ, сл жить воплощеніемъ закона. Ему полагается имѣть семь или в семь чиновниковъ, изъ которыхъ главный — непремѣнно браман Наказаніе служитъ главнымъ орудіемъ, единственной опорой з кона. Царь долженъ повиноваться браманамъ и не отступать битвахъ. Браманы исполняютъ обязанность судей либо самосто тельно, либо въ качествѣ царскихъ помощниковъ. Уголовные з коны отличаются строгостью и достаточной непослѣдовательность Оскорбленіе, нанесенное лицомъ низкаго происхожденія кому-нибу изъ высшаго класса, влечетъ за собою суровое, подчасъ, жесток возмездіе, но для брамановъ дѣлается снисхожденіе. Брамана н когда не приговариваютъ къ смертной казни, какія бы тяжелыя многочисленныя преступленія онъ ни совершилъ. Къ числу „смер ныхъ грѣховъ" относятся: убійство брамана, употребленіе спир ныхъ напитковъ, кража залога у брамана, сожительство съ жен Гуру (духовнаго учителя), сношеніе со всѣми, кто совершалъ п добныя дѣла, ложно-приписываемое себѣ высокое происхожден ложное обвиненіе на учителя, забвеніе или поношеніе Ведъ, убі ство друга, лжесвидѣтельство, кража золота, кровосмѣсительст и прелюбодѣяніе. Классификація наказаній показываетъ, что и придается лишь относительное значеніе. Многія наказанія служа только епитиміею, снимающей съ человѣка вину. Чтобы убѣдит въ справедливости свидѣтельскаго показанія, употребляются ра личныя пытки огнемъ и водою. Какъ видно, древніе браманы были сильны въ разоблаченіи истины, и нѣкоторыя частности гов рятъ не въ ихъ пользу. Въ иныхъ случаяхъ человкѣъ, дающ завѣдомо ложныя показанія изъ религіозныхъ побужденій, не л шается небесной награды. Тамъ, гдѣ разоблаченіе можетъ повес къ смерти судры, вайшія, кшатрія или брамана, дозволяется г ворить ложь. Въ случаяхъ насилія, кражъ, прелюбодѣянія, кл веты или оскорбленія, судья не долженъ допрашивать свидѣт лей слишкомъ подробно, но вообще онъ убѣждаетъ ихъ говори правду, обѣщая имъ блаженство послѣ смерти и славу на земл

Лжесвидѣтелямъ угрожаетъ наказаніе Варуны, который связываетъ ихъ и дѣлаетъ безпомощными на сто существованій.

Возвращаясь еще разъ къ вопросу о кастахъ, замѣтимъ, что браманъ считается трижды рожденнымъ: первое — его естественное рожденіе, второе — пожалованіе ему пояса изъ травы Мунга, третье — посвященіе, которое даетъ ему право совершать большія жертвоприношенія. Кшатріи (воины) и вайшіи (земледѣльцы) считаются только дважды рожденными: второе рожденіе наступаетъ со дня полученія священнаго шнура. Самый терминъ „каста" не есть индусскаго или вообще древняго происхожденія, а заимствованъ изъ португальскаго языка; португальское слово *casta* (родъ, семья) имѣетъ общій корень съ латинскимъ *castus* (чистый). Въ законахъ Ману это понятіе обозначается словомъ *варна* (цвѣтъ), а въ позднѣйшей индусской литературѣ — *джати* или *джатъ* — (рожденіе)-

Законы Ману должны были признать, что касты значительно уклонились отъ первобытной чистоты, такъ какъ только дѣти отъ законной жены изъ одной касты съ мужемъ считались принадлежащими къ кастѣ своихъ родителей. Потомству отъ брака между различными кастами были присвоены особыя названія. Нѣкоторымъ изъ такихъ лицъ приписывали жестокіе поступки и звѣрскія наклонности. Имъ назначали опредѣленныя занятія, число которыхъ возрастало по мѣрѣ развитія индусской жизни. Иныхъ считали пригодными только для низшихъ и позорныхъ должностей и недостойными священныхъ обрядовъ. О современномъ состояніи кастъ рѣчь впереди.

Проповѣдуя вѣру въ переселеніе душъ, которая играетъ такую важную роль въ индусской религіи, браманы въ значительной мѣрѣ преслѣдовали личную цѣль: упрочить свое вліяніе на житейскія дѣла. Согласно этому ученію, проступки тѣлесные наказываются возрожденіемъ въ неодушевленномъ предметѣ, словесные — возрожденіемъ въ животномъ или птицѣ, а мысленные, какъ, напр., жадность, злоба, приверженность къ лжеученію, ведутъ къ возрожденію въ низшей кастѣ. Обуздывая себя во всемъ, человѣкъ избавляется отъ грѣха и достигаетъ конечнаго блаженства. Эта схема разработана очень подробно; установлены нисходящія градаціи, изъ которыхъ каждая представляетъ наказаніе за особое прегрѣшеніе. Наказанія не всегда обоснованы, но иногда видна ихъ причинная связь съ проступками; напримѣръ: „люди, наносящіе другимъ оскорбленія, дѣлаются плотоядными животными, воры — существами, пожирающими себѣ подобныхъ. За кражу зерна человѣкъ превращается въ крысу; за кражу мяса — въ ястреба" и т. д. За сладострастіе человѣкъ проходитъ черезъ рядъ адовъ и мучительныхъ рожденій, переноситъ рабство, тюрьму, кандалы. Послѣднія страницы законовъ Ману посвящены прославленію бра-

мановъ, исполняющихъ свои обязанности, и восхваленію всеобщаго Я или Души, „такъ какъ тотъ, кто познаетъ міръ въ Я, не обратитъ своего сердца къ нечестію... Тотъ, кто, такимъ образомъ, познаетъ Я во всѣхъ созданныхъ вещахъ, дѣлается равнодушнымъ ко всему и достигаетъ высшаго состоянія—Брамана. Дважды рожденный, читающій эти установленія, открытыя самимъ Ману, всегда будетъ добродѣтельнымъ и дойдетъ до желаннаго состоянія".

Въ законы Ману включена и система наказаній, и различныя опредѣленныя предписанія. Сила этого философскаго ученія заключалась въ томъ, что оно постепенно развивалось въ связи съ прежними ходячими понятіями о мірозданіи, верховной власти и нравственности, и въ томъ, что его пропагандировали лица, обладавшія наибольшею интеллектуальною силой и способностью руководить людскими поступками. Такимъ именно являлось въ древній періодъ индійской исторіи необычайное вліяніе священнаго класса брамановъ,—вліяніе, которое было такъ велико, что удержалось до нашихъ дней, а двѣ съ лишнимъ тысячи лѣтъ тому назадъ породило въ видѣ реакціи замѣчательную буддійскую религію. Признавая величіе многихъ принциповъ и представленій браманизма, нельзя, однако, считать высокимъ его общій нравственный уровень. Это ученіе было достаточно могущественнымъ, чтобы на нѣсколько столѣтій сплотить общество, но значеніе его не доходило до того, чтобы оно могло распространиться между другими расами и сдѣлаться міровой, а не спеціально индусской религіей.

Намъ остается упомянуть еще объ одномъ сводѣ законовъ „Дгарма Шастра Яджванальскіи", который относится приблизительно къ первому вѣку послѣ Р. Х. Въ Бенаресской школѣ онъ и до сихъ поръ играетъ первенствующую роль. Онъ гораздо сжатѣе и систематичнѣе, чѣмъ сводъ законовъ Ману и соотвѣтствуетъ болѣе поздней ступени развитія. На ряду съ традиціонными и школьными авторитетами онъ ставитъ также и Пураны. Развитіе кастъ пошло еще дальше, и браману запрещается брать даже четвертую жену изъ касты судръ. Письмо уже вошло въ употребленіе, и письменные документы считаются законными доказательствами. Въ ходу также звонкая монета. Буддизмъ, очевидно, получилъ значительное распространеніе, такъ какъ всѣмъ извѣстны бритыя головы и желтая одежда его послѣдователей. Царю подается совѣтъ: устраивать монастыри для брамановъ,—явное подражаніе буддистамъ.

Приводимъ образецъ философіи Яджнавалькіи для сравненія съ Ману. „Успѣхъ каждаго поступка зависитъ отъ судьбы и личнаго усилія человѣка, но судьба, очевидно, не что иное, какъ послѣдствія поступковъ человѣка въ его предыдущемъ періодѣ

существованія. Иные все приписываютъ судьбѣ или врожденнымъ свойствамъ; другіе — времени, третьи — личнымъ усиліямъ; а самые здравомыслящіе — общему сочетанію этого (*Monier Williams*). „Въ основныхъ принципахъ разница не такъ велика, чтобы о ней распространяться подробнѣе.

Тримурти изъ пещернаго храма на островѣ Элефантѣ.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о знаменитыхъ индійскихъ храмахъ, высѣченныхъ въ скалахъ много столѣтій тому назадъ. Они не составляютъ исключительной принадлежности индусской религіи, такъ какъ многіе изъ нихъ сооружены *буддистами* и *джайнами*. Они украшены изваяніями боговъ и изображеніями ихъ подвиговъ и часто поражаютъ своей искусной архитектурой и скульптурой. Большая часть браманскихъ пещерныхъ храмовъ посвящена Сивѣ. Между ними славятся храмы на островѣ Элефантѣ, недалеко отъ Бомбея; въ одномъ изъ нихъ находится колоссальный Тримурти или бюстъ о трехъ лицахъ, изображающій Сиву въ трехъ видахъ, какъ творца, хранителя и разрушителя. Не меньшей извѣстностью пользуются Эллорскіе священные гроты въ Низамѣ.

ГЛАВА III.

Современный индуизмъ I.

Реакція на браманизмъ. — Торжество буддизма. — Упадокъ буддизма въ Индіи. — Система кастъ. — Магабгарата. — Бгагавадъ-гита. — Кришна. — Воплощенія божества. — Ученіе о безсмертіи. — Рамаяна. — Частичныя воплощенія. — Завоеванія Рамы. — Устойчивость браманизма. — Кумарила-Бгатта. — Санкара. — Культъ верховнаго Брамана. — Смарты. — Культъ Вишну. — Пураны. — Пурана Вишну. — Описаніе Высшаго Существа. — Великіе проповѣдники-вишнуиты. — Раманандъ. — Кабиръ. — Чаитанія. — Вліяніе буддизма. — Линга и салаграмъ. — Брама. — Вишну. — Воплощенія Вишну. — Рама. — Кришна-хранитель. — Будда. — Джаганнатъ. — Лакшми. — Сива - разрушитель. — Аскеты сиваиты. — Дурга. — Кали. — Ганеза. — Ганга. — Мѣстныя божества и демоны. — Поклоненіе животнымъ и деревьямъ. — Обоготвореніе героевъ и святыхъ.

Ниже, въ главахъ о буддизмѣ, будетъ показано, что новая ретигія, которая свергла господство браманизма въ Индіи и болѣе пысячи лѣтъ угнетала его, частью была естественной реакціей лротивъ высокомѣрнаго владычества брамановъ и ихъ обрядовыхъ и жертвенныхъ предписаній, частью развилась изъ прежней религіи. Образованные браманы убѣдились въ томъ, что ведійскія божества не что инос, какъ поэтическій вымыселъ и что различные боги: Солнце, Всеобъемлющее небо, Заря и др., которые изображались независимыми и одаренными верховной властью, сами должны происходить отъ Высшей Причины. Поддерживая распространенныя понятія о богахъ и совершая общепринятыя жертвоприношенія, они въ то же время создавали богословскую литературу, Упанишады и Пураны, излагающія ученіе о единствѣ Бога и безсмертіи души, все еще вперемежку съ миѳами и суевѣріями. Эта новая система проповѣдывала братство людей, но лишь Гаутамѣ суждено было совершить рѣшительный переворотъ и основать великую буддійскую религію. Всѣ классы общества нашли въ ней элементъ, котораго не доставало въ браманизмѣ, и охотно отвергли многое изъ того, что ихъ тяготило. Начиная съ третьяго вѣка до Р. Х. и вплоть до четвертаго послѣ Р. Х., значеніе буддизма все возрастало и, наконецъ, онъ сдѣлался господствующей религіей въ Индіи. Но уже съ пятаго столѣтія приверженцы старой религіи стали преслѣдовать буддистовъ. Въ концѣ того же вѣка

буддійскіе учителя нашли пріютъ въ Китаѣ и распространили свою вѣру въ новой странѣ. До двѣнадцатаго столѣтія буддизмъ еще держался въ Индіи, но теперь онъ уже тамъ совершенно исчезъ, если не считать джайновъ за его представителей. Вліяніе буддизма на браманизмъ было очень велико, и современный индуизмъ значительно отличается отъ ведійской и браманской религій. *W. W. Hunter* считаетъ современный индуизмъ продуктомъ сліянія буддизма съ браманизмомъ. Послѣдній подвергался медленному, но существенному измѣненію во время господства перваго. По свидѣтельству грековъ временъ Александра Великаго и буддійскихъ жрецовъ изъ Китая, побывавшихъ въ Индіи въ пятомъ и седьмомъ столѣтіяхъ, браманы пользовались такимъ же уваженіемъ, какъ и буддійскіе монахи, а храмы индусскихъ боговъ встрѣчались на ряду съ буддійскими монастырями.

По мнѣнію индусовъ, окончательная побѣда надъ буддизмомъ совершилась, благодаря проповѣди бенгальскаго брамана Кумарилы, который съ успѣхомъ выставилъ ведійское ученіе о личномъ Создателѣ и высшемъ Существѣ противъ отрицаній буддизма; но въ то же время Кумарила преслѣдовалъ буддистовъ. *W. W. Hunter* усматриваетъ болѣе глубокія причины совершившейся перемѣны, считая индуизмъ естественнымъ развитіемъ племенныхъ особенностей и вѣроученій. Онъ держится того взгляда, что индуизмъ основанъ на системѣ кастъ и представляетъ сліяніе древней ведійской вѣры съ буддизмомъ и съ грубыми обрядами до-арійскихъ и монгольскихъ расъ. Мѣсто не позволяетъ намъ дать полнаго очерка кастовой системы. Безчисленныя подраздѣленія кастъ произошли частью отъ смѣшанныхъ браковъ, частью отъ различія въ занятіяхъ и въ мѣстныхъ условіяхъ, частью отъ обращенія въ индуизмъ новыхъ племенъ. Религіозныя ограниченія и объединеніе торговли, быстро развившись, превратили Индію въ собраніе отдѣльныхъ классовъ. Каста — могущественное орудіе для дисциплины и поддержанія условныхъ обычаевъ, но она подрываетъ народную дѣятельность и національное единство. Ея сила заключается въ наслѣдственныхъ инстинктахъ и въ соціально-религіозномъ отлученіи. Нарушитель кастовыхъ законовъ можетъ быть оштрафованъ своими сотоварищами, можетъ подвергнуться запрещенію вкушать пищу или вступать въ бракъ въ ихъ средѣ и даже можетъ быть исключенъ изъ общины.

Чтобы уяснить себѣ развитіе современнаго индуизма, необходимо познакомиться съ двумя большими индійскими эпическими поэмами, Магабгаратой и Рамаяной. Первая изъ нихъ представляетъ соединеніе цѣлаго ряда поэмъ и эпизодовъ въ одно цѣлое; это — длиннѣйшая поэма въ мірѣ, она въ четырнадцать разъ длиннѣе

Иліады. Нѣкоторыя ея части относятся къ ведійскому періоду, а другія послѣдовательно доходятъ до сравнительно недавняго времени. Магабгарата содержитъ полный циклъ индусской миѳологіи, начиная отъ Ведъ, и описываетъ обоготвореніе героевъ на ряду съ воплощеніями божества. Основная ея фабула повѣствуетъ о борьбѣ двухъ семействъ изъ Лунной династіи, поселившихся въ окрестностяхъ Дели. Магабгарата, повидимому, существовала въ болѣе или менѣе законченной формѣ за пять или шесть вѣковъ до нашей эры, но затѣмъ она подверглась большимъ измѣненіямъ, благодаря добавленіямъ дидактическаго и религіознаго характера, которыя были внесены браманами, стремившимися подчинить своей власти военное сословіе.

Къ числу важнѣйшихъ эпизодовъ этой великой эпической поэмы принадлежитъ Бгагавадъ-гита или пѣснь о Багаватѣ. Названіе Багаватъ относится къ Кришнѣ, одному изъ воплощеній Вишну. Передъ большимъ сраженіемъ Кришна посылаетъ герою Арджунѣ откровеніе, чтобы побѣдить его сомнѣнія въ томъ, можно ли лишать людей жизни. Это откровеніе учитъ о превосходствѣ души надъ тѣломъ и о вѣчности ея существованія въ высшемъ Духѣ, благодаря чему смерть не можетъ коснуться ея. Магабгарата превозноситъ обязанности кастъ; но особенно интересна она тѣмъ, что даетъ поэтическое изложеніе ведантійской пантеистической философіи, доказывающей, что міръ есть Брама, отъ котораго все исходитъ и къ которому все возвращается. Кришна, обращаясь къ Арджунѣ, такъ говоритъ о себѣ:

„Я — древній, безначальный мудрецъ, я — правитель и вседержитель, я непостижимъ по формѣ, я тоньше и мельче мельчайшихъ атомовъ. Я — причина міра, я его создалъ и растворилъ, я живу, какъ премудрость, въ сердцѣ всего. Я — благо всякаго блага, я — начало, середина, конецъ и вѣчность, рожденіе и смерть существующаго. Я все создалъ изъ себя. Думай обо мнѣ, вѣрь и поклоняйся мнѣ, стремись въ размышленіяхъ ко мнѣ. Такимъ образомъ ты прійдешь ко мнѣ, о Арджуна! Такимъ образомъ ты подымешься въ мое высокое жилище, гдѣ солнцу и лунѣ незачѣмъ сіять, такъ какъ, знай, весь ихъ яркій свѣтъ принадлежитъ мнѣ“ (изъ сборника *M. Williams*'а „Индійская мудрость“).

Въ откровеніи Кришна, между прочимъ, объясняетъ, что онъ время до времени рождается на землѣ, чтобы установить праведную жизнь. Кришна прославляетъ трудъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Знай, что трудъ ведетъ начало свыше. Я — образецъ для людей. Знай, что я уже прошелъ всѣ искусства. Мнѣ уже нечего добиваться дѣятельностью, но все же я работаю неутомимо, и весь міръ погибнулъ бы, если бы я не дѣлалъ своего дѣла“.

Изъ этихъ отрывковъ видно, что Бгагавадъ-гита содержитъ много глубокихъ мыслей; не даромъ ее прославляютъ за возвышенность замысла, разсужденія и слога. Въ ней замѣчается нѣкоторое соотвѣтствіе съ буддійскими воззрѣніями, такъ какъ она проповѣдуетъ, что освобожденіе достигается самоотреченіемъ и благочестіемъ и ведетъ къ конечному сліянію съ божествомъ. Не давая женщинамъ никакихъ правъ, Кришна, однако, заявляетъ, что всѣ обратившіеся къ нему достигнутъ спасенія. Онъ говоритъ: „Для меня нѣтъ друга и недруга, я одинаковъ со всѣми, и кто почитаетъ меня, тотъ пребываетъ во мнѣ и я въ немъ. Тѣмъ, кто меня любитъ, я дарую благочестіе, которое ихъ приводитъ ко мнѣ. Ни одна вѣрующая душа, хотя бы несовершенная въ познаніи, ни одна заблудшая душа не погибнетъ ни въ этомъ, ни въ другомъ мірѣ. Она будетъ вновь рождаться до тѣхъ поръ, пока, получивъ очищеніе и усовершенствованіе, не достигнетъ высшаго жилища“.

Аватаръ Кришны (съ туземнаго рисунка.

Многократныя воплощенія божества составляютъ главную особенность этого ученія. Отсюда развился великій „аватаръ“ или индусское понятіе о воплощеніи, сущность котораго заключается въ томъ, что божество постоянно проявляется для руководства и покровительства своему народу. Въ переходный періодъ отъ браманизма къ индуизму описываются различныя формы Кришны, какъ воплощенія Вишну [1]). Онъ является героемъ, покровителемъ, святымъ, мудрецомъ, побѣдителемъ злыхъ духовъ, народнымъ чудотворцемъ.

Значеніе слова Кришна („черный“) не свидѣтельствуетъ въ пользу предполагаемаго сродства съ христіанствомъ: оно скорѣе указываетъ на уваженіе къ человѣчеству вообще, къ чернымъ и бѣлымъ людямъ безъ различія, такъ какъ Кришна поучаетъ Арджуну, „бѣлаго“.

Ученіе о Кришнѣ послужило главнымъ связующимъ звеномъ ме-

---

[1]) Вишну по Ригъ-Ведѣ есть одно изъ олицетвореній солнца, богъ, проходящій небо тремя шагами.

Прим. авт.

жду высшею браманскою философіей и ходячими народными вѣрованіями. Кришна проявляетъ благороднѣйшія черты индусскаго генія; въ то же время онъ снисходитъ къ зауряднымъ ходатайствамъ взрослыхъ и дѣтей и даже къ ихъ развлеченіямъ. Бгагавадъ-гита излагаетъ высшее ученіе о безсмертіи слѣдующимъ образомъ: „За предѣлами видимаго существованія есть другое, невидимое и вѣчное, которое не погибаетъ, когда все остальное погибаетъ, даже когда великіе дни творческой жизни брамана переходятъ въ ночь и все, что существуетъ въ какой-нибудь формѣ, возвращается къ Богу, откуда оно произошло; достигнувшіе этого, никогда уже не возвращаются... Какъ солнце во мракѣ, сіяетъ Онъ для души, которая непрестанно размышляетъ и помнитъ о Немъ въ часъ смерти, — о Немъ, древнѣйшемъ изъ мудрецовъ, первоправителѣ, мельчайшемъ атомѣ, вседержителѣ, — въ тотъ часъ, когда каждый обрѣтаетъ то, о чемъ онъ размышляетъ и съ чѣмъ онъ сходенъ... Вѣрующіе въ меня и ищущіе освобожденія отъ смерти и разрушенія, познаютъ Браму и высшаго Духа, и всякое дѣяніе. Познающіе меня въ моемъ существѣ, въ моемъ лицѣ, въ проявленіи моей жизни, въ часъ смерти, поистинѣ познаютъ меня“.

Другая большая эпическая поэма, Рамаяна, или похожденія Рамы, представляетъ хронику, которая описываетъ завоеванный арійцами Аудъ и затѣмъ побѣды ихъ въ южной Индіи. Подобіе нынѣшней своей формы Рамаяна уже имѣла въ началѣ III вѣка до Р. Х. Какъ и въ Магабгаратѣ, здѣсь проводится браманское понятіе о томъ, что главный Богъ въ формѣ одного изъ воплощеній Вишну, Рамы, побѣждаетъ демона. Рамаяна начинается разсказомъ о бездѣтномъ царѣ Ауда, родомъ изъ солнечной династіи. Послѣ жертвоприношенія богамъ, у него отъ трехъ женъ рождаются четыре сына: старшій, Рама, надѣленъ половиной натуры Вишну, второй — Бгарата — четвертью, а двое другихъ — близнецы, каждый по одной восьмой. Этимъ наглядно поясняется браманское ученіе о томъ, что, кромѣ Кришны, или полнаго воплощенія, существуютъ еще частичныя воплощенія божескаго существа, въ людяхъ, животныхъ и даже въ неодушевленныхъ предметахъ. Далѣе говорится о чудесной юности Рамы, о его бракосочетаніи съ Ситой, о его изгнаніи и объ отказѣ Бгараты вступить на престолъ послѣ смерти отца. Царь южныхъ демоновъ, Равана, пользуется отсутствіемъ Рамы и въ волшебной колесницѣ увозитъ его красавицу-жену на Цейлонъ. Тогда Рама заключаетъ союзъ съ аборигенами южной Индіи, предпринимаетъ походъ на Цейлонъ, убиваетъ Равану и освобождаетъ свою жену. Ей предстоятъ еще новыя испытанія: ее подозрѣваютъ въ невѣрности и подвергаютъ изгнанію. Сита — типъ женской покорности и чистоты. Послѣ шестнадцатилѣтняго изгна-

нія она примиряется съ мужемъ, съ которымъ въ заключеніе переносится на небо.

Въ этихъ рамкахъ совершился переходъ отъ древняго браманизма къ новѣйшему индуизму. Вышеупомянутыя эпическія поэмы свидѣтельствуютъ о томъ, что, несмотря на господство буддизма въ Индіи, браманизмъ фактически не переставалъ существовать, искусно примѣняясь къ новымъ условіямъ. На соборѣ буддійскаго монарха Силадитіи, состоявшемся въ Кануджѣ на Гангѣ въ 634 г. до Р. Х., на первый день была поставлена статуя Будды, на второй — изображеніе бога Солнца, а на третій — изваяніе Сивы, котораго нужно считать порожденіемъ позднѣйшаго браманизма. Въ эпоху упадка буддизма появился цѣлый рядъ браманскихъ апостоловъ. Первый изъ нихъ, Кумарила-Бгатта (около 750 г. послѣ Р. Х.) возстановилъ древнее браманское ученіе о личномъ Богѣ и Создателѣ и обратилъ многихъ въ браманизмъ. Какъ онъ, такъ и другіе религіозные реформаторы, подобно Буддѣ, торжественно отрѣшались отъ міра. Ихъ простая и понятная проповѣдь, по словамъ *W. W. Hunter'a*, была „возстановленіемъ личности Бога и равенства людей передъ Нимъ".

Равана (съ туземнаго рисунка).

Еще болѣе прославился ученикъ Кумарилы, Санкара. Онъ настолько популяризировалъ ведантійскую философію, что она сдѣлалась національною религіей и „со времени его короткой жизни, въ восьмомъ или девятомъ вѣкѣ, каждая новая индусская секта стала вѣрить въ личнаго Бога" (*Hunter*). Санкара училъ, что верховный богъ Брама представляетъ нѣчто отдѣльное отъ древней браманской троицы, и культъ его долженъ выражаться духовнымъ размышленіемъ, а не жертвоприношеніями. Санкара увѣковѣчилъ свое ученіе, учредивъ браманскую секту смартовъ. Онъ допускалъ, однако, исполненіе ведійскихъ обрядовъ и распространенныя формы поклоненія богамъ. Народное преданіе считаетъ его основателемъ многихъ нынѣшнихъ индусскихъ сектъ. Ему также приписываютъ установленіе культа Сивы, который, однако, суще-

ствовалъ гораздо раньше; самого Санкару даже считаютъ однимъ изъ воплощеній Сивы. Какъ мы уже говорили, Сива это — Рудра, ведійскій богъ грозы, Разрушитель и Создатель. Поклоненіе Сивѣ, возраставшее параллельно съ развитіемъ буддизма, восхваляется въ Магабгаратѣ. Послѣдователи Санкары подняли этотъ культъ до того, что онъ сдѣлался однимъ изъ двухъ главныхъ проявленій индуизма.

По ученію Санкары, существуетъ верховный богъ Брама, или Браманъ, и троица, въ которой онъ проявляется: Брама, Вишну, Сива. Верховный Браманъ — существо абсолютное, не имѣющее формы или образа, предвѣчное, безграничное, совершенное. Лишь немногіе воздаютъ Брамѣ самостоятельный культъ и вѣрятъ, что онъ совершилъ дѣло міросозданія. Ему воздвигнутъ всего одинъ храмъ въ Пушкарѣ, въ Аджмирѣ. *Word* писалъ въ 1318 году: „Брамапы во время утренняго и вечерняго богослуженія произносятъ заклинаніе, въ которомъ описывается образъ Брамы. Въ полдень ему приносятъ въ жертву цвѣтокъ, а въ часъ всесожженія — *ги* *). На полнолуніе въ мѣсяцѣ Магхѣ воздается поклоненіе глиняному изображенію Брамы съ Сивой по правую и съ Вишну по лѣвую руку.

Брама, Вишну и Сива.

Секта Смартовъ въ южной Индіи, которая слѣдуетъ философскому ученію Санкары, имѣетъ много монастырей; изъ нихъ самый замѣчательный — Сринтирскій, въ горахъ западнаго Мизора. Главный жрецъ этой секты, настоятель Срингирскаго монастыря, пользуется особымъ уваженіемъ среди сиваитовъ, которые считаютъ Санкару однимъ изъ воплощеній Сивы.

„Культъ Вишну въ той или иной фазѣ составляетъ господствующую религію средняго класса“, говоритъ *W. W. Hunter*: „Корень его лежитъ глубоко, въ тѣхъ прекрасныхъ формахъ поклоненія природѣ, которыя были свойственны не-арійскимъ пле-

*) *Ги* — очищенное коровье мясо, продуктъ священной въ глазахъ индусовъ коровы. *Прим. перев.*

менамъ, а вершина его развѣтвляется въ самыхъ сложныхъ и ученыхъ браманскихъ сектахъ. Это во всѣхъ отношеніяхъ милостивая религія. Ея боги и герои — свѣтлыя, добрыя существа, которыя по временамъ спускаются на землю и бесѣдуютъ съ людьми. Ея легенды отличаются античной красотой". Вотъ мнѣніе о вишнуизмѣ одного изъ безпристрастныхъ ученыхъ, мнѣніе, совершенно противоположное тому взгляду, будто колесница Джаганната есть олицетвореніе всякаго зла.

Ученое изложеніе доктринъ современнаго индуизма находится въ Пуранахъ (на санскритскомъ языкѣ); это — восемнадцать трактатовъ, составленныхъ различными браманскими авторами, гдѣ въ формѣ утомительныхъ діалоговъ доказывается превосходство Вишну или Сивы. Главная между ними — Пурана Вишну, которая относится къ одиннадцатому вѣку, но, какъ показываетъ названіе „пурана", содержитъ различныя „древнія преданія", даже изъ ведійскаго періода. Въ нее также входятъ: полная космогонія, то-есть исторія сотворенія, разрушенія и обновленія міровъ; генеалогія боговъ и патріарховъ; описаніе царствованій различныхъ Ману; установленіе общества, кастъ и погребальныхъ обрядовъ; исторія царей изъ солнечной и лунной династій; жизнеописаніе Кришны и представленіе о кончинѣ міра. Въ общую схему введенъ пантеизмъ; Богъ отождествленъ съ Природой, а Вишну, какъ верховный богъ, воплощенъ въ лицѣ Кришны.

О философіи Пураны Вишну можно судить по слѣдующей выдержкѣ: „Кто можетъ описать того, котораго нельзя постигнуть чувствами, лучшаго изъ всего существующаго, высшаго духа, предвѣчнаго; того, который не обладаетъ отличительными признаками внѣшности или касты; который избавленъ отъ рожденія, бѣдствій, смерти и тлѣнія; который одинъ всегда и вездѣ существуетъ; который носитъ поэтому названіе Васудева (сіяющій, въ которомъ все пребываетъ)? Онъ — Брама, верховный владыка, вѣчный, нерожденный, непогибающій, нетлѣнный, единосущный, чистый, безгрѣшный. Онъ, этотъ Брама, составлялъ все, соединяя въ себѣ неразличимое (духъ) съ различимымъ (вещество). Онъ существовалъ въ формѣ Пуруши и Калы. Пуруша (духъ) былъ первой формой верховнаго. Затѣмъ шли двѣ формы — различимое и неразличимое, и, наконецъ, послѣдняя — Кала (время). Мудрый человѣкъ считаетъ эти четыре формы чистымъ и высшимъ состояніемъ Вишну. Эти четыре формы въ извѣстномъ соотношеніи вызываютъ явленія созданія, сохраненія и разрушенія. Вишну, различимая и неразличимая сущность — духъ и время — забавляется, подобно рѣзвому ребенку, какъ вы можете видѣть по его проказамъ" (*H. H. Wilson*). Вообще, слѣдуетъ замѣтить, что

индусы считаютъ сотвореніе міра забавой, развлеченіемъ Высшаго Существа.

Жизнеописаніе Кришны въ этой Пуранѣ полно такихъ чудесъ, что читается какъ какая-нибудь арабская сказка, утратившая, впрочемъ, свою поэтическую красоту. Но эта Пурана еще не достаточно способствовала развитію культа Вишну; а возвысился онъ, главнымъ образомъ, благодаря вишнуитскимъ проповѣдникамъ, которые, начиная съ XII вѣка, съ легкой руки Рамануджи, ополчились противъ жестокаго ученія сиваитовъ. Въ концѣ XIII или въ началѣ XIV вѣка большой подъемъ вишнуизма былъ вызванъ апостольской проповѣдью Рамананда. Этотъ учитель жилъ въ Бенаресскомъ монастырѣ и проповѣдывалъ свое ученіе въ Сѣверной Индіи. Онъ избралъ себѣ двѣнадцать учениковъ изъ презрѣнныхъ кастъ, какъ-то: цирюльниковъ, кожевниковъ, ткачей и т. д., которые, подобно буддійскимъ монахамъ, должны были отречься отъ міра, жить исключительно подаяніемъ и ходить, поучая народъ. Они проповѣдывали на туземномъ нарѣчіи и этимъ содѣйствовали превращенію его въ литературный языкъ. То обстоятельство, что главные ученики Рамананда происходили изъ низшихъ кастъ, показываетъ, что его проповѣдь была реакціей противъ браманскихъ ограниченій. Нѣкоторыя особенности Рамнандъ позаимствовалъ у буддистовъ, какъ, напримѣръ, устройство монастырей или пріютовъ для нищенствующихъ.

Величайшій изъ учениковъ Рамананда, Кабиръ, стремился слить магометанъ съ индусами въ одно религіозное братство. Онъ былъ ярымъ противникомъ не только системы кастъ и высокомѣрныхъ притязаній брамановъ, но и поклоненія иконамъ. Онъ училъ, что индусскій богъ и магометанскій — одно и то же. „Жизнью мы обязаны Али (Аллаху) и Рамѣ, — пишетъ одинъ изъ его послѣдователей, — и должны кротко относиться ко всѣмъ живымъ существамъ. Можетъ ли помочь омовеніе устъ, перебираніе четокъ, погруженіе въ священныя волны, поклоненіе въ храмахъ, если во время молитвы или во время паломничества вы сохраняете въ сердцѣ обманъ? Индусъ постится разъ въ одиннадцать дней, магометанинъ — на Рамазанъ. Кто же создалъ остальные мѣсяцы и дни, что вы почитаете только одинъ изъ нихъ?.. Помните всегда лишь одно: тотъ, кому принадлежитъ міръ, есть отецъ всѣхъ вѣрующихъ, какъ въ Али, такъ и въ Раму“. Кабиръ усматривалъ въ судьбѣ, надеждахъ, опасеніяхъ людей, несмотря на религіозныя различія, присутствіе единаго Божественнаго Духа. Когда человѣкъ познавалъ это, то избавлялся отъ Майи, или заблужденія, и душа его обрѣтала покой. Такого состоянія можно было достигнуть не всесожженіями и не жертвами, а вѣрой, размышленіемъ о вер-

ховномъ Существѣ и постояннымъ сохраненіемъ его святыхъ именъ на устахъ и въ сердцѣ. Кабиръ пріобрѣлъ много послѣдователей, особенно въ Бенгаліи. Главное мѣстожительство его секты — Кабиръ-Чаура, въ Бенаресѣ.

Культъ Джеггернота или Джаганната (буквально Владыки міра) ведетъ начало съ первой половины XVI вѣка. Его распространенію особенно содѣйствовалъ Чаитанія, который такъ ревностно проповѣдывалъ вишнуитское ученіе, что его самого послѣ смерти стали почитать за одно изъ воплощеній Вишну. Проповѣдь Чаитаніи относилась къ индусамъ, равно какъ и къ магометанамъ; онъ придавалъ большое значеніе тому, чтобы вѣрующіе повиновались религіознымъ наставникамъ. Чаитанія утверждалъ, что душа достигаетъ освобожденія отъ недостатковъ и тѣлесныхъ грѣховъ путемъ созерцанія, а не выполненіемъ обрядовъ. Послѣ смерти душа вѣрующаго на вѣчныя времена пойдетъ въ небесное царство, будетъ находиться въ присутствіи самого Вишну и познаетъ его высшую сущность.

Послѣ Чаитаніи появились учителя, которые понизили нравственный уровень вишнуизма. Одни изъ нихъ проповѣдывали религію наслажденія; другіе придавали чрезмѣрное значеніе плотской любви; третьи воздавали поклоненіе пастуху-ребенку Кришнѣ. Къ послѣдней категоріи принадлежалъ, между прочимъ, Валлабга-Свами, жившій въ шестнадцатомъ вѣкѣ. Онъ установилъ восемь богослужебныхъ обрядовъ, во время которыхъ статую Кришны, изображающую хорошенькаго мальчика, купали, умащали, одѣвали въ богатыя одежды и кормили. Въ богослуженіяхъ видную роль играли также прекрасныя женщины и разныя чувственныя наслажденія. Эта религія потворствовала вкусамъ людей состоятельныхъ, избалованныхъ и сладострастныхъ и повела къ распущенности нравовъ.

Прежде чѣмъ входить въ детальное разсмотрѣніе современнаго индуизма, мы должны въ нѣсколькихъ словахъ отмѣтить, какое вліяніе на его развитіе оказалъ буддизмъ и другія распространенныя индійскія религіи. Братство людей въ большей или меньшей степени признается различными индусскими сектами. Монашескіе дома многихъ индусскихъ коммунъ представляютъ сколокъ съ буддійскихъ монастырей. *W. W. Hunter* называетъ правила вишнуитскихъ общинъ буддійскими на браманской подкладкѣ. Въ одномъ братствѣ послѣдователей Кабира первое правило, подобно извѣстному буддійскому предписанію, гласитъ, что нельзя лишать жизни ни человѣка, ни животныхъ, потому что жизнь есть даръ Божій. Правда считается высшей добродѣтелью, такъ какъ все зло и незнаніе исходятъ отъ лжи. Отреченіе отъ міра поощряется

въ виду того, что мірская жизнь препятствуетъ душевному покою и размышленію о Богѣ. Въ индуизмѣ болѣе или менѣе ясно проводится также и буддійское тройственное понятіе: Будда, Дгарма (законъ) и Самгха (собраніе). Довольно странное совпаденіе индуизма съ другими религіями заключается въ томъ, что сиваиты на Адамовомъ пикѣ (островъ Цейлонъ) поклоняются отпечатку ноги своего божества, буддисты считаютъ тотъ же оттискъ слѣдомъ Будды, а магометане — священнымъ слѣдомъ перваго человѣка, Адама. Это образецъ индійской святыни, гдѣ мусульмане и индусы чтятъ одинъ и тотъ же предметъ.

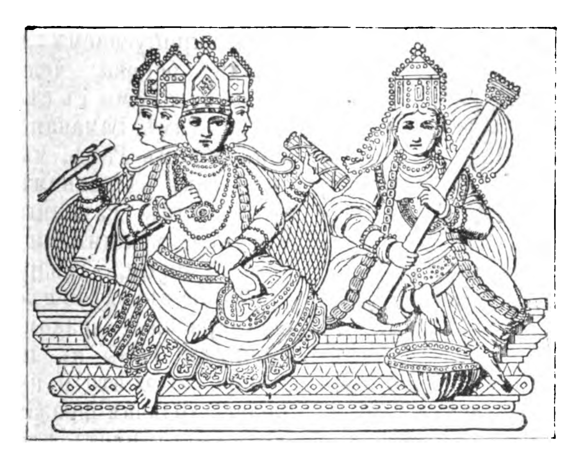
Брама (съ туземнаго рисунка).

Индусы также переняли многіе обряды и суевѣрія у не-арійскихъ народовъ, какъ, напр., поклоненіе змѣямъ и драконамъ, крокодиламъ, эмблемамъ производительности, фетишамъ, деревьямъ и т. д. Эмблемы производительности (линга) нашли особенное распространеніе среди Сиваитовъ, считающихъ своего бога не только разрушителемъ, но и воспроизводителемъ. Фетиши, т. е. сельскіе, мѣстные боги, въ видѣ неотесаннаго камня (*салаграмъ*) или дерева (обыкновенно растеніе *туласи*) сдѣлались обычными символами вишнуитовъ. Нѣкоторые ихъ обряды лишь немногимъ отличаются отъ дикихъ обычаевъ, свойственныхъ индусамъ низшихъ кастъ.

Переходимъ теперь къ описанію главныхъ и распространенныхъ индусскихъ боговъ. Брама, создатель, изображается въ видѣ рыжаго человѣка о четырехъ головахъ, въ бѣлой одеждѣ, верхомъ на гусѣ. Жена Брамы, Сарасвати, богиня мудрости и науки, изображается въ видѣ прекрасной молодой женщины съ четырьмя руками: одною изъ правыхъ рукъ она подаетъ Брамѣ цвѣтокъ; въ другой она держитъ книгу изъ пальмовыхъ листьевъ; въ одной изъ лѣвыхъ у нея нитка жемчуга. Въ Магабгаратѣ она называется матерью Ведъ. Разъ въ году, въ одномъ мѣсяцѣ съ праздникомъ Брамы, бываетъ праздникъ Сарасвати. Ей воздаютъ тогда поклоненіе всѣ лица, причастныя къ ученію, и приносятъ ей въ жертву перья, чернила, книги, бумагу и т. д. Въ этомъ торжествѣ женщины не принимаютъ участія.

Вишнуитскія секты ставятъ Вишну наравнѣ съ Брамой или даже выше и называютъ его долготерпѣливымъ и безстрастнымъ охранителемъ. Въ Пуранахъ различныя легенды говорятъ о томъ, что всѣ другіе боги подчинены всевѣдущему и всемогущему Вишну. На рисункахъ Вишну большей частью изображенъ въ видѣ чернокожаго человѣка о четырехъ рукахъ: въ одной держитъ дубину, въ другой раковину, въ третьей кругъ, въ четвертой лотосъ. Онъ ѣдетъ верхомъ на птицѣ Гарудѣ.

Monier Williams считаетъ вишнуизмъ и сиваизмъ проявленіями монотеизма, такъ какъ въ обоихъ этихъ вѣроученіяхъ от-

Брама и Сарасвати (съ туземнаго рисунка).

дается преимущество одному избранному богу, передъ равноправною троицей: Брамой, Вишну и Сивой. Однако, вишнуитовъ нельзя назвать сознательными монотеистами; они воздаютъ суевѣрный культъ, сами не зная чему. Мнѣніе вышеупомянутаго ученаго, что вишнуизмъ есть „единственная реальная индусская религія, имѣющая гораздо больше общаго съ христіанствомъ, чѣмъ съ язычествомъ“, опровергается его же собственными словами, что вишнуизмъ „порождаетъ грубыя суевѣрія и отвратительное идолопоклонство“. Положительной чертой вишнуизма считается то, что онъ проповѣдуетъ поклоненіе богу, который сочувственно относится къ людскимъ страданіямъ и выказываетъ интересъ къ человѣческимъ дѣламъ частыми посѣщеніями земли (аватарами).

Въ Пуранахъ перечислено двадцать-восемь аватаровъ Вишну. Это—воплощенія въ человѣческой формѣ посредствомъ рожденія отъ земныхъ родителей всего божескаго существа Вишну или же

только одной его части, при чемъ божеская форма не измѣняется. Изъ нихъ назовемъ Рыбу, образъ которой Вишну принялъ, чтобы спасти родоначальника человѣчества, Ману, отъ всемірнаго потопа. Ману своимъ благочестіемъ заслужилъ милость Вишну, который предупредилъ его о предстоящемъ потопѣ и повелѣлъ построить корабль, куда онъ долженъ былъ взять семь патріарховъ (риши) и представителей отъ всѣхъ живыхъ существъ. Когда насталъ потопъ, Рыба за канатъ, привязанный къ рогу на ея головѣ, увезла корабль на высокій утесъ, гдѣ онъ былъ въ безопасности, пока вода не спала.

Вишну (съ туземнаго рисунка).

Мы пропускаемъ аватары черепахи, борова, человѣка-льва, карлика и Рамы съ сѣкирой. О великомъ Рамѣ, Рамачандрѣ или луноподобномъ Рамѣ, мы уже говорили, какъ о главномъ дѣйствующемъ лицѣ Рамаяны. „Каждый мужчина, женщина и даже ребенокъ въ Индіи,—говоритъ *Monier Williams*, вѣроятно нѣсколько сгущая краски,—знакомъ съ похожденіями Рамы въ поискахъ за женою, такъ что о невѣждѣ сложилась ходячая фраза: „человѣкъ, который не знаетъ что Сита была женою Рамы“. Отъ Кашмира до мыса Коморина имя Рамы не сходитъ съ устъ. Всѣ секты почитаютъ его и прибѣгаютъ къ нему при каждомъ удобномъ случаѣ; такъ, напр., друзья при встрѣчѣ, въ видѣ привѣтствія, дважды произносятъ имя Рамы. Это же имя сплошь да рядомъ дается дѣтямъ, призывается на похоронахъ и въ часъ смерти; оно служитъ связующимъ звеномъ для всѣхъ классовъ, кастъ и убѣжденій“.

Самое популярное изъ воплощеній Вишну, гдѣ его божеское существо проявилось полностью, это—Кришна. Онъ—по преимуществу, богъ низшихъ сословій, такъ какъ воспитывался среди пастуховъ и крестьянъ, съ которыми постоянно поддерживалъ сношенія; о немъ существуетъ множество чудесныхъ сказаній. Изъ литературы и преданій о Кришнѣ очевидно, что онъ, подобно Рамѣ, — обоготворенный герой. *Monier Williams* отождествляетъ его съ могущественнымъ вождемъ Ядавскаго племени Раджпутовъ,

въ центральной Индіи, на востокъ отъ Джумны, тогда какъ, по легендѣ Рама былъ сыномъ царя изъ Ауда.

Съ немалымъ изумленіемъ видимъ мы, что Будда считается также однимъ изъ воплощеній Вишну. Браманы объясняютъ, что Вишну, изъ состраданія къ животнымъ, сошелъ на землю въ образѣ Будды, чтобы уничтожить ведійскія жертвоприношенія. *Wilkins* говоритъ: „Браманскіе писатели изъ осмотрительности не могли не признать, что Будда, оказывающій такое вліяніе на народъ, есть воплощеніе божества, но такъ какъ его ученіе противорѣчило ихъ собственнымъ доктринамъ, то они остроумно доказывали, что Будда своей проповѣдью стремится низвергнуть божескихъ враговъ, которые вслѣдствіе своихъ заблужденій становятся слабыми и дурными и терпятъ пораженіе“.

Сива (съ туземнаго рисунка).

Помимо прошлыхъ воплощеній, вишнуиты ожидаютъ будущаго пришествія бога, которое они называютъ Кальки-аватаромъ. Въ концѣ вѣка Кали (начавшагося сошествіемъ Кришны), когда міръ сдѣлается въ высшей степени дурнымъ, Вишну покажется на небѣ, верхомъ на бѣломъ конѣ, простирая обнаженный мечъ, чтобы наказать злыхъ и возстановить чистоту міра.

Къ воплощеніямъ Вишну мы не причислили Джаганната, во-первыхъ, потому, что онъ считается *проявленіемъ* Вишну, а во-вторыхъ, потому, что это божество, повидимому, заимствовано у одного не-арійскаго племени, перешедшаго въ индуизмъ. Вѣрующіе стремятся увидать, какъ изваяніе этого бога купаютъ, одѣваютъ и везутъ на колесницѣ. Народъ также считаетъ воплощеніемъ Вишну религіознаго реформатора Чаитанію, который жилъ сравнительно недавно. Жена Вишну, Лакшми — богиня любви, красоты и благосостоянія. Ее изображаютъ златокудрою женщиной всего съ двумя руками, сидящей на цвѣткѣ лотоса.

Разрушитель Сива, обыкновенно, изображается суровымъ и мстительнымъ, тѣмъ не менѣе его считаютъ благодѣтельнымъ божествомъ. Такъ какъ смерть есть только переходъ въ другую форму жизни, то Разрушитель, въ сущности — лишь Возсоздатель; оттого-то ему присвоено имя, означающее Свѣтлый, Счастливый. Сива —

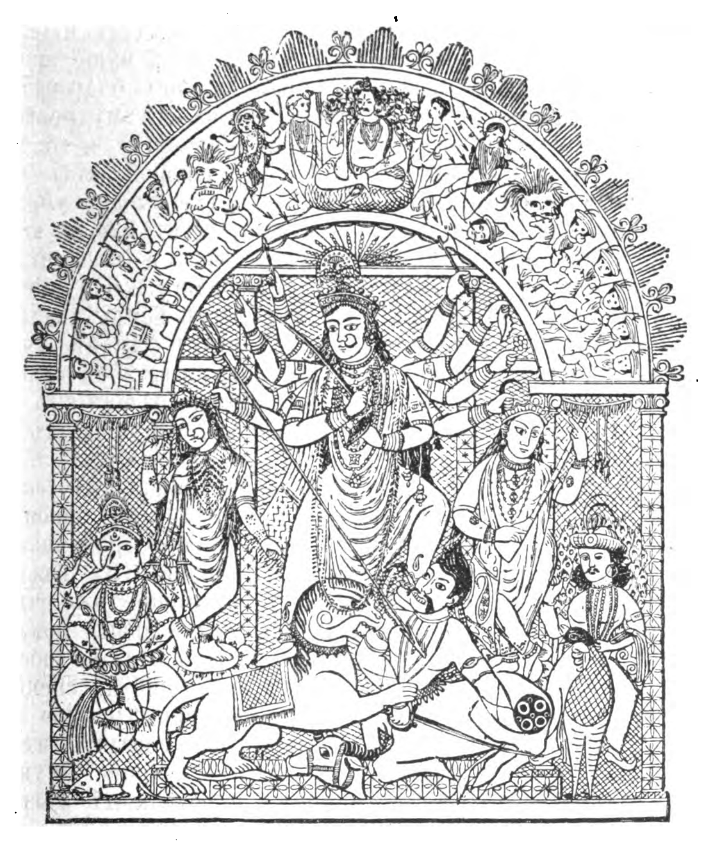
6*

богъ, послѣ-ведійскаго періода, хотя индусы отождествляютъ его съ Рудрой, съ которымъ онъ имѣетъ много общаго. Въ Рамаянѣ говорится, что Рудра (Сива) женился на Умѣ, дочери Дакшы. Эта самая Ума болѣе извѣстна подъ именами Парвати, Дурги и Кали. Между Сивой и его тестемъ Дакшей произошла крупная ссора, во время который Ума добровольно бросилась въ огонь, сдѣлалась сати (сётти) и потомъ возродилась въ лицѣ Парвати. Тогда Сива сдѣлался аскетомъ и поселился съ Парвати въ Гималаяхъ, побѣждая демоновъ. На нѣкоторыхъ рисункахъ Сива изображенъ вмѣстѣ съ Парвати; вокругъ его черной шеи обвита змѣя или же ожерелье изъ череповъ. Эмблемы Сивы: бѣлый быкъ, на которомъ онъ ѣдетъ верхомъ, тигровая шкура и т. д.; у него три глаза, изъ которыхъ одинъ на лбу. Магадева (великій богъ — самое распространенное названіе Сивы) изображается въ видѣ аскета: у него заплетены волосы, онъ живетъ въ лѣсу, гдѣ предается размышленію и самобичеванію. Существуетъ преданіе, что, поссорившись съ Брамой, Сива отрѣзалъ ему пятую голову, которая какимъ-то образомъ приросла къ рукѣ разрушителя. Чтобы спастись отъ преслѣдованій великана, сотвореннаго Брамой, Сива бѣжалъ въ Бенаресъ, гдѣ получилъ прощеніе за свой грѣхъ и освободился отъ головы Брамы, а Бенаресъ съ тѣхъ поръ сдѣлался особенно священнымъ городомъ.

Такъ какъ Сива покровительствуетъ быку, то у сиваитовъ установился довольно странный обычай: при погребеніи, гдѣ только возможно, выпускаютъ на свободу быка, котораго никто не смѣетъ обидѣть; чтобы снискать благоволеніе Сивы, иногда такимъ образомъ выпускаютъ до семи быковъ. Подражая аскету Сивѣ, многіе изъ его послѣдователей ведутъ жизнь, полную лишеній и мучительныхъ страданій. Британское правительство воспретило многіе изъ распространенныхъ прежде тяжелыхъ зрѣлищъ. Бывало, набожные сиваиты качались на желѣзныхъ крючьяхъ, воткнутыхъ въ спину, или бросались съ высоты на острія ножей. Но не такъ легко вывести освященные вѣками обычаи, какъ, напр., держаніе рукъ или ногъ годами въ одномъ положеніи, сжиманіе руки въ кулакъ до тѣхъ поръ, пока ногти не врастутъ въ ладонь, вѣчнаго молчанія или пристальнаго глядѣнія на солнце. Такихъ фанатиковъ въ Индіи до сихъ поръ насчитываютъ тысячами. Сиваиты полагаютъ, что опьянѣніе во время богослуженія угодно богу. Больше всего Сивѣ поклоняются подъ эмблемой Линга, хотя онъ и носитъ тысячу именъ.

Какъ Ума и Парвати, жена Сивы, играетъ подвластную роль, но какъ Дурга, она отличается могуществомъ, воинственнымъ духомъ и различными рѣзкими, суровыми чертами. Эти особенности

она проявляла во многихъ своихъ воплощеніяхъ. Ей воздается поклоненіе въ широкихъ размѣрахъ. Имя свое она получила отъ того, что убила демона Дургу. Объ этомъ существуетъ много миѳическихъ сказаній. На изображеніяхъ, у могущественной Дурги кроткое, прекрасное лицо, золотистые волосы и десять рукъ, ко-

Ганеза.— Лакшми.— Дурга.— Сарасвати.— Картикея (съ туземнаго рисунка).

торыми она держитъ различное оружіе; къ одной ея ногѣ прислоняется левъ, а къ другой — великанъ. Изъ различныхъ формъ Дурги, укажемъ на Кали (черная женщина); вѣроятно, это какая-нибудь племенная богиня, причисленная къ индусскому сонму боговъ. Она одержала побѣду надъ великанами, высосавъ ихъ кровь; въ этомъ ей помогала Чанди — другая форма Кали. Ниже, при

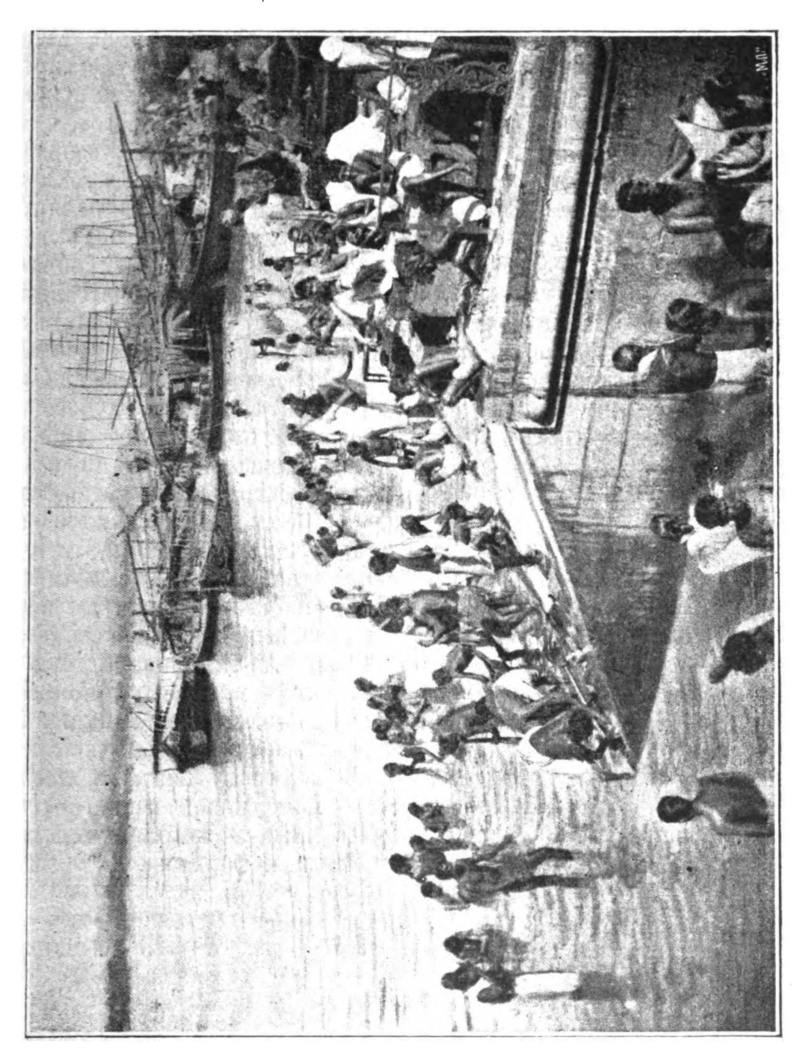
описаніи одного изъ бенгальскихъ праздниковъ, мы поговоримъ объ изображеніяхъ Кали и постараемся выяснить нѣкоторыя ея свойства. Прежде богинѣ Кали приносили въ жертву не только животныхъ, но и людей, такъ какъ считалось, что человѣческое жертвоприношеніе умилостивляетъ ее на тысячу лѣтъ. Вѣрующіе думали угодить ей, отрѣзая или выжигая себѣ куски тѣла. Столь распространенныя среди индусовъ имена Кали, Дурга и Тара свидѣтельствуютъ о популярности этой богини и въ наше время.

Старшій сынъ Сивы и Парвати, Ганеза, богъ благоразумія и хитрости, съ головою слона, указывающей на его мудрость, считается покровителемъ бенгальскихъ лавочниковъ; у него хоботъ, одинъ клыкъ и четыре руки. Картикея, меньшой сынъ Сивы и Парвати, — богъ войны; въ Южной Индіи его имя — Субраманія. Назовемъ еще Гангу или Гангъ, рожденіе и дѣятельность котораго составляетъ предметъ замысловатыхъ легендъ; воды Ганга обладаютъ свойствомъ смывать настоящіе, прошедшіе и будущіе грѣхи. Особенно священнымъ считается то мѣсто, гдѣ Гангъ впадаетъ въ океанъ, у острова Сагара; ежегодно, въ январѣ мѣсяцѣ, туда стекаются толпы народа, чтобы радостно погрузиться въ священныя волны и воздать поклоненіе многочисленнымъ изваяніямъ боговъ, которыя находятся подъ вѣдѣніемъ жрецовъ, взимающихъ съ пилигримовъ плату.

Мы перечислили лишь самыхъ выдающихся изъ индусскихъ боговъ, общее число которыхъ опредѣляютъ въ 330 милліоновъ. Дѣйствительно, во всей Индіи держится столь распространенная также въ Китаѣ вѣра въ мѣстныхъ духовъ и демоновъ. Въ каждой деревнѣ есть своя мать-хранительница, мужъ которой тоже считается покровителемъ; но самой матери воздается большее поклоненіе. Она внемлетъ молитвамъ и жертвамъ, а за нерадѣніе посылаетъ болѣзни. Многія божества исполняютъ какія-нибудь спеціальныя назначенія, такъ, напр., предотвращаютъ опредѣленную болѣзнь или посылаютъ дѣтей. Нерѣдки обоготворенія знатныхъ женщинъ, изъ которыхъ иныя — діаволы, упивающіеся кровію. Духи управляютъ тайными дѣйствіями природы и обладаютъ магическою силой, которою они также могутъ надѣлять вѣрующихъ.

Существуетъ даже мнѣніе, что преобладающія вѣрованія индусовъ, особенно по деревнямъ, сводятся къ страху передъ злыми духами, которые приносятъ горе и болѣзни или же имѣютъ свой опредѣленный районъ разрушительной дѣятельности. У духовъ — вещественныя, но болѣе ѳеирныя тѣла, чѣмъ у людей; духи бываютъ обоего пола, могутъ принимать любую форму и переноситься по воздуху въ любомъ направленіи. Къ ихъ числу относятся Асуры, демоны, созданные при сотвореніи міра или созданные

богами (первоначально это названіе просто означало: богоподобныя существа). Не вдаваясь въ ихъ классификацію, укажемъ только

Омовеніе въ Гангѣ (съ оригин. фотографіи проф. А. Н. Краснова).

что большинство демоновъ, по вѣрованіямъ индусовъ, были раньше злыми людьми. Всякое преступленіе, заболѣваніе, несчастье бываетъ вызвано особымъ демономъ. Духи требуютъ пищи и осо-

бенно крови живыхъ существъ. Иногда земляная насыпь или груда камней служитъ алтаремъ, гдѣ имъ въ жертву приносится пища и читается заклинаніе. Въ каждой деревнѣ есть свой демонъ. Въ южной Индіи существуетъ убѣжденіе, что черти любятъ танцы, музыку и т. д., поэтому, „если въ какомъ-нибудь округѣ свирѣпствуетъ чума, то профессіональные заклинатели или выбранные для этого люди, разрисовываютъ себѣ лица, переряжаются, надѣваютъ отвратительныя маски, запасаются страннымъ вооруженіемъ и принимаются плясать. Они представляютъ тѣхъ или иныхъ чертей или, вѣрнѣе, убѣждаютъ злыхъ духовъ покинуть своихъ жертвъ и вселиться въ нихъ самихъ; при этомъ, подъ звукъ роговъ, удары тамъ-тама и звонъ колокольчиковъ, они кричатъ, мечутся и доводятъ себя до крайняго возбужденія. Когда танцующіе выбьются изъ силъ и въ какомъ-то изступленіи упадутъ на землю, то на нихъ смотрятъ, какъ на ясновидящихъ и предсказателей. Присутствующіе задаютъ имъ вопросы относительно своихъ уѣхавшихъ родственниковъ или будущихъ событій и глубоко вѣрятъ ихъ прорицаніямъ“ (*Monier Williams*). Съ культомъ демоновъ въ Индіи связаны нѣкоторые странные праздники, и по всѣмъ даннымъ можно судить, насколько распространены были прежде обычаи, встрѣчающіеся теперь среди болѣе дикихъ народовъ. Культъ животныхъ, какъ-то: коровъ, змѣй, обезьянъ и т. д., и культъ деревьевъ также есть остатокъ древности. Въ Индіи онъ обусловливается вѣрою въ неприкосновенность жизни и въ переселеніе душъ изъ людей въ животныхъ. Культъ великихъ людей привился у индусовъ еще больше, чѣмъ у китайцевъ; индусы не перестаютъ обоготворять новыхъ и новыхъ вождей, проповѣдниковъ, учителей и святыхъ, почитая ихъ за воплощенія Вишну или Сивы. Даже человѣку, стяжавшему не особенно громкую славу, послѣ смерти воздаютъ почести и поклоненія и воздвигаютъ алтарь въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ пользовался наибольшей извѣстностью. Какъ видно изъ всего вышесказаннаго, индусы покланяются высшимъ силамъ подъ различными наглядными формами.

[redacted]

ДОПОЛНЕНІЕ ПЕРВОЕ КЪ ГЛАВѢ III.

Обряды при рожденіи индуса. — Гороскопъ. — Кулинизмъ. — Салаграмъ. — Линга. — Ганеза или Ганеша. — Матери-богини.

Рожденіе индуса сопровождается многими религіозными обрядами. Женщина во время родовъ считается нечистою. Ее выводятъ въ отдѣльное помѣщеніе, обыкновенно лишенное мебели, и лишь устланное соломой, гдѣ она и остается до дня очищенія. Передъ входомъ въ это помѣщеніе обыкновенно вывѣшивается черепъ коровы, выкрашенный въ красный цвѣтъ для отогнанія злыхъ духовъ. Икона Састи, богини-покровительницы замужнихъ женщинъ и дѣтей, дѣлается изъ коровьяго помета и ставится на видное мѣсто, гдѣ ей воздаютъ знаки почитанія до тѣхъ поръ, пока мать не возвращается вновь въ семейство. Во все это время ни мужъ, ни отецъ, ни мать, ни сестра не могутъ навѣщать больную, и единственною ея подругой является повивальная бабка, жена цирюльника. Все это дѣлается, чтобы не оскорбить Састи, патронессы индусскихъ женщинъ. Если ребенокъ умираетъ сейчасъ послѣ рожденія, — это Састи его беретъ себѣ; если мать рождаетъ сына, за это восхваляютъ Састи. Састи значитъ *одна шестая*, такъ какъ, по преданію, она есть одна шестая сущности *Прадгана Пракрити*, мужскою и женскою творческою силой котораго создана была вселенная. *Пріяврата*, сынъ *Сваямбгу Ману*, про-

Састи или Сатти (съ туземнаго рисунка).

ведшаго много лѣтъ въ полномъ увлеченія отшельничествѣ, былъ убѣжденъ Брамою вступить въ бракъ. Но такъ какъ жена его долгое время не давала ему дѣтей, онъ пожелалъ, чтобы святой мудрецъ Касіана отпраздновалъ *путрешти яга*, въ заключеніе котораго мудрецъ далъ ей съѣсть священное кушанье (рисъ, сваренный съ очищеннымъ масломъ); проглотивъ его, она забеременѣла. Скоро она родила сына, блестящаго, какъ золото, но, къ сожалѣнію, недоношеннаго. Царь взялъ съ горечью мертвое дитя и положилъ его на костеръ для сожженія. Внезапно на небѣ тогда появилась богиня чудной красоты, блестящая, какъ лѣтнее солнце. Пораженный царь спросилъ, кто она такая. Богиня сказала: „Я жена Картикеи, глава матерей, я шестая часть *Пракрити*; люди зовутъ меня Састи“. Говоря это, она взяла ребенка, вдохнула въ него жизнь и сдѣлала жестъ, показывающій, что она хочетъ взять его съ собою въ царство славы. Царь сталъ умолять, чтобы она оставила его ему. Богиня, тронутая его ревностною молитвою, сказала: „О сынъ *Сваямбгу Ману*, царь трехъ міровъ! Если ты будешь прославлять мой поступокъ всю твою жизнь, я отдамъ тебѣ твое дитя“. Онъ устроилъ въ честь Састи торжественный праздникъ, и съ тѣхъ поръ культъ Састи сталъ однимъ изъ самыхъ распространенныхъ въ Индіи. Изображается Састи въ видѣ женщины-матроны въ желтомъ одѣяніи, верхомъ на кошкѣ и кормящей ребенка. Чаще же, просто берется камень, красится въ желтый цвѣтъ и ставится на окраинѣ деревни, подъ деревомъ *Вата*. Черезъ день или черезъ два послѣ рожденія ребенка празднуется рожденіе *Hari* — Кришны, — и сосѣднимъ дѣтямъ раздаются сладости.

На пятый день послѣ рожденія ребенка комната матери чистится и приводится въ порядокъ. На слѣдующій день надлежитъ опять воздаяніе чести Састи. Въ ночь этого дня совершается, по вѣрованіямъ индусовъ, установленіе судьбы дитяти и предопредѣленіе его будущей жизни.

Думаютъ, что тогда приходитъ *Видгата*, видъ Брамы, и пишетъ на лбу младенца будущія событія его жизни. Поэтому передъ закатомъ солнца дѣлаются приготовленія для его пріема. Кладется пальмовый листъ, перо и чернила, шкура змѣи, кирпичи отъ храма Сивы, фрукты и деньги. Когда все это приготовлено, кто-нибудь бодрствуетъ всю ночь, чтобы не обидѣть божество, которое въ противномъ случаѣ пишетъ на челѣ своего кліэнта длинный списокъ несчастій. Индусъ не менѣе магометанина вѣритъ въ предопредѣленіе. „Это было у меня написано на лбу“, говоритъ онъ въ объясненіе постигшихъ его несчастій и переноситъ бѣдствія съ непонятнымъ для насъ стоицизмомъ. Что напи-

салъ *Видгата*, того не избѣгнешь. Черезъ три недѣли совершается очищеніе матери и опять воздается честь Састи и Дургѣ. На шестомъ мѣсяцѣ мальчику даютъ имя. Наконецъ, въ это время для него составляютъ гороскопъ, гдѣ точно записанъ день рожденія, при чемъ по сочетанію звѣздъ въ этотъ день судятъ о будущемъ дитяти. Эти гороскопы замѣняютъ паспорты и метрическія свидѣтельства нашего строя.

Говоря вообще, индусы, какъ и большинство земледѣльческихъ народовъ, моногамисты. Вторую жену имѣетъ право индусъ взять только въ случаѣ безплодія первой. Исключеніе изъ этого правила представляютъ браманы изъ секты Кулинъ. Исторія этой секты приблизительно слѣдующая. Въ царствованіе царя Адисура въ царствѣ его браманы были столь невѣжественны, что не могли даже читать Веды, и были несвѣдущи во многихъ основныхъ церемоніяхъ. Между тѣмъ страшная засуха стояла въ краѣ, угрожая бѣдствіями голода. Тогда царь рѣшился послать къ сосѣду своему, царю Кануджа, прося прислать ему свѣдущихъ въ церемоніяхъ людей, которые могли бы молитвами отвратить бѣдствіе. Прельщенные обѣщаніями, пять брамановъ рѣшились придти на его зовъ. Это были браманы высшаго порядка, возводившіе родъ свой до божественныхъ мудрецовъ — сыновей самого Брамы.

Окруженные почестями со стороны царя и его приближенныхъ, они совершили церемонію и остались жить въ странѣ. Но, презирая туземныхъ брамановъ за ихъ невѣжество и образъ жизни, они не хотѣли имѣть съ ними никакого общенія, не вступали въ бракъ съ ихъ дочерьми, и не выдавали своихъ дочерей замужъ за людей не своего круга. Однако, это продолжалось недолго, и вскорѣ потомки брамановъ изъ Кануджа стали сливаться и подражать образу жизни брамановъ мѣстныхъ. Тогда одинъ изъ царей, Бэаллаласенъ, рѣшилъ выбрать наиболѣе благочестивыхъ и далъ имъ титулъ *Кулъ* или почетный. Ихъ потомки, такъ называемые Кулины, составили родъ духовной аристократіи, пользующейся необыкновеннымъ почетомъ, который и распространяется на все ихъ поколѣніе, хотя бы оно происходило отъ Кулина и женщины другой фамиліи. Поэтому масса браманскихъ фамилій добивается, какъ особенной чести, выдать свою дочь за брамана изъ касты Кулинъ и даетъ имъ бѣшеныя приданыя. Съ другой стороны, дочь брамана Кулина, выходя замужъ за не-Кулина, рискуетъ обезчестить свой родъ, и потомство ея лишается почетнаго титула. Поэтому браманы Кулины стремятся не выдавать своихъ дочерей иначе, какъ за Кулиновъ. Кулины же, пользуясь этимъ, требуютъ баснословнаго приданаго, почему дѣвицы, обыкновенно, не могутъ выходить замужъ, проводятъ время въ бѣдности и кончаютъ тѣп,

лѣе.

что выходятъ за стариковъ, болѣе для вида, сами же занимаютс
проституціей.

Въ лучшемъ случаѣ Кулинъ имѣетъ двухъ женъ: одну настоя
щую, а другую изъ своей касты. Гораздо чаще, или изъ цѣле
сладострастія, или гонясь за богатымъ приданымъ, онъ женитс
на нѣсколькихъ женахъ, число которыхъ доходитъ до 42, 60, 6
72 и даже до 82, при чемъ извѣстны случаи отцовъ, имѣвших
до 32 сыновей и 16 дочерей, а въ одномъ случаѣ 100 мальчи
ковъ и 150 дѣвочекъ. Обыкновенно мужъ этихъ женъ не живет
съ ними, онѣ остаются въ домѣ отца; онъ навѣщаетъ ихъ много
если 2—3 раза въ годъ, чтобы получить подарки и богатое уго
щеніе отъ родственниковъ. Нерѣдко браки совершаются чисто рад
проформы, и мужъ не исполняетъ ни одной изъ своихъ супру
жескихъ обязанностей. Бывали случаи совершенія нѣсколькихъ
свадебъ въ одинъ день. Наоборотъ, многія семейства бывали ра
зорены, пытаясь доставить громадныя средства мужу, чтобы удер
жать его отъ слѣдующихъ браковъ. Нерѣдко Кулины являютс
мужьями нѣсколькихъ сестеръ.

Поклонники Вишну, если только могутъ скопить нѣкоторую
сумму, стараются достать Салаграмъ или, по крайней мѣрѣ, вос
питать растеніе *туласи*, какъ представительницу ихъ любимо
богини-покровительницы, въ честь которой растеніе и было на
звано. Супруга Вишну, ревнуя его вниманіе къ Туласи, превратил
ее въ растеніе. Вишну, желая все-таки наслаждаться ея обще
ствомъ, превратился въ Салаграмъ,—аммонитъ, находимый в
нѣкоторыхъ рѣкахъ Непала и необыкновенно высоко цѣнимый по
клонниками Вишну. Въ семьяхъ простонародныхъ за этими Сала
грамами ухаживаютъ, какъ за живыми существами. Въ жарко
время года ихъ купаютъ, а иногда подвѣшиваютъ сосудъ съ во
дою, изъ котораго, просачиваясь чрезъ поры, вода капаетъ н
поверхность аммонита, поддерживая его въ состояніи постоянно
влажности. За растеніемъ Тулази ухаживаютъ необыкновенно тща
тельно; ему ежедневно молятся, или, по крайней мѣрѣ, въ его лиц
привѣтствуютъ богиню по нѣскольку разъ въ день.

Сива—не столько богъ разрушенія, сколько возрожденія. Эм
блемой его творческой зарождающей силы служитъ изображені
мужского полового органа—линга. У сиваитовъ изображеніе эт
играетъ громадную роль. Его повязываютъ, заключивъ въ особы
футляръ, на шею или на руку, а въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ храмов
богу, женщины дѣлаютъ передъ купаньемъ его глиняное изобра
женіе и не входятъ въ воду, не поклонившись ему. Громадны
изображенія линга замѣняютъ идоловъ Сивы во многихъ хра
махъ. Ихъ увѣнчиваютъ вѣнкомъ изъ душистыхъ цвѣтовъ и, как

вишнуиты салаграмъ, въ жаркое время года держатъ въ состоянiи постоянной влажности, заставляя капать воду изъ сосуда, подвѣшеннаго сверху.

Ганеза или Ганеша—богъ препятствiй, сынъ Сивы и Парвати. Парвати, желая имѣть сына, просила черезъ мужа о содѣйствiи Вишну, который отдалъ часть себя, и эта часть возродилась въ формѣ Ганезы. Когда боги сошлись поздравить Парвати, то Сани или Сатурнъ, стремясь истреблять все, что онъ видѣлъ, оторвалъ кусокъ тѣла Ганезы, вслѣдствiе чего голова его, отдѣлившись, улетѣла въ небеса Кришны, гдѣ она и соединилась съ нимъ, составивъ его часть. Парвати была безутѣшна, пока не явился Вишну и не прикрѣпилъ головы слона на мѣсто исчезнувшей головы Ганезы. Поэтому-то Ганеза и изображается всегда со слоновою головой безъ одного клыка. О потерѣ этого послѣдняго легенда гласитъ слѣдующее. Парасурама, бывшiй любимымъ ученикомъ Сивы, явился на Гималаи, чтобы посѣтить своего учителя, но его не сталъ пускать Ганеза, и между ними возникъ споръ. Сперва Ганеза имѣлъ перевѣсъ и опрокинулъ Парасураму, но герой, вскочивъ, выхватилъ мечъ Сивы, бывшiй у него за поясомъ, и такъ какъ Ганеза не могъ ничего сдѣлать противъ оружiя отца, то онъ отхватилъ у него одинъ клыкъ. Ганеза почитается особенно сильно у купечества, которое не предпринимаетъ ни одного дѣла, не посовѣтовавшись съ этимъ богомъ. Въ большинствѣ индусскихъ книгъ вы находите вступленье: „Om. *Ganeschaga* om.!“, то-есть привѣтъ Ганезѣ, такъ какъ Ганеза есть вмѣстѣ съ тѣмъ и богъ-покровитель учености.

Плотскiя божества женскаго рода, повидимому, восходятъ у народовъ Индiи до временъ первобытной древности. Нѣтъ ни одной великой религiи безъ боготворимыхъ женщинъ, и, повидимому, это вѣрованiе коренится еще въ той первобытной эпохѣ, когда не было семьи и происхожденiе велось отъ матери, а не отъ отца. Мы имѣемъ въ Индiи повсюду слѣды этого культа женскаго начала: Гангамаи—мать Гангесъ, мать Земля, Дгарти мата, мать-оспа—наиболѣе извѣстны изъ такихъ боготворимыхъ женскихъ началъ. Въ болѣе древней миѳологiи Адити или безконечное пространство разсматривалось, какъ вѣчная мать, а Практики была вѣчная мать, способная производить изъ себя все созданное, вступая въ соединенье съ вѣчнымъ мужескимъ началомъ Паруша. Отсюда вытекаетъ и дуалистическая идея въ браманизмѣ о двойственности началъ въ Сивѣ (*Ардганари*). Этотъ культъ матерей, повидимому, происходящiй отъ неарiйскихъ расъ Индiи, развился впослѣдствiи въ культъ женскаго начала у великихъ боговъ, какъ Брамани, женскаго элемента Брамы, Индрани — отъ Индры и такъ далѣе.

Такимъ образомъ, первый культъ матерей затѣмъ развился и выродился въ тѣ культы *Тантръ,* о которыхъ уже было говорено въ этомъ сочиненіи. Обыкновенно считаютъ восемь главныхъ матерей, хотя счетъ этотъ мѣняется. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ихъ считаютъ всего семь, а иногда ихъ считаютъ 16. Ихъ культъ примыкаетъ къ культу Сивы, составляя свиту сына его Сконда. Въ настоящее время этотъ культъ господствуетъ, главнымъ образомъ, въ Гузератѣ. *Monier Williams* перечисляетъ здѣсь до 140 различныхъ матерей, не считая различныхъ разновидностей почитанія ихъ въ народѣ. Повидимому, это все мѣстныя божества, принятыя браманизмомъ. Пѣкоторыхъ изъ нихъ изображаютъ въ видѣ грубыхъ идоловъ, другимъ строятъ простенькіе храмы, третьимъ ставятъ обширныя постройки безъ всякихъ изображеній, какъ то дѣлаютъ японцы для своихъ боговъ религіи Шинто. Каждая богиня имѣетъ свои спеціальныя функціи. Такъ, одна, называемая Ходіаръ или несчастье, причиняетъ послѣднее, если ей не будетъ отдано почтенія, другая, такъ называемая Бераи, предохраняетъ отъ холеры, третья, Маяки, причиняетъ холеру, Хадокаи наблюдаетъ за бѣшеными собаками и предохраняетъ отъ водобоязни, Асапура, изображаемая двумя идолами, исполняетъ надежды женъ, давая дѣтей. Многія изъ нихъ причиняютъ заразительныя болѣзни или предохраняютъ отъ нихъ. Обыкновенно, принято приносить имъ въ жертву козью кровь. Такъ, по преданію, одинъ индійскій докторъ вылѣчилъ цѣлую деревню отъ инфлуэнцы, прочитавъ заклинанья и принеся въ жертву разгнѣванной богинѣ кровь двухъ козъ, которую онъ вылилъ на дерево. Одна изъ этихъ матерей играетъ роль въ оригинальномъ обычаѣ *куважи.* Въ Гималаяхъ очень популярна такъ называемая матерь *Пуджа.* Почитатель ея беретъ доску и чиститъ ее рисовою мукой. На такой доскѣ онъ рисуетъ 16 изображеній матерей, а справа отъ нихъ изображаетъ Ганезу, а также солнце и луну. Затѣмъ онъ дѣлаетъ метелку изъ священныхъ травъ, макаетъ въ коровій пометъ и ею прикасается къ изображеніямъ. Послѣ чтенія молитвенныхъ стиховъ пять или семь разъ, на доску капаютъ смѣсью масла и сахара. Затѣмъ жрецъ отмѣчаетъ лобъ и грудь молящихся монетою, обмакнутою въ масло, которую онъ оставляетъ себѣ въ награду. Богослуженіе заканчивается возженіемъ лампадъ для отогнанія злыхъ духовъ, пѣніемъ гимновъ и принесеніемъ даровъ браманамъ. Во многихъ мѣстахъ къ числу матерей относятъ также Майю, мать Будды, и ея статуи распространены во многихъ мѣстностяхъ Индіи. Другой типъ культа матерей мы находимъ подъ видомъ Паремаи. Она изображается въ видѣ чернаго камня, окрашеннаго красною охрой, ставящагося подъ ближайшей къ селенію смоковницей. Это въ

сущности мать лѣса, позволяющая, если она разгнѣвана, тиграмъ и другимъ лѣснымъ звѣрямъ дѣлать нападенія на жителей села. Грубая куча хворосту часто воздвигается въ ея честь, какъ храмъ. Надобно также упомянуть о матери голода, въ честь которой совершаются различнаго рода церемоніи во время такъ часто посѣщающихъ Индію неурожаевъ. Главная богиня Раджпутовъ, это — Мата Деви или мать боговъ. Она окружена семействомъ боговъ и изображается статуей изъ бѣлаго мрамора.

Но самымъ широко распространеннымъ культомъ обладаетъ Ситата, прогоняющая оспу, въ честь которой совершаются разнообразныя церемоніи. Она считается старшею изъ семи сестеръ, прогоняющихъ разнообразныя болѣзни, какъ *Adwani*, или огневицы, создающія лихорадку и др. Мѣсто жительства Ситаты есть дерево *нимъ*, почему паціентовъ и обвѣваютъ его листьями. Въ жертву ей обыкновенно приносятъ лишь холодную пищу, такъ какъ она причиняетъ холодъ, и ея мѣсто жительства — холодныя части дома. Были случаи, что во время особенно сильно свирѣпствовавшей оспы, ей приносили человѣческія жертвы. Во время эпидеміи паломничество къ храмамъ этой богини строго воспрещается. Не меньшимъ почтеніемъ пользуется богъ Мардауръ Лола, причиняющій холеру, котораго заклинаютъ разными церемоніями; эта же болѣзнь приписывается богинѣ Мариманъ, или смерти. Всѣ вообще болѣзни въ Индіи приписываются демоническимъ силамъ, вліянію злыхъ духовъ, дурному глазу, и для изгнанія ихъ пользуются общими всѣмъ шаманствующимъ народомъ средствами: заклинаніями, жертвами или шумомъ.

Проф. А. Н. Красновъ.

ДОПОЛНЕНІЕ 2-е КЪ ГЛАВѢ ТРЕТЬЕЙ.

Легенда о Кришнѣ.

Біографія Кришны можетъ служить типомъ тѣхъ сказаній о различныхъ индійскихъ богахъ, которыя продаются какъ въ народныхъ книжныхъ торговляхъ, такъ и книгоношами около мѣстъ поклоненія, подобно тому, какъ продаются житія святыхъ около нашихъ монастырей. Внѣшность этихъ изданій, печать, — все поразительно напоминаетъ намъ житія. Не то можно сказать о содержаніи книжекъ. Вотъ краткое изложеніе одной изъ нихъ.

„Во время оно Земля, отягощенная грѣхами, предстала передъ собраніемъ боговъ, жалуясь, что она не можетъ болѣе сносить воплощеній демоновъ, попирающихъ ея почву. Боги, выслушавъ ея жалобы, обратились къ Вишну, говоря: „Ты покровитель міра, и все живущее живетъ въ тебѣ. Все, что было или будетъ — ты еси. Ты — Риг-Веда, Яджур-Веда, Сама-Веда и Атгарва-Веда. Ты — обрядъ, значеніе, мѣра, астрономія, исторія, преданіе, грамматика, теологія, логика и законъ — ты, непостижимый“. Гари понравилось это обращеніе и онъ сказалъ Брамѣ: „Скажи мнѣ, чего ты, Брама, и вы, боги, чего вы желаете?“ Брама простерся предъ нимъ и сказалъ: „Спаси, господинъ, эту Землю, угнетенную могущественными Асурами, прійди къ ней, чтобы спасти ее отъ этого бремени“. Когда Брама окончилъ свою рѣчь, Всевышній вырвалъ два волоска, одинъ бѣлый, одинъ черный, и сказалъ богамъ: „Да снизойдутъ эти два моихъ волоса на землю и да избавятъ они ее отъ бремени нечестія. Этотъ черный волосъ да сдѣлается восьмымъ зачатіемъ жены Васудевы, Деваки богоподобной, и да убьетъ онъ Кансу, который не кто иной, какъ демонъ Каланеми“. Сказавъ это, Гари исчезъ. Канса былъ тиранномъ города Матуры, сыномъ Угросены и двоюроднымъ братомъ Деваки, убившимъ ея отца. Кудесникъ Муни-Нарада сообщилъ ему, что Вишну возродится въ восьмомъ ребенкѣ Деваки и лишитъ его жизни. Канса поэтому рѣшается ее убить. Но Васудева, мужъ ея, говоритъ ему: „Пощади ея жизнь, а я берусь отдать въ твои руки каждаго изъ дѣтей, которыхъ она родитъ“. Канса согласился, и согласно обѣщанію, Васудева доставлялъ ему всѣхъ рождавшихся отъ Деваки дѣтей

Но Вишну сообщилъ Іоганидрѣ, что седьмое зачатіе составитъ частицу его самого, а самъ онъ воплотится въ восьмомъ ребенкѣ Деваки. Въ день рожденія Кришны облака издавали пріятные звуки и на землю падалъ дождь изъ цвѣтовъ. Васудева, взявъ на руки младенца, ушелъ изъ города, такъ какъ Іоганидра усыпила стражей. Чтобы защитить ребенка отъ сильнаго дождя, лившаго ночью, Вегна, многоголовый змѣй, слѣдовалъ за Васудевой, распростерши свои головы и широкія шеи надъ ихъ головами въ видѣ зонтика. Ночью, когда они переходили глубокую рѣку Ямуну, вода не смѣла подняться выше колѣнъ Васудевы. Въ эту самую ночь Ясода, жена нѣкоего Нандо, пастуха изъ Гскуля, родила дочь. Васудева подмѣнилъ новорожденныхъ, взялъ дѣвочку и, положивъ своего мальчика къ матери, быстро возвратился домой. Ясода, проснувшись, убѣдилась, что она разрѣшилась мальчикомъ столь же темнымъ, какъ темные листья лотоса, и страшно обрадовалась этому обстоятельству. Васудева же, взявши дѣвочку, дочь Ясоды, вернулся домой незамѣченнымъ и положилъ ребенка въ постель Деваки. Стражи, разбуженные крикомъ новорожденной, сообщили Кансѣ, что Деваки родила ребенка. Канса сейчасъ же отправился къ Васудевѣ и, взявши ребенка, размозжилъ его о камень. Но онъ поднялся до неба и разроссл въ громадную восьмирукую фигуру. Чудовище обратилось къ Кансѣ со словами: „берегись, твой убійца родился“, и исчезло. Испуганный Канса отпустилъ Васудеву и Деваки. Далѣе разсказывается, какъ младенецъ Кришна высосалъ духъ кудесницы Путаны, которая имѣла обыкновеніе отравлять дѣтей, кормя ихъ своею грудью, какъ Кришна, разсерженный, что не идутъ на его зовъ, опрокинулъ телѣгу съ горшками, подъ которой его положили спать, какъ онъ кралъ масло у своей матери, чтобы ѣсть его со своими товарищами, и какъ онъ и его братъ Баларама, подрастая, вели пастушескую жизнь, дѣлали вѣнки и гирлянды изъ павлиньихъ перьевъ и лѣтнихъ цвѣтовъ, музыкальные инструменты изъ листьевъ и травъ, или учились играть на пастушьихъ флейтахъ, — словомъ, какъ эти освободители міра вели мирную жизнь пастуховъ телятъ.

Юность Кришны знаменуется его побѣдою надъ страшнымъ змѣемъ, на которомъ онъ, почти задушивъ его, танцовалъ побѣдоносный танецъ — и когда тотъ призналъ свое безсиліе, Кришна позволилъ ему удалиться въ море. Юный пастухъ прославляется и за шалости, за которыя въ наше время не похвалили бы ни одного повѣсу. Такъ, однажды, когда пастушки купались въ рѣкѣ, Кришна пасъ коровъ подъ сѣнью фиговаго дерева. Услыша пѣсни купающихся, онъ, осторожно подкравшись, похитилъ ихъ платья. Долго и тщетно разыскивая свои одежды, пастушки, наконецъ,

замѣтили Кришну, залѣзшаго на дерево. Смущенныя дѣвушки, спрятавшись въ воду, стали умолять повѣсу возвратить имъ ихъ костюмы. Но Кришна потребовалъ, чтобы они сами пришли за одеждою, и когда онѣ, прикрываясь руками, рѣшили выйти изъ воды, онъ потребовалъ, чтобы онѣ, взявшись за руки, подошли къ нему, и тогда сказалъ имъ: „Не негодуйте за то, что случилось: это вамъ урокъ. Вода — жилище бога Варуны. Кто входитъ въ нее совершенно нагимъ, оскверняетъ его образъ. Идите теперь домой, въ мѣсяцъ же Картика приходите вести со мною хороводы“.

Кришна поднимаетъ гору (въ облакахъ Индра на слонѣ).

Кришна уже въ молодости является богомъ болѣе сильнымъ, чѣмъ древніе боги арійцевъ. Онъ запрещаетъ своимъ односельчанамъ приносить жертвы Индрѣ, говоря: „Индра нуженъ земледѣльцамъ, мы же живемъ отъ скота и лѣсовъ. Скоту нашему и духамъ нашихъ горъ и лѣсовъ должны мы приносить жертвы и устраивать празднества“. Разгнѣванный Индра приказалъ облакамъ 7 дней и 7 ночей лить дождь на непокорное селеніе. Но Кришна, сорвавши гору Гаварданъ, поднялъ ее въ видѣ зонтика и, собравъ подъ ея защиту народъ свой, показалъ ему безсиліе Индры. Чѣмъ болѣе мужалъ Кришна, тѣмъ болѣе выказывались въ немъ свойства того бога любви, какимъ онъ является для своего народа. Онъ по вечерамъ запѣвалъ, играя на флейтѣ, сладкія пѣсни, любимыя женщинами, и онѣ, заслыша ихъ, покидали дома и бѣжали на ихъ звуки; Кришна склонялъ однѣхъ сладкими рѣчами, другихъ томными взглядами, нѣкоторыхъ бралъ за руки и танцовалъ подъ мѣрный звукъ, издаваемый ихъ браслетами, и дѣвы, увлеченныя танцами, простирали свои разукрашенныя руки, восхваляли избавителя, бросались въ его объятія. Онѣ всюду слѣдовали за нимъ, и каждое мгновенье, проведенное безъ Кришны, имъ казалось миріадой лѣтъ. Между другими женщинами онъ плѣнилъ Радгу, жену Аяноготи. Мужъ ея, узнавши объ измѣнѣ, рѣшилъ въ ярости

убить Кришну, но Крищна успокоилъ свою любовницу, сказавъ, что онъ приметъ обликъ богини Кали въ тотъ моментъ, когда къ нему явится разгнѣванный мужъ. Скоро затѣмъ явился и ея мужъ и поклонился вмѣстѣ съ нею Кришнѣ подъ видомъ Кали. Имя Радги всегда сопровождаетъ въ гимнахъ имя Кришны; ее рисуютъ съ нимъ на картинахъ, призываютъ въ молитвахъ. Теперь забыты всѣ остальныя жены божества, одну Радгу почитаютъ вмѣстѣ съ ея любовникомъ. Однажды вечеромъ, когда Кришна и Радга забавлялись танцами, демонъ Аришта принялъ видъ дикаго быка и бросился на нихъ, произведя всеобщее смятеніе. У него были громадные рога и глаза горѣли, какъ два солнца; онъ взрывалъ землю своими копытами, его хвостъ былъ поднятъ. Наводя всеобщій ужасъ, демонъ приближался. Пастухи и жены ихъ, страшно испуганные, взывали къ Кришнѣ, который немедленно явился на помощь съ оружіемъ въ рукахъ. Демонъ наставилъ рога на грудь Кришны и съ бѣшенствомъ устремился на него. Кришна же выжидалъ его съ улыбкою на устахъ и, схвативъ за рога, швырнулъ о землю какъ мокрую тряпку, затѣмъ, вырвавъ одинъ изъ роговъ, билъ имъ дикаго демона, пока тотъ не умеръ, изрыгая кровь изо рта. Вскорѣ послѣ этого событія Риши Нарада сообщилъ Кансѣ о томъ, что Кришна живъ. Тогда Канса рѣшилъ пригласить Кришну и Баляраму въ Матуру на атлетическія игры и предложить имъ состязаніе съ двумя бойцами, которые, по мнѣнію Кансы, должны были убить Кришну. Приглашеніе долженъ былъ передать Акрура, одинъ изъ немногихъ хорошихъ людей въ царствѣ Кансы. По пути онъ долженъ былъ дать приказаніе демону Кисину, сторожившему лѣса Виндрабана, чтобы тотъ напалъ на молодыхъ людей. Кисинъ явился немедленно. Пастухи бѣжали подъ защиту Кришны. Кришна сказалъ: „иди ко мнѣ, негодяй!" Демонъ побѣжалъ съ разинутымъ ртомъ. Кришна же, всунувъ ему руку въ пасть, выломалъ зубы и, продолжая всовывать глубже и глубже, разорвалъ демона надвое. Онъ все время безстрашно улыбался, глядя на гибель демона. Затѣмъ явился Акрура съ приглашеніемъ, склонивши свою голову передъ Кришною. Кришна отвѣтилъ ему, что явится на приглашеніе въ Матуру и въ теченіе трехъ дней убьетъ Кансу. Радга была безутѣшна, думая, что, познакомившись съ прелестными дѣвушками Матуры, онъ больше къ ней не вернется. Оба брата въ колесницѣ, запряженной быстрыми конями, прибыли послѣ заката въ Матуру. Они вошли въ городъ, одѣтые какъ крестьяне. Идя по улицѣ, они замѣтили человѣка, стирающаго и окрашивающаго платья, и смѣясь взяли у него нѣсколько одеждъ. Это былъ слуга Кансы, человѣкъ, благодаря расположенію къ нему его хозяина, очень дерзкій. Онъ сталъ

громко ругать молодыхъ людей, пока Кришна не повалилъ и не убилъ его. Затѣмъ, взявъ платье и разодѣвшись въ желтыя и голубыя одежды, они пошли далѣе. Проходя мимо продавца цвѣтовъ, они получили отъ него лучшіе изъ цвѣтовъ, за что Кришна обѣщалъ ему и его потомству благополучіе. По пути они встрѣтили также горбатую дѣвушку, по имени Кубжа, которая несла горшокъ съ благовонными маслами во дворецъ. По ихъ требованію, она отдала имъ эти втиранія, и они натерли ими свое тѣло. Кришна, взявъ голову дѣвушки пальцами и придержавъ ступни ногъ ея своими ногами, выпрямилъ горбатую и сдѣлалъ ее женщиной чудной красоты. Въ благодарность, она пригласила юношей въ свой домъ. Войдя въ комнату съ оружіемъ, Кришна попросилъ попробовать лукъ. Онъ натянулъ поданный ему лукъ такъ сильно, что лукъ переломился надвое. Между тѣмъ Канса, узнавши, что Кришна и Балярама пришли, позвалъ къ себѣ Хануру и Пуштику, своихъ бойцовъ, и сказалъ имъ: „Два юноши, пастуха, пришли. Правдой или неправдой, но вы должны убить этихъ двухъ негодяевъ". Затѣмъ онъ послалъ за человѣкомъ, управлявшимъ его слонами, велѣлъ поставить самаго большого слона у воротъ арены и напустить его на молодыхъ людей, когда они будутъ выходить. На слѣдующее утро граждане города собрались на поставленныя для нихъ платформы, а принцы съ министрами и придворными заняли царское мѣсто. Около центра круга Канса поставилъ судей для боя, а самъ сѣлъ около на пышномъ тронѣ.

Особая платформа была поставлена для фрейлинъ, куртизанокъ и женъ гражданъ. Нанда и пастухи стояли также на отведенныхъ для нихъ мѣстахъ, на концѣ которыхъ сидѣли Акрура и Васудева. Между женами гражданъ виднѣлась Деваки, мать Кришны. Когда Кришна и Балярама пытались выйти на сцену, слонъ Каази бросился на нихъ. Они стали съ нимъ бороться, подобно тому, какъ они привыкли бороться въ дѣтствѣ съ телятами. Наконецъ, Кришнѣ удалось схватить слона за хвостъ, закрутивъ его, повалить слона на землю и убить ударомъ. Онъ вырвалъ у него клыкъ: изо рта слона хлынула кровь и потекла рѣкою. Когда загремѣла музыка, на арену прыгнулъ Ханура. Народъ воскликнулъ: „Увы!", и Муштика съ недоумѣніемъ всплеснулъ руками. Пастухи, всѣ въ слоновьей крови, вооруженные клыками слона, спокойно вышли передъ публикою. Восклицанія сожалѣнія смѣшались у зрителей съ криками удивленія. „Вотъ Кришна", говорилъ народъ. „Это тотъ, который убилъ Путану, кто въ дѣтствѣ опрокинулъ телѣгу, убилъ злого демона" и т. д. Женщины утверждали, что несправедливо, чтобы мальчиковъ заставляли бороться съ опытными бойцами, знаменитыми своею силой. Кришна, подвязавъ свою повязку, сталъ

плясать, потрясая почву ногами. Балярама также танцовалъ, ударяя въ ладоши. Затѣмъ Кришна вступилъ въ бой съ Ханурою; они ударяли другъ друга кулаками, руками, лбами, давя другъ другу колѣна и толкаясь ногами. Наконецъ, Кришна опрокинулъ Хануру такъ, что тотъ перевернулся сто разъ, ударившись о землю, разлетѣлся на сто кусковъ и увлажнилъ землю сотнею брызгъ крови. Подобнымъ же образомъ Балярама опрокинулъ Муттику и билъ его, пока тотъ не умеръ. Канса въ бѣшенствѣ закричалъ къ народу: „Уведите этихъ двухъ пастуховъ, схватите Нанду, замучьте до смерти пытками Васудеву!“ Но тогда Кришна бросился къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ Канса, схватилъ его за волосы и умертвилъ его тяжестью своего тѣла. Затѣмъ онъ вытащилъ его на арену при горестныхъ крикахъ всего собранія. Послѣ того Кришна и Балярама обняли ноги Васудевы и Деваки.

Кришна освободилъ Угросену изъ заточенія и посадилъ его на тронъ. Глава ядавовъ, короновавшись, похоронилъ по обряду Кансу и другихъ убитыхъ. Послѣ вступленія на тронъ Угросены, оба юноши отправились въ Аванти учиться подъ руководствомъ Сандипани. Въ теченіе 64 дней они прошли всѣ элементы военной науки, съ трактатами объ употребленіи оружія и пѣніи молитвенныхъ пѣснопѣній, обезпечивающихъ помощь сверхъестественныхъ силъ. Сандипани, пораженный быстротою ихъ успѣховъ, полагалъ, что солнце и мѣсяцъ сдѣлались ихъ учениками... Далѣе Кришна освободилъ свой городъ Матуру отъ неоднократно нападавшихъ на него враговъ, хитростью заставилъ вождя непріятельской арміи притронуться къ заклятому богами спящему великану, одно прикосновеніе къ которому сжигало всякаго смертнаго, похитилъ дочь знаменитаго царя Бишмака, армію котораго ему приходилось разбить на-голову почти одному. Кришна пріобрѣлъ себѣ еще пять женъ, кромѣ уже извѣстной намъ Радги и похищенной Рукмини. Помимо этихъ женъ, у Кришны было еще 16,000, при чемъ на этихъ послѣднихъ онъ женился сразу, получивъ руки ихъ въ одно мгновеніе. Чтобы исполнить обязанности мужа, Кришна умножался, принимая различныя формы, и каждая изъ невѣстъ думала, что она одна только имѣетъ женихомъ Кришну, пришедшаго въ ея отдѣльное жилище. По словамъ Пураны Вигину, у него было 180,000 сыновей, по другимъ даннымъ, у него ихъ было „сто сотенъ“. Кришна въ зрѣломъ возрастѣ не ограничивался побѣдами надъ людьми и демонами. Къ нему однажды обратился за помощью богъ Индра, явившись на своемъ бѣломъ слонѣ, и жаловался на тираннію демона Нароки, который обижалъ людей и боговъ, похитилъ зонтикъ у Варуны, серьги у матери Индры, Адити, и требовалъ знаменитаго бѣлаго слона Индры Айровати. Кришна по-

бѣдилъ армію демоновъ, высланную ему Нарокою, и освободилъ, между прочимъ, тѣхъ 16,000 плѣнныхъ дѣвъ, которыя стали его женами. Но вскорѣ, желая похитить изъ сада Индры росшее тамъ любимое дерево его жены, дерево Паріати, съ золотыми вѣтвями и душистыми цвѣтами, онъ вступилъ въ бой съ Индрою и остался его побѣдителемъ, пересадивъ на все время своего существованія на землѣ это дерево въ садъ любимой жены своей. Затѣмъ, съ неменьшимъ успѣхомъ воевалъ онъ съ великимъ богомъ Сивою, котораго онъ обратилъ въ бѣгство. Наконецъ, боги послали къ Кришнѣ посла, говоря: „Демоны всѣ перебиты и тягота ихъ снята съ земли, возвратись же къ намъ на небо править безсмертными". Смерти Кришны предшествовала гибель народа ядавовъ, поссорившихся и перебившихъ другъ друга на устроенномъ Кришною пиршествѣ, гдѣ онъ и боги плясали съ дѣвами и гдѣ Кришна руководилъ танцами, отплясывая со своими женами. Танцы завершились ужиномъ, гдѣ всѣ сидѣли по рангамъ. Чисто одѣтые повара подавали гостямъ жареныхъ буйволиныхъ телятъ, мясо вареное съ перцемъ и соусами изъ тамариндовъ и гранатъ. Было тутъ не мало различныхъ напитковъ и закусокъ. Окруженные возлюбленными, гости пили майрейю, мáдвику, суру и áсову, закусывая жареной дичью съ ѣдкими соусами или душистыми печеньями. Но упоенный виномъ народъ сталъ ссориться и вступилъ въ бой, подъ конецъ котораго не осталось никого, кромѣ Кришны и Даруки. Самъ Кришна нѣсколько позже палъ отъ охотника, нечаянно ранившаго его въ пятку, принявъ ее за часть оленя, въ то время, когда онъ, положивъ ногу на ногу, сидѣлъ подъ деревомъ. Раненъ онъ былъ наконечникомъ, выкованнымъ изъ меча, заклятаго мудрецомъ Нарадою. Увидавъ свою ошибку, охотникъ Яра умолялъ Кришну о прощеніи. Кришна же ему сказалъ: „Не бойся за послѣдствія, иди со мною на небо, въ жилище боговъ". Немедленно явилась небесная колесница, на которой охотникъ былъ взятъ на небо, Кришна же оставилъ смертное тѣло. Арджуна, найдя тѣло Кришны и брата его, убитаго во время празднества, похоронилъ ихъ по обычаю. Восемь королевъ Кришны съ Рукмини во главѣ, обняли тѣло Гари и вошли въ погребальный огонь. Ревати также, обнявъ тѣло Баларамы, взошла на костеръ. Услышавъ объ этомъ, Угросена и Васудева съ Деваки и Рогини предали себя пламени. Арджуна управлялъ тысячами женъ Кришны и прочимъ народомъ Двораки съ нѣжностью и заботливостью. Дерево Паріати поднялось на небо, и съ того самаго момента, какъ Кришна удалился съ земли на небо, спустился темный вѣкъ Кали. Океанъ затопилъ царство Двораки, кромѣ зданія богини рода Яду. Море и теперь не можетъ смыть этого храма, и Кесава живетъ тамъ и

до настоящаго времени. Кто посѣтитъ этотъ святой храмъ, мѣсто, гдѣ упражнялся Кришна, освобождается отъ всѣхъ грѣховъ. Образованный читатель придетъ, конечно, въ ужасъ, если сравнитъ популярнѣйшаго изъ боговъ народныхъ Кришну—это восьмое воплощеніе Вишну — съ благороднымъ образомъ Будды — шестымъ воплощеніемъ того же божества или даже съ предыдущимъ его воплощеніемъ, Рамою, воспѣтымъ въ Рамаянѣ. Но не слѣдуетъ забывать, что если буддизмъ былъ въ Индіи протестомъ и революціей противъ гнета брамановъ, то появленіе Кришны, простого чернокожаго пастуха, освобождающаго народъ отъ его притѣснителей, изображенныхъ въ видѣ демоновъ и злодѣевъ, унижающаго арійскихъ боговъ Индру и Сиву, есть протестъ нѣкогда покореннаго народа, составляющаго наибольшую и наиболѣе бѣдную крестьянскую и рабочую часть населенія Индіи, противъ ослабѣвшихъ и, въ свою очередь, покоренныхъ арійскихъ и скиѳскихъ завоевателей. Культъ Кришны и развился наиболѣе сильно здѣсь, на сѣверо-западѣ, гдѣ гнетъ бѣлой расы былъ наиболѣе силенъ. Кришна, богъ любви, богъ веселья и потворства страстямъ, богъ желающій поклоненія духамъ-покровителямъ лѣсовъ и скота, всегда на первомъ мѣстѣ стоявшимъ у аборигеновъ Индіи, былъ протестомъ противъ аскетизма, самобичеванія, доходившихъ у брамановъ до крайнихъ формъ; онъ былъ протестомъ противъ монашества и нищенскихъ орденовъ буддистовъ, онъ, такъ сказать,—основатель эпикуреизма, но эпикуреизма грубой народной массы, понимаемаго какъ потворство страстямъ и плотскимъ стремленіямъ. Онъ нашелъ отзывъ въ той части населенія, которой опротивѣлъ аскетизмъ, и сталъ популярнѣйшимъ народнымъ богомъ на сѣверо-западѣ Индіи.

Въ городѣ и деревнѣ зайдите въ домъ индуса—и вы увидите, какъ видѣлъ я въ Агрѣ, Дели, Амрицарѣ, Вандрабанѣ и другихъ мѣстахъ, на выбѣленныхъ стѣнахъ комнатъ развѣшанныя картины, изображающія различныя событія изъ жизни Кришны: Кришну, танцующаго на змѣѣ, Кришну, похищающаго одежды дѣвицъ или ведущаго съ ними хороводъ, Кришну, держащаго надъ головой народа своего гору, которая защищаетъ его отъ дождя, посылаемаго Индрою. Старинныя картины нарисованы грубо, напоминая наши монастырскія изданія иконъ. Теперь онѣ становятся рѣдкостью, замѣняясь нѣмецкими лубочными изданіями. Та самая фабрика, которая тысячами экземляровъ направляетъ въ польскія и малороссійскія деревни изображенія Дѣвы Маріи, младенца Христа и другія сцены изъ библейской исторіи, тѣми же красками, въ томъ же форматѣ и въ томъ же родѣ печатаетъ сцены изъ безобразной индійской миѳологіи, и яркость красокъ этихъ евро-

пейскихъ изданій обезпечиваетъ имъ громадный сбытъ въ средѣ индійскаго населенія. Кришна пляшущій, Кришна-младенецъ, похищающій масло, и Кришна во многихъ другихъ видахъ изображается въ бронзовыхъ, мѣдныхъ и глиняныхъ статуэткахъ. Цѣна этимъ статуэткамъ грошовая, и туристъ въ лавкахъ, особенно въ лавкахъ священныхъ городовъ, можетъ составить цѣлую коллекцію ихъ. Но если такая статуэтка была снесена въ храмъ и полежала нѣкоторое время около священнаго идола, она пріобрѣтаетъ свойства этого послѣдняго; она становится домашнимъ богомъ, и ее уже ни за какія деньги индусъ не продастъ, въ особенности поганому mlechas — европейцу. Но значеніе Кришны не ограничивается всѣмъ вышесказаннымъ. Валлабга, жившій въ Гокулѣ, въ XVI столѣтіи, основалъ весьма распространенную теперь секту послѣдователей Кришны, почитающихъ бога этого путемъ свѣтскихъ увеселеній и плотскихъ наслажденій. Учителя этой секты, мнящіе себя потомствомъ и воплощеніемъ Кришны, всегда одѣты въ лучшія платья, питаются лучшимъ мясомъ на счетъ своихъ поклонниковъ, принадлежащихъ часто къ самому богатому классу индійскаго купечества. Эти потомки Валлабги, теперь называемые магараджами, съ самаго дѣтства окружаются обожаніемъ и воспитываются въ невѣжествѣ, дерзости и сладострастіи.

Мужчины и женщины преклоняются передъ ними, приносятъ имъ благовонія, фрукты, цвѣты и свѣчи. Удовлетворяя плотскимъ удовольствіямъ магараджей, послѣдователи этой секты какъ бы служатъ Кришнѣ. Тѣло, душа и собственность (tan, man, dhan)— все имъ предоставлено. Женщинъ учатъ, что величайшее благо, это — если онѣ или ихъ семьи будутъ въ связи съ магараджей. Передъ ними дѣвицы поютъ, обыкновенно, эротическаго характера пѣсни на празднествахъ, и тогда магараджей считаютъ за единое съ Кришной; сладострастіе поощряется и воспѣвается во всѣхъ гимнахъ, связанныхъ съ Кришною. Главный магараджа, по имени Гопинатти, есть человѣкъ, истощенный до степени скелета излишествами всякаго рода, за исключеніемъ пьянства. Но браманы магараджи не ограничиваются этой ролью. У нихъ еще бываютъ вечера плотской любви, гдѣ они пользуются женами другъ друга, или гдѣ принадлежащіе къ различнымъ кастамъ люди, послѣ пиршества, предаются свальному грѣху. Это — полное попраніе кастовыхъ правилъ, протестъ противъ невыносимыхъ узъ лицемѣрія, какими связанъ браманъ. Главные магараджи имѣютъ весьма своеобразные источники доходовъ. Такъ, за счастіе посмотрѣть на него платятъ 5 рупій, за удовольствіе прикоснуться — 20, за удовольствіе омыть ему ноги — 35, за счастіе вытереть его благовонными маслами — 60, за удовольствіе погостить у него или принять

у себя 50—500, за пляску въ хороводѣ 100—200, за питье воды, въ которой выкупался магараджа или въ которой вымыли его бѣлье, — 19 и т. д. Такъ чтится человѣкъ не за личныя его качества, а только за происхожденіе! Надо ли говорить, что ни одинъ индусъ, найдя у входа въ домъ свой калоши магараджи или другого брамана, не смѣетъ войти въ него, если тотъ самъ его не позоветъ...

Проф. А. Красновъ.

ГЛАВА IV.

Современный индуизмъ II.

Сущность индусскихъ вѣрованій. — Позднѣйшія перемѣны. — Набожность индусовъ. — Домашнее богослуженіе. — Гуру. — Посвященіе. — Астрологъ. — Элементы индусскаго культа. — Браманскіе обряды. — Обычные обряды. — Богослуженіе въ храмахъ. — Жрецы. — Праздники. — Идолы. — Праздничныя церемоніи. — Представленія. — Праздникъ Дурги. — Святыя мѣста. — Бенаресъ. — Храмъ Бишешвара. — Обязанности пилигримовъ. — Пури. — Большой храмъ. — Идолы. — Освященная пища. — Праздникъ Колесницы. — Религіозныя самоубійства. — Трогательный случай. — Храмъ Вишну въ Тричинополи. — Секты вишнуитовъ. — Секты сиваитовъ. — Сакты. — Сикхи. — Библія Сикховъ. — Брамо-Сомаджъ. — Раммогунъ Рой. — Девендра Натъ Тагоръ. — Кешубъ Чундра Сенъ. — Всеобщій Сомаджъ. — Фатализмъ. — Май или заблужденіе. — Переселеніе душъ. — Награды и наказанія. — Смерть. — Сожиганіе труповъ. — Церемоніи въ память умершихъ. — Нравственность. — Жены. — Положеніе женщинъ. — Вдовы. — Сѣтти. — Несоотвѣтствіе нравовъ съ религіей. — Добродѣтели индусовъ.

Современный индусскій культъ представляетъ совокупность различныхъ, часто противорѣчивыхъ обрядовъ и обычаевъ: нѣтъ въ мірѣ другой столь широкой, всеобъемлющей религіи. Какъ видно изъ отчета послѣдней бенгальской переписи, терминъ индуизмъ не обозначаетъ ни вѣры, ни расы, ни церкви, ни народа и даетъ лишь общее туманное опредѣленіе. Подъ него подходятъ и послѣдователи ведантійской философіи, и высокородные браманы, и представители низшихъ кастъ, почитающіе различныхъ боговъ индусскаго пантеона, и полуварварскіе аборигены, совершенно незнакомые съ индусскою миѳологіею, покланяющіеся во время болѣзни или опасности какому-нибудь камню. Разница въ преобладающихъ формахъ культа по отдѣльнымъ округамъ очень велика; кромѣ того, есть масса личныхъ и домашнихъ церемоній, видоизмѣняющихся сообразно мѣстнымъ и общественнымъ условіямъ. Народъ полагаетъ, что его вѣковой культъ никогда не подвергался измѣненіямъ, и европейцы въ значительной мѣрѣ раздѣляютъ этотъ взглядъ; однако, въ религіи индусовъ произошли значительныя перемѣны. Большой праздникъ Джаганната есть лишь варіантъ буддійскаго празднества, и нетрудно доказать существованіе многочисленныхъ наслоеній въ современномъ индуизмѣ.

Индусы отличаются особенной набожностью. *Wilkins* говоритъ: „Разсказывать объ обыденной жизни индусовъ все равно, что описывать ихъ религію. Отъ самаго рожденія и до конца жизни индусу предписывается рядъ періодическихъ церемоній, которыя онъ, обыкновенно, и выполняетъ". Большая часть этихъ церемоній представляетъ остатки анимизма, колдовства, астрологіи и т. п. первобытныхъ вѣрованій. Такъ, напр., передъ рожденіемъ ребенка мать не смѣетъ надѣвать одежды, черезъ которую перелетѣла птица, не смѣетъ ни сидѣть ни гулять во дворѣ; должна всегда завязывать платье узломъ вокругъ пояса; должна, чтобы спастись отъ злыхъ духовъ, носить на шеѣ амулетъ, въ которомъ находятся цвѣты, посвященные богу Баба-Такуру, и ежедневно пить нѣсколько капель воды, къ которой она предварительно прикасается этимъ амулетомъ. Нареченіе имени ребенку — одна изъ важнѣйшихъ индусскихъ церемоній, въ составъ которой входятъ благодарственная служба и дары предкамъ. Дѣтямъ часто дается одно имя бога или обоготвореннаго героя, а другое — по назначенію астролога, который вычисляетъ младенцу гороскопъ.

Въ каждомъ, сколько-нибудь состоятельномъ домѣ, если глава не браманъ, имѣется свой семейный жрецъ, который совершаетъ богослуженіе, обыкновенно, дважды въ день, въ комнатѣ, гдѣ стоитъ семейный идолъ. Противъ входныхъ дверей дома находится также площадка, куда ставятъ изображенія боговъ во время періодическихъ религіозиыхъ праздниковъ. Жрецъ купаетъ и умащаетъ идола, совершаетъ положенные обряды и отъ лица семьи приноситъ въ жертву плоды и цвѣты. Семья, однако, не всегда при этомъ находится, такъ какъ необходимымъ считается только присутствіе жреца. Жертвенные дары идутъ въ его пользу, а полное содержаніе онъ получаетъ отъ одного или двухъ семействъ. Конечно, безъ него не обходится ни одна важная семейная церемонія.

Гуру, или религіозный учитель, несетъ иныя обязанности. Онъ совершаетъ посвященіе въ индусскія секты и преподаетъ основы ихъ ученія. Гуру не живетъ въ домѣ своего ученика. Индусу внушается, что лучше оскорбить боговъ, чѣмъ гуру, такъ какъ въ первомъ случаѣ гуру можетъ исходатайствовать помилованіе боговъ, но во второмъ случаѣ всякое посредничество безсильно, и проклятіе гуру принесетъ несказанное несчастіе. Гуру посѣщаетъ учениковъ разъ въ году; всякій необычный визитъ доказываетъ, что онъ хочетъ лишній разъ получить денегъ. Онъ обращается со своими духовными чадами свысока; образованные индусы описываютъ жадность, безнравственность и порочность гуру. Эти учителя требуютъ, чтобы имъ оказывали наилучшій пріемъ, давали

новую обстановку, ковры и богатые подарки; лишь немногіе изъ нихъ преподаютъ что-нибудь дѣльное. Гуру можетъ и не быть браманомъ. Каждый индусскій мальчикъ, восьми лѣтъ отъ роду (иногда старше), получаетъ отъ избраннаго для него гуру священный текстъ или мантру, такъ называемый текстъ сѣмени; гуру по секрету сообщаетъ ему этотъ текстъ и избираетъ для него бога, которому онъ долженъ воздавать особое поклоненіе. Ученикъ никогда никому не смѣетъ сообщить своего текста и долженъ мысленно или шопотомъ повторять его сто-восемь разъ на день (многіе откладываютъ это число на четкахъ). Мальчикъ передъ полученіемъ мантры постится, купается и надѣваетъ безукоризненно чистое платье. Если же онъ принадлежитъ къ кастѣ дважды рожденныхъ (брамановъ, кшатріевъ или вайшіевъ), то въ этотъ день на него впервые возлагаютъ священный шнуръ. Духовное родство между ученикомъ и гуру продолжается въ теченіе всей жизни. Нынѣшніе гуру — по большей части корыстолюбивые и невѣжественные люди.

Необходимымъ лицомъ въ каждой семьѣ также является астрологъ; безъ него нельзя предпринять путешествія, нельзя начать новаго дѣла. Онъ назначаетъ часъ для свадебъ и религіозныхъ празднествъ и опредѣляетъ благопріятное время для различныхъ случаевъ повседневной жизни.

Главныя проявленія индусскаго культа, это 1) размышленіе, 2) достойныя дѣла, 3) соисканіе милости или предупрежденіе немилости боговъ путемъ подарковъ и жертвъ. Образованный индусъ преслѣдуетъ еще высокую цѣль, а именно — онъ стремится къ отождествленію и къ сліянію съ Высшимъ Духомъ. Этого состоянія можетъ достигнуть только браманъ-аскетъ; остальные же, не браманы, должны религіозными дѣлами заслужить будущихъ возрожденій въ высшихъ кастахъ.

Мы уже говорили о томъ, что священныя книги предписываютъ браманамъ соблюденіе различныхъ обрядовъ. Количество церемоній такъ велико, что на ежедневное выполненіе ихъ уходитъ два часа утромъ, столько же вечеромъ и часъ среди дня. Аскеты располагаютъ достаточнымъ временемъ, но занятые браманы находятъ эти обряды очень затруднительными и иногда выполняютъ ихъ чрезъ посредника, семейнаго жреца. Передъ всякимъ религіознымъ актомъ совершается полное омовеніе, сопровождаемое молитвами; далѣе слѣдуетъ поклоненіе солнцу и размышленіе о Брамѣ, Вишну и Сивѣ; затѣмъ, задерживая дыханіе, надлежитъ трижды повторить текстъ, извѣстный подъ именемъ Гаятри. Онъ гласитъ слѣдующее: „Омъ, земля, небо! Мы размышляемъ о божественномъ свѣтѣ сіяющаго прародителя (солнце), который управляетъ нашимъ разу-

момъ, который есть вода, блескъ, вкусъ, безсмертная мыслительная способность, Брама, земля, небо". Итакъ солнечный свѣтъ считается типомъ всякой лучезарной силы, поэтому, какъ говоритъ одинъ туземный комментаторъ, „солнцу долженъ покланяться всякій, кто трепещетъ предъ возрожденіями и смертями и жаждетъ блаженства"... Передъ этою молитвой еще перечисляются названія семи міровъ: 1) земля, 2) міръ умершихъ, безсознательно ожидающихъ конца нынѣшняго вѣка, 3) небеса блаженныхъ, 4) средній міръ, 5) міръ рожденій для животныхъ, уничтоженныхъ въ концѣ каждаго вѣка, 6) жилище сыновъ Брамы, 7) жилище верховнаго Брамы. Въ началѣ и въ концѣ этого перечня произносится слогъ Омъ; затѣмъ слѣдуетъ рядъ другихъ церемоній. Чтобы очистить сердце отъ грѣха, полагается втянуть немного воды черезъ одну ноздрю и выпустить ее черезъ другую. Въ одной изъ молитвъ говорится: „пусть всякій грѣхъ словомъ, дѣломъ и помышленіемъ, который я совершилъ ночью, будетъ изглаженъ днемъ. Пусть снимется съ меня всякій грѣхъ".

Вслѣдъ затѣмъ приступаютъ къ чтенію Ведъ, но предварительно приносятъ богамъ въ жертву зерно и т. п. и просятъ ихъ благосклоннаго присутствія при чтеніи Ведъ. Подобныя же жертвы приносятся Ямѣ и великимъ родоначальникамъ человѣчества; далѣе идутъ жертвы за предковъ-брамановъ и за всѣхъ людей, чтобы облегчить страданія тѣмъ, кто въ аду, и увеличить блаженство тѣмъ, кто на небѣ. Послѣ этого утомительнаго ряда церемоній, браманъ готовится вкусить пищу. Прежде всего онъ долженъ пожертвовать часть ея богамъ, предкамъ и другимъ существамъ и накормить своихъ гостей; затѣмъ умыть руки и ноги и отвѣдать воды. Когда ему подаютъ пищу, онъ говоритъ: „Пусть небо подаетъ тебя!" А во время ѣды онъ говоритъ: „Пусть земля принимаетъ тебя!" Но и это еще не все: передъ тѣмъ, какъ ѣсть, браманъ долженъ отгородить рукою свою тарелку, чтобы изолировать ее отъ остальныхъ присутствующихъ; долженъ пожертвовать пять кусочковъ Ямѣ, совершить пять возліяній дыханію и примочить глаза. Въ дополненіе къ вышеупомянутымъ обрядамъ, о которыхъ мы говорили лишь въ общихъ чертахъ, въ каждой отдѣльной сектѣ бываютъ еще особыя церемоніи; такъ, напр., нѣкоторые передъ тѣмъ, какъ вкушать пищу, ожидаютъ прихода какого-нибудь гостя, потому что въ лицѣ всякаго гостя появляется Брама.

Нужно, однако, оговориться, что не у всѣхъ индусовъ ежедневные обряды такъ сложны. Сакты и набожные представители другихъ сектъ совершаютъ ежедневно цѣлый рядъ церемоній, сущность которыхъ все та же, т. е. очищеніе тѣла, предупрежденіе гнѣва духовъ или предковъ, жертвоприношенія великимъ богамъ и боги-

нямъ, перечисленіе ихъ подвиговъ, согласно ученію Пуранъ и т. д. Но большинство индусовъ ограничивается ежедневнымъ купаньемъ, воздѣваніемъ рукъ и поклоненіемъ восходящему солнцу. Торговцы въ своихъ лавкахъ держатъ изображеніе Ганезы, а утромъ воскуриваютъ передъ нимъ ѳиміамъ. Вишнуиты почитаютъ эмблемы своего бога, особенно Салаграмъ (ископаемый аммонитъ), заботятся о нихъ, какъ о живыхъ существахъ, купаютъ ихъ въ жаркое время года и т. д. и ежедневно молятся передъ ними. Имена боговъ повторяются много разъ на день. Въ тѣ дни, когда совершеніе длинной церемоніи почему-либо неудобно, индусъ ограничивается повтореніемъ текста, полученнаго имъ отъ гуру и часто представляющаго лишь безсмысленный наборъ словъ.

Главная религіозная святыня индусовъ находится въ общественныхъ храмахъ. Не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы эти храмы отличались обширными размѣрами. Они не разсчитаны на большую толпу, и площадь ихъ обыкновенно не превышаетъ 10—12 квад. футовъ. Такое маленькое строеніе находится въ завѣдываніи у жреца, который также заботится объ идолѣ или изваяніи. Идолъ считается особымъ мѣстопребываніемъ божества, и вѣрующіе, поодиночкѣ, падая ницъ, приносятъ ему жертву. Нѣкоторые храмы были построены на общественныя приношенія, другіе—правителями, а многіе—состоятельными частными лицами, которыя старались обезпечить себя заслугами въ противовѣсъ собственнымъ грѣхамъ. Кто хочетъ принести крупную жертву, тотъ строитъ не одинъ большой храмъ, какъ можно было бы ожидать, а цѣлый рядъ маленькихъ: семь, четырнадцать, двадцать одинъ, даже больше, изъ которыхъ многіе остаются безъ употребленія. Когда такого рода храмъ приходитъ въ ветхость, то его не ремонтируютъ: новый человѣкъ ничего не хочетъ прибавить къ заслугамъ своего предшественника. Обыкновенно храмъ стоитъ во дворѣ, который окруженъ верандами, гдѣ паломники, пришедшіе издалека, находятъ пріютъ. Самый храмъ состоитъ изъ двухъ главныхъ частей: сѣней и маленькаго алтаря, гдѣ стоитъ идолъ и, вслѣдствіе тѣсноты, можетъ помѣститься только жрецъ. Существуетъ странный пріемъ звонить въ колокольчикъ, чтобы привлечь вниманіе бога на вѣрующаго, который обходитъ кругомъ, передаетъ свой даръ жрецу и поклоняется идолу.

Всѣ жрецы въ этихъ храмахъ — браманы; они, обыкновенно, совершаютъ богослуженіе безъ зрителей, произнося священные тексты на санскритскомъ языкѣ, которые непонятны народу. Выборъ текстовъ, конечно, обусловливается культомъ того или иного бога или воплощенія. Основной характеръ индусскаго культа заключается въ томъ, что къ идолу относятся, какъ къ живому

существу, а на жреца смотрятъ, какъ на слугу, который долженъ его умывать, одѣвать, кормить, украшать, укладывать въ постель и т. п. Обязанности вѣрующихъ ограничиваются тѣмъ, чтобы приносить дары, которые идутъ въ собственность жреца. Въ тѣхъ случаяхъ, когда по обряду полагается приносить въ жертву животныхъ, жрецъ долженъ еще убить ихъ. Мясо идетъ въ его пользу

Индусскій алтарь.

и тотчасъ же находитъ сбытъ, такъ какъ считается особенно цѣннымъ послѣ священнодѣйствія.

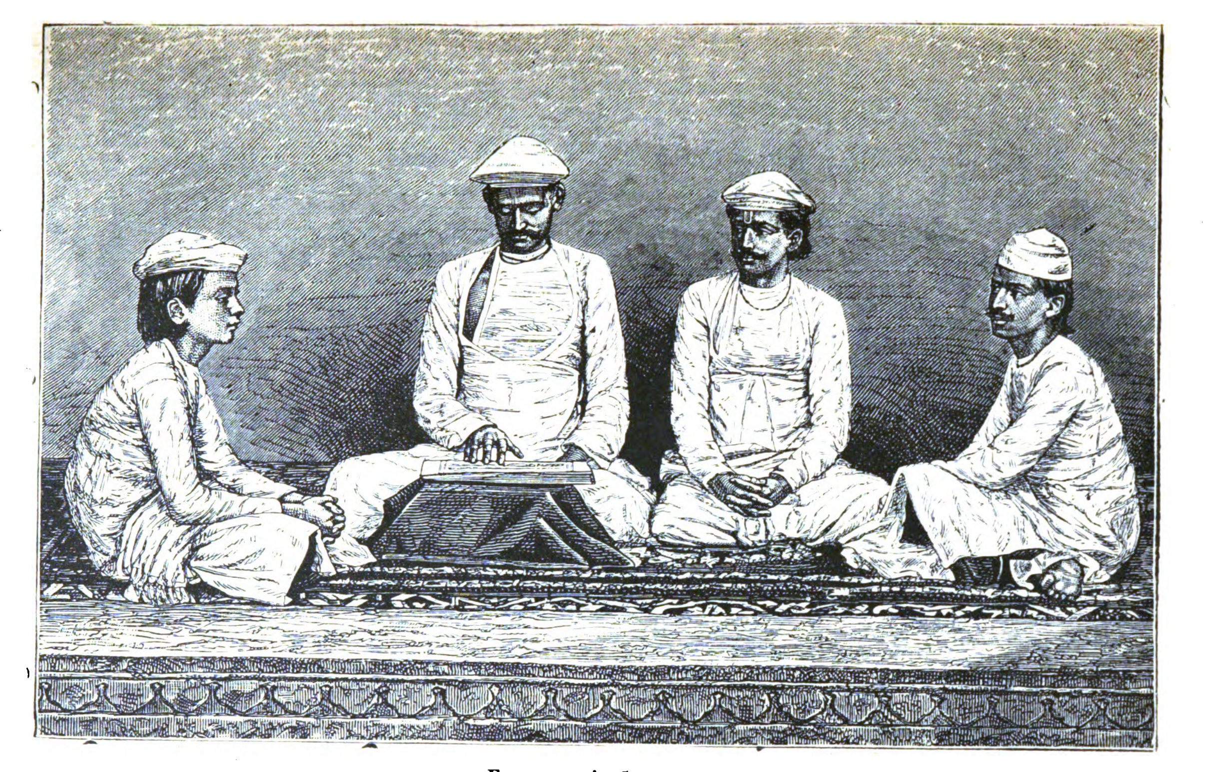
Правильное ежедневное богослуженіе въ храмахъ составляетъ лишь незначительную частицу религіозной жизни индусовъ. Гораздо большее значеніе имѣютъ праздники, повторяющіеся періодически, черезъ короткіе, но не совсѣмъ правильные промежутки и приблизительно соотвѣтствующіе христіанскому воскресенью.

Богамъ въ такіе дни воздается общественное поклоненіе; многіе боги имѣютъ свои особые праздники. Изображеніе боговъ ставятъ не только въ храмахъ, но иногда въ частныхъ домахъ, куда въ дни праздниковъ стекаются для поклоненія толпы народа. Послѣ богослужебныхъ церемоній обыкновенно идутъ развлеченія: непристойныя пляски, игры, музыка. Иногда двѣ или нѣсколько смежныхъ деревень устраиваютъ такой праздникъ въ складчину, и каждый домохозяинъ вноситъ свой пай.

Изготовленіемъ идоловъ занимаются особые мастера. Идоловъ обыкновенно, дѣлаютъ на основѣ изъ бамбуковыхъ палокъ, которую покрываютъ сѣномъ и сверху обмазываютъ тиной изъ священной рѣки. Затѣмъ ихъ просушиваютъ на солнцѣ, красятъ и одѣваютъ, согласно указаніямъ священныхъ книгъ. Когда они уже водворены на мѣстѣ богослуженія, то жрецы совершаютъ, такъ называемую, церемонію дарованія жизни, умоляя бога, чтобы онъ поселился въ своемъ изваяніи на одинъ, два, три дня. Послѣ этого изображеніе уже считается священнымъ; къ нему прикасаться можетъ только браманъ, приближаться — только индусъ. Передъ нимъ совершается полное утреннее и вечернее богослуженіе; за вечернимъ всегда слѣдуютъ развлеченія. Въ послѣдній день праздника происходитъ прощаніе съ богомъ: ему приносятъ благодарность за то, что онъ милостиво посѣтилъ своихъ поклонниковъ и просятъ возвратиться въ слѣдующемъ году. Послѣ предполагаемаго удаленія бога, изображеніе опять становится простымъ кускомъ глины, и всякій можетъ дотронуться до него. Къ заходу солнца его несутъ на берегъ рѣки или пруда въ сопровожденіи музыкантовъ, танцовщицъ и факельщиковъ, отвозятъ на середину теченія и бросаютъ въ воду. Богослуженіе ёще усложняется церемоніями, посредствомъ которыхъ индусъ заискиваетъ особенной милости покровительствующихъ ему боговъ. Намъ не придется описывать всѣхъ важнѣйшихъ ежегодныхъ общественныхъ праздниковъ. Общее число ихъ очень велико и многіе изъ нихъ носятъ мѣстный характеръ; такъ, напримѣръ, по всей Бенгаліи существуютъ праздники Джаганната, наподобіе тѣхъ, которые бываютъ въ Пури. Много праздниковъ устраивается въ честь богини Сашти которая охраняетъ родильницъ и покровительствуетъ дѣтямъ.

На праздникахъ Кришны видное мѣсто занимаютъ представленія, на которыхъ въ лицахъ разыгрываются главнѣйшія событія изъ жизни боговъ, не исключая даже приписываемыхъ имъ неприличныхъ поступковъ и рѣчей. Благодаря этимъ зрѣлищамъ, некультурное населеніе получаетъ довольно ясное понятіе о своихъ богахъ.

Въ Бенгаліи большой популярностью пользуется праздникъ Дурги, гдѣ главными дѣйствующими лицами являются сыновья

Бенгальскіе браманы.

Дурги, жена Брамы — Сарасвати и жена Вишну — Лакшми. У само Дурги десять рукъ, въ которыхъ она держитъ оружіе, эмблем своихъ побѣдъ. Церемоніи, предшествующія „оживанію“ богин очень длинны; ей приносятъ въ жертву одного, трехъ или сем козлятъ, а иногда даже буйвола. Этотъ праздникъ считается на столько большимъ, что мужчины ради него возвращаются домой с заработковъ и всякія занятія прекращаются; поэтому его называют Бенгальскимъ Рождествомъ. Онъ приходится въ шестомъ мѣсяцѣ соотвѣтствующемъ концу нашего сентября и началу октября. В ближайшій за нимъ праздникъ Лакшми принято цѣлую ночь на пролетъ играть въ карты или предаваться другимъ забавам так какъ, по мѣстным вѣрованіямъ, эта богин ночью проходитъ над всѣми бодрствующими. В седьмомъ мѣсяцѣ бывает отталкивающее, кроваво празднество Дурги. „В время этого праздника,- говоритъ *Wilkins*, — вы ставляются изваянія бо гини, гдѣ она изображен темнокожей, какъ показы ваетъ ея имя Кали; муж лежитъ у нея подъ н гами. Она высовывает языкъ и простираетъ вс четыре руки; въ одн изъ нихъ она держит мечъ, въ другой — голо великана, а остальны двумя даетъ указанія св имъ воинамъ. Вмѣсто с регъ у нея два непріятельскихъ трупа; на шеѣ — ожерелье и мертвыхъ головъ; единственная одежда ея — поясъ изъ рукъ п бѣжденныхъ враговъ. Волосы ея длинными прядями спускаются спинѣ. Она опьянена вражескою кровью, глаза ея сверкаютъ гн вомъ, брови ея наведены красною краской, по ея груди струит кровь“. Этотъ праздникъ сопровождается полунощными животны жертвоприношеніями, выкликаніями и пьяными оргіями. Нѣкотор праздники представляютъ родъ карнавала. На праздникахъ Сп прежде принято было зацѣплять людей крючьями за спину и по нимать такимъ образомъ на значительную высоту; теперь э

Кали, танцующая на Сивѣ (съ туземнаго рисунка).

выведено и либо употребляютъ чучело, либо крюкъ зацѣпляютъ за веревку, обвязанную вокругъ пояса человѣка.

Необходимую принадлежность индусскаго культа составляетъ хожденіе по святымъ мѣстамъ. Множество индусовъ только этимъ и занимаются, а масса народу употребляетъ всѣ усилія къ тому, чтобы хоть разъ въ жизни посѣтить какой-нибудь священный алтарь. Иногда въ теченіе многихъ лѣтъ индусъ подвергаетъ себя лишеніямъ, чтобы только собрать необходимую сумму на поѣздку и на жертву богамъ, питая увѣренность, что паломничество принесетъ ему благословеніе и въ настоящей и въ будущей жизни. Онъ бодро переноситъ величайшую нужду и даже страданія на пути и выражаетъ сильнѣйшую радость при видѣ своей конечной цѣли или выставленнаго напоказъ священнагоизваянія. „Я видѣлъ, какъ люди бросались на землю, — говоритъ *Wilkins*, — и цѣловали прахъ, лишь только издали ихъ взорамъ открывался священный городъ Бенаресъ. Я видѣлъ, какъ они собирали пыль съ колесницы Джаганната и съ выраженіемъ величайшей радости посыпали ею головы. Я слышалъ, какъ они кричали отъ восторга, завидѣвъ издали впаденіе волнъ Ганга въ море, у острова Сагара“. Въ настоящее время нѣкоторые отправляются къ прославленнымъ святынямъ по желѣзной дорогѣ. Такимъ образомъ, толпы паломниковъ еще возросли противъ прежняго. Но многіе и до сихъ поръ ходятъ пѣшкомъ или ѣдутъ на лодкахъ, при чемъ нерѣдко тонутъ и гибнутъ. Иные даютъ обѣтъ совершить большой путь, измѣряя его длиною своего тѣла. Число человѣческихъ жертвъ обусловливается еще вымогательствомъ жрецовъ, которые часто не оставляютъ паломникамъ достаточно денегъ на обратный путь. Нельзя сказать, чтобы сущность или характеръ поклоненія святынѣ вознаграждали за изнурительную и сопряженную съ большими расходами поѣздку. Паломникъ купается, приноситъ дары, обходитъ вокругъ храмовъ, осматриваетъ святое мѣсто, вотъ и все. Остальное время посвящено безнравственнымъ и унизительнымъ развлеченіямъ, для которыхъ жрецы открываютъ широкое поле. Слава многихъ святыхъ мѣстъ поддерживается хвалебными разсказами наемныхъ странниковъ. Иногда паломничество вызвано надеждой на рожденіе сына или служитъ выполненіемъ обѣта, даннаго во время несчастья или болѣзни.

Мы опишемъ болѣе или менѣе подробно только два святыхъ мѣста Индіи: Бенаресъ и Пури. Первый изъ нихъ считается особымъ мѣстопребываніемъ Сивы, а второй — Вишну. Ни въ одномъ индійскомъ городѣ нельзя встрѣтить такого грубаго идолопоклонства, какъ въ Бенаресѣ, гдѣ на каждомъ шагу попадаются безобразные идолы, чудовища и эмблемы производительности. За

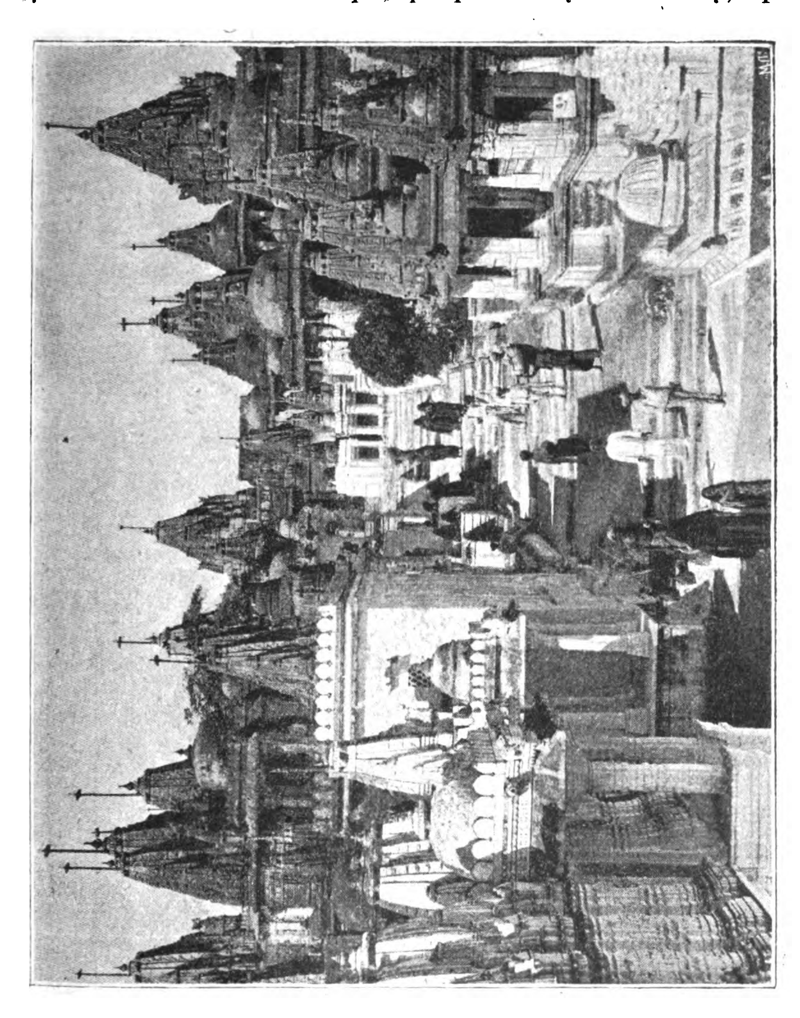
время британскаго владычества выстроено больше храмовъ и на нихъ израсходовано больше денегъ, чѣмъ въ такое же число лѣтъ мусульманскаго господства; это нужно приписать увеличенію народнаго богатства. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ самомъ Бенаресѣ, не считая его предмѣстій и частныхъ домовъ, имѣющихъ своихъ идоловъ, числилось болѣе тысячи храмовъ. Они посвящены Сивѣ подъ различными именами или другимъ, родственнымъ ему богамъ. Не ограничиваясь изображеніемъ главнаго бога, которому посвященъ храмъ, жрецы часто ставятъ изображенія другихъ боговъ въ нишахъ или рядами, гдѣ ихъ бываетъ до сотни. Бенаресъ считается особенно священнымъ въ силу легенды, приведенной въ предыдущей главѣ. Священный характеръ простирается на извилистую дорогу вдоль Ганга въ пятьдесятъ миль, на которой встрѣчаются сотни храмовъ. Прохожденіе этой дороги составляетъ величайшую заслугу. Постоянные жители Бенареса должны, по крайней мѣрѣ, разъ въ году совершить этотъ путь; а если же кто умретъ на его протяженіи, то, будь онъ еретикъ или преступникъ, а попадетъ на небо.

Главный храмъ въ городѣ воздвигнутъ Бишешвару (богу міра). Такъ во всемъ округѣ Бенареса называютъ Сиву, которому подвластны боги священной дороги, составляющіе родъ полицейской силы. Мѣстопребываніемъ Сивы считается каменная эмблема линга; передъ нею ежедневно проходятъ толпы народа, приносящія въ даръ рисъ, цвѣты, зерно, *ги* или деньги. Многіе изъ вѣрующихъ, приближаясь къ богу, выказываютъ признаки большого страха. боятся навлечь на себя его гнѣвъ. Другая прославленная святыня, это — источникъ Манкарника, стоячій прудъ, воды котораго, по вѣрованіямъ индусовъ, смываютъ самыя тяжелыя преступленія.

Пилигримы, предпринимающіе обходъ Бенареса по священной дорогѣ, соблюдаютъ извѣстные обряды. Они должны, если возможно, искупаться передъ уходомъ и въ концѣ каждаго дня, идти босикомъ, добывать себѣ пропитаніе собственными средствами, не получая его ни отъ кого и не раздавая его никому, не должны ссориться или ругаться во время пути, а по окончаніи должны принести дары жрецамъ Манкарникскаго источника.

Городъ Пури, на побережьѣ Ориссы, не менѣе прославленный и священный въ глазахъ индусовъ, нѣсколько отличается отъ Бенареса. Здѣсь воздается поклоненіе Вишну, какъ Джаганнату (владыкѣ міра). Рядъ значительныхъ празднествъ въ теченіе всего года поддерживаетъ извѣстное религіозное возбужденіе, достигающее наибольшей силы въ знаменитый праздникъ Колесницы, на который стекаются до ста тысячъ пилигримовъ. Пури раньше былъ буддійской святыней, славу которой унаслѣдовалъ Джаганнатъ. Ны-

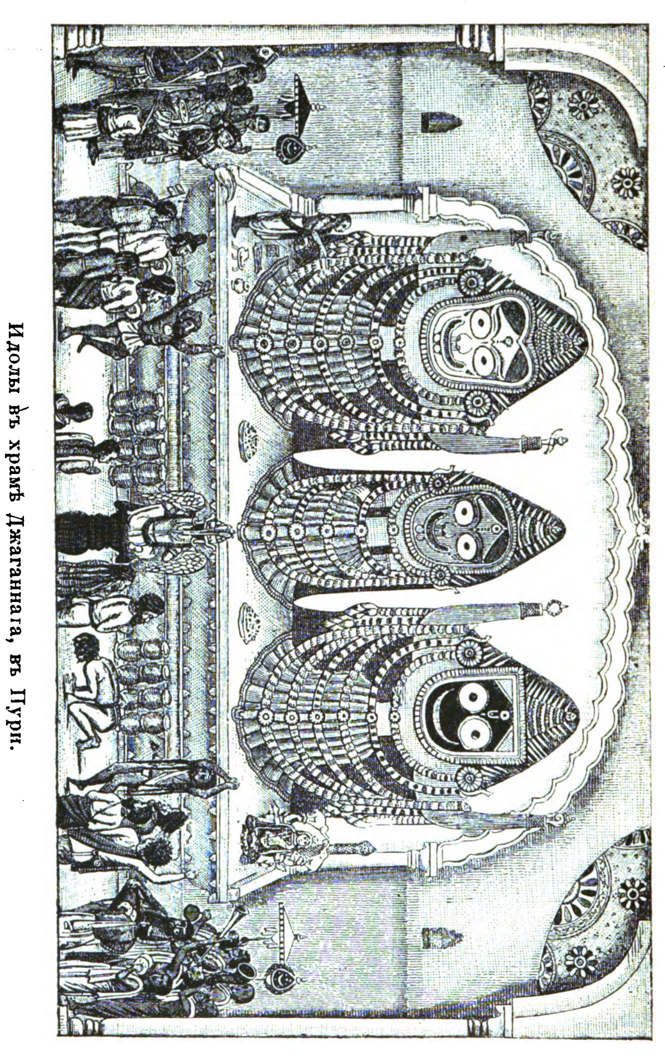
нѣшній храмъ, сооруженный въ концѣ двѣнадцатаго столѣтія, представляетъ пирамидальное строеніе, на пригоркѣ, около двадцати футовъ высотою. Чаитанія реформировалъ культъ Вишну, пропо-

Видъ города Бенареса. (По оригин. фотографіи проф. А. Н. Краснова).

вѣдуя, что вѣра и любовь болѣе угодны Богу, чѣмъ епитиміи и обряды. Храмъ уже въ его времена былъ окруженъ толстою двойною стѣной. Чаитанія училъ, что за этой оградой люди всѣхъ кастъ равны и могутъ вмѣстѣ вкушать святую пищу. Вообще со

временъ Чаитаніи культъ Джаганната принялъ другой характеръ: кроткое, жизнерадостное, человѣколюбивое божество не имѣло и

Идолы въ храмѣ Джаганнага, въ Пури.

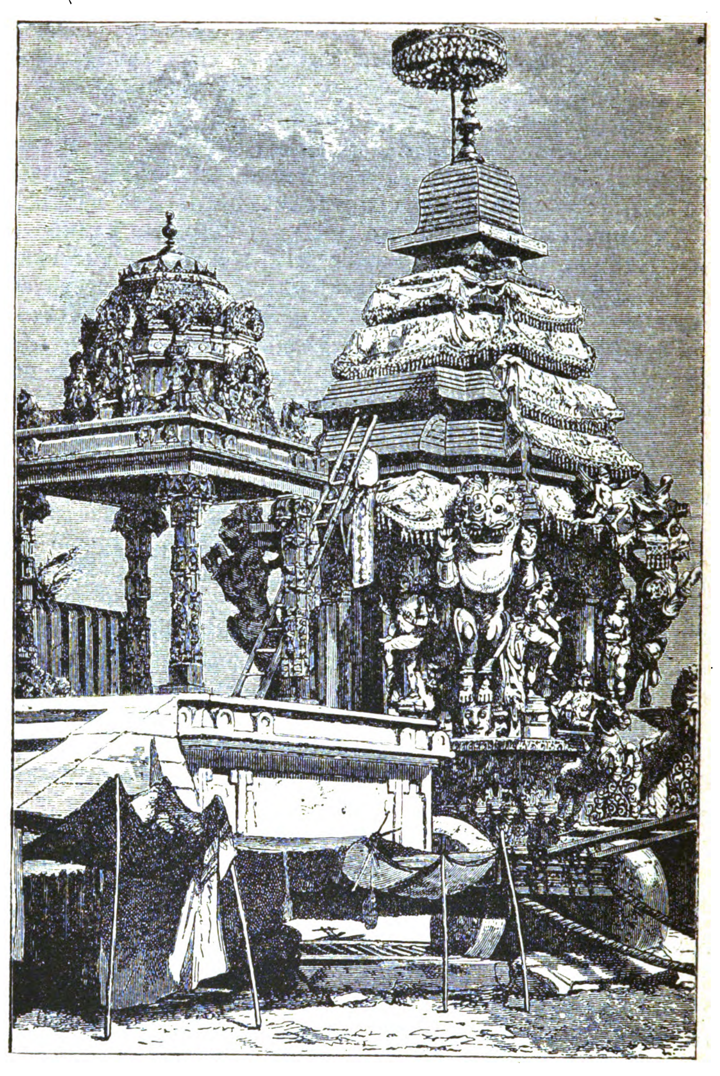
тѣни тѣхъ кровожадныхъ свойствъ, которыя ему приписывалис прежде. Разумѣется, жизнерадостность въ понятіяхъ индусовъ превратилась въ сладострастіе. Нѣкоторыя лица считаютъ культ

Джаганната безнравственнымъ, но другія, хорошо освѣдомленныя, горячо опровергаютъ это обвиненіе.

Внутри ограды на площади 300×400 футовъ, кромѣ большого храма, находится цѣлая масса маленькихъ храмовъ, священныхъ мѣстъ и священныхъ деревьевъ. Большой храмъ раздѣляется на четыре отдѣла: отдѣлъ жертвенный, отдѣлъ танцовальный — для развлеченій, притворъ и собственно алтарь; послѣднія два отдѣленія занимаютъ по восьми квадратныхъ футовъ. Въ алтарѣ, въ нишахъ, стоятъ три большихъ изображенія главныхъ воплощеній Вишну: вепрь, человѣкъ-левъ и карликъ. Главные идолы здѣсь, это — Джаганнатъ, черный, его братъ Баларама, бѣлый, и ихъ сестра Субгадра, золотисто-желтая. Эти три идола вытесаны изъ цѣльныхъ кусковъ твердаго дерева и представляютъ грубѣйшее изображеніе человѣческаго тѣла безъ рукъ и ногъ; вмѣсто рукъ у нихъ обрубки, къ которымъ придѣланы кисти рукъ изъ золота. Оба мужскихъ идола высотою около шести футовъ, а женскій — около четырехъ съ половиной. Одежду и украшенія на нихъ мѣняютъ по нѣскольку разъ въ день, такъ что въ различные часы ихъ можно видѣть то въ облаченіи Будды, то Кришны, то Ганезы. По поводу этихъ безобразныхъ идоловъ ходятъ различные толки; такъ, напримѣръ, говорятъ, что Богъ великъ и нельзя точно изобразить его, а эти уродливыя фигуры сдѣланы для того, чтобы внушать людямъ страхъ и побуждать ихъ приносить Господу умилостивительные дары. Вѣроятно, это — видоизмѣненные буддійскіе идолы. Кромѣ нихъ, въ храмѣ стоитъ безформенный шестифутовый чурбанъ, наверху котораго изображено колесо, соотвѣтствующее буддійскому колесу закона. Внутри идола Джаганната находится какой-то талисманъ, который бережно переносятъ при замѣнѣ стараго изображенія новымъ; въ чемъ онъ заключается, знаютъ только жрецы, но, по всѣмъ вѣроятіямъ, это какія-нибудь буддійскія мощи.

Въ самомъ алтарѣ и около него находятся также многочисленныя изображенія другихъ боговъ или ихъ главныхъ воплощеній. За исключеніемъ большихъ праздниковъ, ихъ не трогаютъ съ мѣста, но ежедневно передъ ними совершается служба, гдѣ они играютъ роль живыхъ существъ. Ко времени четырехъ главныхъ ежедневныхъ трапезъ въ храмъ приносятъ массу вареной пищи, которую не надолго ставятъ передъ идоломъ и послѣ этого считаютъ освященной. Готовятъ ее люди низшихъ кастъ, но послѣ освященія пилигримы всѣхъ кастъ безъ различія ѣдятъ ее и даже иногда берутъ домой, какъ святыню. Въ иные дни до ста тысячъ человѣкъ получаютъ такую пищу, разумѣется, за плату, и жрецы отъ этого имѣютъ огромный доходъ. Величайшими праздниками

въ Пури считаются: Долъ-Джатра, нѣчто вродѣ весенняго карнавала; Снанъ-Джатра, когда идоловъ купаютъ въ священно

Колесница Джаганната въ Пури (орисса).

водѣ, наряжаютъ въ великолѣпныя одежды, и подъ тѣмъ предлогомъ, что они во время купанья простудились и заболѣли лихо-

радкой, помѣщаютъ на двѣ недѣли въ лазаретъ, чтобы заново окрасить ихъ; затѣмъ Ратъ-Джатра, или праздникъ колесницы, когда боговъ вывозятъ кататься. Колесницы обыкновенно очень тяжелы и громоздки; такъ, напримѣръ, колесница Джаганната имѣетъ сорокъ-пять футовъ высоты и покоится на шестнадцати колесахъ. При большомъ стеченіи народа идоловъ ставятъ въ колесницы, одѣваютъ и привязываютъ имъ золотыя руки. Когда все готово, главный жрецъ, Курда-раджа, именуемый „подметальщикомъ храма", мететъ дорогу саженъ на пятьдесятъ передъ колесницами, поклоняется идоламъ и берется за вожжи; при этомъ сотни особыхъ индусскихъ служителей съ помощью пилигримовъ принимаются тащить колесницу къ ряду храмовъ, отстоящихъ почти на двѣ мили. Путешествіе длится, обыкновенно, четыре дня; по прибытіи на мѣсто назначенія, изображеніе Лакшми несутъ провѣдать Джаганната. Черезъ четыре-пять дней процессія отправляется обратно. Случалось, что фанатики-пилигримы кончали самоубійствомъ во время этого праздника, и онъ сдѣлался чуть ли не синонимомъ кроваваго жертвоприношенія. Это, однако, прямо противорѣчитъ духу вишнуитскаго культа. Безъ сомнѣнія, бывали религіозные самоубійцы, которые стремились умереть въ состояніи святости, чтобы не возвращаться къ мірскимъ искушеніямъ; въ толпѣ и давкѣ также нерѣдко происходили несчастные случаи, оканчивавшіеся смертью. Но жрецы отнюдь не предписываютъ и не поощряютъ человѣческихъ жертвъ, такъ какъ считается, что всякая капля крови, пролитая въ присутствіи Джаганната, оскверняетъ жрецовъ, народъ и святую пищу. Если смертельный случай происходитъ въ храмѣ, то богослуженіе тотчасъ же пріостанавливается и жертва уносится отъ лица оскорбленнаго божества. Въ Пури бываетъ почти непрерывный циклъ религіозныхъ празднествъ, которыя даютъ жителямъ средства къ существованію.

Паломники стекаются также въ большіе храмы Танджора, Мадуры и Рамесвары (островъ между Индіей и Цейлономъ), гдѣ воздается культъ Сивѣ. Величайшимъ подвигомъ для пилигрима считается, если онъ побываетъ въ Бенаресѣ, принесетъ оттуда сосудъ съ водою Ганга въ Рамесвару, польетъ ею символъ Сивы и затѣмъ выкупается въ морѣ, разумѣется, оплачивая каждый свой шагъ. По поводу этого *Monier Williams* приводитъ одинъ трогательный разсказъ. „Незадолго до моего пріѣзда, какой-то отецъ съ сыномъ, совершая данный обѣтъ, послѣ продолжительнаго и тяжелаго пути, перенесли уже, наконецъ, свою драгоцѣнную ношу, — воду изъ Ганга, — черезъ проливъ. Желанная цѣль была совсѣмъ близка, храмъ Рамесвары открывался взорамъ, какъ

вдругъ отецъ скоропостижно умеръ, оставивъ своего малолѣтняго сына беззащитнымъ сиротою. Однако, у мальчика все еще было сокровище — кружка воды изъ Ганга. Онъ разсудилъ, что если только ему удастся полить ею священный символъ, то это освободитъ его отъ всѣхъ земныхъ горестей. Еще разъ поднялъ онъ свою ношу и поспѣшилъ съ нею къ святилищу. Вообразите же взрывъ страстнаго отчаянія ребенка, когда двери оказались запертыми для него: у него не было денегъ, чтобы заплатить главному жрецу!“

Въ южной Индіи самый замѣчательный изъ храмовъ, посвященныхъ Вишну, это Срирангамскій въ Тричинополи. Онъ окруженъ семью параллельными оградами, въ предѣлахъ которыхъ живутъ сотни брамановъ. На углахъ каждаго квадрата находятся ворота и огромныя пирамидальныя башни. Все вмѣстѣ должно изображать небеса Вишну. Главный идолъ лежачій; онъ считается неподвижнымъ и, разумѣется, по этому поводу сложилась объяснительная легенда. Надъ нимъ находится алтарь въ видѣ слога Омъ. Другое изображеніе Вишну возятъ во время процессій на праздникѣ Колесницы и т. д. Вѣнецъ его усыпанъ брильянтами, жемчугами, рубинами и другими драгоцѣнными камнями. При такихъ храмахъ содержатся, обыкновенно, толпы музыкантовъ и танцовщицъ, принимающихъ участіе въ праздничныхъ торжествахъ.

Теперь мы перейдемъ къ разсмотрѣнію индусскихъ сектъ. Всѣ онѣ до извѣстной степени придерживаются догматовъ, о которыхъ мы говорили выше, почитаютъ Вишну и другихъ боговъ въ различныхъ проявленіяхъ, или же слѣдуютъ ученію реформаторовъ. Такъ, въ числѣ вишнуитскихъ сектъ есть послѣдователи Рамануджи, Рамананда, Кабира и др. Сектантовъ различаютъ по особымъ значкамъ, которые наводятся бѣлою глиной на лбу послѣ купанья, во время большого праздника. У Рамануджиновъ идутъ двѣ вертикальныя линіи отъ корней волосъ до бровей и соединяются на переносьи горизонтальной линіей; посреди лба — поперечная красная черта. На груди и на рукахъ у нихъ также красные и бѣлые мазки, которые должны изображать извѣстныя примѣты Вишну. Главная особенность ихъ вѣроученія та, что Вишну есть Браманъ, верховное существо. Раманандины почитаютъ Вишну, какъ Рамачандру, а также жену его Ситу. У этой секты много монастырей и много странствующихъ членовъ, которые собираютъ подаянія и ходятъ по святымъ мѣстамъ; всѣ они безбрачны. Фактически они не признаютъ кастовыхъ различій. Послѣдователи Кабира вѣрятъ въ единаго Бога и не воздаютъ внѣшняго поклоненія индусскимъ божествамъ; они лишь воспѣваютъ гимны основателю своей секты. Нравственность ихъ стоитъ

Индусскій храмъ близъ Мадраса. (Съ оригин. фотогр. проф. А. Н. Краснова).

высоко: они предписываютъ правдивость, гуманность и отвращеніе къ насилію.

Есть много вишнуитовъ, почитающихъ своего бога подъ видомъ ребенка Гопала, сына пастуха. Эта секта основана Вишну-Свами и расширена Валлабгой; въ противоположность аскетизму, она ставитъ въ заслугу богатство одежды и щедрость угощенія. Главный храмъ Гопала — въ Аджмирѣ.

Мадвы южной Индіи, это — послѣдователи Мадгавы, который жилъ въ двѣнадцатомъ вѣкѣ и котораго они считаютъ воплощеніемъ бога Ваю. Они носятъ одежду грязно-желтаго цвѣта, ходятъ съ непокрытою головой и выжигаютъ себѣ раскаленнымъ желѣзомъ символы Вишну на груди или на плечахъ. Они поклоняются нѣсколькимъ богамъ, но учатъ, что человѣческій духъ не тождественъ съ божественнымъ духомъ, хотя и соединенъ съ нимъ, и что поглощеніе въ главномъ божествѣ невозможно. Въ этомъ заключается существенное отличіе ихъ ученія отъ обычныхъ индусскихъ вѣрованій.

Большинство почитателей Вишну въ Бенгаліи принадлежитъ къ сектѣ, основанной Чаитаніей, вліяніе котораго такъ подняло значеніе праздниковъ въ Пури. Его послѣдователи вѣрятъ, что Вишну есть верховная Душа и единственная сущность міра и что Чаитанія былъ его воплощеніемъ. Они также придаютъ большое значеніе *бакти*, или вѣрѣ, различая въ ней пять степеней: 1) миръ, спокойное созерцаніе; 2) рабство; 3) дружбу; 4) сыновнее чувство; 5) кротость. Ихъ жизнерадостный культъ вмѣняетъ въ обязанность безусловное послушаніе духовному учителю, или гуру. На ихъ праздникахъ не соблюдается разграниченіе кастъ.

Отличительнымъ знакомъ сиваитскихъ сектъ служатъ горизонтальныя линіи, взамѣнъ вертикальныхъ; ширина и цвѣтъ ихъ указываютъ на принадлежность къ той или иной сектѣ. Большинство сиваитовъ происходятъ изъ касты брамановъ. Сектъ у нихъ не такъ много и онѣ не такъ популярны, какъ вишнуитскія. Къ числу сектантовъ относятся данди, или носители посоховъ, нищенствующіе люди, проводящіе большую часть времени въ размышленіи. Часто они доходятъ до идіотства отъ постояннаго насилованія мысли и рѣчи. Другая секта созерцателей — это іоги, подчиненные строжайшимъ правиламъ, соблюденіе которыхъ, будто бы, придаетъ имъ легкость, способность мгновенно проходить огромныя разстоянія или дѣлаться невидимыми и т. д. Многіе изъ нихъ — странствующіе фокусники и предсказатели, эксплуатирующіе довѣрчивый народъ.

Подъ названіемъ сактовъ извѣстны различныя секты, воздающія культъ женскимъ формамъ божества: Сарасвати, Лакшми, Ситѣ

Индусскіе факиры. (Съ оригин. фотогр. проф. А. Н. Краснова.)

Парвати, Дургѣ, Кали и т. д. Они считаютъ женское божество источникомъ активной энергіи и существованія. Эти взгляды развиты главнымъ образомъ въ позднѣйшихъ книгахъ, такъ называемыхъ Тантрахъ, которыя считаются библіей сактовъ. Онѣ частью сходны съ Пуранами, частью описываютъ спеціальные обряды сактовъ, заклинанія и чары, преимущественно, въ формѣ діалоговъ между Ситой и его женой. Нѣтъ сомнѣнія, что индуизмъ унизился до послѣдней степени въ этомъ культѣ, который возбуждаетъ и поддерживаетъ разнузданные, чувственные инстинкты, учитъ, что удовлетвореніе грубѣйшихъ аппетитовъ при сосредоточиваніи ума на высшемъ существѣ есть самый благочестивый поступокъ. Употребленіе спиртныхъ напитковъ и мяса составляетъ принадлежность сактійскаго богослуженія. Предполагается, что размышленіе о текстахъ и чарахъ Тантръ доставляетъ особенное могущество: даетъ способность предсказывать будущее, совершать чудеса, внушать кому-нибудь любовь, превращать растенія въ муку и т. п. Едва ли легковѣріе можетъ пойти дальше, чѣмъ у сактовъ. Однако, образованіе, которое вводятъ англичане, уже до нѣкоторой степени ограничило распространеніе этихъ пагубныхъ понятій.

Теперь обратимся къ противоположному явленію современнаго индуизма — развитію деистическихъ сектъ съ чистыми стремленіями. Послѣдователь Кабира, Нанакъ, родившійся близъ Лагора въ 1469 году, положилъ начало сикхизму въ Пенджабѣ. Онъ сдѣлался учителемъ, или гуру, а его послѣдователи стали называться сикхами, или учениками. Подъ вліяніемъ развивавшагося магометанства, онъ проповѣдывалъ религію, свободную отъ кастовыхъ различій и идолопоклонства; но онъ все-таки былъ скорѣе пантеистомъ, чѣмъ монотеистомъ, и училъ, что Богу слѣдуетъ поклоняться въ лицѣ Гари (Hari); это — одно изъ наименованій Вишну. Послѣ Нанака былъ цѣлый рядъ главныхъ гуру, которые внушали враждебныя отношенія къ магометанамъ и, по большей части, становились военными предводителями. Четвертый гуру, Рамдасъ, построилъ храмъ на священномъ озерѣ въ Амрицарѣ, гдѣ съ тѣхъ поръ находится главное мѣстожительство сиховъ. Пятый гуру, Арджунъ, значительно дополнилъ библію сикховъ. Говиндъ, десятый гуру, составилъ вторую книгу или дополненіе къ библіи, опредѣлилъ форму крещенія, училъ отказываться отъ идолопоклонства и почитать только сикхійскаго гуру и сплотилъ цѣлую партію. Войну онъ возвелъ въ религіозную обязанность. Отказавшись назначить себѣ преемника-гуру, онъ сдѣлалъ библію сикховъ или „Грантъ“ предметомъ культа, съ титуломъ Сагиба. Съ тѣхъ поръ Грантъ сталъ считаться непогрѣшимымъ руководите-

лемъ, который даетъ отвѣты на какіе угодно вопросы. Библія сикховъ написана своеобразно, на древнемъ нарѣчіи „Инди" (Hindi). Въ ней говорится объ единствѣ Бога, но она основана на пантеистическихъ понятіяхъ. Многія названія Вишну приняты, какъ имена верховнаго Бога. Эта библія запрещаетъ идолопоклонство, но самый способъ поклоненія, одѣванія и украшенія Гранта очень къ нему приближается. Въ ученіе Гранта введены многія грубыя индусскія суевѣрія, какъ, напр., вѣра въ святость коровы и въ безчисленныя переселенія душъ, и предписывается полное подчиненіе верховному гуру. За послѣдніе годы сикхизмъ замѣтно регрессировалъ и приблизился къ вишнуизму. Многіе сикхи теперь признаютъ раздѣленіе кастъ, носятъ браманскій шнуръ и придерживаются индусскихъ праздниковъ и церемоній. Въ Патнѣ есть большой храмъ Говинда, гдѣ хранятся многія его вещи. Храмъ въ Амрицарѣ—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ архитектурныхъ памятниковъ Индіи. Онъ посвященъ единому Богу подъ именемъ Гари; но, по сикхійскимъ вѣрованіямъ, Богъ видимо представленъ въ образѣ священной книги.

Брамо-Самаджъ представляетъ возрожденіе деизма Ведъ подъ значительнымъ вліяніемъ христіанскаго ученія. Основатель Брамо-Самаджа, Раммогунъ-Рой (род. въ 1774), сынъ высокороднаго брамана-вишнуита, въ совершенствѣ зналъ персидскій, арабскій и санскритскій языки. Шестнадцати лѣтъ отъ роду онъ написалъ трактатъ противъ идолопоклонства и возбудилъ такую оппозицію, что долженъ былъ на нѣсколько лѣтъ покинуть домъ и поселиться въ Тибетѣ, гдѣ онъ занялся изученіемъ буддизма. Затѣмъ, познакомившись съ англійскимъ языкомъ, онъ получилъ правительственное мѣсто и попалъ въ среду европейцевъ. Послѣ смерти отца онъ могъ смѣлѣе возставать противъ того, что считалъ отступленіями отъ истинной ведійской религіи. Онъ обратилъ особенное вниманіе на то, что Сати, или обычай сожженія вдовъ, не былъ санкціонированъ Ведами. Изучивъ христіанское вѣроученіе, онъ издалъ въ 1819 году книгу „Ученіе Христа, руководителя міра и счастья", въ которой онъ говорилъ, что, насколько ему извѣстно, догматы Христа больше всѣхъ другихъ соотвѣтствуютъ принципамъ нравственности и больше всѣхъ другихъ примѣнимы для разумныхъ существъ. Онъ выбралъ лучшее изъ всѣхъ религій, полагая, что вдохновеніе не ограничивается одною какою-либо эпохой или націей; поэтому онъ позаимствовалъ все, что нашелъ хорошаго въ священныхъ книгахъ различныхъ націй.

Брамо-Самаджъ окончательно утвердился въ 1830 году, какъ „культъ вѣчнаго, неисповѣдимаго, неизмѣннаго Духа, Творца и охранителя міра". Брамо-Самаджъ не допускалъ ни иконъ, ни изо-

браженій, не дозволялъ жертвоприношеній и не разрѣшалъ непочтительнаго отношенія къ чужимъ вѣрованіямъ. Высказавшись письменно и устно противъ системы кастъ, Раммогунъ-Рой, однако, не отказался ни отъ нея, ни отъ браманскаго шнура. На собраніяхъ, попрежнему, читались Веды, а не библія. Въ 1831 году Раммогунъ-Рой поѣхалъ въ Англію, но палъ жертвою климата и умеръ въ Бристолѣ въ 1833 году. Ему индуизмъ обязанъ первымъ шагомъ къ возвышенію и очищенію.

Его преемникомъ былъ Девендра-Натъ-Тагоръ (род. въ 1818 г.), основавшій общество познанія истины въ 1839 году, и пришедшій въ Брамо-Самаджъ въ 1841 году. Въ 1843 году онъ выработалъ схему для преобразованія этого общества въ церковь, члены которой должны были произносить семь торжественныхъ обѣтовъ. Имъ надлежало воздерживаться отъ идолопоклонства, почитать великаго Бога, Творца, Сохранителя и Разрушителя, выражая это любовью къ Богу и богоугодными дѣлами, вести святую жизнь и исправляться отъ грѣховъ. Затѣмъ былъ назначенъ священнослужитель, и къ 1847 году уже 767 человѣкъ произнесли обѣты; далѣе ихъ примѣру послѣдовали многіе другіе. Къ 1856 году выработалось убѣжденіе, что не слѣдуетъ вѣрить въ непогрѣшимость Ведъ и можно признать только тѣ ихъ предписанія, которыя согласны съ деистическою истиной. Въ силу этого составлены были одобренныя выдержки изъ Ведъ, законовъ Ману, Шатапата-Браманы и т. д. „Церковь“ считаетъ Бога отцомъ, который никогда не воплощался, который слышитъ молитвы всѣхъ существъ и охраняетъ ихъ своимъ провидѣніемъ. Раскаяніе есть путь къ искупленію, прощенію и спасенію. Для религіозныхъ цѣлей необходимы только добрыя дѣла, милосердіе, созерцаніе и благочестіе, но епитиміи и паломничество излишни. Единственная жертва — самопожертвованіе, единственный храмъ — чистое сердце. Кастовыя различія не признаются.

Несмотря на явный прогрессъ, Брамо-Самаджъ сохранялъ еще много общаго съ индуизмомъ. Въ 1865 году появился новый реформаторъ, извѣстный Кешубъ-Чундра-Сенъ, который проповѣдывалъ болѣе спиритуальное ученіе. Онъ началъ съ того, что уничтожилъ кастовыя ограниченія, и это повело къ раздѣленію секты. Затѣмъ онъ ввелъ новую форму посвященія, сталъ допускать женщинъ и проповѣдывалъ измѣненіе брачныхъ законовъ. Однако, прошло нѣсколько лѣтъ, и самъ Кешубъ, возстававшій противъ раннихъ браковъ, выдалъ свою малолѣтнюю дочь за магараджу Кучъ-Бехара, при чемъ свадьба сопровождалась нѣкоторыми индусскими церемоніями. Вышелъ страшный скандалъ. Тѣмъ не менѣе, церковь Кешуба, или прогрессивный Брамо-Самаджъ, процвѣтала

подъ его автократическимъ управленіемъ вплоть до его смерти, послѣдовавшей 8-го января 1884 года. Общество, отъ котораго отдѣлился Кешубъ, извѣстное теперь подъ именемъ Ади-Самаджа (первичнаго Самаджа), состояло подъ управленіемъ Девендра-Натъ-Тагора; впослѣдствіи оно опять до извѣстной степени вернулось къ индуизму. Кешубъ замѣнилъ прежніе индусскіе праздники новыми, во время которыхъ происходили религіозныя собранія и публичныя процессіи съ музыкой и пѣніемъ. Онъ также считалъ себя призваннымъ уничтожить расколъ и распри между сектами. Вліяніе Кешуба чувствуется и понынѣ. Апостолъ его церкви Дурбаръ не дозволилъ пользоваться площадкой, съ которой училъ Кешубъ, и объявилъ, что самъ Кешубъ и послѣ смерти стоитъ во главѣ церкви. Интересно, будутъ ли сдѣланы дальнѣйшіе шаги къ его обоготворенію.

Лица, отдѣлившіяся отъ Кешуба послѣ бракосочетанія его дочери, образовали церковь, извѣстную подъ именемъ Всеобщаго Самаджа (Universal Samaj). Они учредили родъ пресвитеріанскаго правленія, во избѣжаніе неограниченной власти одного лица; только тотъ, кто и частнымъ, и публичнымъ образомъ отрекался отъ идолопоклонства и кастъ, могъ вступить подъ знамена Всеобщаго Самаджа. Всего въ различныхъ деистическихъ сектахъ Индіи насчитывается 1500 членовъ и 8000 кандидатовъ, распредѣленныхъ между 178-ю церквами.

Упоминаемъ еще о нѣкоторыхъ обще-индусскихъ понятіяхъ, которыя сильно тормазятъ прогрессъ; такова, напр., вѣра въ фатализмъ, въ то, что вся жизнь человѣческая предопредѣлена Богомъ, и что безполезно противиться Его рѣшенію. Эта-то покорность судьбѣ парализуетъ дѣятельность народа, особенно во время болѣзней. Затѣмъ, очень развита вѣра въ Майю, или заблужденіе. Всѣ люди считаются жертвами заблужденія, особенно, когда они воображаютъ, что они отличны отъ Бога. Говорятъ, обыкновенно, что Высшему Духу надоѣло одиночество и онъ, въ видѣ развлеченія, создалъ міръ, а всѣ несчастья въ жизни происходятъ отъ Майи, такъ какъ существа не знаютъ, что они составляютъ одно съ Богомъ.

Вѣра въ переселеніе душъ распространена по всей Индіи и, между прочимъ, составляетъ характерную особенность буддизма. Мы вкратцѣ изложимъ основы этого ученія. Существованіе продолжается и послѣ смерти. За добрую жизнь полагается небесная награда, за дурную — адское наказаніе. Черезъ нѣкоторое время душа возвращается на землю и, сообразно своимъ прежнимъ поступкамъ, возрождается въ низшемъ или высшемъ состояніи. Возрожденій можетъ быть неограниченное число; они то идутъ въ

восходящемъ порядкѣ, то высокія чередуются съ низкими. Предполагается, что у многихъ боговъ есть собственныя небеса, куда они на нѣкоторое время берутъ своихъ почитателей, болѣе или менѣе приближая ихъ къ себѣ. Изъ поступковъ, которые даютъ это преимущество, главное мѣсто занимаютъ: паломничество, соблюденіе культа, жертвоприношенія, построенія храмовъ, дары браманамъ и почитаніе гуру. Высшее состояніе блаженства доступно исключительно браманамъ; но представители низшихъ кастъ за добрыя дѣла могутъ постепенно возрождаться въ высшихъ кастахъ, пока не сдѣлаются, наконецъ, браманами.

Въ Пуранахъ подробно описаны различные ады и небеса. Существуетъ сто тысячъ адовъ, по одному для каждаго рода поступковъ. Такъ, обжору бросаютъ въ кипящее масло; того, кто обидѣлъ человѣка высшей касты, даютъ на растерзаніе свиньямъ; того, кто презрительно обращался съ религіозными нищими, погружаютъ лицомъ въ грязь. Но, къ счастью, какъ для грѣшниковъ, такъ и жрецовъ, эти наказанія можно смягчить добрыми дѣлами и жертвоприношеніями. Законы Ману говорятъ, что „за тѣлесный грѣхъ человѣкъ возродится въ растеніи или въ минералѣ, за словесный — въ птицѣ или животномъ, за мысленный — въ низшемъ сословіи. Убійца брамана возродится въ видѣ собаки, кабана, осла, быка и т. п.; совершившій кражу у жреца тысячу разъ возродится въ видѣ пауковъ, змѣй и т. п. Въ позднѣйшихъ книгахъ это ученіе достигло наибольшаго развитія; такъ, напр. Агни-Пурана говоритъ, что утратившій человѣческое рожденіе проходитъ черезъ восемь милліоновъ рожденій въ низшихъ существахъ, прежде чѣмъ сможетъ вновь вочеловѣчиться. Изъ нихъ 2,100,000 приходится на неодушевленные предметы, какъ-то камни, деревья и т. п. 900,000 — на долю водяныхъ животныхъ; 1,000,000 — на насѣкомыхъ, червей и т. д.; 1,000,000 — на птицъ и 3,000,000 на звѣрей. Еще далѣе по восходящимъ ступенямъ совершивъ подобающія заслуги, онъ проживаетъ 400,000 жизней въ низшихъ кастахъ людей и 100 — въ кастѣ брамановъ. Послѣ этого онъ можетъ достигнуть поглощенія въ Брамѣ“. Вотъ до какой степени развилась насильственно привитая система уваженія или покорности къ требованіямъ жрецовъ! Если случается какое-нибудь несчастье, то индусъ увѣренъ, что оно послано ему въ наказаніе за грѣхи прошлыхъ существованій.

Въ виду всего этого неудивительно, что смерть считается подходящимъ моментомъ для достиженія будущихъ благъ или освобожденія отъ наказаній. Ученіе гласитъ, что если индусу не удастся умереть вблизи Ганга или другой священной рѣки, и если его тѣло не будетъ сожжено на берегу этой рѣки, или вообще

около воды, куда надлежитъ бросить часть пепла, то духъ его послѣ смерти будетъ блуждать въ несчастьи. Этимъ обусловливается обычай переселенія умирающихъ на берегъ рѣки. Безконечные слѣды ногъ тянутся вдоль береговъ вплоть до топорныхъ построекъ, называемыхъ *гатами*, куда кладутъ умирающихъ.

Индусы считаютъ такую смерть величайшимъ благодѣяніемъ и, желая оказать услугу своимъ умирающимъ родственникамъ, часто перевозятъ ихъ по страшной жарѣ, подвергая неминуемому риску. Множество людей погибло такимъ образомъ, хотя ихъ болѣзнь вовсе не была смертельна. По одному слову туземнаго доктора, опредѣлившаго опасность, начинаются сборы въ путь, чтобы больной не умеръ дома. Вся эта картина носитъ въ высшей степени отталкивающій характеръ. За нѣсколько минутъ до смерти, жертву переносятъ на самый край берега, болѣе или менѣе погружаютъ въ воду, гдѣ она и умираетъ. Иногда, безъ сомнѣнія, этими обстоятельствами пользуются, чтобы скорѣе отправить больного на тотъ свѣтъ. Одинъ туземный писатель говоритъ: „Лица, на обязанности которыхъ лежитъ уходъ за умирающими въ гатѣ, скоро начинаютъ тяготиться своимъ положеніемъ и вмѣсто того, чтобы заботиться объ удобствѣ больного, прибѣгаютъ къ искусственнымъ средствамъ, ускоряющимъ смерть. Погруженіе часто является синонимомъ удушенія“. Живучесть нѣкоторыхъ людей простирается до того, что они выдерживаютъ девять-десять погруженій, и все-таки приходится ихъ отвезти домой; но остатокъ жизни ихъ считается безчестіемъ.

Послѣ смерти трупъ немедленно предаютъ сожженію. „Трупъ умершаго съ берега переносятъ въ гатъ, который находится на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ саженъ, и тотчасъ же воздвигаютъ погребальный костеръ. Тѣло, покрытое кускомъ новой матеріи, кладутъ на костеръ, который состоитъ изъ дровъ и хворосту, съ примѣсью сандаловаго дерева и смолы, чтобы заглушить трупный запахъ. Затѣмъ, отверженный, Манипора-браманъ читаетъ положенную формулу, и сынъ или ближайшій родственникъ покойника, переодѣвшись въ новое бѣлое платье, къ полѣ котораго привязанъ желѣзный ключъ для предохраненія отъ злыхъ духовъ, зажигаетъ костеръ. Тѣло должно испепелиться, а „несгарающую часть его бросаютъ въ рѣку. Сынъ поливаетъ костеръ нѣсколькими кружками святой воды, купается въ рѣкѣ и возвращается домой со своими друзьями“. Далѣе идутъ дикія выраженія печали со стороны женщинъ. Часто семья не въ состояніи купить достаточно дровъ, чтобы сжечь тѣло, и тогда часть его предоставляется шакаламъ и коршунамъ. Погребальныя церемоніи врамановъ гораздо сложнѣе.

Послѣ сожженія тѣла наступаетъ Шрадда, или поминальныя церемоніи. Иногда онѣ обходятся дешево, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ сопровождаются страшными расходами. На тридцатый день послѣ смерти духу покойника и его предкамъ приносятъ въ жертву съѣстное, и затѣмъ устраиваютъ угощеніе для брамановъ и людей изъ другихъ кастъ. Эти церемоніи напоминаютъ китайскій культъ предковъ и показываютъ, какое крупное вліяніе уваженіе къ предкамъ имѣло у совершенно различныхъ народовъ. Вотъ текстъ одной такой молитвы: „Пусть всѣ изъ моего рода, сожженные огнемъ, всѣ живущіе и даже всѣ не сожженные, вкусятъ предлагаемой пищи и въ довольствѣ отправятся по высшему пути! Пусть тѣ, у кого нѣтъ ни отца, ни матери, ни родственника, ни пищи, ни средствъ къ пропитанію, вкусятъ отъ этой пищи, приносимой на землѣ, и также достигнутъ счастливаго жилища!" Часть пищи, приносимой въ жертву, бросаютъ въ огонь, чтобы она такимъ способомъ дошла по назначенію. Въ теченіе перваго года послѣ смерти, браманы часто совершаютъ эти церемоніи, а потомъ лишь одинъ разъ въ годъ. Выполнять погребальные обряды по настоящему долженъ сынъ или ближайшій родственникъ покойнаго; если же мужскихъ родственниковъ не окажется, то эту обязанность могутъ нести женщины или другіе наслѣдники. Пурана и другія священныя книги обѣщаютъ щедрыя награды, какъ, напримѣръ, прощеніе всѣхъ грѣховъ, тѣмъ, кто какъ слѣдуетъ выполняетъ обряды Шрадды.

Какое же вліяніе оказываютъ религіозныя воззрѣнія индусовъ на состояніе ихъ нравовъ? Многіе писатели полагаютъ, что поднятію индійской нравственности препятствуетъ затворничество женщинъ, и пока онѣ не получатъ свободы и образованія, не можетъ быть и рѣчи о крупномъ прогрессѣ. Приводимъ отрывокъ изъ книги одной индусской писательницы объ обязанностяхъ женщины: „Мужъ для жены — религія, единственное дѣло, все. Жена должна размышлять о своемъ мужѣ, какъ о Брамѣ. Для нея всѣ паломничества должны быть сосредоточены у ногъ мужа. Приказаніе мужа имѣетъ такую же силу, какъ предписаніе Ведъ. Для цѣломудренной жены мужъ есть богъ. Когда мужъ доволенъ, то и Брама доволенъ. Мужъ доставляетъ женѣ счастье, состояніе, праведность и блаженство, онъ освобождаетъ ее отъ печали и грѣха, онъ ея гуру, ея честь".

Конечно, въ низшихъ классахъ обыкновенно не приходится держать женщину взаперти, но и тамъ это составляетъ идеалъ. Рожденіе дѣвочки считается несчастьемъ для матери и, наоборотъ, каждая индусская женщина молится, совершаетъ паломничества, постится, приноситъ цѣнные дары, чтобы у нея родился сынъ,

который сможетъ совершеніемъ обрядовъ Шрадды освободить своихъ предковъ отъ посмертныхъ страданій. Всѣ стремленія дѣвушки клонятся къ тому, чтобы получить хорошаго мужа и сыновей. Она надѣется достигнуть этого путемъ различныхъ обрядовъ, о которыхъ намъ не приходится распространяться. Мы не можемъ также въ подробностяхъ поговорить о вредѣ раннихъ браковъ (въ возрастѣ 7—10 лѣтъ), о многоженствѣ, распространенномъ въ высшихъ кастахъ, и о брачныхъ церемоніяхъ, которыя полны религіознаго значенія. Жены бѣдныхъ людей пользуются сравнительною свободой; но въ богатыхъ классахъ жена бываетъ служанкой не только своего мужа, но и всѣхъ старшихъ женщинъ своей семьи. Посѣтителей она можетъ принимать только въ присутствіи шурина и не смѣетъ въ теченіе дня разговаривать съ мужемъ или даже обѣдать съ нимъ вмѣстѣ. Часто она бываетъ жертвой тиранніи и злоупотребленій со стороны старшихъ женщинъ зенаны.

Тѣмъ не менѣе жизнь индусской женщины — рай въ сравненіи съ судьбой бездѣтной вдовы. Долго держался обычай, чтобы вѣрная жена приносила себя въ жертву на погребальномъ кострѣ (сётти). Многія вдовы малодушно отказывались отъ исполненія даннаго ими обѣта, отравлялись или же были принесены въ жертву насильно. Но часто вдовы спокойно и безстрашно шли на костеръ, не издавая ни крика, ни стона. На нихъ могущественно дѣйствовало убѣжденіе, что онѣ совершаютъ поступокъ, угодный богамъ и ихъ покойнымъ мужьямъ. Въ 1830 году сожженіе вдовъ было запрещено въ провинціяхъ, подвластныхъ Британіи, но оставалось попрежнему въ нѣкоторыхъ туземныхъ областяхъ. *Wilkins* говоритъ, что послѣдній, извѣстный ему, случай *сати* происходилъ около 1880 года.

Трудность уничтоженія сати объясняется тѣмъ, что вдовы, особенно бездѣтныя, терпятъ ужасное обращеніе: имъ запрещено вступать вторично въ бракъ; онѣ должны исполнять черную работу и выносить насмѣшки всей зенаны. Имъ полагается ѣсть всего лишь разъ въ сутки и два дня въ мѣсяцъ поститься; украшеній и всякихъ удовольствій онѣ вовсе лишены. Иногда страданія вдовы такъ велики, что она предпочла бы умереть. Нѣтъ сомнѣнія, что пожилыя вдовы могутъ завоевать себѣ извѣстное положеніе и со временемъ пріобрѣсти вліяніе. Однако, какъ уже было сказано, ключъ ко многимъ религіознымъ и соціальнымъ вопросамъ Индіи лежитъ въ положеніи и воспитаніи женщины. Съ расширеніемъ образованія въ привилегированныхъ классахъ наступило нѣкоторое улучшеніе; этому способствовало также допущеніе въ зенаны европейскихъ женщинъ и женщинъ-врачей. Въ этомъ кроется залогъ будущаго.

По ученію индусовъ, за величайшіе проступки можно получить прощеніе, нисколько не измѣнивъ своей жизни и не исправившись. Поэтому неудивительно, что воровство, ложь, неблагодарность, подлогъ, клятвопреступничество, мстительность, жестокость и развратъ очень часто встрѣчаются между ними. *Wilkins* говоритъ: „Меня нисколько не удивляетъ безнравственность индусовъ, такъ какъ ихъ священныя книги даютъ высочайшія и величайшія нравственныя предписанія, а ихъ божества при воплощеніяхъ совершенно забываютъ эти прекрасные уроки. Вообще религія и нравственность индусовъ не идутъ рука объ руку... Если индусъ разгнѣванъ, то онъ забываетъ правду, честь, все, и не задумается ни передъ какими средствами, чтобы оскорбить врага. Терминъ „кроткій индусъ"—не что иное, какъ сарказмъ. Индусы покоряются тиранніи и жестокости только потому, что они физически неспособны къ сопротивленію; но дайте имъ возможность отомстить врагу, и они не хуже другихъ постоятъ за себя. Они не употребляютъ ножа или кинжала, но зато прибѣгаютъ къ яду или, что еще хуже, къ яду своихъ лживыхъ языковъ". Съ другой стороны; у индусовъ очень развито братское и сыновнее чувство; затѣмъ они отличаются щедростью въ дарахъ, большимъ терпѣніемъ, трудолюбіемъ и изобрѣтательностью. Благодаря этимъ положительнымъ качествамъ, а также большимъ умственнымъ способностямъ, изъ нихъ со временемъ можетъ выработаться великая и благородная нація.

ГЛАВА V.

Жизнь Будды.

Подготовленная почва. — Эпоха основателя буддизма. — Личность Будды. — Буддійскія священныя книги. — Родина Будды. — Его юность и молодость. — Великое отреченіе. — Отшельничество. — Просвѣтленіе. — Искушеніе. — Начало проповѣди. — Восьмеричный путь. — Происхожденіе страданія. — Свобода, какъ особенность буддизма. — Первые ученики. — Общія черты изъ жизни Будды. — Странствія и отдыхъ. — Буддійскіе сады. — Будда и блудница Амбапали. — Посѣтители Будды. — Новая монашеская община. — Будда не соціалистъ. — Главные послѣдователи Будды. — Вѣрующіе міряне. — Буддійскія женщины. — Монахини, или сестры. — Противники Будды. — Опроверженіе браманскаго ученія. — Наилучшее жертвоприношеніе. — Поученія. — Пространныя разсужденія. — Обращеніе благороднаго юноши. — Методъ Сократа. — Притчи. — Книга о «Великой Кончинѣ». — Будда приготовляется къ послѣдней рѣчи. — Послѣднее искушеніе. — Смерть.

Разсматривая исторію буддизма, необходимо имѣть въ виду, что онъ зародился на почвѣ браманизма, которая доставила ему его существенные элементы, его *raison d'être*. Высокая браманская философія объединила массу древнихъ ведійскихъ боговъ во Всемірнаго Духа и значительно развила пантеистическое ученіе. Но въ то же время возраставшій гнетъ браманскаго владычества, соблюденіе частыхъ и сопряженныхъ съ расходами обрядовъ и обязательное послушаніе Ведамъ съ одобренными комментаріями на нихъ, становились все тягостнѣе, такъ что, естественно, пробудился духъ противодѣйствія этому. Изъ тѣхъ данныхъ о философахъ-раціоналистахъ, которые нами были приведены выше (стр. 53), видно, что реформа, связанная съ именемъ великаго Будды, была лишь проявленіемъ этого духа. Прежнія философскія теченія такъ или иначе признавали Веды, а буддизмъ провозгласилъ, что люди, собственными силами, независимо отъ Браманъ и Ведъ, могутъ достигнуть спасенія. Онъ выдвинулъ болѣе высокій идеалъ религіозной жизни и потребовалъ освобожденія отъ фарисейскихъ узъ.

Трудно съ достовѣрностью опредѣлить, когда именно жилъ основатель буддизма. Прежде многіе авторитеты полагали, что это происходило въ VI или VII столѣтіи до Р. Х., но позднѣйшія и, повидимому, болѣе обоснованныя мнѣнія сходятся на томъ, что онъ жилъ въ V вѣкѣ до Р. Х. и умеръ между 420 и 400 годами.

Едва ли когда-нибудь удастся выяснить непосредственную связь буддизма съ браманизмомъ. Извѣстно только, что древній буддизмъ призналъ съ нѣкоторыми дополненіями и подраздѣленіями божество прежней религіи,—„Брамана". Несомнѣнно также, что поощреніе жизни отшельника и аскета повело къ основанію отшельническихъ и аскетическихъ общинъ, которыя можно считать прототипомъ буддійскихъ монашескихъ орденовъ. Сначала, вѣроятно, возникло нѣсколько сектъ, которыя не соглашались въ нѣкоторыхъ пунктахъ съ Ведами и искали для себя иного выхода; изъ нихъ остались только буддисты и джайны.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что буддизмъ имѣлъ основателя, которому, конечно, приписывается гораздо больше, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ. Тѣмъ, кто полагалъ, что жизнь Будды—не что иное, какъ героическій миѳъ, пришлось для его опроверженія изобрѣтать еще болѣе фантастическія объясненія. Изученіе буддійскихъ памятниковъ, сохранившихся на Цейлонѣ и написанныхъ на священномъ для буддистовъ палійскомъ языкѣ (родственномъ санскриту), показываетъ, что въ очень отдаленныя времена (повидимому, задолго до христіанской эры) буддисты вѣрили въ основателя своей религіи, который былъ извѣстенъ подъ именемъ Познавшаго, Просвѣтленнаго (Будда) или Возвышеннаго (Бгагава). Однако, въ эпоху палійскихъ текстовъ не было настоящей біографіи Будды. Всѣ указанія этихъ текстовъ носятъ случайный и несвязный характеръ. Отсутствіе жизнеописаній нисколько не опровергаетъ существованія религіознаго вождя, такъ какъ въ древній періодъ мысль о составленіи біографіи еще совершенно чужда народамъ и индусскія книги не даютъ ничьей, хотя бы самой примитивной, біографіи.

Многочисленность буддійскихъ священныхъ книгъ, сочиненныхъ, по всей вѣроятности, раньше Весалійскаго собора семисотъ отцовъ, состоявшагося въ IV вѣкѣ до Р. Х., а также характеръ ихъ содержанія, свидѣтельствуютъ о томъ, что онѣ излагаютъ ученіе великаго Будды, который проповѣдывалъ народу спасеніе и освобожденіе. Будда соперничалъ съ шестью главами другихъ сектъ, изъ которыхъ одинъ, Натапутта, былъ основателемъ общины джайновъ. Джайнизмъ обыкновенно считается отпрыскомъ буддизма, хотя онъ скорѣе является выразителемъ параллельныхъ съ нимъ воззрѣній. Проф. *Oldenberg* говоритъ: „Очевидно, что Будда стоялъ во главѣ монашеской общины того же типа, какъ община, къ которой принадлежалъ Натапутта; что онъ на положеніи аскета переходилъ изъ города въ городъ, училъ, собирая вокругъ себя толпу учениковъ, которымъ онъ давалъ простыя предписанія. Свѣдѣнія о Буддѣ сохранились, преимущественно въ формѣ рѣчей и поученій,

которымъ иногда присвоено сомнительное географическое названіе по мѣсту, гдѣ онъ ихъ произносилъ; въ связи съ ними разсказаны главныя событія его жизни.

Родина Будды находилась между Непальскими предгорьями Гималаевъ и среднимъ теченіемъ рѣки Рапти, на сѣверо-востокѣ Ауда. Маленькая рѣка Рогини, впадающая въ Рапти около Горукпора, на сто миль сѣвернѣе Бенареса, составляетъ ея восточную границу. И Рогини, и Рапти, подъ нынѣшними именами, упоминаются въ древней буддійской литературѣ. Въ этой плодородной мѣстности, подверженной обильнымъ дождямъ и продолжительнымъ наводненіямъ, жило арійское племя Сакіевъ (могущественныхъ); Сакіи занимались разведеніемъ риса и поддерживали сношенія съ болѣе сильнымъ царствомъ Косалы (Аудъ), на юго-западѣ, которому они впослѣдствіи покорились.

Будду, обыкновенно, считаютъ царскимъ сыномъ, но древнѣйшіе памятники говорятъ лишь о томъ, что его отецъ, Суддходана, былъ богатымъ землевладѣльцемъ, а одна изъ женъ Суддходаны, Мая, изъ того же племени, умерла вскорѣ послѣ рожденія сына Сиддартхи, который извѣстенъ былъ подъ именемъ Сакіа, или Сакіа-Муни, т. е. мудреца Сакіа. Надо думать, что это событіе относится приблизительно къ 500 году до Р. Х. Юность свою Будда провелъ въ столицѣ Сакіевъ, Капилѣ. Древнія преданія не указываютъ, чтобы онъ былъ ведійскимъ ученымъ, да и событія дальнѣйшей его жизни, гдѣ онъ является реформаторомъ и противникомъ браманскихъ притязаній, не подтверждаютъ этого предположенія. Онъ былъ женатъ и имѣлъ сына Рагулу, который впослѣдствіи сдѣлался его ученикомъ. Нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ указаній на причины, побудившія Будду, въ возрастѣ двадцати-девяти лѣтъ, покинуть свой домъ и сдѣлаться странствующимъ аскетомъ, извѣстнымъ съ тѣхъ поръ подъ именемъ Гаутамы. Одинъ изъ древнѣйшихъ источниковъ говоритъ, что Будда часто и много размышлялъ о старости, и ужасъ передъ болѣзнью и смертью лишилъ его юношескаго веселья и жизнерадостнаго чувства. По другимъ древнимъ памятникамъ, „аскетъ Гаутама, молодымъ, въ молодые годы, во цвѣтѣ юношескихъ силъ, въ первой свѣжести жизни ушелъ изъ дому на бездомную жизнь. Хотя его родители и не хотѣли этого, хотя они проливали горькія слезы и плакали, но аскетъ Гаутама сбрилъ волосы и бороду, надѣлъ желтое платье и ушелъ изъ дому на бездомную жизнь“. Въ другомъ мѣстѣ говорится: „жизнь дома горестна; это — нечистое состояніе; свобода — внѣ дома; такъ думалъ онъ и покинулъ свой домъ“. (*Oldenberg*).

Гаутама странствовалъ семь лѣтъ въ поискахъ за духовнымъ просвѣтленіемъ и освобожденіемъ и за это время слушалъ пропо-

вѣдь двухъ выдающихся учителей. Не получивъ нравственнаго удовлетворенія, онъ отправился въ царство Магадхи и дошелъ до города Урувелы. Тамъ, въ прекрасномъ лѣсу, онъ провелъ много лѣтъ въ самоистязаніяхъ, подавляя свои желанія и ожидая просвѣтленія свыше. Онъ испробовалъ постъ и различные способы самобичеванія, но безуспѣшно. Одно время онъ жилъ съ пятью другими аскетами, которые потомъ покинули его.

Наконецъ, наступилъ великій переломъ. Сидя разъ подъ деревомъ (дерево Бо или дерево Познанія), Будда прошелъ черезъ послѣдовательныя ступени созерцанія, при чемъ позналъ тайну переселенія душъ и четыре священныхъ истины: 1) что страданіе есть общій удѣлъ міра, 2) что его причина — желаніе или привязанность, 3) что оно оканчивается въ Нирванѣ, 4) какъ можно достигнуть Нирваны. „Когда я позналъ и постигъ это, — говорятъ древніе тексты, — душа моя была освобождена отъ грѣха желанія, отъ грѣха земного существованія, отъ грѣха заблужденія, отъ грѣха незнанія. Въ освобожденномъ пробудилось познаніе освобожденія. Уничтожено возрожденіе, оконченъ священный путь, исполненъ долгъ: я не вернусь больше къ этому міру, — вотъ что я позналъ“ (*Oldenberg*). Онъ сдѣлался Буддой, пробужденнымъ, просвѣтленнымъ.

Нѣкоторое время Будда оставался около древа Познанія, постился и наслаждался блаженствомъ освобожденія. По древнѣйшимъ сказаніямъ, этотъ періодъ продолжался двадцать-восемь дней. Затѣмъ Будда подвергся искушенію: злой Мара убѣждалъ его вступить сразу въ Нирвану, вмѣсто того, чтобы возвѣщать свое ученіе міру. Далѣе, встрѣтясь съ однимъ браманомъ, Будда отвѣчалъ на его разспросы, что „истинный браманъ есть тотъ, кто отрекся отъ всякаго зла, кто не знаетъ ни насмѣшки, ни скверны, кто одержалъ надъ собою побѣду“. Наконецъ, по требованію самого Верховнаго существа, Брамы-Сагампати, Будда рѣшилъ повѣдать міру истину, которую онъ позналъ.

По общему мнѣнію, Будда вступилъ на служеніе міру въ Бенаресѣ. Прежде всего онъ изложилъ свое ученіе пяти аскетамъ, которые одно время были его сподвижниками. Онъ объяснилъ имъ, что есть совершенный восьмеричный путь, представляющій нѣчто среднее между умерщвленіемъ плоти и удовлетвореніемъ желаній и ведущій къ покою, къ познанію, къ просвѣщенію, къ Нирванѣ, а именно: „истинная вѣра, истинная рѣшимость, истинное слово, истинное дѣло, истинная жизнь, истинное стремленіе, истинные помыслы, истинное созерцаніе“. Эта первая проповѣдь Будды, если считать ее за его подлинныя слова, показываетъ, какъ древніе буддійскіе монахи понимали сущность ученія своего руково-

дителя. Изъ нея видно, что индусы считали страданіе удѣломъ жизни. Такой взглядъ явился слѣдствіемъ безпрерывныхъ распрей и гнета, которому они подвергались. „Рожденіе есть страданіе; старость есть страданіе; болѣзнь есть страданіе; смерть есть страданіе; союзъ съ нелюбимой есть страданіе; разлука съ любимой есть страданіе; недостигнутое желаніе есть страданіе. Словомъ, пятеричная привязанность *) къ земному есть страданіе".

„Вотъ, о монахи, святая истина о происхожденіи страданія: жажда бытія, сладострастіе, желаніе, находящее тамъ и сямъ удовлетвореніе, жажда наслажденій, жажда созиданія, жажда власти,—все это ведетъ отъ возрожденія къ возрожденію".

„Вотъ, о монахи, святая истина объ уничтоженіи страданія: эта жажда уничтожится, если совершенно уничтожить желаніе, заглушить его, отрѣшиться отъ него, положить ему предѣлъ".

Затѣмъ Будда растолковалъ имъ, что такое восьмеричный путь, по которому онъ достигъ высшаго состоянія, какъ въ этомъ мірѣ, такъ и въ мірѣ боговъ, и избавился отъ возрожденій. Его ученіе можно резюмировать слѣдующими словами: „совершай цѣломудренно свой путь, чтобы положить конецъ всякому страданію".

Первыми увѣровавшими въ Будду были вышеупомянутые пять аскетовъ; вслѣдъ затѣмъ вокругъ него сгруппировались другіе ученики, которыхъ онъ послалъ проповѣдывать по окрестнымъ странамъ. Существенное отличіе буддійскаго ученія отъ браманскаго состояло въ отсутствіи формализма, стѣсненій, церемоній, фарисейства. „Я освободился отъ всѣхъ божескихъ и человѣческихъ узъ,—говоритъ Будда,—и вы также, о ученики, освободились отъ всѣхъ божескихъ и человѣческихъ узъ. Идите же, о ученики, и странствуйте для блага всѣхъ, для радости всѣхъ, изъ состраданія къ міру, для спасенія, блага и радости боговъ и людей. Не ходите подвое въ одно и то же мѣсто".

Возвратившись въ Урувелу, гдѣ онъ познадъ освобожденіе, Будда проповѣдывалъ группѣ аскетовъ и, согласно преданію, послѣ многочисленныхъ чудесъ, обратилъ въ свою вѣру ихъ руководителя Кассапу. Затѣмъ, всѣ они вмѣстѣ отправились въ Раджагаху, столицу Магадхи (Бехаръ), гдѣ ихъ ученіе принялъ царь Бимбисара и множество мѣстныхъ благородныхъ юношей, а народъ началъ роптать, что новый аскетъ пришелъ свергнуть семейное начало и ввести бездѣтность и вдовство.

Съ этого момента уже нельзя составить полной и связной біографіи Будды. Изъ древнихъ преданій о немъ можно опредѣлить

[1]) Привязанность къ элементамъ, изъ которыхъ состоитъ тѣлесно-духовное бытіе человѣка: тѣлесность, воспріятіе, представленія, формы (или стремленія) и познаніе. *Прим. перев.*

лишь общій характеръ его дѣятельности, а не индивидуальныя черты, которыя могли броситься въ глаза евреямъ или европейцамъ, но почти ускользали отъ индусовъ и китайцевъ. Это отчасти объясняется тѣмъ, что индивидуальность, въ томъ смыслѣ, какъ мы ее понимаемъ, была мало развита у послѣднихъ двухъ народовъ. Ихъ цивилизація создавала не личностей, а, скорѣе, типы, которые думали, поступали и чувствовали совершенно одинаково. Въ эпоху древняго буддизма почти не встрѣчается противорѣчій между монашескими орденами, и нѣтъ въ поминѣ учениковъ, которые, развивая ученіе своего главнаго проповѣдника въ новомъ и неожиданномъ направленіи, сами сдѣлались бы реформаторами. Былъ ли Будда такимъ, какъ его описываютъ древнія преданія, или нѣтъ, но онъ не имѣлъ соперниковъ, и его ученики буквально подражали тому, что, по ихъ вѣрованіямъ, онъ говорилъ или дѣлалъ. Вслѣдствіе этого, черты изъ жизни Будды характеризуютъ многихъ его непосредственныхъ учениковъ.

Смѣна двухъ временъ года въ Индіи опредѣлила періодичность въ жизни Будды. Въ продолженіе трехъ дождливыхъ мѣсяцевъ, онъ, по необходимости, долженъ былъ отдыхать и жить гдѣ-нибудь вблизи города или деревни; тутъ онъ удѣлялъ извѣстную долю времени на проповѣдь ученикамъ, которые стекались къ нему. Остальную часть года Будда вмѣстѣ со своими учениками проводилъ въ странствіяхъ по царствамъ Косалы, Магадхи и сосѣднимъ съ ними, которыя вошли въ составъ нынѣшняго Ауда и Бехара. Повидимому, они не посѣщали западнаго Индостана, гдѣ твердо держался браманизмъ. Близъ столицъ вышеупомянутыхъ государствъ, Саваттхи (нынѣ Сахетъ-Махетъ на Рапти) и Раджагахи (нынѣ Раджгаръ), Буддѣ и ученикамъ его отведены были прекрасные сады и дома. Одна изъ древнихъ буддійскихъ книгъ описываетъ, что такія убѣжища „не слишкомъ далеко, но и не слишкомъ близко отъ города, снабжены многочисленными входами и выходами, доступны для всѣхъ желающихъ, не слишкомъ шумны днемъ, покойны ночью, далеки отъ людской суеты и толпы, располагаютъ къ уединенію и къ размышленію“. Тамъ были великолѣпныя рощи, пруды, на которыхъ росъ символическій лотосъ, и всякія приспособленія для собраній; тѣми же достоинствами въ большей или меньшей степени отличались и другія буддійскія убѣжища. Между посѣтителями были чужеземцы, пришедшіе изъ дальнихъ странъ, принявшіе ученіе отъ апостоловъ Будды и жаждавшіе увидать его самого; даже цари и вожди стремились повидать его и послушать его проповѣдь. Случалось также, что правитель какого-нибудь города подъ страхомъ наказанія высылалъ всѣхъ жителей навстрѣчу Возвышенному.

Одно изъ замѣчательнѣйшихъ буддійскихъ преданій повѣствуетъ объ обращеніи блудницы и о томъ, какъ учитель принялъ ея приглашеніе на обѣдъ, отказавшись отъ приглашенія знатнѣйшихъ жителей. Приводимъ въ сокращеніи этотъ разсказъ изъ „Книги о Великой Кончинѣ“.

„Вотъ блудница Амбапали въ своей манговой рощѣ услышала о томъ, что Благословенный прибылъ въ Весали. Тотчасъ же она приказала запречь множество великолѣпныхъ колесницъ, вошла въ одну изъ нихъ и, вмѣстѣ со свитой, направилась къ своему саду. Она ѣхала въ колесницѣ до тѣхъ поръ, пока проѣздъ былъ возможенъ; потомъ встала, пошла пѣшкомъ до того мѣста, гдѣ находился Благословенный, и почтительно сѣла около него; а въ то время, какъ она сидѣла, Благословенный религіозной рѣчью поучалъ, вразумлялъ, наставлялъ, просвѣщалъ ее.

„Затѣмъ, получивъ поученіе, вразумленіе, наставленіе, просвѣщеніе отъ словъ Благословеннаго, она обратилась къ нему и сказала: „Пусть Благословенный окажетъ мнѣ честь и завтра со своими учениками отобѣдаетъ у меня въ домѣ“.

„И Благословенный молча далъ свое согласіе. Когда Амбапали увидѣла, что Благословенный согласенъ, то встала, низко поклонилась, слѣва прошла мимо него и удалилась“.

„И вотъ весалійскіе *ликхави* (богатые благородные юноши), услышавъ, что Благословенный прибылъ въ Весали и находится въ рощѣ Амбапали, пошли пригласить его отобѣдать съ ними на слѣдующій день, но онъ отказался, объяснивъ, что уже обѣщалъ обѣдать у Амбапали.

„Рано утромъ Благословенный одѣлся, взялъ свою чашу и съ братіей пришелъ къ дому Амбапали. Тамъ онъ сѣлъ на приготовленное для него мѣсто, и блудница Амбапали, подавъ членамъ общины, съ Буддой во главѣ, сладкій рисъ и печенье, прислуживала имъ, пока они не насытились.

„А когда Благословенный окончилъ трапезу, блудница принесла низкую скамеечку, сѣла рядомъ съ нимъ и обратилась къ нему со словами: „Учитель, я дарю это жилище общинѣ нищенствующихъ, которою руководитъ Будда“. И Благословенный принялъ этотъ даръ. И, поучивъ, вразумивъ, наставивъ, просвѣтивъ ее религіозною рѣчью, онъ всталъ съ мѣста и удалился“.

Самое поученіе Будды ровно ничего не говоритъ по поводу даннаго случая. Учитель произнесъ лишь обычныя формулы, которыя своею неотразимостью подѣйствовали на слушательницу, безотчетно принявшую ихъ. Центръ тяжести здѣсь лежитъ въ согласіи отобѣдать у блудницы (очевидно, состоятельной особы) и въ предпочтеніи, оказанномъ передъ приглашеніемъ богатыхъ бла-

городныхъ юношей, которыхъ по наружности сравниваютъ съ ведійскими богами.

Въ числѣ посѣтителей Будды бывали и извѣстные браманы, которые, подъ вліяніемъ его рѣчей, сознавали несостоятельность своихъ религіозныхъ убѣжденій, и логическіе казуисты, которые старались сбить его или поймать на словѣ. Люди всѣхъ классовъ и положеній, за исключеніемъ, повидимому, бѣдняковъ, прибѣгали къ Буддѣ, чтобы онъ подѣлился съ ними своею мудростью. Въ знакъ присоединенія къ общинѣ, они, обыкновенно, устраивали ему и его ученикамъ обѣдъ, за которымъ опять слѣдовало духовное поученіе. Если не имѣлось никакихъ приглашеній, то Будда и его ученики съ чашами отправлялись въ городъ собирать милостыню. *Oldenberg* говоритъ: „Уже въ то время, когда Будда былъ знаменитъ и имя его гремѣло по всей Индіи, ежедневно можно было видѣть, какъ этотъ человѣкъ, передъ которымъ преклонялись цари, ходилъ по улицамъ и переулкамъ изъ дома въ домъ и безмолвно стоялъ съ опущеннымъ взоромъ, ожидая, чтобы въ его чашу бросили кусокъ съѣстного“.

Будда извѣстенъ также, какъ учредитель общины бикшу или биггу. Трудно передать точный смыслъ этого слова, которое, обыкновенно, переводятъ „монахъ“, тогда какъ буквальное значеніе его — нищій, нищенствующій. Собственно говоря, члены этой общины вовсе не нищенствовали. Они отказывались отъ мірскихъ благъ, но не удалялись отъ общества, и поэтому ихъ нельзя назвать монахами; они не произносили обѣта и во всякую минуту могли выйти изъ общины. Они не были жрецами, такъ какъ не совершали никакихъ обрядовъ и не являлись посредниками между людьми и божествомъ. Быть-можетъ, правильнѣе было бы называть ихъ „братьями“ или „членами общины“, но названіе монаховъ уже утвердилось за ними. Внѣшними знаками принадлежности къ общинѣ были бритыя головы и желтое облаченіе.

Учрежденіе Буддой особой общины показываетъ, что въ его времена очень распространена была мысль, будто для спасенія нужно удалиться отъ міра. Увѣровавшіе въ Благословеннаго просили его принять ихъ въ число учениковъ и истинно вѣрующихъ; и онъ принималъ ихъ, говоря: „Иди ко мнѣ, о монахъ, ученіе возвѣщено, живи цѣломудренно, чтобы прекратить всякое страданіе“. Монахи жертвовали все свое имущество общинѣ или, по крайней мѣрѣ, отказывались отъ него, отрѣшались отъ семейныхъ узъ и давали обѣтъ цѣломудренной жизни и затѣмъ, большей частью. отправлялись въ странствія, чтобы проповѣдывать ученіе Будды. Съ той поры они уже были чужды всякаго личнаго самолюбія, личнаго возбужденія, тщеславія, эгоизма. Каста была уничтожена

или, вѣрнѣе, эти люди, отрекшіеся отъ міра, не придавали ей значенія. „Если царскій рабъ или слуга надѣнетъ желтое платье и будетъ вести монашескую жизнь по мысли, по словамъ и по дѣламъ, то скажешь ли ты тогда,—спрашиваетъ Будда одного царя: —пусть онъ попрежнему будетъ моимъ рабомъ и слугою, пусть встаетъ и падаетъ передо мною ницъ, пусть исполняетъ мои приказанія, пусть служитъ моимъ удовольствіямъ, говоритъ со мною почтительно, ловитъ каждое мое слово?“ А царь отвѣчаетъ: „Нѣтъ, Господи. Я преклонюсь передъ нимъ, встану передъ нимъ, приглашу его сѣсть, предложу ему одежду, пищу, кровъ, а въ случаѣ болѣзни—лѣкарство и обезпечу приличествующую ему защиту и охрану“. Будда вполнѣ одобряетъ такое отношеніе.

Oldenberg сильно возстаетъ противъ мнѣнія, которое приписываетъ Буддѣ роль соціальнаго реформатора, разбившаго кастовыя узы и уготовившаго въ своемъ духовномъ царствѣ мѣсто бѣднымъ и униженнымъ. Будда былъ далекъ отъ мысли о какой-либо реформѣ государственной жизни, о замѣнѣ господствовавшаго строя новымъ. „Духъ Будды былъ чуждъ той страстности, безъ которой ни одинъ человѣкъ не можетъ выступить борцомъ за угнетенныхъ противъ притѣснителей. Пусть государство и общество живетъ, какъ знаетъ: монахъ, отрекшійся отъ міра, не принимаетъ участія въ заботахъ и дѣятельности людей. Каста для него не имѣетъ значенія, такъ какъ онъ отрѣшился отъ всего земного; ему и въ голову не приходитъ бороться за уничтоженіе кастъ или за смягченіе ихъ суровыхъ правилъ для тѣхъ, кто остался въ міру. „Мало вѣроятія также, чтобы Будда одинаково относился ко всѣмъ слоямъ общества. Почти всѣ первые ученики происходили изъ высшихъ классовъ; это были благородные браманы, купцы, люди образованные. Въ древнихъ буддійскихъ книгахъ встрѣчаются фразы, въ родѣ слѣдующихъ: „Поистинѣ для Возвышеннаго желателенъ разговоръ съ такими благородными юношами“. „Для ученія и закона расположеніе этой уважаемой и извѣстной личности очень важно“. Рѣдко когда попадается какой-нибудь отдѣльный разсказъ о принятіи лица низкаго происхожденія, какъ, напримѣръ, подметальщика засохшихъ цвѣтовъ въ храмахъ и дворцахъ. Въ послѣднемъ случаѣ мораль направлена противъ браманскихъ ограниченій. „Святымъ рвеніемъ и цѣломудренною жизнью, воздержаніемъ и самоотреченіемъ человѣкъ достигаетъ Брамана; это — высокое состояніе“. О слабыхъ и о дѣтяхъ говорится мало. Въ одномъ мѣстѣ сказано: „Законъ для мудрыхъ, а не для глупцовъ“.

Главные послѣдователи Будды похожи другъ на друга цѣломудріемъ жизни, стремленіемъ къ совершенному миру и благого-

вѣніемъ передъ Возвышеннымъ. Въ самомъ началѣ поприща Будды, его учениками сдѣлались два брамана, Сарипутта и Моггалана, которые оставались вѣрными ему всю жизнь и умерли въ старости, незадолго до смерти самого Будды. Изъ близкихъ учениковъ Будды извѣстны еще: его родной братъ Девадатта, двоюродный — Ананда и придворный цирюльникъ Сакіевъ, Упали. Ананда заботился о Буддѣ, когда онъ состарился, и часто одинъ сопутствовалъ ему. Къ Анандѣ обращены многія изъ послѣднихъ рѣчей Будды. Девадатта — традиціонный измѣнникъ, стремившійся захватить въ свои руки вліяніе брата и пытавшійся убить его; какъ разсказываютъ, рядъ чудесъ спасъ Будду отъ этого покушенія. Девадатта пробовалъ ввести болѣе строгую аскетическую дисциплину среди монаховъ, но это ему не удалось.

Кромѣ монаховъ, Будда допускалъ еще вѣрующихъ мірянъ, которые признавали истину его ученія, но не отрѣшались отъ обыденной жизни; они могли подавать милостыню и оказывать гостепріимство братьямъ Ордена. Это допущеніе было вызвано необходимостью; если бы существовали только нищенствующіе члены, то ихъ не на что было бы содержать. Конечно, въ такой странѣ, какъ Индія, жизнь очень дешева, но и для нея нуженъ постоянный притокъ средствъ. Пріемъ вѣрующихъ мірянъ не совершался по какой-либо установленной формѣ, и ихъ доля вліянія была весьма ничтожна. Какъ среди братьевъ, или монаховъ, такъ и среди вѣрующихъ мірянъ, главное мѣсто занимали благородные князья, браманы и торговцы, тогда какъ бѣдныхъ было несравненно меньше. Будда и монахи собирали вокругъ себя толпы поклонниковъ, которые могли бы принимать и содержать ихъ, созывать собранія, гдѣ они держали рѣчи, и сопровождать ихъ въ экипажахъ и пѣшкомъ.

Къ женщинамъ Будда относился съ одной стороны лучше, а съ другой — хуже, чѣмъ браманы. Браманизмъ давалъ возможность ведійскому ученику сдѣлаться домохозяиномъ, жениться и воспитать семью, которая продолжала бы выполнять жертвенные обряды; однако, женщина занимала подневольное, почти рабское положеніе. Буддійскіе монахи должны были отказаться отъ брака и близкихъ сношеній съ женщинами, какъ несогласныхъ съ ихъ вѣроисповѣданіемъ, но зато и женщины могли вступать въ общину, дѣлаться монахинями, подъ условіемъ отказа отъ всякихъ сношеній съ мужчинами. Женщины бывали также въ числѣ вѣрующихъ мірянъ, да и безъ ихъ помощи трудно было бы содержать самую общину. Однако, не сразу стали допускать и охотно даже принимать женщинъ. Въ древній періодъ, на вопросъ Ананды, какъ держаться по отношенію къ женщинѣ, Будда отвѣчалъ: „Избѣгайте ея всегда“.

Ананда продолжалъ допытываться: „А если мы увидимъ ее, что намъ дѣлать?" — „Не разговаривайте съ ней". — „А если же она заговоритъ съ нами, что намъ дѣлать?" — „Тогда бодрствуйте", или, по другой версіи: „Тогда смотрите за собою!" — отвѣтствовалъ учитель. Нравоученіе одного изъ позднѣйшихъ буддійскихъ разсказовъ подтверждаетъ этотъ взглядъ. „Неизмѣримо глубоко, какъ путь рыбы въ водѣ, скрытъ характеръ женщинъ, этихъ хитроумныхъ грабительницъ, въ которыхъ истины не найдешь, для которыхъ ложь—все равно, что истина, а истина—все равно, что ложь".

Жизненный опытъ заставилъ Будду, хотя и не безъ колебаній, измѣнить свое отношеніе къ женщинѣ. Мачеха и ученикъ Ананда убѣдили его, наконецъ, что женщины способны пройти четверичный путь. Онъ, однако, вмѣнилъ имъ въ обязанность восемь правилъ, какъ, напримѣръ, то, что монахиня всегда должна прислуживать и вставать въ присутствіи монаха, даже только что посвященнаго. Монахини во многомъ были подчинены монахамъ, отъ которыхъ они принимали посвященіе и должны были выслушивать всякія замѣчанія. Будда, однако, скорбитъ и говоритъ, что законъ продержится въ чистотѣ только пятьсотъ лѣтъ. „Если на рисовомъ полѣ появится ржавчина, то это знакъ, что урожай скоро погибнетъ; такъ же точно, при какихъ правилахъ ни допускать въ общину женщинъ, которыя промѣниваютъ семейную жизнь на бездомную, то религія продержится не долго. Какъ человѣкъ для предохраненія строитъ плотину, такъ и я назначаю для сестеръ восемь главныхъ правилъ, которыхъ онѣ не должны преступать въ теченіе всей своей жизни". Женщины-ученицы, насколько это было примѣнимо, должны были подчиняться всѣмъ правиламъ, обязательнымъ для мужчинъ. А по общему правилу, ученіе великаго проповѣдника вело къ миру, а не къ страсти, къ почтительности, а не къ гордости, къ довольству малымъ, а не къ жаждѣ многаго, къ уединенію, а не къ общественной жизни, къ усердію, а не къ лѣни, къ довольству, а не къ ссорамъ. Женщинамъ предписывалось множество ограниченій относительно одежды, украшенія тѣла и лица, привычекъ, занятій и т. д. Тѣмъ не менѣе, Будда и его ученики часто пользовались гостепріимствомъ женщинъ, которыя должны были считать это для себя величайшимъ счастьемъ. Висакха, богатая благородная женщина изъ Саваттхи, просила, какъ милости, разрѣшенія раздавать одежду, пищу и лѣкарства приходящимъ и уходящимъ монахамъ. Будда отвѣтилъ ей слѣдующее: „Если женщина, ведущая праведную жизнь, ученица Блаженнаго, преодолѣвъ скупость, съ радостнымъ сердцемъ подастъ пищу и питье, — небесный даръ, уничтожающій печаль и прино-

сящій благословеніе, — то она достигнетъ небесной жизни и пойдетъ по дорогѣ, гдѣ нѣтъ грѣха и скверны. Стремясь къ добру, она сдѣлается счастливой, освободится отъ болѣзней и долго будетъ наслаждаться небеснымъ царствомъ".

Удивительно, какъ мало въ буддійской литературѣ говорится объ активномъ противодѣйствіи Буддѣ. Возможно, что это — намѣренное утаиваніе; однако, въ виду несомнѣннаго процвѣтанія буддизма, о серьезныхъ противникахъ было бы что-нибудь сказано, хотя бы для того, чтобы описать ихъ пораженіе. Буддизмъ зародился въ восточной части Индіи, гдѣ браманизмъ не пустилъ такихъ глубокихъ корней, какъ въ сѣверо-западной, и гдѣ возникли многочисленныя общины аскетовъ и различныя вольнодумныя секты. Необычайная набожность индусовъ, естественно, возбуждала въ нихъ уваженіе къ искателю религіозной истины, да еще такому, который отказался отъ мірскихъ благъ и ничѣмъ не нарушалъ общественной тишины и порядка. Въ сущности, браманскій аскетизмъ во многомъ сходенъ съ буддійскимъ. И только въ странѣ, гдѣ чрезмѣрныя притязанія брамановъ уже породили сомнѣніе и протестъ, Будда могъ выступить со своею строгою критикой на это ученіе.

Будда не признавалъ жертвоприношеній, ведійскихъ предписаній, кастъ. На вопросы брамановъ, гдѣ истинный путь, онъ, въ духѣ Сократа, объясняетъ, что ни одинъ ведійскій путь не привелъ брамана предъ лицо Брамы, не далъ ему познать ни самого Брамы, ни происхожденія Брамы, поэтому хваленая премудрость брамановъ лишь нелѣпость. „Тамъ, гдѣ рядъ слѣпцовъ держится другъ за друга, ничего не видитъ ни тотъ, кто впереди, ни тотъ, кто въ серединѣ, ни тотъ, кто сзади". Въ доказательство приводятся образные примѣры. Будда говоритъ, что пять причинъ мѣшаютъ браманамъ познать истину: нечестивое желаніе, злоба, лѣнь, гордость съ самообольщеніемъ и сомнѣніе. Брамѣ все это не свойственно, поэтому браманы никогда не могутъ соединиться съ нимъ. На вопросъ, какъ же достигнуть соединенія съ Брамой, Будда отвѣчаетъ, что время до времени въ мірѣ рождается несравненный учитель, руководитель смертныхъ, просвѣщенный, благословенный Будда. Онъ въ совершенствѣ понимаетъ міръ, боговъ и людей и сообщаетъ свою мудрость другимъ. „Онъ возвѣщаетъ правду съ ея внѣшней и внутренней стороны, правду, прекрасную въ своемъ началѣ, прекрасную въ своемъ развитіи, прекрасную въ своемъ окончаніи; онъ знакомитъ съ высшею жизнью во всей ея чистотѣ и совершенствѣ". Домохозяинъ, услышавшій истину и увѣровавшій въ Будду, заявляетъ: „Семейная жизнь полна препятствій, это — путь, запятнанный страстью. Жизнь того,

кто отказался отъ міровыхъ благъ, свободна, какъ воздухъ. Какъ трудно человѣку въ домашнемъ кругу жить высшей жизнью со всею ея полнотой, чистотой и совершенствомъ! Поэтому я лучше сбрею волосы и бороду, одѣну желтое платье и уйду отъ семейнаго очага на бездомную жизнь!" И вскорѣ, отказавшись отъ своей доли имущества, большой или малой, отказавшись отъ своей родни, большой или малой, онъ сбриваетъ волосы и бороду и уходитъ отъ семейнаго очага на бездомную жизнь.

„Сдѣлавшись, такимъ образомъ, затворникомъ, онъ ведетъ строгую жизнь, согласно правиламъ Паттимокки. Прямодушіе для него — наслажденіе, онъ видитъ опасность въ малѣйшей изъ вещей, которыхъ ему слѣдуетъ избѣгать; онъ укрѣпляется въ ученіи, окружаетъ себя святыми словами и дѣлами, онъ поддерживаетъ жизнь совершенно чистыми средствами: онъ ведетъ себя хорошо охраняетъ дверь своихъ чувствъ; онъ внимателенъ, сдержанъ и вполнѣ счастливъ". (Священныя Книги Востока.)

Будда также объясняетъ браманамъ сущность истиннаго жертвоприношенія и говоритъ: „Во времена оны, одинъ великій царь послѣ побѣды водворилъ миръ и благосостояніе въ своей странѣ и, чтобы искупить всякій грѣхъ, принесъ жертву, для которой не убили ни одного животнаго, не вырубили ни одного дерева, не сокрушили ни одной травки: въ жертву принесли только молоко, масло и медъ". Но по мнѣнію Будды, еще лучше и легче другая жертва: дары благочестивымъ монахамъ и постройка жилищъ для Будды и его общины. Высокую жертву уже приноситъ тотъ, кто принимаетъ ученіе Будды, еще выше — сдѣлаться монахомъ, но выше всего—получить освобожденіе и познаніе: „я больше не вернусь къ этому міру".

Насколько враждебныя аскетическія общины со своими руководителями открыто возставали противъ Будды, намъ неизвѣстно. Уже позднѣе у нихъ происходилъ взаимный обмѣнъ учтивости, на ряду съ попытками отнять другъ у друга вліятельную поддержку народа. Главное отличіе ученія Будды отъ ученія другихъ братствъ, это — отсутствіе самобичеванія, которое онъ считалъ мрачнымъ, недостойнымъ, неестественнымъ. Но жизнь, полная чувственныхъ наслажденій, по его мнѣнію, низка и недостойна. Совершенства нужно искать посрединѣ, на восьмеричномъ пути. Такимъ образомъ, Будда выяснялъ глубокую силу средняго теченія, и это обстоятельство, конечно, помогло ему образовать обширнѣйшую въ мірѣ религіозную общину.

Будда придерживался устной и разговорной формы поученій. Въ тѣ времена никто еще не помышлялъ о писательствѣ, и хотя изученіе книгъ было въ большомъ ходу, но единственнымъ прак-

тическимъ способомъ представлялось заучиваніе ихъ наизусть. И, конечно, нѣкогда сочли бы большимъ новшевствомъ, и, пожалуй, даже безразсудствомъ, если бы кто-либо взялся записать цѣлую книгу, когда такъ легко и просто запомнить ея содержаніе. Мы съ нашей, сравнительно слабой, памятью не можемъ даже представить себѣ того состоянія общества, когда ученые знали свои немногія книги наизусть тверже, чѣмъ мы усвоиваемъ какія бы то ни было свѣдѣнія. Устное преподаваніе имѣло тогда не меньше, пожалуй даже больше, значенія, чѣмъ во всякую другую историческую эпоху. Если описанія бесѣдъ Будды съ учениками и не вполнѣ точны, то они даютъ общій типъ его поученій. Въ противоположность Ведамъ, написаннымъ на санскритскомъ языкѣ, буддійскія книги — на народномъ діалектѣ. Говорятъ, что самъ Будда повелѣлъ, чтобы каждый изучалъ его слова на своемъ родномъ языкѣ.

Буддійскіе разсказы носятъ печать вѣка, которому свойственны были торжественныя пространныя разсужденія. Въ тѣ времена люди свободные или отказавшіеся отъ міра любили потолковать о причинахъ явленій природы, различныхъ смутъ или затрудненій. Они далеки были отъ нашей торопливой жизни, гдѣ каждой вещи отводится наименьшее количество времени. Принявшись за разсужденіе, индусы не спѣшили и вели его въ должномъ, стройномъ порядкѣ съ положенными церемоніями. Жаркій климатъ выработалъ въ нихъ медлительную и растянутую рѣчь. Они почти никогда не подыскивали сжатыхъ выраженій. Упанишады, написанныя раньше буддійскихъ книгъ или же одновременно съ ними, показываютъ, насколько въ эту эпоху развитъ былъ духъ отвлеченной философіи. Итакъ форма буддійскаго ученія обусловливалась свойствами наиболѣе образованныхъ индусовъ, которыя отразились на ведійской и послѣведійской литературѣ. Рѣчи, приписываемыя Буддѣ, затрогиваютъ различные вопросы и поясняются яркими примѣрами. Приводимъ нѣсколько образцовъ, дающихъ понятіе о методѣ его поученій.

Будда выражаетъ мысль, что внѣшнія чувства и предметы, постигаемые при ихъ посредствѣ, заглушаются горестями и скоротечностью земныхъ дѣлъ; онъ обращается съ рѣчью къ тысячѣ учениковъ или монаховъ, находящихся при немъ. „И сказалъ Благословенный своимъ ученикамъ: „Все, о ученики, объято пламенемъ. Но что же все, о ученики, объято пламенемъ? Глазъ, о ученики, объятъ пламенемъ; видимое объято пламенемъ; незнаніе видимаго объято пламенемъ; соприкосновеніе съ видимымъ объято пламенемъ; чувство отъ соприкосновенія съ видимымъ — будетъ ли то удовольствіе или страданіе, или ни то ни другое — также объято

пламенемъ. Какимъ же огнемъ воспламеняется все это? Воспламеняется это огнемъ желанія, огнемъ ненависти, огнемъ ослѣпленія, воспламеняется рожденіемъ, старостью, смертью, страданіемъ, грустью, печалью, горемъ, отчаяніемъ: такъ говорю я. Ухо объято пламенемъ" и т. д.; затѣмъ слѣдуетъ такое же подробное перечисленіе для чувствъ обонянія, вкуса, осязанія и для ума. Это длинное, на нашъ взглядъ, очень однообразное, разсужденіе, вѣроятно, восхищало слушателей. Далѣе въ немъ говорится: „Познавъ это, о ученики, мудрый служитель, идущій по благородному пути, начинаетъ тяготиться глазомъ, тяготиться видимымъ, тяготиться познаніемъ видимаго", и т. д., все перечисляется снова. „Когда онъ начинаетъ тяготиться всѣмъ этимъ, то освобождается отъ желанія; свободный отъ желанія, онъ получаетъ искупленіе; въ искупленномъ пробуждается познаніе: я искупленъ; конецъ возрожденію; святость достигнута, долгъ совершенъ. Нѣтъ болѣе возвращенія къ земной жизни, вотъ что онъ познаетъ". Послѣ этой рѣчи, умы цѣлой тысячи учениковъ освободились отъ привязанности къ міру. (*Oldenberg*).

Вотъ какъ описано обращеніе благороднаго юноши, который ранѣе уже былъ мысленно приготовленъ (Магавагга, I, 7, Свящ. Кн. Вост.).

„Въ то время жилъ въ Бенаресѣ сынъ казначея, благородный и хорошо воспитанный юноша, по имени Яза. У него было три дворца: одинъ для зимы, другой для лѣта, третій для дождливаго времени. Въ послѣднемъ дворцѣ онъ безвыходно проводилъ четыре дождливыхъ мѣсяца, въ обществѣ музыкантшъ, среди которыхъ не было ни одного мужчины. Однажды Яза, благородный юноша, одаренный пятью удовольствіями чувства, окруженный музыкантшами, заснулъ раньше обыкновеннаго. Вслѣдъ за нимъ заснули и его прислужницы. Всю ночь напролетъ горѣлъ масляный свѣтильникъ.

„Яза, благородный юноша, проснулся раньше обыкновеннаго и увидѣлъ, что его прислужницы еще спятъ. Одна изъ нихъ облокотилась на свою лютню, другая прислонилась затылкомъ къ своему тамбурину, третья прилегла на свой барабанъ. У одной растрепались волосы, у другой текла слюна изо рта, всѣ онѣ говорили со сна. Можно было подумать, что здѣсь находилось кладбище. Увидѣвъ это, Яза понялъ, какую дурную жизнь онъ велъ до тѣхъ поръ; умъ его сталъ тяготиться мірскими удовольствіями. И Яза, благородный юноша, воскликнулъ: „Увы, какое горе! Увы, какая опасность!"

„Тою же ночью онъ вышелъ и отправился искать Будду, который на зарѣ прогуливался. Ему онъ повѣдалъ свою печаль, а

Будда отвѣтилъ: „Здѣсь нѣтъ печали, Яза, здѣсь нѣтъ опасности! Иди сюда, Яза, садись! Я повѣдаю тебѣ истину“ (Дгамма). И Яза, благородный юноша, услышавъ, что нѣтъ печали, нѣтъ опасности, возрадовался и возвеселился и, надѣвъ позолоченныя туфли, отправился къ мѣсту, гдѣ находился Благословенный. Приблизившись къ нему и почтительно поклонившись, онъ сѣлъ около него. Тогда Благословенный сталъ проповѣдывать ему, какъ подобало, т. е. говорилъ о заслугахъ, достижимыхъ при подачѣ милостыни, о нравственныхъ обязанностяхъ, о небесахъ, о злѣ, о тщеславіи, о грѣховности желаній и о блаженствѣ отрѣшенія отъ желаній.

„Когда Благословенный увидѣлъ, что умъ Язы, благороднаго юноши, приготовленъ, открытъ для впечатлѣнія, освобожденъ отъ препятствій, возвышенъ, способенъ воспринять вѣру, тогда онъ повѣдалъ ему главную буддійскую доктрину, именно о страданіи, о причинѣ страданія, о прекращеніи страданія, о пути“. Яза сдѣлался послушникомъ, а потомъ монахомъ. Отецъ его также познালъ истину. Вотъ какъ говорится объ этомъ: „Казначей-домохозяинъ, увидѣвъ истину, добившись истины, проникнувшись истиной, преодолѣвъ неизвѣстность, разсѣявъ сомнѣнія, достигнувъ полнаго познанія, достигнувъ независимости въ познаніи доктрины Учителя, сказалъ Благословенному: „Славный владыка! славный владыка! Словно возстановляя то, что было низвержено, словно разъясняя то, что было скрыто, словно показывая дорогу заблудившемуся, словно внося свѣтъ въ темную комнату, такъ Благословенный проповѣдывалъ свое ученіе. Мое прибѣжище — Благословенный, истина и монашеская община. Пусть же Благословенный приметъ меня съ нынѣшняго дня и до конца моей жизни, какъ ученика, считающаго его своимъ прибѣжищемъ“. Таковы типичные разсказы. Неизвѣстно, было ли излишнимъ примѣняться къ частнымъ случаямъ или же частности утратились въ изложеніи, но буддійская литература даетъ только общее ученіе. Есть лишь единое простое и послѣдовательное ученіе, а единое прибѣжище для тѣхъ, кто достигаетъ полнаго познанія, это — присоединеніе къ монашеской общинѣ.

Доказывая какое-либо положеніе ученому лицу, Будда употребляетъ нѣчто въ родѣ метода Сократа. Такъ, напримѣръ, разсуждая съ браманами, онъ спрашиваетъ: „Есть ли у Брамы жены и богатство?“ — „Нѣтъ, господинъ“. „Подверженъ ли Брама гнѣву?“ — „Нѣтъ, господинъ!“ „Есть ли въ немъ коварство?“ — „Нѣтъ, господинъ!“ „Есть ли въ немъ испорченность?“ — Нѣтъ, господинъ!“ „Владѣетъ ли онъ собою?“ — „Владѣетъ, господинъ“. „Теперь, какъ же вы думаете, имѣютъ ли браманы, знатоки Ведъ, женъ и богатство?“ — „Имѣютъ, господинъ!“ Далѣе идутъ тѣ же

вопросы, которые приводятъ къ торжественному заключенію: „можетъ ли быть сходство и тождество между браманами, у которыхъ есть жены и имущество, и Брамой, у котораго ничего этого нѣтъ?“

Въ буддійскомъ ученіи часто встрѣчаются притчи и сравненія: приводимъ нѣкоторыя изъ нихъ.

„Если у курицы бываетъ десять или двѣнадцать яицъ и она должнымъ образомъ высиживаетъ ихъ, должнымъ образомъ садится на нихъ и въ сердцѣ у нея возникаетъ мысль: „Хоть бы мои маленькіе цыплятки разбили скорлупу своими коготками или клювиками и благополучно вышли на свѣтъ!“—то всѣ маленькіе цыплятки пробьютъ скорлупку коготками или клювиками и благополучно выйдутъ на свѣтъ Божій. Такъ же точно братъ, одаренный пятнадцатикратной рѣшимостью, навѣрно выйдетъ на свѣтъ, навѣрно достигнетъ высшей мудрости, навѣрно достигнетъ верховной защиты“. Мораль отсюда та, что, несмотря на сомнѣнія курицы или вѣрующаго, слѣдствія опредѣлены ихъ поступками. (Свящ. Кн. В. XI.)

Самъ Будда говоритъ: „Я скажу вамъ притчу. Мудрые люди понимаютъ смыслъ сказаннаго притчей“. Его собственное ученіе сравнивается съ лѣченіемъ врача, который извлекаетъ изъ ранъ отравленныя стрѣлы и лѣкарствами парализуетъ ядъ. Подобно тому, какъ цвѣтокъ лотоса поднимаетъ изъ озера головку, до которой вода не касается, такъ и Будда не касается нечестія міра. Вотъ еще отрывокъ изъ распространенной притчи: „О, ученики, въ лѣсу, на склонѣ горы, лежитъ низменная, влажная мѣстность, гдѣ живетъ большое стадо оленей. Приходитъ человѣкъ, который желаетъ оленямъ зла, бѣды, опасности. Онъ закрываетъ хорошую, удобную и пріятную для нихъ дорогу и открываетъ имъ новую, болотистую тропинку. Отъ этого большое стадо оленей терпитъ бѣду и опасность, убываетъ. Но теперь, о ученики, если придетъ человѣкъ, который желаетъ этому большому стаду оленей процвѣтанія, благополучія и безопасности, расчиститъ для нихъ хорошую безопасную дорогу, уничтожитъ ложный путь, болотистую тропинку, то большое стадо оленей будетъ благоденствовать, расти и множиться. Я говорилъ вамъ, о ученики, притчей, чтобы повѣдать мою мысль. А моя мысль такова: большое болото и вода, о ученики, это — удовольствія; стадо оленей, это — живые люди. Человѣкъ, который желаетъ бѣды и погибели, это — злой Мара. Ложный путь, это — восьмеричный ложный путь: ложная вѣра, ложная рѣшимость, ложное слово, ложное дѣло, ложная жизнь, ложное стремленіе, ложные помыслы, ложное созерцаніе. Болотистая дорога, это — удовольствіе и желаніе; боло-

тистая тропинка, это — невѣжество. Человѣкъ, который желаетъ благосостоянія, процвѣтанія, спасенія, это — Совершенный, Святой, Высшій Будда. Безопасная хорошая дорога, по которой удобно идти, это — восьмеричный путь" и т. д.

„Все, что учитель который хочетъ спасенія своихъ учениковъ, который жалѣетъ ихъ, долженъ дѣлать изъ состраданія къ нимъ, все это я дѣлалъ для васъ". *(Oldenberg)*. Басни также нерѣдко введены въ рѣчи Будды.

Книга о великой кончинѣ.

Преданія о послѣднихъ событіяхъ изъ жизни Будды и объ его смерти изложены въ „Книгѣ о Великой Кончинѣ", которая, какъ надо полагать, относится къ концу 4-го и началу 3-го вѣка до Р. Х., т. е. составлена лѣтъ черезъ сто послѣ смерти Будды. Авторъ ея неизвѣстенъ. Годъ смерти Будды въ ней не указанъ, но видно, что онъ прожилъ около восьмидесяти лѣтъ и сорокъ-четыре года проповѣдывалъ свое ученіе міру. Эта книга описываетъ его путешествіе изъ столицы Магадхи, Раджагахи, въ новую столицу, Паталипутту (Патну), которой онъ предсказалъ будущее величіе. Въ разсказы о предсмертныхъ событіяхъ введены рѣчи и наставленія Будды, произнесенныя, вѣроятно, гораздо раньше. Въ пути Будда сильно заболѣлъ, но на время силою воли превозмогъ свои страданія, такъ какъ желалъ попрощаться съ общиной. Онъ говорилъ Анандѣ, что не хочетъ долѣе господствовать надъ общиной, не хочетъ, чтобы община была ему подчинена. „Теперь, о Ананда, я — старикъ, прошедшій свой жизненный путь и достигшій его предѣла: мнѣ будетъ восемьдесятъ лѣтъ. Ветхую повозку можно двигать только съ особою осторожностью, Ананда; такъ лишь съ особою осторожностью можетъ передвигаться теперь тѣло Просвѣтленнаго". Будда совѣтовалъ ученикамъ искать прибѣжища въ самихъ себѣ, а не въ другихъ, и, главное, — учиться. Послѣ того явился къ нему искуситель Мара, нашептывая, что онъ можетъ добровольно тотчасъ же умереть, такъ какъ завершилъ всѣ свои дѣла. Но Будда рѣшилъ прожить еще три мѣсяца. „Итакъ Благословенный обдуманно и сознательно отвергъ предложенный ему срокъ жизни, при этомъ произошло страшное землетрясеніе и раздался оглушительный громъ". Созвавъ учениковъ, Будда въ послѣдній разъ изложилъ имъ главныя основы своего ученія и закончилъ слѣдующими словами:

„Мой вѣкъ созрѣлъ, близка цѣль моей жизни. Я оставляю васъ, я ухожу. Бодрствуйте, братья! ведите святую осмысленную

жизнь! Будьте стойкими! берегите свои сердца! Кто неутомимо поддерживаетъ истину и законъ, тотъ пройдетъ житейское море и положитъ конецъ огорченію".

Будда продолжалъ путешествіе, но черезъ нѣсколько дней заболѣлъ дезинтеріей, сопровождавшейся жестокими страданіями, которыя онъ переносилъ безъ стоновъ и жалобъ. Наконецъ, онъ пришелъ въ Кусинару; тамъ онъ скончался, не переставая до послѣдней минуты вербовать новыхъ учениковъ. Послѣднія его слова были: „Истинно, истинно говорю вамъ, братья, все на свѣтѣ скоротечно. Итакъ заботьтесь о своемъ спасеніи". Смерть его сопровождалась громомъ и землетрясеніемъ и, какъ гласитъ преданіе, верховный Богъ, или Первопричина, Брама, устами почтеннаго ученаго Ануруддхи, произнесъ нѣсколько характерныхъ буддійскихъ истинъ:

„Когда мудрецъ, свободный отъ ненасытныхъ желаній, достигшій спокойнаго состоянія Нирваны, завершалъ свое житейское поприще, то никакая борьба не смущала его стойкаго сердца".

„Непоколебимый, полный рѣшимости, восторжествовалъ онъ надъ страданіемъ и смертью. Какъ гаснетъ яркое пламя, такъ освободился онъ отъ жизненныхъ узъ".

Знать Кусинары похоронила Будду съ почестями, достойными царя царей. Тѣло его завернули въ пятьсотъ новыхъ бумажныхъ и шерстяныхъ савановъ, уложили въ два желѣзныхъ ящика и предали сожженію на благовонномъ кострѣ. Легенда добавляетъ, что отъ него не осталось ни пепла, ни сажи, а однѣ лишь кости. Толпы вѣрующихъ пожелали имѣть мощи Будды, которыя были раздѣлены на восемь частей, и надъ каждою изъ нихъ былъ воздвигнутъ курганъ.

ГЛАВА VI.

Буддійское ученіе и священныя книги.

Реакція на браманизмъ.—Страданіе и незнаніе.— Вѣчно неизмѣнный.—Суета житейская.—Причинная связь.—Отвѣтственность человѣка.—Наказаніе за грѣхи.—Душа.—Нирвана.—Нравственные принципы.—Запрещенія.—Милосердіе.— Благотворительность.—Власть надъ собою.— Искушеніе.—Мара.—Борьба и побѣда души.—Созерцаніе.—Четыре ступени.—Личность Будды.—Буддійское священное писаніе.— Дгаммапада.

Буддійское ученіе, которое стремится дать счастье и прекратить страданія, по-настоящему, можно назвать философіей пессимизма и отрицанія. Оно явилось естественною реакціей противъ браманскихъ притязаній на всевѣдѣніе и всемогущество. Буддисты приписываютъ себѣ только одно познаніе, а именно—познаніе пути къ уничтоженію страданій и къ Нирванѣ. Страданіе, на которое сѣтуетъ Будда, это не только несчастье и бѣдствія, но также недостаточная власть людей надъ своимъ тѣломъ и сознаніемъ. Все на свѣтѣ скоротечно, и это то же горе; слѣдовательно, человѣкъ не можетъ быть увѣренъ въ себѣ и говорить: „Это мое, это я, это я самъ". Коренная причина здѣсь — незнаніе. Мы сходимся съ буддистами въ томъ взглядѣ, что незнаніе часто, если не всегда, лежитъ въ основѣ зла. Но буддисты даютъ совсѣмъ своеобразное объясненіе и сводятъ все къ незнанію ихъ четырехъ священныхъ истинъ.

Нѣкоторые совершенно ошибочно ищутъ признаковъ нигилизма въ буддійской философіи, которая хотя и отличается узкимъ характеромъ, но имѣетъ и свои положительныя стороны. Она обращаетъ взоръ къ высочайшему и постоянному существованію, признавая Вѣчно-Неизмѣннаго, который въ высшей степени свободенъ и блаженъ. Онъ—единственное для людей прибѣжище отъ страданія, гдѣ ни рожденіе, ни смерть, ни перемѣна, ни разрушеніе не имѣютъ мѣста. Человѣкъ долженъ искать освобожденія отъ превратнаго и возвращаться къ Неизмѣнному. Ведетъ ли это къ вѣчному существованію или нѣтъ, остается невыясненнымъ. Будда никогда не претендовалъ на познаніе и даже, скорѣе, допускалъ обратное. Цѣль и счастье своихъ послѣдователей онъ усматри-

валъ въ томъ, чтобы они достигли „освобожденія“, избавленія отъ страданій, единенія съ Неизмѣннымъ.

Понятіе о суетѣ житейской, такъ сжато выраженное ветхозавѣтнымъ проповѣдникомъ, нашло особенно обширную разработку въ буддійскихъ книгахъ. Для образца приводимъ отрывокъ: „странствованіе существъ, о ученики, ведетъ начало отъ вѣчности. Нельзя опредѣлить начала мученій и странствованій людей, которые погружены въ незнаніе и томятся жаждой бытія. Какъ вы думаете, о ученики, чего больше: воды въ четырехъ великихъ океанахъ или слезъ, пролитыхъ вами, когда вы странствовали и скитались по этому обширному міру и скорбѣли и плакали о томъ, что вы получаете все, что ненавидите и не получаете того, что любите? Смерть матери, смерть отца, смерть брата, смерть сестры, смерть сына, смерть дочери, потеря родственниковъ, потеря имущества—таковъ былъ долгое время вашъ удѣлъ. А испытывая это долгое время, странствуя и скитаясь по этому обширному міру, плача и скорбя о томъ, что вы получали все, что ненавидѣли, и не получали того, что любили, вы пролили больше слезъ, чѣмъ воды въ четырехъ великихъ океанахъ“ (*Oldenberg*). Въ такомъ же духѣ говорится и о другихъ земныхъ дѣлахъ.

Дгаммапада, замѣчательный сборникъ буддійскихъ афоризмовъ, пословицъ и сравненій, существовавшій еще до второго собора, который состоялся въ 377 г. до Р. Х., содержитъ много выразительныхъ изреченій грустнаго характера. Напримѣръ: „человѣкъ собираетъ цвѣты, сердце его полно радости; вдругъ, какъ наводненіе, которое сразу затопляетъ деревню, такъ приходитъ смерть и уноситъ его“.—„Какъ вы можете веселиться? Какъ вы можете заботиться о наслажденіяхъ? Пламя горитъ вѣчно. Мракъ окружаетъ васъ. Отчего вы не ищете свѣта?“—„Считай міръ игрушкой, считай его миражемъ“. — „Сладострастія не утолишь и дождемъ золотыхъ монетъ“.— „Человѣкъ не долженъ ничего любить; потеря любимаго есть несчастіе. Кто ни къ чему не питаетъ ни любви ни ненависти, тотъ не связанъ узами“. — „Любовь порождаетъ страданіе, любовь порождаетъ страхъ“. Однако, на ряду съ грустными размышленіями развивается знамя радости: изучившій буддійскія истины одолѣваетъ несчастье и достигаетъ счастья. „Добродѣтельный человѣкъ счастливъ въ этомъ мірѣ и счастливъ въ будущемъ. Онъ счастливъ въ обоихъ мірахъ. Онъ счастливъ при мысли, что онъ совершилъ добро, а еще болѣе счастливъ тѣмъ, что идетъ по истинному пути“.—„Ревностный среди беззаботныхъ, бодрствующій среди спящихъ, мудрый человѣкъ подвигается, какъ рысакъ, опережающій всѣхъ“.—„Человѣкъ не долженъ легко относиться къ добру и говорить въ своемъ сердцѣ: оно въ меня не

войдетъ. Даже капли воды наполняютъ сосудъ; мудрый человѣкъ исполнится добра и въ томъ случаѣ, если будетъ собирать его понемногу". — „Будемъ жить счастливо, безкорыстно среди корыстолюбцевъ".— „Добрыя дѣла встрѣчаютъ того, кто ихъ совершалъ и перешелъ изъ этого міра въ другой, какъ родственники возвратившагося друга".

Ученіе о причинной связи не преподавалось народу, а предназначалось только для самыхъ образованныхъ буддистовъ. Европейскому уму оно кажется смутнымъ, бездоказательнымъ, противорѣчивымъ. Буддизму не удалось разрѣшить философскихъ вопросовъ, хотя онъ и затрагивалъ ихъ суть. Древніе буддисты полагали, что тѣло, воспріятіе и представленіе исчезаютъ, не исчезаетъ только невидимое, вѣчное, всепросвѣщающее познаніе. Оно состоитъ изъ особаго духовнаго вещества или элемента и послѣ смерти стараго существа становится зародышемъ новаго. Рядъ возрожденій продолжается до тѣхъ поръ, пока не наступитъ „освобожденіе", о которомъ учитъ буддизмъ.

Буддизмъ проводитъ ту мысль, что человѣкъ, независимо отъ условій своего предыдущаго состоянія, несетъ отвѣтственность за свои поступки. Подобно тому, какъ и въ христіанской Библіи, въ буддійскихъ книгахъ говорится: „Ни на небѣ, ни среди моря, ни въ горныхъ пещерахъ, нигдѣ не можешь ты скрыться отъ послѣдствій своихъ злыхъ дѣлъ" (Дгаммапада, V, 127).

Даже на пути къ освобожденію человѣкъ терпитъ наказаніе за грѣхи, которыхъ онъ еще не искупилъ. Такъ, напримѣръ, одинъ разбойникъ, сдѣлавшійся буддійскимъ монахомъ, получилъ жестокій припадокъ во время сбора милостыни, и Будда повѣдалъ ему, что это онъ понесъ возмездіе за свои грѣхи, иначе ему пришлось бы мучиться тысячу лѣтъ въ аду. Между прочимъ, описывается одна сцена суда. Злой человѣкъ былъ приведенъ изъ ада къ царю Ямѣ, который раньше всего спросилъ его, видѣлъ ли онъ на землѣ пять явленій человѣческой немощи и страданія: ребенка, старика, больного, подсудимаго и покойника, а затѣмъ—подумалъ ли онъ о томъ, что и его не минуетъ старость и смерть, вслѣдствіе чего онъ долженъ творить добро словомъ, дѣломъ и помышленіемъ. Человѣкъ сознается въ томъ, что позабылъ свои обязанности, и Яма говоритъ ему, что онъ одинъ отвѣтственъ за свои грѣхи и долженъ пожинать ихъ плодъ. Адскіе стражи опять уводятъ его и подвергаютъ сильнѣйшимъ физическимъ пыткамъ, которыя окончатся смертью лишь тогда, когда грѣхъ будетъ вполнѣ искупленъ.

Слѣдующій отрывокъ иллюстрируетъ буддійское ученіе о причинной связи: «Кто въ истинѣ и мудрости постигаетъ происхо-

жденіе вещей въ этомъ мірѣ, для того въ этомъ мірѣ не существуетъ: „этого нѣтъ“. Кто въ истинѣ и мудрости постигаетъ уничтоженіе вещей въ этомъ мірѣ, для того въ этомъ мірѣ не существуетъ: „это есть“... Тамъ, гдѣ что-нибудь зарождается, зарождается горе; тамъ, гдѣ что-нибудь проходитъ, проходитъ и горе. „Все есть“ — вотъ одна крайность. „Ничего нѣтъ“ — вотъ другая крайность. Совершенный, далекій отъ этихъ обѣихъ крайностей, провозглашаетъ истину посрединѣ. Отъ незнанія происходятъ формы (санкхары), которыми обусловливаются дальнѣйшія измѣненія. Всякое понятіе, всякое условіе, тѣлесное или духовное, само по себѣ есть санкхара; всѣ онѣ временны и подчинены закону причинной связи. Дальше этого буддизмъ не пытается идти: онъ не знаетъ, какъ совершилось мірозданіе, не задается даже вопросомъ, наступитъ ли когда-нибудь конецъ міра, или нѣтъ.

Буддійское ученіе также не допускаетъ существованія души отдѣльно отъ тѣла; оно признаетъ только скомбинированное, видимое, сознательное и страдающее существо и за этими предѣлами не вдается въ объясненія. Буддизмъ считаетъ, что страданіе было, есть и будетъ, но не опредѣляетъ, что такое вѣчная душа, которая страдаетъ. Все земное подвластно причинной связи.

Будда училъ, что состоянія Нирваны можно достигнуть и до смерти, поэтому Нирвану нельзя отождествлять съ уничтоженіемъ. Буквальное значеніе этого слова — погашеніе, но это лишь погашеніе желаній, страданія, заблужденія, незнанія. Состояніе Нирваны называется вѣчнымъ, но что значитъ вѣчное состояніе — объ этомъ древній буддизмъ умалчиваетъ. Вѣроятно, правильнѣе всего понимать Нирвану, какъ совершенство, котораго буддисты могутъ достигнуть въ этомъ мірѣ. „Все, что можно было погасить, онъ погасилъ: огонь вожделѣнія, ненависти, заблужденія“. Достигнувъ такого состоянія, благочестивый ученикъ говоритъ: „Я не жажду смерти, я не жажду жизни; я жду, чтобъ пробилъ мой часъ, какъ слуга ждетъ уплаты жалованья“. У буддистовъ уничтоженіе сознанія, въ сущности, предшествуетъ смерти; оно въ ихъ понятіи связывается съ воображаемымъ совершенствомъ, которое не поддается никакому описанію. Однако, никому не возбраняется лелѣять надежду на вѣчное существованіе и на полное счастье.

Нравственное ученіе Будды, обязательное для всѣхъ его послѣдователей, еще не исчерпываетъ несмѣтнаго количества правилъ буддійской монашеской общины. Довольно любопытно, что въ такую древнюю культурную эпоху сложились правила нравственности, не основанныя на послушаніи Верховному Властителю міра или Творцу и не предписывающія людямъ никакихъ обязанностей по отношенію къ Нему. Всѣ они носятъ вполнѣ утилитарный харак-

теръ и обусловливаютъ блаженство или же наказаніе человѣка. Будда не отвергалъ никого изъ жаждавшихъ познать истину, но отсюда не слѣдуетъ, что буддизмъ предназначался для всего человѣчества, давалъ общіе для всѣхъ людей принципы или проповѣдывалъ освобожденіе всѣмъ безъ изъятія. Но какъ бы то ни было, это не помѣшало широкому развитію буддійской общины; а то обстоятельство, что буддійская проповѣдь относилась только къ такимъ лицамъ, которыя сознавали свое грѣховное состояніе и желали освобожденія, послужило стимуломъ для остальной массы, поскольку ея умственное развитіе допускало стремленія къ лучшему. Буддизмъ не училъ всѣхъ людей безъ разбора, всегда и вездѣ, какъ имъ вести себя и что дѣлать; только тѣмъ, кто желалъ вступить въ число свѣтскихъ учениковъ или же нищенствующихъ монаховъ, давалась система ограниченій, включающая нравственныя обязанности, которыя должны были поднять общій уровень развитія. Итакъ выработался взглядъ: „Кто говоритъ или дѣйствуетъ при нечистыхъ помыслахъ, за тѣмъ слѣдуетъ горе, какъ колесо за упряжной лошадью. Кто говоритъ или дѣйствуетъ при чистыхъ помыслахъ, того, какъ тѣнь, неразлучно сопровождаетъ радость“.

Высокій восьмеричный путь отъ третьей и до шестой своей части включительно относится къ нравственности; тогда какъ первая и вторая — правильные взгляды, далекіе отъ суевѣрія и заблужденій, истинныя цѣли и истинные помыслы, достойные разумнаго человѣка, — касаются умственной жизни. Третья часть, означающая истинную рѣчь, вполнѣ правдивую и привѣтливую; четвертая — истинное поведеніе, честное и мирное; пятая — честный заработокъ, не причиняющій никому вреда, и шестая — истинное стремленіе, власть надъ собою, самообуздываніе — вотъ итогъ буддійской нравственности. Седьмая и восьмая части — мышленіе и созерцаніе — носятъ отвлеченный характеръ. Всѣ нравственные принципы сводятся къ честности въ словахъ, дѣлахъ и помышленіяхъ; но также указывается на высокое значеніе мудрости, которая составляетъ вѣнецъ честности.

Значительная часть буддійскаго моральнаго кодекса состоитъ изъ запрещеній. Указаны пять особыхъ препятствій, которыя нужно преодолѣвать, а именно: вожделѣніе, злобу, лѣность, самообольщеніе или гордость и сомнѣніе. Часто повторяются пять главныхъ заповѣдей: 1) не убивать живыхъ существъ, 2) не красть, 3) не вести порочной жизни, 4) не лгать и 5) не употреблять опьяняющихъ напитковъ. Для монаховъ существуютъ еще дополнительныя правила, въ родѣ слѣдующихъ: „Онъ долженъ отложить въ сторону дубину и мечъ и относиться ко всѣмъ живымъ

существамъ съ кротостью и состраданіемъ. Того, что онъ услышитъ въ одномъ мѣстѣ, онъ не долженъ повторять въ другомъ, чтобы не вызвать ссоры... Ему надлежитъ соединять разошедшихся, поощрять друзей, примирять людей, любить миръ... Онъ можетъ произносить только учтивыя, ласкающія слухъ, доходящія до сердца, пріятныя для людей слова... Отклоняя пустую болтовню, онъ воздерживается отъ тщеславныхъ разговоровъ. Онъ говоритъ во-время, говоритъ то, что есть, говоритъ дѣло... Все, что ведетъ къ благу, хорошо и разумно. Онъ не причиняетъ вреда ни травкѣ, ни живому существу. Онъ ѣстъ разъ въ сутки, воздерживается отъ пляски, пѣнія, музыки и театральныхъ зрѣлищъ" (Св. Кн. Востока, XI).

Добродѣтель, которую проповѣдуетъ буддизмъ, представляетъ лишь нѣкоторое подобіе христіанской любви, но это скорѣе уничтоженіе ненависти, чѣмъ истинная любовь. Такъ, напримѣръ, говорится: „Кто удерживаетъ закипающій гнѣвъ, какъ колесницу на полномъ ходу, того я назову настоящимъ возницей... Пусть человѣкъ преодолѣваетъ въ себѣ гнѣвъ, пусть побѣждаетъ зло добромъ, алчнаго — щедростью, лжеца — правдою". — „Вражды въ этомъ мірѣ нельзя прекратить враждою; конецъ ей можетъ положить только примиреніе. Такъ было во всѣ времена". Въ подтвержденіе этого въ Магаваггѣ приводится цѣлая исторія.

Буддійское милосердіе существенно отличается отъ христіанскаго уже тѣмъ, что тѣло буддиста, которое терпитъ обиды отъ другихъ, не считается принадлежащимъ ему, поэтому онъ не питаетъ злобы къ своимъ обидчикамъ. „Я отношусь одинаково и къ тѣмъ, кто причиняетъ мнѣ страданія, и къ тѣмъ, кто причиняетъ мнѣ радость. Привязанности и ненависти я не знаю. Я не поддаюсь ни радости, ни горю; при почетѣ и при безчестіи я одинаковъ". Это милосердіе не есть внезапная симпатія, которая зарождается въ сердцѣ добраго человѣка, а лишь результатъ предумышленныхъ умственныхъ упражненій. Говорятъ, что оно оказывало чуть ли не магическое вліяніе, устанавливало гармоническія отношенія между буддистами съ одной стороны и всѣми людьми и даже животными — съ другой.

Что касается благотворительности, которая пользовалась такимъ уваженіемъ у христіанъ, то, хотя съ внѣшней стороны она играла не менѣе видную роль въ древнемъ буддизмѣ, но характеръ ея проявленій былъ иной. Въ Индіи въ тѣ времена не много было бѣдняковъ, нуждавшихся въ хлѣбѣ насущномъ или въ заработкѣ, и о высокой христіанской благотворительности тамъ не могло быть и рѣчи. Самое присоединеніе къ буддійской общинѣ связано было съ отреченіемъ и освобождало семейныхъ людей отъ

обязательствъ по отношенію къ роднымъ. Но едва ли можно н
звать это отреченіе благотворительностью, такъ какъ оно не имѣ
цѣлью облагодѣтельствовать кого-нибудь. Изъ всѣхъ буддисто
наибольшей благотворительностью, въ сущности, отличались в
рующіе міряне, которые дѣлали щедрые подарки какъ отдѣ
нымъ монахамъ, такъ и всей общинѣ, выполняя такимъ путе
свои религіозныя обязанности, такъ что и это не можетъ бы
названо благотворительностью въ собственномъ смыслѣ сло
Вообще, въ первобытномъ буддизмѣ благотворительность была з
слонена болѣе настоятельной и глубокой необходимостью отреч
нія отъ мірскихъ благъ. Даже вѣрующіе міряне не должны бы
считать своимъ того, что могли дать въ пользу общины. Ра
сказы нѣсколько болѣе поздняго періода также проводятъ мысл
что отреченіе отъ жены и дѣтей — лишь ничтожная жертва д
достиженія высшаго блаженства. Итакъ мы видимъ, что не бл
готворительность оказала главное вліяніе на распространеніе бу
дизма.

Буддисты считаютъ, что власть надъ собою достигается п
темъ внутренней работы. „Пробуждай себя самъ, слѣди за собо
самъ... Обуздывай себя самъ, какъ наѣздникъ обуздываетъ хор
шую лошадь... Убей въ себѣ пять чувствъ; оставь ихъ, подни
мись выше ихъ... Хорошо обуздывать тѣло, хорошо обуздыват
слово, хорошо обуздывать помыслы, хорошо обузданіе во всемъ"
(Св. Кн. В., X, Дгаммапада). Все надлежитъ дѣлать сознательно и
осмотрительно. За собою нужно слѣдить при всякомъ сношені
съ міромъ, при каждомъ сборѣ милостыни. Всѣ дурныя и преда
тельскія чувства необходимо подавлять.

Буддійская религія доказываетъ, что характеръ есть внутрен
ній міръ человѣка. „Все, что въ насъ есть, это — результатъ на
шихъ помысловъ, все основано на нашихъ помыслахъ, все сдѣлан
изъ нашихъ помысловъ", такъ гласитъ первый стихъ Дгаммапады

Искушеніе ассоціируется съ особымъ духомъ, такъ называе
мымъ Марой, который не считается первопричиной зла и не
счастья, такъ какъ этотъ вопросъ совершенно не разработанъ у
буддистовъ, а — лишь главнымъ искусителемъ въ словахъ, дѣлахъ
и помышленіяхъ. Подобно браманскому Ямѣ, онъ олицетворяетъ
смерть; онъ — царь смерти и въ то же время царь мірскихъ удо
вольствій. Основаніе буддійской общины нанесло смертельны
ударъ этому царству, поэтому Мара безпрестанно преслѣдуетъ
вѣрующихъ. Самому Буддѣ онъ предлагаетъ владычество надъ всею
землей, лишь бы онъ отказался отъ своей духовной миссіи. Три
дочери Мары: Желаніе, Страстность и Наслажденіе, искушали
Будду, но онъ устоялъ передъ ними. Въ разсказахъ, предназна-

ченныхъ для всего народа, Мара является вполнѣ реальнымъ существомъ; онъ не вѣченъ, но можетъ нападать на всякаго. Высшая буддійская философія усматриваетъ присутствіе Мары во всемъ, что подвержено перемѣнамъ. „Гдѣ есть глазъ и форма, гдѣ есть ухо и звукъ, гдѣ есть мышленіе и мысль, тамъ — Мара, тамъ горе" (*Oldenberg*). Подробности объ искусителѣ, сообщаемыя буддійскими книгами, не рисуютъ его великимъ или величественнымъ во злѣ. Нападки Мары на Будду и его послѣдователей сравнительно просты, такъ что ихъ не трудно отразить. Буддѣ въ видѣ искушенія предложено было царство, гдѣ онъ могъ бы осуществить то, что находилъ возможнымъ, т. е. „праведно царствовать, никого не угнетая и не допуская угнетенія, не страдая и не причиняя никому страданій", или же, взамѣнъ этого, — возможность превратить Гималаи въ золото. На это Будда отвѣтилъ: „Къ чему мудрому человѣку гора серебра или золота? Какъ можетъ тотъ, кто постигнулъ источникъ горя, поддаваться желаніямъ? Пусть тотъ, кто сознаетъ, что земное существованіе налагаетъ оковы, стремится освободиться отъ нихъ". Тогда злой Мара сказалъ: „Возвышенный знаетъ меня. Совершенный знаетъ меня". Затѣмъ, пораженный и смущенный, онъ удалился. По другимъ разсказамъ, Мара постоянно слѣдитъ за проявленіями чувствъ и добирается до мышленія. Эту постоянную осаду можно преодолѣть только постоянной же осмотрительностью, которая, подъ конецъ, заставитъ Мару отказаться отъ безуспѣшныхъ попытокъ.

Oldenberg изъ древнихъ буддійскихъ сказаній выводитъ слѣдующую характеристику искусителя Мары и борьбы человѣческихъ душъ съ цѣлью страданій: „Борьба не легка и продолжительна. Съ той минуты, когда въ сердцѣ впервые пробуждается увѣренность, что необходимо бороться, чтобы достигнуть освобожденія, и вплоть до окончательной побѣды, протекаетъ множество вѣковъ. Земные міры, небесные міры и адскіе міры проходятъ такъ же, какъ они зарождались и исчезали изъ каждой вѣчности. Боги и люди, всѣ живыя существа приходятъ и уходятъ, умираютъ и возрождаются. И въ этомъ безконечномъ круговоротѣ вещей существа, стремящіяся къ освобожденію, то побѣдно подвигаясь, то отступая назадъ, добиваются своей цѣли. Путь выходитъ за предѣлы взора, но въ немъ есть конецъ. Послѣ безчисленныхъ странствій по мірамъ и вѣкамъ, путникъ, наконецъ, видитъ передъ собою цѣль. Тогда къ его сознанію побѣды примѣшивается еще чувство гордости, такъ какъ онъ одержалъ ее собственными силами. Буддистъ не благодаритъ бога и не призываетъ его во время борьбы. Сами боги преклоняются предъ нимъ, а не онъ передъ богами".

Мѣсто молитвы въ буддизмѣ занимаетъ размышленіе, созерцаніе, возможное удаленіе отъ чувственнаго міра. Насколько оно вызывается искусственнымъ путемъ, мы увидимъ дальше. Буддійская литература указываетъ способы, которыми можно вызвать самосозерцаніе, и эти способы часто приближаются къ патологическому, т. е. болѣзненному состоянію. Нѣтъ ничего мудренаго въ томъ, что галлюцинаціи чувствъ появляются у людей, которые, отказавшись отъ всякихъ семейныхъ привязанностей, обрекли себя на бездомную жизнь и исключительно предаются отвлеченному размышленію. Въ рѣдкихъ случаяхъ этимъ людямъ мерещатся божественные образы или божественные звуки; обыкновенно же, они доходятъ до такъ называемаго ясновидѣнія, при которомъ, какъ они утверждаютъ, духъ становится особенно утонченнымъ, гибкимъ и сильнымъ. Въ такомъ состояніи монахи, будто бы, могутъ ясно видѣть прошлое, даже свои собственныя прошлыя существованія, читать чужія мысли, могутъ получать чудодѣйственную силу, дѣлаться невидимыми и потомъ опять показываться на землѣ.

Сначала между монахами не различали степеней, кромѣ высшаго состоянія, свойственнаго тѣмъ, кто уже достигъ освобожденія. Впослѣдствіи же установлены были четыре степени: 1) низшая, къ которой относятся люди, достигшіе пути и уже не подверженные возрожденію въ низшихъ мірахъ (въ адахъ, въ мірахъ животныхъ и въ мірахъ духовъ); 2) тѣ, кто еще разъ должны возвратиться въ этотъ міръ, а именно: побѣдившіе въ себѣ желаніе, ненависть, легкомысліе; 3) не возвращающіеся, которые вступаютъ въ высшіе міры боговъ и достигаютъ Нирваны; 4) святые, или архаты. Однако, достиженіе этихъ степеней не давало монахамъ никакихъ преимуществъ въ общинѣ.

Особую степень занимаютъ люди, которые собственными силами достигли состоянія Будды и добились истины, приносящей освобожденіе. Они жили, въ большинствѣ случаевъ, ранѣе Сакіа-Муни, но не могутъ сравниться со „всемірными Буддами", къ числу которыхъ принадлежалъ и Гаутама.

Положеніе Будды характерно тѣмъ, что онъ не считается представителемъ невидимыхъ силъ или исполнителемъ воли Всевышняго, а лишь первымъ человѣкомъ, которому удалось достигнуть высшаго состоянія „Будды". Онъ преподавалъ другимъ истины, открытыя имъ самимъ, но люди лишь собственными усиліями и размышленіемъ могутъ достигнуть ихъ познанія. Однако, Буддѣ приписывается ни болѣе ни менѣе, какъ всевѣдѣніе и совершенство. Онъ самъ говоритъ: „Я побѣдилъ всѣхъ враговъ, я—премудрый, я—пренепорочный во всемъ какъ есть, я отрекся

отъ всего и достигъ освобожденія уничтоженіемъ желанія. Кого могу я назвать своимъ учителемъ, когда я собственными силами достигъ познанія? У меня нѣтъ учителя, никто не сравнится со мною. Ни на землѣ ни на небѣ нѣтъ подобнаго мнѣ. Я — святой въ мірѣ, я — величайшій учитель, я одинъ — совершенный Будда. Во мнѣ угасло всякое пламя, я достигъ Нирваны“ (Магавагга, Свящ. Кн. В., XIII). „Онъ приходитъ въ міръ для спасенія многихъ, для счастья многихъ, изъ состраданія къ міру, ради благословенія, спасенія, радости боговъ и людей“. Но не одинъ Будда достигъ этого высшаго состоянія: до него были и послѣ него будутъ еще многіе Будды. Всѣ они родомъ изъ восточной Индіи, изъ касты брамановъ или кшатріевъ (воиновъ). Ученіе ихъ держится болѣе или менѣе долго, послѣ чего вѣра на время пропадаетъ на землѣ. Итакъ Будда былъ родоначальникомъ новой религіозной жизни, но никакъ не богомъ или небеснымъ посланникомъ.

Буддійское священное писаніе.

Первое мѣсто среди буддійскихъ памятниковъ письменности занимаютъ древнѣйшія книги на палійскомъ языкѣ, сохранившіяся на о. Цейлонѣ. Онѣ сведены въ три сборника или такъ называемыя „Корзины“ (питаки). Первая изъ нихъ, или Виная-питака, содержитъ правила относительно внѣшней жизни монашеской общины. Вторая, Сутта-питака, представляетъ разнообразныя сочиненія въ формѣ суттъ, т. е. краткихъ выразительныхъ изреченій, въ которыхъ иногда приводятся слова Гаутама-Будды и легенды о предшествовавшихъ Буддахъ. Третья состоитъ изъ различныхъ разсужденій, перечисляетъ условія жизни и т. д.

Наибольшій интересъ и наибольшія литературныя достоинства представляетъ Дгаммапада (Путь Добродѣтели или Преддверіе Закона), изъ которой мы уже выше приводили отрывки. Названіе ея съ теченіемъ времени стало обозначать „религіозныя изреченія“ вообще. Время ея составленія, такъ же, какъ и составленія другихъ книгъ, по словамъ буддистовъ, было опредѣлено на первомъ соборѣ, который состоялся вскорѣ послѣ смерти Будды. Во всякомъ случаѣ она существовала до собора Асоки (около 242 г. до Р. Х.) и была привезена на Цейлонъ сыномъ царя Асоки, Магиндой. Буддисты вѣрятъ, что самъ Гаутама продиктовалъ Дгаммападу; но даже если не онъ ея авторъ (чего нельзя доказать), то она была написана вскорѣ послѣ его смерти однимъ или нѣсколькими лицами, не уступавшими ему въ дарованіи. Важно замѣтить, что во всемъ священномъ писаніи ни разу не упоми-

нается о соборѣ Асоки, но зато говорится о первомъ и втором соборахъ (въ Раджагахѣ и Весали), описаніе которыхъ мы нах димъ въ концѣ Чулавагги.

Приводимъ еще нѣсколько отрывковъ изъ Дгаммапады, чтоб помимо общаго характера, о которомъ мы уже говорили, выяснит ея литературныя особенности. Иногда въ ней встрѣчается догм тическое изложеніе, напримѣръ: „Кто хочетъ надѣть желт платье, не очистившись отъ грѣха, и кто при этомъ не поч таетъ воздержанія и истины, тотъ не достоинъ желтой одежды „Человѣкъ самъ совершаетъ зло, самъ страдаетъ, самъ искупае зло, самъ очищается. Чистое или нечистое состояніе зависи отъ самого человѣка; никто не можетъ очистить другого". „Нель считать хорошимъ такой поступокъ, въ которомъ человѣку пр ходится раскаиваться или за который онъ съ радостью и весел емъ получаетъ награду". „Никогда не говори грубо, а то те будутъ платить тѣмъ же".

Нѣкоторыя изреченія по глубокомыслію не уступаютъ Солом новымъ пословицамъ, напримѣръ: „Пусть мудрый человѣкъ охр няетъ свои мысли, такъ какъ за ними трудно услѣдить,—онѣ л кавы и устремляются куда попало". „Глупецъ, сознающій сво глупость, можетъ считаться мудрецомъ, но глупецъ, который мни себя мудрымъ, вполнѣ достоинъ своего званія". „Лучше побѣди себя, чѣмъ кого-нибудь другого". А вотъ порицаніе аскетизм „Ни нагота, ни заплетенные волосы, ни грязь, ни постъ, ни л жаніе на землѣ, ни натираніе пылью, ни неподвижное сидѣніе могутъ очистить смертнаго, который не подавилъ въ себѣ желаній

Эти афоризмы самаго разнообразнаго содержанія: „Дурные пагубные для насъ поступки легко совершать, а хорошіе — тру но". „Этотъ міръ теменъ; здѣсь лишь немногіе идутъ на неб подобно птицамъ, вырвавшимся изъ сѣти". „Здоровье — велича шее благо, довольство — лучшее богатство, довѣріе — лучш родство, Нирвана — высшее блаженство". „Если что-нибудь нуж сдѣлать, то пусть человѣкъ это дѣлаетъ, пусть усердно берет за дѣло. Безпечный пилигримъ только дальше разбрасываетъ пы своихъ страстей". Встрѣчаются также прекрасныя, очень мѣт сравненія, напримѣръ: „подобно тому, какъ пчела собираетъ ме и улетаетъ, не повредивъ ни яркихъ красокъ, ни запаха цвѣт такъ и мудрецъ долженъ жить въ своей деревнѣ". „Прекрасн слова, не осуществленныя на дѣлѣ, подобны красивому ярко цвѣтку безъ запаха". „Нѣтъ огня, подобнаго страсти, нѣтъ п товства, подобнаго ненависти, нѣтъ западни, подобной безум нѣтъ потока, подобнаго алчности". „Чужую вину легко замѣти а свою трудно. Человѣкъ молотитъ вину своего сосѣда, какъ

кину, а свою скрываетъ, какъ плутъ, который прячетъ невыгодную кость отъ игрока". „Если бы глупецъ хоть всю жизнь прожилъ съ умнымъ человѣкомъ, то не больше научился бы распознавать истину, чѣмъ ложка — вкусъ кушанья".

Разумѣется, тутъ тоже высказывается истина о всеобщемъ страданіи и о житейской суетѣ. „Скоро — увы! — это тѣло будетъ лежать въ землѣ, презрѣнное, несмысленное, какъ безполезный пень". „Подобно тому, какъ пастухъ загоняетъ коровъ въ хлѣвъ, такъ Время и Смерть гонятъ жизнь людскую". Старость описана слѣдующимъ образомъ: „Посмотри на этотъ разряженный чурбанъ, покрытый сплошными ранами, полный мыслей, но хилый и безсильный. Это больное тѣло истощено, эта гніющая куча разсыплется на куски, такъ какъ жизнь окончится смертью". „Считай міръ игрушкой, считай его миражемъ". Высказывается также мысль, что бодрствованіе и истинное познаніе охраняютъ человѣка. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ изреченій описанъ типъ стоика: „Я назову истиннымъ браманомъ того, кто никого не обижаетъ, кто терпитъ гнетъ и побои, кто выносливъ и силенъ. Вообще, истинный браманъ отличается возвышенными свойствами: онъ терпимъ съ нетерпимыми, кротокъ съ хулителями, безстрастенъ среди страстныхъ, онъ — человѣкъ мыслящій, искренній, свободный отъ сомнѣній и привязанностей и всегда довольный".

ГЛАВА VII.

Буддійская община.

Буддійская община.—Магавагга.—Собранія два раза въ мѣсяцъ.—Исповѣдь и покаяніе.— Строгія правила.— Буддійскій символъ вѣры.— Отсутствіе корпоративнаго устройства.— Отсутствіе главы послѣ Будды.— Соборы, или совѣты.— Ограниченіе пріема въ общину.— Форма пріема.— Средства къ жизни.— Четыре запрещенія.— Выходъ изъ общины.— Преимущества буддійской общины.— Отсутствіе золота и серебра.— Внѣшняя благопристойность.— Товарищество.— Руководители.— Чтенія и обсужденія.— Обособленность и любовь къ природѣ.— Малочисленность церемоній.— Почитаніе Будды.— Святыя мѣста.— Покаянныя собранія.— Чулавагга.— Проступки и наказанія.— Паварана, или приглашеніе.— Монахини, или сестры.— Міряне.— Тайный буддизмъ.— Карма.

Перейдемъ теперь къ великой общинѣ нищенствующихъ, или монаховъ, которая упрочила вліяніе Будды и распространила его ученіе. Въ самомъ началѣ своего поприща Будда основалъ братство, для котораго постепенно выработался рядъ правилъ. Первоначально великій проповѣдникъ самъ принималъ всѣхъ вѣровавшихъ въ новое ученіе, но съ расширеніемъ общины это право, естественно, было передано другимъ. Правила общины перечислены въ одной изъ древнѣйшихъ буддійскихъ книгъ, Магаваггѣ. Она начинается разсказомъ, въ которомъ приведены многія изъ первыхъ проповѣдей Будды и описаны различныя его чудеса.

Буддійскіе монахи стали устраивать собранія два раза въ мѣсяцъ: на новолуніе и на полнолуніе. Въ Индіи это время издревле считалось священнымъ и у брамановъ сопровождалось различными религіозными церемоніями. Главною цѣлью буддійскихъ собраній была взаимная исповѣдь и назначеніе покаяній за проступки. Былъ составленъ списокъ, предусматривавшій различныя прегрѣшенія; на каждомъ собраніи его читали вслухъ, вызывая по очереди всѣхъ присутствовавшихъ монаховъ, которые должны были на каждый пунктъ отвѣтить трижды: виновны они, или нѣтъ. Этотъ списокъ прегрѣшеній показываетъ, какимъ строгимъ правиламъ подчинены были буддійскія бикшу. Монахъ могъ строить хижину не болѣе извѣстнаго размѣра, не долженъ былъ имѣть лишнихъ платьевъ или лишней чаши, не долженъ былъ употреблять шелковой матеріи или шелковой цыновки. Платье ему пола-

галось носить шесть лѣтъ. Онъ не смѣлъ злоупотреблять гостепріимствомъ, оказаннымъ уже другому, и не смѣлъ вкушать болѣе одной трапезы въ общественномъ пріютѣ.

Членамъ общины полагалось ходить за милостыней въ полномъ чистомъ одѣяніи, безъ шума, безъ жестикуляціи, съ опущеннымъ взоромъ, съ непокрытою головой, соблюдая извѣстныя правила относительно получаемой ими пищи. Они не должны были проповѣдывать буддійскаго ученія лицамъ, которыя слушали ихъ въ неприличныхъ позахъ или сидя.

Послѣ смерти Будды выработана была система пріема въ монашескую общину. Вотъ символъ вѣры, который вскорѣ сдѣлался господствующимъ.

„Я вѣрю въ *Будду*: Онъ, Всемогущій, есть святой верховный Будда, Мудрый, Ученый, Благословенный, знающій міры, Верховный, укрощающій людей, какъ укрощаютъ дикихъ быковъ, Учитель боговъ и людей, возвышенный Будда.

„Я вѣрю въ *ученіе*: оно возвѣщено Возвышеннымъ, оно сдѣлалось явнымъ, оно не нуждается во времени, оно гласитъ: прійди и узри. Оно ведетъ къ благу, мудрый познаетъ его въ сердцѣ своемъ.

„Я вѣрю въ *общину*: община учениковъ Возвышеннаго живетъ должнымъ образомъ. Честную, праведную жизнь ведетъ община учениковъ Возвышеннаго, четыре пары, восемь классовъ вѣрующихъ. Община учениковъ Возвышеннаго достойна того, чтобы люди съ почтеніемъ простирали къ ней руки. Это высочайшее въ мірѣ убѣжище, гдѣ человѣкъ можетъ дѣлать добро.

„Я хочу жить по заповѣдямъ справедливости, которыя угодны святымъ, по заповѣдямъ ненарушимымъ, неизмѣннымъ, неимѣющимъ примѣсей, свободнымъ, неподдѣльнымъ, восхваляемымъ мудрецами и ведущимъ къ самоуглубленію".

Буддійская община, собственно говоря, никогда не отличалась корпоративнымъ устройствомъ, въ ней никогда не было верховной власти или же выборнаго совѣта. Будда не назначилъ себѣ преемника, намѣстника. Въ ту эпоху человѣчество еще не выработало понятія объ общемъ авторитетѣ, вліяніе котораго простиралось бы на самыя различныя и отдаленныя мѣстности. Единственная уловка, къ которой прибѣгали монахи, состояла въ томъ, что всякое нововведеніе они приписывали самому Буддѣ. Онъ одинъ лишь пользовался авторитетомъ, поэтому можно было разсчитывать, что всѣ приписываемыя ему заповѣди будутъ выполняться. Новыя постановленія удавалось также проводить на соборахъ, или совѣтахъ, которые нельзя сравнивать съ христіанскими вселенскими соборами, такъ какъ въ нихъ принимали участіе только монахи одного какого-нибудь центра, а не предста-

вители всѣхъ буддійскихъ діоцезъ. На первомъ соборѣ, который состоялся въ Раджагахѣ вскорѣ послѣ смерти Будды, присутствовали, вѣроятно, самые выдающіеся и уважаемые изъ его послѣдователей. Но не такъ легко было привить постановленія этого собора тѣмъ, кто на немъ не присутствовалъ. То же было и съ позднѣйшими соборами, которые, очевидно, созывались для разрѣшенія какихъ-нибудь спорныхъ вопросовъ. Чѣмъ больше распространялся буддизмъ, тѣмъ больше независимыхъ умовъ вступало подъ его знамена и тѣмъ труднѣе становилось примирить различія или предупредить уклоненія отъ доктрины и обычаевъ. Общую связь поддерживали только священныя книги, благоговѣніе передъ Буддой и болѣе или менѣе сознательное отношеніе къ прогрессу и борьбѣ. Поэтому, какъ и предсказалъ Учитель, буддизму суждено было умереть въ Индіи и удержаться лишь въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, но въ значительно искаженномъ видѣ.

Сначала пріемъ въ общину не былъ ограниченъ, но затѣмъ сдѣлались обязательными правила, въ силу которыхъ въ общину не допускались: преступники, лица, обладающія серьезными физическими недостатками, солдаты, должники, рабы и несовершеннолѣтніе, не заручившіеся согласіемъ родителей. Послушникомъ можно было сдѣлаться не ранѣе двѣнадцати, а полноправнымъ монахомъ не ранѣе двадцати лѣтъ. Въ посвященіи различались двѣ степени: предварительное вступленіе, т. е. выходъ изъ мірской жизни или изъ другой монашеской секты, и полное вступленіе въ общину (Упасампада). Послѣднее совершалось на одномъ изъ общихъ собраній (Самгха) монаховъ даннаго округа; при представленіи новаго кандидата, предлагалось присутствующимъ высказать свои возраженія, если таковыя имѣлись. Кандидату задавали нѣсколько вопросовъ: не страдаетъ ли онъ нѣкоторыми болѣзнями *), свободный ли онъ человѣкъ, нѣтъ ли у него долговъ, имѣетъ ли онъ приличную нищенскую чашу и одежду, заручился ли онъ согласіемъ родителей, не находится ли онъ на царской службѣ и т. д. Затѣмъ онъ долженъ былъ указать на какого-нибудь опытнаго монаха, который согласится быть его руководителемъ. Послѣ этого, если со стороны монаховъ не было возраженій, то онъ считался принятымъ. Ему офиціально сообщали, на какія средства живетъ община; это: 1) пища, получаемая въ видѣ подаянія, 2) одежда изъ лоскутьевъ, 3) жилище у подножія дерева и 4) взамѣнъ лѣкарства грязная жидкость. Всякая другая пища, питье, жилище и одежда считались излишествомъ. Кромѣ того, его знакомили съ четырьмя великими запрещеніями: 1) не вести

*) Проказой, чахоткой, падучей, зобомъ и т. д.

Прим. перев.

нечестивой жизни, 2) не брать ни пылинки изъ того, что не подарено ему, 3) не лишать жизни ни одного живого существа, 4) не хвалиться никакими сверхъестественными совершенствами. Итакъ пріемъ въ общину сводился къ заявленіямъ со стороны кандидата и со стороны собранія и не сопровождался ни молитвами, ни церемоніями, ни формальною передачей власти.

Изъ общины можно было свободно выйти во всякое время. Это было прямымъ слѣдствіемъ ученія Будды, которое открывалось только желающимъ. Быть-можетъ, ни одна община не оказывала такого малаго давленія на своихъ членовъ, но въ этомъ и крылась ея сила. Монахи должны были вести умѣренную жизнь, но существованіе ихъ всегда было обезпечено, благодаря заботамъ мірянъ объ общинѣ; къ тому же, прививаемые имъ взгляды совпадали съ ихъ собственными предубѣжденіями. Всѣ монахи безусловно пользовались уваженіемъ и вліяніемъ. Никого насильно не удерживая (всякій монахъ могъ выбыть подъ тѣмъ предлогомъ, что желаетъ возвратиться къ роднымъ, къ мірской жизни, домой), община, однако, сохраняла за собою право исключенія членовъ. Нарушеніе одного изъ великихъ запретовъ, дошедшее до свѣдѣнія собранія, вело къ исключенію виновника изъ общины. Такимъ образомъ, принудительное исключеніе, съ одной стороны, и добровольное отреченіе — съ другой, совершались безъ всякаго труда, и община, удерживая лишь добровольныхъ и исправныхъ членовъ, была сильна.

Въ отличіе отъ многихъ монашескихъ орденовъ, у буддистовъ строго запрещалось какъ отдѣльнымъ монахамъ, такъ и всей общинѣ принимать въ даръ серебро и золото. Предполагалось, что это удержитъ ихъ отъ „корня всякаго зла“. Если же кто-нибудь, невзирая на запрещеніе, принималъ такой даръ, то принужденъ былъ передать его какому-нибудь вѣрующему мірянину, чтобы тотъ купилъ масла и меду для всей братіи, за исключеніемъ его самого. Итакъ золото и серебро изгонялись тѣмъ или инымъ путемъ. Это строгое ограниченіе вѣками держалось въ буддійской общинѣ.

Еще одно отличіе буддійскихъ монаховъ отъ членовъ разныхъ другихъ индійскихъ братствъ и общинъ составляла ихъ внѣшняя благопристойность. Всячески избѣгая грязи и нечистоплотности, они обращали большое вниманіе на купанье, уходъ за тѣломъ, провѣтриваніе жилищъ и другія санитарныя условія. Ихъ одежда, хотя и очень бѣдная, всегда должна была имѣть приличный видъ, тѣмъ болѣе, что не запрещалось принимать достаточнаго количества пищи и одежды отъ вѣрующихъ мірянъ. Типъ древняго буддійскаго монаха представляетъ нѣчто среднее между аскетизмомъ и излишествомъ. Но, избѣгнувъ крайностей индусскаго аскетизма, онъ не всегда былъ чуждъ крайностей другого рода. Мо-

наху не воспрещалось жить въ хорошей квартирѣ, обставленной различными удобствами. Вездѣ соблюдались санитарныя условія, во многомъ напоминающія намъ домашній бытъ евреевъ. Старики и учителя пользовались особымъ уваженіемъ и были окружены заботами. Во время странствій ученики и послушники шли впереди, заготовляя для своихъ руководителей квартиры и оказывая имъ всевозможныя услуги. Отшельничество не поощрялось. Монахи обыкновенно селились вмѣстѣ, помогали другъ другу въ затрудненіяхъ, болѣзняхъ или искушеніяхъ и взаимно заботились о духовныхъ благахъ. Въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ каждый членъ общины имѣлъ двухъ руководителей, опытныхъ монаховъ, пробывшихъ въ этомъ санѣ не менѣе десяти лѣтъ. Онъ долженъ былъ сопровождать ихъ, прислуживать имъ и поучаться отъ нихъ. Въ общежитіи монахи распредѣляли между собою домашнія обязанности, какъ-то: раздачу плодовъ и риса, уборку спаленъ, залы собраній и т. д.

Буддійскіе монахи не придавали особаго значенія труду и занимались постоянною работой только въ случаѣ крайней необходимости. Подобно браманамъ, которые выше всего ставили чтеніе Ведъ, такъ и они считали существенно-важнымъ повтореніе изреченій Будды и правилъ общины. Время до времени они устраивали обсужденія какихъ-нибудь спорныхъ пунктовъ и пространныя объясненія главныхъ доктринъ. „Кто живетъ въ общинѣ, не говоритъ много и не говоритъ о пустякахъ. Онъ излагаетъ ученіе или же проситъ другихъ излагать его, а самъ хранитъ священное молчаніе“ (*Oldenberg*). Итакъ община жила въ мірѣ, хотя и не принадлежала къ міру, почти ежедневно созерцала шумъ и развлеченія страдальческой, непостоянной жизни, не принимая участія въ нихъ, и служила для эгоистическаго, неуживчиваго народа нагляднымъ примѣромъ того, что есть на свѣтѣ лучшія стремленія, что можно побѣдить страсти, освободиться отъ горя и достигнуть философскаго спокойствія.

На такой складъ жизни монаховъ не малое вліяніе оказала, повидимому, ихъ любовь къ природѣ; въ связи съ нею стояла и пощада жизни. Туземные поэты неоднократно воспѣвали эту любовь къ природѣ, напримѣръ: „Обширныя, сладостныя сердцу пространства, увѣнчанныя лѣсами *карери*, прекрасныя мѣстности, гдѣ слышится голосъ слоновъ, скалы,— все радуетъ меня. Чудныя убѣжища, гдѣ низвергаются потоки, горы, гдѣ бродятъ мудрецы, гдѣ раздается крикъ павлина, скалы,— все радуетъ меня. Тамъ хорошо мнѣ, любителю созерцанія, борцу за спасеніе; тамъ хорошо мнѣ, монаху, стремящемуся къ истинному добру. борцу за спасеніе“ (*Oldenberg*).

Самыми регулярными буддійскими собраніями были тѣ, которыя созывались два раза въ мѣсяцъ; почти единственною ихъ религіозною формой была исповѣдь и взаимные разспросы. Принимая во вниманіе гнетъ браманскихъ ограниченій и притязанія брамановъ на всеобщій авторитетъ, вполнѣ очевидно, что буддизмъ представлялъ полный контрастъ съ прежними воззрѣніями. Малочисленность церемоній, обособленность жизни, скромное поведеніе, цѣломудріе, отсутствіе вѣры въ сверхъестественныя силы, составляли залогъ его могущества. Дѣйствительно, нужно отнести къ числу замѣчательныхъ міровыхъ явленій тотъ фактъ, что религія (если это названіе къ ней примѣнимо), которая не вмѣняетъ въ обязанность служенія Богу и не преклоняется передъ сверхъестественнымъ существомъ, насчитываетъ среди своихъ адептовъ треть населенія земного шара.

Будда пользуется большимъ уваженіемъ, хотя его нынѣшнее существованіе подлежитъ сомнѣнію: онъ въ Нирванѣ, а продолжается ли Нирвана и понынѣ — неизвѣстно. Въ силу этого Буддѣ не возносятъ молитвы, и онъ не отвѣчаетъ на молитвы. Но все-таки память о немъ живетъ, имя его священно и ученіе его, попрежнему, вліятельно.

Единственное, что въ древнемъ буддизмѣ есть общаго съ паломничествами и культомъ другихъ религій, это почитаніе четырехъ священныхъ мѣстъ, прославленныхъ Буддою: мѣста его рожденія, мѣста, гдѣ онъ достигъ познанія и совершеннаго просвѣтлѣнія, мѣста, гдѣ онъ создалъ праведное царство, и мѣста его кончины. Людямъ, умирающимъ на пути къ этимъ мѣстамъ, обѣщается возрожденіе въ небѣ. Забота о мощахъ Будды, построеніе памятниковъ для ихъ сохраненія и устройство праздниковъ въ ихъ честь всецѣло предоставлены міряне.

Буддійскія собранія по типу, быть-можетъ, наиболѣе приближаются къ методистскимъ митингамъ, установленнымъ Джономъ Весли. „Вождемъ" буддійскаго собранія, обыкновенно, бываетъ монахъ, дольше всѣхъ въ данномъ округѣ пробывшій въ монашескомъ санѣ. Всѣ члены общины, даже больные, должны присутствовать на этихъ собраніяхъ или, въ крайнемъ случаѣ, — прислать черезъ одного изъ монаховъ заявленіе о томъ, что они не совершили никакихъ проступковъ, какъ того требуетъ священная форма (Паттимокка, слова отпущенія). На собранія не допускаются ни женщины, ни міряне, ни послушники. Каждый вопросъ предлагался трижды, и молчаніе служило знакомъ невинности. Впослѣдствіи установлено было, чтобы каждый монахъ заранѣе сознавался въ своихъ грѣхахъ и подвергался соотвѣтственному взысканію (кромѣ тѣхъ лишь случаевъ, когда за про-

ступокъ полагалось исключеніе изъ общинъ). Каждый братъ, знавшій о прегрѣшеніи другого, обязанъ былъ потребовать отъ него исповѣди и покаянія.

Мало-по-малу выработалась цѣлая система, предусматривавшая всевозможные случаи грѣха; она изложена въ Чулаваггѣ. Буддійскіе монахи, какъ и всѣ люди, чувствовали себя грѣховными. Различнымъ отдѣламъ Чулаваггы предпосланы вступленія, въ родѣ слѣдующаго: „Въ то время достопочтенный Сейясака былъ неразумнымъ, нескромнымъ, грѣшнымъ и недостойнымъ; онъ велъ свѣтскую жизнь и поддерживалъ незаконныя сношенія съ міромъ, такъ что монахамъ приходилось назначать ему покаяніе за покаяніемъ“, и т. д. (Св. Кн. В., XVII).

Изъ различныхъ разсказовъ видно, что монахи оказывались виновными въ тѣхъ или другихъ прегрѣшеніяхъ и, смотря по степени вины, подвергались предостереженіямъ, наказаніямъ или же исключенію изъ общины. Если монахъ обидѣлъ своего собрата или даже мірянина, то долженъ былъ просить у него прощенія. Кто не сознавался въ своей винѣ и не старался ее загладить, тотъ исключался. Какъ строго было это наказаніе, можно судить по слѣдующему отрывку: „Монахи не оказывали ему почета, не привѣтствовали его вставаніемъ, не прислуживали ему, не кланялись ему, не оказывали ему гостепріимства, не уважали, не чтили его, не давали ему содержанія“.

Еще одна простая церемонія, совершавшаяся разъ въ году, извѣстна была подъ именемъ Павараны, или приглашенія. По окончаніи дождливаго времени года, передъ началомъ странствій, монахи даннаго округа собирались вмѣстѣ, садились на полъ, воздѣвали сложенныя руки кверху и приглашали, чтобы собратья уличили ихъ въ прегрѣшеніяхъ, обѣщая загладить всякую свою вину. Если какой-нибудь монахъ въ это время случайно былъ одинъ, то могъ самолично совершить положенный обрядъ.

Итакъ буддизмъ былъ чуждъ всего показного, всякихъ торжественныхъ обрядовъ и пышныхъ церемоній. Онъ не признавалъ жрецовъ, храмовъ, Верховнаго существа, тѣмъ не менѣе подъ его знамена стекались тысячи новыхъ приверженцевъ. Не всѣ они, однако, вели себя, какъ безмолвныя, безотвѣтныя рыбы, попавшіяся въ сѣть. Въ общинѣ уже издавна появился расколъ, которому посвящены цѣлыя главы священныхъ книгъ. Ссоры, жалобы на невинныхъ и невмѣняемыхъ и т. п. подвергаются разбору; если мирное соглашеніе оказывается невозможнымъ, то дѣло рѣшается большинствомъ голосовъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда предметъ слишкомъ маловажный или когда голосованіе могло бы привести къ открытой ереси.

Буддійскія монахини или сестры составляли особую общину, имѣвшую свои отдѣльныя собранія два раза въ мѣсяцъ, но вполнѣ подчиненную монахамъ, безъ участія которыхъ не могла совершаться ни одна изъ главныхъ церемоній. Сестры обязаны были почтительно кланяться, вставать и воздѣвать кверху сложенныя руки передъ каждымъ, хотя бы только что посвященнымъ монахомъ. Исповѣдь и проповѣдь доктринъ для нихъ вели монахи, и послѣ своего ежегоднаго собранія сестры посылали въ собраніе монаховъ справиться, не найдутъ ли тѣ за ними какой-нибудь вины. Монахинямъ запрещалось бранить, поносить или обвинять монаховъ. Пріемъ сестеръ, назначеніе покаяній, разрѣшеніе споровъ, — все это лежало на обязанности монаховъ. Каждыя двѣ недѣли монахини получали духовное наставленіе и увѣщаніе отъ монаха, назначеннаго для этого рѣшеніемъ братіи. Но ему строго воспрещалось переступать порогъ ихъ жилища, странствовать вмѣстѣ съ ними или находиться съ ними въ близкихъ сношеніяхъ. Сестры не должны были жить однѣ или въ лѣсу, поэтому онѣ селились всегда вблизи городовъ или деревень. По численности и вліянію онѣ не могли сравниться съ монахами, да это и не входило въ интересы буддійской общины, такъ какъ она содержалась на счетъ семейныхъ людей, доставлявшихъ ей пропитаніе и жилище, а съ увеличеніемъ числа монахинь этотъ порядокъ могъ нарушиться.

Отношенія между общиной и мірянами носили совсѣмъ не такой характеръ, какъ въ другихъ церквахъ. Нужно было большое количество свѣтскихъ членовъ, чтобы содержать всю массу буддійскихъ монаховъ. Для пріема мірянъ въ лоно буддизма не было выработано никакихъ формальностей и даже списка имъ не велось; впрочемъ, въ каждой области поклонники Будды были всѣмъ извѣстны. Разумѣется, исключеніе кого-нибудь изъ класса дарящихъ было явленіемъ нежелательнымъ и не совершалось безъ особо важной причины. Мірянинъ, желавшій сдѣлаться буддистомъ, заявлялъ какому-нибудь монаху, что онъ „прибѣгаетъ къ Буддѣ, Ученію и Общинѣ“. Впрочемъ, монахъ могъ причислить благотворителя къ свѣтскимъ поклонникамъ Будды и безъ такого заявленія съ его стороны. Монахи охотно поучали буддійскимъ доктринамъ всякаго, кто оказывалъ имъ гостепріимство, и, наоборотъ, лишали этой чести тѣхъ, кто злословилъ или оскорблялъ ихъ. За серьезную провинность монахи переставали подставлять чаши данному мірянину и отказывались отъ его гостепріимства. Такой деликатный способъ отлученія, вѣроятно, приходился по вкусу лицамъ, дурно относившимся къ общинѣ.

Монахи охотно принимали назадъ всякаго, кто раскаивался въ своей винѣ и желалъ примиренія. Въ частную жизнь мірянъ

они не вмѣшивались: истинную церковь составляла, по ихъ мнѣнію, только община, а остальному человѣчеству было очень далеко до блаженства, и объ его нравственномъ состояніи не стоило заботиться. Мірянамъ предписывалось восьмеричное воздержаніе: отъ убіенія животныхъ, воровства, лжи, употребленія опьяняющихъ напитковъ, нечестивой жизни, ѣды послѣ полудня, благоуханій и вѣнковъ; спать имъ полагалось на землѣ, на жесткой подстилкѣ. У свѣтскихъ буддистовъ не бывало общихъ собраній, а на собранія монаховъ они не допускались. Ихъ восхваляли и сулили имъ блаженство, какъ, напримѣръ: „Будда считаетъ лучшимъ изъ даровъ отдавать общинѣ дома, гдѣ можно въ мирѣ и спокойствіи предаваться размышленію и созерцанію. Поэтому пусть мудрый человѣкъ, понимающій свое благо, строитъ хорошіе дома и принимаетъ въ нихъ знатоковъ ученія. Пусть онъ съ радостью подаетъ имъ, праведнымъ сердцемъ, пищу, питье, одежду и жилище. И они будутъ проповѣдывать ему ученіе, уничтожающее всякое страданіе. Если онъ познаетъ это ученіе на землѣ, то безъ грѣха войдетъ въ Нирвану“. Иногда монахи предъявляютъ слишкомъ большія требованія; священныя книги осуждаютъ такое поведеніе и велятъ считаться съ мнѣніемъ мірянъ.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о новѣйшемъ ученіи, которое извѣстно подъ названіемъ: „Тайнаго буддизма“. Согласно „Книгѣ о Великой Кончинѣ“, Будда не признавалъ никакого тайнаго ученія. Современный тайный буддизмъ можно скорѣе назвать формой теософіи, которая лишь въ нѣсколькихъ пунктахъ сходна съ буддизмомъ; напр., она учитъ, что души перевоплощаются послѣдовательно въ тѣлахъ, но не помнятъ своего предыдущаго состоянія; одна жизнь отъ другой отдѣляется „промежуткомъ духовнаго сознанія въ такомъ міровомъ пространствѣ, которое совершенно непостижимо для обыкновенныхъ чувствъ“. Во время этого состоянія совершенно забываются низкія земныя страсти и господствуютъ только высшія чувства. Интенсивность этого счастья зависитъ отъ степени высокихъ стремленій въ предыдущей жизни. При отсутствіи этихъ стремленій, перевоплощеніе сопряжено съ наказаніями за грѣхи.

Въ Тайномъ буддизмѣ особенное значеніе имѣетъ „карма“, или поступокъ; это слово объясняютъ, какъ законъ нравственныхъ воздаяній. Карма опредѣляетъ условія, при которыхъ произойдетъ перевоплощеніе. Добрая карма въ земной жизни засчитывается, а худая карма должна быть искуплена страданіемъ.

ГЛАВА VIII.

Современный буддизмъ I.

Просвѣтительныя религіи. — Различныя проявленія буддизма. — Первые буддійскіе соборы. — Царь Асока. — Третій соборъ. — Указы царя Асоки. — Различіе въ формахъ буддизма. — Четвертый соборъ (Канишки). — Фа-Сянъ. — Соборъ Силадитіи. — Добрыя дѣла Силадитіи. — Хуэнъ Сіангъ. — Упадокъ индійскаго буддизма и его причины. — Великая и малая Колесницы. — Распространеніе буддизма. — Число буддистовъ. — Сингалезскій буддизмъ. — Постепенныя измѣненія. — Статуи Будды. — Цейлонскія вихары. — Подземные храмы. — Міряне. — Поклоненіе дереву Бо. — Дагобы. — Мощи Будды. — Отпечатки ноги Будды. — Васса и публичныя чтенія. — Пиритъ. — Буддійскіе монахи на Цейлонѣ. — Школы. — Богослуженіе во время болѣзни. — Бирманскій буддизмъ. — Бирманскія монастырскія школы. — Послушники. — Бирманскій монастырь. — Фонгаи. — Жизнь монаховъ. — Монастырскія постройки. — Бирманскія пагоды. — Великій Рангунскій храмъ. — Паганъ. — Бирманскій культъ. — Изваянія Будды. — Праздники пагодъ. — Наты. — Анимизмъ. — Похороны мірянина. — Похороны монаха. — Сіамскій буддизмъ. — Сіамскіе храмы. — Новорожденныя дѣти. — Реформированныя сіамскія секты.

Monier Williams въ своемъ сочиненіи о буддизмѣ высказываетъ мысль, что эту религію необходимо изучать въ ея различныхъ проявленіяхъ, такъ какъ въ различныя времена и въ различныхъ странахъ „буддійское ученіе становилось то отрицательнымъ, то положительнымъ, то агностическимъ, то гностическимъ, отъ явнаго матеріализма и атеизма оно переходило къ деизму, политеизму и спиритуализму. То оно выражается пессимизмомъ, то чистѣйшею филантропіей, то монашеской жизнью, то высоко-нравственными предписаніями, то матеріалистическою философіей, то простою демонологіей, то смѣсью всякихъ суевѣрій, съ колдовствомъ, волшебствомъ, идолопоклонствомъ и фетишизмомъ включительно. Въ иной своей формѣ буддизмъ почти совпадаетъ съ какою-нибудь другою религіей и, вообще, дѣлаетъ позаимствованія почти изъ всѣхъ вѣроученій“.

На первомъ буддійскомъ соборѣ, который состоялся въ Раджагахѣ вскорѣ послѣ смерти Гаутамы, ученіе Просвѣтленнаго было сведено въ три группы, именно: сутры, или сутты, рѣчи Будды къ ученикамъ; виная, или дисциплина общины, и дгарма, или законъ. Въ общей сложности онѣ составляли Трипитаки, т. е. три корзины, или сборника. Черезъ сто лѣтъ второй соборъ, происходив-

шій въ Весали, высказался противъ возникшей за это время системы снисхожденій. Вслѣдствіе этого буддизмъ распался на два толка, изъ которыхъ впослѣдствіи образовалось восемнадцать сектъ. Расколъ не помѣшалъ, однако, буддійскому ученію распространяться въ сѣверной Индіи.

Около половины третьяго вѣка до Р. Х., царь Магадхи (Бехара) и внукъ основавшаго это царство Чандрагупты (греческаго Сандрокоттоса), Асока, извѣстный своимъ союзомъ съ Александромъ Македонскимъ и Селевкомъ, сдѣлался новымъ апостоломъ буддизма. При немъ было построено такое количество монастырей, что его царство получило прозвище страны монастырей (Вихара или Бехаръ). Онъ сдѣлалъ буддизмъ государственною религіей и созвалъ въ Патнѣ въ 240 г. третій соборъ, который пересмотрѣлъ буддійскіе догматы и церковный уставъ. Въ заботахъ о расширеніи общины, Асока разсылалъ миссіонеровъ. Онъ стремился запечатлѣть правила общины, вырѣзывая ихъ на скалахъ, на столбахъ и подземельяхъ по всей Индіи. Многія изъ этихъ надписей уцѣлѣли и до сихъ поръ. Форма, которую буддійское писаніе приняло подъ его вліяніемъ, и современное ему нарѣчіе легли въ основу рукописей на такъ называемомъ палійскомъ языкѣ, которыя сохранились на Цейлонѣ. Асока во всѣхъ отношеніяхъ былъ просвѣщеннымъ, религіознымъ монархомъ и своихъ взглядовъ не прививалъ насильно. Посланные имъ миссіонеры должны были проповѣдывать невѣрующимъ всѣхъ классовъ безъ различія и „поучать ихъ лучшимъ вещамъ“. Въ своихъ указахъ онъ запрещаетъ убивать животныхъ для пищи или жертвоприношеній и говоритъ, что счастье надо искать въ добродѣтели, что преходящей мірской славѣ противополагается высшая награда; что поучать другихъ буддійскимъ догматамъ и добродѣтели есть высшій путь благотворительности. Нѣкоторые его указы трактуютъ о подачѣ врачебной помощи людямъ и животнымъ, объ охраненіи нравственности и т. д.

Со временъ Асоки уже появляется различіе въ національныхъ формахъ буддизма, поэтому намъ придется разсматривать развитіе каждой изъ нихъ въ отдѣльности.

Четвертый буддійскій соборъ состоялся въ первомъ столѣтіи нынѣшней эры при Канишкѣ, царство котораго простиралось отъ Кашмира далеко на сѣверо-западъ. Здѣсь составлены были три комментарія, послужившіе основаніемъ Тибетскаго священнаго писанія. Этотъ соборъ показалъ, что буддизмъ прочно утвердился и широко распространялся въ Индіи, гдѣ онъ продолжалъ господствовать по меньшей мѣрѣ до 800 года по Р. Х., хотя браманизмъ не прекращалъ своего существованія и, постепенно воспри-

нимая нѣкоторые буддійскіе взгляды, готовился занять новое прочное положеніе.

Въ началѣ V столѣтія послѣ Р. Х. китайскій буддистъ Фа-Сянъ, посѣтивъ Индію, нашелъ, что буддійскіе монахи и браманскіе жрецы пользовались одинаковымъ почтеніемъ, а буддійскіе религіозные дома встрѣчались на ряду съ индусскими храмами. Въ VII вѣкѣ индусы численностью уже превосходили буддистовъ, хотя въ Индіи еще встрѣчались могущественные буддійскіе монархи и государства. Въ эту же эпоху появился ярый поборникъ буддизма въ лицѣ царя Силадитіи, который въ 634 году созвалъ соборъ въ Канаджѣ на Гангѣ. Тутъ, въ преніяхъ между буддистами и браманами, выяснился прогрессъ браманизма, и вслѣдъ за освященіемъ статуи Будды присутствующіе воздали поклоненіе богу солнца и Сивѣ. Рознь между послѣдователями Будды выяснилась изъ диспутовъ между защитниками сѣвернаго и южнаго каноновъ, или такъ называемыхъ Великой и Малой Колесницъ Закона. Силадитія извѣстенъ еще тѣмъ, что раздавалъ каждыя пять лѣтъ свои сокровища и драгоцѣнности. Послѣ всего онъ самъ одѣлся въ нищенское рубище и этимъ путемъ ознаменовалъ великое отреченіе Будды. Неподалеку отъ Гайи онъ устроилъ большой монастырь Налунды, гдѣ до десяти тысячъ монаховъ и послушниковъ обучались и спасались. Но Гая уже была крупнымъ центромъ индуизма. Хуэнъ-Сіангъ, пріѣхавшій въ VII столѣтіи изъ Китая въ Индію, нашелъ, что браманизмъ продолжалъ прогрессировать, хотя буддизмъ попрежнему процвѣталъ въ южной Индіи. Нѣкоторые индусскіе реформаторы, какъ мы уже говорили, являлись гонителями буддизма. На сравнительной высотѣ буддизмъ держался въ Ориссѣ и Кашмирѣ еще даже въ XI столѣтіи. Въ Магадхѣ буддизмъ господствовалъ вплоть до магометанскихъ завоеваній, т. е. до конца XII вѣка.

Далѣе индійскій буддизмъ сталъ приходить въ упадокъ. Чѣмъ же это объяснялось? Отчасти тѣмъ, что, какъ мы уже указывали, индуизмъ позаимствовалъ самыя существенныя доктрины буддизма, сочетавъ ихъ съ нѣкоторыми собственными твердыми основами и популярными обрядами; съ другой стороны тѣмъ, что буддизмъ не боролся съ браманизмомъ: это противорѣчило бы его принципамъ, да и вообще буддійская невозмутимость и уничтоженіе желаній не могли выработать какого-либо активнаго противодѣйствія. Затѣмъ безбрачіе буддистовъ шло въ разрѣзъ съ однимъ изъ сильнѣйшихъ инстинктовъ человѣчества. Къ тому же они не признавали существованія Бога, отрицали откровеніе, отрицали необходимость молитвы и жреческаго сословія. Къ тому же, — и это, быть-можетъ, было главною причиной, — буддизмъ давалъ слиш-

комъ мало вѣрующимъ міррянамъ; истинными буддистами считались только монахи. Мірская церковь не имѣла никакой организаціи: она должна была только содержать и кормить монаховъ. Поэтому вишнуизмъ и сиваизмъ, въ которыхъ народу отводилась болѣе видная роль и въ которыхъ онъ усматривалъ большія преимущества для себя и большій жизненный интересъ, завоевали симпатіи индійскаго населенія.

Наименѣе искаженный буддизмъ встрѣчается въ настоящее время на Цейлонѣ, въ Бирманѣ и въ Сіамѣ. Эти страны придерживаются той редакціи священнаго писанія, которую сѣверные буддисты съ презрѣніемъ называютъ Малой Колесницей. Двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ великимъ апостоломъ буддизма на Цейлонѣ былъ сынъ Асоки, Магинда. Южный Канонъ былъ сначала переведенъ на сингалезскій языкъ, а затѣмъ въ V столѣтіи Будда-госа перевелъ его обратно на палійскій языкъ, который немногимъ отличался отъ обиходнаго нарѣчія при царѣ Асокѣ. Съ тѣхъ поръ палійскіе тексты уже не подвергались измѣненіямъ. Они были переведены на современный сингалезскій языкъ и снабжены обширными комментаріями.

Соборъ, созванный Канишкой, выработалъ Канонъ, принятый на сѣверѣ Индіи, извѣстный подъ именемъ „Великой Колесницы“ (Магаяна) и написанный на санскритскомъ языкѣ. „Великая Колесница“ состоитъ изъ девяти главныхъ книгъ, изъ которыхъ наибольшей извѣстностью пользуются: „Лотосъ истиннаго Закона“ и „Баснословное жизнеописаніе Будды“. Всѣ онѣ переведены на тибетскій языкъ; къ нимъ существуетъ масса комментаріевъ. На этомъ канонѣ основывается непальскій, тибетскій, китайскій, манджурскій и японскій буддизмъ. Въ каждой изъ этихъ странъ онъ принялъ своеобразную физіономію.

Распространившись на такомъ обширномъ и плотно населенномъ пространствѣ земного шара, буддизмъ, какъ говорятъ, пріобрѣлъ до 500 милліоновъ адептовъ; но ошибка такого счисленія очевидна, если припомнить, что въ Китаѣ, на который падаетъ максимумъ буддистовъ, значительный процентъ населенія исповѣдуетъ конфуціанство и таоизмъ, при чемъ конфуціанство, поклоненіе предкамъ и различныя формы таоизма вкоренились очень глубоко. Если бы китайцамъ пришлось исключить одну изъ своихъ религій, то почти съ увѣренностью можно сказать, что они отказались бы отъ буддизма. Во всемъ Китаѣ едва ли наберется 100 милліоновъ буддистовъ. Въ Японіи, гдѣ также много буддистовъ, въ свою очередь преобладаетъ шинтоизмъ. Вездѣ замѣчается, что міряне неохотно принимаютъ буддійскую вѣру, такъ какъ истинными буддистами считаются только монахи. *Monier Williams* опре-

дѣляетъ число буддистовъ въ 100 мил.; *Happer*, извѣстный американскій миссіонеръ, живущій въ Китаѣ, полагаетъ, что тамъ не болѣе 20 мил. настоящихъ буддистовъ, а во всей Азіи ихъ семьдесятъ-два съ половиною милліона. Трудно точно исчислить приверженцевъ какой-либо религіи, въ особенности буддистовъ; однако не подлежитъ сомнѣнію, что буддизмъ—одна изъ четырехъ главныхъ религій земного шара.

Сингалезскій буддизмъ.

Современный буддизмъ съ его сложною организаціей, богатыми монастырями, обрядностью, поклоненіемъ иконамъ и обоготвореніемъ лицъ,—очень далекъ отъ простоты первобытнаго ученія. Онъ постепенно примѣнялся къ инстинктамъ и желаніямъ народныхъ массъ, какъ это происходило во всѣхъ странахъ и почти со всѣми религіями земного шара. Въ то же время Гаутама былъ окруженъ ореоломъ совершенства, и его мощамъ стали воздавать поклоненіе гораздо раньше, чѣмъ появились его изображенія. На Цейлонѣ изваяніе Будды называется „пилама", т. е. снимокъ, подобіе.

Въ третьемъ, четвертомъ и пятомъ столѣтіяхъ послѣ Р. Х. появилась масса такихъ изваяній, залитыхъ драгоцѣнностями и высотою до двадцати футовъ и даже больше. Цейлонскія вихары, гдѣ хранятся изваянія Будды, говоритъ *Spence Hardy*, „это—постоянныя постройки съ оштукатуренными стѣнами, крытыя черепицей; между тѣмъ у жрецовъ—лишь жалкія временныя жилища. У входа вихары обыкновенно стоятъ четыре рельефныхъ фигуры, изображающія хранителей и подвижниковъ даннаго храма. Святилище представляетъ маленькую и большею частью темную комнатку, гдѣ хранятся статуи и картины. Противъ входной двери бываетъ другая дверь, заставленная ширмой, и если отодвинуть ее, то видна статуя Будды, занимающая почти все святилище. Передъ статуей находится столъ или алтарь, на который возлагаютъ цвѣты, подобно тому, какъ въ греческихъ храмахъ, стѣны покрыты живописью. Современный цейлонскій стиль въ общемъ напоминаетъ стиль египетскихъ гробницъ и храмовъ. Живопись—на сюжеты изъ жизни Будды или изъ исторіи его рожденій. Вихары нерѣдко расположены на скалахъ. Дворъ вихары обыкновенно засаженъ цвѣтущими деревьями, и эти цвѣты употребляются для жертвоприношеній. Нѣкоторыя знаменитыя вихары находятся въ природныхъ пещерахъ, искусственно расширенныхъ и углубленныхъ внутрь скалы. Статуи Будды изображаютъ его то въ

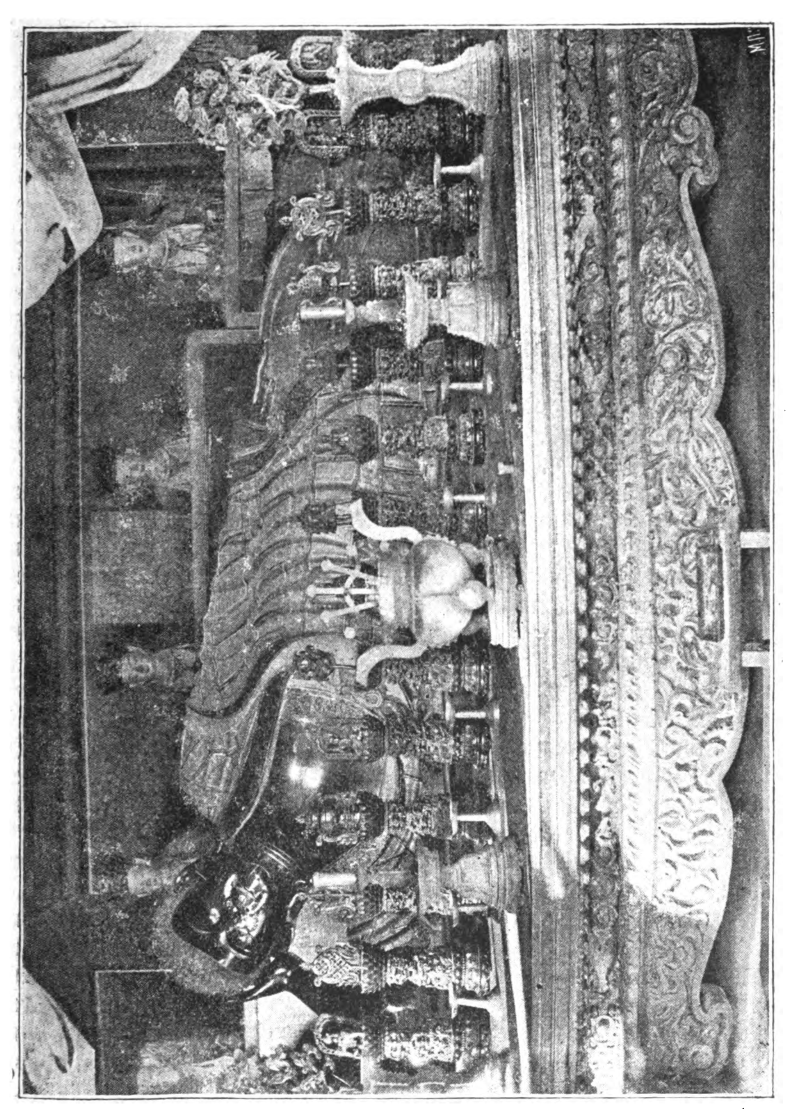
лежачемъ, то въ стоячемъ, то въ сидячемъ положеніи, то въ состояніи созерцанія, то съ поднятою рукой въ моментъ поученія.

Колоссальное изваяніе Будды на Цейлонѣ.

Въ Коттѣ, недалеко отъ Коломба, находится сорока-двухфутовая статуя. На алтарѣ вмѣстѣ съ цвѣтами часто ставятся маленькія

мраморныя или металлическія статуи. Повидимому, каждая нація

Лежачее изваяніе Будды на Цейлонѣ. (Съ оригин. фот. проф. А. Н. Краснова.)

въ статуяхъ Будды воплотила свой идеалъ красоты; такъ, напр., цейлонскія изображенія походятъ на стройныхъ туземныхъ остро-

витянъ, а китайскія по своей тучности едва ли удовлетворили бы индуса. На сіамскихъ изображеніяхъ Будда является изможденнымъ, что больше всего согласуется съ нашимъ представленіемъ объ аскетѣ“.

Подземный храмъ въ Дамбаллѣ — одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ. Въ одной изъ его залъ находится высѣченная въ скалѣ лежачая фигура Будды, длиною въ сорокъ - семь футовъ; у ногъ ея всегда стоитъ прислужникъ, а противъ лица находится статуя Вишну, который, какъ предполагается, помогъ соорудить этотъ храмъ. Въ другой залѣ свыше пятидесяти изображеній Будды, статуи браманскихъ Девъ, Вишну, Нативъ и др. Въ той же вихарѣ находится прекрасная дагоба, шпицъ которой почти касается потолка. Внутренность храма — скалистыя стѣны и статуи, — окрашены въ яркіе цвѣта, среди которыхъ преобладаетъ желтый. Цейлонскіе подземные храмы были построены приблизительно въ ту же эпоху и изъ такихъ же побужденій, какъ храмы въ Аджунтѣ и Эллорѣ. За послѣднее время на Цейлонѣ не было построено ни одной выдающейся вихары.

Міряне при входѣ въ вихару, сжавъ ладони и прикасаясь большими пальцами ко лбу, преклоняются или повергаются ницъ передъ статуей. Затѣмъ они троекратно произносятъ свой символъ вѣры или же называютъ нѣкоторыя изъ десяти обязанностей, возлагаютъ цвѣты и немного рису на алтарь и бросаютъ нѣсколько мѣдныхъ монетъ въ кружку. Молитвы въ собственномъ смыслѣ не существуетъ, да и молитвеннаго настроенія, повидимому, также нѣтъ, потому что самый культъ является обычнымъ и условнымъ дѣломъ и вызванъ желаніемъ какой-нибудь милости. На Цейлонѣ одинаково прибѣгаютъ къ покровительству Будды, Ученія и Общины. Покровительства Будды можно достигнуть, если руководиться священнымъ писаніемъ и соблюдать предписанія, потому что этимъ искупаются дурныя послѣдствія проступковъ. Покровительства общины можно добиться небольшимъ подаркомъ. Покровительство всѣхъ трехъ освобождаетъ отъ возрожденій, отъ мысленнаго страха, отъ тѣлесныхъ страданій и мученій въ четырехъ адахъ. Будда покровительствуетъ тому, кто отказывается отъ поклоненія дагобѣ или другому священному мѣсту, или же покрывается одеждой, зонтикомъ и т. п. въ присутствіи статуи Будды. Ученіе не защищаетъ того, кто садится безъ позволенія около жреца, кто безъ назначенія читаетъ правила, кто опровергаетъ доводы жреца, кто покрываетъ плечи или держитъ зонтикъ, не взирая на близость жреца, кто, проѣзжая мимо жреца въ повозкѣ, не встаетъ. Множество легендъ подтверждаетъ важность этихъ предписаній.

Внутренній видъ буддійскаго храма на Цейлонѣ. (Съ оргин. фот. проф. А. Н. Краснова.)

Поклоненіе дереву Бо *) (Пипулъ, священная смоковница), подъ которымъ Гаутама имѣлъ обыкновеніе сидѣть, ведется, безъ сомнѣнія, издревле. Почти въ каждомъ дворѣ цейлонскихъ вихаръ есть такое дерево, и про него говорится, что это отводокъ перваго экземпляра, привезеннаго на островъ въ IV вѣкѣ до Р. Х. Такое дерево принято было сажать на могильномъ камнѣ, подъ которымъ покоился прахъ какого-нибудь кандіанскаго вождя или жреца.

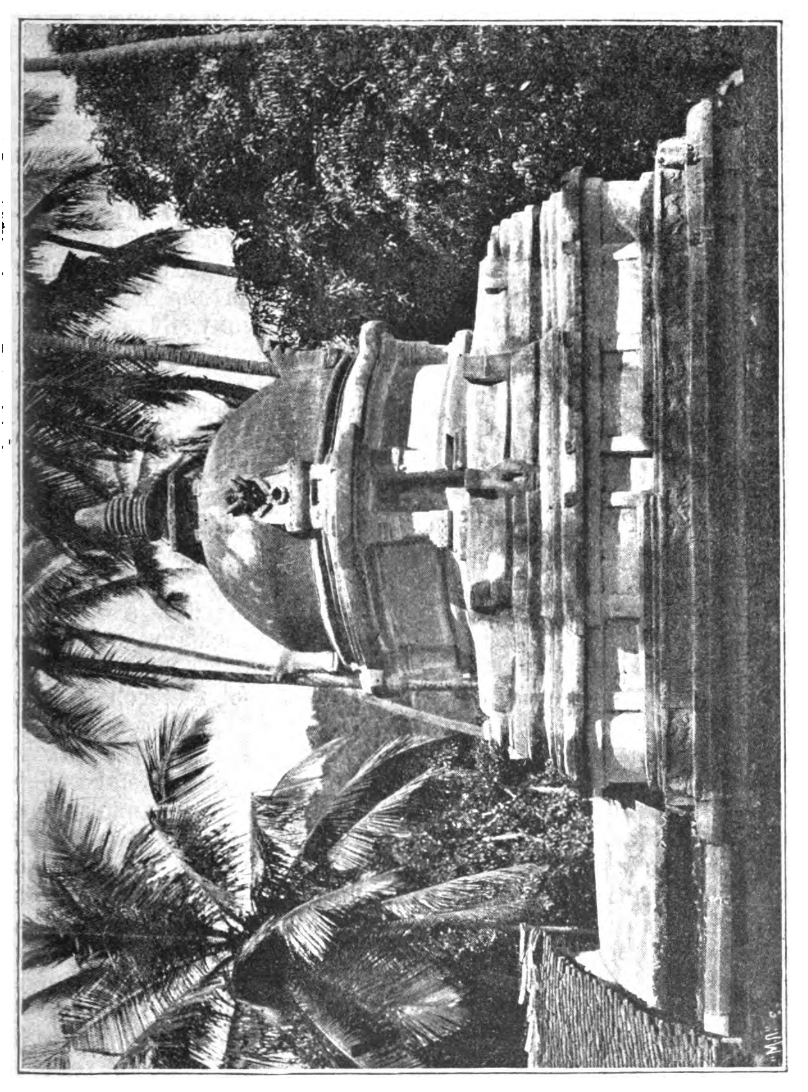
Далѣе на себя обращаетъ вниманіе дагоба, нѣчто отличное отъ пагоды. Это слово происходитъ отъ „да“ — кость, мощи и „геба“ — нѣдра, и означаетъ святилище для мощей. Тѣ же самыя строенія обозначаются также словомъ „топъ“ или „ступа“ (мощи).

*) Священная смоковница буддистовъ, знаменитое дерево Бо, по величинѣ своей много уступаетъ окружающимъ его, ниже растущимъ особямъ того же вида. Его вѣтви раскинулись далеко за предѣлы загородки, и кора ихъ сильно потерлась отъ многочисленныхъ поцѣлуевъ. Но ни одинъ смертный не смѣетъ сорвать листика съ этихъ вѣтвей. Онѣ, какъ вѣтви нашей осокори, съ которою этотъ видъ смоковницъ имѣетъ большое сходство, постоянно колышутся отъ вѣтра; листья всегда шелестятъ въ знакъ своей симпатіи къ великому Буддѣ, который, какъ говоритъ преданіе, подъ сѣнью этого дерева или, вѣрнѣе, подъ сѣнью его родителя, росшаго въ Гайѣ въ Индіи, одержалъ побѣду надъ искушеніями, надъ плотью, надъ міромъ и соблазнявшими его діаволами. Дереву воздаются здѣсь знаки почтенія. Пораненныя части ствола покрываются золочеными листочками или гирляндами изъ цвѣтовъ.

Это дерево есть одно изъ древнѣйшихъ деревьевъ въ мірѣ, время посадки которыхъ помнитъ человѣчество. Оно было принесено изъ мѣстечка Гайи, близъ Патны, въ Индіи, принцессою Сангамита, сестрою миссіонера Магинда, въ 245 году до Р. Х., въ царствованіе царя Тиссы. По совѣту упомянутаго миссіонера было послано посольство въ Патну тамошнему королю съ просьбой разрѣшить провезти на Цейлонъ вѣточку священнаго дерева, подъ которымъ происходило искушеніе Будды. Просьба эта привела дворъ въ большое смущеніе, такъ какъ дерево Будды тогда уже боготворилось и его вѣтви и листья считались неприкосновенными. Созванъ былъ цѣлый консиліумъ монаховъ, и они, наконецъ, послѣ долгихъ преній разрѣшили срѣзать вѣтку Бо. Изготовленъ былъ золотой горшокъ въ 4 ф. въ діаметрѣ и, говорятъ, при громадномъ стеченіи народа, при звукахъ музыки, на украшенномъ знаменами и драгоцѣнностями деревѣ, произошло чудо. Вѣтка, предназначенная для черенка, была золотою кистью обведена красною краской, со словами: «Если этой вѣткѣ дерева Бо предопредѣлено отправиться въ страну Лаика, да пересадится она сама собою въ этотъ золотой горшокъ». И вѣтка это исполнила. И король намѣтилъ на ней мѣсто, откуда должны были пойти главный и побочный корни, и они выросли при громкихъ крикахъ «Sadhu» изумленнаго народа. Дерево, сопровождаемое многими фанатиками и вызывавшее на пути чудеса, было отправлено внизъ по рѣкѣ Гангу, помѣщено на корабль и благополучно прибыло на Цейлонъ, гдѣ его торжественно встрѣтилъ король, стерегшій дерево все время, пока оно не было посажено. Золотые и серебряные сосуды со священною водой Ганга были присланы для его поливки. Дерево съ почестью было перенесено на мѣсто, гдѣ оно теперь находится. Преданіе говоритъ, что оно быстро само пустило корни и вогнало въ землю ту громадную золотую вазу, въ которую оно было посажено. Боги послали обильные дожди для его орошенія, и оно быстро стало давать плоды, отъ которыхъ ростки распространились около храмовъ по всему острову. Древнѣйшее изъ такихъ деревъ растетъ теперь въ Кэнди. Но нѣтъ буддійскаго храма на Цейлонѣ, гдѣ бы вы не увидѣли хотя бы молодой Ficus religiosa.

Проф. А. Н. Красновъ.

Это — круглая каменная постройка на естественномъ или искусственномъ возвышеніи, увѣнчанная куполомъ въ видѣ полушарія

Ступа на о. Цейлонѣ, близъ Коломбо. (Съ ориг. фотогр. А. Н. Краснова.)

который въ прежнія времена заканчивался шпицами. Одна изъ большихъ цейлонскихъ дагобъ, въ Анурадхапурѣ, первоначально

имѣла 405 футовъ высоты, но теперь она не превосходитъ 23[illegible] футовъ; другая прежде имѣла 315 футовъ, а теперь 269 фут[illegible] Всѣ онѣ построены изъ кирпича и оштукатурены особенной бѣлоснѣжной известью, которая хорошо поддается шлифовкѣ, такъ что идеальное зданіе походитъ на хрустальный храмъ. Въ текущемъ столѣтіи многія дагобы были вскрыты; въ одной изъ нихъ вскрытой на о. Цейлонѣ въ 1820 году, внутри оказалось маленькое квадратное кирпичное отдѣленіе, стороны котораго соотвѣтствовали странамъ свѣта. Въ центрѣ подъ самой вершиной дагобы найденъ былъ каменный сосудъ съ крышкой, въ которомъ лежалъ маленькій кусочекъ кости, нѣсколько тонкихъ пластинокъ листового золота, кольца, жемчугъ, ожерелья, глиняныя изображенія священнаго бога змѣй Нага и два свѣтильника. Мощи въ дагобѣ считаются чудотворными и принадлежащими самому Буддѣ или же какому-нибудь буддійскому святому. На Цейлонѣ и понынѣ хранится самая замѣчательная изъ реликвій Будды, а именно *далада* или лѣвый клыкъ, — кусокъ выцвѣтшей слоновой кости, длиною въ два вершка; конечно, онъ слишкомъ великъ для человѣческаго зуба. Онъ находится въ маленькой комнаткѣ вихары при древнемъ дворцѣ кандіанскихъ царей и заключенъ въ девять колоколовидныхъ, золотыхъ, усыпанныхъ драгоцѣнностями, футляровъ, изъ которыхъ каждый запертъ на замокъ; ключи отъ нихъ хранятся у девяти прислужниковъ. Стѣны входнаго корридора украшены фресками, изображающими восемь главныхъ буддійскихъ адовъ, гдѣ грѣшниковъ рвутъ на части раскаленными клещами, перепиливаютъ надвое, стискиваютъ между каменными глыбами, насаживаютъ на раскаленные прутья и т. п. Буддійское милосердіе здѣсь вяжется съ угрозами ужасныхъ пытокъ.

Наравнѣ съ мощами Будды поклоненіе воздается отпечаткамъ его ноги. Наиболѣе извѣстны отпечатки на Адамовомъ пикѣ (Цейлонъ), куда ежегодно стекается до ста тысячъ паломниковъ. Эта святыня представляетъ углубленіе въ пять футовъ длиною и въ два фута шириною. Оно разбито на 108 отдѣленій; въ каждомъ изъ нихъ находится рисунокъ или фигура съ колесомъ въ центрѣ.

На Цейлонѣ до сихъ поръ соблюдается Васса или пребываніе монаховъ въ опредѣленномъ мѣстѣ въ теченіе дождливыхъ мѣсяцевъ, при чемъ они читаютъ народу буддійское священное писаніе. Чтеніе происходитъ во временно построенномъ около вихары пирамидальномъ зданіи съ нѣсколькими площадками. Въ серединѣ его на нѣкоторой высотѣ находится площадка для монаховъ, а народъ сидитъ вокругъ на цыновкахъ. Во время чтенія слушатели держатъ въ рукахъ и на головахъ разнообразные яркіе фонари и свѣтильники, такъ что получается довольно живописная картина.

„Женщины надѣваютъ лучшія платья, зачесываютъ волосы назадъ и тщательно закладываютъ ихъ узломъ, который прикалываютъ серебряными шпильками и маленькими гребешечками. Мужчины обыкновенно въ бѣломъ бумажномъ одѣяніи. Гдѣ только возможно развѣшиваютъ флаги, знамена, узорчатые платки и шарфы. По временамъ раздаются звуки тамтама или пронзительной рѣзкой трубы. Музыка, гулъ человѣческихъ голосовъ, оружейные выстрѣлы,

Шкатулка, въ которой хранится зубъ Будды. Храмъ Далада Малигава на Цейлонѣ.

свѣтъ фонарей въ общемъ производятъ впечатлѣніе, не совсѣмъ согласное съ религіознымъ актомъ“ (*Hardy*). Обыкновенно, читается только палійскій текстъ, такъ что народъ не понимаетъ ни слова и многіе слушатели засыпаютъ или жуютъ бетель. Когда жрецъ произноситъ имя Будды, народъ издаетъ радостное восклицаніе: „Садгу“. Эти чтенія носятъ праздничный характеръ и происходятъ четыре раза въ мѣсяцъ, при перемѣнѣ фазъ луны. Буддисты учатъ, что слушатели, соблюдающіе во время чтенія положенныя восемь правилъ, накопляютъ большія нравственныя

заслуги. Въ эти дни не полагается ни торговать, ни дѣлать коммерческихъ вычисленій, а тѣмъ болѣе обижать кого-нибудь.

Другая церемонія, на которой присутствуютъ міряне, это — Пиритъ, заклинанія отъ демоновъ, т. е. земныхъ духовъ, бывшихъ раньше людьми. Для этой цѣли считаются подходящими нѣкоторыя части священнаго писанія, извѣстныя подъ общимъ именемъ Пирита. Приводимъ содержаніе одного отрывка: „Пусть возрадуются всѣ собравшіеся здѣсь духи, земные и воздушные, пусть слушаютъ внимательно мои слова. Слушайте же, о духи, будьте милостивы къ человѣческому роду. Люди день и ночь приносятъ вамъ жертвы, охраняйте же ихъ. Собравшіеся здѣсь духи земные и воздушные, поклонимся Буддѣ, поклонимся Общинѣ!“ Въ особо важныхъ случаяхъ чтеніе Пирита продолжается безъ перерыва семь дней и семь ночей; для этого приглашаютъ особыхъ жрецовъ, которыхъ окружаютъ торжественною обстановкой.

Буддійскіе монахи на Цейлонѣ именуютъ себя жрецами. „Въ городахъ и деревняхъ Цейлона, населенныхъ сингалезами или кандіанами“, говоритъ *Hardy*, „часто можно видѣть, какъ „жрецы“ Будды собираютъ подаяніе, переходя изъ дома въ домъ. Они, обыкновенно, идутъ по дорогѣ размѣреннымъ шагомъ, босикомъ, съ непокрытою головой, почти не обращая вниманія на окружающихъ. Въ правой рукѣ жрецъ несетъ вѣеръ, въ родѣ пальмоваго листа, которымъ онъ закрываетъ лицо при видѣ женщины, чтобы предохранить себя отъ дурныхъ помысловъ. Чаша у него привѣшена на шеѣ и прикрыта платьемъ, которое онъ откидываетъ только тогда, когда нужно принять подаяніе“. Нѣсколько тысячъ безбрачныхъ монаховъ живутъ въ простыхъ травяныхъ хижинахъ и въ вихарахъ, строго соблюдая буддійскія правила. На видъ они гораздо тупѣе простонародья, и безсмысленный блуждающій взоръ придаетъ имъ какое-то идіотское выраженіе. Это лишь естественный физическій результатъ того созерцанія и зубренія, которыми наполняется ихъ жизнь. Населеніе, однако, считаетъ ихъ какъ бы низшими Буддами и оказываетъ имъ особое почтеніе. Въ одеждѣ они подражаютъ Буддѣ; а чтобы она походила на кучу желтыхъ лохмотьевъ, матерію разрываютъ на куски, которые потомъ сшиваютъ; лѣвое плечо, обыкновенно, покрыто, а правое обнажено.

При вихарѣ почти всегда бываетъ школа, гдѣ мальчики учатся читать, отвѣчать наизусть и писать; пишутъ сначала на пескѣ пальцемъ. Большая часть книгъ, употребляемыхъ въ школѣ, религіознаго содержанія. Недавно буддисты учредили на Цейлонѣ, въ Коломбо, коллегію для изученія санскритскаго, палійскаго и сингалезскаго языковъ. У вихары часто бываютъ крупныя земельныя владѣнія; управляетъ вихарой настоятель, но установленной іерар-

хіи не существуетъ. Устройство школъ составляетъ одну изъ главныхъ заслугъ буддистовъ, которые этимъ оказали большую пользу странѣ. Школьники могутъ сразу сдѣлаться буддійскими послушниками, и церемонія ихъ посвященія очень проста.

Несмотря на ограниченный кругъ своихъ богослужебныхъ обязанностей, монахи играютъ нѣкоторую роль въ церемоніяхъ, связанныхъ съ рожденіями и бракосочетаніями; между прочимъ, они должны назначить благопріятный день для свадьбы. Въ случаѣ болѣзни, буддисты-міряне посылаютъ за монахомъ, отправляя ему въ то же время цвѣты, масло и пищу. Затѣмъ около дома воздвигаютъ временную площадку, гдѣ монахъ въ теченіе шести часовъ читаетъ священное писаніе роднымъ, друзьямъ, а если возможно и самому больному.

Получивъ еще подарки, жрецъ провозглашаетъ: „почтеніемъ мудрые обезпечиваютъ себѣ здоровье, подаяніемъ они стяжаютъ себѣ сокровища“. Если человѣкъ близокъ къ смерти, то монахъ читаетъ буддійскій символъ вѣры, пять запрещеній и четыре серьезныхъ размышленія. На Цейлонѣ принято хоронить мертвыхъ, но тѣла монаховъ обыкновенно сжигаютъ подъ богато разукрашенными балдахинами.

Бирманскій буддизмъ *).

Въ Бирманѣ каждый мальчикъ съ восьми лѣтъ начинаетъ посѣщать монастырскую школу, гдѣ онъ обучается чтенію и письму. Почти все преподаваніе ограничивается буддійскими формулами и предписаніями. До англійскаго владычества мальчикъ по окончаніи школы хоть не надолго поступалъ въ монахи. Даже въ настоящее время сравнительно немногіе отдаютъ предпочтеніе правительственнымъ школамъ.

Вступая въ общину не ранѣе двѣнадцатилѣтняго возраста, послушникъ подвергается сложной церемоніи, которая приблизительно соотвѣтствуетъ христіанскому крещенію. Ему дается новое имя въ знакъ того, что онъ теперь можетъ избѣгнуть страданія. Если онъ возвращается въ міръ, то опять слагаетъ съ себя это имя, но уже то, что онъ его носилъ нѣкоторое время, вмѣняется ему въ заслугу. Дальнѣйшіе вступительные обряды состоятъ въ томъ, что послушнику надѣваютъ тонкія одежды и бреютъ голову, читаютъ палійскую молитву о принятіи его въ общину, чтобы

*) Яркую картину бирманскаго буддизма даетъ интересная книга *Scott*'а «Бирманъ», подписанная псевдонимомъ *Shway Yoe*. *Прим. автора.*

онъ твердо шелъ по пути совершенства и достигъ благословеннаго состоянія „Не-банъ“ (какъ Нирвана называется по-бирмански), а, въ заключеніе, настоятель монастыря вручаетъ ему желтое облаченіе и нищенскую чашу. Потомъ въ домѣ родителей устраивается парадный обѣдъ. Пребываніе послушника въ монастырѣ длится недолго, иногда всего одинъ день, но, по большей части, цѣлый дождливый сезонъ, или Вахъ (Васса, по-европейскому наименованію, четыредесятница). Желающіе посвятить себя религіозной жизни, подробнѣе изучаютъ буддійскія священныя книги; но многое отталкиваетъ послушниковъ, особенно необходимость прислуживать, носить зонтики или книги для старшихъ и просить

Буддійскій жрецъ и ученики въ Бирманѣ.

подаяніе. Въ нижнемъ Бирманѣ родители иногда систематично посылаютъ ѣду сыну-монаху, но въ верхнемъ Бирманѣ это не допускается.

Въ бирманскомъ монастырѣ вся братія встаетъ до разсвѣта по звуку большого колокола. Послѣ умыванія каждый монахъ произноситъ нѣсколько формулъ. Одна изъ нихъ гласитъ: „Какую милость оказалъ мнѣ Будда, открывъ свой законъ, соблюденіе котораго избавляетъ меня отъ ада и обезпечиваетъ спасеніе!“ Затѣмъ всѣ монахи собираются вокругъ изваянія Будды, совершаютъ утреннюю службу и расходятся исполнять различныя домашнія

работы; старшіе члены общины исключительно предаются размышленію. Послѣ легкой закуски и часовыхъ занятій, монахи со своими чашами отправляются въ городъ за подаяніемъ. По возвращеніи они жертвуютъ часть собранной ими пищи статуѣ Будды, а потомъ завтракаютъ сами. Собственно говоря, ихъ завтракъ долженъ состоять изъ полученнаго утромъ подаянія, но его, обыкновенно, раздаютъ ученикамъ и прохожимъ странникамъ, а для монаховъ приготовляется вкусная ѣда. Часть дня наполняется почетными визитами, на которыхъ соблюдается строгій этикетъ, а разговоръ, по словамъ *Shway Yoe*, вертится на томъ, какъ велики заслуги подаянія. Послѣ обѣда въ полдень всѣ возвращаются къ своимъ работамъ: одни поучаютъ, другіе штудируютъ буддійскія книги, третьи присматриваютъ за переписчиками рукописей. Многіе только и дѣлаютъ, что размышляютъ, повторяя формулы общины. Изъ классной, гдѣ ученики тонкимъ голосомъ выкрикиваютъ свой урокъ, доносится гулъ. Вечеркомъ послушники и монахи могутъ немного прогуляться, но къ закату солнца всѣ должны возвратиться домой. Школьники отвѣчаютъ настоятелю заданный имъ урокъ, весь или только по отрывкамъ. Въ восемь съ половиною или въ девять часовъ вечера всѣ собираются передъ изваяніемъ Будды; тогда послушникъ вслухъ называетъ данный часъ, день и годъ. Всѣ поклоняются Буддѣ трижды, затѣмъ кланяются настоятелю и расходятся. По мнѣнію *Shway Yoe*, „школа, во главѣ которой стоитъ разумный и серьезный настоятель, несомнѣнно, должна оказывать хорошее вліяніе, особенно на такой непосредственный и впечатлительный народъ, какъ бирманцы. Пока все мужское населеніе будетъ обучаться въ монастыряхъ, проповѣдь западныхъ миссіонеровъ едва ли сможетъ свергнуть господство буддизма въ этой странѣ.

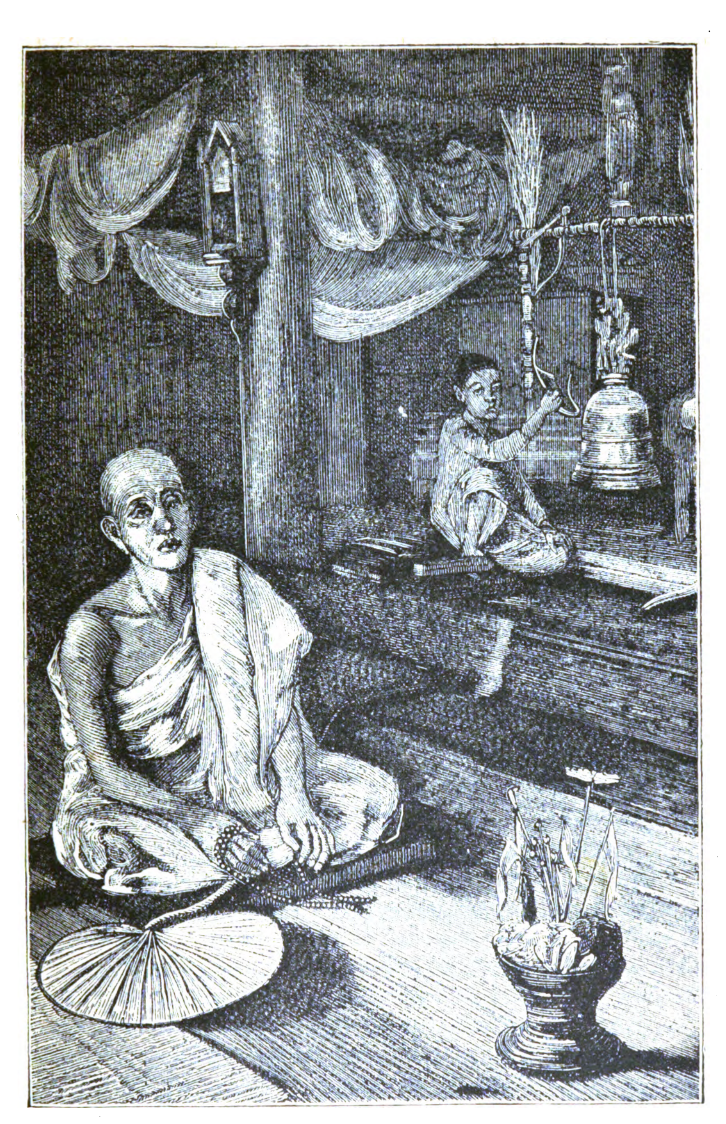
Монахъ, пробывшій въ общинѣ не менѣе десяти лѣтъ и отличающійся стойкостью и самоотреченіемъ, считается „славнымъ", *фонгаи*. Изъ числа такихъ монаховъ избирается настоятель, *саяхъ*. Кромѣ того, есть должность надзирателя за многочисленными областными монастырями и—*садо*, или главнаго учителя. Всѣхъ садо восемь; они образуютъ родъ верховнаго бирманскаго религіознаго совѣта. Буддійскіе монастыри и въ Бирманѣ характерны тѣмъ, что ихъ можно оставить во всякое время.

Жизнь монаха во многихъ отношеніяхъ представляется идеальной, онъ получаетъ пищу, ему не нужно готовиться къ проповѣдямъ, внѣшнихъ религіозныхъ обрядовъ мало, а соблюденіемъ главныхъ буддійскихъ предписаній онъ накопляетъ себѣ запасъ заслугъ. Въ монастырѣ царитъ строгая дисциплина; нарушеніе главныхъ правилъ ведетъ за собою суровое наказаніе: монаха раз-

стригаютъ, исключаютъ, иногда даже побиваютъ каменьями. По-ложеніе исключеннаго монаха весьма плачевно: „никто не говорит съ нимъ, ни одинъ монахъ не принимаетъ отъ него милостын онъ не можетъ ни продавать, ни покупать, не смѣетъ даже н брать воды изъ колодца". Если по сосѣдству съ монастырем міряне ведутъ дурную жизнь или пренебрегаютъ религіозным обязанностями, то братія перевертываетъ чаши и не выходитъ н сборъ милостыни. Это считается такимъ бѣдствіемъ, что сам закоснѣлые грѣшники скоро смиряются. Въ средѣ монаховъ н рѣдко встрѣчаются злоупотребленія: нѣкоторые изъ нихъ прин маютъ золото и серебро или какъ-нибудь обходятъ правила. Эт настолько распространено, что въ Нижнемъ Бирманѣ появилас секта, которая стремится возстановить истинное буддійское отр ченіе и предписанія и уже пріобрѣла много сторонниковъ как изъ числа монаховъ, такъ и изъ числа мірянъ. Въ общемъ народ оказываетъ большое уваженіе монахамъ; всѣ имъ кланяются, а в Верхнемъ Бирманѣ женщины, завидѣвъ монаха, становятся на ко лѣни у дороги. Старѣйшій мірянинъ считаетъ себя ученико самаго юнаго монаха и говоритъ о самыхъ обыкновенныхъ ег поступкахъ высокимъ слогомъ.

Въ каждой бирманской деревнѣ есть монастырь, скрытый от суеты мірской въ чащѣ деревьевъ. Это — продолговатое одноэтаж ное зданіе, построенное, обыкновенно, изъ тиковаго дерева ил изъ кирпича; жилыя комнаты подняты на столбахъ на высот 8—10 футовъ. Стѣны украшены рѣзною и лѣпною работой; выступ крыши образуютъ какъ бы нѣсколько (три, пять, семь) этажей Главная зала раздѣлена на двѣ части: одна для учениковъ, а дру гая, болѣе высокая, для пріема посѣтителей. Въ глубинѣ послѣд ней, у стѣны, на особомъ алтарѣ находятся изваянія Будды, свѣчи цвѣты, молитвенные флаги и т. д.; около алтаря разставлены раз личныя сокровища, книги, рукописи, ящички, модели монастыре и пагодъ и т. д. Эта комната служитъ также спальней для мона ховъ. Иногда въ одной оградѣ находится цѣлый рядъ подобных строеній.

Главный монастырь близъ Мандалая представляетъ одно из замѣчательнѣйшихъ въ мірѣ сооруженій этого рода. „Каждое здані отличается великолѣпіемъ; каждый отдѣльный кусочекъ выточен съ искусствомъ китайской игрушки, все покрыто позолотой и зеркальною мозаикой. Внутренность не менѣе замѣчательна; осо-бенно хороша тонкая рѣзная работа по дереву". Это лишь один изъ многочисленныхъ монастырей, разбросанныхъ на протяжені между Мандалайскими горами и городомъ. Нѣкоторые изъ нихъ славятся библіотеками, гдѣ собраны книги на пальмовыхъ листахъ,

Призывъ къ молитвѣ въ буддійскомъ монастырѣ.

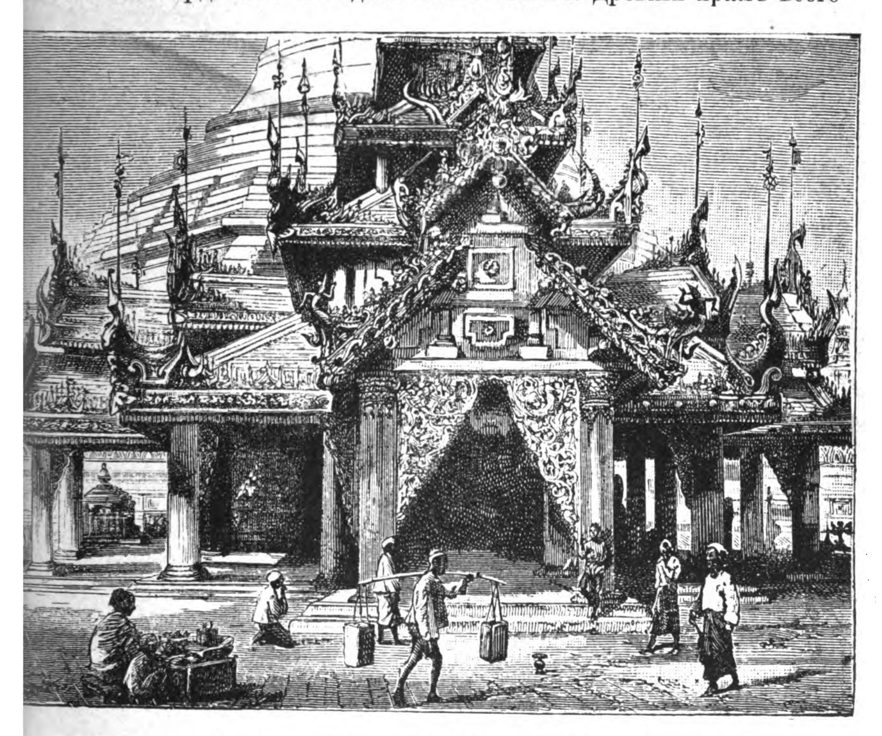
тогда какъ въ Нижне-Бирманскихъ монастыряхъ часто не имѣется даже полнаго экземпляра „Малой Колесницы", который состоитъ всего изъ трехъ книгъ. Постройка и содержаніе монастырей составляетъ

привилегію міряиъ, и поле для этой дѣятельности всегда открыто. Однако, многіе монастыри имѣютъ собственное значительное состояніе. Бирманцы несутъ крупный налогъ въ пользу буддизма, такъ какъ, помимо щедрыхъ подаяній, имъ нужно заботиться объ устройствѣ праздниковъ пагодъ.

Бирманскія пагоды численностью превосходятъ монастыри; какъ и въ Индіи, на ряду со старыми разрушенными, постройками находятся новыя, пестрыя зданія, гдѣ хранятся воображаемыя мощи Будды или другихъ святыхъ. Бирманцы называютъ эти строенія *зайди*, т. е. жертвенникъ или мѣсто молитвы; а самыя извѣстныя пагоды называются *паяхами*. Въ каждой изъ нихъ замурованы мощи, или священный предметъ, безъ чего „Хти", или зонтикъ не могъ бы увѣнчать ея шпица. Часто въ нихъ стоятъ золотыя изображенія Будды съ укрощенною змѣей. Строеніе воздвигается на небольшой насыпи; ему придается видъ лотоса, а иногда — опрокинутаго колокола со шпицомъ. Для постройки употребляются просушенные на солнцѣ кирпичи, легко подверженные порчѣ. Лишь немногія изъ этихъ зданій обновляются или строятся достаточно прочно. Иногда большая пагода у подножія окружена маленькими, и въ каждой изъ нихъ находится изваяніе Будды.

Великолѣпный буддійскій храмъ Швей-Дагонъ-Паяхъ находится въ Рангунѣ. По сказаніямъ, въ немъ хранится восемь волосъ Гаутамы Будды и мощи трехъ Буддъ, его предшественниковъ. Храмъ расположенъ на огромномъ холмѣ съ двумя террасами, изъ которыхъ верхняя возвышается надъ остальною мѣстностью на 166 футовъ; площадь ея 900 × 685 футовъ. Къ храму ведетъ крытая лѣстница съ площадками, украшенная фресками, которыя изображаютъ сцены изъ жизни учениковъ Будды и ужасныя мученія, ожидающія грѣшниковъ въ аду. Посреди верхней террасы построенъ массивный, восьмиугольный, кирпичный паяхъ, 370 футовъ высоты, покрытый снаружи позолотой; вершину его вѣнчаетъ *хти*, или вызолоченный зонтикъ изъ желѣзныхъ колецъ, на которыхъ привѣшены золотые и серебряные колокольчики, усыпанные драгоцѣнными камнями, звенящіе при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра. У подножія пагоды — четыре часовни съ колоссальными сидячими фигурами Будды и сотнями маленькихъ изваяній его во всевозможныхъ видахъ и положеніяхъ, которыя окружаютъ большія статуи или даже прикрѣплены къ нимъ. Многочисленныя украшенія не поддаются описанію. Особаго вниманія заслуживаетъ масса колоколовъ различныхъ размѣровъ до колоссальнаго въ 42 тонны (свыше 2500 пуд.) включительно. Во время второй бирманской войны англичане отбили этотъ колоколъ, но при перевозкѣ уронили его въ рѣку Рангунъ и никакъ не могли вытащить со дна.

Заручившись позволеніемъ, бирманцы съ помощью самыхъ примитивныхъ приспособленій принялись тащить колоколъ, и, благодаря настойчивымъ стремленіямъ, имъ это удалось, такъ что, къ великому торжеству буддистовъ, его привезли обратно. Во всякомъ случаѣ, захватъ религіозной эмблемы или какого-нибудь имущества у побѣжденныхъ народовъ, это—такой поступокъ, которымъ не можетъ гордиться ни одинъ англичанинъ. Древній храмъ всего

Входъ въ Швей-Дагонъ-Паяхъ въ Рангунѣ.

двадцати-семи футовъ высотою былъ съ теченіемъ времени нѣсколько разъ обнесенъ кирпичными футлярами, отчего становился все выше и обширнѣе и, наконецъ, достигъ своихъ нынѣшнихъ размѣровъ. Позолота отъ время до времени возобновляется; кромѣ того и сами вѣрующіе взбираются на возможную высоту и прибиваютъ къ стѣнамъ квадратныя пластинки листового золота. Прокаженные, калѣки и монахини въ бѣлыхъ одѣяніяхъ на ступенькахъ жалобно просятъ милостыни. Вокругъ храма, на самой

площадкѣ сидятъ продавцы цвѣтныхъ свѣчей, китайскаго ѳиміам молитвенныхъ флаговъ и листового золота. Молодыя дѣвуш торгуютъ цвѣтами, въ особенности, лотосомъ и различными же твенными печеньями. Площадка никогда не пустѣетъ; далеко полночь можно слышать голосъ вѣрующаго, распѣвающаго в торжественно-монотонный ладъ свои благочестивыя воззванія. Да въ будни, а тѣмъ болѣе въ праздникъ, смѣхъ, веселая тол мужчинъ и дѣвушекъ въ яркихъ національныхъ костюмахъ ож вляютъ площадку Швей-Дагона и дѣлаютъ ее однимъ изъ живопи нѣйшихъ зрѣлищъ въ мірѣ (*Shway Yoe*).

Швей-Мо-До, или лотосъ,—алтарь въ Пегу; хранилище свяще ныхъ волосъ въ Промѣ и большой храмъ въ Мандалаѣ также пр надлежатъ къ выдающимся строеніямъ Бирмана. Мы должны ен упомянуть о рядѣ пагодъ около Пагана, древней столицы на рѣ Ирравади; эти постройки тянутся на восемь миль вдоль бере и на двѣ мили въ глубь страны [1]). Нѣкоторыя изъ нихъ имѣют форму креста и своими сводами, большими галлереями и попере ными ходами напоминаютъ древнѣйшіе соборы; въ другихъ ес минареты или пирамиды чеканной работы; третьи похожи огромные круглые грибы. Говорятъ, что въ этомъ мѣстѣ—до деся тысячъ пагодъ, но многія изъ нихъ уже развалились и зарос лѣсомъ (джунглями). Нерѣдко въ нихъ можно встрѣтить коло сальныя фигуры Будды и скульптурныя группы. Другое средоточ храмовъ, это — на островѣ Швей-гу между Мандалаемъ и Бгам гдѣ ихъ насчитываютъ девятьсотъ-девяносто-девять.

Итакъ, бирманцы полагаютъ, что построеніе пагоды есть в ликая нравственная заслуга, но однако, по словамъ *Shway Y* они далеки отъ идолопоклонства и не почитаютъ ни мощей, иконъ. Пагода съ изваяніемъ Будды служитъ только подходящи мѣстомъ, чтобы восхвалять его и проникаться подражаніемъ е милосердой и безгрѣшной жизни. Ему, собственно, не молятся, произносятъ лишь славословія, выученныя въ монастырской шко или же сочиненныя самими вѣрующими по образцу тѣхъ, котор были уже приведены нами. Хвалы обращены не только къ стату но и ко всему строенію и могутъ быть произнесены въ како угодно мѣстѣ, даже на значительномъ разстояніи отъ него. П ломники, идущіе въ Рангунскій храмъ, завидѣвъ издали его шпиц время отъ времени повергаются на землю, повторяя обычныя фо мулы или палійскія изреченія, смыслъ которыхъ имъ неизвѣсте Многіе приносятъ съ собою маленькіе молитвенные флаги разн образной формы, въ центрѣ которыхъ написано какое-нибу

[1]) Подробное ихъ описаніе см. въ книгѣ полковника *Yule*'я Mission to A *Прим. автора.*

лагочестивое изреченіе на палійскомъ или бирманскомъ языкѣ ؟озложеніе этихъ флаговъ на алтарь вмѣстѣ со свѣчами, лампадами ;вѣтами, палочками ѳиміама вмѣняется въ заслугу вѣрующему. Іужчины, пришедшіе на поклоненіе, присѣдаютъ на корточки, одавшись немного впередъ и прикладывая сложенныя руки ко бу; женщины становятся на колѣни и особенно тщательно порываютъ ноги; всѣ, конечно, безъ обуви. Передъ тѣмъ, какъ произести изреченія, вѣрующій три раза падаетъ ницъ, касаясь лбомъ емли. Во время поклоненія принято держать между ладонями акой-нибудь даръ, а потомъ почтительно возложить его на алтарь.

Странно сказать, что бирманцы еще не додумались до того, тобы увѣковѣчивать статуи Будды, которыя они въ рѣдкихъ лучаяхъ дѣлаютъ изъ мрамора или мѣди, а большей частью изъ рупкаго кирпича, извести или дерева. Статуи также не отличаются разнообразіемъ. Будда изображенъ или стоящимъ въ моентъ проповѣди, или сидящимъ съ поджатыми ногами, или лежаѵимъ въ ожиданіи близкой смерти. Стоячія фигуры очень велики особенно распространены въ Верхнемъ Бирманѣ, гдѣ ихъ дѣлаютъ высотою до сорока футовъ; многія изъ нихъ позолочены. Въ іижнемъ Бирманѣ помѣщеніе около алтаря биткомъ набито всеозможными маленькими фигурками, а немногочисленныя большія зображенія высѣчены снаружи въ стѣнѣ или поставлены на отрытомъ мѣстѣ.

Невѣжественные люди приписываютъ чудеса нѣкоторымъ стауямъ или мощамъ; но просвѣщенные буддисты отвергаютъ такія оззрѣнія, и лишь нѣкоторымъ безнравственнымъ монахамъ удается аспространять ихъ. У подножія Мандалайскаго холма находится імѣчательная мраморная статуя Будды двадцати-двухъ футовъ ысоты, страшно тяжелая, высѣченная изъ цѣльной глыбы. На ершинѣ холма—другая статуя, у которой только глазныя яблоки окрыты позолотой, и вѣрующіе постоянно возобновляютъ ее. Нѣкоторыя извѣстныя изображенія возведены изъ кирпича и пристроены къ какой-нибудь скалѣ. Многія изъ нихъ — слѣды минувихъ поколѣній — теперь совершенно заброшены, и лишь случайый посѣтитель воздастъ имъ поклоненіе, но смотритъ на нихъ корѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ благоговѣніемъ.

Въ Бирманѣ праздники пагодъ обставлены очень торжественно напоминаютъ многолюдныя средневѣковыя ярмарки въ Европѣ; іждое святилище имѣетъ свой особый праздникъ. Вѣрующій, ришедшій на поклоненіе, остается въ святилищѣ нѣсколько минутъ и произноситъ восхваленія Буддѣ; многіе этимъ ограничиаются, но другіе еще слушаютъ чтеніе и толкованіе священныхъ нигъ настоятелемъ монастыря. Четыре праздничныхъ дня въ

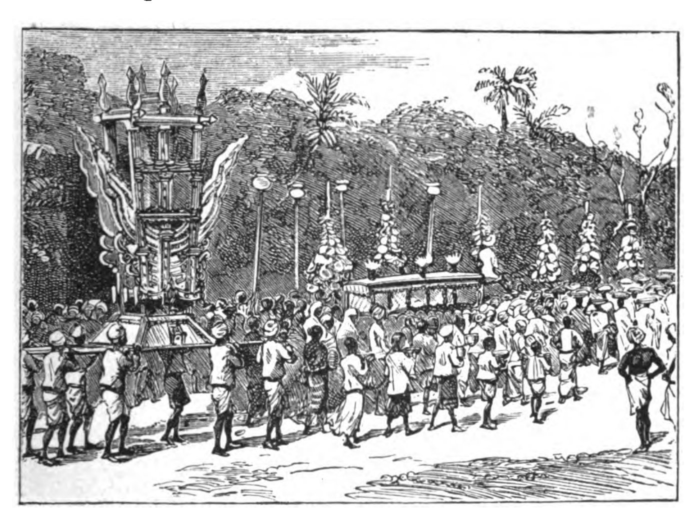
мѣсяцѣ также соблюдаются, хотя не вездѣ одинаково, а въ Ни
немъ Бирманѣ со временъ британскаго владычества они совпа
ютъ съ христіанскимъ воскресеньемъ. Трехмѣсячный Вахъ (соотвѣ
ствующій Вассѣ), нѣчто въ родѣ четыредесятницы, только бе
поста. Въ то время особенно тщательно выполняются религіозн
обязанности и не устраивается ни пировъ, ни свадебъ. Богат
люди часто приглашаютъ къ себѣ въ домъ монаховъ для тол
ванія закона, при чемъ созываютъ своихъ друзей, чтобы ихъ
слушать. Дождливое время заканчивается особаго рода карна
ломъ, во время котораго въ Рангунѣ бываетъ много пировъ, пы
ныя иллюминаціи и даже представленія въ монастыряхъ.

Несмотря на господство буддизма, бирманцы продолжаютъ
рить въ духовъ природы или „натовъ". Бирманское слово „нат
имѣетъ двоякое значеніе: одни наты, обитатели шести низши
небесъ, это — девы, позаимствованныя изъ ведійской миѳологіи,
другіе, это—водяные, воздушные и лѣсные духи. Послѣднихъ-то
стараются умилостивить изъ опасенія, чтобы они не причини
зла. Для этой цѣли на окраинѣ каждой бирманской деревни
ходится маленькое святилище, — иногда не что иное, какъ п
стая бамбуковая клѣтка съ однимъ размалеваннымъ изваяніе
или съ нѣсколькими изваяніями, по уродству не уступающи
фетишамъ, и передъ ними поселяне приносятъ жертвы. Въ Би
манѣ, несмотря на противодѣйствіе буддійскихъ жрецовъ, оче
распространена вѣра въ мѣстныхъ духовъ, въ духовъ болѣзни,
демоновъ, въ предзнаменованія, въ колдуновъ. Бирманцы считаю
нѣкоторые дни счастливыми, а другіе несчастными, или же п
годными для той и непригодными для иной цѣли, а астроло
извлекаютъ изъ этого выгоду. Такимъ образомъ, на ряду съ в
вышенными буддійскими понятіями въ Бирманѣ можно найти п
митивную вѣру въ духовъ. Но бирманскимъ воззрѣніямъ, главн
духъ человѣческой жизни, это—духъ мотылька, который витае
во снѣ, можетъ быть заколдованъ чародѣемъ, можетъ подпа
подъ власть демона, можетъ находиться подъ охраной колдун
и, наконецъ, отлетаетъ при смерти.

Бракъ въ Бирманѣ не связанъ съ какою-либо религіозною це
моніей, такъ какъ самое понятіе о немъ противорѣчитъ мона
скимъ правиламъ, но въ похоронахъ монахи принимаютъ больш
участіе. Ихъ приглашаютъ въ домъ, гдѣ побывала смерть, что
предохранить его отъ злыхъ духовъ; они произносятъ рѣчь
суетѣ человѣческихъ желаній, о неизвѣстности и несчастьи жиз
они получаютъ щедрыя подаянія по мѣрѣ своихъ услугъ; на
гилѣ они читаютъ пять заповѣдей, перечисляютъ десять добры
дѣлъ и произносятъ различныя палійскія изреченія. Когда о

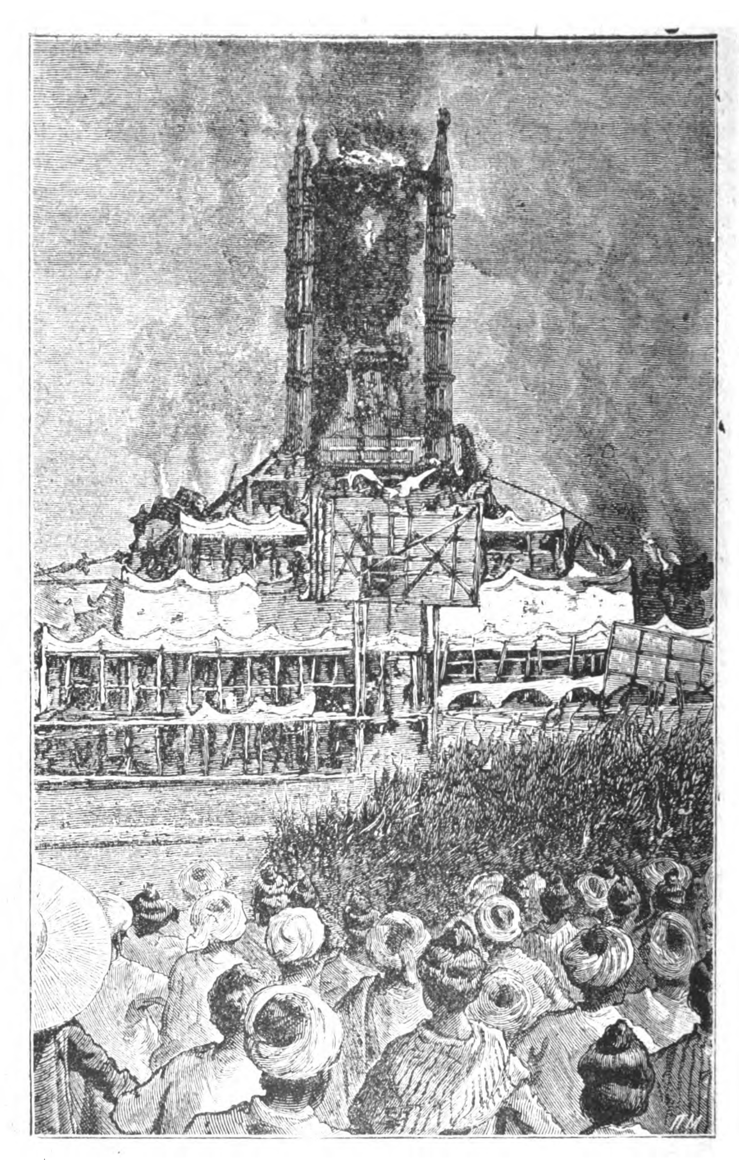
собираются уходить со своими дарами, то руководитель погребальнаго шествія льетъ на землю воду, приговаривая: „пусть покойному и всѣмъ присутствующимъ вмѣнится въ заслугу принесенная жертва и нынѣшняя церемонія", чтобы земля помнила это на случай, если люди забудутъ. Часто еще цѣлую недѣлю не прекращается оплакиваніе и угощеніе; монахи принимаютъ дары, читаютъ палійскія изреченія, прогоняютъ злыхъ духовъ и очищаютъ домъ. Въ Бирманѣ и теперь еще часто сожигаютъ трупы.

Похороны монаха носятъ совсѣмъ другой характеръ. Умирая, онъ только возвращается на одно изъ безчисленныхъ небесъ; и

Бирманское погребальное шествіе.

его похороны называются „фонгаи-біанъ" или возвращеніе къ великой славѣ. На похороны знаменитыхъ монаховъ стекается все окрестное населеніе. Послѣ сложныхъ приготовленій, тѣло монаха укладываютъ въ великолѣпный саркофагъ, покрытый живописью на религіозные сюжеты и различными украшеніями; такъ оно лежитъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ открытомъ деревянномъ строеніи, которое называется „монастыремъ умершаго". Сюда приносятъ картины различнаго содержанія и другіе дары, сюда приходятъ толпы паломниковъ, которые произносятъ свои религіозныя изреченія, жертвуютъ цвѣты и плоды и дѣлаютъ взносъ на послѣднюю церемонію, т. е. воздвиженіе и сооруженіе погребальнаго костра. На мѣстѣ, расчищенномъ отъ джунгля, воздвигается

Погребальный костеръ бирманской Фонгаи.

богато разукрашенная постройка съ семью крышами и со шпицомъ до семидесяти футовъ высоты. Раньше всего туда ставятъ погребальную колесницу, при чемъ происходитъ цѣлая драка изъ-за того, кому тащить ее, такъ какъ это считается великой заслугой. Наконецъ, гробъ относятъ на площадку надъ будущимъ костромъ, гдѣ сложены горючія вещества. Костеръ зажигаютъ издали посредствомъ ракетъ. Оставшіяся кости умершаго погребаютъ близъ пагоды. Въ отличіе отъ другихъ буддійскихъ странъ, въ Бирманѣ на могилахъ не воздвигаютъ пагодъ или святилищъ.

Сіамскій буддизмъ.

Сіамскій буддизмъ во многомъ сходенъ съ бирманскимъ. Сіамскіе монахи только въ дождливое время года живутъ въ своихъ, большею частью, вполнѣ благоустроенныхъ монастыряхъ. Въ Сіамѣ очень почитаютъ священный отпечатокъ ноги Будды въ пять футовъ длиною и 2 фута шириною, такъ называемый Пхра-Батъ; надъ нимъ воздвигнутъ алтарь, гдѣ приносятся цѣнныя жертвоприношенія. Углубленіе это, въ сущности, мало похоже на слѣдъ ноги, но считается безусловною святыней. На такъ называемыхъ подлинныхъ снимкахъ съ него, раздѣленныхъ на 108 отдѣленій, есть масса помѣтокъ съ символическими буддійскими фигурами. Въ общемъ буддійскія предписанія выполняются въ Сіамѣ точнѣе, чѣмъ въ Бирманѣ.

Въ большомъ храмѣ Ватъ-Пох въ Банкокѣ стоитъ колоссальная кирпичная фигура умирающаго Будды около ста-шестидесяти футовъ длиною, покрытая лакомъ и густой позолотой. На огромныхъ подошвахъ ея ногъ перламутровая инкрустація изображаетъ событія изъ жизни Будды. Полъ этого храма выложенъ мраморной мозаикой. Ватъ-Чангъ, или храмъ слона имѣетъ видъ огромной башни съ замѣчательными наружными украшеніями, которыя издали походятъ на мозаику изъ драгоцѣнныхъ камней, но на дѣлѣ — не что иное, какъ смѣсь битаго стекла, мишуры и раковинъ. На каждомъ изъ четырехъ фасадовъ этого храма помѣщено изображеніе трехголоваго слона.

Въ Сіамѣ, обыкновенно, сожигаютъ трупы. Жрецы молятся день и ночь въ домѣ покойника до тѣхъ поръ, пока тѣло его не перевезутъ на землю, принадлежащую храму. Промежутокъ между смертью и похоронами колеблется соотвѣтственно общественному положенію и средствамъ семьи и доходитъ иногда до нѣсколькихъ мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ непрерывно читаются молитвы и на гробъ возлагаются цвѣты. Однако случается, что трупы предоставляютъ на растерзаніе коршунамъ и собакамъ.

Лаосы полагаютъ, что дѣти есть порожденіе духовъ, поэтому новорожденныхъ они кладутъ на верхнюю ступеньку лѣстницы, ведущей къ дому, и взываютъ къ духамъ, чтобы они тотчасъ же взяли съ собой ребенка или уже никогда больше не обижали его. Духамъ приносятъ различныя жертвы. На второй день ребенокъ уже внѣ ихъ власти, тѣмъ болѣе, что его фиктивно продаютъ за ничтожную плату какому-нибудь родственнику, такъ какъ предполагается, что духи не берутъ того, что было продано.

Въ Сіамѣ распространено одноженство. Буддійскій жрецъ принимаетъ участіе въ брачной церемоніи, читаетъ отрывокъ изъ священнаго писанія, молится о благословеніи четы и затѣмъ окропляетъ ее святою водой. Бракъ завершается молитвами и пиромъ.

Въ пользу возможнаго возрожденія буддизма говоритъ то обстоятельство, что въ Сіамѣ за послѣднее время возникло нѣсколько свободныхъ буддійскихъ церквей, которыя отвергаютъ чудесный миѳическій элементъ и возвращаются къ чистому нравственному ученію основателя. Покойный король оказывалъ большую поддержку этимъ церквамъ и ихъ стремленіямъ; его министръ иностранныхъ дѣлъ Чао-Фіа-Фраклангъ написалъ „Книгу, объясняющую многія вещи“, въ которой онъ доказывалъ, что многое въ народной миѳологіи не согласно съ буддизмомъ; тѣмъ не менѣе онъ сохранилъ вѣру въ то, что Будда посѣтилъ небо и поучалъ ангеловъ. Этого ученаго можно назвать буддійскимъ раціоналистомъ, проповѣдующимъ всеобщую нравственность. Тщательно изучивъ христіанство, онъ однако не согласился съ нимъ, считая его „неразумной религіей“. Книгу Фракланга, переведенную на англійскій языкъ *Alabaster*'омъ, стоитъ прочесть, какъ образчикъ ѣдкой критики, которой христіанскіе миссіонеры подвергаются со стороны образованныхъ буддистовъ. Приводимъ выдержку, относящуюся къ ученію о будущей жизни. „Мы видимъ, что одни умираютъ въ молодости, другіе доживаютъ до старости; одни рождаются великими, другіе нѣтъ; одни богаты, другіе бѣдны; одни красивы, другіе уродливы; одни никогда не болѣютъ, другіе вѣчно больны; есть на свѣтѣ слѣпые, глухіе, калѣки, сумасшедшіе. Если мы допустимъ, что Богъ ихъ создалъ такими, то мы должны считать, что онъ несправедливъ, пристрастенъ и непостояненъ, что онъ причиняетъ страданіе тѣмъ, кто этого не заслужилъ, и не подаетъ человѣку той доли счастья и несчастья, которая достается даже игроку. Но если мы будемъ вѣрить въ послѣдовательный обмѣнъ жизни между существами, т. е. въ переселеніе душъ и въ то, что добро и зло зависятъ отъ насъ самихъ и являются результатомъ заслугъ или поступковъ, то мы на это будемъ имѣть нѣкоторое основаніе“.

„Тѣ, которые не вѣрятъ, что послѣ смерти душа навѣки идетъ на небо или въ адъ, не могутъ доказать, что оттуда нѣтъ возврата. Конечно, прекрасно было бы безъ дальнѣйшихъ перемѣнъ попасть послѣ смерти прямо на небо, но едва ли это возможно, потому что вѣрующіе, не вполнѣ очистившіе сердца отъ грѣха и не приготовившіеся къ этому прекрасному мѣсту, гдѣ никто не рождается, не старѣется и не умираетъ, будутъ все еще осквернены неискорененнымъ грѣхомъ... Какъ возможно, чтобы тѣ, которые не смыли съ души дурныхъ наклонностей, попали на прекраснѣйшее небо и вѣчно пребывали съ Богомъ Творцомъ? А изъ тѣхъ, кто вѣчно долженъ оставаться въ аду, многіе вѣдь имѣютъ заслуги и совершали добро. Неужели же это совсѣмъ не зачтется?“

ГЛАВА IX.

Современный буддизмъ II.

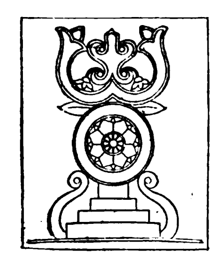
Тибетскій буддизмъ.— Тибетское священное писаніе.— Поклоненіе. — Богдисатва.— Майтрея. — Единичные Будды. — Дгіани-Будды. — Буддійскія небеса.—Ламы.— Великій Лама.— Исторія тибетскаго буддизма.— Монгольскіе императоры.—Далай-Лама и Панченъ-Лама.— Преемники Великаго Ламы.— Большіе монастыри.—Буддійскій Ватиканъ.— Аудіенція у Великаго Ламы.— Таши Лунпо.—Молитвенный механизмъ.—Молитвенные цилиндры. — Молитвенныя стѣны и молитвенные флаги.—Ежедневное богослуженіе монаховъ.— Праздники и посты. — Папская область буддизма. — Китайскій буддизмъ.— Введеніе буддизма въ Китаѣ. — Китайская біографія Будды. — Миѳическія подробности. — Буддійскіе патріархи. — Переводъ буддійскихъ книгъ. — Оппозиція конфуціанистовъ. — Богди-Дгарма. — Монгольскіе императоры. — Офиціальное противодѣйствіе буддизму.— Современное состояніе.—Храмы.— Изваянія.—Реализмъ статуй.—Кванъ-йинъ.—Амитабга.—Храмъ 500 святыхъ.— Тіенъ тай. — Школы китайскаго буддизма. — Линъ ци. — Монастыри и монахи.—Отшельники.—Женскіе монастыри.— Народныя воззрѣнія.—Буддійскій календарь. — Вліяніе буддизма въ Китаѣ.—Секта ничегонедѣлателей.— Японскій буддизмъ. — Шинъ-шинъ.

Тибетскій буддизмъ.

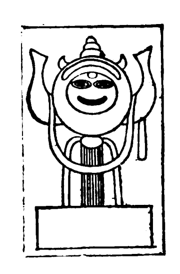
Въ Тибетѣ буддизмъ наложилъ свой отпечатокъ на весь складъ народной жизни. Буддійскіе жрецы фактически владѣютъ всею страной и почти что номинально подчиняются власти Китая. Ихъ іерархія, монастыри, церемоніи уже не разъ вызывали сравненіе съ римско-католическою церковью. Тибетскій буддизмъ представляетъ почти полный контрастъ съ простотою общины Гаутамы. Буддизмъ проникъ въ Тибетъ не ранѣе VII столѣтія послѣ Р. Х., имѣя за собою слишкомъ тысячелѣтнюю исторію и получивъ уже господство въ Кашмирѣ и Непалѣ. Древніе тибетцы, подобно другимъ монгольскимъ народамъ, покланялись природѣ, вѣрили въ колдовство и трепетали передъ злыми духами. Несомнѣнно, что ихъ прежнія вѣрованія оказали вліяніе на перемѣны, происшедшія въ буддизмѣ.

Раньше всего укажемъ, какія отклоненія отъ основныхъ доктринъ буддизма встрѣчаются въ тибетскомъ священномъ писаніи. Здѣсь уже воздается поклоненіе: Буддѣ, Закону или Ученію и

Общинѣ; даже Фа-Сянъ относился къ Общинѣ, какъ къ особой личности, обладающей „страшными сверхъестественными силами". Изваянія Будды получили всеобщее распространеніе, а впослѣдствіи Законъ и Община у сѣверныхъ народовъ были представлены символами. Въ настоящее время законъ часто изображается въ видѣ мужчины (въ Сиккимѣ же въ видѣ женщины) съ четырьмя руками, изъ которыхъ двѣ сложены на молитву или подняты, третья держитъ книгу или лотосъ, а четвертая—четки или цвѣточную гирлянду. Впрочемъ, для обозначенія Закона иногда просто употребляется книга. Община представлена въ видѣ человѣка, который въ одной рукѣ держитъ лотосъ, а другую положилъ на колѣни. Но странно, что порядокъ расположенія этихъ трехъ символическихъ фигуръ не всегда одинаковъ.

Буддійская эмблема Дгармы (Закона).

Эмблема Дгармы въ храмѣ Даначаннаты (индусская).

Дальнѣйшее развитіе буддизма стоитъ въ связи съ присущимъ Буддѣ состояніемъ Бодги-Сатвы. Прежде чѣмъ родиться на землѣ, Гаутама существовалъ въ состояніи просвѣтленнаго познанія, былъ Бодги-Сатвой, и добровольно пожелалъ сдѣлаться спасителемъ міра, прежде чѣмъ достигнуть Нирваны, которая ему полагалась. Гаутама велѣлъ своимъ послѣдователямъ ожидать пришествія другого Будды, который нынѣ Бодги-Сатва; онъ извѣстенъ подъ именемъ Майтреи (сострадательнаго), и придетъ черезъ 5000 лѣтъ, когда Гаутама будетъ забытъ и законъ уже не будетъ соблюдаться. Въ настоящее время онъ находится на небѣ блаженныхъ и оберегаетъ буддистовъ и ихъ интересы. Въ виду того, что онъ живетъ, а не умеръ и со временемъ сдѣлается Буддой, ему воздается хвала и возсылаются мольбы. Хуэнъ-Сіангъ приводитъ слова: „Красота Майтреи не поддается описанію; его законъ не отличается отъ нашего; его чудный голосъ нѣженъ и чистъ". Поклонники Майтреи надѣются попасть на его небо и слушать его голосъ.

Главные ученики Будды и люди, прославившіеся благочести-

вой жизнью или ревностною проповѣдью ученія, были съ теченіемъ времени причислены къ лику святыхъ и почти что возведены въ божеское достоинство. Зародилась также мысль о существованіи единичныхъ Буддъ и многихъ Бодги-Сатвъ. Великая Колесница или Магаяна учитъ о томъ, что явится множество высшихъ Буддъ и Бодги-Сатвъ, которые достигнутъ своего положенія добродѣтелями и мудростью. Бодги-Сатвы наслаждаются небеснымъ царствомъ, не стремясь къ Нирванѣ. Согласно тибетскому ученію, эти Будды только воплощаются на землѣ въ лицѣ цѣлаго ряда святыхъ и, слѣдовательно, представляютъ подобіе аватаровъ индусскихъ боговъ. Разумѣется, имъ воздается почитаніе, такъ какъ они поднимаютъ своихъ поклонниковъ до высоты благословеннаго неба, гдѣ они сами обитаютъ. Итакъ, тибетскій буддизмъ обѣщаетъ реальное небо и отодвигаетъ на задній планъ отвлеченную Нирвану.

Въ III вѣкѣ въ Сѣверной Индіи, кромѣ Майтреи, почитали еще трехъ Бодги-Сатвъ. Какъ покровители Будды, они въ народномъ мнѣніи мало-по-малу превратились въ охранителей всѣхъ буддистовъ. Первый изъ нихъ Авалокитесвара (владыка, взирающій свыше съ состраданіемъ) считается въ Тибетѣ великимъ духомъ, который, пребывая всегда на небѣ, воплощается въ лицѣ всякаго Далай-Ламы. Онъ заботится о благосостояніи людей и различныхъ духовъ; его называютъ „милосерднымъ богомъ", „владыкой міра" и т. д., молятся ему часто во время опасности или болѣзни, просятъ у него избавленія отъ возрожденій. Его обыкновенно изображаютъ съ нѣсколькими лицами и нѣсколькими руками, при чемъ головы расположены пирамидой въ три ряда; двѣ руки сложены на молитву Буддѣ, а двѣ другія держатъ лотосъ и колесо. Часто ему придаютъ сходство съ Вишну. Ваджра-пани (громовержецъ), родъ буддійскаго Сивы, обуздываетъ и побѣждаетъ злыхъ духовъ, а Манджусри (славный красотою), вѣроятно, представляетъ обоготвореніе того брамана, который ввелъ буддизмъ въ Непалѣ.

Позднѣе зародился еще новый мистическій культъ Дгіани-Буддъ, или Буддъ, существующихъ въ высшихъ мірахъ отвлеченнаго мышленія и соотвѣтствующихъ земнымъ Буддамъ. Каждый изъ нихъ изъ состоянія Дгіани-Бодги-Сатвы переходитъ ко временному наблюденію за буддизмомъ въ промежутокъ между смертью одного Будды и пришествіемъ другого. Уже издавна Дгіани-Будда, соотвѣтствующій Гаутамѣ, именно Амитабга (распространитель безконечнаго свѣта) почитался за отдѣльнаго бога. Непальскіе буддисты пошли еще дальше и проповѣдуютъ теорію о существованіи Ади-Будды, первоисточника міра, отъ котораго произошли всѣ Дгіани-Будды и который соотвѣтствуетъ индусскому Брамѣ. Но ни Ади-Будда, ни Амитабга не считаются создавшими міръ изъ ничего.

Буддисты описываютъ двадцать-шесть небесъ, въ которыхъ обитаютъ и царятъ многіе индусскіе боги. Шесть изъ этихъ небесъ отведены существамъ, которыя еще подвержены чувственнымъ желаніямъ; шестнадцать — тѣмъ, которыя проходятъ черезъ послѣдовательныя ступени отвлеченнаго мышленія; это такъ называемые міры браманскихъ боговъ, гдѣ правитъ самъ Брама; впрочемъ, онъ стоитъ гораздо ниже Будды. Послѣ огромнаго промежутка времени. Эти боги должны перейти въ новую форму существованія. Наконецъ, есть четыре неба для существъ, не имѣющихъ формы. Тибетская миѳологія, представляющая значительныя уклоненія отъ первобытнаго буддійскаго ученія, однако, держится того взгляда, что буддійскіе архаты (святые) и Будды стоятъ выше народныхъ божествъ. Мы не будемъ распространяться о разныхъ наслоеніяхъ буддизма, позаимствованныхъ изъ индуизма, а также изъ народныхъ вѣрованій въ демоновъ, въ духовъ природы и животныхъ, въ колдовство и въ магію. Такихъ наслоеній, напоминающихъ первобытные взгляды дикарей, очень много.

Не останавливаясь на низшихъ градаціяхъ тибетскихъ монаховъ, мы переходимъ къ высшимъ монахамъ, которые называются ламами, или верховными учителями, и, подобно европейскимъ аббатамъ или игуменамъ, стоятъ во главѣ монастырей. Нѣкоторые изъ нихъ считаются воплощеніями умершихъ святыхъ или Бодги-Сатвъ и поэтому называются аватара-ламами. Низшіе изъ нихъ изображаютъ какого-нибудь святого или основателя великаго монастыря, другіе — Бодги-Сатву; а высшій или Великій Лама, это — воплощеніе Будды или его Бодги-Сатвы. Всѣ они пользуются особымъ авторитетомъ. Въ женскихъ монастыряхъ также существуетъ своя іерархія съ женскими аватарами.

Чтобы понять тибетское ученіе, необходимо познакомиться съ его исторіей. Первые монастыри были основаны въ Лассѣ въ честь двухъ женъ тибетскаго монарха, который ввелъ въ своемъ государствѣ буддизмъ. Въ восьмомъ столѣтіи былъ предпринятъ переводъ расширеннаго буддійскаго канона (Магаяны) на тибетскій языкъ. Онъ состоялъ изъ 108 томовъ (такъ называемаго Канджура), за которымъ слѣдовали 225 томовъ комментаріевъ и общей литературы (Танджуръ). Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, въ концѣ одиннадцатаго вѣка, буддизмъ опять возродился подъ вліяніемъ кашемирца Атиши и тибетца Бромъ-Тона. Какъ въ одиннадцатомъ, такъ и въ слѣдующихъ столѣтіяхъ, было основано много монастырей, изъ которыхъ главные — въ Сакіи и Разенгѣ. Разенгскій монастырь, учрежденный Бромъ-Тономъ въ 1058 году, подчинялся строгимъ буддійскимъ правиламъ (желтая секта). Въ Сакіи, гдѣ было меньше строгостей, монастырь сдѣлался мѣстопребываніемъ

красной секты, многіе члены которой, до вступленія въ монашескую общину, были женаты. Въ тринадцатомъ вѣкѣ Тибетъ былъ покоренъ монголами. Кублай-ханъ перешелъ въ буддизмъ и принялъ подъ свое покровительство тибетскихъ монаховъ. Начальники сакійскаго и разенгскаго монастырей пользовались уже значительнымъ вліяніемъ, и Кублай, своей властью, посадилъ на мѣсто прежняго настоятеля сакійскаго монастыря его племянника, котораго сдѣлалъ вассальнымъ намѣстникомъ Тибета. За это, какъ онъ, такъ и его преемники должны были короновать монгольскихъ императоровъ. Этотъ первый великій аватара-лама, или фуспалама, изобрѣлъ монгольскую азбуку, приказалъ пересмотрѣть буддійско-тибетскіе тексты, подготовивъ этимъ ихъ переводъ на монгольскій языкъ, и учредилъ множество монастырей. Когда въ Китаѣ династія Минговъ смѣнила монголовъ, то правители продолжали попрежнему покровительствовать тибетскимъ ламамъ, но возвели въ такое же достоинство трехъ другихъ ламъ.

Въ концѣ XIV вѣка появился реформаторъ, Цонгъ-Кхапа, который, изучивъ въ оригиналѣ тибетское священное писаніе, сталъ проповѣдывать прежнюю чистую вѣру и сгруппировалъ около себя нѣсколько тысячъ монаховъ, принадлежавшихъ къ строгой желтой сектѣ. Онъ построилъ большой монастырь въ Голданѣ и сдѣлался его первымъ настоятелемъ, написалъ много книгъ, возстановилъ безбрачіе, вывелъ нѣкоторые суевѣрные обряды и возобновилъ обычай уединяться на время для размышленія, который не соблюдался въ Тибетѣ, гдѣ не было дождливыхъ мѣсяцевъ. Смерть его послѣдовала въ 1419 году, и съ тѣхъ поръ въ день его смерти бываетъ такъ называемый праздникъ свѣтильниковъ въ память его вознесенія на небо. Цонгъ-Кхапа теперь почитается за воплощеніе Амитабги, Манджу-сри или Ваджра-пани; его статуя находится во всѣхъ храмахъ желтой секты, при чемъ справа и слѣва стоятъ изображенія Далай и Панченъ Ламъ. Послѣ него (хотя трудно опредѣлить, съ какихъ именно поръ) стали искать каждое новое воплощеніе Будды въ ребенкѣ, вѣроятно, въ виду того, чтобы избѣжать соперничества и пререканій между монахами. Въ настоящее время есть два Великихъ Ламы: одинъ — Далай или Океанъ-Лама, въ Лассѣ, другой—Таши или Панченъ-Лама, въ Таши-Лунпо, неподалеку отъ границы британской Индіи. Первый считается воплощеніемъ Дгіани-Бодги-Сатвы Авалокитесвары, а второй — воплощеніемъ его отца Дгіани-Будды Амитабги. Все-таки бо́льшимъ могуществомъ пользуется Далай-Лама или, вѣрнѣе, его представитель, выборный главный Лама, который занимается дѣлами, тогда какъ самъ Далай, погруженный, будто бы, въ божественное созерцаніе, только принимаетъ почести и поклоненіе,

приличныя его сану и происхожденію. Преемникъ Ламы избирался тѣмъ или другимъ способомъ: то умирающій Лама указывалъ, въ какой семьѣ онъ воплотится вновь, то монахи гадали по священнымъ книгамъ или вопрошали предсказателей, то Панченъ-Лама толковалъ преданія, на основаніи которыхъ находилъ новаго Далай-Ламу, и наоборотъ. Въ настоящее время главное вліяніе на выборъ новыхъ великихъ Ламъ оказываетъ китайскій дворъ, при чемъ въ ходъ пускаются всевозможныя формы отгадыванія: примѣты, жребій и т. д. (По такому же способу происходятъ выборы всѣхъ Ламъ, которые считаются воплощеніемъ святыхъ, и настоятелей многихъ монгольскихъ монастырей.) Когда выборъ палъ на извѣстнаго ребенка, то его приносятъ въ большое собраніе монаховъ, гдѣ онъ долженъ узнать одежду, книги и другія вещи покойнаго Ламы и отвѣтить на вопросы о своей прежней жизни въ образѣ Ламы. Наибольшей извѣстностью пользуются Ламы: въ Голданѣ, гдѣ тибетцы до сихъ поръ усматриваютъ въ воздухѣ нетлѣнное тѣло Цонгъ-Кхапы, въ Курунѣ и въ Куку, затѣмъ Дгарма-раджа въ Бутанѣ и великій Лама въ Пекинѣ. Бутанскій Дгарма-раджа принадлежитъ къ красной сектѣ; титулъ его: „Главный въ царствѣ, защитникъ вѣры, равный Сарасвати по учености, начальникъ всѣхъ Буддъ, главный толкователь шастръ, изгонитель бѣсовъ, знатокъ священнаго закона, Божій Аватаръ, отпускающій грѣхи, глава лучшей изъ религій“.

Въ сѣверныхъ буддійскихъ странахъ монастыри представляютъ, обыкновенно, небольшія постройки въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ часовней или храмомъ, а въ Тибетѣ, Монголіи и Ладакѣ есть огромные монастыри или ламассеріи, изъ которыхъ одни расположены въ уединенныхъ мѣстахъ, а другіе въ такихъ многолюдныхъ центрахъ, какъ Ласса и Таши-Лунпо. Въ этихъ двухъ городахъ живетъ до 500 тысячъ монаховъ, а въ Лассѣ и ея окрестностяхъ насчитываютъ, по меньшей мѣрѣ, тридцать большихъ монастырей. Одинъ изъ нихъ Потала, въ сѣверо-западной части Лассы, служитъ резиденціей Далай-Ламъ со времени пятаго Ламы, Навангъ-Лобзанга (1617—1682), который его перестроилъ. Это огромное четырехъэтажное строеніе имѣетъ десять тысячъ комнатъ для монаховъ; вездѣ разставлены статуи Будды и другихъ святыхъ и приношенія благочестивыхъ, которые приходятъ въ Лассу поклониться великому Ламѣ и приносятъ въ даръ золото, серебро и мѣдь. Надъ этимъ большимъ строеніемъ высится золотой куполъ.

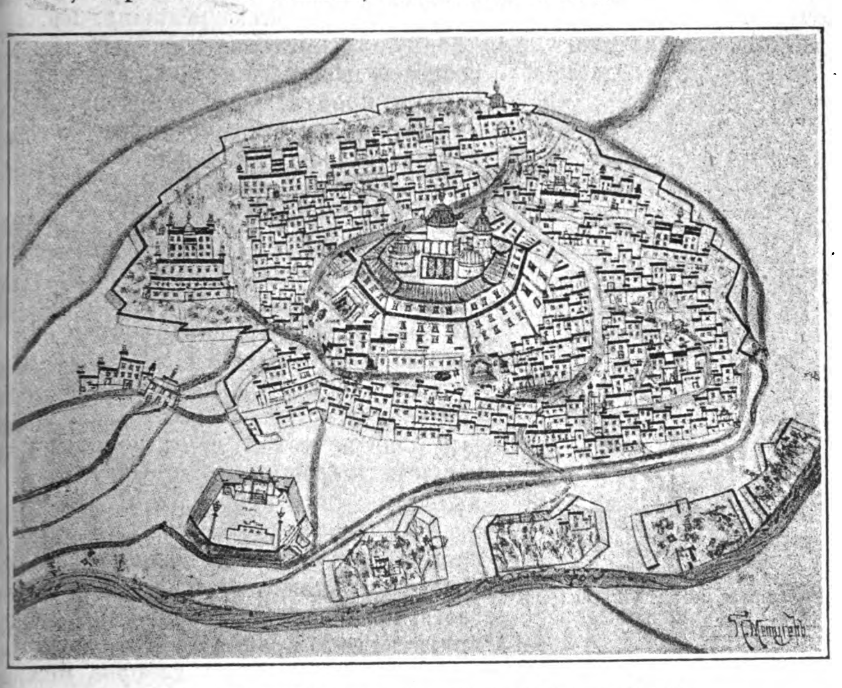
Единственный англичанинъ, видѣвшій Далай-Ламу (17 декабря 1181 г.), это - Томасъ Маннингъ. По его описанію, Лама — живой, разумный семилѣтній ребенокъ. Саратъ-Чандра-Дасъ видѣлъ ны-

нѣшняго Ламу въ 1882 году. Аудіенція состоялась при выраз-тельномъ и торжественномъ молчаніи высшихъ чиновниковъ. В- присутствующіе были окроплены святой водой, окрашенной ш- франомъ въ желтый цвѣтъ. Ѳиміамъ, большіе свѣтильники и же- тая пятиконечная шляпа (въ память пяти Дгіани-Буддъ) играю- видную роль въ церемоніи, въ концѣ которой Лама угощае- всѣхъ чаемъ изъ золотого чайника, прочитавъ предварителы- буддійскую молитву, заканчивающуюся словами: „Никогда, ни н- минуту мы не упускаемъ изъ виду трехъ святынь (Будды, Закон- Общины) и всегда почитаемъ Три ратны (или три драгоцѣнн- сти); да сойдетъ на насъ благословеніе всѣхъ трехъ!“ Освяще- ный рисъ, до котораго дотронулся Великій Лама, былъ розда- вѣрующимъ. Священный юноша во время этой церемоніи, по- жавъ ноги, сидѣлъ на тронѣ, похожемъ на жертвенникъ, съ д- ревянными львами по бокамъ.

Ласса не уступаетъ Бенаресу и Меккѣ по количеству пало- никовъ, которые стремятся въ Поталу, буддійскій Ватиканъ. П- лученный тамъ рисъ, благословенныя пилюли, шелковые лоскут- молитвенные флаги или билетики, освященные Великимъ Ламо- хранятся всю жизнь.

Европейцамъ болѣе извѣстенъ Таши-Лунпо, гдѣ находит- большой монастырь Панченъ-Ламы. Этотъ монастырь состоитъ из- нѣсколькихъ сотъ домовъ, окруженныхъ позолоченными храма- со шпицами и ступами. Величайшій буддійскій храмъ въ Тибе- находится при древнѣйшемъ монастырѣ Лабрангѣ, въ Лассѣ. Это- трехъэтажный домъ съ портикомъ и колоннадой изъ огромны- деревянныхъ столбовъ. Противъ входа — обычныя большія стат- четырехъ великихъ царей; за ними большое продолговатое пом- щеніе, похожее на базилику, которое колоннами раздѣляется - три продольныхъ отдѣленія съ двумя поперечными проходами. - стѣнахъ нѣтъ оконъ, но надъ среднимъ отдѣленіемъ натяну- промасленное полотно, пропускающее дневной свѣтъ. Къ каждо- сторонѣ большого зданія примыкаетъ рядъ маленькихъ часовен- Въ проходахъ — сидѣнья для монаховъ, а за вторымъ проходо- святилище съ жертвенникомъ. На западной сторонѣ церкви в- особой нишѣ находится большой алтарь со ступеньками, а - немъ особо-почитаемое позолоченное изображеніе Гаутамы-Будд- о происхожденіи котораго ходитъ много легендъ. На верхни- ступеняхъ алтаря множество изваяній обоготворенныхъ святых- Въ храмѣ большое количество статуй и иконъ, изображающи- Будду, святыхъ, боговъ, а также много мощей. Нротивъ большо- алтаря стоятъ огромные троны для Далай и Панченъ-Ламъ, - рядомъ съ ними троны поменьше для другихъ Аватара-Ламъ. -

западномъ проходѣ отведены почетныя мѣста для настоятелей монастырей и для старшихъ монаховъ. Пять тысячъ масляныхъ свѣтильниковъ освѣщаютъ храмъ, гдѣ непрерывно раздается бормотаніе главной буддійской формулы. Обыкновенные тибетскіе храмы значительно меньшихъ размѣровъ. Главную ихъ принадлежность составляетъ жертвенникъ съ изображеніями Буддъ, Бодги-Сатвъ, жертвенными чашами, колоколами и т. д.

Планъ буддійскаго монастыря и собора въ Лассѣ.

Тибетскіе буддисты въ одномъ отношеніи превзошли всѣ остальные народы земного шара, а именно—они изобрѣли механическій способъ молитвъ. Чтобы накопить побольше религіозныхъ заслугъ, сокращающихъ пребываніе въ низшихъ формахъ жизни, и ускорить свое восшествіе на небо, они не только устно повторяютъ множество разъ столь распространенную „драгоцѣнную" формулу, но предоставляютъ ея повтореніе вертящимся машинамъ или развѣвающимся по вѣтру флагамъ, на которыхъ она написана. Формула состоитъ изъ одного изреченія: „Омъ мани падме гумъ". Омъ—священный индусскій слогъ; слѣдующія два слова означа-

ютъ „сокровище въ лотосѣ"; это, какъ говорятъ, — намекъ н Авалокитесвару, который изображается сидящимъ или выходящим изъ лотоса. Послѣднее слово, по мнѣнію нѣкоторыхъ, означает аминь. *Monier Williams* полагаетъ, что вся формула имѣетъ н которое отношеніе къ индусскому культу Сивы, и говоритъ, ч „ни одна людская молитва не произносится такъ часто. Кажды тибетецъ считаетъ ее панацеей отъ всякаго зла, конспектомъ п знанія, сокровищемъ мудрости, итогомъ всей религіи". По ег мнѣнію, каждый слогъ этой формулы вліяетъ на одну изъ шест степеней переселенія, по которымъ вс должны пройти, уменьшаетъ пребыв ніе въ нихъ, а со временемъ и совсѣм избавляетъ отъ переселенія.

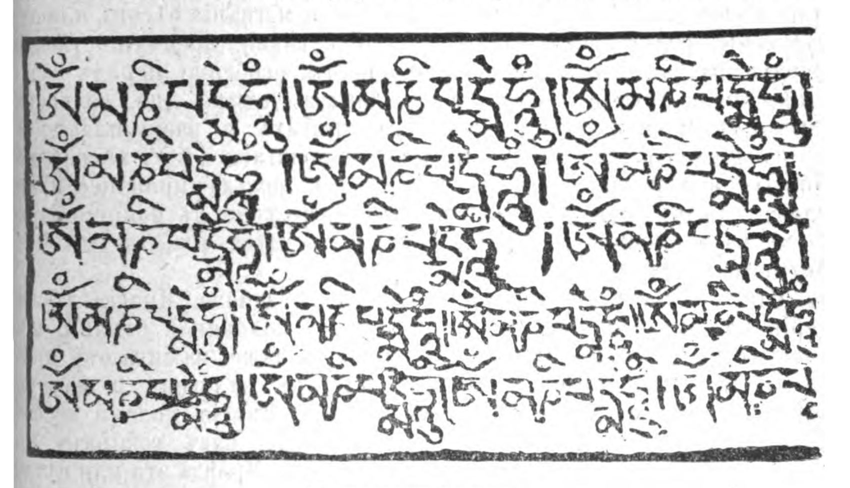

Лама съ молитвенной мельничкой.

Особенно распространены металл ческіе молитвенные цилиндры, на кот рыхъ съ наружной стороны вырѣза мистическое воззваніе; они вплотну набиты свертками бумаги, на которых эта молитва написана безчисленное мн жество разъ. Цилиндръ снабженъ р кояткой; его то вертятъ руками, т катаютъ на цѣпи или на веревкѣ. „Ц лый день не только Ламы, но и народ шепчетъ всеобщую молитву и вертит цилиндръ въ направленіи часово стрѣлки. При входѣ въ каждый тибе скій домъ стоитъ одинъ или нѣсколь большихъ цилиндровъ; членъ семьи ил гость, проходя мимо, не преминетъ по крутить его за процвѣтаніе этого дом Почти на каждой рѣчкѣ видишь маленькое строеніе, которое мож принять за водяную мельницу; но на дѣлѣ оказывается, что там находится цилиндръ, приводимый въ движеніе теченіемъ рѣк и возсылающій благочестивыя молитвы къ небу, такъ какъ сч тается, что каждый поворотъ цилиндра, на которомъ написана м литва, препровождаетъ это благочестивое воззваніе къ божеств Иногда огромные сараи наполнены такими ярко раскрашенным цилиндрами. Вообще, въ Тибетѣ на каждомъ перекресткѣ и н каждомъ шагу это изреченіе въ той или иной формѣ обращает на себя вниманіе путника" (*Gill* „The River of Gold Sand").

Молитвенное искусство проявляется еще въ постройкѣ длин ныхъ стѣнъ, исписанныхъ разными изреченіями. Пройти мимо та кой стѣны въ извѣстномъ направленіи равносильно тому, чтоб

прочесть всѣ эти изреченія. Молитвенные флаги съ молитвами и символами, развѣвающіеся по вѣтру, молитвенные барабаны и колокола, изгоняющіе злыхъ духовъ или привлекающіе вниманіе боговъ и святыхъ, запястья со священными изреченіями или мощами внутри и другіе предметы въ большомъ ходу у тибетскихъ буддистовъ; а четки, по которымъ ведется счетъ прочитаннымъ молитвамъ, въ Тибетѣ еще употребительнѣе, чѣмъ среди католиковъ.

Въ тибетскихъ монастыряхъ монахи три раза въ день собираются въ храмъ на молитву: при восходѣ солнца, въ полдень и при заходѣ солнца. По звуку большой раковины, „гонга", они вы-

Молитвенный текстъ.

страиваются въ процессію. Во время службы колокольчикъ подаетъ сигналъ къ началу чтенія или пѣнія молитвъ, отрывковъ священнаго писанія и т. д., нерѣдко сопровождаемыхъ шумною музыкой. Каждый монахъ поочереди произноситъ изреченіе, хвалу или почетные титулы Будды или одного изъ Бодги-Сатвъ. Въ присутствіи Великаго Ламы служба гораздо сложнѣе. Во время службы воскуриваютъ ѳиміамъ и благовонія, а иногда раздаютъ святую воду и зерно. Въ составъ нѣкоторыхъ церемоній входитъ чаепитіе. Міряне играютъ второстепенную роль при богослуженіи; они могутъ присутствовать, повторять молитвы и призыванія, приносить дары, а также накоплять себѣ заслуги безостановочнымъ хожденіемъ вокругъ монастырей, храмовъ и т. д. Иногда во время этого паломничества они несутъ книги съ молитвами и на

пути часто повергаются ницъ. Подобный обходъ вмѣняется имъ въ такую же заслугу, какъ если бы они прочли всѣ молитвы въ тѣхъ книгахъ, которыя носили съ собою.

У тибетцевъ много праздниковъ. Новый годъ, празднованіе котораго длится двѣ недѣли, представляетъ нѣчто въ родѣ карнавала. Въ августѣ или сентябрѣ бываетъ праздникъ воды, когда всѣ озера и рѣки считаются благословенными и народъ купается, чтобы смыть грѣхи. Большое значеніе имѣетъ день рожденія Будды и годовщина его смерти. Въ послѣдній изъ этихъ дней въ каждомъ монастырѣ, храмѣ и частномъ домѣ Лассы не видно свѣта отъ возжигаемаго ѳиміама. Далѣе идетъ праздникъ свѣтильниковъ, или восшествіе Цонгъ-Кхапы на небо, дни изгнанія бѣсовъ и представленія религіозныхъ драмъ. Благочестивые, преимущественно монахи желтой секты, соблюдаютъ посты, особенно передъ большими праздниками. Одинъ постъ длится четыре дня, во время которыхъ монахи исповѣдуются въ грѣхахъ и размышляютъ о вредѣ проступковъ. На третій день не полагается ѣсть абсолютно ничего, нельзя даже проглотить слюны, нельзя произнести ни слова; каждый монахъ долженъ быть погруженъ въ непрерывную безмолвную молитву. Многіе монахи постятся въ каждый изъ четырехъ ежемѣсячныхъ праздниковъ.

Итакъ Тибетъ есть папская область буддизма. Многія ламасеріи чрезвычайно богаты; онѣ владѣютъ половиной страны, постоянно получаютъ дары по завѣщанію и даже наживаютъ проценты на свой капиталъ. Онѣ не платятъ налоговъ и на ихъ земляхъ работаютъ многочисленные рабы. Многіе монахи не соблюдаютъ обѣта безбрачія, и простонародіе, какъ говорятъ, въ душѣ ненавидитъ Ламъ за ихъ притѣсненія. Правда это или нѣтъ, но всякій здравомыслящій человѣкъ согласится съ тѣмъ, что тибетскій буддизмъ далекъ отъ идеала.

Китайскій буддизмъ.

Буддизмъ въ Китаѣ до сихъ поръ играетъ видную роль, хотя уже не такую, какъ въ тѣ времена, когда ему покровительствовали императоры. Форма его значительно отклонилась отъ первоначальной. „Поклоненіе Пу-саху“, говоритъ *Beal*, „въ бѣдныхъ и богатыхъ домахъ не признается за буддизмъ и даже самое слово „Пу-сахъ“, называющее китайскую форму Бодги-Сатвы, считается туземнаго происхожденія и истолковывается, какъ „всеобщее благоволеніе“; въ то же время нѣкоторые предметы буддійскаго поклоненія, какъ, напримѣръ, богиня милосердія и Царица Неба, взяты

въ числа туземныхъ геніевъ". Такимъ образомъ, можно встрѣтить изображеніе Пу-саха въ домахъ многихъ чиновниковъ и частныхъ лицъ, которые не считаютъ себя буддистами.

Китайцы познакомились съ буддизмомъ въ 61 году послѣ Р. Х. Разсказываютъ, будто императоръ Мингъ-ти увидѣлъ во снѣ, что надъ его дворцомъ парилъ золотой богъ. Онъ обратился за толкованіемъ къ министрамъ, которые сказали ему, что на Западѣ родился божественный человѣкъ по имени Будда, и, вѣроятно, сонъ императора имѣетъ къ нему отношеніе. Вслѣдствіе этого императоръ отрядилъ въ Индію посольство за книгами и свѣдѣніями объ этой личности. Послы вернулись въ 67 году съ двумя буддійскими монахами и привезли съ собою книги, изваянія и мощи. Императоръ охотно внималъ ихъ рѣчамъ и построилъ для нихъ храмъ въ своей столицѣ Лоянгѣ (нынѣ Гонанъ-Фу). Въ разсказѣ объ этихъ событіяхъ упоминается также о различныхъ чудесахъ, которыя буддисты совершили, чтобы доказать превосходство своей религіи.

Краткая біографія Будды, которую эти жрецы изложили и перевели на китайскій языкъ, представляетъ особый интересъ, такъ какъ въ южномъ канонѣ не существуетъ біографіи Будды. Въ китайской біографіи онъ называется Сакіа-Муни (мудрецъ Сакіа), а его собственно имя Гаутама упоминается очень рѣдко. Повидимому, названіе Сакіа-Муни болѣе привилось у сѣверныхъ буддистовъ изъ-за сходства съ названіемъ могущественнаго народа центральной Азіи, саковъ или скиѳовъ. Оно же принято какъ обозначеніе китайскихъ буддистовъ (Шихъ-Кіанъ или Шихъ-Ценъ).

Въ китайской біографіи перечислены предшествовавшіе Будды, появлявшіеся на промежуткахъ огромныхъ вѣковъ. Будда нынѣшняго вѣка (Сакіа-Муни) поднимался по различнымъ ступенямъ величія. Непосредственно передъ теперешнимъ вѣкомъ, Сакіа сдѣлался Бодги-Сатвой, родился на небѣ Тушита и, наконецъ, сошелъ на землю на бѣломъ слонѣ о шести клыкахъ. Біографія излагаетъ главныя событія изъ жизни Будды, о которыхъ мы уже говорили, съ большими прикрасами и миѳическими подробностями. Она, между прочимъ, стремится объяснить происхожденіе и содержаніе многочисленныхъ книгъ сѣвернаго канона. Такъ, напр., однажды Сакія поучаетъ Бодги-Сатвъ, въ другой разъ онъ на небесахъ индусскихъ боговъ проповѣдуетъ Индрѣ, Ямѣ и т. д. Все это служитъ фономъ для развитія миѳологіи Бодги-Сатвъ. Послѣ продолжительнаго воздержанія, размышленія и искушенія царемъ маровъ, Сакіа-Муни сдѣлался совершеннымъ Буддой (или, по китайскому выраженію, изъ Пу-саха сдѣлался Фо). Чтобы въ простой и доступной формѣ передать людямъ истину, онъ принялъ видъ аскета,

проповѣдывалъ четыре основныхъ истины, учредилъ общину монаховъ и послалъ ихъ проповѣдывать его ученіе. Потомъ онъ покорилъ лютаго змѣя и заставилъ его принять обѣтъ общины, устоялъ передъ новыми страшнѣйшими искушеніями царя маровъ и отправился на небо Тушита поучать свою мать Майю. Далѣе онъ принялъ въ ученики своего сына Рагулу и другихъ юношей, сталъ допускать женщинъ, установилъ дисциплину и т. д. Затѣмъ говорится, что Сакіа самъ отправился на Цейлонъ, посѣтилъ среднія небеса, обезпечилъ покровительство боговъ (Девъ) своему ученію и сдѣлалъ Вишвакарму и пятнадцать дочерей Девъ патронами Китая. Онъ учредилъ ежедневное богослуженіе и велѣлъ почитать священныя книги. Въ послѣдніе дни онъ изложилъ свои лучшія произведенія: „Лотосъ добраго закона“ и „Нирвану“, чтобы вызвать въ своихъ ученикахъ высшія стремленія. Китайскіе авторы объясняютъ слова: „Я не погибну, но всегда буду на вершинѣ поученія“ такъ, что, вступивъ въ Нирвану, онъ не умеръ, но живетъ въ своемъ ученіи. Передъ смертью, какъ говорятъ, онъ освятилъ нѣсколько собственныхъ статуй изъ золота и сандаловаго дерева и передалъ ихъ своимъ ученикамъ. Смерть его и сожженіе сопровождались многочисленными чудесами.

Китайскія лѣтописи говорятъ о цѣломъ рядѣ буддійскихъ патріарховъ, покровителей и защитниковъ буддійскаго закона, изъ которыхъ каждый былъ назначенъ своимъ предшественникомъ. Первымъ былъ Мага-Кассіапа, назначенный самимъ Буддой. По словамъ *Edkins'a*, „существуетъ такое представленіе о патріархѣ, что онъ не любитъ зла и не смотритъ на него, но если онъ видитъ добро, то не дѣлаетъ особенно большихъ усилій, чтобы его достигнуть. Онъ не отказывается отъ мудрости и не приближается къ безумію; онъ также не удаляется отъ заблужденія и стремится къ постиженію истины. Онъ знаетъ великія истины, недоступныя людскому разумѣнію, и проникаетъ въ помыслы Будды на неизмѣримую глубину“. Такой человѣкъ обладалъ магическою силой, могъ, какъ говорятъ, переноситься по воздуху, приходить въ изступленіе и читать людскія мысли; онъ, однако, жилъ бѣдно и носилъ простое платье. Приведены имена тридцати-трехъ патріарховъ, въ томъ числѣ пяти китайскихъ.

Со времени введенія буддизма, въ Китай съ Запада стали приходить многіе буддійскіе монахи и ученые, которые взяли на себя трудъ перевести и проповѣдывать ученіе. Въ четвертомъ вѣкѣ китайцы вступали въ общину съ разрѣшенія одного изъ князей Чоу; тогда уже въ Лоянгѣ было построено много пагодъ, а въ сѣверномъ Китаѣ рядъ монастырей. Буддійскіе учители совершали чудеса и были знакомы съ магіей. Китайскіе буддисты отправля-

лись на паломничество въ Индію и другія буддійскія страны и потомъ приводили разсказы о видѣнныхъ ими чудесахъ (какъ, напр., Фа-Сянъ и Хуэнъ-Сіангъ). Въ началѣ пятаго столѣтія индійскій буддистъ Кумараджива въ сотрудничествѣ восьмисотъ жрецовъ сдѣлалъ новый китайскій переводъ буддійскихъ книгъ, которыя составляли до трехсотъ томовъ.

Послѣ этого китайскіе правители одно время относились къ буддизму враждебно, но это длилось недолго, и буддійскіе князья Индіи и Китая завязали между собою сношенія. Число монастырей и храмовъ возросло, а магія и чудеса, какъ говорятъ книги Большой Колесницы, заслонили первобытную вѣру. Китайскіе императоры и народъ, болѣе или менѣе, комбинировали конфуціанство и таоизмъ съ буддизмомъ. По временамъ конфуціанисты стремились свергнуть буддистовъ, переженить монаховъ и монахинь и т. д. Въ силу указовъ, имущество буддистовъ бывало иногда конфисковано, и имъ приходилось вернуться къ свѣтской жизни. На ряду съ религіозными перемѣнами, индусскіе буддисты внесли усовершенствованія въ китайскую ороографію, науку и литературу.

Двадцать-восьмой индо-буддійскій патріархъ, Богди-Дгарма, въ шестомъ столѣтіи посѣтилъ Китай, гдѣ и умеръ. Богди-Дгарма ставилъ размышленіе выше чтенія, книжной премудрости и построенія храмовъ, такъ какъ, по его мнѣнію, заслуга состоитъ въ „чистотѣ и просвѣтленіи, въ глубинѣ и совершенствѣ, въ размышленіи при покоѣ и тишинѣ". Въ Китаѣ, въ отличіе отъ аскетовъ и обыкновенныхъ монаховъ, онъ основалъ особую секту созерцателей. Секта его мало-по-малу сдѣлалась самой вліятельной и, повидимому, значительно ослабила вѣру въ будущую жизнь и возмездіе, полагая необходимымъ для усовершенствованія только внутреннее самосозерцаніе. Вскорѣ послѣ его смерти, монахъ изъ Тіентая, по имени Чи-Кай соединилъ созерцаніе и поклоненіе иконамъ въ особую систему, которая постепенно пріобрѣла большую популярность; а сочиненія Чи-Кая еще нѣсколько вѣковъ считались столпами китайскаго буддизма.

Въ средніе вѣка китайскій буддизмъ подвергался нападкамъ со стороны конфуціанистовъ, а со стороны императоровъ встрѣчалъ то преслѣдованія, то поддержку. Одни храмы были разрушены, а другіе воздвигнуты, монастыри и храмы переходили отъ одного культа къ другому, отъ одной буддійской секты къ другой. За все это время императоры не исповѣдывали явно буддизма. Однако, монгольскіе императоры, особенно Кублай-ханъ, рѣшительно приняли буддизмъ, и въ китайскихъ императорскихъ храмахъ совершалось буддійское богослуженіе. Въ концѣ тринад-

цатаго вѣка народная перепись показала, что въ Китаѣ было свыше 42 тысячъ буддійскихъ храмовъ и 213 тысячъ монаховъ, что также свидѣтельствуетъ о большомъ количествѣ содержавшихъ ихъ вѣрующихъ мірянъ. Послѣ паденія монгольской династіи, буддисты подвергались различнымъ стѣсненіямъ. Священный эдиктъ, который былъ изданъ въ 1662 году и до сихъ поръ періодически читается вслухъ, осуждаетъ буддистовъ за то, что они сосредоточиваютъ вниманіе на личномъ разумѣ и выдумываютъ неосновательныя сказки о будущемъ счастьи и несчастьи. Итакъ, буддизмъ встрѣчаетъ оффиціальное противодѣйствіе, но въ Монголіи и Тибетѣ китайцы покровительствуютъ ему и уважаютъ его. Въ собственномъ Китаѣ соблюдается культъ и праздники, но постройка новыхъ храмовъ значительно сократилась.

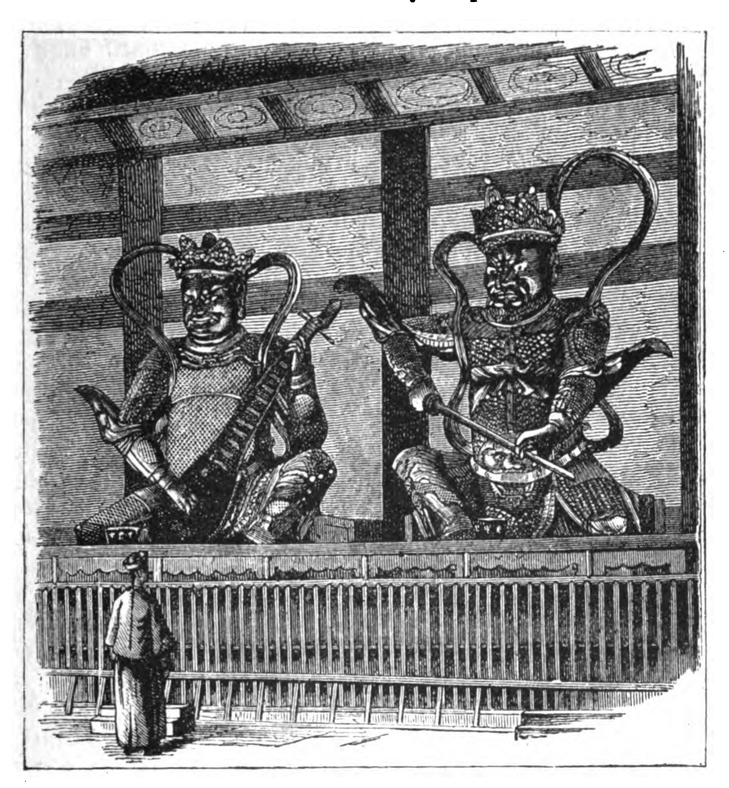
Въ настоящее время китайскій буддизмъ чрезвычайно сложенъ и разнообразенъ. Онъ имѣетъ много общихъ основъ съ тибетскимъ буддизмомъ, и китайскій монахъ такъ же вѣритъ въ Будду, Законъ и Общину, какъ и сингалезскій. Поклоненіе Буддѣ сохранилось, но оно нѣсколько матеріализировано. Образованные буддисты, по существу, не признаютъ поклоненія иконамъ, но допускаютъ его для невѣжественныхъ и слабыхъ. Въ этотъ культъ еще введено поклоненіе многочисленнымъ низшимъ существамъ, что на практикѣ превратило буддизмъ въ сложную политеистическую религію.

О внѣшнемъ характерѣ его можно судить по храмамъ и богослуженіямъ.

Храмы китайскихъ буддистовъ, подобно многимъ китайскимъ строеніямъ, обращены на югъ. Они состоятъ изъ ряда комнатъ; у входа поставлены деревянныя изображенія четырехъ великихъ царей, одѣтыхъ и снабженныхъ различными символами, какъ-то: мечомъ, зонтикомъ или другими предметами, имѣющими на востокѣ условное значеніе. Эти цари посылаютъ благословеніе истиннымъ буддистамъ и лишаютъ своей милости тѣхъ правителей и тѣ народы, которые пренебрегаютъ истиной. При входѣ можно встрѣтить также статую Майтреи (Ми-ли-Фо) и даже Конфуція, какъ покровителя буддійской религіи.

Сѣни ведутъ въ главную комнату, гдѣ находятся изваянія Будды, шести Бодги-Сатвъ, Ананды и многихъ святыхъ въ различныхъ символическихъ положеніяхъ. По правую и по лѣвую руку Будды часто помѣщаются Вент-шу и Пу-хіэнъ, а позади нихъ, лицомъ на сѣверъ, Кванъ-йинъ. Иногда Будда одинъ впереди, а остальные трое въ рядъ стоятъ за нимъ. Кванъ-йинъ изображается въ живописи и скульптурѣ въ различныхъ видахъ; напр., въ видѣ женщины, подающей ребенка бездѣтной матери.

Къ главной комнатѣ иногда примыкаютъ другія, гдѣ находятся статуи, скульптурныя изображенія и иконы. По словамъ *Edkins'a*, главная центральная комната символически изображаетъ Будду, поучающаго собраніе учениковъ, тогда какъ притворъ изображаетъ покровительство небесныхъ силъ, которымъ пользуются буддисты. Все это вполнѣ соотвѣтствуетъ разсказамъ „Большой Ко-

Два стража. Монастырь Кушанъ, близъ Фу-Чау.

лесницы". Встрѣчаются также часовни, посвященныя Бодги-Сатвамъ и другимъ существамъ буддійской, индусской и китайской миѳологіи. Въ присутствіи Будды изображенія Пу-саха и Бодги-Сатвъ стоятъ, а въ собственныхъ святилищахъ они сидятъ. Во всеобъемлющихъ буддійскихъ храмахъ попадаются даже таоистскія изображенія на ряду со статуями знаменитыхъ китайскихъ буддистовъ.

Въ сѣверномъ Китаѣ, особенно въ Пекинѣ, принято всякія статуи, мѣдныя, желѣзныя, деревянныя или глиняныя, снабжать внутренними органами, согласно китайскимъ, не совсѣмъ, впрочемъ, правильнымъ, понятіямъ объ анатоміи; но головы у нихъ всегда дѣлаются пустыми. Брюшные органы окутаны большимъ кускомъ шелка, исписаннымъ молитвами или заклинаніями, и состоятъ изъ мѣшковъ съ золотомъ, серебромъ, жемчугомъ и пятью главными сортами зерна. Многое изъ этого содержимаго было украдено изъ статуй.

Интеллигентные буддисты считаютъ свои храмы и статуи символическими, и жертвоприношеніями, поклоненіемъ и т. п. желаютъ выразить почтительное отношеніе къ ученію Будды. Но простонародье смотритъ на статуи, какъ на боговъ, и молитъ ихъ объ освобожденіи отъ болѣзней, страданія, бѣдности, бездѣтности и т. д. Особенный культъ воздается Кванъ-йинъ, подъ видомъ богини милосердія, которая слышитъ людскіе вопли. Сюда же относится поклоненіе отцу Кванъ-йинъ, Амитабгѣ (О-ми-то). Оба они живутъ въ счастливой (западной) странѣ Сукхавати. Родившіеся въ этомъ раю наслаждаются безпредѣльной радостью, которая описывается яркими красками. Воображеніе китайскихъ буддистовъ постоянно стремится къ этому небу, и они безпрерывно повторяютъ имена „Амита-Буддъ", перебирая четки. Весьма возможно, что нѣкоторыя проявленія этого культа, особенно молебствіе Кванъ-йинъ, позаимствованы у персовъ, арабовъ и евреевъ. Очень распространена вѣра въ то, что Кванъ-йинъ изъ состраданія обѣщала проявляться во всѣхъ безчисленныхъ мірахъ, чтобы спасти ихъ обитателей. Кванъ-йинъ съ этой цѣлью также посѣтила ады; объ этомъ посѣщеніи и его благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ приводятся подробные разсказы. Существуютъ особыя сложныя богослуженія въ честь Кванъ-йинъ, на которыхъ также воздается должное Буддѣ и другимъ Бодги-Сатвамъ. Одна изъ молитвъ гласитъ слѣдующее: „Пусть всевидящая и всемогущая Кванъ-йинъ въ силу своего обѣта придетъ сюда на наши молитвы и избавитъ насъ отъ трехъ препятствій" (нечистыхъ помысловъ, словъ и поступковъ).

Проф. *Beal* приводитъ китайское славословіе Кванъ-йинъ: „Слава доброй, сострадательной Кванъ-йинъ! Если бы я былъ брошенъ на груду ножей, то они мнѣ не повредили бы! Если бы я былъ поверженъ въ огненное озеро, то оно меня не сожгло бы! Если бы я былъ окруженъ голодными духами, то они меня не тронули бы! Если бы я былъ предоставленъ во власть бѣсовъ, то они меня не коснулись бы! Если бы я былъ превращенъ въ животное, и то я попалъ бы на небо! Слава сострадательной Кванъ-йинъ". Кванъ-

йинъ и Амитабгѣ воскуриваютъ өиміамъ, приносятъ цвѣты и пищу и призываютъ ихъ, читая при этомъ подходящіе отрывки изъ священныхъ книгъ; нѣкоторые изъ нихъ на санскритѣ и непонятны ни жрецамъ, ни народу, но имъ приписывается чудодѣйственная сила.

Въ Китаѣ и Японіи многіе отдѣльно поклоняются Амитабгѣ. Эти люди образуютъ такъ называемую секту „чистой страны“ и надѣются, что Амитагба введетъ ихъ въ свѣтлый рай. Одно повтореніе его имени съ сосредоточеннымъ вниманіемъ уже должно обезпечить рай. Его также призываютъ въ формѣ „хвалы Амита-Буддѣ“, за которую вѣрующимъ сулятъ всевозможныя блага. Такова преобладающая форма буддизма въ большей части Китая; она очень популярна, такъ какъ, отодвигая на задній планъ Нирвану, обѣщаетъ вѣрующему міръ сознательнаго счастья и радости.

Въ храмѣ Пи-гонъ-си, на западѣ отъ Пекина, есть комната, посвященная пятистамъ отошедшимъ въ вѣчность святымъ; глиняныя сидячія фигуры ихъ во весь ростъ занимаютъ шесть параллельныхъ галлерей. Въ другомъ дворѣ находятся глиняныя скульптурныя сцены, изображающія будущую жизнь и судьбу праведныхъ и грѣшныхъ. Далѣе идетъ обычный рядъ комнатъ. Тутъ же имѣется масса пагодъ. Такихъ храмовъ очень много въ области Тіенъ-тая.

Музыка очень употребительна при буддійскомъ богослуженіи въ Китаѣ. Изъ инструментовъ въ ходу: барабаны, малые и большіе колокола, цимбалы и различныя металлическія формочки, по которымъ бьютъ молоточками.

По словамъ *Edkins'a*, въ то время, какъ народъ вѣритъ въ нелѣпый миөологическій или магическій элементъ, жрецы при богослуженіи до сихъ поръ читаютъ отрывки изъ буддійскихъ книгъ, которыя проповѣдуютъ ничтожность всего существующаго. Такимъ образомъ, богослуженіе наполнено рѣзкими контрастами.

Изъ буддійскихъ областей Китая особенно славится Тіенъ-тай, группа холмовъ въ 180 миляхъ на юго-востокъ отъ Ханъ-Чоу. Его прославилъ Чи-Кай, который въ шестомъ столѣтіи основалъ здѣсь школу созерцательнаго буддизма, полагая, что эта роскошная мѣстность служитъ жилищемъ великихъ святыхъ, архатовъ или логановъ. Онъ улавливалъ ихъ пѣніе въ шумѣ замѣчательныхъ пороговъ надъ водопадомъ, а теперь въ этомъ мѣстѣ поставлены 500 маленькихъ каменныхъ статуй. Здѣсь же Чи-Кай составилъ свое сложное толкованіе и разработку буддизма, которую онъ назвалъ „совершеннымъ наблюденіемъ“. Онъ все объяснялъ воплощеніемъ Будды и искусно обходилъ предметы народныхъ вѣрованій. Онъ поучалъ различнымъ формамъ размышленія, которыя поддерживались его послѣдователями, не вполнѣ отвергавшими

народныя вѣрованія, но и не признававшими крайностей буддійскаго агностицизма. Въ настоящее время монастыри раскинуты на пять миль вокругъ Тіентайской горной страны.

Существуетъ много крупныхъ школъ китайскаго буддизма, названныхъ по именамъ выдающихся учителей, преемниками которыхъ считаются монастырскіе настоятели. Ученіе ихъ въ общихъ чертахъ почти сходно, но зато всѣ они придаютъ большое значеніе мелочамъ. Школа Лин-ци была основана учителемъ, который умеръ въ 868 году, и очень распространена въ Китаѣ и Японіи. Она проповѣдуетъ, что Будда находится въ самомъ вѣрующемъ, который его признаетъ. „Что такое Будда? — чистый и покойный разумъ. Что такое законъ? — ясный и просвѣщенный разумъ. Что такое Тао? — отсутствіе препятствій и чистое просвѣтленіе. Всѣ три составляютъ едино". Какъ дисциплинарныя мѣры употребляются: три удара рукой или тростью, троекратный выговоръ и принудительное молчаніе.

Китайскіе монастыри устроены по общему типу буддійскихъ монастырей. При каждомъ изъ нихъ есть храмъ, или комната для богослуженія. Большіе монастыри имѣютъ поземельныя или другія владѣнія, но еще пополняютъ бюджетъ собираніемъ милостыни, пожертвованіями и добровольными подарками вѣрующихъ. Процессія монаховъ, собирающая подаяніе, идетъ по улицамъ, ударяя, время до времени, въ гонгъ или цимбалы и произнося буддійскія формулы. Монахи одѣваются не такъ, какъ остальные китайцы; при богослуженіи они, обыкновенно, носятъ желтое шелковое или бумажное облаченіе съ большимъ отложнымъ воротникомъ и широкими рукавами, а въ остальное время—платье пепельно-сѣраго цвѣта. Два или три раза въ мѣсяцъ они бреютъ головы, а многіе въ одномъ или нѣскольскихъ мѣстахъ черепа выжигаютъ кожу раскаленнымъ углемъ. Повидимому, они строго держатся безбрачія, не ведутъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ и мало общительны. Много времени они удѣляютъ на распѣваніе своихъ священныхъ книгъ, смысла которыхъ они не понимаютъ. Въ иныхъ монастыряхъ день и ночь звонятъ въ большіе колокола.

Въ монастыряхъ нѣкоторыя комнаты имѣютъ спеціальное назначеніе; тамъ бываютъ: библіотеки, кабинетъ, пріемныя для высокихъ гостей и помѣщенія для живыхъ звѣрей, которыхъ держатъ не для пищи, а во имя добраго дѣла. Иногда можно встрѣтить садки съ великолѣпною рыбой, которую нельзя ни ловить, ни ѣсть. Часто міряне, исполняя обѣтъ, приносятъ: куръ, козъ, свиней и т. д. и жертвуютъ зерно или деньги на прокормленіе ихъ до самой смерти.

Монахи по уставу не должны вкушать мясной пищи, но, ка-

жется, они не очень этого придерживаются. Въ общемъ, китайскій народъ не слишкомъ уважаетъ буддійскихъ монаховъ, такъ какъ они грѣшатъ противъ правилъ сыновняго послушанія, которыя такъ свято соблюдаются въ Китаѣ. Однако, монахамъ постоянно поручаютъ выполненіе частныхъ религіозныхъ обрядовъ за умершихъ, страдающихъ въ адахъ, за больныхъ и калѣкъ. Мальчиковъ-послушниковъ монастыри часто покупаютъ у родителей.

Въ монастыряхъ нерѣдко бываютъ схимники, которые по цѣлымъ годамъ не имѣютъ сношенія съ окружающимъ міромъ и сидятъ въ своихъ кельяхъ въ непрерывномъ размышленіи. Имъ подаютъ пищу черезъ отверстіе въ двери. Тѣла умершихъ монаховъ сожигаютъ въ особыхъ кремаціонныхъ зданіяхъ; пепелъ и неистлѣвшія кости складываютъ въ глиняный сосудъ и ставятъ въ особой комнатѣ или въ зданіи монастыря.

Въ Китаѣ есть много буддійскихъ женскихъ монастырей, которые, главнымъ образомъ, посвящены Кванъ-йинъ. Многія женщины поступаютъ туда по собственному желанію, но другихъ покупаютъ въ юномъ возрастѣ. Монахини бреютъ всю голову, какъ и мужчины, не бинтуютъ ногъ и носятъ такой же костюмъ, какъ и монахи. Нѣкоторыя изъ нихъ научаются читать буддійскія книги и помогаютъ въ храмѣ при богослуженіи. Монахини посѣщаютъ больныхъ и страждущихъ и очень заботятся о своихъ духовныхъ чадахъ. Онѣ произносятъ обѣтъ безбрачія, но, какъ и въ Тибетѣ, сплошь да рядомъ нарушаютъ его. По этой причинѣ въ нѣкоторыхъ областяхъ китайскіе чиновники упразднили всѣ женскіе монастыри.

Хотя буддизмъ въ Китаѣ не исповѣдуется большинствомъ, но къ нему, несомнѣнно, относятся съ уваженіемъ, а его формулы и обряды, особенно магическія заклинанія, употребляютъ, преимущественно, какъ мѣру предосторожности. Народъ постоянно повторяетъ непонятныя ему слова, вѣря въ то, что они предотвращаютъ всякія бѣдствія. Рабочій утромъ передъ началомъ работъ сжигаетъ бумажку съ заклинаніями; а ученый человѣкъ, на словахъ презирающій буддизмъ, знаетъ на память магическія изреченія изъ Лингъ-йенъ-кингъ или Сутры Сердца.

Въ буддійскомъ календарѣ значится множество праздниковъ и процессій, которые, однако, не такъ строго соблюдаются, какъ въ Бирманѣ. Вездѣ празднуются дни рожденія императора и императрицы, годовщины смерти императоровъ и четыре ежемѣсячныхъ праздника. Затѣмъ идутъ дни поклоненія Девамъ, позаимствованнымъ изъ древней индусской миѳологіи, дни затменія солнца и луны (къ нимъ обращаются, какъ къ Пу-сахамъ, или

Бодги-Сатвамъ и для освобожденія ихъ взываютъ къ власти Будды), жертвоприношенія лунѣ и молитвы о дождѣ или хорошей погодѣ. Дева Веи-то (собственно Веда) считается особымъ покровителемъ, поэтому празднуется день его рожденія такъ же, какъ и дни рожденія трехъ другихъ великихъ покровителей, бога войны, Будды, каждаго Бодги-Сатвы, годовщины смерти главныхъ буддійско-китайскихъ святыхъ, основателей монастырей и т. д. Этотъ списокъ очень обширенъ.

Буддизмъ оказалъ умѣряющее вліяніе на характеръ китайской религіи. Отсутствіе жертвоприношеній, состраданіе къ животнымъ, духовная цѣль религіи, важность самоусовершенствованія сдѣлали свое дѣло. Примѣръ Будды, пришедшаго спасти міръ, его терпѣніе и самопожертвованіе въ послѣдовательныхъ существованіяхъ, его проповѣдь благороднаго пути и желательнаго освобожденія отъ жизненныхъ узъ, все это вмѣстѣ облагородило народныя вѣрованія. Нѣсколько сомнительное вліяніе оказало только ученіе о матеріальныхъ адахъ. Дается описаніе различныхъ пытокъ и способовъ наказанія, при которыхъ демоны наслаждаются человѣческими страданіями. Одни говорятъ, что это уменьшило число преступленій, за которыя полагались такія наказанія, а другіе,— что народное воображеніе свыкалось съ картинами и описаніями ужасныхъ звѣрствъ. Терпимость буддизма упрочила ему существованіе, но въ Китаѣ она вызвала равнодушіе къ религіи. Взаимныя соглашенія и уступки, какъ въ религіозныхъ, такъ и въ другихъ дѣлахъ, составляютъ симпатичную черту китайцевъ, если не считать ее за безжизненность и безразличіе. Къ достоинствамъ буддистовъ относится также то, что ихъ Будды и Бодги-Сатвы изображены въ высшей степени милосердными. Въ Китаѣ буддизмъ больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, уважаетъ сыновнія обязанности.

Необходимо отмѣтить, какъ много буддизмъ содѣйствовалъ артистическому и литературному развитію китайцевъ. Пагода — есть созданіе китайцевъ, ведущее свое происхожденіе отъ индійской ступы или дагобы. Основаніе ея, или площадка, означаетъ землю, полукруглое строеніе надъ нимъ — воздухъ, рѣшетка наверху — небо, а шпицъ и зонтики, расположенные въ нѣсколько этажей, изображаютъ рядъ міровъ надъ небесами. Однако, во многихъ случаяхъ китайскія пагоды не имѣютъ особаго религіознаго значенія и служатъ только для народнаго гаданія о счастіи. Пагоды, гдѣ хранятся буддійскія мощи, всегда устраиваются при монастыряхъ. Нѣкоторыя пагоды — изъ кирпича, другія изъ фарфора, третьи изъ чугуна, многія уже приходятъ въ ветхость, а новыхъ строится мало. Артистическая жилка китайцевъ и японцевъ про-

является также въ культурѣ цвѣтовъ, которая стоитъ въ связи съ буддійскими цвѣточными жертвоприношеніями. Въ монастырскихъ и церковныхъ садахъ разводятъ массу великолѣпныхъ цвѣтовъ для жертвъ и украшеній.

Въ заключеніе мы должны упомянуть о существованіи интересной секты реформированныхъ буддистовъ, которая съ начала XVI стол. широко распространилась въ низшихъ слояхъ китайскаго общества и извѣстна подъ именемъ Ву-вей-кіанъ или секты „ничегонедѣлателей". Послѣдователи ея не признаютъ никакихъ священныхъ изображеній и вѣрятъ въ Будду, не поклоняясь ему. Собираются они въ простыхъ домахъ, гдѣ нѣтъ иконъ, а только обычная китайская табличка, посвященная небу, землѣ, царю, родителямъ, учителямъ, какъ предметамъ, достойнымъ почитанія. Добродѣтель, по ихъ мнѣнію, достигается размышленіемъ и внутреннимъ почитаніемъ вѣчнаго Будды, который находится въ человѣкѣ и во всей природѣ. Основателю этой секты, Ло-хвей-ненгу, присвоенъ титулъ Ло-цу, т. е. патріарха Ло. Въ дни его рожденія и смерти, на новый годъ и въ половинѣ восьмого мѣсяца, сектанты собираются, чтобы вмѣстѣ пить чай и ѣсть хлѣбъ. Они строгіе вегетеріанцы, вѣрятъ въ переселеніе душъ и поэтому считаютъ убіеніе животныхъ грѣхомъ. У нихъ нѣтъ общины монаховъ или жрецовъ. Они думаютъ, что въ концѣ міра ихъ возьметъ на небо Кинъ-му, т. е. золотая мать, или мать души; ей даже воздаютъ большее поклоненіе, чѣмъ Буддѣ, такъ какъ она считается защитницей отъ всѣхъ бѣдствій и болѣзней и отъ несчастій невидимаго міра. Такимъ образомъ, таоистскія понятія заполонили даже и эту чистую форму буддизма.

Японскій буддизмъ.

Буддизмъ былъ принесенъ въ Японію изъ Китая и Кореи въ VI ст. послѣ Р. Х., но большого значенія онъ достигъ не ранѣе IX вѣка, когда жрецъ Ку-Кай или Кобо-Дайши нашелъ способъ слить шинтоизмъ съ буддизмомъ, проповѣдуя, что шинтойскія божества лишь переселенія буддійскихъ. Въ такомъ видѣ буддизмъ началъ широко развиваться. Въ семнадцатомъ вѣкѣ появилось философское теченіе, которое учило, что каждый человѣкъ долженъ стремиться къ совершенству, вѣрить въ послѣдовательныя переселенія душъ и ожидать высшей награды, т. е. сліянія съ Буддой. Въ Японіи существуетъ множество буддійскихъ святилищъ и храмовъ, которые гораздо богаче шинтойскихъ и содержатъ разнообразныя статуи. До недавняго времени жреческое сословіе

было очень многочисленно, и жрецы старались привлечь толпу всевозможными средствами, какъ, напр., устройствомъ представленій, игръ, лоттерей и даже тировъ для стрѣльбы. Послѣдняя революція, однако, повлекла за собой разгромъ буддизма; многіе храмы и монастыри были закрыты, колокола перечеканены на звонкую монету и т. д. Теперь японскій буддизмъ влачитъ жалкое существованіе и употребляетъ всѣ усилія, чтобы вновь пріобрѣсти духовное вліяніе на народъ.

Въ Японіи много сектъ, которыя приблизительно соотвѣтствуютъ китайскимъ; нѣкоторыя изъ нихъ созерцательныя, другія мистическія, третьи придерживаются народныхъ церемоній. Секта Шинъ - шинъ особенно почитаетъ Амитабгу, который можетъ спасти вѣрующихъ въ него. Послѣдователи ея не молятся о счастьи въ нынѣшней жизни и учатъ, что нравственность имѣетъ такое же значеніе, какъ и вѣра. Имъ принадлежатъ многіе великолѣпнѣйшіе японскіе храмы. Они высоко держатъ знамя образованія и извѣстны своей миссіонерской дѣятельностью въ Китаѣ и Кореѣ. Жрецамъ дозволено вступать въ бракъ и ѣсть мясную пищу. Вѣрованія этой секты, по словамъ одного изъ ея главныхъ учителей, изложены слѣдующимъ образомъ:

„Отвергая всякія религіозныя строгости, отказываясь отъ мысли о нашемъ собственномъ могуществѣ, мы вѣримъ въ Амиту-Будду всѣмъ сердцемъ, ожидая спасенія въ будущей жизни, которое важнѣе всего. Мы вѣримъ, что съ той минуты, какъ мы обращаемся въ Амитѣ-Буддѣ, наше спасеніе обезпечено; съ этой минуты мы призываемъ его имя въ знакъ благодарности и признательности за благость Будды. Кромѣ того, за это ученіе мы благодарны основателю и его преемникамъ, главнымъ жрецамъ, которые такъ милостиво поучали насъ и чьи слова насъ озаряли, какъ свѣтъ во мракѣ ночи. Поэтому мы должны соблюдать всю жизнь законы, опредѣляющіе наши обязанности“.

ДОПОЛНЕНІЕ КЪ ГЛАВѢ IX.

Ламаизмъ.

Распространеніе ламаизма въ Тибетѣ.— Градаціи ламайскаго духовенства.— Жизнь монаховъ и ихъ одѣяніе.— Монастырская жизнь.— Храмы.— Современныя божества ламаистовъ.— Богослуженіе.— Ламайская евхаристія.

Распространеніе ламаизма въ Тибетѣ.

До VII столѣтія Тибетъ представлялъ изъ себя страну, недоступную даже для китайцевъ. Тибетцы этого доисторическаго періода ихъ существованія представляли изъ себя хищныхъ дикарей, славившихся своимъ каннибализмомъ, не имѣвшихъ письменности и исповѣдывавшихъ шаманистическую религію *Bön*, отголоски которой они находили въ народномъ таоизмѣ китайцевъ, и характерною чертой которой были, такъ называемые, діавольскіе танцы. Въ началѣ VII столѣтія Тибетъ становится извѣстнымъ китайцамъ, благодаря завоеваніямъ тибетскаго принца Сронъ Цанъ Гомпо. Этотъ послѣдній былъ женатъ на Бхрикути, дочери непальскаго царя Амсувармана, способствовавшей обращенію въ буддизмъ своего мужа и выпискѣ изъ Индіи, Непала и Китая буддійскихъ книгъ и учителей. По даннымъ тибетскихъ лѣтописей, въ Индію былъ посланъ нѣкій Тонми Самбгота, который изучилъ догматы религіи и привезъ, такъ называемый, тибетскій алфавитъ. Сронъ Цанъ Гомпо былъ послѣ смерти обоготворенъ и почитается ламаистами Тибета какъ воплощеніе Бодги-Сатвы Авалокита, а его жена и ея мать, непальская принцесса, какъ богини Бѣлая и Зеленая Тары. Но буддизмъ въ царствованіе его сдѣлалъ весьма мало успѣховъ въ Тибетѣ, а истиннымъ проповѣдникомъ буддизма въ странѣ надобно считать монаха Падма Самбгава, приглашеннаго однимъ изъ преемниковъ его, царемъ Ти Сронъ Децанъ. Рожденный въ сѣв.-западномъ Кашмирѣ, славившемся своими кудесниками, Падма Самбгава, по преданію, подчинилъ своему вліянію всѣхъ духовъ Тибета, передъ которыми преклонялись его жители, и сдѣлалъ ихъ защитниками новой религіи, чѣмъ, между прочимъ, и объ-

15*

ясняется то обстоятельство, что тибетцы, будучи ламаистами, исповѣдуютъ также безъ измѣненія и свою древнюю шаманскую вѣру. Тогда былъ основанъ первый буддійскій монастырь въ *Samyäs* въ 749 г. Подъ вліяніемъ проповѣдей пастоятелей этихъ монастырей, или ламъ, въ народѣ сталъ распространяться первичный ламаизмъ, или смѣсь сиваитскаго мистицизма, магіи и индо-тибетской демонологіи, слегка спаянныхъ доктриною буддійской Магаяны. Такой общій характеръ ламаизма сохраняется и до нашихъ дней. Древнѣйшая исторія ламаизма въ Тибетѣ можетъ быть подраздѣлена на три періода: на первый или святѣйшій, средневѣковой или эпоху реформы, и современный, начинающійся съ того момента, когда главою церкви становится Далай-Лама — именно съ XVII столѣтія нашей эры.

Въ первый періодъ своей исторіи, ламаизмъ обогащается различными переводами индійскихъ книгъ; монастыри умножаются и получаютъ все большее и большее значеніе въ ущербъ вліянію шамановъ. Послѣдніе находятъ поддержку въ царѣ Лангъ Дарма, который, какъ тибетскій Юліанъ, пытается возстановить древнюю вѣру и не терпитъ буддизма. Но, коварно убитый ламою Пальдордже, онъ кладетъ конецъ борьбѣ шаманизма съ ламаизмомъ, и этотъ послѣдній окончательно водворяется въ странѣ. Послѣ нѣсколькихъ реформъ, ламаизмъ въ XIII столѣтіи утверждается Кублай-ханомъ, который былъ обращенъ съ помощью чуда. Ханъ, котораго пытались обратить въ свою вѣру христіане, магометане и послѣдователи Конфуція, сказалъ, что онъ приметъ ту религію, проповѣдники коей могутъ сдѣлать чудо — заставить кубокъ подняться и подойти къ устамъ хана. Чудо это совершили ламаисты, и Кублай тогда провозгласилъ ламу изъ Саскія главою ламайской церкви. Этому ламѣ и его преемникамъ, обыкновенно, приписываютъ введеніе монгольскихъ письменъ, хотя, повидимому, современный священный алфавитъ ламаистовъ есть лишь искаженіе несторіанскаго, подобно тому, какъ древніе письмена ихъ были искаженіемъ индійскихъ.

Въ XV столѣтіи новая реформа создала орденъ монаховъ добродѣтели, или Ге-люг-па. Ихъ первый глава, Великій Лама, создалъ идею о постоянномъ воплощеніи душъ предшествующихъ ламъ въ тѣла послѣдующихъ, которая при пятомъ Великомъ Ламѣ этой секты превратилась въ вымыселъ о томъ, что въ новыхъ членахъ постоянно воплощается отраженіе божественнаго Бодги-Сатвы Авалокиты.

Въ 1650 г. Гузри-ханъ завоевываетъ Тибетъ и даритъ его Великому Ламѣ, который и получаетъ титулъ Далай, т. е. Океанъ.

Этотъ титулъ, впрочемъ, болѣе извѣстенъ европейцамъ, такъ

какъ туземцы зовутъ его „великимъ сокровищемъ величія“. Онъ дѣлается главою церкви и тибетскаго государства, воплощеніемъ божества, и поселяется въ Лассѣ, при чемъ всѣ секты признаютъ его за своего главу и воплощеніе Авалокиты. Духовное вліяніе его простирается отъ калмыцкихъ степей до Камчатки и отъ области сибирскихъ бурятъ до Сиккима и Юнnаня.

Въ первичномъ буддизмѣ монашество, или собраніе добродѣтельныхъ, иначе церковь, является третьимъ членомъ буддійской троицы. Въ ламаизмѣ монашество достигаетъ еще большаго значенія, чѣмъ въ буддизмѣ, и монашескій орденъ составляется изъ Бодги-Сатвъ небесныхъ и земныхъ. Первые занимаютъ, конечно, высшія степени, а такъ называемые воплощенные ламы, которые, по вѣрованіямъ ламайцевъ представляютъ воплощенныя отраженія сверхъестественныхъ Буддъ, или Бодги-Сатвъ, или святыхъ, занимаютъ промежуточное положеніе между духовенствомъ небеснымъ и земнымъ. Монахини занимаютъ низшее положеніе, мало чѣмъ отличающееся отъ положенія мірянъ. Почти каждое семейство въ Тибетѣ посвящаетъ одного изъ своихъ сыновей въ монахи, и такъ какъ тибетцы, говоря вообще, имѣютъ мало дѣтей, то можно смѣло сказать, что монахи въ Тибетѣ составляютъ одну шестую населенія. Какъ во всякомъ монашествѣ, различаются и здѣсь три степени: послушниковъ, настоящихъ монаховъ и почитаемыхъ отцовъ; по степени изученія догматовъ, монахи дѣлаются изъ учениковъ учителями. Эти послѣдніе подраздѣляются на нижеслѣдующія степени:

Шаби или *манджикъ* — начальная степень; *гецюлъ* или начинающій, *гелюнъ* — настоящій монахъ, хранящій 253 главныхъ буддійскихъ правила жизни. *Хомбо* — настоятель, конечная цѣль службы монашеской; это единственный рангъ, обладателя котораго по закону можно величать титуломъ *лама* — учитель.

Ребенокъ, котораго хотятъ посвятить въ монахи, остается обыкновенно дома до восьми, рѣдко до двѣнадцати лѣтъ, нося красную или желтую шапочку въ тѣ дни, когда его посылаютъ въ монастырь. Его воспитываютъ въ чемъ-то въ родѣ пансіона, гдѣ онъ и достигаетъ одной изъ указанныхъ выше степеней. Мальчика, передъ вступленіемъ въ монастырь, осматриваютъ, не обладаетъ ли онъ какими-либо органическими недостатками, и, затѣмъ, одинъ изъ монаховъ, въ собраніи остальныхъ, его усыновляетъ. Первое время его положеніе мало чѣмъ отличается отъ положенія обыкновеннаго школьника, и онъ носитъ простое мірское одѣяніе, поучаясь у своего наставника азбукѣ и выучивая наизусть маленькія священныя книги, какъ, напримѣръ: Семи-главъ (*Leu bdunpa*), или молитвенникъ св. Падмы, „Заклинанія для пути,

свободнаго отъ опасностей и бѣдъ“, молитву къ св. Падмѣ въ 12 куплетахъ, „Покаяніе въ грѣхахъ“, молитвы о здоровьѣ и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ его поучаютъ нравственнымъ истинамъ, вродѣ: „То, что непріятно тебѣ, бываетъ непріятно и другимъ. Нѣтъ глаза лучше знанія, нѣтъ слѣпоты хуже невѣжества, нѣтъ врага хуже болѣзни, и ничто такъ не страшно, какъ смерть. Если твоя рѣчь слишкомъ длинна, она скучна, если слишкомъ коротка, она непонятна, если она груба, она раздражаетъ, если мягка, она не удовлетворяетъ“ и т. д. и т. д.

Въ этотъ періодъ родные мальчика могутъ посѣщать его не чаще, какъ одинъ разъ въ мѣсяцъ, чтобы справиться объ его здоровьѣ и успѣхахъ и заплатить воспитателю жалованье за воспитаніе и содержаніе. Обыкновенно послѣ двухъ лѣтъ такого ученья мальчика дѣлаютъ послушникомъ. Посвященіе въ послушники сопровождается рядомъ церемоній. Лама-наставникъ вноситъ плату, равную пяти рублямъ, и проситъ у настоятеля разрѣшенія о принятіи своего ученика въ разрядъ испытуемыхъ. Имя мальчика вносится въ книги монастыря, и онъ представляется настоятелю. Предлагаются вопросы, вродѣ нижеслѣдующихъ: поступаетъ ли мальчикъ сюда по своей доброй волѣ? Не принадлежитъ ли онъ къ разряду рабовъ, неоплатныхъ должниковъ или солдатъ? Нѣтъ ли съ чьей-либо стороны препятствій для его поступленія? Не боленъ ли онъ какою-либо заразительною болѣзнью? Не былъ ли онъ уличенъ въ воровствѣ, отравленіи водъ, бросаніи камней по склонамъ горъ или убійствѣ животныхъ? Какова его семья? чѣмъ она занимается? гдѣ она живетъ? Затѣмъ мальчику дѣлаютъ экзаменъ во всемъ пройденномъ, послѣ чего его одѣваютъ въ подражаніе Сакіа-Муни въ желтое или красное одѣяніе. Онъ дѣлается ученикомъ—*ла-ра*, и устраиваетъ угощенье своимъ близкимъ. Ему теперь позволяется присутствовать при богослуженіи, и онъ готовится къ полученію степени *гецюля*.

Эта степень получается послѣ экзамена и церемоніи обритія головы, совершаемой Ламою, и вѣнчанія съ церковью. Послѣ того монахъ получаетъ кольцо и старательно готовится къ экзамену на степень *гелюнга*; экзаменъ длится три дня и въ случаѣ, если экзаменующійся срѣжется, повторяется черезъ годъ. Во время подготовки монахъ-ученикъ принимаетъ участіе въ многочисленныхъ преніяхъ и диспутахъ. Степени *гелюнга* монахъ достигаетъ обыкновенно лѣтъ черезъ двѣнадцать послѣ поступленія въ монастырь. Вообще *гелюнги* не могутъ быть моложе двадцати лѣтъ. *Гелюнги* имѣютъ еще нѣсколько ученыхъ степеней, соотвѣтствующихъ нашимъ магистрамъ и докторамъ богословія и получаемыхъ путемъ экзаменовъ или диспутовъ.

Большіе монастыри съ цѣлыми тысячами монаховъ обладаютъ строгою организаціей и администраціей. Во главѣ монастыря стоитъ настоятель, или аббатъ, — воплощеніе божества, имѣющій подъ своимъ началомъ нижеслѣдующій штатъ лицъ:

1) Профессора богословія.
2) Казначея.
3) Эконома.
4) Двухъ инспекторовъ и ихъ двухъ помощниковъ.
5) Регента, управляющаго хоромъ.
6) Водочерпія.
7) Чайныхъ прислужниковъ.

Сюда еще нужно причислить секретарей, поваровъ, лакеевъ, смотрителей, принимающихъ гостей, счетчиковъ, носителей религіозныхъ эмблемъ, собирателей податей, монаховъ-медиковъ, живописцевъ, монаховъ-торговцевъ, заклинателей и т. д. Всѣ они содержатся въ строжайшей монастырской дисциплинѣ.

Одежда обыкновеннаго монаха состоитъ изъ слѣдующихъ принадлежностей: шляпы, бѣлья, рясы, шароваръ, сапогъ, четокъ и мелкихъ принадлежностей костюма.

Проснувшись, монахъ, живущій въ монастырѣ, долженъ трижды преклониться передъ находящимся въ его кельи алтаремъ и прочесть молитву: „О наставниче великаго милосердія, услышь меня, О милосердный наставникъ, даждь мнѣ силу выполнить 253 правила и въ томъ числѣ воздержаніе отъ пѣнія, пляски и музыки, отъ мыслей о земномъ богатствѣ, пышной ѣдѣ, отъ того, чтобы не брать того, чего тебѣ не даютъ“ и пр. Затѣмъ слѣдуетъ молитва: „О Будды и Бодги-Сатвы всѣхъ десяти странъ свѣта, услышьте мою смиренную молитву! Я—чистосердечный монахъ и мое желаніе — посвятить себя на благодѣяніе живущимъ; посвятивъ свое тѣло и силы добродѣтели, клянусь, что завѣтъ мой — благотворить всѣмъ живущимъ существамъ“. Далѣе семь разъ повторяется мантра изъ Сутры: „Сосудъ, благословляющій животныхъ міра. *Om! Sambhara Sammaha jaba hum!* Потомъ говорится заклинаніе: „*Om Khrekara yanaya hri hri svaha*!“ при чемъ монахъ плюетъ на ступни своихъ ногъ, чтобы все живущее, что будетъ имъ раздавлено, возродилось въ видѣ боговъ въ небесахъ Индры.

До восхода солнца монахъ отправляется на собраніе. Звонъ колокола будитъ заспавшихся. По звуку раковины монахи одѣваются и идутъ для совершенія омовеній, которыя происходятъ при бормотаніи молитвъ и внутреннемъ раскаяньѣ во всѣхъ совершенныхъ грѣхахъ и тѣлесной нечистотѣ. Затѣмъ, перебирая четки, каждый монахъ молится своему богу-покровителю, большею частью Манджусри или Тарѣ.

Послѣ второго сигнала раковиной они направляются въ храмъ, гдѣ садятся по старшинству на цыновкахъ со скрещенными ногами, какъ изображается Будда на статуяхъ.

По третьему сигналу служится краткій молебенъ, послѣ чего подаютъ чай, благословляемый ламою. Послѣ чаю служится литургія Великому Сострадальцу, хвалебныя пѣсни ученикамъ, молебны разнымъ божествамъ и т. д.; это длится столь продолжительное время, что служба прерывается нѣсколько разъ чаепитіемъ. Часто служба прерывается для прихожанъ, за здравіе и за упокой.

Послѣ службы подаются супъ и чай и монахи покидаютъ храмъ. Они возвращаются въ свои кельи, гдѣ занимаются своими дѣлами, вращая отъ времени до времени молитвенныя мельницы. Восходъ солнца привѣтствуется особымъ гимномъ и молитвами при звукахъ инструментовъ, при чемъ монахи стоятъ съ обнаженными головами изъ почтенія къ богинѣ солнца Мариси.

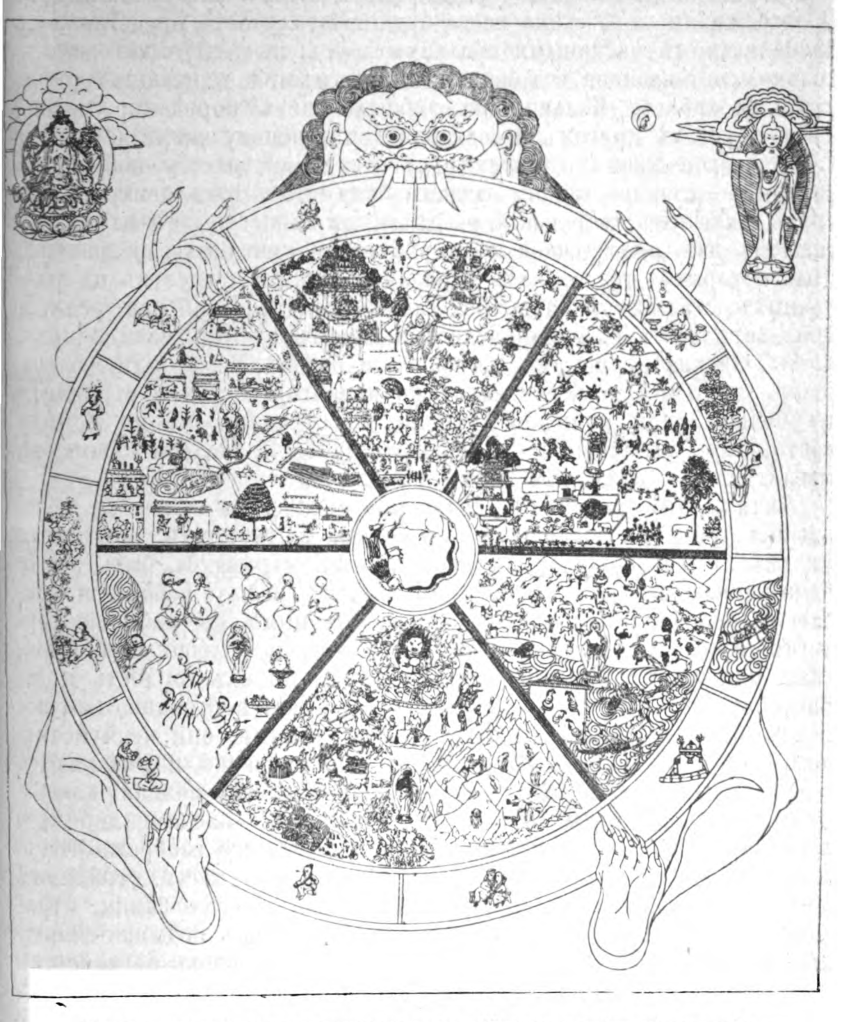
Второе собраніе бываетъ въ девять час. утра. По первому сигналу трубы монахи удаляются въ отхожія мѣста. По второму они собираются передъ храмомъ и по третьему входятъ въ него, чтобы присутствовать при молебнѣ богу-хранителю, во время чего трижды разносится чай. По окончаніи молебна монахи расходятся для поученія неофитовъ.

Третье собраніе имѣетъ мѣсто въ полдень, послѣ чего монахи расходятся по кельямъ и приносятъ жертвы изъ рису и др. съѣдобныхъ предметовъ своимъ богамъ. Затѣмъ слуги изъ мірянъ приносятъ обѣдъ, состоящій изъ чая, мяса, пшеничныхъ лепешекъ. Часть этого обѣда приносится въ жертву голоднымъ духамъ. Послѣ этого монахи занимаются своими дѣлами или отдыхаютъ. Четвертое собраніе бываетъ въ три часа. Оно напоминаетъ предыдущее. Слѣдующая молитва бываетъ въ семь часовъ вечера, послѣ чего монахи ложатся спать. Каждая молитва сопровождается чаепитіемъ. Чай пьется кирпичный. Понятно, что чаю выпивается невѣроятное количество. Одинъ китайскій императоръ высылаетъ въ Тибетъ не менѣе полумилліона кирпичей, не считая частныхъ пожертвованій. Котлы для варки чаю въ монастыряхъ достигаютъ исполинской величины. Они должны напоить многія тысячи народу. Въ большомъ монастырѣ Лассы такой котелъ вмѣщаетъ, говорятъ, свыше трехсотъ ведеръ.

Кромѣ живущихъ въ монастыряхъ, есть еще монахи странствующіе; ихъ молитвы кратче и обряды проще. Наконецъ, есть отшельники, уединяющіеся въ пустыни или пещеры между скалъ и ведущіе тамъ въ полной изоляціи отъ людей жизнь, посвященную посту и молитвѣ.

По-ламайски храмъ значитъ божій домъ. Это — обыкновенно

центрально расположенное выдающееся зданіе въ монастырѣ (а монастыри иногда имѣютъ до 10,000 населенія и подобны на-

Колесо жизни, представляющее буддійскую теорію мірозданія.

стоящимъ городамъ). Ихъ храмы увѣнчаны 2—3 колоколовидными одинъ надъ другимъ возвышающимися куполами изъ позолоченной мѣди; они представляютъ эмблему царскаго зонтика и зна-

мени побѣды. Храмъ, обыкновенно, имѣетъ два этажа, при чемъ верхній обнесенъ балкономъ. На дверяхъ чаще всего изображается колесо жизни и большой вращающійся молитвенный цилиндръ. Колесо жизни, или схема всего буддійскаго ученія, представляетъ размалеванный масляными красками кругъ, въ центрѣ котораго — кольцо, составленное изъ свиньи, пѣтуха и змѣи, держащихъ другъ друга за хвостъ. Кольцо есть эмблема трехъ пороковъ, связанныхъ другъ съ другомъ и составляющихъ основу всѣхъ несчастій человѣческой жизни: глупости, гнѣва и сладострастія, побѣждать которые — главная задача всякаго буддиста. Этотъ центральный кругъ заключенъ въ большій, раздѣленный на шесть сегментовъ; въ каждомъ изъ нихъ изображены различныя оригинальныя фигуры, цѣль которыхъ представить страданія живыхъ существъ въ различныхъ стадіяхъ воплощенія. Такихъ стадій ламайская религія признаетъ шесть: состояніе человѣка, животнаго, такъ называемыхъ *претъ*, адскихъ существъ, титановъ и боговъ. Ни въ одномъ изъ этихъ состояній душа не находитъ полнаго счастья и страдаетъ въ большей или меньшей степени, но страданія ея въ однихъ состояніяхъ утонченнѣе, въ другихъ грубѣе. Въ колесѣ жизни они представлены болѣе или менѣе наглядно.

Титаны, это — высшія по сравненію съ людьми существа, обладающія чрезмѣрно развитою гордостью, и титанами рождаются тѣ изъ людей, которые въ своей жизни стремятся быть болѣе благочестивыми, чѣмъ другіе. Они живутъ между небомъ и землею и, подобно сатанѣ, являются изгнанными съ неба за гордость. Продолжительность жизни ихъ гораздо больше, чѣмъ людская. Они живутъ въ роскоши и весельѣ. Но ихъ гордость и зависть счастью боговъ побуждаютъ ихъ воевать постоянно съ этими послѣдними, и, оставаясь всегда побѣжденными, они не чувствуютъ себя счастливыми. На рисункахъ, обыкновенно, изображаются сперва ихъ рожденіе изъ цвѣтовъ лотоса и ихъ полная довольства жизнь, во время которой они пользуются плодами дерева и коровой, исполняющей всѣ ихъ желанія. Тутъ же изображается и ихъ горе — безплодная борьба съ богами. Ихъ жены страдаютъ дома, видя въ озерахъ парковъ, окружающихъ ихъ замки, отраженія страданій мужей своихъ. Смерть титановъ подобна смерти людей. Немногіе изъ нихъ могутъ возродиться вновь въ качествѣ настоящихъ боговъ — этой высшей стадіи совершенства, которой только можетъ достигать человѣческая душа. Небо,—мѣстожительство боговъ,—дѣлится на нѣсколько этажей. Самый низкій и ближайшій къ землѣ этажъ занимаютъ четыре стража четырехъ странъ свѣта, окрашенные, соотвѣтственно приписываемымъ буддистами цвѣтамъ этихъ странъ, въ цвѣта: зеленый, желтый, бѣлый и крас-

ный. Они охраняютъ небесное царство отъ нападеній демоновъ. Ихъ надо отличать отъ боговъ-хранителей десяти направленій свѣта, которые не что иное, какъ включенные въ ламайскій пантеонъ боги индійской религіи: Индра (востока), Агни (ю.-в.), Яма (юга), Варуна (запада), Сома (сѣв.-вост.), Брама (зенита), Ананта (надира) и т. д. Самое небо дѣлится на области желаній, формъ, гдѣ формы лишены чувственности, и небо безформія—высшее изъ небесъ Брамы, сосѣднее съ Нирваною. Въ каждой изъ этихъ стадій душа пребываетъ громадные въ сравненіи съ человѣческой жизнью періоды времени. Въ колесѣ жизни изображено картинно состояніе боговъ въ этихъ небесахъ, гдѣ они рождаются изъ цвѣтовъ лотоса въ блестящихъ сіяющихъ одеждахъ, имѣя божественныхъ подругъ

Страшный судъ и подраздѣленія буддійскаго ада.

жизни, исполняющихъ всѣ ихъ желанія, дерево, дающее изъ листьевъ чудную пищу, изъ сока — нектаръ, приносящее вмѣсто плодовъ драгоцѣнные камни; корову, дающую вмѣсто молока всевозможные напитки; летающихъ, подобно Пегасу, коней, могущихъ предсказывать будущее, переносящихъ ихъ изъ міра настоящаго въ міръ прошедшаго и будущаго, озера изъ душистаго нектара, играющаго роль жизненнаго эликсира. Они предаются чувственнымъ наслажденіямъ въ чудныхъ дворцахъ и садахъ, съ удивительными птицами, между коими любимыя птицы индусовъ—павлинъ, попугай, кукушка и птица, повторяющая мистическія слова: „Om mani padme hum“,—играютъ главную роль. Царь боговъ Индра живетъ въ центрѣ такого рая. Въ нижнемъ этажѣ живетъ самъ царь, средній этажъ занимаетъ Брама, а верхній—Мара, богъ желаній. Боги ведутъ войну съ титанами, оставаясь

постоянно побѣдителями. Хотя боги живутъ громадные промежутки времени, но и они не вѣчны. Усыхаютъ постепенно озера нектара; и умираютъ ихъ чудные коровы и пегасы; тѣла боговъ, не поддерживаемыя долѣе жизненнымъ эликсиромъ, ослабѣваютъ, блескъ ихъ пропадаетъ, они умираютъ, и если они жили не безъ грѣха, то возрождаются въ видѣ низшихъ существъ — людей, или даже попадаютъ въ адъ. Противоположностью блаженному состоянію душъ въ раю, является ламайскій адъ. Онъ расположенъ подъ землею и въ немъ царствуетъ ламайскій богъ Яма, который, несмотря на свое высокое положеніе, самъ подвергается адскимъ мукамъ и ежедневно проглатываетъ изрядную порцію расплавленнаго металла. Адъ имѣетъ множество подраздѣленій. Насчитываютъ до 136 горячихъ отдѣленій, гдѣ въ черномъ воздухѣ, облеченныя въ пламя чудовища, съ головами различныхъ животныхъ, подвергаютъ попавшихъ въ адъ различнымъ пыткамъ.

Состояніе *претъ* немногимъ только лучше, чѣмъ состояніе адскихъ существъ. Это — состояніе привидѣній и духовъ, вѣчно страдающихъ отъ жажды и голода. Это — участь скупыхъ и жадныхъ. Они имѣютъ вокругъ себя въ изобиліи драгоцѣнности и пищу, но ихъ ротъ меньше игольныхъ ушей и черезъ него они не могутъ утолить голода, мучающаго ихъ огромное тѣло. Влага, не попадающая въ ихъ желудокъ, жжетъ ихъ хуже огня. Горести жизни двухъ остальныхъ стадій или состояній души, именно въ тѣлѣ человѣка и животныхъ, также наглядно изображены въ колесѣ.

Животныя поѣдаютъ другъ друга, дѣлаются жертвою человѣка, разставившаго сѣти для птицъ и капканы для звѣрей, наваливающаго громадныя тяжести на домашнихъ животныхъ. Горести человѣческой жизни представлены въ видѣ цѣлаго ряда неудачъ на житейскомъ поприщѣ и неудовлетворенныхъ желаній, страданій отъ жара и холода, жажды и голода, потери близкихъ, болѣзней и т. п.

Вокругъ этихъ сценъ концентрически расположено изображеніе двѣнадцати данныхъ, сковывающихъ человѣка съ его земнымъ существованіемъ и образующихъ въ тѣсномъ смыслѣ колесо жизни. Эта цѣпь составляетъ, такъ сказать, основу, суть всего буддизма, заключающуюся въ слѣдующемъ: старая и новая жизнь человѣка связаны одна съ другою. Онъ находится въ безысходномъ кругѣ. Начинаясь съ состоянія смерти или отсутствія всякаго сознанія (на картинѣ изображаемаго въ видѣ слѣпой верблюдицы), существо постепенно переходитъ въ стадію безсознательной воли (на картинѣ изображенной въ видѣ горшечника, лѣпящаго горшки); безсознательная воля переходитъ въ сознательный опытъ (изобра-

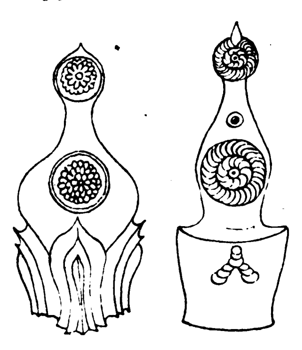
женный въ видѣ обезьяны), который, наконецъ, формируется въ самосознаніе (эмблема: врачъ, щупающій пульсъ.) Дальнѣйшимъ продуктомъ развитія будетъ появленіе пониманія и чувства, затѣмъ стремленіе путемъ осязанія познать окружающее. Отъ этого осязанія является ощущеніе, рождающее, въ свою очередь, желаніе и стремленіе къ его удовлетворенію, и достиженіе этого удовлетворенія, за которымъ слѣдуетъ зрѣлость и затѣмъ смерть. Эта послѣдняя есть переходъ въ первое изъ состояній души, за которымъ слѣдуетъ второе и т. д. до безконечности. Кругъ, на которомъ эмблемами изображены всѣ эти состоянія человѣческой души, представляется разсѣченнымъ на части, такъ какъ Будда своей жизнью и ученьемъ разсѣкъ его, давъ исходъ въ Нирвану изъ этого circulus vitiosus.

Такимъ образомъ, молящіеся, вступая въ храмъ, такъ сказать, проникаются воспоминаніемъ объ основныхъ догматахъ ученія, послѣдователями котораго они являются.

При входѣ въ притворъ бросается въ глаза, что стѣна его исписана страшными фигурами. Обыкновенно здѣсь изображаютъ: демона, покровителя земли, или краснаго діавола, мѣстныхъ мелкихъ боговъ — демоновъ, двѣ пары вѣдьмъ, краснаго и голубого цвѣтовъ, пожирающихъ своихъ жертвъ, и 12 сѣющихъ болѣзни вѣдьмъ, побѣжденныхъ Падмою. Главное мѣсто обыкновенно въ этихъ притворахъ (а въ китайскихъ храмахъ въ воротахъ, ведущихъ во дворъ, гдѣ стоитъ храмъ) занимаютъ хранители четырехъ странъ свѣта — страшныя, уродливыя статуи или иконы. Двери храма убраны мѣдными или бронзовыми украшеніями, двустворчатыя, и ведутъ непосредственно внутрь его. Храмъ внутри раздѣленъ двумя колоннадами на три части. Въ глубинѣ находится алтарь. Стѣны украшены фресками божествъ, святыхъ и демоновъ, большею частью въ естественную величину, и перемѣшаны съ изображеніями лотосовъ и другихъ эмблемъ. Эта стѣнная живопись исполнена яркими красками, но она сглаживается полумракомъ, царствующимъ въ храмѣ. Надъ алтаремъ помѣщаются три громадныхъ позолоченныхъ истукана, или три драгоцѣнности: Будда, Дгарма и Самгха. Посрединѣ большею частью изображается Будда, справа Падма Самбгава и слѣва Авалокита. Нерѣдко изображеніе Будды замѣняется изображеніемъ безконечной жизни Амитабга. Справа и слѣва ставятся истуканы другихъ божествъ. Для кровожадныхъ покровителей буддизма, демоническихъ боговъ, ставятъ, однако, отдѣльныя капища или притворы, гдѣ имъ приносятъ кровавыя жертвы, и стѣны этихъ капищъ, обыкновенно, расписываются изображеніями мученій, которыя испытываетъ душа въ загробномъ мірѣ. Истуканы дѣлаются, обыкновенно, изъ позо-

лоченной глины, иногда изъ бронзы. Рѣже вѣшаются иконы въ формѣ японскихъ какемоно. Вдоль колоннадъ расположены сидѣнья для монаховъ во время ихъ религіозныхъ ассамблей. Справа отъ алтаря стоитъ столъ настоятеля, имѣющій около $2^1/_2$ футовъ длины и около фута высоты, нерѣдко рѣзной и разукрашенный лотосами и другими символами. На немъ находятся нижеслѣдующіе предметы: чаша съ рисомъ, жертвою вселенной, сосудникъ съ рисомъ, для разбрасыванія его при жертвоприношеніяхъ, молитвенныя мельницы, колокольчикъ, скипетръ для отогнанія духовъ и чаша со святою водой. Особыми столами, кромѣ настоятеля, пользуются еще только два монаха; на нихъ лежатъ тѣ же аттрибуты, но въ меньшемъ числѣ. Надъ самымъ алтаремъ виситъ большой шелковый балдахинъ, символъ царственной власти. Алтарь состоитъ изъ двухъ ступеней. На нижней помѣщается сосудъ съ жертвенною водой, рисомъ, хлѣбами, цвѣты и свѣтильники. На верхней платформѣ, стоящей у самыхъ идоловъ, помѣщены музыкальные инструменты и нѣкоторые другіе аттрибуты богослуженія, какъ, напр., большая, стоящая на подножкѣ, лампада. Одна такая лампада есть необходимая принадлежность алтаря, но нерѣдко число ихъ достигаетъ до 10 и даже до 1,000, но тогда онѣ дѣлаются маленькими.

Священные хлѣбы.

Пять чувственныхъ жертвенныхъ даровъ.

Подъ алтаремъ ставится нѣчто въ родѣ купели, откуда берутъ воду для меньшихъ сосудовъ, блюдо для приносимаго въ жертву зерна, курильница и пара вазъ для цвѣтовъ. Справа на отдѣльномъ столикѣ ставится принесенный въ жертву рисъ, представляющій трехъэтажную пирамиду, ежедневно возобновляемую. Обыкновенный жертвенный рисъ кладется въ мѣдныя чаши, состоящія изъ сплава мѣди, серебра, золота и порошка изъ драгоцѣнныхъ камней. Такихъ чашъ 5 или 7. Двѣ изъ нихъ наполняются рисомъ, насыпаемымъ маленькими конусами; рѣже рисъ

замѣняется водою. Тутъ же ставится священный хлѣбъ — высокое, конической формы печенье изъ муки, масла и сахара, такъ называемая торма. Его кладутъ на металлическое блюдо, поддерживаемое треножникомъ. На верхней полкѣ часто еще ставится модель ступы, нѣсколько священныхъ книгъ, ламайскіе скипетры, модели орудій громовержца Индры, вазы для святой воды, стрѣла для вопрошенія оракула, металлическое зеркало для отраженія злыхъ духовъ, двѣ пары цимбалъ, флейта изъ раковины, пара мѣстныхъ флажолетовъ, пара громадныхъ складныхъ трубъ, издающихъ протяжные звуки при богослуженіи, пара флейтъ изъ человѣческихъ костей, пара такихъ же флейтъ изъ костей тигра, бубны изъ череповъ. За исключеніемъ послѣднихъ кабалистическаго характера принадлежностей, большинство указанныхъ выше аттрибутовъ фигурируетъ и на алтаряхъ китайскихъ и японскихъ буддистовъ.

Ламайскій пантеонъ, повидимому, самый обширный въ свѣтѣ. Онъ состоитъ изъ великаго множества мѣстныхъ божествъ, демоновъ съ головами гидры и такъ называемыхъ чудовищъ, по численности своей конкурирующихъ съ не менѣе разнообразными буддійскими божествами. Миѳологія ламаистовъ буддійскаго происхожденія наполнена массою заимствованій изъ индусскихъ легендъ, но лишена силы и изящества языческихъ легендъ Европы, несмотря на то, что въ ней встрѣчаются миѳы чисто европейскаго характера. Первичный буддизмъ, какъ мы уже знаемъ, не имѣлъ божествъ, въ смыслѣ Создателя и абсолютнаго существа, хотя самъ Будда въ своемъ ученіи былъ скорѣе агностикомъ, чѣмъ атеистомъ. Но уже съ самаго начала боги индусовъ заняли выдающееся положеніе въ буддизмѣ, и ихъ вліяніе на судьбы человѣчества считалось настолько существеннымъ, что ихъ всегда боялись и они служили предметомъ поклоненія. Къ нимъ присоединились боги покоренныхъ народовъ, принимаемые на лоно церкви въ качествѣ защитниковъ ея, и, наконецъ, различные метафизическіе Будды, принимавшіе въ глазахъ народа характеръ реальныхъ божествъ.

Въ общемъ *Waddel* даетъ нижеслѣдующую классификацію буддійскихъ божествъ:

1) Будды небесные и человѣческіе.

2) Бодги-Сатвы — небесныя и человѣческія, включая сюда индійскихъ святыхъ и боготворимыхъ Ламъ.

3) Боги-покровители демоническаго характера; боги-защитники вѣры, вѣдьмы, индійскіе боги, мѣстные боги, боги-хранители отдѣльныхъ лицъ или семействъ.

Первые четыре класса боговъ безсмертны, остальные подвержены закону переселенія душъ.

Въ большинствѣ случаевъ идолы этихъ божествъ хранятся не столько въ храмахъ, сколько у частныхъ лицъ въ домахъ и палаткахъ или носятся въ видѣ амулетовъ. Ихъ изготовляютъ ламы, рѣже непальскіе артисты, большею частью изъ металла или дерева. Многіе идолы считаются въ народѣ нерукотворными, упавшими съ неба и способными творить чудеса. Иногда они дѣлаются изъ глины.

Иконы, писанныя на полотнѣ или шелкѣ яркими красками, также въ большомъ употребленіи. Онѣ преимущественно китайскаго письма. Чаще всего встрѣчается идолъ сидящаго на лотосѣ Будды, какимъ его обыкновенно изображаютъ на всѣхъ рисункахъ. Но помимо этого созерцательнаго типа идоловъ, существуютъ еще три варіаціи, именно:

1) Кроткая, или типъ Бодги-Сатвы.

2) Гнѣвающаяся — типъ Рудры ведійскихъ временъ.

3) Неистовствующая.

Чтобы понять смыслъ этихъ изображеній, надобно напомнить читателю слѣдующія выдержки изъ *философіи ламаизма*.

Послѣ смерти Будды его личность скоро окружили сверхъестественными атрибутами. Будда пересталъ быть въ глазахъ вѣрующихъ основателемъ буддизма и былъ однимъ изъ воплощающихся на благо міра божествъ, коихъ множество воплощалось до него (Татхагата) и будетъ воплощаться послѣ (Майтрея.) Число Татхагатъ, бывшее прежде = 7, впослѣдствіи было увеличено до 24, 35 и даже 1000. Къ нимъ отнесли еще такъ называемыхъ Патіекъ, или неучащихъ Буддъ. Во второмъ вѣкѣ послѣ Нирваны возникло ученіе, что Татхагаты вѣчны, что они вездѣсущи, всемогущи, всеблаженны, что они вѣчно бодрствуютъ и что все живущее только черезъ нихъ можетъ получить спасеніе. Черезъ четыре вѣка это ученіе выродилось въ ученіе о томъ, что Будды и Бодги-Сатвы живутъ въ небесныхъ фантастическихъ мірахъ, а являющіяся на землѣ ихъ воплощенія представляютъ только отраженіе ихъ истиннаго, на небѣ обитающаго, существа. Затѣмъ это ученіе стало допускать существованіе нѣкоего высшаго первичнаго Будды *Адибудды*, проявлявшагося въ трехъ лицахъ: Дгармакая — законъ, Самбхога-кая — отраженіе его и Нирмана-кая, или воплощеніе его, человѣческій Будда.

Эти три существа первичнаго Будды составляютъ едино. Первѣйшему изъ Буддъ было дано названіе Амитабга — безконечный свѣтъ. Его жительство — Рай, находящійся на далекомъ западѣ. Позже еще возникло ученіе о душѣ (атманъ) и іога, или томъ

единеніи души человѣка съ душою міра, которое имѣетъ мѣсто во время религіознаго экстаза. Дальнѣйшая форма вырожденія буддизма есть тантрическій буддизмъ. Тантризмъ началъ вліять на буддизмъ въ 7 вѣкѣ. Онъ основанъ на поклоненіи активной, производящей силѣ міра, олицетворяемой индусами въ лицѣ богини Кали или Дурги, которая есть выраженіе міровой души и ея проявленій въ формѣ разныхъ женскаго рода божествъ. Это повело къ включенію въ буддизмъ Бодги-Сатвъ женскаго рода, которымъ придавали качества кроткія, или ужасныя, смотря по характеру ихъ дѣятельности. Это вызвало опять новую реформу въ представленіи о Буддѣ. По этой теоріи во главѣ міра теперь стоитъ *Адибудда*, первичный богъ и создатель, который путемъ мышленія создаетъ пять небесныхъ Джинъ или „Буддъ мышленія“, большею частью безтѣлесныхъ, погруженныхъ въ мышленіе. Джины своимъ мышленіемъ производятъ активныхъ небесныхъ Бодги-Сатвъ — сыновей съ творческими функціями, которые своимъ отраженіемъ создаютъ ихъ воплощенія на землѣ.

Пять небесныхъ Джинъ или Буддъ.

Сакія-Муни есть четвертое изъ такихъ воплощеній нашего вѣка; его Дгіани-Будда, или Будда мышленія есть Амитабга, а его соотвѣтствующій небесный сынъ, отраженіемъ коего онъ самъ является, его Бодги-Сатва, это — Авалокитесвара, патронъ ламаизма; воплощеніе его есть Далай-Лама. Въ 10 вѣкѣ буддизмъ падаетъ еще ниже. Для женскихъ началъ различныхъ проявленій кровожадной Кали являются въ качествѣ супруговъ соотвѣтствующія отраженія *Адибудды* и *Дгіани-Будды* со столь же кровожадными свойствами. Эти Будды и ихъ супруги могутъ быть умилостивлены лишь жертвами и молитвами. Наконецъ, къ ламаизму присоединилось теперь господствующее ученіе о томъ, что душа умирающаго ламы воплощается сейчасъ же въ ребенка, который и выбирается въ ламы на мѣсто умершаго. Въ зависимости отъ этихъ фазъ вырожденія ламаизма стоятъ и распространенные у лама-

истовъ идолы Бодги-Сатвъ. Манджусри,—богъ мудрости, въ спокойномъ состояніи есть кроткое божество. Какъ строгій громовержецъ, онъ—активное гнѣвающееся божество, а какъ шестилицый царь драконовъ, онъ есть демонъ. Кроткіе боги изображаются въ видѣ красивыхъ принцевъ или принцессъ въ индійскомъ одѣяніи, окруженныхъ сіяніемъ и облаками. Гнѣвающійся типъ страшенъ по тщательности выраженія безобразія, нахмуреннымъ бровямъ, выпяченнымъ глазамъ и обыкновенно третьему глазу на лбу.

Неистовствующій типъ окруженъ пламенемъ, гирляндами череповъ и обыкновенно торжествуетъ надъ какою-нибудь жертвой. Если идолы или иконы раскрашены, то бѣлый и желтый цвѣта являются аттрибутами кроткихъ Буддъ, тогда какъ красный, голубой и черный принадлежатъ гнѣвающимся.

Обыкновенно боговъ пишутъ бѣлыми, демоновъ красными, а діаволовъ черными. Боги высшаго порядка изображаются на лотосахъ, низшаго—на цвѣтахъ *Nymphaea esculenta* съ разрѣзными лепестками, дѣлающими ихъ похожими на капитель коринѳской колонны.

Мѣсто не позволяетъ намъ входить въ описаніе разнообразныхъ изображеній всѣхъ небесныхъ Буддъ, ихъ земныхъ и демоническихъ отраженій. Я скажу только нѣсколько словъ объ изображеніяхъ женскихъ элементовъ Бодги-Сатвъ. Главными и наиболѣе активными женщинами Бодги-Сатвами являются Тары и Мариси.

Тары спасительницы, эквивалентъ богини милосердія у китайцевъ, есть женскій элементъ Авалокита.

Его обычныя формы — Зеленая Тара, почитаемая въ Тибетѣ, и Бѣлая Тара — у монголовъ. Русскіе ламаисты со временъ Екатерины Великой стали почитать императрицу за воплощеніе Бѣлой Тары. Съ тѣхъ поръ они перенесли это представленіе на всѣхъ русскихъ государей, поклоняясь въ ихъ образѣ существу женскаго рода. Но, кромѣ этихъ двухъ Таръ, есть еще 21, наиболѣе почитаемыя у тибетцевъ.

Мариси, супруга подземнаго духа, соотвѣтствуетъ Прозерпинѣ, но она — гнѣвное божество съ тремя лицами и восемью руками.

Ламайскій ритуалъ состоитъ изъ семи отдѣловъ: воззванія къ небу, приглашенія божества присутствовать при молитвѣ, предложенія даровъ, хвалебныхъ гимновъ, повторенія спеціальныхъ молитвъ или мантръ, молитвъ за благодѣянія, настоящія и ожидаемыя, и благословенія.

Передъ началомъ богослуженія духовенство благословляетъ другъ друга жестами, напоминающими тѣ, которые употребляются у христіанъ. Мы уже упоминали при описаніи алтаря, какого

рода вещи приносятъ въ жертву. При ихъ постановкѣ жрецъ произноситъ: „Прійди, прійди, Омъ Громовержецъ, вкуси эти жертвы, воду для питья, прими холодную воду для омовенія, эти цвѣты для украшенія волосъ, благоуханія, свѣтъ лампадъ, духи, пищу и звуки цимбалъ! Кушай досыта, *Svaha*!" Въ каждую чашу съ рисомъ обыкновенно втыкается душистая курительная свѣча. Часто жертвоприношеніе принимаетъ грандіозный характеръ, именно тогда, когда одновременно приносятся жертвы всѣмъ богамъ и всѣмъ демонамъ. Тогда устраивается настоящій банкетъ,— устанавливается громадный столъ, на которомъ рядами располагаются различныя яства.

Въ первомъ и второмъ ряду ставятся большія печенья и чаши съ туземной водкой и кровью (обыкновенно замѣняемой чаемъ) въ честь святыхъ древняго Тибета и демоновъ-защитниковъ. Въ третьемъ ряду ставятъ главныя жертвы, уже намъ извѣстныя. Въ четвертомъ ряду — безчисленное множество печеній, содержащихъ въ себѣ рисъ съ виномъ и мясную начинку.

Богослуженіе вездѣ совершается на тибетскомъ языкѣ съ аккомпаниментомъ трубъ и музыкальныхъ инструментовъ и хора, при чемъ оглушительныя завыванія огромныхъ трубъ чередуются съ благоговѣйнымъ *pianissimo* хора мальчиковъ.

Кромѣ богослуженія, два раза въ мѣсяцъ монахи совершаютъ публичное покаяніе въ грѣхахъ.

Но, безусловно, самое интересное изъ всѣхъ богослуженій ламаистовъ, это — ихъ евхаристія и различнаго рода пляски и мистеріи, гдѣ маскированные монахи изображаютъ страшный судъ и мученія душъ послѣ смерти.

Ламайская евхаристія носитъ у буддистовъ названіе церемоніи полученія долгой жизни и представляетъ характерное сочетаніе буддійскихъ идей съ тибетской демонологіей и заимствованными отъ несторіанъ обрядами. Она совершается одинъ разъ въ недѣлю; на нее сходятся большія массы народа. По крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ году она совершается въ каждой деревнѣ за здравіе ея населенія и, ради продленія его жизни. Главный богъ, къ которому обращаются во время богослуженія, это Амитаюсъ, Будда безконечной жизни, или Вѣчный, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ Амитабгой, или Буддою безконечнаго свѣта, отраженіемъ котораго является Амитаюсъ. Въ ней упоминаются „дающія долгую жизнь сестры — горныя нимфы, царствующія подъ вѣчными снѣгами", и отчасти „Бѣлая Тара". Упоминается и царь смерти, Яма, чтобы онъ отсрочилъ день кончины. Священнослужители, принимающіе участіе въ такой службѣ, должны люди быть чистой морали, люди, воздерживающіеся отъ употребленія вина и мяса.

Предшествующій день они должны провести въ постѣ, повторяя мантры дающему жизнь богу, если возможно, 100,000 разъ, и очиститься омовеніемъ.

На алтарѣ ставятся для этого богослуженія слѣдующіе предметы:

1) *Lus bum* — обыкновенный алтарный сосудъ съ водою.

2) *Ti bum* — ваза съ висячимъ зеркаломъ, съ водой, подкрашенною шафраномъ.

3) *Dban bum* — ваза съ изображеніемъ пяти Джинъ.

4) *Tse bum* — или ваза жизни спеціально для Амитаюса, съ букетомъ изъ павлиньихъ перьевъ и священною травой — Куза.

5) *Ts'e ch'an* или вино жизни, представляющее изъ себя пиво, налитое въ чашу изъ черепа.

6) *Ts'e ril* или пилюли жизни, дѣлаются изъ муки съ сахаромъ и масломъ.

7) *'Chi-mar* — вафли изъ муки съ масломъ и рисомъ.

8) *mDah dar* — священный мечъ для отгадыванья, съ шелковыми кистями.

9) *Rdor jehi gzuntag* или родъ восьмиграннаго скипетра.

Сперва приготовляются пилюли и вино изъ пива и, положенныя въ чашу изъ черепа, преподносятся статуѣ Амитаюса. Жрецъ, одѣтый въ полное облаченіе, соединяетъ свою грудь съ изображеніемъ Амитаюса съ помощью скипетра и, такимъ образомъ, духовно соединяется съ нимъ и двумя князьями демоновъ. Затѣмъ онъ беретъ чашу № 1 и кропитъ святою водой рисъ, приготовленный для духовъ, и умоляетъ ихъ, вкусивъ этотъ рисъ, удалиться и оставить въ покоѣ молящихся. Затѣмъ, принимая угрожающій тонъ, онъ, отъ имени вселившихся въ него князей демоновъ, говоритъ: „Если же вы откажетесь уйти, то я, могущественный Гаягрива, князь гнѣвныхъ демоновъ, сокрушу васъ, ваше тѣло, рѣчи и духъ превращу въ прахъ. Слушайте моего приказанья и уходите каждый въ свое убѣжище, или горе вамъ! Om sambhani“.

Затѣмъ вмѣстѣ съ народомъ онъ говоритъ: „Боги осилили, демоны удалились!“

Жрецъ съ молитвою поднимаетъ священный кругъ съ заклинаніями, одинъ изъ многихъ мистическихъ знаковъ, вошедшихъ въ употребленіе въ ламаизмѣ, и съ молитвой призываетъ Падму и другихъ святыхъ ламъ содѣйствовать молитвѣ его передъ богами о продленіи жизни молящихся. Затѣмъ онъ говоритъ: „О, Господь Амитаюсъ, царствующій въ пяти храмахъ сіянья! О, Гандгарва, духъ запада, Яма, духъ юга, Нага-раджа — востока, Якша — сѣвера, Брама и Индра, царствующіе въ зенитѣ, и Нанда и Так-

ша — въ Надгерѣ! И особенно вы, Будды и Бодги-Сатвы, молю васъ всѣхъ: благословите меня и исполните мою просьбу, даруя мнѣ духъ безконечной жизни и смиренья на обиды злыхъ духовъ. Прошу васъ послать даръ жизни вѣчной и сойти ко мнѣ. *Hrî!* Я молю вашего благословенья, о. Будды трехъ временъ (Дипанкара, Сакія-Муни и Майтрея)“.

При этомъ предполагается, что по волѣ Буддъ и другихъ боговъ жидкость чаши превращается въ амврозію безсмертія. При звукахъ хора и музыки священникъ несетъ сей сосудъ, наполненный амврозіей безсмертія, которую пять небесныхъ классовъ благословляютъ на лучшую жизнь: „Да будетъ жизнь постоянна, какъ адамантъ, побѣдоносна, какъ знамя короля, да будетъ она тверда и сильна, какъ орелъ, и длится вѣчно. Да буду я благословенъ даромъ жизни вѣчной и да исполнятся желанья мои...“

Лама съ чашей.

Теперь жрецъ, какъ временное воплощеніе Амитаюса, распредѣляетъ свои благословенія и раздаетъ священную воду и пищу собравшимся, помазавъ ею сперва себя, а потомъ ладони присутствующихъ. Затѣмъ лама беретъ сосудъ жизни, ставитъ его на минуту на голову колѣнопреклоненныхъ священнослужителей, повторяя молитву Амитаюсу, и, прикасаясь скипетромъ, говоритъ: „Жизнь, которую вы теперь получаете, такъ же вѣрна, какъ это оружіе. Примите ее съ благоговѣніемъ; какъ неизмѣнна эта ваджра (скипетръ), такова и ваша жизнь. Поклоняйтесь Амитаюсу, богу безконечной жизни,

главѣ правителей міра. Да придетъ слава его, и добродѣтель, и всяческое счастье!“ Толпа повторяетъ слова: „слава и счастье“.

Каждый поклонникъ получаетъ теперь изъ чаши жизни каплю освященнаго вина, которое онъ проглатываетъ съ благоговѣніемъ. Каждый получаетъ также три пилюли, блюдо съ которыми было освящено ламою. Онѣ также должны быть сейчасъ же проглочены. Затѣмъ лама садится на низкое кресло, и прихожане проходятъ, кидая свои подаянія, состоящія большею частью изъ зерна.

Проф. А. Н. Красновъ.

Государственная религія Китая.

Государственной религіей Китая является не буддизмъ, и не таоизмъ, о которыхъ говорится въ нашей книгѣ, а весьма характерное для народной массы поклоненіе духу Неба и сонму другихъ духовъ. По всей вѣроятности, оно развилось изъ шаманства, основныя вѣрованія котораго заключаются въ обоготвореніи силъ природы. Фантазія желтолицыхъ распредѣлила безплотныхъ духовъ на главныхъ, или небесныхъ, и второстепенныхъ, или земныхъ. Къ первымъ относятся духи неба, земли, солнца, луны и звѣздъ; ко вторымъ—духи горъ, рѣкъ, лѣсовъ, покровители наукъ, профессій и т. п. Человѣческіе духи (Гуй-цинъ), по ихъ представленію, не что иное, какъ осязательныя части умершихъ, продолжающія влiять на судьбу живыхъ. На этомъ и основывается культъ предковъ, который имѣетъ въ Китаѣ первенствующее значеніе.

Во главѣ іерархіи духовъ стоитъ Небо, Тянь, „повелитель мiровой жизни“. Тянь заботится о смѣнѣ временъ года, дня и ночи, управляетъ движеніемъ свѣтилъ небесныхъ, произрастаніемъ злаковъ земныхъ и людскими дѣлами. Въ силу этого ему данъ титулъ Шангъ-ти, что означаетъ: верховный правитель. Китайцы придаютъ большое значеніе волѣ Неба, небесному Промыслу и судьбѣ (тяньминъ). Уже императоры Яо и Шунь (2.357—2.205 до Р. Х.) приносили Небу жертвы. Главнымъ посредникомъ между Небомъ и народомъ служитъ императоръ, избранникъ и сынъ самого Неба (Тянь-цзы). Если Небо посылаетъ какія-нибудь общія бѣдствія, то только за провинности императора, такъ что все благополучіе подданныхъ держится на его умѣньи угодить верховному владыкѣ.

Небу (Шангъ-ти) и его супругѣ Землѣ (Ти) имѣетъ право приносить жертвы только императоръ, и жертвенники Небу (дай-мяо) находится искючительно въ Пекинѣ и Мукденѣ (родина нынѣшней династіи). У многихъ китайцевъ на домашнихъ алтаряхъ имѣются таблички въ честь Неба и Земли, но все-таки никто, кромѣ госу-

даря, не можетъ совершать установленной вѣками церемоніи въ полномъ ея объемѣ. Императоръ совершаетъ торжественное жертвоприношеніе въ честь Неба три раза въ году (въ началѣ весны, во время лѣтняго и зимняго солнцестоянія), а поклоненіе Землѣ— два раза (во время лѣтняго солнцестоянія и по окончаніи жатвы). Къ числу государственныхъ церемоній относится также поклоненіе божествамъ земледѣлія и шелководства, при чемъ императоръ и князья сами обрабатываютъ ниву, жатва съ которой идетъ для жертвоприношеній, а императрица кормитъ шелковичныхъ червей, продукты которыхъ употребляются для выдѣлки жертвенныхъ одѣяній. Въ книгѣ Ли-Ки говорится, что это „дѣлается не потому, чтобы Сынъ Неба и князья не имѣли слугъ, которые пахали бы вмѣсто нихъ, или чтобы императрица не имѣла женщинъ' которыя присматривали бы за шелковичными червями, а дѣлается' чтобы показать личную искренность“.

Изъ земныхъ духовъ особенное значеніе имѣетъ Лунъ-ванъ (князь драконовъ). Императоръ также воздаетъ ему поклоненіе. Драконъ—символъ верховной власти, и увидѣть богдыхана—все равно что „узрѣть ликъ дракона“. Этотъ духъ производитъ дожди и ураганы. Китайцы различаютъ драконовъ по внѣшнему виду и по ихъ особенностямъ. Самъ императоръ приноситъ жертвы солнцу только въ нечетные годы, а въ четные—для поклоненія командируется кто-либо изъ князей; лунѣ же монархъ воздаетъ поклоненіе только въ четные годы. Китайцы пріурочиваютъ каждый предметъ, каждое явленіе къ особому духу, и, въ связи съ отсутствіемъ научныхъ свѣдѣній, у нихъ выработалась увѣренность въ существованіи извѣстнаго соотношенія между цифрами, геометрическими фигурами и явленіями природы. Почти всѣмъ цифрамъ придается кабалистическое значеніе.

Итакъ, по китайскимъ воззрѣніямъ, „свидѣтельствовать признательность Небу есть первый долгъ человѣка, а выражать благодарность предкамъ — второй“. Въ основѣ культа умершихъ, особенно родственниковъ, лежитъ принципъ сыновней любви: такимъ образомъ культъ родителей является естественнымъ продолженіемъ благоговѣйнаго почитанія ихъ при жизни. Эта доктрина подробно разработана Конфуціемъ. Канонизація прославленныхъ умершихъ составляетъ прерогативу высшей власти. Поклоняясь духамъ предковъ, народъ слѣдуетъ примѣру императора и чиновниковъ, для которыхъ жертвоприношенія предкамъ такъ же обязательны, какъ поклоненіе Небу и Землѣ. Въ честь каждаго предка дѣлается табличка, на которой пишется его имя. Богдыханъ, князья и главные чиновники имѣютъ особыя кумирни „мяо“, частныя же лица помѣщаютъ таблички своихъ предковъ въ домашнихъ или обще-

ственныхъ „мяо", гдѣ устраиваются публичныя сборища, празднества и гдѣ также рѣшаются мѣстныя дѣла. Въ каждомъ зажиточномъ домѣ имѣется своя особая молельня съ табличками предковъ, при чемъ младшіе сыновья для поклоненія приходятъ въ домъ старшихъ. При раздѣленіи семьи, уѣзжающій беретъ съ собою дощечку, на которой выписаны имена предковъ; самыя же таблички остаются въ *мяо* родоначальниковъ.

Поминальные обряды такъ реальны, какъ будто относятся къ живымъ людямъ. Кромѣ культа своихъ предковъ, всякій китаецъ воздаетъ еще поклоненіе духамъ мѣстнаго общества. Въ каждомъ городѣ есть кумирня въ честь городского божества, покровителя (чэн-ванъ); въ его лицѣ поклоняются, обыкновенно, какому-нибудь прославившемуся чиновнику. Во многихъ городахъ можно еще видѣть кумирни въ честь цѣломудренныхъ женъ, вдовъ и почтительныхъ дочерей.

Въ общемъ отличительною чертой государственнаго культа въ Китаѣ является эклектизмъ, при чемъ самый культъ носитъ сильное вліяніе другихъ религіозныхъ системъ: буддизма и таоизма.

Японскія религіи.

Господствующія религіи.—Шинтоизмъ и буддизмъ.—Легенды.—Литературные памятники.—Шинтойскій храмъ.—Жрецы.—Жрицы.—Народное поклоненіе.—Философія.— Самоубійство.—Легенда о Ронинахъ.—Японскій буддизмъ.—Идолы.—Храмы.—Храмъ Азакузы.—Богослуженіе.—Жизнеописаніе Ничирена.—Секта Ничирена.—Секта Джодо.—Секта Шин-шу.

Господствующими религіями въ Японіи считаются шинтоизмъ и буддизмъ. Въ теченіе вѣковъ онѣ не только уживались рядомъ, но и оказывали такое большое взаимодѣйствіе, что совершенно уклонились отъ своего первобытнаго вида. Теперь даже трудно разграничить ихъ послѣдователей, потому что современныя японскія вѣрованія, которыя выражаются въ формѣ нѣсколькихъ сектъ, представляютъ сліяніе шинтойской теологіи, буддійской внѣшней обрядности, да еще философіи Конфуція.

Шинтоизмъ — туземнаго происхожденія и ведетъ начало отъ глубокой древности; возможно даже, что онъ существовалъ до христіанской эры. Названіе шин-то (путь боговъ) было присвоено этой религіи въ отличіе отъ бутсу-до (путь Буддъ) уже впослѣдствіи, т. е. не ранѣе шестого вѣка, когда буддизмъ проникъ въ Японію. Суть шинтоизма заключается въ обоготвореніи силъ природы и духовъ предковъ. Есть шинтойскія божества вѣтра, огня, дождя, грозы, горъ и рѣкъ вообще, каждой горы и рѣки въ отдѣльности и т. п.; ихъ насчитываютъ до восьмисотъ тысячъ. Всѣмъ

этимъ духамъ приписываются слабости смертныхъ. Первенствующее мѣсто занимаетъ богиня солнца Аматеразу. Ея святилище въ Изѣ привлекаетъ такое множество пилигримовъ, что его называютъ японскою Меккой. Разъ въ году лѣтомъ толпы пилигримовъ отправляются на вершину вулкана Фузи-Яма, чтобы тамъ воздать поклоненіе восходящему солнцу. На гору они взбираются ночью, при свѣтѣ факеловъ, въ бѣлыхъ одѣяніяхъ. Грандіозная картина, открывающаяся передъ ними въ моментъ восхода, невольно возбуждаетъ въ нихъ экстазъ.

Какъ религіозная система, шинтоизмъ состоитъ, главнымъ образомъ, изъ легендъ о богахъ и герояхъ. Легенды, между прочимъ, возводятъ генеалогію императоровъ до самой богини Аматеразу, и на этомъ основаніи японцы воздаютъ культъ императорской фамиліи. Японскіе миѳы, какъ и у всѣхъ народовъ, долгое время передавались изъ устъ въ уста и подвергались различнымъ искаженіямъ. Микадо Темму, жившій въ началѣ VI вѣка по Р. Х., скорбѣлъ объ этомъ и задумалъ возстановить подлинность легендъ. Для этой цѣли онъ созвалъ знатоковъ преданій, сличилъ всѣ версіи и, отвергнувъ то, что нашелъ въ нихъ неправильнаго, приказалъ своему приближенному Аре, который отличался необыкновенною памятью, заучить ихъ наизусть. Дѣло Темму довершила уже его преемница, императрица Джемміу, которая велѣла записать всѣ легенды со словъ Аре. Результатомъ этой записи, которая состоялась въ 712 г. и продлилась четыре съ половиной мѣсяца, явилась книга *Кожики,* какъ мы узнаемъ изъ ея предисловія. *Кожики* играетъ роль библіи у шинтоистовъ.

Изъ другихъ древне-японскихъ литературныхъ памятниковъ заслуживаютъ вниманія еще: *Маніошу* (книга тысячи поэмъ), сборникъ произведеній народнаго эпоса, и *Норито*, или требникъ. *Кожики* своею теоріей оскверненія и очищенія до извѣстной степени напоминаетъ Зенд-Авесту. Она учитъ, что людей особенно оскверняетъ рожденіе и смерть, и поэтому предписываетъ переносить родильницъ и умирающихъ въ наскоро сколоченныя хижины, которыя полагается сжечь послѣ того, какъ человѣкъ впервые увидитъ свѣтъ или отойдетъ къ праотцамъ. Очищенія можно достигнуть частыми омовеніями, которыя въ большомъ ходу у шинтоистовъ. Очищающими элементами считаются также огонь и соль. Древніе шинтоискіе жрецы передъ совершеніемъ обрядовъ не только купались и надѣвали чистыя одежды, но даже прикрывали ротъ полоской бумаги, чтобы дыханіемъ не осквернить приносимой ими жертвы. Существовали также общественные праздники очищенія, когда жрецъ или самъ микадо погружалъ въ воду нѣсколькихъ бумажныхъ манекеновъ въ знакъ того, что грѣхъ смытъ съ людей.

Въ древности шинтойскій храмъ имѣлъ видъ незатѣйливой хижины, такъ какъ японцы только послѣ введенія буддизма познакомились съ красивою индійскою и китайскою архитектурой. Необходимую его принадлежность составляли одни или нѣсколько деревянныхъ (а иногда каменныхъ) воротъ, имѣющихъ форму буквы П со слегка вогнутою верхнею перекладиной, такъ называемыя *торіи*. Торіи служили насѣстомъ для посвященныхъ богамъ птицъ, главнымъ образомъ, домашнихъ куръ и пѣтуховъ. При храмахъ до сихъ поръ держатъ различныхъ священныхъ животныхъ, какъ, напримѣръ, бѣлыхъ лошадей и оленей. Торіи впослѣдствіи утратили свое первоначальное значеніе, но и понынѣ встрѣчаются около каждаго шинтойскаго храма. Обыкновенно, такіе храмы расположены гдѣ-нибудь въ уединенномъ мѣстѣ, на возвышеніи, въ рощѣ изъ чудныхъ вѣчно-зеленыхъ деревьевъ. Около нихъ разбиты роскошные цвѣтники, обнесенные изгородью изъ подстриженныхъ чайныхъ кустовъ. Идоловъ въ шинтойскихъ храмахъ не бываетъ, но стѣна, которою обнесенъ дворъ, подчасъ носитъ слѣды буддійскаго вліянія въ видѣ скульптурныхъ украшеній и статуй. Святилище, это—маленькій домикъ, состоящій изъ одной, много двухъ комнатъ. Внутри на стѣнахъ иногда нарисованы птицы и цвѣты. Въ святилищѣ находятся разныя эмблемы боговъ: зеркало, мечъ, камень и т. п. По стѣнамъ также развѣшаны гирлянды изъ бѣлыхъ бумажныхъ полосокъ, замѣнившія прежнія льняныя, пеньковыя или шелковыя ткани, которыя считались почетною жертвой богамъ; простую жертву составляли лишь продукты земледѣлія и рыбной ловли. Жертвоприношенія и праздники, какъ показываетъ *Норито*, должны, съ одной стороны, умилостивлять разгнѣванныхъ боговъ, а съ другой—очищать вѣрующаго. Теперь въ жертву богамъ приносятъ исключительно кушанья, при чемъ читаются молитвы и славословія. Въ силу культа предковъ, составляющаго краеугольный камень шинтойской религіи, жрецы считаются потомками бога, патрона того храма, при которомъ они служатъ. Жреческія обязанности передаются отъ отца къ сыну. По внѣшности и костюму жрецы ничѣмъ не отличаются отъ мірянъ; только во время богослуженія они надѣваютъ длинное бѣлое облаченіе, съ широкими рукавами и поясомъ, и особаго покроя черный капюшонъ. Безбрачіе для нихъ не обязательно. При нѣкоторыхъ большихъ храмахъ, какъ, напр., въ Изѣ, бываетъ цѣлый штатъ жрицъ, которыя охраняютъ святилище, а во время праздниковъ исполняютъ религіозныя пляски. Жрицы также не лишены права вступать въ бракъ.

Народное поклоненіе духамъ храмовъ выражается совершаемымъ разъ или два въ году паломничествомъ, которое даетъ возможность наблюдать красивые виды и присутствовать при оригинальныхъ

Внутренность шинтойскаго храма. (Съ оригин. фотогр. проф. А. Н. Краснова.)

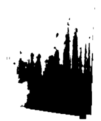
мистеріяхъ. Религія считается вполнѣ совмѣстимой съ развлеченіями, и храмы бываютъ окружены всякаго рода увеселительными заведеніями, гдѣ подчасъ разыгрываются самыя возмутительныя оргіи.

Сколько-нибудь интеллигентнаго японца шинтойская религія, лишенная философіи, мало удовлетворяетъ. Въ своей общественной и семейной жизни онъ руководится правилами Конфуція и Менція (по мѣстному наименованію Коши и Моши). Конфуціанство, пересаженное на японскую почву, совершенно измѣнило свой характеръ, и отсюда разница между китайскою и японскою этическою философіей. Въ Китаѣ главною добродѣтелью является почитаніе родителей, въ Японіи гораздо выше ставится преданность господину. Нигдѣ, даже между членами семьи, нѣтъ равноправныхъ отношеній и взаимной любви, а только существуетъ уваженіе подданыхъ къ повелителю, жены къ мужу, дѣтей къ отцу, младшихъ къ старшимъ, слугъ къ господамъ. Тотъ, кто, по японскимъ понятіямъ, занимаетъ болѣе высокое соціальное положеніе, можетъ снизойти до любви къ своему подчиненному, но обратный случай рѣшительно немыслимъ. Вѣрноподданическія чувства ставятся выше обязанностей отца, мужа, брата, и положить жизнь свою во имя этихъ чувствъ — величайшій подвигъ. Такое воззрѣніе выработало особый родъ самоубійства, извѣстный подъ именемъ *гаракири* (hara-kiri) и лишь сравнительно недавно воспрещенный закономъ. Свершивъ все, что было въ его власти, по отношенію къ повелителю, вѣрноподданный считалъ, что онъ достигъ конечной цѣли, и лишалъ себя жизни. Обычай этотъ появился раньше всего среди военнаго сословія. Получивъ рану на полѣ битвы, солдатъ не ожидалъ подачи помощи, а, напротивъ, спѣшилъ покончить съ собою; поэтому, отправляясь въ походъ, онъ обыкновенно запасался двумя мечами: длиннымъ — для борьбы съ врагами, и короткимъ — для *гаракири*. Впослѣдствіи этотъ родъ самоубійства замѣнилъ для знатныхъ лицъ казнь и сталъ считаться почетнымъ. Въ Японіи канонизировано не столько благодѣтелей рода человѣческаго или религіозныхъ реформаторовъ, сколько самоубійцъ. Излюбленнымъ сюжетомъ для мистерій, а также для различныхъ произведеній искусства, служитъ *гаракири* сорока-семи Рониновъ. Эти сорокъ-семь мужей отказались отъ всѣхъ земныхъ привязанностей и стремленій, рѣшили подвергать себя суровымъ лишеніямъ и даже не вкушать пищи, пока имъ не удастся отомстить за смерть своего господина. Долго пришлось имъ ждать благопріятнаго момента. Отрубивъ врагу голову, они принесли ее на могилу своего владыки, и такъ какъ ихъ обязанности по отношенію къ нему уже были кончены, то здѣсь же, распоровъ себѣ внутренности, они приняли мученическій вѣнецъ и покрыли себя славой.

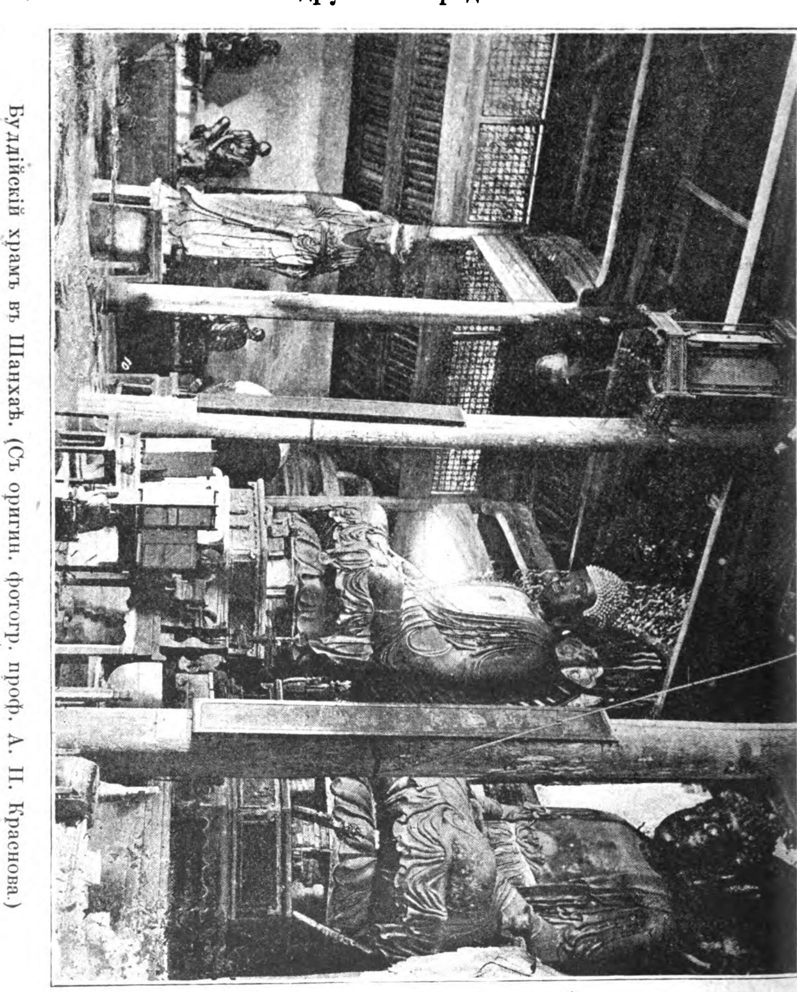
Сущность буддизма въ Японіи та же, что и въ другихъ странахъ. Это атеизмъ или, вѣрнѣе, обоготвореніе людей и идей въ

Исполинское изваяніе Будды въ Японіи. (Съ ориг. фот. проф. А. Н. Краснова.)

ихъ политеистической формѣ, отрицаніе кастъ, ученіе о переселеніи душъ и о возможности освобожденія отъ грѣховъ, т. е. до-

стиженія Нирваны собственными средствами. Съ теченіемъ времени японскій буддизмъ выродился въ цѣлый рядъ конкурирующихъ сектъ, которыя ввели представленіе о раѣ и адѣ и усвоили множество шинтойскихъ и другихъ народныхъ божествъ.

Буддійскій храмъ въ Шанхаѣ. (Съ оригин. фотогр. проф. А. Н. Краснова.)

Въ Японіи буддисты такъ же часто воздвигаютъ исполинскія изображенія своего учителя, какъ и въ Индіи, гдѣ ихъ дѣлаютъ пропорціональными тѣмъ углубленіямъ почвы, которыя почитаются за священный слѣдъ его стопы. Въ Китаѣ, какъ показываетъ при-

лагаемый рисунокъ, тоже встрѣчаются колоссальныя статуи Будды. Въ буддійскихъ храмахъ, кромѣ изваяній Будды, находится еще множество идоловъ; такъ, напр., въ Кіото есть храмъ, гдѣ стоятъ 33,333 истукана. Помимо истукановъ тамъ можно встрѣтить многочисленные атрибуты богослуженія къ нимъ. Передъ храмомъ обыкновенно располагаются одинъ или нѣсколько двориковъ, къ которымъ ведутъ ворота. Въ этихъ воротахъ изображены стоящія другъ подлѣ друга исполинскія безобразныя фигуры боговъ, вы-

Буддійскій храмъ въ Кіото.

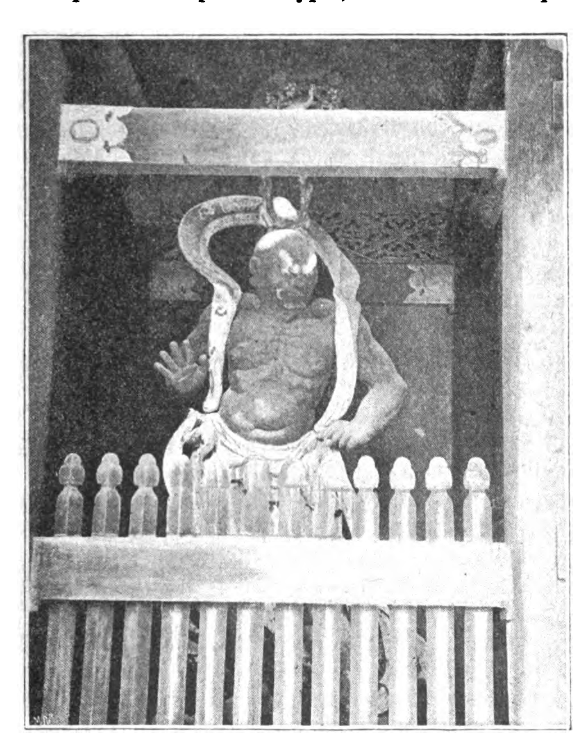
крашенныя въ бѣлую, красную или зеленую краску. Это такъ называемые стражи храмовъ, стражи четырехъ странъ свѣта или зеленый и красный дьяволы. Если воротъ и дверей двое, то во вторыхъ воротахъ помѣщаютъ бога грома и бога вѣтра, не менѣе уродливыхъ чудовищъ. Внутри, во дворѣ, стоитъ навѣсъ съ красивою крышей, подъ которою и помѣщены идолы, а передъ ними на алтарѣ — курильница, вазы съ металлическими лотосами, свѣтильники и сосуды съ рисомъ.

Замѣчательнѣйшій изъ этихъ храмовъ находится въ Токіо. Онъ расположенъ въ части города, именуемой Азакузой, откуда и по-

лучилъ свое названіе, и посвященъ богинѣ милосердія Кваннонъ (китайская Кванъ-йинъ), которая пользуется огромною популярностью. Кваннонъ изображаютъ, обыкновенно, съ большимъ числомъ глазъ и рукъ, отчего и данъ ей эпитетъ: тысячерукая богиня милосердія. Храмъ Азакузы представляетъ рядъ удивительныхъ контрастовъ: набожность идетъ объ руку съ развлеченіями, на великолѣпныхъ алтаряхъ развѣшаны грубѣйшіе ex-voto, изящныя облаченія не гармонируютъ съ чудовищными идолами, священные голуби, куры и пѣтухи снуютъ между ногами богомольцевъ, вѣрующіе бесѣдуютъ съ заклинателями, во время богослуженія солдаты курятъ, дѣти затѣваютъ игры... Интересно также, что въ этомъ памятникѣ стариннаго зодчества, который представляетъ для японцевъ религіозную святыню, свила себѣ гнѣздо американская реклама въ видѣ объявленій о лучшемъ сортѣ рисовой водки (*саке*) или о тихоокеанскомъ кораблѣ „China". Въ воскресенье послѣ обѣда, а также 17 и 18 числа каждаго мѣсяца (дни, посвященные богинѣ Кваннонъ) туда стекаются несмѣтныя толпы вѣрующихъ, преимущественно изъ средняго и низшаго классовъ населенія. Дорога къ храму застроена по обѣимъ сторонамъ балаганами, гдѣ круглый годъ бываетъ ярмарка. Тутъ находятся рестораны и различныя увеселенія, а также лавки, въ которыхъ продаются не только курительныя свѣчи и ѳиміамъ, но и галантерейные товары, игрушки и другіе предметы, не имѣющіе никакого отношенія къ культу. Сидитъ, напримѣръ, подъ навѣсомъ старикъ-живописецъ и рисуетъ одновременно двумя кисточками оленя и рядомъ съ нимъ лошадь. Это—своего рода ребусъ: лошадь—*ба*, олень *ка*, вмѣстѣ оба названія составляютъ слово *бака*—дуракъ. Свои свѣже-испеченныя картинки онъ тотчасъ же сбываетъ за безцѣнокъ.

Во дворъ храма ведутъ двухъэтажныя ворота, до семидесяти футовъ высотою, съ обычными колоссальными статуями краснаго и зеленаго дьяволовъ. На рѣшеткѣ передъ этими безобразными идолами висятъ соломенныя сандаліи такого фасона, какъ носятъ японскіе крестьяне, только невѣроятныхъ размѣровъ; это—приношенія отъ лицъ, страдающихъ болѣзнями ногъ и жаждущихъ исцѣленія. У воротъ въ два ряда сидятъ нищіе, преимущественно женщины, которые бьютъ въ особыя деревянныя колотушки и читаютъ молитвы за благодѣтелей, бросающихъ имъ подачку. Во дворѣ находится большой бассейнъ, гдѣ люди моютъ руки и полощутъ ротъ прежде чѣмъ войти въ храмъ. На возвышеніи укрѣпленъ большой колоколъ, и его благовѣстъ оглашаетъ всю сѣверную часть города. Далѣе идетъ семиэтажная пагода, увѣшанная колокольчиками, которые при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра издаютъ серебристый звонъ, и увѣнчанная высокимъ витымъ шпилемъ, ко-

торый во время землетрясеній вибрируетъ, какъ струна. Сбоку, въ маленькомъ строеніи, дѣлаются взносы (небольшими суммами, приблизительно по 1—3—10 руб.) на храмъ, такъ какъ онъ содержится на частныя пожертвованія. Вѣрующіе также приносятъ пищу содержимымъ при храмѣ священнымъ животнымъ. Главное зданіе очень красивой архитектуры; особенно интересна своеоб-

Одинъ изъ стражей храма (Японія).

разной формы крыша изъ большихъ черныхъ черепицъ. Посѣтители храма не могутъ проникнуться благоговѣйнымъ чувствомъ, такъ какъ ни обстановка, ни шумъ толпы, ни клохтанье птицъ, забирающихся въ самое святилище, не располагаетъ къ этому. Алтарь, гдѣ находится священная статуя Кваннонъ, о происхожденіи которой ходятъ чудесныя легенды, разукрашенъ позолотою, парчею, драгоцѣнностями, свѣтильниками и живыми цвѣтами и отдѣленъ отъ притвора проволочною рѣшеткой. Передъ нимъ стоитъ огромный сундукъ, куда вѣрующій бросаетъ полную при-

горшню денегъ. Около идоловъ курятъ ѳиміамъ и благовонныя свѣчи. Интересенъ также особенный способъ обращенія къ нимъ. Правовѣрный пишетъ моленіе на бумажкѣ, скатываетъ ее въ шарикъ, разжевываетъ и плюетъ на идола; если онъ доплюнетъ, то значитъ богъ вниметъ его мольбѣ. Въ боковыхъ придѣлахъ стоитъ множество идоловъ. Огромная, пострадавшая отъ времени, статуя бога Бинзуру (одного изъ первыхъ шестнадцати учениковъ Будды), который считается цѣлителемъ, привлекаетъ массу народа. Согласно туземнымъ вѣрованіямъ, чтобы излѣчиться, достаточно сначала потереть рукою соотвѣтствующее болѣзни мѣсто на тѣлѣ идола, а потомъ на тѣлѣ паціента. Отъ постояннаго тренія поверхность идола потемнѣла и залоснилась, и самъ онъ уже, вѣроятно, служитъ источникомъ заразы. Потолокъ храма украшенъ живописью и лѣпною работой, изображающей буддійскихъ ангеловъ—женщинъ. На стѣнахъ и на массивныхъ колоннахъ развѣшаны всевозможныя письменныя молитвы, таблички съ символическими изображеніями, принесенныя по обѣту больными, торговцами, путниками, супругами и др. лицами, разныя религіозныя эмблемы и, наконецъ, иллюстрированныя объявленія коммерческаго характера.

Буддійское богослуженіе, особенно праздничное, отличается пышностью и сопровождается пѣснопѣніями и воскуриваніемъ ѳиміама и свѣчей. Совершаютъ его жрецы—бонзы, одѣтые въ расшитыя золотомъ облаченія. Литургія съ освященіемъ хлѣбовъ нѣсколько напоминаетъ нашу литію. Народная вѣра требуетъ также присутствія духовенства въ важнѣйшіе моменты повседневной жизни. При рожденіи и смерти, въ случаѣ болѣзни, засухи и другихъ бѣдствій служатся молебны.

Народъ знакомится со своею религіей благодаря мистеріямъ и періодическимъ выставкамъ идоловъ. Въ большомъ ходу также составляемыя бонзами житія святыхъ. Типичнымъ образцомъ этого рода литературы можетъ служить біографія Ничирена, основателя одной изъ распространенныхъ буддійскихъ сектъ.

Ничиренъ родился въ 1222 году въ маленькой деревушкѣ на востокѣ Авы. Его отецъ, бѣдный рыбакъ, знавалъ когда-то лучшія времена, но, заподозрѣнный въ какомъ-то политическомъ преступленіи, принужденъ былъ скрываться въ глуши. Мать, также изъ родовитой семьи, воздавала культъ божеству Солнца и пламенно молила его о дарованіи ей сына. Когда желанный ребенокъ появился на свѣтъ, то его назвали въ честь этого божества—Зенничи-маро, т. е. доброе дитя солнца. Легенды повѣствуютъ о томъ, что моментъ его рожденія сопровождался различными чудесами. Мальчикъ подросталъ и отличался необыкновенной набож-

ностью. Когда ему исполнилось двѣнадцать лѣтъ, родители отдали его на воспитаніе въ близлежащій буддійскій монастырь, настоятель котораго славился своею мудростью и ученостью. Юноша пробылъ послушникомъ четыре года и затѣмъ былъ посвященъ въ монахи подъ именемъ Ренчо. Его выдающіяся способности обратили на себя вниманіе настоятеля, который рѣшилъ подготовить себѣ преемника въ его лицѣ. Родители также возлагали на это большія надежды. Но юношу терзали различныя вопросы и сомнѣнія, и даже самъ мудрый настоятель не могъ дать ему удовлетворительныхъ объясненій. Совершенно неразрѣшимымъ представлялся для Ренчо вопросъ о существованіи нѣсколькихъ враждебныхъ буддійскихъ сектъ. „Морская вода имѣетъ одинъ лишь вкусъ, какъ же въ ученіи Будды могутъ быть два пути? И почемъ знать, которая изъ сектъ исповѣдуетъ истинное ученіе Татхагаты?“ спрашивалъ онъ. Однажды, возвращаясь изъ храма послѣ молитвы, Ренчо упалъ безъ чувствъ, и изо рта у него хлынула кровь. Товарищи долго не могли привести его въ сознаніе. Вѣрующіе приписываютъ особое значеніе этому припадку, и на мѣстѣ происшествія до сихъ поръ показываютъ маленькій бамбукъ съ красными крапинками на листьяхъ, носящими, будто бы, слѣды крови Ренчо. Однажды, углубившись въ чтеніе Нирвана-Сутры, онъ дошелъ до фразы: „Вѣрь слову, а не человѣку“, и въ его глазахъ она внезапно получила глубокій мистическій смыслъ, дала отвѣтъ на его мучительныя сомнѣнія. Онъ рѣшилъ, что истинное ученіе надо искать только въ священномъ писаніи и что имъ только и слѣдуетъ руководиться. Въ одной изъ сутръ онъ также нашелъ хронологическій указатель всѣхъ книгъ какъ Магаяны, такъ и Гинаяны (Великой и Малой Колесницы), изъ котораго увидѣлъ, что послѣднимъ произведеніемъ Будды считается Саддгарма Пундарика Сутра. Отсюда онъ заключилъ, что Будда въ этой книгѣ резюмировалъ все свое ученіе, что она есть „начало истины и вѣчности“, что она объясняетъ тайну происхожденія и просвѣтленія Будды и не даромъ носитъ поэтическое заглавіе: „Сутра Лотоса Таинственнаго Закона“. Ренчо заблуждался относительно Пундарика Сутры, такъ какъ она написана была уже лѣтъ черезъ пятьсотъ послѣ смерти Будды, а указатель въ Амитарта Сутрѣ составленъ былъ лишь для того, чтобы поддержать авторитетъ новаго канона. Но двадцатилѣтній фанатикъ такъ непоколебимо вѣрилъ въ открытую имъ истину, что рѣшилъ покинуть монастырь и искать вездѣ ея подтвержденія. Раньше всего онъ направилъ свои стопы въ городъ Камакуру, гдѣ увидѣлъ представителей различныхъ буддійскихъ сектъ и понялъ, что они далеки отъ истины. Знаменія на небѣ, землетрясеніе, ужасная смерть почитаемаго въ народѣ святого—

все доказывало, что люди блуждаютъ въ невѣдѣніи и необходимо имъ указать путь ко спасенію. Пробывъ въ Камакурѣ пять лѣтъ, онъ вернулся на короткое время къ родителямъ, а оттуда отправился въ Эйзанъ, главный центръ буддійской учености въ Японіи. Тамъ, высоко надъ уровнемъ моря, въ дивномъ лѣсу криптомерій, спасалось до трехъ тысячъ монаховъ. Основатели многихъ сектъ, проведя въ Эйзанѣ нѣкоторое время, получили откровеніе свыше и начали свою проповѣдь. Все это манило Ренчо, и онъ прошелъ пѣшкомъ четыре тысячи миль, чтобы добраться до знаменитой горы, гдѣ онъ, въ свою очередь, надѣялся получить просвѣтлѣніе.

Большинство Эйзанскихъ монаховъ принадлежали къ сектѣ Тендай, которая также почитала Пундарика Сутру, къ которой даже составлено было 60 томовъ комментаріевъ. Ренчо продолжительное время изучалъ всю эту литературу и окончательно убѣдился въ превосходствѣ своей излюбленной Сутры, такъ что готовъ былъ положить за нее душу. Потомъ его стали посѣщать различныя видѣнія, стали ему слышаться призывающіе его неземные голоса... Въ возрастѣ 32 лѣтъ онъ собрался выступить на служеніе міру, не имѣя ни вліятельныхъ покровителей, ни друзей и возлагая надежды лишь на торжество истины. Для первой проповѣди онъ намѣтилъ свою родную деревню, гдѣ отецъ и мать съ нетерпѣніемъ ждали его возвращенія, но предварительно онъ перемѣнилъ имя Ренчо на Ничиренъ (Лотосъ Солнца), въ память, съ одной стороны, божества, даровавшаго ему жизнь, а съ другой—знаменитой Сутры. Въ храмѣ, гдѣ онъ долженъ былъ появиться, собралась большая толпа. Въ четырехъ углахъ воскуренъ былъ ѳиміамъ, и Ничиренъ подъ барабанный бой взошелъ на каѳедру. Какъ водится, нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ, и пылкая рѣчь его, въ которой онъ доказывалъ, что единственный путь къ спасенію есть Сутра Лотоса, встрѣтила такой взрывъ негодованія, что правитель Авы ожидалъ лишь минуты, когда Ничиренъ перейдетъ за предѣлы святой земли, чтобы убить его. Но старикъ-настоятель, надѣясь, что бывшій его ученикъ когда-нибудь одумается отъ своей ереси, ночью велѣлъ провести его по безопасной дорогѣ. Тогда онъ пошелъ въ Камакуру, гдѣ съ 1254 года началъ неизвѣстную дотолѣ въ Японіи *уличную проповѣдь*. На площадяхъ и перекресткахъ онъ повторялъ то, что говорилъ впервые въ храмѣ. Мало-по-малу онъ завоевывалъ вниманіе толпы и пріобрѣталъ последователей. Но, не ограничиваясь устною проповѣдью, онъ написалъ „Разсужденіе о возстановленіи мира и праведности въ странѣ", въ которомъ объяснялъ, что причиною всѣхъ бѣдствій служатъ лжеученія и что спасеніе возможно лишь въ томъ случаѣ, если народъ признаетъ высшую изъ Сутръ—Пундарику, иначе государ-

ству угрожаетъ *гражданская война* и *нашествіе иноплеменниковъ*. Свои положенія онъ подкрѣплялъ многочисленными цитатами изъ священнаго писанія. Чтобы подавить волненіе умовъ, вызванное этой прокламаціей, рѣшено было удалить Ничирена изъ столицы. Въ теченіе пятнадцати лѣтъ ему пришлось вести непрерывную борьбу съ властями предержащими. Въ 1271 году наступилъ, наконецъ, кризисъ. Личность всякаго буддійскаго монаха окружена ореоломъ святости и считается неприкосновенною, но въ виду неслыханной дерзости Ничирена, опровергавшаго господствовавшія вѣроученія и возстановлявшаго народъ какъ противъ духовныхъ, такъ и противъ свѣтскихъ правителей, прибѣгли къ экстра-ординарнымъ мѣрамъ, и ему былъ подписанъ смертный приговоръ. Преданіе гласитъ, что когда палачъ занесъ мечъ надъ головою Ничирена, то святой прочелъ отрывокъ изъ Сутры, и лезвее разлетѣлось на куски, а у палача отнялась рука. Въ это время показался верховой гонецъ, который принесъ вѣсть о помилованіи Ничирена и о замѣнѣ казни изгнаніемъ. Надо думать, что при видѣ спокойнаго, безстрастнаго Ничирена, палачъ просто почувствовалъ суевѣрный страхъ и не могъ нанести рокового удара, а правитель смягчилъ наказаніе, опасаясь мятежа.

Мѣстомъ изгнанія для Ничирена опредѣленъ былъ островъ Садо въ Японскомъ морѣ, куда ссылали самыхъ тяжкихъ преступниковъ. Ничиренъ провелъ тамъ нѣсколько лѣтъ, не имѣя почти никакой пищи, кромѣ духовной. Его постоянство и выносливость вызывали удивленіе, а такъ какъ приходилось опасаться монгольскаго нашествія, которое народъ могъ бы истолковать, какъ предсказанное имъ вторженіе инопленниковъ, то ему позволили вернуться въ Камакуру. Черезъ нѣкоторое время онъ также получилъ разрѣшеніе на безпрепятственную проповѣдь, но чувствуя, что согласіе правителей было вынужденнымъ, онъ не воспользовался имъ, а задумалъ вмѣсто того удалиться отъ міра, чтобы, подобно Гаутамѣ, окончить дни въ спокойномъ созерцаніи и поученіяхъ. Онъ поселился на горѣ Минобу, къ западу отъ вулкана Фузи-Яма, гдѣ его окружала величественная картина природы. На поклоненіе къ нему стекалось множество лицъ. Вторженіе монголовъ, послѣдовавшее въ 1281 году, еще увеличило его славу, какъ пророка. Въ слѣдующемъ 1282 г. Ничиренъ скончался въ домѣ одного своего ученика-мірянина. Говорятъ, что передъ смертью ему поднесли изваяніе Будды, но онъ былъ недоволенъ и жестомъ велѣлъ его убрать. Когда же ему подали *какемоно* съ названіемъ Пундарика Сутры, написаннымъ великолѣпными китайскими буквами, то Ничиренъ медленно обернулся, простеръ къ нему руки и испустилъ послѣдній вздохъ.

Главная молитвенная формула, установленная Ничиреномъ, это — Нам-мьо-го-рен-ге-кьо (О, Сутра Лотоса таинственнаго закона). Послѣдователи Ничирена всегда носятъ при себѣ барабанъ и, читая молитву, въ тактъ ударяютъ шесть разъ, по числу ея слоговъ. Признавая единаго истиннаго Будду, секта Ничирена вмѣстѣ съ тѣмъ видитъ его отраженіе въ массѣ различныхъ людей и даже животныхъ, на этомъ основаніи, достойныхъ почитанія. Люди, герои, свѣтила, какъ, напримѣръ, Полярная звѣзда, почитаются въ ихъ храмахъ. Они поклоняются Троицѣ: Буддѣ, Закону и Общинѣ, и держатъ у себя въ домахъ идоловъ. Рай ихъ расписанъ такими красками, передъ которыми для всякаго чувственнаго простолюдина блѣднѣетъ даже рай Магомета. Главное содержаніе ихъ ученія заключается въ томъ, что всякое животное послѣ длиннаго ряда перерожденій можетъ достигнуть стадіи Будды, при чемъ путь спасенія лежитъ въ насъ самихъ — въ соблюденіи закона, наблюденіи за собою и молитвѣ. Послѣдователи Ничирена большіе спорщики, а также любители паломничествъ, амулетовъ и разныхъ громкихъ, сопровождающихъ молитву, инструментовъ. Ихъ сравниваютъ съ проповѣдниками „Арміи спасенія". Въ ихъ распоряженіи до 5000 храмовъ, а всѣхъ сторонниковъ этой секты насчитывается около двухъ милліоновъ.

Одною изъ наиболѣе распространенныхъ сектъ считается секта Джодо или, по имени основателя, Го-ненъ. Ей принадлежитъ роскошный монастырь въ Кіото и замѣчательные мавзолеи въ Токіо и Никко. Сущность ея ученія заключается въ томъ, что для достиженія Нирваны нѣтъ надобности проходить труднаго, заповѣданнаго Буддою, восьмеричнаго пути, да это и недоступно при порочности современнаго общества, а необходимо возродиться вновь въ „чистой странѣ", и это достигается путемъ постояннаго размышленія о Буддѣ и повторенія его имени. Эта страна есть міръ, въ которомъ царствуетъ Амида-Будда. Онъ чистъ и свободенъ отъ ошибокъ, здѣшній же міръ преисполненъ печали; надо проникаться отвращеніемъ къ нему. Такъ какъ для освобожденія отъ него и возрожденія въ чистой странѣ считается достаточнымъ вѣровать и повторять имя Будды, то ученіе Го-нена выродилось въ ханжество. Люди, съ четками въ рукахъ, ударяя въ небольшіе деревянные барабаны, стоятъ часами въ храмахъ, бормоча имя Будды и надѣясь этимъ обезпечить себѣ входъ въ царство Амида. Итакъ, по мнѣнію этой секты, спасаетъ людей вѣра, а не дѣла.

Послѣдователи секты Шин-шу, основанной Шинраномъ, возстаютъ противъ безбрачія буддійскаго духовенства. Постъ, испытанія, паломничества, удаленія изъ общества въ монастыри строго воспрещаются этими сектантами. Вмѣсто монастырскаго уедине-

нія они проповѣдуютъ мирную семейную жизнь, а нравственность считаютъ выше православія вѣры. Но на практикѣ и здѣсь главную роль въ спасеніи играетъ вѣра въ безконечно-милосерднаго Будду. Теперь это самая обширная секта въ Японіи, насчитывающая до 19,000 храмовъ. Сектанты не имѣютъ недвижимой собственности и всецѣло зависятъ отъ приношеній прихожанъ. Секта Шин-шу самая прогрессивная, она заимствуетъ многія доктрины у христіанскихъ протестантовъ, организуетъ частныя училища по образцу методистскихъ и, вопреки основной идеѣ буддизма, первая провозгласила, что нравственная женщина можетъ достигнуть буддійскаго рая непосредственно, не воплощаясь въ слѣдующемъ поколѣніи, какъ мужчина.

Л. Хавкина.

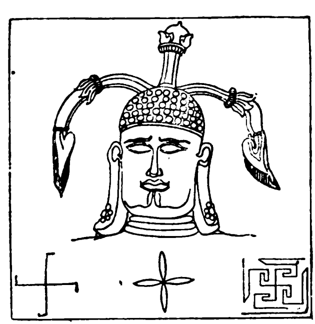

ГЛАВА X.

Джайнизмъ.

Джайнизмъ и буддизмъ.—Магавира.—Вѣрованія джайновъ.—Храмы въ Палитанѣ.—Гора Абу.—Параснатъ.—Яти.

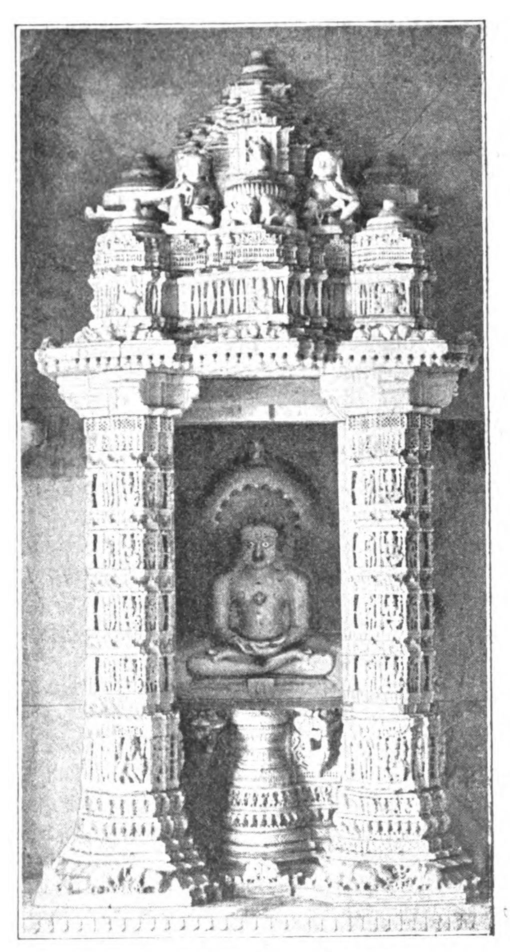
Джайны извѣстны не столько численностью, сколько своимъ богатствомъ и вліяніемъ. Они, по преимуществу, купцы и банкиры; черезъ ихъ руки проходитъ добрая половина торговыхъ сдѣлокъ Индіи, особенно въ сѣверныхъ и западныхъ областяхъ. Еще не такъ давно держалось убѣжденіе, что джайнизмъ — секта, существующая не болѣе тысячи лѣтъ, но тщательныя изслѣдованія выдающихся ученыхъ показали, что джайнизмъ возникъ одновременно съ буддизмомъ или даже нѣсколько ранѣе, и, въ свою очередь, представлялъ развитіе браманскаго аскетизма и реакцію противъ браманской тиранніи. Приводимъ авторитетное мнѣніе проф. *Jacobi* по этому вопросу.

Эмблема джайновъ.

Сходство между джайнизмомъ и буддизмомъ еще не доказываетъ, чтобы одна религія основывалась на другой, а лишь свидѣтельствуетъ о томъ, что онѣ зародились въ одну общую культурную эпоху. Буддизмъ оказался болѣе примѣнимымъ, возбудилъ болѣе широкія симпатіи и оттѣснилъ, заслонилъ собою джайнизмъ. Зато менѣе извращенный и болѣе мягкій джайнизмъ до сихъ поръ сохранился въ Индіи, тогда какъ буддизмъ совершенно исчезъ изъ этой страны. Въ обѣихъ религіяхъ встрѣчаются одинаковыя имена пророковъ и святыхъ, какъ-то: Татхагата, Будда, Магавира, Архатъ и др., но нѣкоторыя изъ нихъ употребительнѣе у джайновъ, а другія у буддистовъ. Важно замѣтить, что Тиртханкара, пророкъ джайновъ, по буддійскому священному писанію, считается основателемъ ереси. Обѣ эти религіи запрещаютъ

убивать животныхъ, предписываютъ почитать пророковъ и святыхъ и ставить ихъ изображенія въ храмахъ; обѣ вѣрятъ, что до нынѣшняго вѣка прошелъ огромный періодъ времени; обѣ отвергаютъ божественный авторитетъ Ведъ и господство брамановъ. Далѣе есть почти полная аналогія между пятью обѣтами джайнскихъ аскетовъ и заповѣдями буддійскихъ монаховъ, а именно: не убивать, не лгать, не красть, вести цѣломудренную жизнь и отказываться отъ всего мірского. (Послѣдній пунктъ даже формулированъ лучше, чѣмъ у буддистовъ.) Первые четыре пункта, повидимому, также служили обѣтомъ у браманскихъ аскетовъ; вообще, въ жизни джайнскихъ монаховъ примѣнялись многія браманскія правила.

Джайнскій святой.

Вардгамана или Магавира, основатель джайнизма, по Кальпа Сутрѣ считается двадцать-четвертымъ пророкомъ. Повидимому, онъ былъ младшимъ сыномъ Сиддартхи, благороднаго воина и властителя Кундаграммы, близъ Весали. Жена Сиддартхи была сестрою весалійскаго царя и родственницею царя Магадхи. Двадцати-восьми лѣтъ Магавира сдѣлался аскетомъ и провелъ двадцать лѣтъ въ самоистязаніяхъ. Послѣ этого онъ былъ признанъ пророкомъ или святымъ, Тиртханкарой (что значитъ завоеватель или руководитель мыслительной школы), и остальные тридцать лѣтъ жизни

провелъ частью въ царствѣ Магадхи, частью въ путешествіяхъ къ Сравасти и къ подножію Гималаевъ, гдѣ онъ поучалъ народъ и устроилъ общину аскетовъ. Въ буддійскихъ книгахъ Магавира подъ именемъ Натапутты извѣстенъ, какъ глава враждебной секты нигантховъ или джайновъ; о другихъ его современникахъ говорится въ книгахъ обѣихъ религій. Магавира жилъ за пять или шесть вѣковъ до нашей эры, но древнѣйшія сочиненія джайновъ составлены не ранѣе третьяго вѣка до Р. X., а записаны уже въ пятомъ или шестомъ столѣтіи послѣ Р. X. Весьма сомнительно, чтобы Магавира что-нибудь позаимствовалъ отъ своего предшественника Парсвы, который, согласно Кальпа Сутрѣ, жилъ на два столѣтія раньше его. Жизнеописаніе первыхъ джайновъ, такъ же, какъ и біографіи предшественниковъ Гаутамы, представляютъ сплошной миѳъ. Древнѣйшимъ изъ джайнскихъ пророковъ считается Адинатъ.

Жизнеописаніе Магавиры, изложенное въ Кальпа Сутрѣ, не особенно пространно; оно представляетъ гораздо меньше интереса, чѣмъ біографія его великаго современника. Сдѣлавшись отшельникомъ, Магавира вырвалъ себѣ всѣ волосы и одиннадцать лѣтъ ходилъ нагимъ, умерщвляя свою плоть. Жизнь его отличалась совершенствомъ и самоуничиженіемъ. Подъ конецъ онъ достигъ полнаго и безпрепятственнаго познанія и сталъ всевѣдущимъ. Послѣ смерти онъ сдѣлался Буддой, Муктой (освобожденною душой), положилъ конецъ страданію, достигъ освобожденія, избавился отъ всякаго зла.

„Магавира, — говоритъ профессоръ *Jacobi,* — принадлежалъ къ числу заурядныхъ религіозныхъ дѣятелей Индіи. Онъ не лишенъ былъ религіознаго таланта, но во всякомъ случаѣ не обладалъ такимъ геніемъ, какъ Будда. Философія Будды образовала систему, которая основывалась на нѣсколькихъ главныхъ положеніяхъ, а ученіе Магавиры не можетъ быть названо системой: это лишь совокупность мнѣній по различнымъ вопросамъ“. Содержаніе нынѣ переведенныхъ джайнскихъ книгъ настолько уступаетъ буддійскимъ, что мы не будемъ цитировать отрывковъ изъ нихъ.

Джайны вѣрятъ въ Нирвану, которая состоитъ въ освобожденіи души отъ переселеній, но они не ищутъ поглощенія души во Вселенскомъ Духѣ, да и вообще въ ихъ ученіи ничего не говорится о высшемъ божествѣ. Истинное стремленіе, ясное пониманіе, сверхъестественное познаніе, ведущее ко всевѣдѣнію, — вотъ ступени къ Нирванѣ. Пространство, занимаемое совершеннымъ человѣкомъ, достигнувшимъ Нирваны, безгранично и можетъ еще увеличиваться по мѣрѣ его желанія. Такіе люди всегда пребываютъ въ блаженствѣ и уже не возвращаются въ земное состояніе. Предѣла ихъ

существованію нѣтъ, и они упражняются въ высшей философіи. Вѣрующіе должны быть щедрыми, кроткими, благочестивыми, должны скорбѣть о своихъ грѣхахъ и щадить не только животныхъ, но даже и растенія. Джайны вѣрятъ, что всѣ животныя и растенія (даже ихъ мельчайшія частицы, атомы) имѣютъ душу. Они тратятъ большія деньги на содержаніе больницъ для животныхъ, не ѣдятъ на открытомъ воздухѣ или въ темнотѣ, чтобы не проглотить какой-нибудь мушки, передъ питьемъ три раза процѣживаютъ воду, не ходятъ противъ вѣтра, чтобы имъ въ ротъ не задуло какого-либо мельчайшаго насѣкомаго. Благочестивые джайны носятъ съ собою щетку, чтобы подметать мѣсто, на которомъ они собираются сѣсть, и надѣваютъ вуаль во время молитвы. Въ теоріи джайны не признаютъ Ведъ, боговъ и кастъ, но на практикѣ они соблюдаютъ нѣкоторыя кастовыя ограниченія, почитаютъ многихъ индусскихъ боговъ, да на придачу еще своихъ спеціальныхъ добрыхъ и злыхъ духовъ, и для подтвержденія своихъ взглядовъ часто ссылаются на Веды. Въ настоящее время уже не встрѣчается нагихъ аскетовъ, и только *дигамбары* (одѣтые небомъ) снимаютъ одежду на время трапезы. Представители другой джайнской секты, *светамбары*, всегда носятъ полное бѣлое одѣяніе. Жертвоприношеній у нихъ нѣтъ, нравственность стоитъ высоко. У джайновъ много общихъ вѣрованію съ браманскою и буддійскою философіями, какъ, напр., то, что ступени возрожденія опредѣляются предыдущими существованіями.

Джайнскія святыя мѣста живописно расположены въ горахъ, и туда толпами стекаются паломники; такъ, напр., въ Палитанѣ (Каттіаваръ) есть священная гора Сатрунджая, вся застроенная храмами, и джайны со всѣхъ концовъ Индіи воздвигаютъ тамъ еще новыя зданія. Такой храмъ занимаетъ, обыкновенно, площадь въ какихъ-нибудь три квадратныхъ фута и расположенъ надъ двухфутовымъ священнымъ отпечаткомъ ноги, который приписывается Магавирѣ и весь испещренъ джайнскими эмблемами. Большіе храмы съ колоннами и башнями построены изъ мрамора и, въ противоположность индусскимъ, имѣютъ по нѣскольку входовъ. Полъ выложенъ великолѣпною мраморною мозаикой. Въ алтарѣ, на пьедесталѣ, находится огромная статуя Магавиры, сидящаго съ поджатыми ногами, какъ обыкновенно изображаютъ Будду. На лбу и на груди статуи пять брильянтовъ, а тѣло ея разукрашено золотыми пластинками; глаза ея изъ серебра, выложеннаго кусочками стекла, такъ отсвѣчиваютъ, что кажется, будто они пристально смотрятъ на входящихъ. По словамъ *Fergusson*'а (History of Indian architecture), большіе храмы расположены въ *тукахъ*, или особыхъ дворахъ, обнесенныхъ высокою крѣпкою стѣной, а малые

рядами образуютъ улицы. Немногочисленные *яти*, или жрецы, ночуютъ въ храмахъ и совершаютъ ежедневно богослуженіе, а прислужники занимаются уборкой храма и кормленіемъ священныхъ голубей, постоянныхъ обитателей этого мѣста. Въ оградѣ нѣтъ человѣческаго жилья въ собственномъ смыслѣ. Пилигримъ или чужеземецъ приходитъ утромъ и, воздавъ поклоненіе или удовлетворивъ свое любопытство, удаляется. Онъ не долженъ вкушать или, по крайней мѣрѣ, приготовлять пищи на священной горѣ, а также ночевать тамъ. Это — жилище боговъ, предназначенное для нихъ, а не для смертныхъ. Нѣкоторые изъ этихъ храмовъ существуютъ съ одиннадцатаго вѣка, но большинство воздвигнуто въ текущемъ столѣтіи.

Въ Раджпутанѣ находится священная гора Абу, которую называютъ индійскимъ Олимпомъ. Два изъ тамошнихъ пяти храмовъ, по словамъ *Fergusson*'а, принадлежатъ къ числу самыхъ выдающихся строеній въ Индіи. Они цѣликомъ изъ бѣлаго мрамора; одинъ изъ нихъ построенъ (между 1197 и 1247 гг.) тѣми же двумя братьями, которые воздвигли тройной храмъ въ Гирнарѣ. По тонкой рѣзной работѣ и красотѣ отдѣлки съ нимъ едва ли можетъ соперничать какое-либо зданіе. Другой изъ этихъ храмовъ, также великолѣпный, но нѣсколько попроще, служитъ типичнымъ образцомъ большого джайнскаго храма. Средняя часть его увѣнчана пирамидальною остроконечною крышей. Въ этой части храма находится сидячая фигура съ поджатыми ногами, изображающая обоготвореннаго святого, предшественника Магавиры, Парсву. Надъ большимъ портикомъ высится куполъ. Все зданіе окружено большимъ дворомъ, съ двойною колоннадой, образующей портики для пятидесяти-пяти келій, которыя напоминаютъ часовни при буддійскихъ вихарахъ. Въ каждой изъ нихъ находится копія съ главной статуи, а надъ дверью — скульптурныя сцены изъ жизни святого. Въ джайнскихъ храмахъ одно какое-нибудь изображеніе Магавиры или другого святого сотни разъ повторяется въ часовняхъ и нишахъ. Украшенія колоннъ и другихъ частей зданія отличаются замѣчательнымъ искусствомъ.

Параснатъ въ Бенгаліи, восточная столица джайновъ, считается мѣстомъ перехода въ Нирвану десяти изъ двадцати-четырехъ обоготворенныхъ святыхъ. Видъ на Параснатъ открываютъ одинъ надъ другимъ три ряда храмовъ изъ блестящаго бѣлаго камня съ пятнадцатью сіяющими куполами и мѣдными шпицами. Стиль ихъ позаимствованъ частью отъ индусскихъ храмовъ, частью отъ мусульманскихъ мечетей. Жрецы не совершаютъ церемоній за пилигримовъ. Каждый вѣрующій воздаетъ поклоненіе самъ, какъ ему заблагоразсудится. Передъ входомъ въ храмъ пилигримы дѣлаютъ

взносъ на жреческую общину и на ремонтъ зданій. Джайны возводятъ въ принципъ безусловную чистоту; отъ этого ихъ храмы еще выигрываютъ въ благолѣпіи. „При входѣ во святилище, васъ поражаетъ его изящная простота“, говоритъ одинъ изъ немногихъ, допущенныхъ въ джайнскіе храмы, европейцевъ. „Полъ состоитъ изъ мраморныхъ плитъ съ голубыми жилками. Противъ входа, на бѣломъ мраморномъ пьедесталѣ, пять великолѣпныхъ статуй джайнскихъ святыхъ съ достоинствомъ ждутъ молитвъ своихъ поклонниковъ; звуки голоса, отраженные куполами храма, кажутся ниже и глубже“. Пилигримы посѣщаютъ всѣ алтари святого мѣста, что оказывается дѣломъ не легкимъ, такъ какъ для этого приходится взбираться на высокія горы. Паломничество оканчивается обходомъ вокругъ всѣхъ священныхъ горъ, что въ общей сложности, составляетъ до тридцати миль.

Джайнскіе аскеты, или *яти*, не имѣютъ какихъ-либо опредѣленныхъ правилъ культа; все ихъ занятіе состоитъ въ отрѣшеніи отъ земныхъ дѣлъ. Въ храмахъ они читаютъ священное писаніе; другія же обязанности распредѣлены между браманами. Джайны постятся и особенно строго выполняютъ свои религіозныя обязанности въ дождливое время года (буддійская Васса). При его наступленіи они исповѣдуются въ грѣхахъ одному изъ аскетовъ и получаютъ отъ него прощеніе. Изъ двухъ джайнскихъ сектъ наибольшее число послѣдователей насчитываетъ секта светамбаровъ, которые ѣдятъ одѣвшись, украшаютъ изображенія святыхъ и считаютъ, что женщина можетъ достигнуть Нирваны, тогда какъ дигамбары все это отрицаютъ.

ГЛАВА XI.

Зороастръ и Зенд-Авеста.

Авеста.—Зендъ и пехлеви.—Библейскіе волхвы.—Свѣдѣнія грековъ о магахъ.—Позднѣйшія изысканія европейцевъ.—Зороастръ, какъ историческая личность.—Жизнь его въ восточномъ Иранѣ.—Его эпоха.—Миѳическія наслоенія.—Чудеса.—Противоположный взглядъ.—Доктрина Зороастра.—Ормуздъ и Ариманъ.—Дуализмъ.—Значеніе помысловъ.—Сходство съ первобытною арійскою религіей.—Сравненіе съ ведійскою религіей.—Агуры.—Зороастръ и осѣдлые земледѣльцы.—Обращеніе къ Ормузду.—Имя Ормузда.—Представленіе о высшемъ божествѣ.—Амеша Спенты.—Язаты или духовные геніи.—Митра.—Ваю.—Сраоша.—Душа быка.—Злыя силы.—Ариманъ.—Даевы (дивы) и друджи.—Яту, Дрванты и др.—Прославленіе Зороастра.—Всемірная борьба.—Добрые и злые.—Фраваши.—Безсмертіе.—Будущія награды и наказанія.—Разложеніе и обновленіе міра.

Зенд-Авестой называется великая священная книга или, точнѣе, собраніе священныхъ книгъ, ученію которыхъ слѣдуютъ парсы, составляющіе вліятельную и зажиточную группу индійскаго населенія, числомъ до 70,000. Парсы родомъ изъ Персіи, откуда ихъ предки послѣ магометанскихъ завоеваній VII вѣка переселились въ западную Индію и на Гузератскій полуостровъ. Лишь нѣсколько тысячъ представителей древняго народа до сихъ поръ исповѣдуютъ отцовскую вѣру въ самой Персіи, въ Іездѣ и его окрестностяхъ.

Собственно говоря, старинное собраніе книгъ, это—*Авеста*, а Зендъ („толкованіе“)—лишь названіе перевода и комментарій на *пехлеви*, или древне-персидскомъ языкѣ. Зендъ даже по языку не сходенъ съ Авестой; однако, языкъ Авесты, на которомъ не сохранилось никакихъ другихъ памятниковъ, также принято называть Зендомъ. Этотъ языкъ, родственный санскриту, былъ распространенъ въ сѣверо-восточной части Ирана и отъ него или отъ близкой ему формы произошло семейство иранскихъ или персидскихъ нарѣчій [1]).

---

[1]) Это утвержденіе грѣшитъ неточностью: языкъ Авесты, вмѣстѣ съ родственнымъ ему, но отнюдь не происходящимъ отъ него древне-персидскимъ, извѣстнымъ намъ по клинообразнымъ надписямъ Дарія Гистаспа, Ксеркса и др.), возводится къ *общеиранскому*, отъ котораго никакихъ памятниковъ не

Еще древніе евреи и греки были знакомы съ зороастрійской религіей; поэтому чрезвычайно странно, что *William Jones*, сто съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ, пытался оспаривать древность происхожденія Авесты. Жрецы этой религіи, ветхозавѣтные и новозавѣтные волхвы или „мудрецы", жили „на востокѣ", среди халдеевъ и персовъ. Израильтяне считали ихъ астрологами, отгадчиками, толкователями сновъ. Въ книгѣ пророка Даніила (гл. I, 20) говорится, что пророкъ и его друзья были „въ десять разъ выше всѣхъ тайновѣдцевъ и волхвовъ". Насколько привился такой взглядъ на волхвовъ — видно уже изъ того, что отъ ихъ греческаго наименованія μαγοι произошло въ различныхъ языкахъ названіе чародѣя, мага. Пророкъ Даніилъ ходатайствуетъ о мудрецахъ, приговоренныхъ Навуходоносоромъ къ смертной казни, и самъ считается великимъ мудрецомъ. Израильская и зороастрійская религіи имѣли сходныя черты: обѣ онѣ отвергали идолопоклонство и признавали „Бога Небеснаго". „Мудрецы (волхвы) съ востока", о которыхъ говорится у ев. Матѳея (гл. II), быть-можетъ, и не были родомъ изъ Персіи, но сказаніе о нихъ свидѣтельствуетъ о томъ высокомъ положеніи, какое занималъ этотъ классъ людей, и о томъ уваженіи, какимъ онъ пользовался. Въ Новомъ Завѣтѣ приводятся свѣдѣнія о магахъ, подтверждающія тотъ фактъ, что въ Римской имперіи развелось множество самозванцевъ, въ числѣ которыхъ были Симонъ Волхвъ и Елима.

Греки въ древности знали о магахъ отъ Геродота и другихъ историковъ и путешественниковъ. Аристотель и еще нѣкоторые философы писали не дошедшія до насъ сочиненія о персидской религіи. Маги, повидимому, присовѣтовали Ксерксу во время нашествія разрушить греческіе храмы. Послѣ завоеванія Персіи, греки съ именемъ маговъ начали связывать понятіе о ненавистной имъ системѣ прорицанія и о религіи побѣжденныхъ враговъ. Однако, Платонъ и Ксенофонтъ съ уваженіемъ отзываются о магахъ. По описанію великаго александрійскаго философа Филона, маги предавались созерцанію божественныхъ совершенствъ и по праву могли занимать мѣста царскихъ совѣтниковъ. Въ Греціи многія литературныя произведенія считались прорицаніями Зороастра, хотя въ нихъ было лишь отдаленное сходство съ его ученіемъ. Въ средніе вѣка Европа не имѣла никакого понятія о

сохранилось, но существованіе котораго въ глубокой древности такъ же несомнѣнно, какъ и существованіе, напр., обще-греческаго, обще-славянскаго и т. д., распавшихся на исторически-извѣстныя намъ нарѣчія греческія, языки славянскіе и т. д. Отъ древне-персидскаго произошли старыя и новыя персидскія нарѣчія. Одинъ изъ старыхъ — пехлеви — былъ государственнымъ и литературнымъ языкомъ персовъ въ эпоху Сассанидовъ и на немъ написанъ вышеупомянутый «Зендъ», т. е. комментарій къ тексту Авесты.

древне-персидской религіи, но въ эпоху возрожденія возстановлены были прежнія свѣдѣнія. Путешественники по Персіи и Индіи занялись изученіемъ религіи парсовъ и описали ихъ обычаи. Оксфордскій профессоръ *Thomas Hyde* въ 1700 году издалъ первое достовѣрное описаніе современнаго парсизма. Въ 1723 году *Richard Cobbe* привезъ въ Англію экземпляръ книги Вендидадъ, которая была прикрѣплена на желѣзной цѣпи въ Бодлейской библіотекѣ, но никто не могъ прочесть ея. Лѣтъ черезъ тридцать молодой французъ *Duperron* послѣ многолѣтнихъ настояній добился, чтобы суратскіе парсы дали ему свои книги, и научился разбираться въ нихъ, а въ 1764 г. привезъ въ Парижъ полную Зенд-Авесту. Въ 1771 г. онъ издалъ ея первый европейскій переводъ. Многіе, однако, считали Авесту подлогомъ, новѣйшимъ умышленіемъ, и только когда *De Sacy* удалось разобрать пехлевійскія надписи первыхъ сассанидскихъ императоровъ, которыя, въ свою очередь, помогли *Burnouf*'у, *Lassen*'у и *Rawlinson*'у прочесть персидскія клинообразныя письмена, то выяснилось, что Авеста написана еще болѣе древнимъ языкомъ. Зендъ, какъ его принято называть, состоитъ въ особомъ родствѣ съ санскритомъ; его грамматическія формы напоминаютъ какъ греческій и латинскій, такъ и ведійскій языки.

Зороастръ.

Многіе такъ скептически относились къ Авестѣ, что сомнѣвались даже въ существованіи подлиной личности, соотвѣтствующей Зороастру или Заратуштрѣ (на ново-персидскомъ Зардушту). Нужны, однако, неоспоримые доводы, чтобы опровергнуть единогласное показаніе классической древности, которая считаетъ Зороастра историческою личностью и основателемъ персидской религіи. Эпоха и подробности его жизни не выяснены, а имя его не упоминается ни въ одной изъ клинообразныхъ надписей, которыя до сихъ поръ были разобраны. Въ позднѣйшихъ частяхъ Авесты и въ Зендѣ жизнь Зороастра связана съ миѳами, о которыхъ мы поговоримъ ниже; но въ *гатахъ*, или гимнахъ Ясны, Зороастръ является человѣкомъ, который вѣритъ и поклоняется божественному существу, встрѣчаетъ въ окружающихъ сильную оппозицію, а въ своихъ покровителяхъ подчасъ малодушіе, борется по временамъ съ внутренними сомнѣніями и опять переходитъ къ твердымъ упованіямъ.

Естественнѣе предположить, что эти чувства были присущи человѣку, основателю религіи, чѣмъ то, что они были выдуманы впослѣдствіи, когда религія уже клонилась къ упадку. Такъ же,

какъ и во времена Будды, эти древніе арійцы не помышляли о томъ, чтобы писать біографіи, и оставили намъ лишь отрывочныя свѣдѣнія о Зороастрѣ.

Родина Зороастра неизвѣстна, но жизнь его протекла, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ восточномъ Иранѣ, быть-можетъ, въ Бактріи [1]). Въ позднѣйшихъ частяхъ Авесты говорится, что онъ проповѣдывалъ въ царствованіе Виштаспы,—имя, которое греки переводятъ Гистаспъ. Однако, надо полагать, что этотъ царь жилъ гораздо раньше Гистаспа, отца Дарія. Царь, очевидно, былъ покровителемъ и другомъ Зороастра, и это значительно способствовало успѣху его ученія. Два брата—Фрашаоштра и Джамаспа (послѣдній изъ нихъ царскій министръ) — были главными послѣдователями Зороастра, который даже женился на ихъ сестрѣ Хвови. Подобно другимъ религіознымъ вождямъ, Зороастръ встрѣтилъ поддержку въ лицѣ своихъ родныхъ и знакомыхъ. Новидимому, у него была семья и дѣти. Въ Авестѣ ничего не сказано объ его смерти, но Шах-Намэ, или книга иранскихъ царей, относящаяся къ тринадцатому вѣку, говоритъ, что онъ былъ убитъ въ алтарѣ при осадѣ Балка туранскими завоевателями. Единственное указаніе, которое мы имѣемъ относительно эпохи Зороастра, заключается въ томъ, что въ царствованіе Кира (въ VI вѣкѣ до Р. Х.) религія маговъ уже господствовала въ западномъ Иранѣ. По различнымъ предположеніямъ, Зороастръ жилъ въ промежуткѣ между 1400 — 1000 годами до Р. Х.

Какъ видно изъ послѣднихъ частей Авесты, Зороастръ съ теченіемъ времени былъ надѣленъ чудесными, сверхъестественными силами и занялъ видное мѣсто въ миѳологіи маговъ. По описаніямъ, онъ побѣждаетъ враговъ, главнымъ образомъ, силою своихъ молитвъ и прогоняетъ злого духа Аримана огромными каменьями, которые онъ получилъ отъ высшаго добраго бога Ормузда. При его рожденіи потоки и деревья ликуютъ; даже самъ Ормуздъ приноситъ жертву ручью и молится о томъ, чтобы Зороастръ думалъ, говорилъ и поступалъ согласно его закону. Зороастръ, дѣйствительно, дѣлается послѣдователемъ Ормузда, прогоняетъ Аримана и другихъ враговъ, желавшихъ убить его. Зороастръ — богоподобный борецъ, который побѣждаетъ злыя силы словомъ истины и священными чарами. Въ отдаленномъ будущемъ у него родится посмертный сынъ, который придетъ изъ области зари, чтобы

[1]) Нѣкоторые, въ особенности Джемсъ Дармстетеръ, приходятъ къ другому утвержденію: родиною Заратуштры или, по крайней мѣрѣ, религіи, связываемой съ его именемъ, была Мидія, и возможно, что самый языкъ Авесты былъ языкомъ того иранскаго племени, которое жило въ Мидіи, при чемъ, конечно, не отвергается возможность или вѣроятность распространенія этого языка и за предѣлами Мидіи, преимущественно въ сѣверо-восточныхъ частяхъ Ирана.

освободитъ міръ отъ смерти и разрушенія; въ его царствованіе воскреснутъ мертвые и начнется безсмертіе.

Въ Бундагешѣ подробнѣе указаны событія изъ жизни Зороастра и его чудеса, и на этомъ основаніи можно составить легендарное жизнеописаніе великаго учителя. Въ ранній періодъ своей жизни онъ много разъ чудеснымъ образомъ спасался отъ опасности. Юность его была безупречна; на служеніе міру онъ выступилъ только въ тридцать лѣтъ. Повидимому, онъ съ нѣсколькими послѣдователями перешелъ въ собственный Иранъ, совершая на пути чудеса. По сказаніямъ, духъ Вогу-Мано (добрый разумъ) приводитъ его къ высшему существу Ормузду, у котораго Зороастръ проситъ разрѣшенія задать нѣсколько вопросовъ. На вопросъ, какое лучшее изъ божьихъ созданій, онъ получаетъ отвѣтъ: „то, у котораго чистое сердце". Затѣмъ онъ узнаетъ имена и обязанности ангеловъ и свойства злого духа Аримана. Ему показываютъ различныя чудесныя знаменія: онъ видитъ огненную гору, черезъ которую ему велятъ перейти, при чемъ онъ остается невредимымъ. Ему вливаютъ въ грудь расплавленный металлъ, но онъ не чувствуетъ боли. Ему объясняютъ, что всѣ эти чудеса имѣютъ мистическое значеніе. Затѣмъ онъ получаетъ отъ Ормузда Авесту, которую долженъ возвѣстить при дворѣ царя Виштаспы. Эта вѣра въ сношенія между Зороастромъ и Ормуздомъ красной нитью проходитъ по всей Авестѣ. Въ каждомъ важномъ случаѣ Зороастръ вопрошаетъ Ормузда и получаетъ отъ него опредѣленный отвѣтъ. Согласно нѣкоторымъ указаніямъ, Зороастръ получалъ откровенія на горѣ, которая потомъ была объята пламенемъ. Когда онъ въ послѣдній разъ явился ко двору, то царскіе мудрецы старались опровергнуть его ученіе, но принуждены были сознаться, что онъ побилъ всѣ ихъ доводы. Наконецъ, царь принялъ Авесту послѣ того, какъ пророкъ, обвиненный въ колдовствѣ, доказалъ свое призваніе чудесами. Потомъ царь уже во всѣхъ дѣлахъ совѣтовался съ Зороастромъ и воздвигъ первый храмъ огня.

До сихъ поръ мы говорили о Зороастрѣ, какъ объ исторической личности, представленіе о которой связано съ миѳическими или вымышленными разсказами, а теперь приведемъ противоположный взглядъ, котораго также держатся нѣкоторые ученые. „Всѣ черты характеризуютъ въ Заратуштрѣ бога. Конечно, можно утверждать, что миѳическій элементъ мало-по-малу окружилъ образъ человѣка божественнымъ ореоломъ, но для этого необходимо точно выяснить, въ чемъ именно заключалась дѣятельность Зороастра. Предположеніе о томъ, что онъ противопоставилъ ведаизму новую религію и опровергнулъ существованіе прежнихъ боговъ,

является несостоятельнымъ, такъ какъ доказано, что боги, идеи и культъ маздеизма (т. е. зороастризма) вытекаютъ непосредственно изъ древней религіи и такъ же мало являются ея реакціей, какъ зендъ — реакціей санскрита".

(Darmesteter).

Доктрина Зороастра.

Основная черта ученія Зороастра, это — принципъ, дуализма, по которому добрый духъ Агура-Мазда (Ормуздъ) ведетъ непрерывную борьбу съ Ангро-Майніу (Ариманомъ). Въ концѣ концовъ Ариманъ будетъ побѣжденъ и изгнанъ изъ міра. Человѣкъ долженъ принимать дѣятельное участіе въ этой борьбѣ, соблюдая кодексъ, который Ормуздъ сообщилъ Зороастру. Ормуздъ и Ариманъ когда-то существовали слитно и сдѣлались противниками въ древнѣйшій періодъ, извѣстный по гатамъ. Конечное торжество Ормузда свидѣтельствуетъ о томъ, что Ариманъ все-таки стоитъ ниже его. Зороастръ не отрицалъ вѣры въ другихъ духовъ, но, судя по всему, училъ объ особенномъ величіи и о грядущей побѣдѣ Ормузда.

Зороастръ усматриваетъ примѣненіе своей доктрины въ томъ, что никто въ этомъ мірѣ не можетъ занимать безразличнаго положенія, а долженъ стоять или на сторонѣ добра, или на сторонѣ зла. Единственный достойный путь для помышленій, словъ и дѣлъ — добро. Все это было ясно изложено въ первой гатѣ. Нужно отдать полную справедливость Зороастру въ томъ, что онъ выяснилъ значеніе помысловъ, которые составляютъ источникъ грѣха. Принимая во вниманіе, какъ мало гимны Риг-Веды говорятъ о грѣхѣ, объ искупленіи, о сознаніи вины и о необходимости вымолить прощеніе у божества, легко можно убѣдиться, что Авеста проповѣдуетъ болѣе высокое ученіе.

Какъ бы велико ни было вліяніе Зороастра на религіозное развитіе народа, но возвѣщенная имъ религія могла привиться только тамъ, гдѣ уже раньше существовали положительныя, хотя бы и ошибочныя основныя вѣрованія. Иранцы, несомнѣнно, одного происхожденія съ арійскими индусами, и за неимѣніемъ какихъ-либо памятниковъ, свидѣтельствующихъ о религіозныхъ воззрѣніяхъ предшественниковъ Зороастра, мы должны сравнивать ученіе Авесты съ древними индусскими вѣрованіями. Это сопоставленіе даетъ интересные результаты.

Общее названіе божества въ древнихъ частяхъ Риг-Веды — *Дева* (сіяющій). Въ позднѣйшихъ гимнахъ *Дева* исключительно обозначаетъ добраго духа, благодѣтельнаго бога. Въ Авестѣ злой

духъ носитъ почти то же названіе, именно *Даева*. Въ началѣ Ригъ-Веды съ названіемъ *девы* чередуется *асура;* то же слово (*агура*) въ Авестѣ примѣняется къ доброму божеству и входитъ въ составъ имени Ормузда (Агура Мазда). Въ позднѣйшихъ частяхъ Ригъ-Веды и въ браманской литературѣ наименованіе *асура* относится только къ злымъ духамъ. Къ сожалѣнію, мѣсто не позволяетъ намъ выяснить, насколько это различіе связано съ паденіемъ Варуны и съ возвышеніемъ Индры. По Авестѣ видно, что во времена Зороастра существовали двѣ опредѣленныя и совершенно различныя формы вѣрованій: дикіе кочевники вѣрили въ *девъ,* или арійскихъ боговъ, и убивали, приносили въ жертву скотъ; а болѣе осѣдлые народы вѣрили въ *агуръ,* покровителей скота, и возводили скотоводство въ священную обязанность.

Зороастръ исповѣдывалъ религію осѣдлыхъ народовъ и присоединилъ эпитетъ *Мазда* къ названію ихъ главнаго божества. Онъ отождествилъ древнихъ *девъ*, въ которыхъ еще вѣровали кочевники, со злыми силами, ложными богами, бѣсами. По его ученію, всѣ они — лишь различныя проявленія или помощники главнаго злого начала, которое часто называется *Друджъ,* или обманъ, и рѣже — Ангро-Майніу, или Ариманъ. Такимъ образомъ, Зороастръ только сконцентрировалъ и развилъ древне-арійскую вѣру въ борьбу между благодѣтельными и разрушительными силами природы.

Въ книгѣ Вендидадъ употребляется краткое обращеніе къ Ормузду: „Благословенный духъ, создатель вещественнаго міра, святой", или же полное: „Я почитаю создателя Агуру Мазду, блестящаго, лучезарнаго, величайшаго, лучшаго, прекраснѣйшаго, могущественнѣйшаго, мудрѣйшаго, красивѣйшаго по формѣ, славнѣйшаго по святости, щедраго, подающаго благословеніе, создавшаго насъ, приготовляющаго насъ, поддерживающаго насъ, благословеннѣйшаго духа". *Geiger* обращаетъ особенное вниманіе на то, что Ормуздъ считается духомъ и изображается въ видимой формѣ только въ одномъ мѣстѣ, гдѣ солнце (Митра) названо „тѣломъ и глазомъ Мазды". Въ Авестѣ высшее существо рѣдко является въ человѣческомъ образѣ, и *Geiger* придаетъ символическій смыслъ всему, что говорится о женахъ и родныхъ Ормузда. Но весьма вѣроятно, что народная масса вѣрила въ существованіе реальнаго родства, хотя религіозные вожди считали его только символическимъ.

Очевидно, большое значеніе придается „имени" Ормузда, которое интересно сравнить съ „именемъ" ветхозавѣтнаго Іеговы и съ 99 именами Аллаха въ Коранѣ. Вотъ эпитеты Ормузда Яшта: „Тотъ, кого вопрошаютъ, податель стадъ, сильный, пресвятой,

создатель всякаго добра, разумъ, премудрость, благосостояніе, податель благосостоянія, Агура (владыка), благодѣтельный, непобѣдимый; тотъ, въ которомъ нѣтъ зла, который ведетъ правильный счетъ (добрымъ дѣламъ и грѣхамъ), всевидящій, исцѣлитель, Мазда (премудрый)". Гаты говорятъ, что онъ никогда не заблуждается и, какъ стражъ, слѣдитъ за всѣмъ глазами, сіяющими святостью. Какое высокое понятіе о божествѣ даютъ гаты, можно видѣть изъ слѣдующаго отрывка: „Прошу тебя, повѣдай мнѣ истину, о Агура: кто былъ отцомъ чистыхъ созданій въ самомъ началѣ? Кто сотворилъ ходъ солнца и звѣздъ? Кто, какъ не ты, создалъ прибыль и ущербъ луны? Это и еще другое я жажду узнать, о Мазда! Кто поддерживаетъ землю и облака, чтобы они не падали? Кто сдѣлалъ воду и растенія? Кто далъ быстроту вѣтрамъ и облакамъ? Кто, о Мазда, сотворилъ благочестивый разумъ? Кто, дѣлая добро, создалъ свѣтъ и мракъ? Кто, дѣлая добро, создалъ сонъ и бодрствованіе? Кто создалъ зарю, полдень и вечеръ?" (Ясна, 44).

Здѣсь, несомнѣнно, проводится мысль, что Ормуздъ существовалъ раньше всѣхъ матеріальныхъ вещей и по своей волѣ сотворилъ міръ. Особенно подчеркивается то, что онъ создалъ святой разумъ, религіозную истину, молитвы и жертвоприношенія. Ормуздъ также считается творцомъ огня, о значеніи котораго мы поговоримъ ниже. Какъ всевѣдующій, непогрѣшимый богъ, онъ награждаетъ добрыхъ и наказываетъ злыхъ и въ этомъ и въ будущемъ мірѣ. Въ гатахъ, напримѣръ, говорится: „Кто въ праведности выказываетъ мнѣ, Заратуштрѣ, истинно добрыя дѣла, того они (божественныя существа) наградятъ будущею жизнью, которая желательнѣе всего другого. Такъ ты сказалъ мнѣ, Мазда, ты, который все знаешь лучше".

Для нечестивыхъ приведена слѣдующая угроза; „Кто обманетъ благочестиваго человѣка, тотъ долго будетъ пребывать во mракѣ, и на долю его достанется гнилая пища и насмѣшки. Вотъ куда, о, порочные, заведутъ васъ души ваши въ силу поступковъ".

Нѣкоторыя лица въ сходствѣ зороастрійскаго и еврейскаго представленій о высшемъ божествѣ усматривали доказательство того, что одна религія вытекла изъ другой; иные же, напротивъ, отрицаютъ всякое родство между этими религіями. Такъ, *Geiger* говоритъ: „По опредѣленію Авесты, Агура Мазда стоитъ, несомнѣнно, гораздо выше боговъ ведійскаго пантеона, и съ нимъ сравниться можетъ только древне-еврейскій Іегова. Но какъ ни очевидно сходство между израильскимъ богомъ и маздейскимъ, я никакъ не могу согласиться съ мнѣніемъ, что Авеста была позаимствована у евреевъ. На иранской почвѣ, совершенно обособ-

ленная нація независимо и самостоятельно выработала высокое понятіе о богѣ, какого, за исключеніемъ евреевъ, не достигло ни одно арійское, семитическое или туранское племя". Проф. *Geldner* считаетъ Ормузда идеализированною фигурой какого-нибудь восточнаго царя. Проф. *Darmesteter* смотритъ на него, какъ на развитіе арійскаго понятія о „богѣ неба" въ виду того, что многія черты свидѣтельствуютъ объ его небесномъ происхожденіи: онъ — „бѣлый, ясный, видный издали; у него величайшее и прекраснѣйшее тѣло; солнце — его глазъ, рѣки — его супруги, молнія — его сынъ. Онъ окутанъ небомъ, какъ одеждой, усѣянной звѣздами. Онъ живетъ въ безконечномъ свѣтломъ пространствѣ".

Семь категорій ведійскихъ боговъ, откуда развились двѣнадцать адитій, различаются также и въ иранской религіи. Спрашивается, не существовали ли они въ очень древній періодъ и не выдѣлился ли изъ ихъ среды Ормуздъ, который впослѣдствіи сдѣлался верховнымъ богомъ? Въ нѣкоторыхъ частяхъ Авесты говорится о семи Амеша Спентахъ (благословенныхъ безсмертныхъ), изъ которыхъ главный — Агура Мазда. Вотъ имена остальныхъ: 1) Вогу-Мано, добрый разумъ, 2) Аша-Вагишта, высшая святость, 3) Хшатра-Варія, желательное владычество, 4) Спента-Армати, умѣренные помыслы и чувство смиренія, 5) Гарвататъ, благосостояніе, счастье, здоровье, 6) Амерталъ, долгоденствіе, безсмертіе. Отвлеченное значеніе этихъ именъ дѣлаетъ ихъ трудными для пониманія, но нѣтъ сомнѣнія, что Авеста призываетъ Амеша Спентъ, какъ живыхъ существъ, которыя могутъ отвѣчать на молитвы. Имъ даже приписываютъ опредѣленныя назначенія: Вогу-Мано покровительствуетъ стадамъ, Аша — огню, Хшатра бережетъ металлы, Спента-Армати сторожитъ землю, а подъ вѣдѣніемъ двухъ послѣднихъ находятся воды и растенія. Приводимъ данное *Geiger*'омъ объясненіе отвлеченнаго смысла нѣкоторыхъ Амеша Спентъ въ связи съ ихъ практической дѣятельностью. Вогу-Мано, разумъ, считается покровителемъ стадъ потому, что народъ, принявшій ученіе Зороастра и, слѣдовательно, разумный, въ противоположность кочевникамъ, занимался скотоводствомъ. Вогу-Мано считался также охранителемъ всѣхъ живыхъ существъ. Связь Аши, чистоты, съ огнемъ — очевидна, такъ какъ огонь — символъ чистоты. Армати (ведійская богиня Арамати) — покровитель земли; на него смотрятъ, какъ на „смиреннаго страдальца, который все переноситъ, все питаетъ и все выдерживаетъ". По Ригъ-Ведѣ, Арамати — благочестіе или геній благочестія. Индійскій комментаторъ Саяна считаетъ Арамати мудростью, впрочемъ, онъ дважды опредѣляетъ то же слово: „земля". Гарвататъ, здоровье — владыка воды, такъ какъ вода подаетъ здоровье. Амерталъ, долгоденствіе и безсмертіе, — геній растеній, ко-

торыя избавляютъ отъ болѣзней и смерти, въ особенности растеніе *гаома* (индійская сома), приносящее здоровье и надолго сохраняющее жизненныя силы. Бѣлая гаома доставляетъ безсмертіе. Огонь считается сыномъ, а Армати дочерью Ормузда. Въ одномъ мѣстѣ (Яштъ XIX) всѣхъ ихъ призываютъ, какъ сыновей Ормузда: „Я призываю славу Амеша Спентъ, которыя всѣ семь думаютъ и поступаютъ одинаково и имѣютъ одного общаго отца и владыку, Агуру Мазду".

Интересна также роль *язатъ*, которыхъ иные считаютъ ангелами или духовными геніями, господствующими надъ элементами или надъ отвлеченными понятіями. *Dastur* говоритъ: „Въ отвлеченномъ смыслѣ все то, что совершенно и достохвально въ нравственномъ и матеріальномъ мірѣ, все то, что прославляетъ мудрость божества, есть *язата*". (*Geiger*). Особенное значеніе между язатами имѣетъ Митра, котораго можно уподобить ведійскому богу свѣта Митрѣ, тѣсно связанному съ Варуною. Митра все видитъ и поэтому все знаетъ. Онъ свидѣтель истины, охранитель клятвъ и чистой вѣры; онъ наказываетъ всѣхъ, кто нарушаетъ обѣщанія. Въ то же время онъ владыка обширныхъ пастбищъ и князь странъ. Въ десятомъ яштѣ есть много гимновъ, обращенныхъ къ Митрѣ, изъ которыхъ мы приведемъ нѣкоторые отрывки.

Агура Мазда обратился къ Спитама-Заратуштрѣ, говоря: „По истинѣ, когда я сотворилъ Митру, владыку обширныхъ пастбищъ, о Спитама, я сотворилъ его столь же достойнымъ жертвоприношеній и молитвъ, какъ и я самъ, Агура Мазда. Злодѣй, который солжетъ Митрѣ (или нарушитъ договоръ), навлечетъ смерть на всю страну, причинитъ міру такое же зло, какъ сто грѣшниковъ. О Спитама, не нарушай договора ни съ невѣрующими, ни съ вѣрующими, такъ какъ Митра и для вѣрныхъ и для невѣрныхъ".

„Мы приносимъ жертву Митрѣ, владыкѣ обширныхъ пастбищъ, правдивому, благообразному, главѣ собраній, имѣющему тысячу ушей и десять тысячъ глазъ, великому, премудрому, сильному, всегда бодрствующему;

„Который поддерживаетъ колонны просторнаго дома и укрѣпляетъ его столбы; который подаетъ сыновей и стада быковъ тому дому, гдѣ ему угождали, и разбиваетъ вдребезги тѣ дома, гдѣ его оскорбляли".

Митру призываютъ во время жертвоприношеній. Ему возсылаютъ мольбы о богатствѣ, силѣ, побѣдѣ, чистой совѣсти, благословеніи, мудрости и познаніи того, что приноситъ счастье. Въ одномъ мѣстѣ онъ изображенъ, какъ воинственный храбрый юноша, который по небу и во время битвы разъѣзжаетъ въ колесницѣ, запряженной четырьмя бѣлыми конями, и становится язатой войны.

Ведійское божество Ваю, по Авестѣ, — язата грозы. Ормуздъ проситъ у него силы, чтобы низвергнуть Аримана. Его призываютъ, какъ сильнаго, воинственнаго помощника во всякой опасности. Важное значеніе имѣютъ также: язата огня, посланникъ боговъ, приносящій на землю молнію и солнечное тепло; язата водъ — Ардвисура-Анагита; язата дождя – Тистрія; побѣдитель враговъ — Веретрагна, Солнце, Луна и т. д. Многіе изъ нихъ по именамъ или эпитетамъ сходны съ ведійскими богами или духами, и яшты совершенно напоминаютъ гимны Риг-Веды.

„Тотъ, кто приноситъ жертву безсмертному, сіяющему, быстротечному Солнцу, устоитъ противъ мрака, устоитъ противъ даевъ, рожденныхъ отъ мрака, устоитъ противъ грабителей и разбойниковъ, устоитъ противъ невидимо подкрадывающейся смерти. Онъ приноситъ жертву Агура Маздѣ, приноситъ ее Амеша-Спентамъ, приноситъ ее собственной душѣ.

„Мы приносимъ жертву Тистріи, яркому сіяющему свѣтилу, къ которому стремится и стоячая вода, и текучая ключевая вода, и потоки воды, и дождевая вода.

„Когда же ясный и славный Тистрія поднимется для насъ? Когда же ручьи, переполнившись водою на толщину лошадинаго копыта, потекутъ по прекраснымъ мѣстамъ и полямъ, по пастбищамъ и даже по корнямъ растеній, чтобы они дали хорошій ростъ?"

Слѣдуетъ также упомянуть о богѣ или духѣ Сраошѣ. Имя его означаетъ повиновеніе, въ особенности повиновеніе Святому Слову. Сраоша первый связалъ *барегму*, священныя жертвенныя вѣтви. Онъ первый воспѣлъ священные гимны. Три раза въ день онъ сходитъ въ міръ, чтобы изгонять Аримана. За это его величаютъ богомъ-жрецомъ. Его орудіе борьбы — святая молитва. Онъ требуетъ, чтобы человѣкъ вставалъ рано и совершалъ положенные обряды. Онъ жалѣетъ бѣдныхъ и нуждающихся и охраняетъ нерушимость договоровъ. Аши, или благочестіе, нравственный порядокъ, дочь Ормузда и сестра Сраоши, Митры и др., подаетъ людямъ разумъ, охраняетъ бракъ и постоянно заботится о домѣ. Она доставляетъ власть и богатство, а дѣвушекъ одаряетъ красотою.

Духъ по имени Гейшъ-Урванъ, или „душа быка", въ гатахъ жалуется Ормузду на притѣсненія и опасности, которыя онъ терпитъ отъ боговъ. Есть еще масса другихъ духовъ, какъ-то: Святое Ученіе, Святое Слово, Геній справедливости и т. д. Очевидно, зороастризмъ былъ такъ же склоненъ къ олицетворенію отвлеченныхъ понятій, какъ ведійская религія къ олицетворенію матеріальныхъ предметовъ и силъ.

Теперь мы переходимъ къ оборотной сторонѣ медали, къ злымъ силамъ и ихъ отношенію къ Ормузду и добрымъ духамъ. Мы уже

говорили, какъ рельефно Авеста проводитъ принципъ дуализма въ управленіи міромъ. Но, по нѣкоторымъ мнѣніямъ, дуализмъ не болѣе присущъ зороастрійской, чѣмъ христіанской религіи, потому что въ Авестѣ нѣтъ попытокъ объяснить происхожденіе обоихъ духовъ и въ то же время ясно указано, что злая сила имѣетъ лишь временное значеніе. (*West*, свящ. книги Востока, XVIII). *Наug* говоритъ, что Зороастръ держался великаго понятія объ единствѣ и нераздѣльности высшаго существа и старался примирить несовершенство и зло съ благостью и справедливостью бога, предположивъ, что двѣ первородныя причины слиты, несмотря на ихъ полное различіе. Но, конечно, гораздо проще за сущность ученія Зороастра принять увѣреніе гатъ, что два могущественныя существа сталкиваются и враждуютъ, но что доброе сильнѣе и, подъ конецъ, одержитъ побѣду. Если читать гаты безъ всякой предвзятой мысли, то выносишь впечатлѣніе, что Ариманъ существовалъ съ самаго начала.

Ариманъ, владыка демоновъ, представляетъ полную противоположность Ормузду. Онъ живетъ въ безконечномъ мракѣ, самъ представляетъ мракъ, ложь и зло и окруженъ злыми духами. Всякій добрый человѣкъ—его врагъ; рожденіе Зороастра разъярило его. Злые духи раздѣляются на *даевъ* (девъ) мужескаго пола и *друджей*, женскаго. Существуютъ шесть главныхъ злыхъ духовъ, соотвѣтствующихъ Амеша Спентамъ; такъ, первымъ тремъ Амеша Спентамъ соотвѣтствуютъ: 1) Акомано, злой разумъ, 2) Андра (Индра), разрушительный огонь и 3) Сару, тиранъ.

Первый отдѣлъ Вендидада подробно описываетъ, какъ Ариманъ каждому доброму творенію Ормузда противопоставилъ свое злое. Раньше всего онъ создалъ рѣчного змѣя и зиму, затѣмъ овода, хлѣбныхъ муравьевъ, москитовъ, демоновъ, нимфъ и т. д. и, кромѣ того, грѣховныя желанія, невѣріе, гордость, неестественные грѣхи, погребеніе и сожженіе мертвыхъ, притѣсненія чужихъ правителей и чрезмѣрную жару. Ариманъ также считается убійцей перваго быка, отравителемъ растеній и производителемъ дыма, грѣха и смерти.

Нѣкоторые зароастрійскіе злые духи напоминаютъ ведійскихъ; такъ, напр., *яту*, это—демоны, *пайрики*—злыя нимфы, останавливающія дождь, *дрванты* или *дрегванты*—опрометью бѣгущіе враги; *варенія - даевы* — небесные враги. Бушьянста посылаетъ людямъ сонъ на зарѣ, чтобы они забыли помолиться и т. д.

Въ яштахъ Зороастръ изображенъ совершеннымъ человѣкомъ, который впервые вступилъ въ борьбу съ Ариманомъ. Въ 13-мъ яштѣ говорится: „Мы поклоняемся благочестію и Фраваши, духу святого Заратуштры, который первый сталъ мыслить, говорить и

дѣлать добро, который былъ первымъ жрецомъ, первымъ воиномъ, первымъ земледѣльцемъ, первый овладѣлъ быкомъ, святостью, словомъ, повиновеніемъ слову, властью, всѣмъ добромъ, сотвореннымъ Маздою; первый въ этомъ вещественномъ мірѣ провозгласилъ слово, побѣждающее даевъ, законъ Агуры. Онъ былъ силенъ, подавалъ жизнь всему доброму, проповѣдывалъ народамъ законъ. Къ нему стремились Амеша Спенты вмѣстѣ съ солнцемъ въ полнотѣ вѣры и сердечнаго благочестія; онѣ стремились къ нему, какъ къ владыкѣ и господу міра, прославляющему лучшаго, прекраснѣйшаго Ашу. При его рожденіи и возрастаніи радовались воды и растенія; при его рожденіи и возрастаніи всѣ добрыя созданія восклицали: „Слава!“ (Свящ. кн. Востока, т. XXIII). Здѣсь видны зачатки обоготворенія человѣка.

Борьба между добромъ и зломъ считается всемірной. Каждая сила, существо или матеріальный предметъ относится къ той или иной сторонѣ; всѣ животныя и растенія также служатъ той или другой силѣ. Иногда боги и враги являются людямъ подъ видомъ собакъ, змѣй, выдръ, лягушекъ и т. д. Убивать созданіе Ормузда — грѣхъ, но, убивая созданіе Аримана, человѣкъ искупаетъ зло. По поводу этого ученія *Darmesteter* говоритъ, что „Персія была близка къ обожанію животныхъ“.

Человѣчество считается раздѣленнымъ между Ормуздомъ и Ариманомъ. Служитель Ормузда и Аши (огня) приноситъ имъ жертвы съ возліяніямъ святой воды и сока подкрѣпляющаго и цѣлительнаго растенія *гаомы* (ведійской сомы), питье котораго есть богоугодный поступокъ. Вѣрующій помогаетъ Ормузду и святымъ духамъ каждымъ своимъ помышленіемъ, словомъ или дѣломъ, а также — оказывая покровительство всѣмъ существамъ Ормузда. Жрецъ Атгарванъ, прогоняющій враговъ и болѣзни силою чаръ; воинъ, побѣждающій нечестивыхъ; земледѣлецъ, получающій хорошій урожай, — все это слуги Ормузда, а противоположные имъ — слуги Аримана. Вѣрующіе будутъ возсѣдать на небѣ съ Ормуздомъ; въ концѣ временъ мертвые воскреснутъ и будутъ жить на землѣ, которая тогда освободится отъ всякаго зла.

Въ связи съ этимъ мы должны указать на вѣру въ духа (фраваши), который первоначально созданъ отдѣльно отъ тѣла и послѣ смерти опять разлучается съ нимъ. Прежде фраваши считались духами предковъ, но впослѣдствіи они получили значеніе безсмертной составной части каждаго существа: боговъ, животныхъ, растеній и даже неодушевленныхъ предметовъ. 13-й яштъ называетъ ихъ „страшными и всемогущими фраваши“, которые подаютъ помощь, доставляютъ радость вѣрующимъ и поддерживаютъ всѣ созданія. Въ виду того, что фраваши помогаютъ въ непре-

ивной борьбѣ между добромъ и зломъ, имъ поклоняются и привают ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Они — „могущественнѣйшіе двигатели, легчайшіе въ поступательномъ движеніи, едленнѣйшіе въ отступленіи, надежнѣйшіе мосты; у нихъ самая ѣткая рука и оружіе, они никогда не обращаются въ бѣгство“; оэтому-то они страшны врагамъ. Однако, гимны говорятъ, что ами фраваши взываютъ слѣдующимъ образомъ: „Кто будетъ восхвалять насъ? кто принесетъ намъ жертву? кто будетъ размышлять о насъ? кто будетъ благословлять насъ? кто встрѣтитъ насъ съ мясомъ и одеждой въ рукахъ и съ молитвой, достойной блаженства?“ Выше всѣхъ остальныхъ стоитъ фраваши Агура Мазды.

Авеста, несомнѣно, проповѣдуетъ ученіе о безсмертіи и о будущемъ мірѣ, который „лучше добра“. Идея о томъ, что въ загробный міръ ведетъ мостъ, была свойственна многимъ религіямъ. По описанію Авесты, это—„мостъ воздаяній“, гдѣ будетъ оказано правосудіе. Добрые пойдутъ въ жилище свѣта и славы, гдѣ Ормуздъ царствуетъ и восхваляется въ гимнахъ. Злые, лжеучителя и идолопоклонники на вѣчныя времена отправятся въ жилище бѣсовъ, въ вѣчный мракъ, гдѣ ихъ ждутъ насмѣшки демоновъ. XXII яштъ описываетъ судьбу добрыхъ и злыхъ. Духъ добраго человѣка три дня послѣ смерти остается у изголовья трупа и вкушаетъ столько счастья, сколько можетъ вкусить весь міръ живущихъ. Затѣмъ онъ переходитъ въ благословенную страну, гдѣ его встрѣчаетъ собственная его совѣсть въ лицѣ прекрасной небесной дѣвы, которая перечисляетъ всѣ его добрыя дѣла и ведетъ его въ рай Добраго Помысла, Добраго Слова, Добраго Дѣла и Безконечнаго Свѣта. Дурной человѣкъ три дня несетъ такія страданія, какія можетъ вытерпѣть весь міръ живущихъ, а затѣмъ попадаетъ въ нечистую область Злого Помысла, Злого Слова, Злого Дѣла и, наконецъ, въ Безконечный Мракъ. Позднѣе эта картина была еще полнѣе разработана.

Въ одномъ мѣстѣ гаты говорятъ, что послѣ окончательнаго распредѣленія наградъ и наказаній, наступитъ разложеніе міра. Вообще же Авеста надѣется на возрожденіе земли и на воскресеніе мертвыхъ, которые соединятся со своими душами. Многіе полагаютъ, что мысль о воскресеніи первоначально зародилась у персовъ, отъ которыхъ ее позаимствовали іудеи. Авеста учитъ, что передъ концомъ міра появятся три великихъ пророка, сверхъестественные сыновья Заратуштры. Послѣдній изъ нихъ, Астватъ-Эрта, или побѣдный Спаситель, воплощенное благочестіе, преодолѣетъ всѣ мученія людей и демоновъ. Онъ обновитъ міръ, сдѣлаетъ живущихъ безсмертными, пробудитъ мертвыхъ отъ сна,

положитъ конецъ смерти, старости и тлѣнію и пошлетъ благо-честивымъ вѣчную счастливую жизнь. Между свѣтлыми и темными силами произойдетъ послѣдняя рѣшительная борьба, и Астватъ-Эрта съ помощью добрыхъ духовъ побѣдитъ демоновъ, искоренитъ зло. Затѣмъ наступитъ мирное и счастливое царство Ормузда и праведниковъ, которое уже не будетъ нарушаться никакими проявленіями зла.

ГЛАВА XII.

Зороастрійскія книги. Митраизмъ.

іВеста.— Мѣсто ея происхожденія.—Эпоха.—Гаты.—Народъ, описываемый атами.—Вендидадъ.—Самыя пріятныя и непріятныя мѣста.—Нечистота труювъ.—Выставленіе покойниковъ.—Законы о договорахъ и оскорбленіяхъ.—Зисперeдъ и Ясна.—Богослуженіе.—Древніе маздейскіе обряды.—Исторія іаговъ.—Утрата зороастрійскихъ книгъ —Пехлевійскіе тексты.—Бундагешъ.—Шаясгъ-Ла-Шаястъ.—Дадистанъ-и-Диникъ.—Духъ мудрости.— Митраизмъ.—Митраическіе памятники.— Враждебное отношеніе христіанъ.— Митраическія церемоніи.

Авеста.

Изъ данныхъ самой Авесты можно заключить, что она была создана въ восточномъ Иранѣ, на востокъ отъ центральной персидской пустыни, въ бассейнѣ Сыръ-Дарьи, такъ какъ почти всѣ мѣста, упоминаемыя въ ней, находились въ этихъ предѣлахъ, за исключеніемъ Раги, которая лежала около западной границы. Изъ знаменитыхъ западныхъ городовъ упомянутъ только Вавилонъ. Арійская страна названа перво-созданной и самой лучшей. „Первая страна, которую я, Агура Мазда (Ормуздъ) сотворилъ, это — Аріана Вайджа (страна), расположенная на прекрасной Датіи. Поэтому Ангро-Майніу (Ариманъ), полный смерти, создалъ водяныхъ змѣй и лютую зиму“. *(Geiger)*. Возможно, что арійская страна, о которой здѣсь идетъ рѣчь, это — Верхній Ферганъ.

Вотъ, что можно судить объ эпохѣ Авесты: кромѣ Раги, въ ней не упоминается ни одинъ изъ городовъ, извѣстныхъ во времена мидянъ и ахеменидовъ, не названа ни одна изъ позднѣйшихъ націй или имперій. Авеста знаетъ только арійцевъ, а не ихъ подраздѣленія на персовъ, парѳянъ и мидянъ. Въ ней ничего не сказано о битвахъ между мидянами и вавилонянами, а тѣмъ болѣе о завоеваніяхъ Александра Великаго. Что особенно знаменательно, такъ это — намеки на множество внѣшнихъ событій, битвъ, набѣговъ, свидѣтельствующихъ о враждѣ арійцевъ съ неарійцами и осѣдлыхъ земледѣльцевъ съ кочевниками. Племенное

дѣленіе было въ полной силѣ, и только могущественнымъ царямъ удавалось сплотить племена въ царства. Вполнѣ естественно усматривать во всемъ этомъ признаки глубокой древности, особенно, если считаться съ первобытнымъ типомъ языка Авесты. Разумѣется, нельзя признавать отдѣльныхъ частей ея повѣствованія миѳическими по той лишь причинѣ, что утрачены нѣкоторыя имена. Показаніе Геродота, что мидяне прежде назывались арійцами, также подтверждаетъ древность преданія Авесты объ арійцахъ: очевидно, въ тѣ времена мидяне еще не сдѣлались самостоятельнымъ народомъ.

Посмотримъ теперь, что гаты, или гимны Авесты, собранные въ Яснѣ, сообщаютъ о народѣ, въ средѣ котораго они сложились. Всѣ они говорятъ устами Зороастра. Царь Виштаспа описывается, какъ благочестивый другъ и помощникъ Зороастра, жаждущій возвѣстить его святое дѣло. Гаты часто упоминаютъ о лицахъ и событіяхъ того времени. Религія только формируется, и приверженцы ея подвергаются преслѣдованіямъ. Въ гатахъ, несомнѣнно, есть примѣсь миѳологіи, но если бы отрицать историческіе факты въ основѣ всѣхъ литературныхъ памятниковъ, которые содержатъ миѳическія объясненія или описанія, то, помимо Авесты, пришлось бы еще отвергнуть очень многое.

Весьма важное указаніе на древность гатъ и на родство описываемаго ими арійскаго народа съ арійцами Риг-Веды заключается въ томъ, что корова играла большое значеніе въ ихъ жизни, и на вскармливаніе и уходъ за нею было обращено особое вниманіе. Итакъ, арійцы переживали пастушескій періодъ, который слѣдуетъ за кочевою жизнью, и становились болѣе осѣдлыми, чѣмъ обыкновенные владѣльцы овецъ и козъ, которымъ легко перегонять свои стада съ одного пастбища на другое. Гаты выясняютъ, что корова указываетъ постоянное жилище, составляетъ предметъ заботы дѣятельнаго землепашца и способствуетъ развитію земледѣлія. Въ Вендидадѣ, наоборотъ, земледѣліе возведено на одну степень со скотоводствомъ. Гаты говорятъ, что между кочевниками и земледѣльцами существуетъ антагонизмъ и первые противятся ученію Зороастра. Дѣйствительно, кочевники, какъ всегда водится, грабили осѣдлыхъ жителей и, естественно, не взлюбили духовнаго проповѣдника своихъ болѣе цивилизованныхъ братьевъ. Зороастръ считается особымъ покровителемъ коровы и заявляетъ, что корова создана для трудолюбивыхъ и дѣятельныхъ людей. Изъ позднѣйшихъ частей Авесты мы узнаемъ, что религія Зороастра вполнѣ утвердилась, а съ нею и орденъ жрецовъ (атгарвановъ). Населеніе состояло изъ земледѣльцевъ и пастуховъ, повседневная его жизнь была тѣсно связана съ рели-

гіей, а характеръ народныхъ праздниковъ обусловливался его занятіями. Народъ, повидимому, еще не употреблялъ соли; звонкая монета и желѣзо также не были ему извѣстны; онъ еще не вышелъ изъ бронзоваго вѣка. Одно мѣсто, гдѣ говорится о Гаутамѣ, навело иныхъ на предположеніе, что Авеста написана позднѣе его эпохи, но это ничуть не доказательно, такъ какъ это имя, по всей вѣроятности, древне-иранскаго происхожденія; оно встрѣчается также въ Риг-Ведѣ.

Книга Вендидадъ описываетъ зороастрійскіе обряды очищенія. Первые ея два отдѣла принадлежатъ къ древнѣйшимъ литературнымъ памятникамъ. Въ первомъ отдѣлѣ, между прочимъ, говорится о томъ, какъ Агура Мазда сообщилъ Зороастру, что онъ вселилъ каждому народу привязанность къ своей странѣ, иначе всѣ устремились бы въ арійскую страну, которая лучше всѣхъ остальныхъ. Далѣе описывается противоположное твореніе Ангро-Майніу (Аримана), — страна, гдѣ десять мѣсяцевъ длится зима. По преданію, послѣ этого были созданы окрестныя страны, а Ариманъ въ отместку сотворилъ различныя бѣдствія, въ томъ числѣ грѣхи, зло и ядовитыхъ насѣкомыхъ. Во второмъ отдѣлѣ Зороастръ спрашиваетъ Ормузда, кто былъ первый смертный, съ которымъ онъ бесѣдовалъ, и получаетъ отвѣтъ: „Прекрасный Йима, великій пастухъ“. Йима, повидимому, считается основателемъ цивилизаціи; ему было сказано, что приближается пора роковыхъ зимъ, поэтому онъ долженъ въ большой загороди собрать всевозможныя сѣмена и устроить родъ земного рая. Йима въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сходенъ съ Ямой, ведійскимъ правителемъ умершихъ душъ.

Въ третьемъ отдѣлѣ Вендидада перечислены пять самыхъ пріятныхъ и пять самыхъ непріятныхъ мѣстъ для земли. Пріятны: 1) мѣсто, куда вступаетъ вѣрующій съ дровами для жертвеннаго огня и со связкой священнаго хвороста, читая молитву Митрѣ, владыкѣ обширныхъ пастбищъ и богу Рамѣ-Свастрѣ, который подаетъ стадамъ хорошій кормъ; 2) мѣсто, гдѣ вѣрующій строитъ домъ для жреца, его жены, дѣтей и стадъ; 3) мѣсто, гдѣ вѣрующій разводитъ больше всего хлѣба, травы и плодовъ; 4) мѣсто, гдѣ бываетъ наибольшій приростъ стадъ и табуновъ; 5) мѣсто, гдѣ скопляется больше всего удобренія. Непріятны тѣ мѣста, гдѣ находятся трупы и другія созданія Аримана, а также плѣнныя жена и дѣти какого-нибудь вѣрующаго.

Никто не долженъ переносить трупа въ одиночку. Если трупъ погребается[1]), то лишь на время, и въ промежуткѣ шести мѣ-

[1]) По случаю зимы, дождя или дурной погоды. *Прим. перев.*

сяцевъ его надлежитъ откопать и выставить. Значительная часть Вендидада посвящена описанію оскверненія отъ труповъ или мертвечины и способовъ очищенія. Во всемъ виденъ тотъ руководящій принципъ, что чистота, особенно тѣлесная, имѣетъ первенствующее значеніе. Нечистота считается дѣломъ демона, который пребываетъ въ трупѣ и оттуда переходитъ въ тѣхъ, кто къ нему прикасается. Чтобы изгнать нечистаго духа, нужны особыя омовенія и чары. Ни въ одномъ вѣроученіи мысль объ оскверненіи отъ трупа не достигала такого развитія, какъ въ зороастризмѣ. Злой духъ можетъ быть изгнанъ изъ трупа при посредствѣ „четырехъокой собаки", которую приводятъ посмотрѣть на покойника. Подъ четырехъокою собакой разумѣютъ такую, у которой два пятна надъ глазами. Здѣсь напрашивается сравненіе съ четырехъокими псами ведійскаго бога Ямы и трехголовымъ Церберомъ, который сторожитъ адскія врата. Вездѣ, гдѣ проносятъ трупъ, ему сопутствуетъ смерть, и ни одинъ человѣкъ, ни одно животное не должны идти по этому пути, пока четырехъокая собака не отгонитъ дыханіе смерти, чему также помогаетъ жрецъ своими заклинаніями.

Огонь, земля и вода считаются священными стихіями; поэтому трупы надлежитъ держать какъ можно дальше отъ нихъ, относить на высокія вершины, гдѣ много хищныхъ птицъ и собакъ, и привязывать за ноги и за волосы къ подмосткамъ, чтобы кости не были унесены. Оставшіяся кости нужно складывать въ *дахму*, или башню безмолвія. Смерть части тѣла и болѣзнь также считается оскверненіемъ. Все, что исходитъ отъ человѣческаго тѣла, — нечисто, даже обрѣзки ногтей и волосъ. По зороастрійскому ученію, болѣзни посылаются Ариманомъ, и ихъ нужно лѣчить омовеніями и чарами. Если бы предстоялъ выборъ между нѣсколькими врачами, изъ которыхъ одинъ лѣчитъ ножомъ, другой — травами, а третій — святымъ словомъ или чарами, то предпочтеніе нужно отдать послѣднему. Этимъ объясняется то, что большая часть врачей принадлежали къ классу жрецовъ.

Четвертый отдѣлъ Вендидада излагаетъ законы о различныхъ договорахъ и оскорбленіяхъ. Послѣднія раздѣляются на семь степеней; при всякой повторной обидѣ вина усугубляется. За преступленія полагается тѣлесное наказаніе и, кромѣ того, предстоятъ страданія послѣ смерти. Оскорбленія боговъ наказываются гораздо строже, чѣмъ оскорбленія людей. Человѣкъ, ложно приписывающій себѣ способность очищать нечистое или въ одиночку переносящій трупъ, достоинъ смерти, такъ какъ это особенно оскорбляетъ боговъ. Только раскаяніе можетъ спасти человѣка отъ загробныхъ мукъ. Сожженіе или погребеніе мертвыхъ, употребленіе въ пищу

падали и неестественныя преступленія не могутъ быть искуплены; за это человѣка ждетъ смерть и будущія мученія.

Виспередъ и Ясна, собственно, составляютъ одну нераздѣльную часть Авесты и излагаютъ зороастрійское богослуженіе. Краткій Виспередъ содержитъ призываніе Ормузда и добрыхъ геніевъ на предстоящія церемоніи. Ясна буквально означаетъ „жертвоприношеніе съ молитвами“ и заключаетъ въ себѣ *гаты,* или гимны, о которыхъ мы уже говорили. Жрецы должны были читать эти гаты (не въ присутствіи міряпъ) во время нѣкоторыхъ религіозныхъ церемоній, которыя заключались въ освященіи воды, баресмы, или вѣтвей, и сока гаомы и въ принесеніи жертвы: *драонъ,* т. е. маленькихъ круглыхъ пирожковъ съ кусочками варенаго мяса, которые потомъ шли на трапезу жрецамъ. Собственно на обязанности жреца лежало разъ въ сутки прочесть всю Авесту, главнымъ образомъ, въ продолженіе ночи, такъ какъ это подготовляло его къ совершенію очистительныхъ обрядовъ.

Интересъ богослуженія не пропорціоналенъ его продолжительности. Приводимъ отрывки изъ Виспереда: „Мы почитаемъ всевѣдущаго Агуру Мазду. Мы почитаемъ свѣтъ солнца. Мы почитаемъ солнце и Амеша Спентъ. Мы почитаемъ совершенныя Мантры. Мы почитаемъ славныя дѣла чистоты. Мы почитаемъ собранія во имя огня. Мы почитаемъ чистое и благодѣтельное процвѣтаніе и разумъ“. — „Напрягайте руки, ноги, волю, о маздейцы, ученики Заратуштры, для совершенія добрыхъ дѣлъ, предписанныхъ закономъ и справедливостью, для избѣжанія злыхъ дѣлъ, беззаконныхъ и несправедливыхъ. Подавайте тѣмъ, кто нуждается“.

Ясна даетъ перечень тѣхъ духовъ, въ честь которыхъ приносятся въ жертву различные священные предметы или которымъ жрецы воспѣваютъ хвалу, напр.: „посредствомъ этой баресмы и святой воды я воздаю почтеніе чистымъ духамъ мѣсяцевъ, чистымъ духамъ чистаго міра. Я воздаю почтеніе новолунію, чистымъ духамъ чистаго міра“. Иногда намекается на исторію или на подвиги духовъ. О царствѣ Ормузда говорится слѣдующее: „Властвуй неограниченно надъ водами, надъ деревьями, надъ всѣмъ тѣмъ, что хорошо и что чистаго происхожденія! Сдѣлай праваго человѣка могущественнымъ, а неправеднаго безсильнымъ и слабымъ!“ Въ уста Зороастра вложенъ длинный очеркъ происхожденія и исторіи Гаомы, которому возносятъ, какъ лицу, молитвы въ вычурныхъ выраженіяхъ. Къ числу благъ, о ниспосланіи которыхъ молятъ Гаому, относятся: рай, здоровье, долгоденствіе, благосостояніе, побѣда, благополучіе, потомство и т. д. Его также просятъ воспрепятствовать тѣмъ, кто намѣревается оскорбить вѣрующаго, и послать имъ самимъ всякія бѣдствія.

Всѣ эти указанія даютъ намъ понятіе о томъ, что изъ себя представляла зороастрійская религія за нѣсколько вѣковъ до христіанской эры, но уже позднѣе эпохи самого Зороастра. Въ Авестѣ ничего не говорится о храмахъ; священный огонь хранился на алтарѣ, устроенномъ на какомъ-нибудь холмѣ и обнесенномъ заборомъ, подъ открытымъ небомъ. Маздейцы не дѣлали никакихъ изваяній боговъ; символомъ ихъ служилъ единственно огонь, который постоянно поддерживался въ большихъ каменныхъ или мѣдныхъ сосудахъ, куда подбрасывали лучшія дрова. Жрецы (атгарваны) преподавали законъ Божій, читали священные тексты и призыванія, приготовляли гаому, мыли священные сосуды и совершали искупительные и очистительные обряды. Имъ полагалось знать Авесту наизусть, а также поучать и посвящать новообращенныхъ и учениковъ. Повидимому, они переходили съ мѣста на мѣсто для совершенія своихъ богослужебныхъ обязанностей. Нѣкоторые изъ нихъ были искусными врачами, но часто лѣчили однѣми лишь священными формулами. Праздниковъ было довольно много: первое, восьмое, восемнадцатое и двадцать-третье число каждаго мѣсяца посвящалось Ормузду; третье и пятое — Амеша Спентамъ и, вообще, каждый день — какому-нибудь богу или духу. Главными праздниками считались: Новый годъ, въ честь Ормузда, и осеннее равноденствіе, въ честь Митры. Послѣдніе десять дней въ году отдавались памяти умершихъ. Оскверненія людей, о которыхъ мы говорили выше, искупались сложными очистительными церемоніями, которыя совершалъ жрецъ.

Во времена Дарія халдейское и семитическое поклоненіе иконамъ оказало нѣкоторое вліяніе на культъ Ормузда. Дарій въ своихъ надписяхъ помѣстилъ символическій рисунокъ бога. Артаксерксъ II соорудилъ въ Экбатанѣ статуи и храмъ Анагитѣ. Неизвѣстно точно, какимъ образомъ маги сдѣлались жрецами авестійской религіи; прежде они, повидимому, составляли племя или касту мидянъ и унаслѣдовали арійскія традиціи въ обработкѣ Зороастра. Они пріобрѣли большое вліяніе въ Персидской имперіи, сдѣлавшись не только религіозными учителями и жрецами, но также политическими чиновниками и государственными совѣтниками. Надо думать, что они смѣшались, слились съ древне-персидскимъ жреческимъ сословіемъ. Маги носили передъ царемъ Священный Огонь и преподавали царскимъ сыновьямъ религію Зороастра. Едва ли они уже и тогда занимались предсказаніемъ, гаданіемъ, толкованіемъ сновъ и т. п.; есть вѣроятіе думать, что это лежало на обязанности халдейскихъ жрецовъ. По словамъ греческихъ историковъ, никто въ Персіи не могъ совершать жертвоприношенія безъ посредства мага. Маги приносили жертвы на

высокихъ мѣстахъ, помолившись предварительно огню (или, вѣрнѣе, поглядѣвъ на священный огонь). Жертва состояла изъ животныхъ, которыхъ они убивали обухомъ. Божеству не оставляли какой-либо части мяса: съ него достаточно было души животнаго. „На западѣ, въ Каппадокіи,—говоритъ Страбонъ,—были отгороженныя мѣста; въ каждомъ изъ нихъ посрединѣ находился алтарь съ кучею пепла, на которомъ маги поддерживали неугасаемый огонь. Ежедневно они пѣли часъ передъ огнемъ, держа въ рукахъ связку прутьевъ". Религія маговъ распространилась даже до городовъ Лидіи, гдѣ ихъ вѣру принялъ Павзаній.

Выставленіе труповъ уже было въ ходу у древнихъ персовъ, хотя, вѣроятно, только въ жреческомъ сословіи; царей хоронили. Во времена Сассанидовъ, всѣхъ покойниковъ выставляли, какъ это практикуется и въ настоящее время.

Не подлежитъ сомнѣнію, что до насъ не дошли нѣкоторыя книги, въ древности входившія въ составъ Авесты. Различныя преданія говорятъ объ ихъ числѣ (21), объ ихъ содержаніи и о стараніи сохранить ихъ. Александръ Великій во время оргіи сжегъ дворецъ Персеполя, гдѣ находился одинъ изъ имѣвшихся въ то время двухъ полныхъ экземпляровъ Авесты; другой же, какъ говорятъ, былъ похищенъ греками. Попытки персидскихъ царей изъ династіи Сассанидовъ, стремившихся собрать и сохранить зороастрійскія книги, не удались, благодаря разрушительному духу магометанъ; тѣ персы, которые отказались принять вѣру побѣдителей, эмигрировали въ Индію и поселились, главнымъ образомъ, на западномъ берегу. Они сохранили нѣкоторыя части Авесты вмѣстѣ съ переводами, комментаріями и оригинальными произведеніями на пехлевійскомъ языкѣ, который преобладалъ въ Персіи съ третьяго до десятаго вѣка нынѣшней эры. Пехлевійскіе тексты даютъ намъ понятіе о средней исторіи маздеизма, которая, какъ говоритъ *West*, представляла „странную смѣсь древнихъ и новыхъ элементовъ, гдѣ сказывались обычные признаки упадка,—стремленіе къ сложнымъ формамъ и детальной разработкѣ".

Одинъ изъ этихъ текстовъ, Бундагешъ, даетъ очеркъ космогоніи; легенда описываетъ ходъ мірозданія подъ хорошимъ вліяніемъ Ормузда и дурнымъ вліяніемъ Аримана и столкновенія обоихъ боговъ, вплоть до эпохи древне-персидскихъ царей и Зороастра; дальнѣйшая персидская исторія изложена очень кратко. Много данныхъ свидѣтельствуютъ о томъ, что это — комментированный переводъ съ авестійскаго оригинала. Бахманъ Яштъ — замѣчательная пророческая книга, въ которой Ормуздъ предсказываетъ Заратуштрѣ судьбу его религіи.

Шаястъ-ла-Шаястъ, книга о „чистомъ" и „нечистомъ", изла-

гаетъ законы и обычаи, касающіеся грѣха и оскверненія. Въ ней перечислены различныя степени нарушенія законовъ собственности, различныя подраздѣленія добрыхъ дѣлъ и тѣхъ людей, которые могутъ или не могутъ совершать ихъ, способы искупленія грѣха, различные виды культа и множество пространныхъ правилъ. Всѣ они сводятся къ педантическому внѣшнему и формальному очищенію и не свидѣтельствуютъ о высокомъ умственномъ развитіи народа.

Дадистанъ-и-Диникъ, книга, написанная въ девятомъ вѣкѣ великимъ жрецомъ Манускигаромъ, излагаетъ ученіе и обряды современныхъ парсовъ. Заглавіе ея означаетъ: „Религіозныя мнѣнія или рѣшенія". Въ ней говорится, что люди созданы для „добра и преуспѣянія". Человѣкъ долженъ прославлять и восхвалять Всеблагого Создателя. „Праведный человѣкъ есть тотъ, который выполняетъ возложенныя на него занятія и держится осторожно, чтобы его не обманулъ жадный врагъ". Зло, которое въ этомъ мірѣ въ широкихъ размѣрахъ выпадаетъ на долю добрыхъ людей, обыкновенно приписывается демонамъ и злымъ людямъ; но за это добрые получатъ въ духовномъ существованіи большую награду и будутъ застрахованы отъ зла и неподобающихъ поступковъ. Въ Дадистанъ-и-Диникѣ также говорится о выставленіи труповъ, о познаніи душою судьбы тѣла и о будущности злыхъ и добрыхъ. Небо описано, какъ свѣтлое и яркое мѣсто, адъ же — какъ очень темное. Священный поясъ - шнуръ — означаетъ служеніе священнымъ существамъ, является символомъ искупленнаго грѣха и предвѣстникомъ блаженства. Священные обряды угодны Ормузду, такъ какъ они вполнѣ соотвѣтствуютъ его повелѣніямъ и вызываютъ покровительство добрыхъ духовъ, приростъ удобренія, произрастаніе растеній, благосостояніе міра и всѣхъ живыхъ существъ. Въ этой книгѣ описанъ надлежащій способъ богослуженія, который по существу ничѣмъ не отличается отъ описанныхъ выше обрядовъ и не носитъ особенно возвышеннаго или оригинальнаго характера.

Другая пехлевійская книга: „Мнѣнія Духа Мудрости", проповѣдуетъ вѣру въ то, что „врожденная мудрость" Ормузда, какъ отдѣльная, созданная Ормуздомъ личность, произвела матеріальный и духовный міръ и, по свидѣтельству преданія, можетъ воплощаться и поучать людей. Еще одна книга въ томъ же родѣ называется: „Объясненія, разсѣивающія сомнѣнія"; она отстаиваетъ маздейскій дуализмъ на томъ основаніи, что другія религіи, объясняя происхожденіе зла, должны или унизить характеръ Верховнаго Существа, или предположить существованіе пагубнаго вліянія, которое на дѣлѣ не что иное, какъ злой духъ.

Эта книга считаетъ несостоятельными магометанскую, іудейскую, христіанскую и манихейскую доктрины и критикуетъ ихъ.

Митраизмъ.

Въ предыдущихъ главахъ мы уже говорили о богѣ Митрѣ. Теперь намъ надлежитъ еще упомянуть о митраизмѣ, темномъ культѣ, который, по нѣкоторымъ мнѣніямъ, въ первые вѣка христіанства былъ самымъ распространеннымъ вѣроученіемъ въ Римской имперіи, куда онъ былъ занесенъ солдатами [1]). Въ Ведахъ богъ Митра тѣсно связанъ съ Варуной. Зороастръ считалъ его владыкой обширныхъ пастбищъ, созданныхъ Агура Маздой. Впрочемъ, и здѣсь онъ также былъ носителемъ небеснаго свѣта, а впослѣдствіи сдѣлался, по преимуществу, богомъ солнца, свѣта, правды, нравственной чистоты и доброты, который наказываетъ Митра-Друджа, „того, кто лжетъ Митрѣ"; благодаря этому, онъ также производитъ судъ въ аду. (Св. Кн. В., IV, XXIII). *Rawlinson* говоритъ, что Дарій Гистаспъ отвелъ одинаково почетныя мѣста эмблемамъ Агуры Мазды и Митры на скульптурной доскѣ своей усыпальницы (485 г. до Р. Х.); его примѣру слѣдовали и другіе монархи. Имя Митридатъ („данный Митрою"), очень распространенное среди восточныхъ царей, также свидѣтельствуетъ о высокомъ значеніи Митры. На Митру стали смотрѣть, какъ на посредника между Ормуздомъ и Ариманомъ, вѣчно юнаго, охраняющаго человѣчество отъ зла и совершающаго таинственное жертвоприношеніе, благодаря которому восторжествуетъ добро.

Иногда Митра считается божествомъ женскаго пола; поэтому на нѣкоторыхъ митраическихъ памятникахъ встрѣчаются двоякіе символы: бога и богини. Греко-романскій барельефъ: „Митра, убивающій быка", который находится въ Британскомъ музеѣ, указываетъ на символическую связь этого быка съ жертвоприношеніями и очищеніями; на другихъ изображеніяхъ Митра убиваетъ не быка, а барана. По показанію Оригена, митраическія мистеріи воспроизводили ходъ свѣтилъ небесныхъ и планетъ и, среди нихъ, человѣческую душу, лишенную уже тѣлесной оболочки.

Митраическій культъ совершался тайно, большей частью въ подземельяхъ, а древніе христіане противились и препятствовали ему. Еще понынѣ сохранились остатки митраическихъ алтарей, высѣченныхъ въ скалахъ и называемыхъ „скалистыми Митрами". Митраическіе обряды, вѣроятно, въ значительной степени были позаимствованы изъ зороастрійской религіи. Во время весенняго равноденствія Митру оплакивали, какъ покойника, и ночью клали

[1]) См. *J. M. Robertson*, «Religions systems in the World», 1890, стр. 225—248.

его каменное изваяніе въ гробъ. Юстиніанъ мученикъ и Тертулліанъ описываютъ посвященіе и другія митраическія церемоніи, представляющія, по ихъ мнѣнію, подражаніе христіанскимъ таинствамъ. Но какъ и въ греческомъ миѳѣ о Персефонѣ, мы видимъ, что это — не подражаніе, а древнее, очень распространенное символическое понятіе о смерти природы и весеннемъ возрожденіи жизни.

Посвященіе представляло очень сложную церемонію, въ составъ которой входило испытаніе водою, огнемъ, холодомъ, голодомъ, жаждой, бичеваніемъ и т. д. Вѣрующіе раздѣлялись на нѣсколько степеней, носившихъ названія различныхъ птицъ и животныхъ. Тертулліанъ говоритъ, что каждому воину Митры предлагался вѣнецъ, отъ котораго онъ долженъ былъ отказаться на томъ основаніи, что самъ Митра — его вѣнецъ. Повидимому, митраизмъ получилъ значительное распространеніе среди римскихъ солдатъ, что извѣстно было даже императорамъ, и можно неоднократно встрѣтить военную надпись: „Deo Soli invicto Mithrae“ — непобѣдимому богу солнцу Митрѣ. Митра, большею частью, изображается молодымъ человѣкомъ въ восточномъ костюмѣ. Однимъ колѣномъ онъ придерживаетъ повергнутаго быка, откинувъ ему голову лѣвою рукой, а правою вонзая ему въ шею мечъ. Собака, змѣя и скорпіонъ пьютъ кровь, струящуюся изъ раны быка; картину дополняютъ по обѣимъ сторонамъ солнце и луна.

Культъ Митры представляетъ значительный интересъ, но изученіе его еще не поставлено на достовѣрную почву; поэтому мнѣніе, что христіанство многое позаимствовало у митраизма, совершенно бездоказательно.

ГЛАВА XIII.

Современный парсизмъ.

Парсы. — Преслѣдованіе ихъ. — Принципы парсовъ. — Парсійскій катехизисъ. — Жреческое сословіе. — Міряне. — Праздники. — Обряды. — Погребальныя церемоніи. — Башни безмолвія. — Моленіе за умершихъ. — Домашній бытъ. — Закладка и освященіе башенъ.

Парсы.

Парсы — народъ, подобно евреямъ, затерявшійся въ массѣ другихъ, но достигшій вліянія и богатства, котораго трудно было ожидать при его малочисленности. Настойчивость составляетъ у нихъ наслѣдственную черту; держатся они, благодаря своей коммерческой жилкѣ, а съ ними вмѣстѣ держится и ихъ религія, какъ талмудъ съ евреями. Долгое время они подвергались преслѣдованіямъ и въ Персіи, и въ Индіи; трудность борьбы за существованіе выработала въ нихъ твердость духа. Они сохраняютъ въ чистотѣ вѣру въ верховнаго благодѣтельнаго бога Ормузда, не признаютъ даннаго имъ прозванія огнепоклонниковъ и отрицаютъ всѣ виды идолопоклонства. Они почитаютъ огонь, какъ символъ своего бога и никогда не относятся къ нему легкомысленно. Это единственный народъ, который воздерживается отъ куренія табаку, такъ какъ оно противорѣчитъ ихъ религіознымъ принципамъ. Парсы ставятъ себѣ за правило не осквернять ни одного изъ созданій Ормузда, будь то земля, вода, животное или растеніе. Ихъ чистота и многократныя омовенія въ значительной мѣрѣ способствуютъ поддержанію здоровья. Больше всего парсовъ живетъ въ Бомбеѣ, а затѣмъ въ Суратѣ, Ахмедабадѣ и др. городахъ Гузерата. Кромѣ того, ихъ можно также встрѣтить въ различныхъ англо-индійскихъ поселеніяхъ. Всѣхъ парсовъ насчитывается около 82,000, въ томъ числѣ 8,000 въ Персіи (въ Іездѣ и др. мѣстахъ). Парсы получили свое названіе отъ области Парсъ или Фарсъ, откуда они родомъ. Того же происхожденія названіе страны — Персія.

Парсы, или гебры, живущіе въ Іездѣ, имѣютъ тридцать-четыре храма огня разной величины, но книгъ у нихъ мало. До послѣдняго времени они находились въ приниженномъ состояніи, жили въ большой бѣдности и терпѣли притѣсненія отъ магометанъ, но, благодаря настояніямъ бомбейскихъ парсовъ и англійскихъ чиновниковъ въ Персіи, положеніе ихъ улучшилось. Въ Баку также еще есть храмы огня.

До недавняго времени лишь немногіе парсійскіе жрецы сохраняли вѣру въ чистотѣ, большинство же изъ нихъ читало заученные наизусть отрывки изъ священныхъ книгъ и формулы, не понимая даже языка, на которомъ они написаны. Въ послѣдніе годы былъ изданъ катехизисъ для обученія парсовъ, въ которомъ говорится, что есть одинъ богъ Ормуздъ, и Зартуштъ (Зороастръ) — его истинный пророкъ; что богъ сообщилъ ему религію Авесты, которая не подлежитъ никакому сомнѣнію; что богъ благъ; что слѣдуетъ дѣлать добро и избѣгать всякаго зла. Нравственность опредѣляется тремя словами: чистые помыслы, чистое слово и чистое дѣло; особенно предписывается говорить правду. Дурные поступки влекутъ за собою загробное наказаніе въ аду. Судъ происходитъ, по вѣрованіямъ парсовъ, на четвертый день послѣ смерти и рѣшаетъ, долженъ ли покойникъ пойти на небо или въ адъ. Но, кромѣ того, наступитъ воскресеніе мертвыхъ, если только Богъ можетъ спасти кого-нибудь. Во время молитвы, которая совершается нѣсколько разъ на день, вѣрующій долженъ обратиться лицомъ къ какому-нибудь свѣтящемуся предмету. Парсы вѣрятъ также въ ангеловъ, которые помогаютъ людямъ и управляютъ различными отдѣлами мірозданія. Имъ возсылаютъ молитвы, чтобы злые сдѣлались добродѣтельными и, по милосердію Ормузда, получили прощеніе. Парсы не молятся злымъ духамъ и не заискиваютъ ихъ расположенія.

Жреческія обязанности переходятъ по наслѣдству отъ отца къ сыну; но міранинъ также можетъ сдѣлаться жрецомъ. Главный религіозный авторитетъ принадлежитъ высшимъ жрецамъ, или *дастурамъ*, которые налагаютъ епитиміи и преподаютъ ученіе. Кромѣ того, есть средній классъ жрецовъ, *мобеды*, и низшій — *гербады*. Всѣми дѣлами парсійской общины завѣдуетъ совѣтъ, или *анчіатъ*, изъ шести дастуровъ и двѣнадцати мобедовъ. Жрецы теперь совершенствуются; у обѣихъ парсійскихъ сектъ, которыя по существу мало различаются, есть по учебному заведенію съ толковыми преподавателями. Нѣкоторые парсы, получившіе образованіе въ германскихъ университетахъ и свободно владѣющіе европейскими языками, издали крупныя ученыя работы по изслѣдованію древнихъ текстовъ и по исторіи своей религіи. Парсы не считаютъ единственною заслугой пожертвованія на храмы и на жрецовъ: у нихъ много различныхъ благотворительныхъ учрежденій, и нищихъ парсовъ совсѣмъ не бываетъ.

Благочестивые міряне молятся по нѣскольку разъ на день на авестійскомъ языкѣ, котораго они не понимаютъ. Молитвы полагается читать: вставъ отъ сна, послѣ купанья, по окончаніи каждаго дѣла, до и послѣ ѣды и передъ сномъ. Европейцамъ ка-

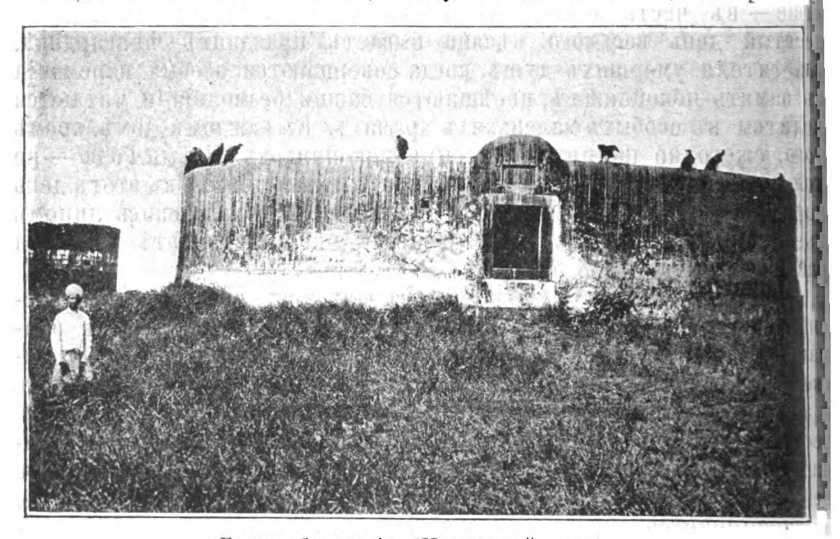
жется особенно страннымъ и отвратительнымъ обычай парсовъ натирать руки и лицо *нирангомъ* (бычачьей мочей), какъ специфическимъ средствомъ отъ девъ и злыхъ духовъ, при чемъ читается молитва или заклинаніе. Поклоняться огню на алтарѣ можно въ любое время; при этомъ вѣрующіе, обыкновенно, даютъ что-нибудь жрецамъ.

Особое богослуженіе совершается въ дни праздниковъ, которые бываютъ приблизительно разъ въ недѣлю и затѣмъ еще въ установленныя числа; такъ, напр., шесть дней среди зимы празднуются въ память шести періодовъ міроздания, весеннее равноденствіе — въ честь земледѣлія и его патрона Митры и т. д. Въ десятый день восьмого мѣсяца бываетъ праздникъ Фравардина, властителя умершихъ душъ, когда совершаются особыя церемоніи въ память покойниковъ, посѣщаются башни безмолвія и читаются молитвы въ особыхъ маленькихъ храмахъ. Въ каждомъ домѣ, кромѣ того, ежегодно поминаютъ своихъ покойниковъ. Новый Годъ — не только религіозный, но и общественный праздникъ; въ этотъ день парсы посѣщаютъ храмы огня, гдѣ молятся, обратившись лицомъ къ священному алтарю. Послѣ этого они навѣщаютъ друзей и раздаютъ милостыню бѣднымъ.

Ребенокъ парса, родившійся въ нижнемъ этажѣ дома, относится туда же назадъ въ случаѣ смерти. На седьмой день браманскій или парсійскій астрологъ-жрецъ вычисляетъ ему гороскопъ. Когда ему исполнится семь лѣтъ, его очищаютъ нирангомъ и надѣваютъ ему священный поясъ изъ семидесяти шнурковъ въ честь семидесяти главъ Ясны. Благословляя ребенка, жрецъ посыпаетъ ему голову кусочками плодовъ, пряностей и благовонныхъ веществъ. Это — церемонія *кусти*. Бракъ устраиваетъ астрологъ, но совершается онъ посредствомъ религіозной церемоніи, причемъ чету связываютъ шнуркомъ, которымъ ее постепенно обвиваютъ, читая при этомъ благословенія на зендскомъ и санскритскомъ языкахъ.

Совершенно своеобразны у парсовъ погребальные обряды. Жрецъ читаетъ надъ умирающимъ парсомъ утѣшительные тексты изъ Авесты, даетъ ему пить сокъ гаомы и молится объ отпущеніи его грѣховъ. Трупъ относятъ въ комнату нижняго этажа, откуда все убрано. Тамъ его кладутъ на камни, обмываютъ теплою водой, одѣваютъ въ чистыя бѣлыя одежды и укладываютъ на желѣзный катафалкъ. Жрецъ передъ трупомъ увѣщеваетъ родственниковъ покойника вести чистую и праведную жизнь, чтобы снова встрѣтиться съ нимъ въ раю. Затѣмъ приводятъ собаку взглянуть на покойника; эта церемонія извѣстна подъ названіемъ *сагдида*, или взгляда собаки. Прежде, вѣроятно, инстинкту животнаго пре-

доставляли рѣшать, дѣйствительно ли въ человѣкѣ угасла жизнь; но, по нынѣшнимъ толкованіямъ, этотъ обычай обезпечиваетъ душѣ переходъ черезъ Чинватскій мостъ, по которому только благочестивые идутъ на небо. Перенесеніемъ труповъ на башню безмолвія занимается особый классъ парсовъ, *нессусалары*, или нечистые, получившіе это прозвище въ силу своего ремесла. Въ Бомбеѣ башни безмолвія находятся на Малабарскомъ холмѣ и даютъ пристанище несмѣтному количеству коршуновъ. Онѣ построены изъ камня и имѣютъ футовъ двадцать-пять высоты. Въ каждой башнѣ лишь одинъ маленькій входъ, внизу. Когда носильщики прибли-

Башня безмолвія. (Наружный видъ).

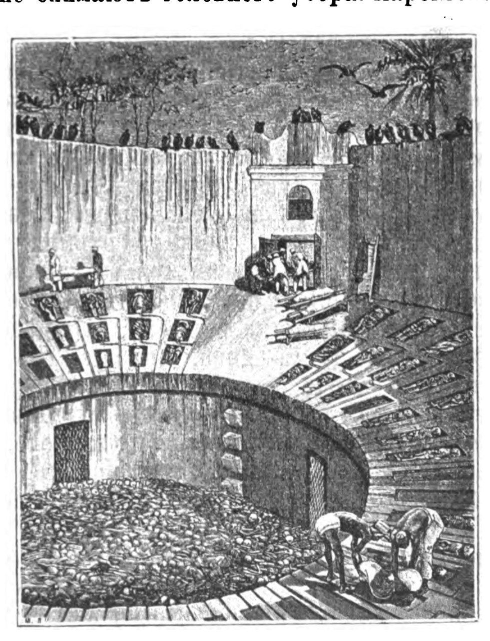
жаются съ трупомъ къ башнѣ, то у ближайшаго алтаря, гдѣ горитъ огонь, жрецъ читаетъ молитвы.

Въ теченіе трехъ дней послѣ смерти парса жрецъ непрерывно молится передъ пылающимъ костромъ, куда подбрасываютъ сандаловое дерево, неподалеку отъ того мѣста, гдѣ лежало тѣло усопшаго, такъ какъ предполагается, что въ теченіе этого времени душа еще не покидаетъ здѣшняго міра. На четвертый день бываетъ новое моленіе за спасеніе души покойнаго. Въ память умершихъ раздаютъ милостыню и, кромѣ того, устраиваютъ ежегодный *муктадъ*, или поминки.

Люди состоятельные въ первый годъ послѣ смерти родственника молятся о немъ ежедневно, но муктаду въ особенности отведены послѣдніе десять дней въ году. Одна изъ комнатъ дома

всегда отдѣлена и содержится въ чистотѣ; каждое утро туда приносятъ лучшіе цвѣты и плоды, и всѣ члены семьи молятся тамъ не только за своихъ умершихъ родичей, но и о себѣ лично, объ оставленіи своихъ прошлыхъ грѣховъ.

Парсы считаютъ грѣхомъ ходить съ непокрытою головой и потому ни днемъ, ни ночью не снимаютъ головного убора. Парсійскія женщины находятся въ лучшемъ положеніи, чѣмъ индусскія и магометанскія, а въ послѣдніе годы онѣ даже были допущены за общій столъ съ мужчинами. За послѣднее время также было многое сдѣлано на пользу женскаго образованія. Семейная жизнь, особенно у зажиточныхъ парсовъ, представляетъ много симпатичныхъ сторонъ. Однако, парсы еще достаточно суевѣрны, у нихъ есть свои примѣты и благопріятные дни для каждаго дѣла: въ одинъ изъ дней можно выѣзжать въ дорогу, въ другой покупать новый домъ, въ третій выбирать невѣсту и т. д.

Башня безмолвія. (Внутреній видъ).

Величайшая башня безмолвія въ Бомбеѣ имѣетъ около девяноста футовъ въ діаметрѣ, т. е. триста футовъ въ окружности. Наружная круглая стѣна ея построена изъ очень плотнаго камня и оштукатурена. Внутри всю ея площадь занимаетъ круглая платформа, выложенная большими каменными плитами. На платформѣ въ три ряда устроены ложа для покойниковъ; въ наружномъ ряду — самыя большія ложа, для мужчинъ, въ среднемъ — поменьше, для женщинъ, а во внутреннемъ — самыя маленькія, для дѣтей. Сосѣднія ложа отдѣлены бортомъ около дюйма высотою. Въ камнѣ высѣчены жолобки, по которымъ всѣ жидкости стекаютъ въ глубокую яму посрединѣ башни. „Когда хищныя птицы совершенно обгложутъ мясо съ трупа, для чего, обыкновенно, требуется не болѣе часа, и когда кости обнаженнаго скелета совершенно вы-

сохнутъ подъ могучимъ вліяніемъ тропическаго солнца, то ихъ бросаютъ въ яму, гдѣ онѣ разсыпаются въ прахъ". Четыре канала отъ средней ямы ведутъ къ такому же числу стоковъ. „Входъ въ каждый каналъ выложенъ углемъ и песчаникомъ, чтобы очищать жидкость прежде, чѣмъ она проникнетъ въ почву, и соблюдать зороастрійское правило, въ силу котораго нельзя осквернять матери-земли. Дно сточныхъ ямъ усыпано слоемъ песку, толщиною въ пять-семь футовъ".

Закладка и освященіе новой башни сопряжены съ торжественною церемоніей. Раньше всего площадь, предназначенная для постройки, отмѣчается шнуркомъ, который натянутъ на колышкахъ, размѣщенныхъ по окружности; затѣмъ приносятъ молитвы Сраошѣ, властителю умершихъ душъ, Ормузду, Спента-Армати, хранителю земли, умершимъ душамъ и семи Амеша Спентамъ. Признавая, что не слѣдуетъ осквернять земли мертвыми тѣлами, парсы въ этихъ молитвахъ просятъ, чтобы только данное ограниченное пространство отведено было покойникамъ. При освященіи дахмы, вокругъ нея роютъ канаву, а затѣмъ два жреца утромъ и вечеромъ, въ продолженіе трехъ дней, читаютъ въ центрѣ башни молитвы Ясны и Вендидада и совершаютъ церемоніи въ честь Сраоши. На четвертое утро читается молитва въ честь Ормузда. Затѣмъ богослуженіе совершается снаружи, около дахмы, и тысячи парсовъ посѣщаютъ башню, куда потомъ входъ для всѣхъ будетъ возбраненъ. Башни сооружаются иногда по общественной подпискѣ, но, въ большинствѣ случаевъ, частныя лица берутъ на себя всѣ издержки, такъ какъ это вмѣняется въ особую заслугу.

Итакъ, среди самыхъ разнородныхъ вѣрованій держится религія, связанная съ именемъ Зороастра и развертывающая передъ нами воззрѣнія и культъ давно минувшихъ вѣковъ. Поклоненіе верховному богу, Ормузду, который изображается въ видѣ чудеснаго огня, страхъ передъ злымъ духомъ, мѣры къ тому, чтобы избѣгнуть его вліянія, и благотворительныя дѣла — вотъ основныя черты этого интереснаго остатка древности. По мнѣнію современныхъ ученыхъ парсовъ, призываніе всякихъ другихъ духовъ, помимо верховнаго бога, не составляетъ принадлежности той религіи, которая была первоначально утверждена Зороастромъ: безъ этого можно обойтись, а надлежитъ только соблюдать вѣру во единаго Бога и чистоту помысла, слова и дѣла. Они находятъ также, что всѣ ихъ обряды и церемоніи должны приспособляться къ умственному уровню и нуждамъ общины.

ОКОНЧАНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава III. Современный индуизмъ I.

Глава IV. Современный индуизмъ II.

Глава V. Жизнь Будды.

Глава VI. Буддійское ученіе и священныя книги.

Стр

Глава X. Джайнизмъ.

Глава XI. Зороастръ и Зенд-Авеста.

Глава XII. Зороастрійскія книги. Митраизмъ.

Глава XIII. Современный парсизмъ.

БЕТТАНИ и ДУГЛАСЪ.

ВЕЛИКІЯ РЕЛИГІИ ВОСТОКА.

Переводъ съ англійскаго

Л. Б. Хавкиной.

Подъ редакціей и со вступительной статьей

профессора **А. Н. Краснова.**

Типографія Товарищества И. Д. Сытина, Валовая ул., свой д.
МОСКВА.—1899.

Дозволено цензурою. С.-Петербугъ, 1-го августа 1898 г.

ВЕЛИКІЯ РЕЛИГІИ ВОСТОКА.

Часть II.

ДУГЛАСЪ.—КОНФУЦІАНСТВО И ТАОИЗМЪ.

КОНФУЦІАНСТВО.

ГЛАВА I.

Введеніе.

Конфуцій не былъ оригинальнымъ мыслителемъ и, по собственному выраженію, лишь „передалъ, а не создалъ“ свое ученіе. Поэтому, чтобы понять смыслъ и значеніе его проповѣди, необходимо заглянуть въ древнюю исторію китайскаго народа и познакомиться съ источниками, откуда мудрецъ почерпнулъ свое вдохновеніе.

Согласно древнѣйшимъ, дошедшимъ до насъ преданіямъ, китайцы составляли небольшое племя, которое кочевало въ дѣвственныхъ лѣсахъ, покрывавшихъ территорію нынѣшней провинціи Шанси. О томъ, что они были пришельцами въ этой странѣ, а не туземцами, достаточно свидѣтельствуютъ какъ ихъ этническія особенности, такъ и показанія китайскихъ историковъ.

Существуетъ нѣсколько теорій о происхожденіи этой расы, но до сихъ поръ еще не собрано достаточно данныхъ, чтобы остановиться на какой-либо изъ нихъ. Мы знаемъ только, что въ какой-то отдаленный періодъ сѣдой старины они изъ западной Азіи передвинулись на востокъ; шли они, вѣроятно, вдоль южныхъ склоновъ Тянь-Шаня, пока не достигли сѣвернаго изгиба Желтой рѣки подъ 41° широты. Затѣмъ, послѣ продолжительнаго странствованія по Монгольской пустынѣ, они пришли въ богатую, плодоносную страну, гдѣ эмигранту почти не приходилось затрачивать труда на обработку почвы. Разрыхливъ немного ея поверхность и посѣявъ зерно, онъ получалъ богатѣйшую жатву, а влага, задерживаемая лѣсистыми горами, орошала ниву въ видѣ правильныхъ и умѣренныхъ дождей.

Этотъ „садъ Китая“, какъ его называли, былъ первымъ жилищемъ китайцевъ въ „Срединной Имперіи“. Не безъ труда завладѣли они страною. Подобно древнимъ израильтянамъ, они нашли землю, текущую молокомъ и медомъ, но и имъ также пришлось шагъ за шагомъ отвоевывать ее у заселявшихъ ее народовъ. Однако, такъ называемыя Сѣверная, Южная, Восточная и

Западная Орды со своимъ примитивнымъ оружіемъ и отсутствіемъ единенія не могли устоять передъ болѣе цивилизованными и болѣе дисциплинированными китайцами, и, по мѣрѣ того, какъ послѣдніе подвигались къ долинамъ, варвары отступали въ горы. Тѣмъ не менѣе, въ виду близости враговъ, необходимы были нѣкоторыя предосторожности, и въ то время, какъ главный корпусъ подвигался впередъ, на стратегическихъ пунктахъ по его пути устраивались колоніи подъ начальствомъ вождей, или „пастырей людскихъ“, какъ ихъ называетъ Менцій.

Преданія о событіяхъ этой отдаленной эпохи никакъ нельзя считать за достовѣрные факты; только со времени царствованія Яо (2356 г. до Р. Х.) чистѣйшій миѳъ смѣняется исторіей, хотя еще весьма сомнительною. Съ этого-то момента начинаетъ свое изложеніе Шу-Кингъ [1]), или Книга Исторіи, изданная Конфуціемъ. „Въ древности,— пишетъ онъ,—былъ императоръ Яо, премудрый, разумный, совершенный и глубокомысленный“. И если принять на вѣру данный Конфуціемъ очеркъ этого царствованія, то приведенная выше характеристика нисколько не преувеличена. Первою заботой Яо было выдвинуть на государственныя должности людей способныхъ и добродѣтельныхъ. Ему удалось соединить и согласовать безчисленное множество мелкихъ княжествъ, входившихъ въ составъ имперіи, и совершенно преобразовать народъ. Онъ поручилъ астрономамъ вычислить и начертить ходъ солнца, луны и звѣздъ, затѣмъ опредѣлилъ протяженіе года и его временъ и ввелъ промежуточные мѣсяцы; его календарь до сихъ поръ принятъ въ Китаѣ [2]).

Послѣ смерти Яо, престолъ унаслѣдовалъ его соправитель Шунъ. Какъ и Яо, онъ былъ государь „глубокомысленный, мудрый,

[1]) Въ собственныхъ именахъ мы придерживаемся того правописанія, которое принято французскими, нѣмецкими и англійскими синологами. По орѳографіи русскихъ ученыхъ Кингъ=Цзинь, Ки=Цзи, Шангъ-Ти=Шанди и т. д.
Прим. ред.

[2]) Китайскій годъ дѣлится на 12 лунныхъ мѣсяцевъ, но такъ какъ число дней въ нихъ меньше, чѣмъ въ двѣнадцати солнечныхъ, то для уравненія времени періодически вставляется еще одинъ мѣсяцъ. Такимъ образомъ, изъ каждыхъ 19-ти лѣтъ—12 имѣютъ по 12 мѣсяцевъ, а семь по 13, и простой годъ состоитъ изъ 354—355 дней, а високосный изъ 384—385. Новый годъ начинается съ ближайшаго новолунія послѣ нахожденія солнца на зодіачный знакъ Рыбъ; этотъ день выпадаетъ приблизительно между нашимъ 8 января и 7 февраля. Мѣсяцъ считается отъ новолунія до новолунія. Сутки начинаются съ 11 часовъ вечера и раздѣляются всего на 12 часовъ, такъ что китайскій часъ вдвое больше нашего. Кромѣ дѣленія на мѣсяцы, существуетъ еще дѣленіе на времена года, которыхъ считается восемь. Затѣмъ, годъ имѣетъ еще болѣе мелкія подраздѣленія, обусловленныя перемѣной погоды; такъ, напримѣръ, существуютъ двѣ недѣли «большой жары», время «бѣлой росы», когда на поверхности земли появляется налетъ селитры, время «большого снѣга» и т. д.

Примѣч. перев.

совершенный и разсудительный, кроткій, почтительный и вполнѣ искренній. Слава объ его таинственныхъ добродѣтеляхъ дошла до Неба, и ему предназначено было вступить на престолъ". Раньше всего онъ усовершенствовалъ астрономическія вычисленія, сдѣланныя при Яо, а потомъ всенародно принесъ жертву Шангъ-Ти, Верховному Владыкѣ, или Богу. „Затѣмъ, — гласитъ Шу-Кингъ, — онъ принесъ Шангъ-Ти особую жертву, хотя по обычной формѣ; въ чистотѣ и уваженіи принесъ жертву шести Почетнымъ Существамъ; принесъ должную жертву горамъ и рѣкамъ и поклонился всему сонму духовъ". Это — первый въ китайской исторіи намекъ на религіозный культъ, хотя нѣкоторыя выраженія свидѣтельствуютъ о томъ, что культъ Шангъ-Ти существовалъ еще раньше. Къ этому-то Верховному Существу во всѣ времена относились высшія формы обожанія. По его повелѣнію назначались цари и правители творили судъ. Въ его рукахъ была жизнь и смерть. Кого онъ благословлялъ, тотъ былъ благословенъ, и кого проклиналъ, тотъ былъ проклятъ. По всей вѣроятности, культъ Шангъ-Ти былъ когда-то выраженіемъ чистѣйшаго монотеизма, но постепенно въ него вошли наслоенія, и, хотя Шангъ-Ти неизмѣнно оставался главнымъ объектомъ культа, но китайцы стали одновременно съ нимъ почитать и олицетворенныя силы природы, и духовъ умершихъ предковъ, которые, по ихъ воззрѣніямъ, до нѣкоторой степени охраняютъ благополучіе своихъ потомковъ.

Въ царствованіе Шуна имперія была раздѣлена на двѣнадцать провинцій и назначены были министры: земледѣлія, юстиціи, общественныхъ работъ, лѣсовъ, религіознаго культа и музыки. О томъ, какъ высоко стояла нравственность даже въ эту отдаленную эпоху, можно судить изъ разговора между соправителемъ Шуна, Ю, и однимъ изъ его совѣтниковъ. На вопросъ Ю: „Что такое девять добродѣтелей?" — министръ отвѣчалъ: „Учтивость въ соединеніи съ достоинствомъ; кротость въ соединеніи съ твердостью; отвага въ соединеніи съ почтительностью; способность къ управленію въ соединеніи съ уваженіемъ; послушаніе въ соединеніи со смѣлостью; прямота въ соединеніи съ мягкостью; снисходительность въ соединеніи съ разборчивостью; сила въ соединеніи съ искренностью и доблесть въ соединеніи съ прямодушіемъ".

Хотя достоинства, приписываемыя древнимъ правителямъ Китая, повидимому, сильно преувеличены, но все-таки за ихъ существованіе говоритъ то обстоятельство, что поступки послѣднихъ правителей изъ династіи Яо и Шуна въ такой же мѣрѣ осуждаются. Высокая нравственность, характеризовавшая правленіе вышеупомянутыхъ императоровъ, постепенно падала при ихъ преемникахъ. Безнравственность, безпорядокъ и беззаконіе до-

стигли высшей степени при гнусномъ тиранѣ Кіе, который взошелъ на престолъ въ 1818 г. до Р. Х. Этотъ „обидчикъ людей и убійца многихъ“, какъ его называли, разорилъ имперію и ея населеніе непрерывными войнами съ сосѣдями. Въ его царствованіе дѣла управленія были запущены, и народъ изнывалъ подъ тяжелымъ гнетомъ. У несчастныхъ подданныхъ Кіе невольно напрашивалось невыгодное сравненіе между безпорядкомъ въ ихъ собственныхъ провинціяхъ и народнымъ благосостояніемъ сосѣдняго княжества Шангъ, гдѣ правилъ кроткій Т'ангъ. Подъ конецъ деспотизмъ Кіе сдѣлался настолько невыносимымъ, что въ 1765 году до Р. Х. Т'ангъ призвалъ народъ къ возстанію, при чемъ, однако, счелъ нужнымъ объяснить, что онъ берется за оружіе не какъ мятежникъ, а какъ избранникъ Неба. „Не мнѣ, малому ребенку, — говорилъ онъ, — браться за то, что можетъ показаться бунтомъ; но само Небо приказало мнѣ уничтожить правителя изъ династіи Хіа за его многочисленныя преступленія“.

Борьба длилась не долго. Съ одной стороны было правое дѣло и сильное войско, съ другой — разногласіе и малодушіе. Однако, Кіе до конца сохранялъ самонадѣянность. „Случалось ли, чтобы солнце погибало? — говорилъ онъ своему народу. — Если солнце погибнетъ, тогда только вы и я можемъ погибнуть!“ Легенда гласитъ, что во время послѣдней битвы, дѣйствительно, случилось чудо: два солнца боролись на небѣ, и одно изъ нихъ поглотило другое; земля потряслась и рѣки вышли изъ береговъ. Войска Кіе были разбиты на-голову, и низверженный императоръ попался въ плѣнъ къ Т'ангу. Въ лицѣ завоевателя возродились добродѣтели Яо и Шуна. Гармонія и миръ воцарились въ имперіи; земледѣліе процвѣтало, и благословеніе Неба сошло на страну. Впослѣдствіи, однако, благой примѣръ этого правителя сталъ забываться. Но въ 1401 г. до Р. Х. на престолъ взошелъ П'анъ-Кангъ, который на время вернулъ странѣ ея благосостояніе. Онъ положилъ конецъ возникшимъ злоупотребленіямъ и далъ новое направленіе своей династіи, перемѣнивъ ея титулъ Шангъ на Инь, по имени новой столицы, которую онъ основалъ къ югу отъ Желтой рѣки.

Послѣ смерти П'анъ-Канга въ государствѣ опять начались бѣдствія, которыя достигли максимума при „безнравственномъ, невоздержномъ, безпечномъ притѣснителѣ“ Шоу (1154—1122 до Р. Х.). Какъ передъ сверженіемъ прежней династіи, такъ и теперь появился вождь, князь Чоу, Ву-Вангъ, сгруппировавшій около себя народъ во имя той же Небесной миссіи, которую выполнилъ Т'ангъ. Онъ обратился къ народу съ воззваніемъ: „Шоу, царь Шанга, не уважаетъ Неба и тѣмъ навлекаетъ бѣдствія на народъ. Онъ предается пьянству и разврату... Онъ устраиваетъ себѣ дворцы,

башни, бесѣдки, плотины, пруды, жестоко обижая васъ, о толпы народа! Онъ сжегъ и спалилъ всѣхъ честныхъ и добрыхъ... Онъ сидитъ на корточкахъ и не служитъ Шангъ-Ти или духамъ небеснымъ и земнымъ, не поддерживаетъ храма своихъ предковъ и не приноситъ въ немъ жертвъ... Беззаконіе Шанга достигло крайняго предѣла, и потому Небо повелѣваетъ уничтожить его... Я, малое дитя, съ утра до ночи не перестаю думать объ этомъ. Я получилъ приказъ отъ своего покойнаго отца Вана; я принесъ особую жертву Богу. Я совершилъ положенное богослуженіе великой Землѣ и веду васъ выполнить наказаніе, опредѣленное Небомъ".

Не только ближайшіе подчиненные Ву-Ванга, но и сосѣднія племена откликнулись на его призывъ. Одна битва рѣшила все дѣло. Войско Шоу потерпѣло пораженіе, и тиранъ, не видя другого исхода, покончилъ самоубійствомъ, предоставивъ свою имперію и народъ на произволъ побѣдителей. Съ энергіей реформатора, Ву возстановилъ прежніе порядки въ государствѣ. Онъ отрѣшалъ отъ должностей всѣхъ несвѣдущихъ чиновниковъ и выдвигалъ только тѣхъ, которые выказывали себя дѣльными и способными. „Онъ придавалъ большое значеніе тому, чтобы народъ твердо зналъ обязанности пяти общественныхъ отношеній, былъ сытъ и правильно выполнялъ погребальные обряды и жертвоприношенія. Онъ на дѣлѣ показалъ свою праведность, почиталъ добродѣтель и награждалъ по заслугамъ. Послѣ того ему оставалось только сидѣть сложа руки, а управленіе уже шло своимъ порядкомъ".

Когда, такимъ образомъ, совершилось завоеваніе безпокойнаго государства Шанга, то возстановлены были сношенія съ пограничными западными племенами. Между прочимъ, представители отъ народа Лю пришли засвидѣтельствовать Ву-Вангу свое почтеніе и, въ знакъ вѣрноподданническихъ чувствъ, привезли въ подарокъ свору собакъ. Царь готовъ былъ принять этотъ даръ, но имперскій стражъ отсовѣтовалъ ему, приводя такія же основанія, въ силу которыхъ китайское правительство и донынѣ упорно сторонится отъ изобрѣтеній и совѣтовъ иностранцевъ. „Разумные цари тщательно поддерживаютъ свою добродѣтель, и дикія племена со всѣхъ сторонъ добровольно покоряются имъ... Совершенная добродѣтель не допускаетъ презрѣнной фамильярности... Правитель не долженъ гнаться за иностранными предметами для своего обихода, и тогда его народъ сможетъ удовлетворить всѣмъ его требованіямъ... Онъ не долженъ даже держать собакъ и лошадей иноземнаго происхожденія, не долженъ кормить въ своемъ государствѣ рѣдкостныхъ птицъ и диковинныхъ звѣрей. *Если онъ не будетъ*

придавать цѣны иностраннымъ предметамъ, то иностранцы сами придутъ къ нему. Если онъ цѣнитъ трудъ, то его собственный народъ будетъ наслаждаться покоемъ". Всѣ добродѣтельные государи держались этихъ правилъ, которыя почитаются за выраженіе высшей мудрости и, съ китайской точки зрѣнія, даютъ превосходный результатъ. Эта горделивая обособленность сильно способствовала тому, чтобы въ теченіе многихъ вѣковъ поддерживать лесть въ отношеніяхъ окружающихъ народовъ къ китайцамъ.

Царь Ву имѣлъ еще болѣе могущественнаго совѣтника, чѣмъ имперскій стражъ, въ лицѣ своего младшаго брата, князя Чоу. Изъ перваго же случая, гдѣ упоминается его имя, видно, что это былъ человѣкъ съ сильнымъ характеромъ; по тому же поводу мы впервые узнаемъ о культѣ предковъ. Черезъ два года послѣ завоеванія Шанга царь Ву опасно заболѣлъ. Придворные предложили загадать на черепахѣ [1]). каковъ будетъ исходъ его болѣзни,

[1]) Въ древнемъ Китаѣ очень распространены были всякія гаданія и прорицанія. Никакое государственнсе или частное дѣло не предпринималось безъ предварительнаго предсказанія объ его благополучномъ исходѣ. Если же предсказаніе сулило неудачу, то дѣло откладывалось. Знаменіями служили явленія природы, различныя встрѣчи, силы и т. д. Особенно своеобразны были удержавшіяся до сихъ поръ предсказанія по растенію *Ши* и по черепахѣ, или *Пу*.

Трава *Ши* (*Achillea millefolium*), обладающая цѣлебными свойствами, употреблялась древними шаманами для лѣкарствъ и впослѣдствіи стала предметомъ поклоненія. Въ большомъ количествѣ разводятъ ее на могилѣ Конфуція. Въ каноническихъ книгахъ о ней часто упоминается. Сжигая ея стебель, получаютъ рисунокъ перекрестныхъ линій, по которымъ и составляютъ прорицаніе. Еще есть другой способъ гаданія: нарѣзаютъ *Ши* на мелкіе куски, которые бросаютъ съ высоты. Порядокъ ихъ расположенія даетъ нужное предсказаніе.

Что касается черепахи, то ея долговѣчность, инстинкты, способность къ защитѣ и медленная, но неутомимая походка, поражали древнихъ китайцевъ. Въ началѣ зимы черепаха зарывается въ землю и выходила на свѣтъ только весной словно знаетъ, когда наступитъ перемѣна погоды. Это казалось китайцамъ верхомъ мудрости. Линіи ея щитка считались пророческими знаками. Китайцы различали шесть породъ черепахъ, которыхъ они относили къ небу, западу, востоку, сѣверу, югу, зениту и землѣ. Въ столицѣ былъ особый домъ, гдѣ держали черепахъ, отводя каждой породѣ отдѣльное помѣщеніе. Въ началѣ каждой весны ихъ обмывали кровью жертвеннаго животнаго, вѣроятно, чтобы подновить ихъ пророческій даръ.

Для гаданія полагается вскрыть животное, затѣмъ снять верхнюю часть щитка и оставить только нижнюю, на которой, по обѣимъ сторонамъ средней линіи, идутъ пересѣкающіяся черточки, раздѣляющія поверхность щитка на пять квадратовъ. Срединная линія, это — линія тысячи *ли*, или ста миль. Пять квадратовъ соотвѣтствуютъ пяти планетамъ или пяти элементамъ. Изъ нихъ различнымъ образомъ составляютъ 120 фигуръ, которыя пригодны для 1200 отвѣтовъ. Затѣмъ наносятъ еще восемь символическихъ линій, которыя даютъ 64 комбинаціи, соотвѣтствующія дождю, хорошей погодѣ, свѣту, мраку, побѣдѣ, пораженію, постоянству, перемѣнѣ и т. д. Чтобы получить болѣе точный отвѣтъ, щитокъ намазываютъ черною краской и затѣмъ держатъ надъ огнемъ. Трещины, происшедшія отъ жара, образуютъ новыя линіи, которыя иногда соотвѣтствуютъ прежнимъ фигурамъ, а иногда измѣняютъ ихъ. Отсюда выводятъ заключенія, какъ и при какихъ обстоятельствахъ должны произойти предполагаемыя событія. *Прим. пер.*

но Чоу не допустилъ этого. Воздвигнувъ четыре земляныхъ алтаря, изъ которыхъ три были обращены на югъ, въ честь его отца, дѣда и прадѣда, онъ сталъ передъ четвертымъ, обращеннымъ на сѣверъ, и началъ молиться слѣдующимъ образомъ: „Вашъ главный потомокъ тяжело и опасно боленъ; если вы, о три царя, призваны съ неба слѣдить за нимъ, то позвольте мнѣ пострадать за него. Я былъ любящимъ и послушнымъ сыномъ своего отца; я умѣю хорошо и искусно служить безплотнымъ существамъ. Вашъ же главный потомокъ не умѣетъ такъ хорошо и искусно служить безплотнымъ существамъ, какъ я. Кромѣ того, въ чертогахъ Господнихъ ему предназначено было простереть свою помощь на всѣ четыре стороны имперіи, такъ что онъ можетъ утвердить вашихъ потомковъ въ этомъ земномъ мірѣ... О, не дайте нарушиться драгоцѣнному небесному повелѣнію, и тогда всѣ наши прежніе цари будутъ вѣчнымъ прибѣжищемъ и источникомъ упованія. Теперь я при посредствѣ великой черепахи буду ждать вашихъ приказаній. Если вы согласитесь исполнить мою мольбу, то я возьму эти символы и жезлъ (эмблемы императорскаго дома Чоу), возвращусь и буду ждать исхода. Если же вы не согласны исполнить ее, то я ихъ не возьму", т. е. смерть царя Ву послужитъ знакомъ паденія династіи, и тогда эти регаліи ужъ больше не понадобятся. На этотъ разъ царь выздоровѣлъ, но все же смерть вскорѣ похитила его. При его преемникѣ Чингѣ имперія распалась на двѣ части, и управленіе одною изъ нихъ досталось князю Чоу.

Принявъ бразды правленія, князь обратился къ жителямъ Иня съ прокламаціей, въ которой изложилъ краткую исторію двухъ предшествовавшихъ династій слѣдующими словами: „Я слышалъ изреченіе, что Шангъ-Ти ведетъ человѣка къ спокойной охранѣ, но правитель изъ династіи Хіа не стремился къ этой охранѣ, и Ти (богъ) выразилъ ему свое порицаніе. Однако, Кіе не внялъ предостереженію Ти, а продолжалъ предаваться разврату и лѣни, подыскивая себѣ оправданія. Тогда Небо окончательно отвернулось отъ него, взяло назадъ данное ему высокое назначеніе и взамѣнъ того послало ему величайшее наказаніе. Оно уполномочило Т'анга Успѣшнаго свергнуть Кіе и съ помощью способныхъ людей править имперіей. Начиная отъ Т'анга Успѣшнаго и до императора Иха, каждый правитель стремился прославиться добродѣтелями и должнымъ образомъ совершалъ жертвоприношенія. И въ то время, какъ Небо охраняло и направляло домъ Иня, государи, въ свою очередь, старались не лишиться милости Божіей и совершать достойныя дѣла, угодныя Небу. Но въ наше время ихъ преемникъ забылъ пути, заповѣданные Небомъ... Предаваясь лѣни и распущенности, онъ уклонился отъ чистыхъ пред-

писаній Неба и лишился народнаго уваженія. Поэтому Шангъ-ти пересталъ ему покровительствовать и послалъ великое бѣдствіе, которому мы были свидѣтелями. Небо отступилось отъ него, потому что онъ не старался проявить добродѣтели... Правителямъ нашего Чоу за ихъ заслуги предназначено было выполнить дѣло Ти и пресѣчь династію Инь. Они это совершили и возвѣстили Богу о своемъ отомщеніи. Въ нашемъ дѣлѣ мы преслѣдовали только эту единственную цѣль; вы, приверженцы царской династіи Инь, должны слѣдовать за нами". Тутъ проводился взглядъ, впослѣдствіи подтвержденный Конфуціемъ, что царь можетъ занимать престолъ лишь до тѣхъ поръ, пока онъ слѣдуетъ предписаніямъ Неба, но если только онъ уклонится отъ истиннаго пути, то народъ въ правѣ свергнуть его. О добродѣли и мудрости князя Чоу Конфуцій не могъ достаточно наговориться и считалъ для себя признакомъ паденія, если хоть на минуту переставалъ возноситься къ этому великому образцу.

Преемникомъ князя Чоу былъ Кьюнъ-Ч'инъ, которому досталось вице-королевство съ восточною столицей. Когда онъ вступалъ въ должность, то царь Чингъ обратился къ нему съ пространною рѣчью, въ которой указывалъ на достойный подражанія примѣръ его знаменитаго предшественника. Царь особенно настаивалъ на томъ, чтобы онъ своимъ примѣромъ и поведеніемъ вліялъ на народъ, говоря: „Ты — вѣтеръ, а чернь — трава". Народъ, по его мнѣнію, рождается добрымъ, и виновенъ правитель, который допускаетъ, чтобы онъ познавалъ зло и уклонялся съ пути истиннаго. Судя по всѣмъ отзывамъ, Кьюнъ-Ч'инъ былъ достойнымъ замѣстителемъ великаго князя. Имперія продолжала еще процвѣтать до самаго конца царствованія Чинга (въ 1079 г. до Р. Х.).

Сынъ послѣдняго монарха, К'ангъ, вступая на престолъ намѣревался идти по стопамъ Вана и Ву, которые, по его выраженію, были „высокосправедливы и обогатили народъ". Но онъ не достигъ той степени совершенства, какъ вышеупомянутые правители. Царствованіе его было продолжительно, но еще задолго до окончанія его (въ 1051 г.) были посѣяны сѣмена смутъ и раздора, которымъ суждено было скоро взойти. Книга Исторіи умалчиваетъ объ его смерти и о царствованіи его преемника Чао, но Историческая Лѣтопись, упоминая о смерти К'анга, гласитъ: „Чао нѣсколько уклонился отъ царскаго пути. Царь отправился осматривать южную границу и ужъ больше не возвращался. Онъ нашелъ смерть въ рѣкѣ".

О слѣдующемъ правителѣ, Мухъ-Вангѣ, Историческая Лѣтопись говоритъ, что онъ еще больше удалился отъ пути Вана и Ву. Самымъ выдающимся событіемъ его царствованія было то, что,

достигнувъ столѣтняго возраста, онъ издалъ уложеніе о наказаніяхъ, въ которомъ опредѣлилъ денежныя пени за различныя преступленія. Китайскіе историки ставятъ ему это въ вину, считая, что онъ такимъ законоположеніемъ далъ толчокъ къ системѣ оффиціальныхъ подкуповъ, которая причинила въ Китаѣ такъ много зла.

До сихъ поръ мы слѣдили только за судьбой главной провинціи Чоу, такъ какъ до восшествія на престолъ царя Муха, когда, по словамъ Исторической Лѣтописи, „пути царей Вана и Ву были забыты", исторія этой провинціи въ сущности была исторіей всей имперіи. Но власть верховнаго правителя надъ вассалами стала ослабѣвать, и безпокойные, безконтрольные властители отдѣльныхъ провинцій, на которыя подраздѣлялся Китай, стремились расширять свои владѣнія на счетъ сосѣдей и верховнаго правителя.

Въ описываемую эпоху китайцы еще держались береговъ Желтой рѣки, по теченію которой они пришли въ эту страну и образовали въ предѣлахъ Собственнаго Китая, по обоимъ берегамъ Желтой рѣки, нѣсколько провинцій между 33° и 38° широты и 106° и 119° долготы. Царская провинція Чоу занимала часть нынѣшней провинціи Хонанъ. Къ сѣверу отъ нея находилось могущественное княжество Цинъ, занимавшее нынѣшнюю провинцію Шанси и часть Чи-ли. Къ югу отъ Ян-Цзы-Кіанга простиралось варварское княжество Ц'у. На востокъ до самаго берега моря шелъ рядъ мелкихъ княжествъ, изъ которыхъ главными были: Ц'и, Лу, Вей, Сунгъ и Чингъ; а къ западу отъ Желтой рѣки находилось княжество Ц'инь, которому предназначено было подчинить себѣ другіе враждебные удѣлы.

Съ утвержденіемъ династіи Чоу, царь Ву распредѣлилъ эти удѣлы между членами своей семьи, своими союзниками и потомками древнихъ добродѣтельныхъ царей. Каждый князь могъ управлять своимъ удѣломъ по собственному усмотрѣнію, не уклоняясь лишь отъ общихъ принциповъ, выработанныхъ исторіей; а въ случаѣ столкновеній между отдѣльными князьями, рѣшеніе спора предоставлялось правителю главнаго удѣла, который долженъ былъ наказать виновнаго. Понятно, что при такой системѣ легко могли возникать недоразумѣнія, и какъ только авторитетъ главнаго правителя сталъ падать вслѣдствіе неспособности преемниковъ Ву, Чинга и К'анга, такъ среди князей появились постоянныя междоусобія. Сосѣдъ возставалъ на сосѣда, и, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, маленькіе удѣлы попадали въ чужія руки, несмотря на то, что они усиленно взывали о помощи къ общественному правителю. Такъ какъ династія Чоу пришла

въ упадокъ, то рѣшено было передать главенство и царскія обязанности одному изъ самыхъ могущественныхъ князей, а царю оставить только титулъ и номинальную власть. Дѣйствительно, управленіе Китая въ эту эпоху очень напоминало систему, которая до сравнительно недавняго времени *) держалась въ Японіи. Вмѣсто микадо, шогуна и правителей — даймiосовъ, здѣсь были: царь, главный начальникъ и князья. Въ общихъ чертахъ сходство было весьма близкое, но судьба этой системы въ обѣихъ странахъ была различна. Помимо приписываемаго микадо божественнаго происхожденія, которое поддерживало его авторитетъ, еще и географическое положеніе Японіи на группѣ острововъ не благопріятствовало внѣшнему вмѣшательству въ политическія дѣла, тогда какъ китайскія княжества граничили съ полуварварскими странами, которыя непрерывно враждовали съ ними.

Глубокая почтительность Конфуція къ дому Чоу не позволила ему описать царствованій, послѣдовавшихъ между смертью Муха (въ 946 г. до Р. Х.) и восшествіемъ на простолъ П'инга (въ 770 г. до Р. Х.). Цари смѣняли другъ друга и оставляли своимъ преемникамъ въ наслѣдіе все возраставшія смуты. Въ царствованіе Сюана (827 — 781 г.) лучъ свѣта какъ будто озарилъ непроглядную тьму. Хотя Сюану и не удалось достигнуть совершенства, которымъ отличались основатели династіи, но все же онъ старался слѣдовать ихъ примѣру. По вѣрованіямъ китайцевъ, Небо за его добродѣтельныя стремленія дало ему царствовать около полувѣка.

Преемникъ его, Ю „Темный“ не проявилъ такихъ высокихъ качествъ. Въ его царствованіе не произошло никакихъ свѣтлыхъ событій, и, по настоянію своей любимой фаворитки, онъ совершилъ такія дѣянія, которыя ставятъ его на одну доску съ Кіе и Шоу. Землетрясенія, грозы и затменія стали такимъ же обычнымъ явленіемъ, какъ и въ послѣдніе дни династій Хіа и Шангъ. Столицу его осадилъ тесть его, князь Шинъ, въ союзѣ съ варварами, такъ какъ Ю, по настоянію своей фаворитки, прогналъ отъ себя жену. Пытаясь бѣжать отъ враговъ, Ю былъ убитъ. Описанное событіе пресѣкло западную династію Чоу.

На этомъ пунктѣ оканчивается также Книга Исторіи, и разсказъ о смутахъ и междоусобіяхъ, постигшихъ страну, Конфуцій ведетъ уже въ лѣтописи „Весна и Осень“. Трудно представить себѣ болѣе ужасную картину гражданской борьбы. Страна была истощена и разорена, земледѣліе заброшено, мирная семейная жизнь нарушена, и знаменіемъ времени стали сплошной грабежъ и война.

---

[1]) Вплоть до революціи 1868 года, когда феодальная система и шогунатъ были упразднены. *Прим. перев.*

ГЛАВА II.

Біографія Конфуція.

Таково было положеніе Китая ко времени рожденія Конфуція [1]) (въ 551 г. до Р. Х.). Свѣдѣнія о родителяхъ мудреца довольно скудны. Извѣстно только, что отецъ его, Шу-Ліангъ-Хей, былъ на военной службѣ и славился необыкновеннымъ ростомъ, силою и удивительною храбростью, и что мать его звали Іенъ-Чингъ-Цай. Хею было семьдесятъ лѣтъ, когда онъ женился. Онъ уже не чаялъ имѣть наслѣдника и потому съ особенною радостью привѣтствовалъ рожденіе сына, которому суждено было увѣковѣчить свою славу.

Преданіе гласитъ, что ребенокъ родился въ пещерѣ горы Ни, куда Чингъ-Цай удалилась, на основаніи полученнаго ею откровенія. Но это лишь одна изъ многочисленныхъ, излюбленныхъ китайскими историками легендъ о рожденіи Конфуція. Изъ того же желанія возвеличить мудреца, они повѣствуютъ, какъ чудесныя знаменія предвозвѣстили это событіе, какъ драконы предсказали Чингъ-Цай объ ожидавшей ее великой чести и какъ феи были воспріемницами ея сына.

О дѣтскихъ годахъ Конфуція почти ничего не извѣстно. Повидимому, онъ рано сталъ проявлять склонность къ обрядамъ, такъ какъ говорится, что ребенкомъ онъ любилъ въ играхъ разставлять священные сосуды и устраивать церемоніи. Подрастая онъ серіозно взялся за изученіе исторіи. Съ любовью и почтеніемъ мысленно обращался онъ къ великимъ и добрымъ Яо и Шуну, которые царствовали

«Въ золотой вѣкъ, полный золотыхъ дѣяній».

Въ пятнадцать лѣтъ Конфуцій „склонилъ свой умъ къ ученію", а въ девятнадцать женился на дѣвушкѣ изъ княжества Сунгъ. Какъ многіе великіе люди, онъ былъ несчастливъ въ супружеской жизни и подъ конецъ развелся съ женою, дождавшись все-таки рожденія сына.

[1]) Конфуцій есть латинизированное (Confucius) китайское имя Кунгъ-Фу-Цзы. Мудрецъ носитъ еще прозвище Кунгъ-Кью, такъ какъ голова его своей формой напоминала вершину горы Кью. *Прим. перев.*

Бѣдность принудила Конфуція вскорѣ послѣ женитьбы взять мѣсто смотрителя хлѣбныхъ амбаровъ, а черезъ годъ онъ получилъ повышеніе и сдѣлался надзирателемъ государственныхъ земель. Находясь на послѣдней должности, онъ уже пользовался такой извѣстностью и уваженіемъ, что когда у него родился сынъ, то князь, въ честь этого событія, прислалъ ему въ подарокъ карпа, и ребенокъ былъ названъ Ли (что по-китайски означаетъ карпъ). Имя Ли рѣдко упоминается въ біографіяхъ Конфуція, и изъ нѣкоторыхъ указаній ясно, что онъ не пользовался особенною любовью отца. „Слышалъ ли ты отъ своего отца другія поученія, кромѣ тѣхъ, которыя онъ давалъ намъ всѣмъ?“ спрашивалъ его одинъ изъ любознательныхъ учениковъ Конфуція. „Нѣтъ,— отвѣчалъ Ли.— Однажды, когда я поспѣшно проходилъ по двору, онъ спросилъ меня: „Читалъ ли ты оды?“ На мой отвѣтъ: „Нѣтъ еще“, онъ замѣтилъ: „Если ты не изучишь одъ, то не сможешь толковать о нихъ“. Въ другой разъ на томъ же мѣстѣ и при тѣхъ же обстоятельствахъ онъ спросилъ меня: „Читалъ ли ты Правила Благопристойности?“ На мой отвѣтъ: „Нѣтъ еще“, онъ замѣтилъ: „Если ты не изучишь Правилъ Благопристойности, то твой характеръ не установится“.— „Я спрашивалъ одну вещь,—воскликнулъ восторженный ученикъ,— а узналъ цѣлыхъ три: я узналъ объ одахъ, узналъ о правилахъ благопристойности и узналъ, что высшій человѣкъ относится сдержанно къ своему сыну“.

Двадцати-двухъ лѣтъ Конфуцій покинулъ службу и посвятилъ свое время на обученіе группы серіозныхъ и восторженныхъ учениковъ. Лѣнивыхъ или тупыхъ онъ не принималъ. „Я не открываю истины тѣмъ,— говорилъ онъ,— кто не жаждетъ познанія, и не помогаю тѣмъ, кто не хочетъ давать себѣ отчета. Если я покажу одну сторону предмета, а слушатель по ней не сможетъ узнать остальныхъ трехъ, то я ему больше не даю урока“.

Двадцати-восьми лѣтъ отъ роду Конфуцій надумалъ учиться стрѣльбѣ изъ лука, а въ послѣдующіе годы бралъ уроки музыки у знаменитаго учителя Сіанга.

Въ тридцать лѣтъ онъ, по собственному выраженію, уже „стоялъ твердо“. Къ этому времени слава его возрасла, и многіе благородные юноши записались въ число его учениковъ. Когда же онъ выразилъ желаніе посѣтить императорскій домъ Чоу, чтобы побесѣдовать о древнихъ церемоніяхъ съ Лао-Таномъ, основателемъ секты таоистовъ, то правитель тотчасъ же прислалъ въ его распоряженіе колесницу и лошадей.

Питая величайшее уваженіе къ основателямъ династіи Чоу, Конфуцій съ особеннымъ интересомъ посѣтилъ столицу Лу. Съ

восторгомъ обошелъ онъ храмъ, пріемныя комнаты, жертвенныя помѣщенія и дворецъ, а въ заключеніе осмотрѣлъ форму и расположеніе различныхъ жертвенныхъ и церемоніальныхъ сосудовъ и обратился къ ученикамъ съ словами: „Теперь я понимаю, отчего князь Чоу былъ такимъ мудрымъ, и отчего его домъ достигъ царской власти“. Главною цѣлью поѣздки Конфуція въ Чоу было все-таки свиданіе съ Лао-Цзы. О бесѣдѣ этихъ двухъ, весьма не сходныхъ людей, мы имѣемъ различныя показанія. Конфуціанскіе писатели обыкновенно лишь вскользь упоминаютъ объ этомъ

Конфуцій и его ученикъ Менцій.

фактѣ, но послѣдователи Лао-Цзы утверждаютъ, что Конфуцій встрѣтилъ рѣзкій пріемъ отъ своего болѣе аскетическаго современника, который смотрѣлъ свысока на великаго апостола древности. Весьма естественно, что Лао-Цзы, проповѣдывавшій, будть высшія блага — это покой и самоуничиженіе, могъ направито свои нападки на человѣка, стоявшаго за строгое выполненіе церемоній и сознательныя добрыя дѣла. Даже разсчитанныя движенія и интонація Конфуція въ соединеніи съ тою гордостью, которая кроется подъ видомъ смиренія, должны были раздражать метафизика-казначея. Но для Конфуція весьма характерно, что, несмотря на вызовъ противника, онъ воздержался отъ возраженій. Нигдѣ не упоминается, чтобы онъ вообще когда-либо сво-

рился. При столкновеніи съ противникомъ, по его правиламъ, нужно было отступить. „Мудрецъ,—говорилъ Конфуцій,—не войдетъ въ шаткое государство и не будетъ жить въ безпорядочной странѣ. Если правительство держится истинныхъ принциповъ, то онъ показывается, а въ противномъ случаѣ онъ скрывается". Проводя тотъ же взглядъ въ частной жизни, Конфуцій неизмѣнно отказывался спорить.

Возможно, что именно въ связи съ описаннымъ происшествіемъ, онъ обратилъ вниманіе своихъ учениковъ на металлическую статую человѣка съ тройною пряжкой на устахъ, стоявшую въ поминальной кумирнѣ. На спинѣ статуи находилась слѣдующая надпись: „Древніе были осмотрительны въ рѣчахъ, и, подобно имъ, мы должны избѣгать многословія. Многорѣчивость ведетъ ко многимъ промахамъ. Не беритесь также разомъ за много дѣлъ, ибо множество дѣлъ порождаетъ и множество затрудненій". „Смотрите, дѣти мои, — сказалъ Конфуцій, указывая на эту надпись: — вотъ справедливыя слова, которыми намъ нужно руководиться".

Собравъ въ Чоу всѣ желаемыя справки, Конфуцій возвратился въ Лу, гдѣ число учениковъ его быстро возрастало, пока не достигло трехъ тысячъ. Онъ, однако, въ Лу пробылъ недолго, такъ какъ три главныя фамиліи этой области: Ки, Шу и Мангъ, послѣ продолжительныхъ смутъ, объявили войну правительствующему князю и разбили его армію. Князь принужденъ былъ искать убѣжища въ области Ц'и, и Конфуцій послѣдовалъ за нимъ. По пути Конфуцій увидѣлъ женщину, рыдавшую у чьей-то могилы, и, растроганный ея горемъ, послалъ своего ученика Цзы-Лу узнать объ его причинѣ. „Ты плачешь такъ, какъ будто перенесла цѣлый рядъ страданій!" сказалъ Цзы-Лу. „Ахъ!—отвѣчала женщина.—Моего свекра растерзалъ тигръ, моего мужа постигла та же участь, а теперь такою же смертью погибъ мой сынъ".—„Отчего же ты не уйдешь отсюда?" спросилъ Конфуцій. „Оттого, что здѣсь нѣтъ притѣсненій правительства", отвѣчала женщина. Тогда Конфуцій сказалъ своимъ ученикамъ: „Замѣтьте, дѣти, что притѣсненія правительства хуже лютаго тигра".

Быть можетъ, Конфуція привлекало въ Ц'и то обстоятельство, что тамъ при дворѣ еще процвѣтала музыка императора Шуна. По крайней мѣрѣ, извѣстно, что, услышавъ въ столицѣ звуки желанной музыки, онъ пришелъ въ неописанный восторгъ и потомъ три мѣсяца не вкушалъ мясной пищи. „Я никогда не думалъ,—говорилъ онъ,—что музыка можетъ достигнуть такой степени совершенства".

Узнавъ о пріѣздѣ мудреца, князь Ц'и, по имени Кингъ, по-

слалъ за нимъ и послѣ нѣсколькихъ бесѣдъ со своимъ почетнымъ гостемъ рѣшилъ взять его подъ свое покровительство и подарить ему городъ Линъ-кью со всѣми угодьями. Но Конфуцій отклонилъ этотъ подарокъ и сказалъ ученикамъ: „Высшій человѣкъ принимаетъ награду только за оказанныя услуги; я, правда, подавалъ совѣты князю Кингу, но онъ до сихъ поръ не слѣдовалъ имъ и вдругъ хочетъ сдѣлать мнѣ подарокъ. Онъ совсѣмъ не понимаетъ меня". Тѣмъ не менѣе Конфуцій продолжалъ бесѣдовать съ княземъ о политикѣ и поучалъ его, что хорошимъ можно назвать такое управленіе, „гдѣ государь бываетъ государемъ, министръ — министромъ, отецъ—отцомъ и сынъ—сыномъ".— „Прекрасно,—сказалъ князь.—Но если государь не будетъ государемъ, министръ не будетъ министромъ, отецъ не будетъ отцомъ и сынъ не будетъ сыномъ, а я имѣю доходъ, то могу ли я имъ пользоваться?"

Князь Кингъ не былъ безукоризненнымъ ученикомъ, но проявлялъ хорошія наклонности и, между прочимъ, надумалъ назначить жалованье Конфуцію, чтобы удержать его при себѣ; однако, Ганъ-Ингъ, первый министръ, убѣдилъ князя не дѣлать этого. „Эти ученые,—говорилъ министръ,—непрактичны, и имъ нельзя подражать. Они высокомѣрны и такъ мнятъ о себѣ, что не удовлетворятся незначительнымъ положеніемъ. Они придаютъ большое значеніе всѣмъ погребальнымъ обрядамъ, всячески выражаютъ свою печаль и тратятъ все состояніе на пышныя похороны, что не согласно съ нашими простыми обычаями. У этого Кунгъ-Фу-Цзы (Конфуція) тысяча странностей. Нужны вѣка, чтобы выполнить всѣ извѣстныя ему церемоніи. Теперь не время разбираться въ его правилахъ благопристойности. Если ты хочешь, государь, съ его помощью измѣнить обычаи Ц'и, то забота о твоемъ народѣ отойдетъ на второй планъ". Эти разсужденія сильно повліяли на князя, и въ ближайшій разъ, выслушивая совѣтъ Конфуція, онъ оборвалъ его замѣчаніемъ: „Я слишкомъ старъ, чтобы принять новое ученіе".

Тогда Конфуцій опять возвратился въ Лу, гдѣ засталъ прежнія смуты. Бразды правленія находились въ рукахъ вождя самой сильной въ то время партіи. Въ виду неблагопріятныхъ условій, Конфуцій не взялъ никакой службы и все свободное время употреблялъ на составленіе Книги Поэзіи и Книги Исторіи.

Мало-по-малу порядокъ былъ возстановленъ, и Конфуцій могъ принять должность намѣстника города Чунгъ-ту, предложенную ему княземъ Тингомъ.

Тутъ ему представился случай провести на дѣлѣ свои принципы управленія, и результатъ отчасти оправдалъ его ожиданія. Онъ выработалъ правила, касающіяся народнаго быта, и точные

погребальные обряды; опредѣлилъ, какая пища подходитъ для старыхъ и какая для молодыхъ, и облегчилъ возможность развода. Слѣдствіемъ этихъ мѣръ было то, что, какъ при королѣ Альфредѣ, можно было оставить вещь на большой дорогѣ, и она не пропадала. При Конфуціи на сосудахъ не встрѣчалось поддѣльной рѣзьбы, гробы дѣлались положенной толщины, на могилахъ не воздвигали холмовъ и на рынкахъ не существовало двухъ цѣнъ на одинъ и тотъ же товаръ. Изумленный князь спросилъ однажды мудреца, можно ли примѣнить принципы его управленія ко всей провинціи. „Разумѣется,— отвѣтилъ Конфуцій:—и не только къ провинціи Лу, но и ко всей имперіи". Далѣе, князь назначилъ Конфуція помощникомъ надзирателя работъ, а вскорѣ послѣ того—министромъ юстиціи. Здѣсь также начинанія его были чрезвычайно успѣшными. Говорятъ, что съ назначеніемъ его судьею, преступленія совершенно исчезли, и уголовные законы оставались мертвою буквой.

Конфуцій считалъ мужество одною изъ высшихъ добродѣтелей, и къ описанному періоду его дѣятельности относятся два факта, свидѣтельствующіе о томъ, что онъ самъ въ высокой степени обладалъ и нравственнымъ, и физическимъ мужествомъ. Когда тѣло изгнанника, князя Чоу, было привезено изъ Ц'и для погребенія, то фактическій князь, глава фамиліи Ки, распорядился похоронить его въ сторонѣ отъ его предковъ. Конфуцій, узнавъ объ этомъ, приказалъ обнести кладбище рвомъ такъ, чтобы включить въ него и новую могилу. „Клеймить князя и подчеркивать его вину несогласно съ этикетомъ,—говорилъ онъ Ки.—Я велѣлъ включить могилу въ кладбище, чтобы такимъ образомъ скрыть ваше вѣроломство". Смѣлый поступокъ Конфуція остался безнаказаннымъ.

Другое событіе произошло нѣсколькими годами позже, во время свиданія между князьями Лу и Ц'и, на которомъ Конфуцій присутствовалъ въ качествѣ церемоніймейстера. По его настоянію, на мѣстѣ свиданія правителей было устроено возвышеніе съ тремя ступенями, куда поднялись оба князя, и, обмѣнявшись привѣтствіями, приступили къ обсужденію мирнаго договора. Однако, князь Ц'и замыслилъ измѣну, и, по данному имъ знаку, толпа дикарей съ барабаннымъ боемъ обступила князя Лу, намѣреваясь схватить его. Въ минуту величайшей опасности Конфуцій бросился къ возвышенію и увелъ князя Лу. Послѣ смутъ, въ которыхъ Конфуцій держался стойко и твердо, договоръ все-таки былъ заключенъ, и даже часть земли, къ югу отъ рѣки Ванъ, захваченная удѣломъ Ц'и, по настоянію мудреца, была возвращена княжеству Лу. Въ память этого происшествія населеніе Лу на

возвращенной территоріи выстроило городъ, который назвали „городомъ исповѣди“.

Но возвратимся къ дѣятельности Конфуція на посту министра юстиціи. Какъ ни успѣшны были результаты его системы, все же они нѣсколько преувеличены въ описаніяхъ его послѣдователей. Преступность, несомнѣнно, уменьшилась, но все-таки не исчезла. Біографы Конфуція разсказываютъ объ одномъ дѣлѣ, которое, вѣроятно, было ему особенно непріятно. Къ нему однажды пришелъ отецъ съ жалобой на непокорнаго сына, ожидая встрѣтить поддержку со стороны судьи, который придавалъ такое значеніе сыновней почтительности. Но, къ удивленію всѣхъ присутствующихъ, Конфуцій присудилъ и отца, и сына къ тюремному заключенію, а на увѣщанія главы фамиліи Ки отвѣчалъ: „Долженъ ли я наказывать за нарушеніе сыновней почтительности человѣка, котораго не воспитывали въ этомъ чувствѣ? Развѣ тотъ, кто не внушаетъ сыну его обязанностей, не виновенъ наравнѣ съ согрѣшившимъ сыномъ? Человѣкъ не рождается преступнымъ, поэтому отецъ семейства и правительство страны отвѣтственны за нарушеніе сыновней почтительности и общественныхъ законовъ. Если царь по безпечности не издаетъ законовъ, а только караетъ по буквѣ закона, то это не честно; если онъ взимаетъ налоги произвольно, безъ предупрежденія, то онъ является притѣснителемъ; если же онъ присуждаетъ къ смертному наказанію народъ, котораго не поучалъ, то совершаетъ жестокость“.

На этомъ Конфуцій неоднократно настаивалъ и старался словомъ и дѣломъ поддерживать вышеупомянутые принципы. Въ присутствіи князя, своего патрона, Конфуцій находилъ нужнымъ держаться съ почтительнымъ смиреніемъ. Когда онъ входилъ во дворецъ или проходилъ мимо трона, выраженіе лица его измѣнялось, колѣни подъ нимъ подкашивались, и говорилъ онъ, словно ему трудно было произносить слова. Если на него выпадала обязанность нести царскій скипетръ, то онъ сгибался такъ, словно не могъ выдержать его тяжести. Если князь навѣщалъ его во время болѣзни, то онъ принималъ его, лежа головой на востокъ и одѣтый въ придворное платье съ поясомъ. Если князь посылалъ ему въ подарокъ вареное мясо, то онъ тщательно оправлялъ свою рогожку и отвѣдывалъ кушанья. Если мясо было сырое, то онъ приносилъ его въ жертву духамъ предковъ, но животныхъ, присланныхъ въ подарокъ, онъ никогда не убивалъ.

На сельскихъ праздникахъ онъ всегда шелъ позади, а не впереди старшихъ. Во всемъ, что его касалось, онъ держался простоты и искренности. Съ низшими придворными чинами онъ говорилъ свободно, а въ обращеніи съ высшими чинами былъ

почтительнымъ, но точнымъ. Онъ съ уваженіемъ относился ко всѣмъ обрядамъ, и даже во время ежегодныхъ дикихъ собраній, имѣвшихъ цѣлью отгонять вліяніе чумы, онъ стоялъ въ придворномъ платьѣ на восточныхъ ступенькахъ своего дома и принималъ буйныхъ заклинателей, какъ дорогихъ гостей. Если князь посылалъ за нимъ, чтобы присутствовать на пріемѣ гостя изъ царской фамиліи, то онъ совершенно преображался. Онъ низко кланялся чиновникамъ, среди которыхъ находился, и, если его посылали встрѣтить гостя у воротъ, то онъ „спѣшилъ съ руками, распростертыми, какъ крылья птицы“. Усматривая въ завываньѣ грозы и бури голосъ Неба, онъ мгновенно мѣнялся въ лицѣ при ударѣ грома или сильномъ порывѣ вѣтра.

Въ основѣ этихъ мелочей лежитъ извѣстный принципъ, вслѣдствіе чего онѣ и не производятъ впечатлѣнія такого искусственнаго формализма, какъ можно было бы ожидать при иныхъ условіяхъ. Подобно другимъ древнимъ мудрецамъ, Конфуцій особенно вѣрилъ въ силу примѣра. „Какого вы мнѣнія о томъ, чтобы казнить смертью безнравственныхъ людей ради блага нравственныхъ?“ спросилъ его однажды глава фамиліи Ки. „Государь, — отвѣчалъ Конфуцій, — зачѣмъ вы вообще прибѣгаете къ смертному наказанію? Пусть всѣ ваши, даже сокровеннѣйшія желанія будутъ направлены къ добру, и тогда вашъ народъ будетъ добрымъ“. Затѣмъ, приводя слова Чинга, онъ добавилъ: „Высшіе относятся къ низшимъ, какъ вѣтеръ къ травѣ. Трава склоняется туда, куда дуетъ вѣтеръ“. Во всякую минуту, дома или въ пути, за столомъ или въ постели, за занятіями или за отдыхомъ, Конфуцій старался своимъ поведеніемъ и примѣромъ оказывать вліяніе на другихъ людей и до извѣстной степени достигалъ своей цѣли. Ему удалось одолѣть цѣлый рядъ укрѣпленныхъ городовъ, которые служили разсадниками смутъ и раздоровъ, и, благодаря ему, могущество главнаго князя еще возрасло. Онъ внушалъ мужчинамъ духъ честности и вѣрности, а женщинъ поучалъ кротости и цѣломудрію. По преданію, миръ, господствовавшій въ Лу, привлекъ въ это княжество массу иностранцевъ; такимъ образомъ, на дѣлѣ осуществилось древнее понятіе о хорошемъ государствѣ, неоднократно приводимое Конфуціемъ: „Народъ былъ счастливъ, и чужеземцы стремились туда издалека“.

Самъ Конфуцій убѣдился въ невозможности осуществить всѣ свои теоріи на практикѣ, а его опытъ въ должности министра юстиціи показалъ ему, что простого примѣра еще недостаточно, чтобы вести народъ по пути добродѣтели. Чрезъ нѣсколько времени послѣ вступленія въ эту должность онъ подписалъ смертный приговоръ одному, очень извѣстному гражданину, по имени Шао,

за нарушеніе общественной тишины. Это противорѣчіе съ принципомъ, который Конфуцій такъ настойчиво проводилъ, удивило его учениковъ, и Цзы-Кунгъ, высказалъ ему упрекъ за казнь столь знатнаго человѣка. Но Конфуцій стоялъ за необходимость этой мѣры. „Есть на свѣтѣ пять великихъ золъ,—говорилъ онъ:—это—вредный человѣкъ съ мятежнымъ духомъ; человѣкъ, соединяющій въ себѣ порочность дѣлъ съ крутымъ нравомъ; человѣкъ, завѣдомо лживый; человѣкъ, замышляющій пагубные поступки и подстрекающій къ нимъ; человѣкъ, склонный ко злу и питающій зло. Всѣ эти недостатки соединялись въ лицѣ Шао. Его домъ былъ притономъ для ненавистниковъ; слова его были достаточно правдоподобны, чтобы сбивать людей съ толку, а противодѣйствіе его было достаточно сильно, чтобы погубить даже независимаго человѣка".

Однако, несмотря на нѣкоторыя уклоненія Конфуція отъ намѣченныхъ имъ принциповъ, народъ гордился его управленіемъ, и въ пѣсняхъ, за работой, прославлялъ его, какъ спасителя отъ гнета и несправедливости.

Конфуцій былъ энтузіастомъ, и неудача предпринятой имъ реформы ни на минуту не вызывала въ немъ сомнѣнія въ непогрѣшимости его системы. Онъ полагалъ, что выработанный имъ порядокъ управленія могъ оказать благотворное вліяніе на народъ и правителя не только въ его родномъ княжествѣ, но и во всѣхъ сосѣднихъ странахъ. Но что же вышло на дѣлѣ? Благоденствіе народа Лу не только не побудило князя Ц'и ввести въ своей странѣ такую же систему, а лишь вызвало въ немъ зависть. „Если Конфуцій будетъ стоять во главѣ управленія, то княжество Лу сдѣлается самымъ могущественнымъ, и тогда его ближайшему сосѣду Ц'и не сдобровать. Попробуемъ-ка умилостивить его, уступивъ ему участокъ земли", такъ говорилъ князь Ц'и, но одинъ дальновидный министръ посовѣтовалъ лучше тѣмъ или инымъ путемъ подорвать вліяніе Конфуція и навлечь на него немилость его патрона.

Первымъ дѣломъ князь Ц'и послалъ въ подарокъ князю Тингу восемьдесятъ прекрасныхъ дѣвушекъ, искусныхъ въ музыкѣ и танцахъ, и сто-двадцать великолѣпнѣйшихъ лошадей. Предположенія министра вполнѣ оправдались. Дѣвушки были взяты въ княжескій гаремъ, лошади были поставлены въ княжескія конюшни, а Конфуцію предоставлено было размышлять на свободѣ о безуміи людей, которые предпочитаютъ пѣніе дѣвушекъ изъ Ц'и мудрости Яо и Шуна. Время шло, а князь и не думалъ очнуться отъ заблужденій. Онъ запустилъ государственныя дѣла и подъ конецъ три дня вовсе не принималъ министровъ.

„Учитель,—сказалъ Цзы-Лу,—пора вмѣшаться!“ Но Конфуцій, задѣтый за живое, хотѣлъ произвести еще одинъ опытъ. Приближался срокъ великаго жертвоприношенія Небу во время солнцестоянія, о которомъ онъ не разъ бесѣдовалъ съ княземъ, и онъ надѣялся, что воспоминаніе объ его серіозныхъ рѣчахъ призоветъ князя къ исполненію своихъ обязанностей. Однако, легкомысленныя соперницы Конфуція еще не утратили своей власти надъ княземъ, въ которомъ наступленіе великаго торжества не пробудило ни малѣйшихъ угрызеній совѣсти. Тогда Конфуцій покинулъ свою должность и удалился изъ столицы.

Разочаровавшись въ князѣ Лу, онъ, однако, вовсе не помышлялъ отказаться отъ своей роли реформатора. „Если бы кто-нибудь изъ князей призвалъ меня къ себѣ,—говорилъ онъ,—то въ двѣнадцать мѣсяцевъ я произвелъ бы значительныя перемѣны, а въ три года усовершенствовалъ бы управленіе“. Но духъ времени не благопріятствовалъ мудрецу. Борьба за главенство между отдѣльными князьями, которая тянулась нѣсколько вѣковъ, достигла особеннаго напряженія и, хотя еще нельзя было опредѣлить, будетъ ли побѣда на сторонѣ Цинъ, Ц'у или Ц'инъ, но уже не подлежало сомнѣнію, что правитель Чоу лишится своего первенства. Конечно, людямъ, сражавшимся за обладаніе отживающимъ княжествомъ, странно было бы приглашать къ себѣ министра, который первымъ дѣломъ постарался бы вдохнуть жизнь въ мертвыя кости Чоу. Это вскорѣ сдѣлалось очевиднымъ и для учениковъ Конфуція, которые наравнѣ съ нимъ, если не больше, заинтересованы были въ полученіи имъ должности; но, менѣе увлекаясь, чѣмъ онъ, воображаемымъ божественнымъ призваніемъ, ученики убѣждали его пойти на нѣкоторыя уступки. „Ваши правила совершенны,—говорилъ ему Цзы-Кунгъ,—но они не примѣнимы въ имперіи. Не лучше ли немного сбавить ихъ строгость?“.—„Хорошій земледѣлецъ,—отвѣчалъ мудрецъ,—сѣетъ, но не можетъ поручиться за урожай. Человѣкъ, очень искусный въ ремеслѣ, можетъ не найти рынка для сбыта своихъ товаровъ. Также и высшій человѣкъ можетъ разрабатывать свои принципы, но не сдѣлать ихъ примѣнимыми“.

Конфуцій рѣшилъ, однако, употребить всѣ усилія, чтобы найти желаемую арену дѣятельности, и, покинувъ Лу, отправился въ княжество Вей. Князь Вея Лингъ торжественно принялъ его, но не выказалъ желанія взять его на службу. Тѣмъ не менѣе, разсчитывая, вѣроятно, извлечь какія-нибудь выгоды изъ совѣтовъ мудреца, онъ оставилъ его при своемъ дворѣ и назначилъ ему ежегодное содержаніе въ 60,000 мѣръ хлѣба, соотвѣтствовавшее окладу, который Конфуцій получалъ въ Лу. Если бы жизненный

опытъ оправдалъ тѣ розовыя надежды, которыя Конфуцій лелѣялъ при началѣ своей общественной дѣятельности, то онъ, вѣроятно, отклонилъ бы это предложеніе, какъ за нѣсколько лѣтъ до того отказался отъ приглашенія князя Ц'и. Но нужда настоятельно побуждала его послѣдовать совѣту Цзы-Кунга и немного поступиться своими принципами. Въ Вей Конфуцій пробылъ недолго. Придворные опасались, должно-быть, чтобы онъ не пріобрѣлъ вліянія на князя, и стали интриговать противъ него, а онъ счелъ благоразумнымъ отступить передъ надвигавшейся грозой. Воспользовавшись гостепріимствомъ князя лишь въ теченіе десяти мѣсяцевъ, онъ покинулъ столицу Вей, намѣреваясь посѣтить княжество Ч'инъ.

Путь его лежалъ черезъ городъ Куангъ, который много терпѣлъ отъ грабежей извѣстнаго разбойника Янгъ-Ху. Конфуцій лицомъ былъ замѣчательно похожъ на этого нарушителя общественнаго покоя, и жители города, въ полной увѣренности, что они имѣютъ дѣло со своимъ злѣйшимъ врагомъ, оцѣпили домъ, въ которомъ Конфуцій жилъ уже дней пять. Положеніе было критическое, и ученики сильно встревожились. Но Конфуцій твердо вѣрилъ въ свое божественное призваніе и не испугался. „Развѣ послѣ смерти царя Вана истинное ученіе не вселилось въ меня?— говорилъ онъ.— Если бы Небо желало, чтобы истинное ученіе погибло, то оно не поставило бы меня въ такія отношенія съ нимъ. Но такъ какъ Небо не дастъ погибнуть истинному ученію, то что же можетъ сдѣлать мнѣ населеніе Куанга?“ Съ этими словами онъ взялъ лиру и запѣлъ, вѣроятно, какой-нибудь гимнъ изъ только что составленной имъ Книги Поэзіи, восхвалявшей мудрость древнихъ императоровъ.

По какой-то неизвѣстной причинѣ,—вѣрнѣе, убѣдившись въ своей ошибкѣ, а не подъ вліяніемъ пѣсенъ Конфуція, — толпа внезапно отхлынула, предоставивъ мудрецу идти на всѣ четыре стороны. Однако, это приключеніе отбило у него охоту къ дальнѣйшимъ странствованіямъ, и, остановившись не-надолго въ Пу, онъ возвратился обратно въ Вей. Князь опять привѣтствовалъ его при въѣздѣ въ столицу, хотя едва ли возобновилъ ему содержаніе, и даже супруга князя Нанъ-Цзы на время прекратила свои интриги и оргіи, узнавъ о возвращеніи мудреца. Въ любезномъ посланіи она просила у Конфуція аудіенціи; онъ сначала отказалъ ей, но она такъ настойчиво повторяла свою просьбу, что ему волей-неволей пришлось согласиться. Конфуцій засталъ Нанъ-Цзы за ширмой, какъ того требовалъ этикетъ, и, обмѣнявшись обычными формальностями, они свободно вступили въ бесѣду.

Цзы-Лу былъ очень смущенъ этою выходкой Конфуція и на-

шелъ ее нескромной. Отвѣтъ, полученный имъ отъ учителя, доказываетъ, что тотъ и самъ усомнился, не переступилъ ли онъ границы мудрой благопристойности. „Если я поступилъ неправильно,—воскликнулъ онъ,—пусть Небо отвергнетъ меня! Пусть Небо отвергнетъ меня!“ Тѣмъ не менѣе онъ поддерживалъ дружественныя отношенія со дворомъ и потерялъ надежду на полученіе должности въ княжествѣ Вей лишь послѣ того, какъ князь всенародно доказалъ, что не понимаетъ серіозности положенія, которое мудрецъ разсчитывалъ занять. Дѣло въ томъ, что князь поѣхалъ кататься по столичнымъ улицамъ въ одной колесницѣ съ Нанъ-Цзы, а Конфуцію приказалъ слѣдовать за ними въ другой колесницѣ. Процессія проѣзжала по базарной площади; столпившійся народъ, сразу понявъ всю нелѣпость положенія, смѣялся при мысли, что князь заставилъ добродѣтель идти по пятамъ порока. Это еще увеличило неловкость, которую Конфуцій испытывалъ въ своемъ фальшивомъ положеніи. „Я не видѣлъ ни одного человѣка,—говорилъ онъ,—который любилъ бы добродѣтель въ той же мѣрѣ, какъ красоту“. Оставаться при дворѣ, гдѣ его такъ оскорбили, было свыше его силъ, и онъ опять направилъ свои стопы на югъ въ Ч'инъ.

Удалившись отъ служебныхъ обязанностей, Конфуцій, вѣроятно, снова сталъ излагать ученикамъ свои доктрины и взгляды, о которыхъ мы поговоримъ ниже. Извѣстно, что даже на пути въ Ч'инъ онъ поучалъ своихъ учениковъ различнымъ церемоніямъ подъ тѣнью развѣсистаго дерева. Одинъ изъ чиновниковъ, Хуанъ-Туй, воспитанный въ духѣ Лао-Цзы, возмущаясь пресловутымъ „гордымъ видомъ, вкрадчивою манерой и непреклонною волей“ Конфуція, пытался не допустить его въ Ч'инъ. Эта попытка, однако, не увѣнчалась такимъ успѣхомъ, какъ нападеніе болѣе рѣшительныхъ враговъ, которые двумя годами позже аттаковали мудреца въ Пу, когда онъ направлялся въ Вей. Несмотря на мужественное сопротивленіе учениковъ, враги одолѣли, схватили Конфуція и потребовали отъ него клятвеннаго обѣщанія не идти въ Вей. Но, несмотря на данную клятву, несмотря на предшествовавшее публичное оскорбленіе, онъ туда неудержимо стремился и, вырвавшись изъ рукъ враговъ, продолжалъ свой путь въ Вей.

Это сознательное нарушеніе слова со стороны Конфуція, который училъ „считать вѣрность и искренность главными принципами“, удивило его учениковъ. Цзы-Кунгъ, который въ такихъ случаяхъ обыкновенно заводилъ съ нимъ разговоръ, спросилъ, подобаетъ ли нарушать данную клятву. Конфуцій, котораго нужда выучила изворотливости, отвѣчалъ: „Это была насильственная клятва, а такимъ клятвамъ духи не внимаютъ“.

Но возвратимся къ Конфуцію въ то время, какъ онъ бѣжалъ отъ своихъ враговъ въ Сунгѣ. Когда Хуанъ-Туй преградилъ ему путь, то онъ пошелъ на западъ въ княжество Ч'ингъ со столицей того же имени. Повидимому, ученики пришли раньше его, а самъ онъ неожиданно появился у восточныхъ воротъ города. Видъ его настолько обратилъ на себя вниманіе, что ученики скоро узнали о его прибытіи. „У восточныхъ воротъ,—разсказывалъ одинъ гражданинъ Цзы-Кунгу,—стоитъ какой-то человѣкъ съ подбородкомъ, подобнымъ Яо, съ затылкомъ, подобнымъ Као-Яо, съ плечами такой же высоты, какъ у Цзы-Чана, съ таліей на три вершка короче, чѣмъ у Ю, имѣющій видъ заблудившейся собаки". Узнавъ въ этомъ описаніи своего учителя, Цзы-Кунгъ поспѣшилъ къ нему навстрѣчу и передалъ ему слова гражданина. Конфуцій очень смѣялся и сказалъ: „Личныя примѣты еще ничего, но сказать, что я похожъ на заблудившуюся собаку, это замѣчательно, замѣчательно!"

Власти Ч'инга, однако, не выказали желанія принять на службу человѣка, хотя бы и обладающаго такими видными примѣтами, и Конфуцій пробылъ въ Ч'ингѣ только годъ. Изъ Ч'инга онъ опять намѣревался пойти въ Вей, но на пути его задержали, какъ было описано выше. Между Конфуціемъ и княземъ Вей, очевидно, существовала симпатія, если не дружба. Князь всегда радъ былъ его видѣть и охотно бесѣдовалъ съ нимъ; но, въ виду того, что Конфуцій безгранично восхищался людьми, чьи кости, по словамъ Лао-Цзы, давно разсыпались въ прахъ, и въ особенности родоначальниками династіи Чоу, князь не могъ дать ему никакого отвѣтственнаго поста. А Конфуцій, повидимому, не переставалъ надѣяться, что ему удастся склонить князя на свою сторону, и этимъ объясняется, почему онъ постоянно стремился ко двору князя Линга и столько разъ принужденъ былъ эмигрировать. Князь и на этотъ разъ, какъ всегда, встрѣтилъ Конфуція привѣтливо, но ихъ бесѣды, касавшіяся, обыкновенно, способовъ миролюбиваго управленія, теперь, по преимуществу, затрогивали военныя дѣйствія. Князь замышлялъ нападеніе на городъ Пу, жители котораго, подъ начальствомъ Хуанъ-Туя, арестовавшаго Конфуція, возстали противъ него. Сначала Конфуцій расположенъ былъ поддерживать князя въ его враждебныхъ намѣреніяхъ; но, разсудивъ, что эта экспедиція представляла серіозную опасность, такъ какъ другія княжества могли оказать поддержку Пу, онъ пришелъ къ убѣжденію, что лучше всего предоставить Хуанъ-Тую незаконно захваченную имъ территорію. Въ этомъ-то смыслѣ Конфуцій и подалъ рѣшительный совѣтъ, которому князь послѣдовалъ.

Князь старѣлся, съ годами охотно сталъ предоставлять упра-

вленіе другимъ и тяготился высокопарными поученіями Конфуція. Онъ пересталъ „примѣнять“ Конфуція, какъ выражаются китайскіе историки. Мудрецъ негодовалъ и готовъ былъ принять какое угодно предложеніе, откуда бы оно ни исходило. Въ такую минуту его позвалъ къ себѣ Пихъ-Гихъ, чиновникъ княжества Цинъ, подстрекавшій городъ Чунгъ-Моу къ возстанію противъ правителя, и Конфуцій едва было не согласился. Изучая этотъ періодъ дѣятельности Конфуція, нельзя не замѣтить, что въ его поведеніи произошла большая перемѣна. Куда дѣвалась та возвышенная любовь къ истинѣ и добродѣтели, которая характеризовала его первые шаги! Борьба не укрѣпила его, а, напротивъ, научила гнуть спину. Онъ, прежде отказывавшійся принимать незаслуженныя имъ деньги, теперь желалъ платы ни болѣе, ни менѣе, какъ за дипломатическіе совѣты, которыхъ у него по временамъ спрашивалъ князь Лингъ. Онъ, всегда осуждавшій мятежниковъ, готовъ былъ теперь пойти ко двору бунтовщика въ надеждѣ „установить“, какъ онъ однажды выразился, „восточную династію Чоу“.

Тутъ опять вмѣшался Цзы-Лу, доказывая учителю его непослѣдовательность. „Учитель,— сказалъ онъ,—ты намъ говорилъ — кто наноситъ личное оскорбленіе, съ тѣмъ высшій человѣкъ не имѣетъ дѣла. Если ты примешь приглашеніе Пихъ-Гиха, открыто бунтующаго противъ государя, то что скажетъ народъ?“ Но Конфуцій, съ обычною для него въ послѣднее время находчивостью, отвѣчалъ: „Я, дѣйствительно, говорилъ это, но развѣ, если тереть твердый предметъ, онъ не сдѣлается тоньше? Развѣ, если погрузить бѣлую вещь въ черную жидкость, она не почернѣетъ? Развѣ я подобенъ горькой тыквѣ, которую нужно отбросить, чтобы она не попала въ пищу?“ Тѣмъ не менѣе доводы Цзы-Лу подѣйствовали на него, и онъ отказался отъ своего первоначальнаго намѣренія.

Отношенія Конфуція съ княземъ оставались натянутыми, и, наконецъ, недовольный своимъ патрономъ, онъ удалился отъ его двора. Въ эту эпоху Конфуцій не имѣлъ никакихъ опредѣленныхъ доходовъ и, вѣроятно, средства къ жизни зарабатывалъ, поучая учениковъ изъ своей сокровищницы знаній, которую онъ скопилъ путемъ настойчивыхъ занятій и широкаго опыта.

Ревностные ученики Конфуція придавали такое значеніе каждому его слову и поступку, что, по ихъ указаніямъ, мы можемъ начертить полную картину его частной жизни. Для одежды, какъ мы узнаемъ, онъ выбиралъ только „корректные“ цвѣта, именно — голубой, желтый, тѣлесный, бѣлый или черный, тщательно избѣгая краснаго, такъ какъ онъ въ большомъ ходу у женщинъ и дѣвушекъ. Въ ѣдѣ онъ былъ умѣренъ, но придавалъ значеніе выбору пищи и способу ея приготовленія. Онъ ни за что не прикасался

къ сомнительному мясу или тухлому рису, не ѣлъ кушанья, неправильно нарѣзаннаго или безъ надлежащаго соуса. Онъ позволялъ себѣ вкушать лишь самое небольшое количество мяса и риса, и, хотя подобное ограниченіе не простиралось на порцію вина, дополнявшую его скромную трапезу, но говорятъ, что онъ никогда не доходилъ до опьянѣнія. Если онъ ѣхалъ въ экипажѣ, то никогда сразу не оборачивался, и, вообще, во всѣхъ дѣлахъ и поступкахъ избѣгалъ поспѣшности.

Всѣ эти подробности представляютъ особенный интересъ въ виду того, что Конфуцій оказалъ огромнѣйшее вліяніе на такую значительную часть населенія земного шара, и его указанія не относились исключительно къ высокопоставленнымъ лицамъ, а выразились, главнымъ образомъ, въ интимныхъ бесѣдахъ съ учениками и оправдались на примѣрѣ строгаго выполненія повседневныхъ обязанностей, который онъ имъ самъ подавалъ.

Конфуцій любилъ музыку и считалъ ее не только внѣшнимъ талантомъ, но и необходимымъ элементомъ воспитанія. „Гимны возбуждаютъ умъ, — говорилъ онъ, — правила благопристойности устанавливаютъ характеръ, а музыка вѣнчаетъ все зданіе“.

Искусившись въ общественной дѣятельности, Конфуцій не хотѣлъ отказаться отъ надежды на новую должность, и такъ какъ князь Вей не внималъ его совѣтамъ, то онъ рѣшилъ переселиться въ княжество Цинъ, въ надеждѣ, что Чао-Кинъ-Цзы, одинъ изъ трехъ фактическихъ правителей страны, окажется болѣе податливымъ ученикомъ. Съ этой цѣлью онъ двинулся на западъ, но, дойдя лишь до Желтой рѣки, узналъ о казни двухъ вельможъ Цина: Тухъ-Минга и Тухъ-Шунъ-Хва. Вѣсть объ этомъ событіи, указывавшемъ на смуты, послужила препятствіемъ къ его дальнѣйшему путешествію, такъ какъ онъ въ свое время говорилъ, что „высшій человѣкъ не войдетъ въ шаткое государство“. Велико было его огорченіе и разочарованіе, и, глядя на желтыя воды у ногъ своихъ, онъ вздыхалъ и шепталъ: „О, какъ эти люди были прекрасны! Эта рѣка не болѣе величественна, чѣмъ они были, а я тамъ не находился, чтобы предотвратить ихъ судьбу!“

Послѣ этого онъ опять возвратился въ Вей, гдѣ князь, занятый приготовленіями къ войнѣ, попрежнему мало расположенъ былъ слушать его поученія. Когда Конфуцій явился ко двору, то князь отказался говорить о чемъ-либо, кромѣ военной тактики, и, быть-можетъ, съ умысломъ забывая, что Конфуцій былъ сторонникомъ мира, сталъ просить у него указаній насчетъ командованія арміей. „Если вы пожелаете знать, какъ разставлять жертвенные сосуды, то я могу отвѣтить вамъ, — сказалъ мудрецъ, — но въ войнѣ я не свѣдущъ“.

Конфуцій достигъ уже шестидесятилѣтняго возраста. Положеніе княжествъ, составляющихъ имперію, все менѣе благопріятствовало его проповѣди, но, несмотря на удары судьбы, онъ не терялъ твердой вѣры въ свои силы и свое призваніе, которая характеризовала всю его дѣятельность. Убѣдившись, что князь Вей глухъ къ его увѣщаніямъ, онъ направился въ Ч'инъ искать правителя, который оцѣнилъ бы его мудрость.

На слѣдующій годъ онъ со своими учениками перешелъ изъ Ч'ина въ Ц'ае, маленькую провинцію, подвластную княжеству Ц'у. Въ тѣ времена имперія подвержена была всевозможнымъ перемѣнамъ. Въ одинъ прекрасный день изъ какого-нибудь стараго княжества выкраивалось новое, которому суждено было либо опять исчезнуть, либо разрастись. Когда Конфуцій находился въ Ц'ае то часть Ц'у объявила себя независимой, подъ именемъ Іе, и провозгласила себѣ отдѣльнаго князя. Прежде подобное возстаніе вызвало бы протестъ со стороны Конфуція, но теперь онъ не только не назвалъ князя узурпаторомъ, а, напротивъ, прибѣгнулъ къ его покровительству. Князь не зналъ, какъ ему принять Конфуція, и сдѣлалъ по этому поводу запросъ Цзы-Лу, но послѣдній, вѣроятно, ставилъ князя не выше Пихъ-Гиха и не удостоилъ его отвѣтомъ. Конфуцій нашелъ Цзы-Лу достойнымъ порицанія и спросилъ: „Почему жъ ты не сказалъ ему: это просто человѣкъ, который, въ ревностномъ стремленіи къ познанію, забываетъ про свою ѣду; который такъ радуется, достигая познанія, что забываетъ про свои горести; который не замѣчаетъ наступающей старости?"

Несмотря на мнѣніе Цзы-Лу, Конфуцій готовъ былъ завязать дружескія сношенія съ княземъ, но князь, повидимому, выказывалъ не больше склонности къ этикѣ мудреца, чѣмъ другіе правители, которымъ онъ предлагалъ свои услуги. Извѣстенъ лишь одинъ разговоръ мудреца съ княземъ, который задавалъ ему вопросы о дѣлахъ государственнаго управленія. Отвѣтъ Конфуція необыкновенно характеренъ. Большинство опредѣленій хорошаго правительства могло бы непріятно поразить человѣка, который только что вышелъ изъ-подъ власти своего государя и стоялъ во главѣ возстанія; поэтому Конфуцій постарался подыскать нѣкоторое оправданіе для новаго князя, объяснивъ его вѣроломство, какъ слѣдствіе прежняго дурного управленія страною, и отвѣтилъ словами древняго мудреца: „При хорошемъ управленіи подданные бываютъ счастливы, и чужеземцы издалека приходятъ въ страну".

Возвращаясь изъ Іе въ Ц'ае, Конфуцій дошелъ до рѣки, которую, за неимѣніемъ моста, нужно было переходить въ бродъ. Увидѣвъ, что два человѣка, въ которыхъ онъ узналъ политическихъ отшельниковъ, пахали на сосѣднемъ полѣ, онъ послалъ

своего неизмѣннаго спутника Цзы-Лу разспросить ихъ, гдѣ искать броду. „Кто тамъ держитъ возжи?“ освѣдомился первый пахарь, къ которому обратился Цзы-Лу. „Кунгъ-Кью“, отвѣчалъ тотъ. — „Кунгъ-Кью изъ Лу?“ переспросилъ пахарь. „Да“. — „Онъ знаетъ бродъ“, загадочно отвѣтилъ собесѣдникъ Цзы-Лу, принимаясь снова за работу. Неизвѣстно, былъ ли его отвѣтъ слѣдствіемъ общей вѣры во всевѣдѣніе Конфуція, или на него нужно смотрѣть какъ на попытку показать подъ видомъ притчи, что Конфуцій по своей мудрости могъ перейти рѣку смутъ, заграждающую путь къ свободѣ. Отъ второго отшельника Цзы-Лу также не добился толковаго отвѣта. „Кто вы такой?“ довольно рѣзко спросилъ его второй собесѣдникъ. Узнавъ, что Цзы-Лу — ученикъ Конфуція, этотъ человѣкъ, позаимствовавшій, вѣроятно, свои взгляды у Лао-Цзы, отвѣчалъ: „Смуты широкою волной распространяются по всей имперіи, и кто же, по вашему, положитъ имъ предѣлъ? Вмѣсто того, чтобы слѣдовать за учителемъ, который переходитъ отъ одного двора къ другому, не лучше ли вамъ послѣдовать за тѣми, которые (подобно намъ) совсѣмъ удаляются отъ міра?“ Цзы-Лу, по обыкновенію, передалъ эти слова Конфуцію, а тотъ замѣтилъ: „Невозможно жить съ птицами и звѣрями, какъ со своими равными. Съ кѣмъ же мнѣ и сообщаться, какъ не съ людьми, не съ человѣчествомъ? Если бы высокіе принципы держались въ имперіи, то мнѣ не пришлось бы странствовать изъ княжества въ княжество“.

Конфуцій въ общемъ прожилъ въ Ц'ае три года, ознаменованныхъ смутами и войнами, и совѣты его были тамъ преданы полному забвенію. Въ концѣ третьяго года княжество Ву объявило войну княжеству Ч'инъ, которое получило подмогу отъ лежащаго на югъ могущественнаго Ц'у. Поддерживая своего союзника, князь Ц'у прослышалъ, что Конфуцій находится въ Ц'ае, и рѣшилъ пригласить его къ своему двору. Онъ отрядилъ къ мудрецу пословъ съ богатыми дарами и письмомъ. Конфуцій охотно принялъ предложеніе и приготовился къ отъѣзду. Но эта новость встревожила министровъ Ц'ае и Ч'ина. „Ц'у, — говорили они, — и безъ того могущественное княжество, а Конфуцій — мудрый человѣкъ. Опытъ показалъ, что всѣ, относившіеся къ нему съ презрѣніемъ, платились за это, и если онъ успѣшно поведетъ дѣла Ц'у, то мы неминуемо погибнемъ. Мы во всякомъ случаѣ должны воспрепятствовать его переѣзду“. Подосланный ими отрядъ напалъ на Конфуція въ глухой пустынной мѣстности и преградилъ ему путь. Здѣсь его продержали въ плѣну семь дней, подвергая суровымъ лишеніямъ, и, какъ во всѣ трудныя минуты, ученики громко роптали на судьбу свою и своего учителя.

„Неужели высшій человѣкъ,—спросилъ Цзы-Лу,—долженъ выносить такія страданія?“ — „Высшему человѣку случается терпѣть лишенія,—отвѣчалъ Конфуцій,—но только заурядный человѣкъ въ бѣдѣ теряетъ самообладаніе“. Въ эту бѣдственную минуту Конфуцій обратился къ своему неизмѣнному утѣшенію: онъ игралъ на лютнѣ и пѣлъ.

Подъ конецъ ему удалось увѣдомить князя Ц'у о своемъ печальномъ положеніи. Князь отрядилъ пословъ, чтобы освободить Конфуція, и самъ выѣхалъ изъ столицы навстрѣчу ему. Онъ радушно принялъ Конфуція и, повидимому, время до времени прибѣгалъ къ его совѣтамъ, но никакой должности ему не далъ и не отвелъ ему участка земли, какъ предполагалъ раньше, такъ какъ министры воспротивились этому. „Развѣ у вашего величества,—спросилъ одинъ изъ чиновниковъ,—есть слуга, который могъ бы занять мѣсто посла съ такимъ успѣхомъ, какъ Цзы-Кунгъ? Или столь же достойный первый министръ, какъ Іенъ-Хвуй? Или полководецъ, который могъ бы сравниться съ Цзы-Лу? Развѣ цари Ванъ и Ву изъ своихъ маленькихъ княжествъ не возвысились до управленія имперіей? А если Кунгъ-Кью когда-нибудь пріобрѣтетъ землю, и министрами у него будутъ такіе ученики, то Ц'у не сдобровать“.

Эти доводы не только показались убѣдительными въ данномъ случаѣ, но, повидимому, повліяли на дальнѣйшія отношенія князя къ Конфуцію, такъ какъ до самой смерти, послѣдовавшей осенью того же года, онъ ни разу не обращался за совѣтомъ къ мудрецу. Въ его преемникѣ Конфуцій, очевидно, не нашелъ себѣ покровителя и опять вернулся въ Вей.

Въ Вей шестидесятитрехлѣтній Конфуцій засталъ, что внукъ его прежняго друга, князя Линга, свергнулъ съ престола и осудилъ на изгнаніе родного отца за то, что тотъ покусился на жизнь своей матери, а его бабки, знаменитой Нанъ-Цзы. Этотъ князь, по имени Чухъ, разсчиталъ, что въ его интересахъ привлечь къ себѣ Конфуція, и послалъ къ нему Цзы-Лу сказать: „Князь Вей ожидаетъ вашей помощи въ управленіи страною и желаетъ знать, что вы для этого считаете необходимымъ“.— „Первымъ дѣломъ необходимо исправить названія“, отвѣчалъ Конфуцій.— „Зачѣмъ же это?“ спросилъ Цзы-Лу.— „Какъ ты непонятливъ, Юй!— сказалъ Конфуцій.—Высшій человѣкъ очень осмотрителенъ въ томъ, чего онъ не знаетъ. Если названія неправильны, то рѣчь не соотвѣтствуетъ истинному смыслу. Если рѣчь не соотвѣтствуетъ истинному смыслу, то дѣла не могутъ идти успѣшно. Если дѣла не могутъ идти успѣшно, то благопристойность и музыка не будутъ процвѣтать. Если благопри-

стойность и музыка не будутъ процвѣтать, то нельзя будетъ правильно присуждать наказаній. Если нельзя будетъ правильно присуждать наказаній, то народъ не будетъ знать, какъ двинуть рукой или ногой. Поэтому высшій человѣкъ считаетъ необходимымъ, чтобы названія соотвѣтствовали предметамъ и чтобы его указанія выполнялись должнымъ образомъ. Высшій человѣкъ добивается, чтобы его слова были правильными".

Конфуцій, конечно, не могъ одобрить положенія дѣлъ въ Вей, а такъ какъ князь не намѣревался измѣнить своего поведенія, то мудрецъ удалился отъ его двора и остальные пять-шесть лѣтъ, проведенные въ княжествѣ Вей, прожилъ въ полномъ уединеніи.

Конфуцій не былъ на своей родинѣ Лу цѣлыхъ четырнадцать лѣтъ, и, наконецъ-то, суждено ему было туда вернуться. Однако, по ироніи судьбы, онъ дождался исполненія своего завѣтнаго желанія не за свою политическую или этическую мудрость, а за знаніе военной тактики, которую онъ такъ глубоко презиралъ. Дѣло въ томъ, что Іенъ-Ю, ученикъ мудреца, находившійся въ это время на службѣ у Ки-К'анга, совершилъ удачный походъ противъ Ц'и. По его торжественномъ возвращеніи Ки-К'ангъ освѣдомился, гдѣ онъ научился военному искусству. „У Конфуція", отвѣчалъ полководецъ.— „А что это за человѣкъ?" спросилъ Ки-К'ангъ.— „Если бы вы пользовались его совѣтами,— отвѣчалъ Іенъ-Ю,— то слава о васъ прошла бы въ чужія земли. Вашъ народъ могъ бы встрѣчаться лицомъ къ лицу съ демонами и богами, не пугаясь ихъ и ничего у нихъ не спрашивая; а если бы вы приняли его правила, то, даже воздвигнувъ тысячу алтарей мѣстнымъ духамъ, вы не могли бы достигнуть большаго благополучія". Увлеченный такою перспективой, Ки-К'ангъ предложилъ пригласить мудреца ко двору. „Помните только,— добавилъ Іенъ-Ю,—что между нимъ и собою вы не должны допускать низкихъ людей".

Прибытіе пословъ изъ Лу было особенно желаннымъ для Конфуція въ силу слѣдующаго обстоятельства. Одинъ чиновникъ изъ Вей, по имени К'унгъ Ванъ, спросилъ его совѣта, какъ напасть на своего сюзерена. Конфуцій, не довольный тѣмъ, что его спрашиваютъ указаній по такому поводу, отговорился незнаніемъ и приготовился покинуть страну, говоря: „Птица выбираетъ дерево, чтобы сѣсть, но дерево не выбираетъ птицы". Въ это время прибыли послы Ки-К'анга, и Конфуцій безъ колебаній принялъ ихъ приглашеніе. По пріѣздѣ въ Лу онъ явился ко двору и, въ бесѣдѣ съ княземъ Гае о дѣлахъ управленія, прозрачно намекнулъ на то, что слѣдовало бы ему положить окладъ. „Управленіе,— сказалъ онъ,— состоитъ въ правильномъ выборѣ министровъ". По

тому же поводу онъ говорилъ Ки-К'ангу: „Бери на службу прямыхъ и отставляй горбатыхъ. Тогда горбатые сдѣлаются прямыми".

Ки-К'ангъ не зналъ, что ему дѣлать съ усиливающимся разбоемъ. „Если бы ты не скупился, государь, то хоть бы ты назначилъ награду за кражу, народъ не сталъ бы воровать". Этотъ отвѣтъ показываетъ, какое мнѣніе Конфуцій составилъ себѣ о Ки-К'ангѣ, а, слѣдовательно, и о князѣ Гае, который во всемъ раздѣлялъ взгляды Ки-К'анга. При такомъ режимѣ Конфуцій не могъ служить, но, вмѣсто того, чтобы искать новой должности, онъ углубился въ свои ученыя занятія и взялся за пополненіе своихъ литературныхъ трудовъ.

Ему минуло шестьдесятъ-девять лѣтъ. Если за счастье человѣка считать исполненіе его завѣтной мечты, то Конфуція слѣдуетъ признать несчастнымъ. Одаренный отъ природы глубокою почтительностью, довольно спокойнымъ темпераментомъ и пытливымъ умомъ, и воспитанный въ традиціяхъ древнихъ царей, добродѣтельные подвиги которыхъ были черезчуръ возвеличены на счетъ затушеванныхъ слабыхъ сторонъ ихъ дѣятельности, Конфуцій считалъ себя способнымъ совершить гораздо больше, чѣмъ было во власти его или всякаго другого человѣка. Въ началѣ своего поприща онъ имѣлъ возможность въ Лу примѣнить на практикѣ свои теоріи; какъ мы видѣли, ими лишь временно, при его непосредственномъ управленіи, удалось поднять народное благосостояніе. Но твердая непоколебимая вѣра въ себя и въ свои принципы удержала его отъ единственнаго логическаго вывода, который онъ могъ сдѣлать изъ своихъ неудачъ. Горькій опытъ не послужилъ ему урокомъ, и онъ сошелъ въ могилу въ возрастѣ семидесяти-двухъ лѣтъ, не теряя прежней увѣренности, что, если бы ему дать отвѣтственную должность, то „въ три года онъ усовершенствовалъ бы управленіе".

Считая невозможнымъ придти къ соглашенію съ правителями Лу, онъ, повидимому, рѣшилъ удалиться со службы. Насталъ конецъ его странствованіямъ, и подобно тому какъ „заяцъ отъ собакъ и отъ охотничьихъ роговъ, откуда выскочилъ, туда опять бѣжать готовъ", такъ и онъ напослѣдокъ неудержимо стремился еще разъ посѣтить княжество Лу. Когда же это совершилось, то онъ рѣшилъ остатокъ дней дожить на родинѣ. Теперь онъ могъ на свободѣ окончить изданіе Шу-Кинга, или Книги Исторіи, къ которой онъ написалъ предисловіе. Онъ также тщательно „изложилъ обряды и церемоніи, выработанные древнѣйшими мудрецами и царями, собралъ и записалъ древнія поэтическія произведенія и предпринялъ реформу музыки". Изучая внимательно Книгу Перемѣнъ, онъ написалъ къ ней комментаріи, которые показываютъ, что смыслъ

этого произведенія былъ ему такъ же теменъ, какъ и другимъ. Свою мысль о томъ, каково должно быть зерно, заключенное въ эту необыкновенно твердую скорлупу, онъ дополнилъ замѣчаніемъ, что если бы „ему суждено было прожить еще нѣкоторое время, то онъ пятьдесятъ лѣтъ положилъ бы на изученіе Книги Перемѣнъ, и тогда считалъ бы себя свободнымъ отъ великихъ заблужденій".

Въ 482 году до Р. Х. умеръ сынъ его, Ли, а въ слѣдующемъ году смерть унесла его вѣрнаго ученика, Іенъ-Хвуя. Узнавъ о послѣднемъ несчастьѣ, онъ воскликнулъ: „Увы! Небо уничтожаетъ меня!" Еще годомъ позже одинъ изъ слугъ Ки-К'анга поймалъ на охотѣ какое-то странное однорогое животное, и такъ какъ никто не могъ опредѣлить, что это за звѣрь, то обратились къ Конфуцію. Конфуцій призналъ въ немъ Килина. Легенда добавляетъ, что тождество этого звѣря съ тѣмъ, который явился незадолго до рожденія Конфуція, можно было установить по сохранившемуся на его рогѣ обрывку ленточки, которую Чингъ-Цай повязала волшебному животному на горѣ Ни. Смыслъ второго видѣнія не подлежалъ сомнѣнію, и Конфуцій былъ глубоко пораженъ этимъ предзнаменованіемъ. „Отъ кого ты явился?—воскликнулъ онъ.— Отъ кого ты явился?— и затѣмъ, залившись слезами, добавилъ: — Мое ученіе прошло свой путь, а я неизвѣстенъ".

„Что вы разумѣете подъ неизвѣстностью?" спросилъ его Цзы-Кунгъ.—„Я не жалуюсь на Провидѣніе,—отвѣчалъ мудрецъ,—и не виню людей за то, что они пренебрегаютъ ученіемъ и покланяются успѣху. Небо знаетъ меня... Никогда высшій человѣкъ не проходитъ, не оставивъ по себѣ имени, но мои принципы не имѣютъ успѣха. Какъ же на меня будутъ смотрѣть грядущія поколѣнія?"

Въ это время, несмотря на слабѣющія силы и многочисленныя занятія, онъ написалъ Чунъ-Цю, или лѣтопись „Весна и Осень", въ которой изложилъ исторію своего родного княжества Лу, со временъ князя Иня до четырнадцатаго года царствованія Гае, то-есть до тѣхъ поръ, пока появленіе Килина возвѣстило ему близость кончины.

Это—единственное произведеніе, принадлежащее перу самого Конфуція, и здѣсь, какъ говорятъ біографы, „что написано, то написано имъ самимъ, а что вычеркнуто, то вычеркнуто имъ самимъ". Никто не позволилъ себѣ вставить или измѣнить ни одного выраженія. Окончивъ этотъ трудъ, Конфуцій передалъ рукопись ученикамъ и сказалъ: „По Веснѣ и Осени меня узнаютъ, по Веснѣ и Осени будутъ судить обо мнѣ". Это—одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ въ исторіи человѣчества, что авторъ дѣлаетъ ошибочную оцѣнку собственныхъ произведеній.

Даже по мнѣнію соотечественниковъ Конфуція, которые преклоняются передъ каждымъ его словомъ и взглядомъ, лѣтопись „Весна и Осень" занимаетъ второстепенное мѣсто, и изреченія въ Лунъ-Ю, или Конфуціанскихъ Разговорахъ, по справедливости, ставятся гораздо выше. Два его компилятивныхъ произведенія: Шу-Кингъ и Ши-Кингъ заслуживаютъ большаго вниманія, чѣмъ книга, которою онъ такъ гордился. Иностранцы, которые въ своихъ сужденіяхъ не руководятся предвзятымъ мнѣніемъ, не считаютъ его за выдающагося историка, а признаютъ только, какъ философа и государственнаго дѣятеля.

Конфуцій еще разъ явился ко двору, именно послѣ того, какъ князь Ц'и былъ убитъ однимъ изъ своихъ чиновниковъ. Надо думать, что это было тяжкое преступленіе, такъ какъ Конфуцій былъ страшно разгнѣванъ, а онъ, неустанно восхвалявшій добродѣтельныхъ людей, которые свергали съ трона нечестивыхъ правителей и тирановъ, не высказалъ бы порицанія, если бы убитый князь походилъ на Кіе или на Шоу. Преступленіе было такого свойства, что Конфуцій считалъ необходимымъ отомстить за него; поэтому онъ совершилъ омовеніе и отправился ко двору.

„Государь,— сказалъ онъ, обращаясь къ князю,— Ч'инъ-Хангъ убилъ своего правителя, и я прошу васъ наказать его". Но князь не расположенъ былъ вмѣшиваться въ это дѣло и сослался на относительное могущество Ц'и. Конфуцій, однако, не такъ легко удовлетворился. „Половина населенія Ц'и, — говорилъ онъ, — не сочувствуетъ совершившемуся дѣянію. Если вы причислите къ населенію Лу половину населенія Ц'и, то смѣло можете разсчитывать на побѣду". Этотъ аргументъ произвелъ на князя не большее впечатлѣніе, чѣмъ самый фактъ, и, чтобы отдѣлаться отъ неугомоннаго Конфуція, онъ посовѣтовалъ ему изложить это дѣло передъ главами трехъ самыхъ вліятельныхъ фамилій княжества. Эта апелляція, на которую Конфуцій согласился неохотно, также не увѣнчалась успѣхомъ, и убійство прошло безнаказанно.

Въ эту эпоху, когда каждый правитель держался на тронѣ лишь благодаря вооруженной силѣ, революціи не носили такого преступнаго характера и являлись не вѣроломными возстаніями, а скорѣе борьбой за первенство. Онѣ происходили до того часто, что не вызывали особеннаго удивленія и ужаса. Въ описанный періодъ княжества, граничившія съ Лу, находились въ плачевномъ положеніи. Вскорѣ послѣ убіенія князя Ц'и Конфуцій узналъ, что въ Вей вспыхнуло возстаніе. Это особенно заинтересовало его, такъ какъ возвращаясь въ Лу, онъ оставилъ на государственной службѣ въ Вей двухъ своихъ учениковъ, Цзы-Лу и Цзы-Као. „Цзы-Као вывернется,— замѣтилъ Конфуцій, когда ему сообщили о воз-

станіи,—но Цзы-Лу погибнетъ!“ Это предсказаніе исполнилось въ точности: убѣдившись въ отчаянномъ положеніи дѣлъ, Цзы-Као бѣжалъ, а Цзы-Лу остался защищать своего правителя и палъ, сражаясь за него. Хотя Конфуцій и предвидѣлъ такой исходъ, тѣмъ не менѣе онъ былъ очень огорченъ и горько оплакивалъ своего друга, за которымъ самъ вскорѣ долженъ былъ послѣдовать въ могилу.

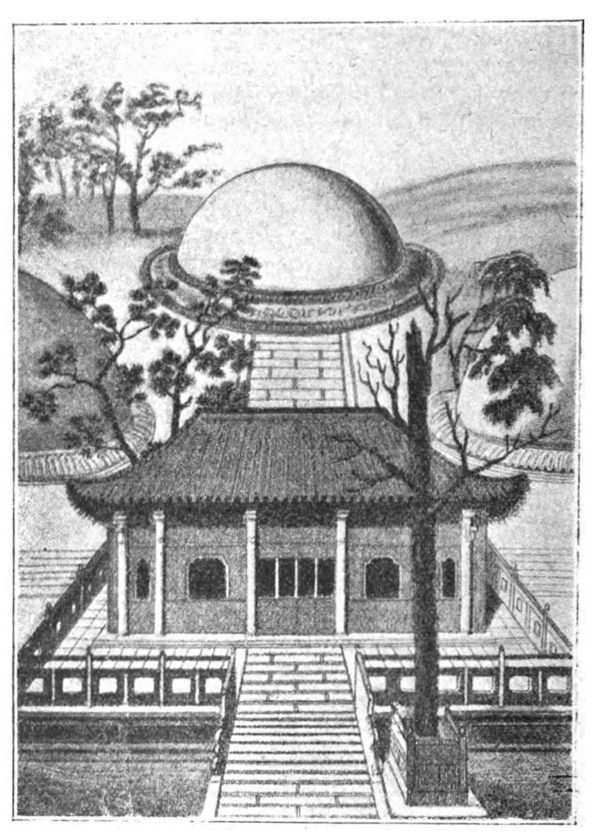
Въ одно прекрасное утро, весною 478 года, онъ прохаживался передъ своею дверью и бормоталъ:

«Великая гора должна ужъ рухнуть;
Могучій стволъ сломиться долженъ,
И, какъ растеніе, мудрецъ увянетъ».

Эти слова встревожили вѣрнаго Цзы-Кунга. „Если великая гора рухнетъ,— сказалъ онъ, — то куда же я обращу взоръ? Если могучій стволъ сломится и мудрецъ увянетъ, то гдѣ же я найду опору? Я боюсь, что учитель заболѣваетъ“. Съ этими словами онъ поспѣшилъ въ домъ за Конфуціемъ. „Отчего ты такъ опоздалъ?— спросилъ Конфуцій, когда онъ догналъ его, и добавилъ: — По правиламъ Хіа тѣло покойника одѣвали и укладывали въ гробъ на восточныхъ ступеняхъ, какъ будто онъ еще попрежнему былъ хозяиномъ. При династіи Инь эту церемонію совершали между двумя столбами, какъ будто покойникъ былъ въ одно время и хозяиномъ и гостемъ. Чоу предписывали совершать эту церемонію на западныхъ ступеняхъ, считая покойника за гостя. Я изъ рода Инь. Въ прошлую ночь мнѣ снилось, что я сижу между двумя столбами, а передо мной стоятъ жертвоприношенія. Нѣтъ у насъ ни одного разумнаго монарха, никто изъ правителей имперіи не хочетъ сдѣлать меня своимъ учителемъ. Мнѣ время умереть“. Чрезвычайно характерно, что въ своей послѣдней рѣчи и снѣ Конфуцій перенесся къ церемоніямъ давно минувшихъ вѣковъ. Но сонъ сбылся: въ тотъ же день онъ слегъ и, проболѣвъ недѣлю, скончался.

Ученики похоронили его на берегу рѣки Сы, къ сѣверу отъ столицы Лу, и три года оплакивали его на могилѣ. Но даже и это выраженіе почета не удовлетворило самаго преданнаго ученика Конфуція Цзы-Кунга, который еще лишнихъ три года изливалъ свою скорбь о кончинѣ мудреца. „Всю жизнь я видѣлъ надъ головою небо, — говорилъ онъ, — но не знаю его высоты; и подъ ногами видѣлъ землю, но не знаю ея толщи. Служа Конфуцію, я былъ подобенъ человѣку, который ходитъ со своимъ ковшомъ къ рѣкѣ и утоляетъ жажду, не зная глубины рѣки“.

Williamson, посѣтившій въ 1865 году могилу мудреца, такъ описываетъ ея нынѣшній видъ. „Отъ сѣверныхъ воротъ прямо къ кладбищу идетъ кипарисовая аллея. Въ рощѣ изъ дубовъ, кипарисовъ и другихъ деревьевъ, обнесенной высокою стѣной, нахо-

Гробница Конфуція.

дится могила мудреца. На самомъ кладбищѣ мы прошли черезъ красивыя ворота и попали въ другую аллею съ неизмѣнными кипарисами и каменными изваяніями львовъ и другихъ животныхъ по обѣимъ сторонамъ. Невдалекѣ отъ могилы, другъ противъ друга, стоятъ два исполинскихъ изваянія мудрецовъ. Ихъ торжественный обликъ какъ бы напоминаетъ посѣтителю о святынѣ этого мѣста. За домомъ, гдѣ приготовляются жертвоприношенія

и гдѣ поклонники отдыхаютъ и предаются размышленію, намъ показали дерево, посаженное ученикомъ мудреца, Цзы-Кунгомъ, и бесѣдку, построенную императоромъ Кинъ-Лунгомъ... Могила Конфуція представляетъ большой холмъ, поросшій деревьями и кустарникомъ; противъ него—обычныя приспособленія для жертвоприношеній. Тутъ стоитъ таблица въ 25 футовъ высотой и шесть футовъ шириной, на которой выгравировано имя и списокъ дѣяній мудреца... Къ западу отъ могилы Конфуція находится могила его сына Ли... а кругомъ—гробницы другихъ представителей его фамиліи".

Современники описываютъ наружность Конфуція въ такихъ аллегорическихъ выраженіяхъ, которыя ничего не говорятъ уму и предполагаютъ со стороны читателя близкое знакомство съ внѣшностью императоровъ Яо и Шуна. Имя его, Кью, намекаетъ на особенность строенія его головы, которая, по преданію, походила на гору Кью, со впадиной на вершинѣ. Статуя, стоящая въ храмѣ близъ могилы Конфуція, изображаетъ его „высокимъ, сильнымъ и статнымъ, съ полнымъ, румянымъ лицомъ и большою, тяжелою головою".

ГЛАВА III.

Ученіе Конфуція.

Безпристрастно судить о чьей-нибудь дѣятельности можетъ только потомство, такъ какъ на оцѣнку современниковъ вліяютъ многія условія. Если человѣкъ раздѣляетъ политическія убѣжденія большинства, то современники способны превознести его до небесъ; но, защищая противоположные взгляды, онъ можетъ встрѣтить совершенно обратное отношеніе. Подобныя соображенія не вліяютъ на приговоръ потомства: оно отдѣлено большимъ промежуткомъ времени отъ прежнихъ страстей и прежнихъ предразсудковъ. Его не столько интересуетъ борьба партій, сколько ея результаты. Нерѣдко какой-нибудь прославленный въ свое время герой представляется потомству шарлатаномъ, тогда какъ человѣку геніальному, потерпѣвшему при жизни невзгоды и удары судьбы, оно отводитъ должное мѣсто.

Безъ сомнѣнія, нѣтъ ни одной исторической личности, относительно которой приговоръ потомства такъ разошелся бы съ мнѣніемъ современниковъ, какъ относительно Конфуція. Онъ былъ, по преимуществу, государственнымъ дѣятелемъ и проповѣдывалъ политическія воззрѣнія, для развитія которыхъ необходимъ былъ болѣе или менѣе продолжительный періодъ мира и спокойствія. Онъ рожденъ былъ для мирнаго времени, но выросъ подъ оружіемъ. По призванію, ему надлежало быть министромъ, а суждено было находить во главѣ управленія лишь вооруженныхъ людей, жившихъ войной. Время не благопріятствовало ему, и онъ долженъ былъ покориться волѣ судебъ. Вмѣсто того, чтобы занимать почетный постъ совѣтника при добродѣтельномъ правителѣ, который воскресилъ бы героическій вѣкъ Яо и Шуна къ полному довольству своего народа, Конфуцій провелъ большую часть жизни, предлагая свои услуги князьямъ, которые пренебрегали его планами и смѣялись надъ его теоріями. Это была эпоха смутъ и анархіи. „Высокіе принципы давно покинули имперію“, и сила сдѣлалась единственнымъ мѣриломъ истины и добродѣтели.

Итакъ, не удивительно, что Конфуцій при жизни потерпѣлъ неудачу. Онъ не принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые беззастѣнчиво приноравливаютъ свои паруса къ вѣтру, а протестъ противъ современныхъ ему беззаконій былъ равносиленъ неуспѣху. Но все то, что пропало для его современниковъ, сохранилось для потомства. Многомилліонныя позднѣйшія поколѣнія китайцевъ перестали придавать значеніе тому, что Конфуцій не попалъ въ княжескіе совѣтники, такъ какъ они сами могли руководиться словами мудрости, которыя онъ преподавалъ своимъ ученикамъ. Имъ не было дѣла до презрѣнія, съ которымъ къ нему относились беззаконные вожди, такъ какъ они сами могли воспользоваться его взглядами на дѣла управленія и на обязанности гражданъ.

Едва ли на чью-либо долю выпало такое пренебреженіе современниковъ и такое поклоненіе потомства, какъ на долю Конфуція. И то, и другое достигало крайности. Онъ высоко держалъ знамя нравственности и проповѣдывалъ чистое ученіе. Но даже тамъ, гдѣ ему представлялся случай оказывать вліяніе, онъ не могъ достигнуть благихъ результатовъ, такъ какъ въ его вѣкъ понятія о добрѣ и злѣ были довольно сбивчивы, а общественная и личная нравственность стояла на самомъ низкомъ уровнѣ. Трудно всетаки понять тайну его необычнаго вліянія на потомство, и чѣмъ болѣе изучаешь эту загадку, тѣмъ большія встрѣчаешь затрудненія. Его система философіи далеко не полна и недостаточно жизненна, если такъ позволительно выразиться, несмотря на тотъ фактъ, что она дала руководящія начала, которыя произвели все, что было великаго и благороднаго въ жизни Китая на промежуткѣ двадцати съ лишнимъ вѣковъ.

Нынѣшняя конфуціанская литература очень обширна, но если выдѣлить изъ нея тѣ каноническія книги, которыя, по общему убѣжденію, содержатъ полностью ученіе Конфуція, то передъ нами окажутся только три томика. Первый — *Лунъ-Ю*, или Конфуціанскіе Разговоры; это — бесѣды великаго учителя, приведенныя въ систему его учениками. Другіе два — *Та-Хіо*, или Великое Ученіе и *Чунгъ-Юнгъ*, или Ученіе о Серединѣ, заключаютъ въ себѣ ученіе мудреца въ болѣе популярной формѣ; составленіе ихъ, обыкновенно, приписывается внуку Конфуція, Цзы-Сы. Конфуцій не столько былъ оригинальнымъ мыслителемъ, сколько, какъ онъ самъ выражался, „передавалъ“ достояніе прежнихъ вѣковъ. Поэтому необходимо сличить его доктрины со взглядами древнѣйшихъ каноническихъ произведеній, каковы: *И-Кингъ*, или Книга Перемѣнъ, *Ши-Кингъ*, или Книга Поэзіи, и *Шу-Кингъ*, или Книга Исторіи. Тутъ мы убѣждаемся, что Конфуцій не вполнѣ точно пе-

редавалъ ученіе древнихъ мудрецовъ. Онъ не могъ понять умственнаго склада тѣхъ личностей, которымъ онъ воздавалъ такое безпредѣльное поклоненіе, и поэтому свелъ ихъ ученіе до своего, болѣе низкаго уровня.

Въ ученіи Конфуція нѣтъ ничего спиритуалистическаго. Онъ старался обходить все сверхъестественное. На предложенный ему вопросъ, что такое смерть, онъ отвѣчалъ: „Когда не знаешь жизни, то какъ же знать, что такое смерть?“ Предметомъ его изученія была жизнь, а представителемъ жизни онъ считалъ существующаго человѣка. Онъ никогда не задавался вопросомъ о происхожденіи или о будущности человѣка. Онъ просто считалъ человѣка членомъ общества, и старался, на основаніи древнихъ преданій, выработать путь къ достиженію какъ личнаго, такъ и общаго счастья.

По ученію Конфуція, человѣкъ не только располагаетъ собственною судьбой, но, какъ равный небу и землѣ, можетъ вліять на развитіе природы. Путемъ совершенной искренности онъ можетъ дать полное развитіе своей природѣ. Достигнувъ этого, онъ можетъ вліять на природу другихъ людей. Доведя до полнаго развитія природу другихъ людей, онъ можетъ довести до полнаго развитія природу животныхъ и вещей. Доведя до полнаго развитія природу животныхъ и вещей, онъ можетъ содѣйствовать преобразовательнымъ и созидательнымъ силамъ неба и земли. Принимая участіе въ преобразовательныхъ и созидательныхъ силахъ неба и земли, онъ съ небомъ и землей составитъ троицу. Тогда онъ сдѣлается равнымъ небу и землѣ, и когда достигнетъ этого состоянія, то во всемъ мірѣ будетъ царить порядокъ, все будетъ поддерживаться и совершенствоваться.

Таково положеніе идеальнаго человѣка во вселенной. Идеальный человѣкъ одаренъ отъ Неба идеальною природой. Всѣ люди рождаются добрыми и въ равной степени обладаютъ высокими качествами, которыя даютъ имъ возможность пріобрѣсти идеальную природу. Человѣкъ наслѣдуетъ добро, и когда усовершенствуетъ его, то оно становится его природой. По словамъ одного туземнаго комментатора, добро, ниспосылаемое Пебомъ, подобно проточной водѣ, которая кристаллизуется, когда человѣкъ совершенствуется, и становится его природой. „Великій Богъ,— говоритъ Т'ангъ, — далъ даже низшимъ людямъ нравственное чувство, слѣдуя которому, они достигнутъ постоянства природы“. Другими словами, Небо, порождая людей, положило на все соотвѣтствующіе законы, а люди обязаны охранять, слушать, понимать ихъ и повиноваться имъ. При выполненіи этого условія министры и чиновники будутъ патріотами, отношенія между

родителями и дѣтьми усовершенствуются, и народъ сохранитъ постоянную природу, которая направитъ его къ милосердію, честности, патріотизму и сыновней привязанности. Достигнутая такимъ образомъ идеальная природа подобна водѣ, источникъ которой чистъ и незапятнанъ. Она не измѣняется, но разъ измѣнившись, уже не можетъ вернуться къ прежнему состоянію. Она руководитъ сердцемъ и выражается въ привязанностяхъ и желаніяхъ. Подобно тому, какъ въ природѣ золота лежитъ твердость, а въ природѣ огня — жаръ, такъ въ природѣ человѣка — милосердіе, честность, благопристойность, мудрость и вѣрность. Тѣмъ не менѣе бываетъ и дурная природа; такъ, напримѣръ, когда царь Т'ае-Ки не могъ исправиться, то его министръ И-Инь сказалъ себѣ: „Это нечестіе, которое уже по привычкѣ входитъ въ его природу".

Опредѣленіе природы человѣка дано было Конфуціемъ, который особенно превозносилъ вышеупомянутую цитату изъ Ши-Кинга. Однако, Цзы-Кунгъ говоритъ, что „нельзя слушать словъ учителя о природѣ человѣка и о пути небесномъ". Такое утвержденіе произошло, какъ надо полагать, или оттого, что Цзы-Кунгъ не понималъ воззрѣній Конфуція, или оттого, что онъ, какъ и другіе, старался исключить изъ ученія мудреца все, что считалъ недоступнымъ для умственнаго или нравственнаго развитія народа. Конфуцій не былъ умозрительнымъ философомъ и поэтому не вдавался въ такія пространныя разсужденія, какъ Менцій и нѣкоторые позднѣйшіе мыслители. Но онъ достаточно высказался, чтобы судить о томъ, что въ данномъ вопросѣ онъ былъ солидаренъ съ древними мудрецами. По его ученію, природа всѣхъ людей приблизительно одинакова, то-есть качества, которыми они одарены, сходны, но съ теченіемъ времени является различіе. Конфуцій поддерживалъ также прежнее вѣрованіе, что въ натурѣ человѣка лежитъ добро, и что это врожденное добро выражается въ склонности къ четыремъ высокимъ принципамъ: человѣчности, прямотѣ, благопристойности и познанію. По его словамъ, природа человѣка занимаетъ самое почетное мѣсто на ряду съ небомъ и землею, такъ какъ каждый предметъ имѣетъ свою природу, которая отличается отъ природы человѣка тѣмъ, что ея нельзя ни развивать, ни воспитывать.

Добро, унаслѣдованное отъ Неба, къ несчастью, далеко не всегда остается незапятнаннымъ. Оно подобно проточной водѣ, которая не знаетъ застоя и постоянно катитъ свои волны къ морю. Нѣкоторые ручьи загрязняются въ самомъ истокѣ, другіе уже на значительномъ разстояніи, одни загрязняются больше, другіе меньше; но вода не можетъ не загрязниться, иначе она не будетъ

водой. Таковъ и удѣлъ человѣческихъ натуръ. Почти всѣ онѣ выходятъ изъ источника чистыми, но потомъ оскверняются, однѣ раньше, другія позже, однѣ больше, другія меньше, но все-таки всѣ онѣ этому подвержены.

Все сказанное относится къ большинству человѣчества, но есть два класса людей — высшіе мудрецы и низшіе глупцы, которые не подвержены перемѣнамъ. Конфуцій устанавливаетъ слѣдующее раздѣленіе на классы: „Тѣ, которые отъ рожденія обладаютъ знаніемъ, составляютъ высшій классъ людей; тѣ, которые учатся и достигаютъ знанія, составляютъ слѣдующій классъ; далѣе, идутъ глупые и тупоумные люди, которые, однако, преуспѣваютъ въ ученіи; глупые и тупоумные, которые къ тому же не учатся, составляютъ самый низшій классъ“.

Природа достигаетъ высшаго развитія въ представителяхъ избраннаго класса, или мудрецахъ. Мудрецъ отъ рожденія обладаетъ знаніемъ и совершенною чистотой. Онъ безъ усилія повинуется влеченіямъ своей природы и, благодаря этому, поддерживаетъ полное прямодушіе и неуклонно идетъ по небесному пути. Ему одному присущи высочайшія качества: быстрота оцѣнки. ясность сужденія, глубокій разумъ и всеобъемлющая мудрость. вслѣдствіе чего онъ способенъ къ управленію; великодушіе, милосердіе, кротость, вслѣдствіе чего онъ способенъ къ снисхожденію; отзывчивость, энергія, твердость и выносливость, вслѣдствіе чего онъ способенъ къ непоколебимости; душевное равновѣсіе, серіозность, отсутствіе заносчивости и исправность, вслѣдствіе чего онъ внушаетъ уваженіе; совершенство, разборчивость, сосредоточенность и проницательность, вслѣдствіе чего онъ способенъ устанавливать различіе. Онъ всеобъемлющъ и широкъ, глубокъ и дѣятеленъ, какъ ручей; онъ своевременно выказываетъ свою добродѣтель. Всеобъемлющій и широкій, онъ подобенъ небу. Глубокій и дѣятельный, какъ ручей, онъ подобенъ безднѣ. Онъ показывается, и всѣ благоговѣютъ передъ нимъ; онъ говоритъ, и всѣ вѣрятъ ему; онъ дѣйствуетъ, и всѣ довольны. Поэтому, слава его озаряетъ Срединную Имперію и доходитъ до варварскихъ племенъ. Куда только заѣзжаютъ корабли и колесницы, куда только проникаетъ сила человѣка, гдѣ только небо осѣняетъ и земля носитъ людей, гдѣ только свѣтятъ солнце и луна, гдѣ только бываютъ морозъ и роса, — тамъ всѣ, у кого есть кровь въ жилахъ и дыханье въ груди, искренно любятъ и уважаютъ его. И не даромъ говорится, что „онъ равенъ Небу“.

Конфуцій вполнѣ раздѣляетъ взглядъ древнихъ философовъ, которые говорили: „Подобно тому, какъ вода стремится къ влажнымъ низинамъ, а огонь къ сухимъ мѣстамъ, тучи слѣдуютъ за драко-

номъ, а вѣтры за тигромъ, такъ точно миріады вещей идутъ за мудрецомъ, когда онъ дѣйствуетъ“. Онъ добродѣтеленъ, какъ небо и земля, лучезаренъ, какъ солнце и луна, точенъ, какъ времена года, въ удачахъ и неудачахъ подобенъ духамъ и демонамъ. Когда онъ идетъ впереди Неба, то Небо не противится, если же онъ слѣдуетъ за Небомъ, то соблюдаетъ Его постановленія. Если Небо ему не противится, то тѣмъ болѣе — люди, духи и демоны. Только мудрецъ понимаетъ, какъ нужно подвигаться и какъ отступать, какъ сохранять и какъ разрушать, не выходя изъ совершенной исправности.

Онъ съ любовью идетъ по небесному пути, и самъ такъ же неуклоненъ, какъ этотъ путь. Солнце и луна постоянно сіяютъ и посылаютъ свой свѣтъ съ неба на землю; такъ же точно натура воспринимаетъ отраженное совершенство мудреца и измѣняется по его подобію. Мудрецъ въ высшей степени добродѣтеленъ, такъ какъ онъ рождается безъ склонности къ злу, окруженъ всевозможнымъ совершенствомъ и безгранично мудръ. Его слова подобны водѣ: чѣмъ больше вы ее черпаете, тѣмъ глубже она вамъ представляется, чѣмъ больше вы за ней гонитесь, тѣмъ дальше она вамъ кажется. Они также подобны огню: чѣмъ больше вы его разгребаете, тѣмъ ярче онъ горитъ, и чѣмъ меньше вы его трогаете, тѣмъ онъ жарче. Мудрецъ достигаетъ познанія, не прибѣгая къ путешествіямъ, описываетъ вещи, не видѣвъ ихъ, и достигаетъ цѣли, не дѣйствуя. Онъ поучаетъ больше примѣромъ, чѣмъ словами. Онъ еще ничего не дѣлаетъ, а народъ сразу совершенствуется. Онъ чуждъ вожделѣній, и народъ, въ свою очередь, становится простодушнымъ. Онъ постоянно обнаруживаетъ смиреніе, и такъ какъ унижаетъ себя, то его превозносятъ; такъ какъ избѣгаетъ показного, то сіяетъ; такъ какъ ставитъ себя на послѣднее мѣсто, то удостоивается перваго.

Однако, есть обстоятельства, при которыхъ мудрецы лишаются своего высокаго положенія. Такъ, напримѣръ, Шу-Кингъ гласитъ, что „мудрецы изъ династіи Шангъ перестали размышлять и сдѣлались глупцами, а глупцы, благодаря размышленію, стали мудрецами“. Кажущуюся непослѣдовательность этого утвержденія можно объяснить, предположивъ, что процессъ въ томъ или другомъ случаѣ проходитъ постепенно черезъ рядъ поколѣній. Такъ, мы видимъ, что потомки мудреца Т'анга, которому Шангъ-Ти предназначилъ быть образцомъ для „девяти странъ“, постепенно падали, пока порочность и безуміе не достигли высшей степени въ лицѣ послѣдняго представителя этой династіи Шоу. Такимъ же образомъ можно предположить, что мудрость Ву-Ванга была наслѣдственною добродѣтелью, которая прогрессировала въ теченіе ряда вѣковъ.

Въ виду такого опредѣленія свойствъ мудреца вполнѣ понятно, что лишь немногіе могутъ быть причислены къ этому избранному классу. Святыми или мудрецами оффиціально признаны слѣдующія лица: Фуси (2852—2737 до Р. Х.), Шеннунь (2737—2697), Хуангъ-Ти (2696—2597), Яо (2356—2255), Шунъ (2225—2205), Ю (2205—2197), Т'ангъ (1766—1753), Эйинъ (около 1709), Пихе (около 1200), Ванъ-Вангъ (около 1200), Ву-Вангъ (1122—1078), Чоу-Кунгъ (1105), Лью-Хи-Хвуй (около 1600) и Конфуцій.

Всѣ они обладали незапятнанною безгрѣшною природой, которая есть небесный даръ и соотвѣтствуетъ судьбѣ человѣка.

Судьба, вмѣстѣ съ принципами милосердія, праведности, благопристойности и вѣры дается отъ Неба каждому человѣку. Развиваясь въ мысли и дѣйствіи, эти принципы становятся идеальною природой. Послѣ того, какъ судьба воплотится мужскимъ или женскимъ началомъ природы, она становится жизнью. Совершеніе (предназначенной) перемѣны и выполненіе (опредѣленныхъ) чиселъ есть смерть. Итакъ судьба есть начало природы, а смерть—конецъ жизни. Но сама жизнь, это — природа, поэтому судьба называется подательницей и заключительницей жизни. Въ этомъ смыслѣ Конфуцій говоритъ о своемъ ученикѣ Іенъ-Хвуѣ: „Былъ Іенъ-Хвуй, онъ любилъ учиться, никогда не предавался гнѣву, никогда не повторялъ ошибки. Къ несчастью, его судьба была коротка, и онъ умеръ, а теперь нѣтъ другого, ему подобнаго“. Иногда судьбѣ придается значеніе жизни, какъ, напримѣръ, въ словахъ Конфуція: „Человѣкъ, который въ виду прибыли думаетъ о праведности, который въ виду опасности готовъ отказаться отъ своей судьбы, который не забываетъ даже самыхъ старыхъ соглашеній,—такой человѣкъ можетъ считаться совершеннымъ“. Судьба, дарованная людямъ, даетъ имъ одинаковыя преимущества въ существованіи, но мірскіе соблазны и искушенія вліяютъ на нихъ различнымъ образомъ. Только высшій человѣкъ можетъ достигнуть познанія собственной судьбы. Послѣ этого уже онъ можетъ достигнуть познанія судьбы всѣхъ людей и вещей. Вещи, такъ же, какъ и люди, имѣютъ свою судьбу, но, въ отличіе отъ людей, не могутъ ея контролировать. „Если мои правила привьются, — говорилъ Конфуцій, — то это ихъ судьба, если же они провалятся, то и это ихъ судьба“.

Иногда подъ судьбою разумѣется просто приказаніе или назначеніе. Такъ, напримѣръ, говорится, что Ву-Вангъ получилъ судьбу на тронъ въ старости. Но судьба въ собственномъ смыслѣ на Небѣ соотвѣтствуетъ природѣ человѣка. То, что Небо подаетъ, есть судьба, а то, что человѣкъ получаетъ, есть природа. Природа, проявляющаяся въ житейскихъ дѣлахъ и въ ве-

щахъ, есть истинный принципъ. Только тотъ человѣкъ, который проводитъ истинные принципы и даетъ полное развитіе своей природѣ, можетъ понимать глубокія, непреложныя судьбы Неба. Конфуцій говоритъ, что онъ достигъ этой степени, когда ему исполнилось пятьдесятъ лѣтъ.

То же Небо, которое даруетъ судьбу, созидаетъ все. Его властью всѣ созданія растутъ и процвѣтаютъ, подъ его вліяніемъ всѣ человѣческія существа и вещи совершенствуются. На высочайшемъ Небѣ находится тонкій эѳирный огонь, который сходитъ, чтобы поддерживать земные предметы. Съ полной безпристрастностью и безконечной духовной мудростью слѣдитъ оно за счастьемъ и страданіями людей, за совершенствами или недостатками царей и правителей. Оно все рѣшительно видитъ и слышитъ, хотя не смотритъ и не слушаетъ. Никакой мракъ не укроется отъ Его взора и никакая тайна — отъ Его всевѣдѣнія. Небо награждаетъ добродѣтельныхъ и наказываетъ грѣшныхъ. Цари правятъ по Его дозволенію и бываютъ свергнуты по Его приказанію. „Возмущаясь преступностью царя Шоу, — гласитъ Шу-Кингъ, — Небо поручило царю Вану проявить Его величіе и низвергнуть тирана“. Изъ любви къ народу Небо посылаетъ правителей, чтобы охранять и поучать его. Правители служатъ Шангъ-Ти и обезпечиваютъ миръ во всѣхъ четырехъ странахъ свѣта. Небо бываетъ подчасъ безпощаднымъ, какъ въ томъ случаѣ, когда оно поразило домъ Инь и низвергло династію Хіа. Его милость не легко сохранить и на нее нельзя полагаться. Только неуклонно слѣдуя по пути небесному, можно заслужить расположеніе Неба, и только усердно исполняя пять обязанностей, установленныхъ Имъ самимъ, и церемоніи, касающіяся соціальныхъ различій, можно обезпечить Его благоволеніе. Тѣмъ, кто исполняетъ предначертанія своей судьбы и развиваетъ идеальную человѣческую природу, всѣмъ присущую, Небо посылаетъ долгоденствіе, богатство и почести.

Но человѣкъ до извѣстной степени независимъ отъ Неба. Мудрецъ, какъ мы видѣли, равенъ Небу. Оно положило нѣкоторые законы, и, исполняя ихъ, каждый человѣкъ получаетъ право на всю сумму небесныхъ благословеній. Молитва не нужна, такъ какъ Небо не имѣетъ активныхъ сношеній съ душою человѣка. Оно одарило его при рожденіи добромъ, которое, если онъ захочетъ, можетъ войти въ его природу, и тогда осуществится его истинная судьба. Всего этого человѣкъ способенъ достигнуть собственными усиліями. Вмѣстѣ съ другими созданіями, онъ составляетъ часть Неба, а исполняя свою судьбу, онъ получаетъ возможность участвовать въ преобразовательныхъ и созидательныхъ процессахъ Неба и Земли. Даже долгоденствіе зависитъ отъ него самого, такъ

какъ не Небомъ устанавливается предѣлъ жизни, а слѣдствіями его собственнаго поведенія.

Въ Конфуціанскихъ Разговорахъ и другихъ книгахъ Небу придается нѣкоторый характеръ личнаго божества. Такъ, напримѣръ, стражъ въ И говоритъ ученикамъ Конфуція: „Небо избираетъ вашего учителя, какъ набатный колоколъ". Самъ Конфуцій заявляетъ: „Если Небо не допуститъ, чтобы истинное ученіе погибло, то что могутъ мнѣ сдѣлать жители Куанга". Однако, въ общемъ видно, что Небу приписывается значеніе Провидѣнія, которое повелѣваетъ, но не дѣйствуетъ непосредственно.

Промежуточное положеніе между Небомъ и людьми занимаютъ духи и демоны, которымъ также воздается культъ. Исторія не восходитъ до такой древности, когда этимъ духамъ еще не воздавали поклоненія. Фуси приносилъ имъ жертвы, и Книга Исторіи неоднократно упоминаетъ о нихъ. Ши-Ки, или Историческое Преданіе, гласитъ, что вначалѣ духи были союзниками людей. Чоу-Кунгъ, вымаливая жизнь своего брата, царя Ву, обращается къ духамъ своего отца, дѣда и прадѣда и, какъ причину, по которой его скорѣе можно лишить жизни, чѣмъ царя, выставляетъ свое большее умѣніе служить духамъ. Культъ умершихъ былъ очень распространенъ. Конфуцій приносилъ жертвы умершимъ такъ, какъ будто они при этомъ присутствовали, и духамъ такъ, какъ будто они передъ нимъ находились. Однако, жертвоприношенія духамъ постороннихъ покойниковъ онъ считалъ заискиваніемъ. Духи, по его мнѣнію, интересуются только тѣмъ, что касается благополучія ихъ собственныхъ земныхъ потомковъ. У частныхъ лицъ духи предковъ слѣдятъ за семейными дѣлами, а императоры прибѣгаютъ къ своимъ праотцамъ за совѣтами въ дѣлахъ управленія. Шу-Кингъ повѣствуетъ, что императоръ Шунъ, объявляя какое-то важное рѣшеніе, сказалъ: „Я совѣтовался съ министрами и народомъ; духи выразили свое одобреніе при посредствѣ черепахи и травы".

Императоръ и понынѣ сообщаетъ духамъ о всѣхъ важныхъ національныхъ событіяхъ. *Legge* въ своей статьѣ „Конфуціанство въ отношеніи къ христіанству" приводитъ молитву, съ которой одинъ императоръ изъ династіи Мингъ (1538 г. до Р. Х.) обратился къ духамъ, намѣреваясь измѣнить титулъ Шангъ-Ти. „Прежде всего мы прибѣгаемъ къ вамъ, о духи небесные и земные, — молился онъ, — и просимъ потрудиться для насъ, оказать свое духовное вліяніе и проявить свое великое значеніе, передавъ наше слабое желаніе Шангъ-Ти и умоливъ его, чтобы онъ обратилъ на насъ свое милостивое вниманіе и соизволилъ принять титулъ, который мы ему будемъ почтительно приносить". Съ молитвой обра-

щались не только къ духамъ предковъ, но также къ духамъ неба и земли, горъ и рѣкъ, полей и нивъ. Всѣмъ духамъ нужно приносить жертвы, но они принимаютъ ихъ съ разборомъ. Отъ всякаго, кто приближается къ алтарю, раньше всего требуется искренность, и только при этомъ условіи жертва можетъ быть угодна духамъ. „Въ древности, — гласитъ Шу-Кингъ, — первые правители изъ династіи Хіа тщательно развивали въ себѣ добродѣтель, и Небо не посылало бѣдствій. Духи горъ и рѣкъ также были спокойны“. Каждый долженъ стремиться къ достиженію этой гармоніи съ духами, такъ какъ только такимъ путемъ можно заслужить благоволеніе Неба. „Царь Хіа, — говорится далѣе въ Шу-Кингѣ, — не могъ сохранить добродѣтели своихъ предшественниковъ въ неприкосновенности, а прогнѣвалъ духовъ и угнеталъ народъ. Поэтому Небо лишило его своего покровительства и стало искать въ безчисленныхъ странахъ, кому бы передать свою милость, гдѣ бы найти представителя чистой добродѣтели, котораго можно было бы поставить владыкой надъ всѣми духами“.

Конфуцій обходилъ молчаніемъ все, что касалось духовъ и, вообще, небесныхъ существъ. Его умъ былъ всецѣло поглощенъ земными дѣлами, и онъ не вдавался въ область, которую считалъ туманною и безполезною. Онъ утверждалъ, что духи достойны поклоненія, но находилъ, что частое упоминаніе о нихъ можетъ повести къ суевѣрію. „Духовъ нужно уважать, — говорилъ онъ, — но вмѣстѣ съ тѣмъ держаться отъ нихъ въ отдаленіи“. На вопросъ, какъ служить духамъ, онъ отвѣчалъ: „Вы не умѣете служить людямъ, какъ же вы можете служить духамъ?“ Возставая противъ суевѣрнаго отношенія къ духамъ, онъ, однако, признавалъ ихъ постоянное присутствіе. „Какъ многочисленны способности безплотныхъ существъ, — говорилъ онъ: — мы ихъ ищемъ и не видимъ, слушаемъ и не слышимъ, между тѣмъ они проникаютъ повсюду, и нѣтъ ничего безъ нихъ; они заставляютъ жителей имперіи поститься, очищаться и наряжаться въ богатѣйшія одежды, чтобы совершать имъ жертвоприношенія. Тогда, подобно дождевой водѣ, они окутываютъ поклонника сверху и справа, и слѣва“.

Культъ духовъ не представляетъ благоговѣйнаго поклононія имъ, какъ божествамъ, а въ сущности сводится только къ почтительному признанію ихъ бытія. Сами по себѣ духи не могутъ оказывать вліянія на судьбу людей, и даже иногда люди ставятся выше ихъ; но за почтительность къ нимъ Небо награждаетъ, а за непочтеніе посылаетъ наказанія. Иногда, какъ, напримѣръ, въ приведенной выше молитвѣ, они служатъ посредниками между человѣкомъ и Шангъ-Ти и приблизительно соотвѣтствуютъ христіанскимъ святымъ.

Высшимъ предметомъ поклоненія у древнихъ китайцевъ былъ Шангъ-Ти. Небо высоко и велико, но Шангъ-Ти управляетъ и небомъ и землею. По его милости царствуютъ правители и процвѣтаютъ народы; по его указанію свергаются съ престола недостойные и разрушаются цѣлыя царства. Подобно тому, какъ земной владыка управляетъ царствомъ, такъ Шангъ-Ти управляетъ лазурнымъ небомъ.

Поклоненіе Шангъ-Ти — самая древняя и самая священная форма китайскаго культа. Въ царствованіе Хуангъ-Ти (2697 г. до Р. X.) въ его честь былъ построенъ храмъ, а въ слѣдующемъ вѣкѣ къ обрядамъ, совершаемымъ передъ его алтаремъ, присоединена была музыка. Воздавая поклоненіе Шангъ-Ти, правитель надѣвалъ мѣховую одежду и корону и приносилъ ему на кругломъ холмѣ всесожженіе, — первенца мужского пола. Ему молились во всѣхъ важныхъ случаяхъ. Въ глазахъ императора и народа онъ являлся личнымъ богомъ, который направлялъ ихъ на истинный путь, поддерживалъ ихъ въ затрудненіяхъ и каралъ за грѣхи. Когда Т'ангъ, основатель династіи Шангъ, свергнулъ (въ 1766 г. до Р. X.) нечестиваго Кіе, послѣдняго императора изъ династіи Хіа, то, чтобы сложить съ себя обвиненіе въ мятежѣ, онъ выпустилъ прокламацію, въ которой говорилъ: „Правитель Хіа былъ оскорбителемъ, а я боюсь Шангъ-Ти и потому не могу не наказать его". Обращаясь къ народу, онъ сказалъ: „Я не осмѣлюсь скрывать добра, которое есть въ васъ, и за зло, которое во мнѣ, не осмѣлюсь оправдывать себя. Я буду смотрѣть на эти вещи, какъ повелѣваетъ Шангъ-Ти". Вѣрованіе Т'анга въ то, что Шангъ-Ти принимаетъ участіе въ людскихъ дѣлахъ, выражается слѣдующими словами: „Онъ осыпаетъ благословеніями добрыхъ и изливаетъ несчастія на злыхъ".

Съ теченіемъ времени вѣра въ личность Шангъ-Ти стушевалась, и онъ со своего главенства былъ низведенъ на уровень безличнаго Неба. Дѣйствительно, позднѣйшіе комментаторы утверждаютъ, что Шангъ-Ти есть Небо, Лазурное Небо, Величайшее Божество въ пурпуровомъ, темномъ дворцѣ, самый почитаемый въ небѣ, и т. д.; однако, всѣ эти эпитеты даютъ очень несовершенное понятіе о томъ, какъ на него смотрѣли Яо, Шунъ и древніе мудрецы.

Къ несчастью, въ этомъ пунктѣ Конфуцій также уклонился отъ болѣе высокой вѣры своихъ предковъ. Санкціонируя культъ духовъ и совершенно умалчивая о Шангъ-Ти, онъ низвелъ это существо до положенія одного изъ заправилъ Неба. О Шангъ-Ти онъ говоритъ только въ одномъ мѣстѣ, гдѣ указываетъ на тотъ фактъ, что „совершая жертвоприношенія Небу и Землѣ, цари Ванъ и Ву служили Шангъ-Ти, а церемоніи въ храмахъ они посвящали

своимъ предкамъ". Какъ видно изъ этого замѣчанія, Конфуцій понималъ, что въ основѣ различныхъ религіозныхъ обрядовъ, которые были въ ходу у древнихъ китайцевъ, лежалъ культъ Единаго Бога, но онъ не воспользовался этимъ ученіемъ и не извлекъ изъ него ничего, чтобы одухотворить собственныя доктрины или усовершенствовать собственные обряды. Ему самому достаточно было примѣра земной жизни древнихъ мудрецовъ, чтобы идти по тому же пути добродѣтели, и онъ ошибочно предположилъ, что это вліяніе будетъ въ равной мѣрѣ простираться на всѣхъ людей.

Ученіе Конфуція исходило изъ того вѣрованія, что всѣ люди родятся одинаково добрыми. Но даже самъ онъ допускалъ, что мірскія и плотскія искушенія могутъ запятнать первобытную чистоту человѣка; а его странствованія отъ одного двора къ другому должны были въ сущности показать ему, что для искорененія преступныхъ страстей, порочныхъ привычекъ и слабости воли нужны болѣе энергичныя мѣры, чѣмъ созерцаніе добродѣтели Яо и чистоты Шуна.

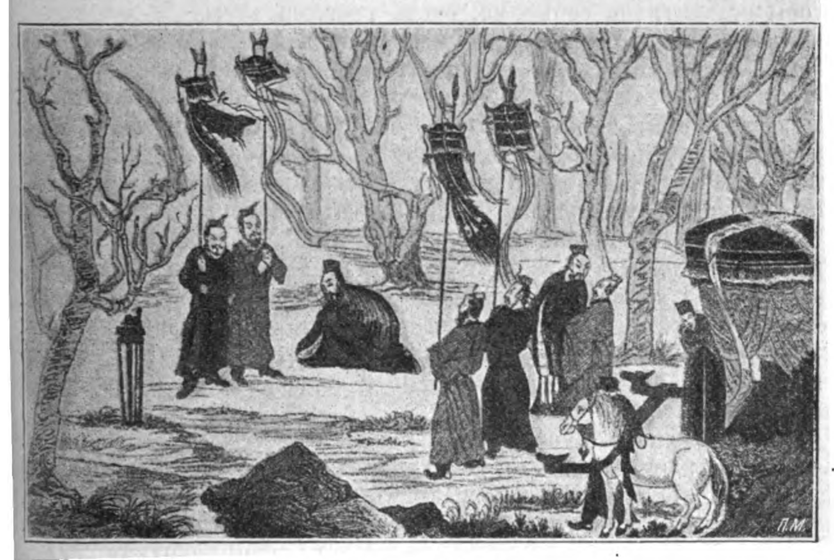
Несмотря на недомолвки Конфуція, культъ Шангъ-Ти продолжалъ процвѣтать, быть-можетъ, нѣсколько уклонившись отъ первобытной чистоты. Не подлежитъ сомнѣнію, что по оказываемому почету Шангъ-Ти занимаетъ высшее мѣсто въ китайскомъ пантеонѣ. До сихъ поръ императоръ при самой торжественной обстановкѣ воздаетъ поклоненіе Шангъ-Ти на кругломъ холмѣ, къ югу отъ Пекина. „Алтарь представляетъ чудное мраморное сооруженіе, къ которому ведутъ 27 ступенекъ. Каждая изъ его трехъ террасъ обнесена балюстрадой. Надъ нимъ возвышается великолѣпное круглое зданіе 99-ти футовъ высоты, съ трехъэтажною крышей... Эти постройки находятся въ тѣнистой кипарисовой рощѣ и напоминаютъ посѣтителю обычаи ветхозавѣтныхъ языческихъ народовъ или торжественную сѣнь нѣкоторыхъ древне-греческихъ храмовъ. Наканунѣ жертвоприношенія императоръ удаляется въ комнату Поста, которая прилегаетъ съ запада къ южному алтарю. Предварительно осмотрѣвъ жертвенные дары, онъ проводитъ здѣсь ночь въ бодрствованіи и размышленіи. Таблички Верховнаго Правителя Неба (т. е. Шангъ-Ти) и предковъ императора хранятся въ часовняхъ позади каждаго алтаря. Иконъ нигдѣ нѣтъ. Обѣ часовни круглой формы и крыты синими фарфоровыми черепицами... Южный алтарь преставляетъ самое важное изъ всѣхъ китайскихъ религіозныхъ строеній. Онъ состоитъ изъ трехъ круглыхъ террасъ; нижняя имѣетъ 210 футовъ въ діаметрѣ, средняя 150, а верхняя 90. Интересно отмѣтить здѣсь значеніе, которое придается кратнымъ отъ трехъ: $3\times3=9$, $3\times5=15$; $3\times7=21$. Высота террасъ: верхней — 5,72 фута, средней — 6,23, а нижней — 5 футовъ. Во

время жертвоприношенія, на вершину алтаря ставятся таблички Неба и предковъ императора. Онѣ имѣютъ два фута пять дюймовъ въ длину и пять дюймовъ въ ширину; заголовокъ написанъ золочеными буквами. Табличка Неба обращена на югъ, а таблички императоровъ — на востокъ и на западъ. Императоръ и его свита становятся на колѣни противъ таблички Шангъ-Ти, обращаясь лицомъ на сѣверъ. Площадка выложена мраморными плитами, образующими девять концентрическихъ круговъ. Центральная плита представляетъ правильный кругъ. Здѣсь императоръ становится на колѣни. Онъ окруженъ сначала кругами террасъ и ихъ стѣнами, а затѣмъ кругомъ горизонта. Такимъ образомъ, онъ мнитъ себя и свой дворъ въ центрѣ вселенной, а, обращаясь на сѣверъ въ смиренной позѣ, онъ молитвой и внѣшнимъ видомъ показываетъ, что онъ ниже Неба, но только Неба. Девять круговъ на площадкѣ обозначаютъ такое же число небесъ. Они состоятъ послѣдовательно изъ девяти плитъ, затѣмъ изъ слѣдующихъ кратныхъ девяти, а внѣшній кругъ заключаетъ въ себѣ восемьдесятъ-одну плиту, то-есть квадратъ девяти, излюбленное число въ китайской философіи... Какъ и слѣдовало ожидать, съ жертвоприношеніями связаны извѣстныя ограниченія. Животныя, которыя употреблялись въ пищу древними китайцами, и земные плоды, которые имъ были извѣстны, считаются пригодными для жертвоприношеній, а продукты, сравнительно недавно введенные въ страну, непригодны. Небу приносятъ въ жертву цилиндрическій кусокъ синяго нефрита, длиною въ одинъ футъ. Прежде нефритъ употреблялся, какъ символъ владычества. Но главная отличительная черта высокаго жертвоприношенія Небу это — всесожженіе". (Edkins).

По конфуціанскому распредѣленію людей, слѣдующее мѣсто за мудрецомъ занимаетъ высшій человѣкъ. Характеристика его выяснена была только Конфуціемъ. Съ незапамятныхъ временъ въ китайской исторіи упоминается о мудрецахъ, но о высшемъ человѣкѣ, какимъ его описываетъ Четверокнижіе, въ Шу-Кингѣ, еще ничего не говорится. Конфуцій развилъ понятіе о высшемъ человѣкѣ, составляющее отличительную черту его философіи. Мудрецъ считается неспособнымъ ко злу. Отъ рожденія онъ обладаетъ совершенно чистою натурой, и ему остается только слѣдовать побужденіямъ своей воли, чтобы идти по пути добродѣтели. Онъ не знаетъ искушеній, онъ не поддается обольщеніямъ. Но высшій человѣкъ не таковъ: онъ подверженъ ошибкамъ и заблужденіямъ, которыя, хотя и проходятъ, какъ затменія солнца и луны, но видны всѣмъ людямъ. Отъ природы онъ не одаренъ особыми преимуществами, но, если постарается усовершенствовать врожденное добро, то его „путь отождествится съ путемъ Неба,

Земли и всѣхъ вещей", и онъ достигнетъ положенія высшаго человѣка.

Онъ стремится къ девяти вещамъ: вглядываясь, видѣть ясно; вслушиваясь, слышать отчетливо; въ выраженіяхъ быть мягкимъ, въ поведеніи — благопристойнымъ, въ рѣчи — искреннимъ, въ исполненіи обязанностей — почтительнымъ, въ сомнѣніи наводить справки, въ гнѣвѣ думать о препятствіяхъ, въ выгодныхъ предпріятіяхъ думать о честности. Онъ избѣгаетъ трехъ вещей: въ юности, когда физическія силы еще не установились, онъ избѣгаетъ вожделѣній; въ зрѣломъ возрастѣ, когда физическія силы

Поклоненіе Небу.

въ полномъ расцвѣтѣ, онъ избѣгаетъ ссоръ; въ старости, когда организмъ приходитъ въ упадокъ, онъ избѣгаетъ скряжничества.

Высшій человѣкъ во всемъ прямодушенъ. Всѣ его поступки отличаются благопристойностью и искренностью. Онъ безупреченъ и безстрашенъ; глубина науки освободила его умъ отъ опасеній и сомнѣній. Его ничто не приводитъ въ замѣшательство, такъ какъ мудрость, человѣколюбіе и доблесть — его неизмѣнные спутники. Къ предписаніямъ Неба и великихъ людей и къ словамъ мудрецовъ онъ одинъ относится съ почтительнымъ благоговѣніемъ, и не изъ раболѣпства, а потому что онъ можетъ понять заключенную въ нихъ мудрость. Простое краснорѣчіе не имѣетъ

на него вліянія. Онъ не придаетъ значенія жизненнымъ удобствамъ и смѣется надъ нуждою, такъ какъ его стремленія направлены къ „небесному пути“, а не къ ѣдѣ. По той же причинѣ онъ безразлично относится къ богатству и бѣдности. Онъ любитъ общество себѣ подобныхъ ученыхъ и учащихся и старается усовершенствовать свою добродѣтель, бесѣдуя съ друзьями. Онъ никогда не задумается дополнить свои знанія разслѣдованіями. Онъ изучаетъ прошедшее и знаетъ настоящее. Онъ требователенъ только къ себѣ и неудовлетворенъ собою. Пренебреженіе современниковъ не огорчаетъ его, но мысль, что онъ недостаточно добродѣтеленъ, чтобы оставить по себѣ имя, очень тревожитъ его.

Конфуцій самого себя не считалъ высшимъ человѣкомъ. „Въ пути высшаго человѣка, — говорилъ онъ — есть четыре вещи, изъ которыхъ я до сихъ поръ не достигъ ни одной, а именно: служить отцу такъ, какъ я хотѣлъ бы, чтобы сынъ служилъ мнѣ; служить государю такъ, какъ я хотѣлъ бы, чтобы мой слуга угождалъ мнѣ; служить старшему брату такъ, какъ я хотѣлъ бы, чтобы мой младшій братъ служилъ мнѣ; поступать съ другомъ такъ, какъ я хотѣлъ бы, чтобы онъ поступалъ со мной. Высшій человѣкъ настойчиво развиваетъ въ себѣ добродѣтели, но мало говоритъ о нихъ. Если у него есть какой-нибудь недостатокъ въ поведеніи, то онъ сдерживается. Если у него проявляется словоохотливость, то онъ не даетъ ей ходу. Итакъ слова соотвѣтствуютъ его поступкамъ, а поступки словамъ. Не совершенная ли искренность образуетъ высшаго человѣка?“

Высшій человѣкъ постоянно стремится къ усовершенствованію. Конфуцій сравниваетъ его съ путникомъ, которому нужно шагъ за шагомъ пройти всю дорогу къ мѣсту своего назначенія, или, чтобы достигнуть вершины горы, нужно начать съ ея подножія. Онъ твердо и неуклонно идетъ по своему пути, сохраняя невозмутимое спокойствіе и терпѣливо ожидая указаній Неба. Заурядные люди, напротивъ, любятъ идти по опаснымъ дорогамъ и предпочитаютъ дожидаться какого-нибудь счастливаго событія вмѣсто того, чтобы наслаждаться спокойною увѣренностью, которая составляетъ удѣлъ идущихъ по „небесному пути“. Если же когда-нибудь нога высшаго человѣка соскользнетъ, то онъ поступитъ, какъ „стрѣлокъ, который, не попавъ въ центръ мишени, оборачивается и ищетъ причины этого въ самомъ себѣ“.

Когда Конфуція спрашивали, что такое высшій человѣкъ, то онъ отвѣчалъ: „Высшій человѣкъ просвѣщаетъ себя, чтобы доставить покой народу“. Благосостояніе народа было предметомъ постоянныхъ заботъ Конфуція и его послѣдователей, а главною цѣлью ихъ философіи было учредить такой порядокъ, чтобы ихъ соб-

ственный примѣръ отвлекалъ людей отъ дурныхъ дѣлъ и помысловъ и, взамѣнъ того направлялъ къ добродѣтели. Высшій человѣкъ скромно держитъ себя, почтительно относится къ старшимъ, добръ съ народомъ и справедливо правитъ имъ. Онъ рѣдко ссорится, но если это неизбѣжно, то сдерживается, и гнѣвъ его бываетъ направленъ только противъ такихъ людей, которые своимъ поведеніемъ заслуживаютъ презрѣнія. Онъ питаетъ отвращеніе къ тѣмъ, кто трубитъ о чужихъ недостаткахъ. Онъ питаетъ отвращеніе къ тѣмъ, которые, находясь въ низшемъ состояніи, поносятъ высшихъ. Онъ питаетъ отвращеніе къ тѣмъ, у которыхъ доблесть не уравновѣшена съ благопристойностью. Онъ питаетъ отвращеніе къ тѣмъ, которые смѣлы и рѣшительны, но въ то же время ограничены въ пониманіи.

Таковы характерныя черты высшаго человѣка, и это, по ученію Конфуція, вовсе не представляется недостижимымъ совершенствомъ. Путь къ положенію высшаго человѣка открытъ для всѣхъ, и ступени, которыя для этого нужно пройти, ясно обозначены. О нихъ рѣчь въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА IV.

Какъ воспитать изъ себя высшаго человѣка.

Различныя ступени нравственнаго совершенства, которыя нужно пройти для того, чтобы сдѣлаться высшимъ человѣкомъ, описаны слѣдующимъ образомъ въ Великомъ Ученіи: „Древніе, стремясь къ искренности помысловъ, раньше всего расширили до возможнаго предѣла свое знаніе. Расширеніе знанія происходитъ отъ изслѣдованія вещей. Изслѣдуя вещи, они достигли полнаго знанія. Когда они достигли полнаго знанія, то ихъ помыслы сдѣлались искренними. Когда ихъ помыслы сдѣлались искренними, то ихъ сердца исправились. Когда ихъ сердца исправились, то ихъ личность воспиталась. Когда ихъ личность воспиталась, то установились ихъ семьи. Когда ихъ семьи установились, то настало праведное управленіе въ княжествахъ. Когда настало праведное управленіе въ княжествахъ, то во всей имперіи водворились миръ и счастье“.

Главная цѣль ученія Конфуція есть достиженіе мира и счастья въ имперіи. Миръ и счастье — прямой результатъ дѣятельности высшихъ людей или же рѣдкихъ на землѣ мудрецовъ; поэтому весьма естественно, что высшіе люди занимаютъ центръ конфуціанской философіи. Высшій человѣкъ развивается не сразу, а постепенно. Каждую ступень нужно приготовить для того, чтобы идти дальше. Князь, который хочетъ преобразовать своей народъ, долженъ начать съ ученія, какъ гласитъ Ли-Ки. Это — фундаментъ, на которомъ зиждется его будущая постройка. Нѣтъ прямой дороги къ достиженію „небеснаго пути“. Если передъ человѣкомъ стоитъ сочное мясо, котораго онъ не ѣстъ, то онъ не узнаетъ его вкуса; если бы человѣкъ могъ достигнуть небеснаго пути безъ ученія, то онъ не понималъ бы его совершенства. Но человѣкъ такъ же не можетъ попасть на небесный путь безъ ученія, какъ алмазъ не можетъ идти въ дѣло безъ шлифовки.

Безъ ученія нельзя достигнуть цѣли, нельзя сохранить добродѣтель въ неприкосновенной чистотѣ. Если человѣкъ не умѣетъ

играть вѣрно, то онъ не можетъ настроить инструмента; если онъ не знаетъ метафоръ, то не можетъ писать стиховъ; если не изучитъ цвѣтовъ платья, то не можетъ сообразоваться съ законами благопристойности; если искусства не будутъ процвѣтать, то онъ не найдетъ отрады въ ученіи. Поэтому, высшій человѣкъ отдается ученію, совершенствуется, отдыхаетъ и чувствуетъ удовлетвореніе; любить ученіе значитъ приближаться къ знанію. Безъ этого милосердіе переходитъ въ безуміе, мудрость — въ туманность, искренность — въ безпечность, прямота — въ грубость, смѣлость — въ распущенность, твердость — въ легкомысліе.

Учиться нужно разсудительно. Нельзя отдѣлять ученія отъ мысли и наоборотъ. „Ученіе безъ мысли — потерянный трудъ, а мысль безъ ученія опасна". Развитіе самостоятельнаго мышленія не входитъ въ конфуціанскую систему. Совершенная мудрость составляетъ удѣлъ однихъ лишь древнихъ мудрецовъ; слѣдовательно, надежнѣйшее средство пріобрѣсти высшее знаніе заключается въ размышленіи о дѣлахъ и рѣчахъ этихъ избранниковъ. Никакими умственными усиліями человѣкъ не можетъ превзойти или даже достигнуть высшей мудрости Яо и Шуна; поэтому, вѣрнѣйшій путь, чтобы пріобрѣсти хоть крупицу ихъ божественныхъ знаній, лежитъ въ изученіи и созерцаніи ихъ дѣятельности. „Я провелъ цѣлый день безъ пищи, — говорилъ Конфуцій, — и цѣлую ночь безъ сна, предаваясь размышленію, но это не привело ни къ чему. Лучше всего учиться".

Главнымъ предметомъ изученія должна быть истина, а затѣмъ самоусовершенствованіе и познаніе собственныхъ заблужденій. По мнѣнію Конфуція, это лучше всего достигается, если изучать житія древнихъ святыхъ и праведниковъ, Книгу Поэзіи, Правила Благопристойности и Книгу Перемѣнъ. О послѣдней онъ сказалъ, какъ было упомянуто выше: „Если бы мнѣ суждено было прожить еще нѣкоторое время, то я отдалъ бы пятьдесятъ лѣтъ на изученіе Книги Перемѣнъ и тогда могъ бы считать себя освобожденнымъ отъ великихъ заблужденій". Итакъ, благодаря ученію, человѣкъ долженъ узнать свои ошибки, опредѣлить неровности своего характера и расчистить дальнѣйшій путь къ добродѣтели.

Ученіемъ дополняются знанія, и тогда человѣкъ достигаетъ полнаго пониманія сущности вещей. Такое знаніе должно быть основательнымъ, и вырабатывается оно путемъ изслѣдованія. Оно обнимаетъ всѣ предметы отъ самаго высокаго до самаго низменнаго. Конфуцій говорилъ, что въ пятьдесятъ лѣтъ онъ узналъ рѣшенія Неба; такимъ образомъ, можно познавать и самое Небо. Въ данное Конфуціемъ опредѣленіе знанія входитъ также знаніе людей; не знать людей гораздо хуже, чѣмъ если люди васъ не

знаютъ. Человѣкъ долженъ давать себѣ отчетъ въ томъ, что онъ знаетъ и чего не знаетъ. „Сказать вамъ, что такое знаніе? — спрашивалъ Конфуцій. — Если вы знаете что-нибудь, то утверждайте, что вы это знаете; а если вы чего-нибудь не знаете, то сознавайтесь, что вы этого не знаете. Это и есть знаніе“. Такимъ образомъ, какъ сказалъ Чуангъ-Цзы, человѣкъ долженъ стоять твердо, подобно стулу на четырехъ ножкахъ, которыя всѣ цѣлы и одинаковой длины. Человѣкъ, неувѣренный или несовершенный въ знаніи, подобенъ стулу, въ которомъ недостаетъ ножки или который стоитъ криво и поэтому непригоденъ для пользованія.

Изученіе исторіи открываетъ богатый источникъ знанія. Конфуцій, по словамъ Цзы-Кунга, пріобрѣлъ свое знаніе созерцаніемъ доктринъ и дѣятельности царей Вана и Ву. Постановленія династіи Хіа можно узнать, какъ говорилъ Конфуцій, изучая постановленія династіи Инь; постановленія Инь можно узнать, изучая Чоу, а постановленія Чоу можно узнать, изучая постановленія позднѣйшихъ династій, даже на промежуткѣ многихъ вѣковъ. Одного знанія еще не достаточно. „Хорошо, если человѣкъ достигаетъ знанія, — говорилъ Конфуцій, — но если у него нѣтъ достаточно добродѣтели, чтобы удержать это знаніе, то онъ потеряетъ все, что пріобрѣлъ. Если даже у него достаточно добродѣтели, чтобы удержать знаніе, но онъ не способенъ управлять достойно, то народъ не будетъ уважать его. Опять-таки, если у него достаточно знанія и добродѣтели, и онъ способенъ достойно управлять, но старается возбудить народъ противъ правилъ благопристойности, то онъ не можетъ достигнуть полнаго совершенства“. Истинное знаніе помогаетъ человѣку различать истину отъ лжи и во всемъ, что онъ изучаетъ, усвоивать добро и отвергать зло. Отъ него требуется еще больше: онъ долженъ любить истину въ такой же мѣрѣ, какъ знать ее, и наслаждаться ею въ такой же степени, какъ любить ее. Тогда только можно сказать, что онъ усовершенствовалъ себя и все созданное. Это — верхъ знанія.

Благодаря усовершенствованію истиннаго знанія, мысли и намѣренія сердца дѣлаются искренними. Это значитъ, какъ гласитъ Великое Ученіе, „что мы не допускаемъ самообольщенія, изъ того же чувства, какъ мы ненавидимъ дурной запахъ и любимъ все прекрасное. Это называется внутреннимъ наслажденіемъ. Поэтому высшій человѣкъ долженъ слѣдить за собою, даже когда онъ одинъ“. Мысли или намѣренія исходятъ изъ сердца; тотъ, кто хочетъ исправить свое сердце, долженъ сначала сдѣлать свои намѣренія искренними, подобно тому, какъ человѣкъ, на домъ котораго напали разбойники, долженъ сначала выгнать враговъ, а

затѣмъ уже смотрѣть, что сталось съ его семьей; или же какъ огородникъ сначала долженъ выполоть грядки, а потомъ уже сѣять.

Человѣкъ съ неустановившимися намѣреніями подобенъ кораблю безъ компаса или лошади безъ узды. Намѣренія человѣка столь же часто направляются въ дурную сторону, какъ и въ хорошую. Поэтому онъ долженъ стремиться къ такимъ же намѣреніямъ, какъ И-Инь, который находилъ наслажденіе въ Тао императоровъ Яо и Шуна. По словамъ Шу-Кинга, „намѣренія должны утверждаться на томъ, что справедливо, и словамъ нужно внимать, поскольку они соотвѣтствуютъ справедливости“. Желанія и намѣренія сердца должны быть направлены только къ тому, что справедливо; и если воля утверждается на добродѣтели, то испорченность не можетъ имѣть мѣста.

Ничѣмъ нельзя совратить съ пути человѣка, обладающаго твердою волей. „Правитель большого государства можетъ погибнуть,— говорилъ Конфуцій,—но воля не можетъ быть отнята даже у самаго обыкновеннаго человѣка“. Человѣкъ, конечно, можетъ поддаться искушенію и отречься отъ воли, какъ, напримѣръ, Хвуй и Шао-Линъ, которые, по словамъ Конфуція, „отреклись отъ воли и поддались скверне, хотя ихъ рѣчи и носили здравый смыслъ, а поступки были такими, какъ ихъ жаждутъ видѣть люди“. Самая надежная основа для воли, это — ученіе. „Въ пятнадцать лѣтъ,— говорилъ Конфуцій, — мой умъ былъ склоненъ къ ученію; въ тридцать лѣтъ я стоялъ твердо, въ сорокъ я уже не имѣлъ сомнѣній, въ пятьдесятъ я зналъ рѣшенія Неба, въ шестьдесятъ — мое ухо было послушнымъ органомъ для воспріятія истины, въ семьдесятъ я могъ слѣдовать желаніямъ своего сердца, не нарушая справедливости“.

Настойчивое изученіе въ связи съ волей, которая твердо и искренно направлена на путь долга, несомнѣнно, приведетъ человѣка къ добродѣтели. Усовершенствовавъ свое знаніе, онъ можетъ безошибочно различать истину; а если его умъ будетъ склоненъ къ истинѣ, то онъ уже вступитъ на широкій путь къ исправленію сердца.

Не придерживаясь крайняго мнѣнія объ испорченности человѣческаго сердца, конфуціанцы, однако, полагаютъ, что оно неспокойно и склонно къ заблужденіямъ, а стремленія его къ истинному пути ничтожны. Изъ сердца исходятъ: удовольствіе, гнѣвъ, печаль и радость, и если не контролировать этихъ чувствъ надлежащимъ образомъ, то они могутъ нарушить гармонію, которая должна царить въ умѣ высшаго человѣка. Эти дурныя страсти Чу-Хи уподобляетъ грязи, которая лежитъ на днѣ бочки, въ то

время, какъ вода на поверхности чиста и прозрачна. Когда же искушенія возбуждаютъ страсти, то это соотвѣтствуетъ поднявшейся со дна грязи, отъ которой вода становится мутной и нечистой. Въ Шу-Кингѣ говорится, что чиновники Иня поддались горделивой расточительности, забыли прямодушіе и съ дерзостью и похвальбой стали щеголять передъ людьми своими пышными нарядами; по естественному ходу дѣлъ они должны были окончательно испортиться, и хотя ихъ погибшія сердца отчасти исправились, но все же они не могли въ должной мѣрѣ обуздывать ихъ. Въ Великомъ Ученіи сказано, что, если человѣкъ находится подъ вліяніемъ страсти, то онъ не слѣдитъ за правильностью своего поведенія. То же бываетъ подъ вліяніемъ ужаса, нѣжнаго взора, горя или отчаянія. Если умъ (сердце) отсутствуетъ, то мы смотримъ и не видимъ, слышимъ и не понимаемъ, кушаемъ и не различаемъ вкуса того, что ѣдимъ.

Чтобы избѣгнуть этихъ тревожныхъ условій, нужно держаться истиннаго поведенія, которое указывается знаніемъ, и истиннаго пути, который былъ предварительно расчищенъ, благодаря тому, что мысли и намѣренія сердца сдѣлались искренними. Но важнѣе всего, чтобы добродѣтель была истинной, потому что только тогда сердце будетъ покойно. Малѣйшая примѣсь лицемѣрія вызоветъ смятеніе за смятеніемъ и глупость за глупостью. Человѣкъ, который праведенъ въ дѣлахъ и благопристоенъ въ сердцѣ своемъ, не только будетъ награжденъ въ этой жизни, но еще оставитъ великій примѣръ потомству. Въ древнихъ конфуціанскихъ книгахъ вездѣ проведенъ тотъ взглядъ, что земное благополучіе обусловливается добродѣтельностью. Книга Поэзіи объясняетъ внѣшнюю благопристойность царя Вана тѣмъ, что онъ въ сердцѣ питалъ благоговѣйное чувство долга, а благоденствіе въ его царствованіе — тѣмъ, что онъ почтительно и разумно служилъ Богу. Какъ и у всякаго высшаго человѣка, „богатство украшало его домъ, а добродѣтель — его личность. Сердце его изливалось, а тѣло было въ довольствѣ“.

Побужденія сердца выражаются въ формѣ привязанностей и желаній; необходимо, чтобы они направлены были надлежащимъ образомъ. Тотъ, кто вырабатываетъ изъ себя высшаго человѣка, любитъ ученіе, такъ какъ отъ него исходитъ знаніе. Но, раньше всего, сердце его направлено къ добродѣтели, такъ какъ съ нею ничто не можетъ сравниться. Онъ также любитъ прямодушіе, благопристойность и вѣрность. Если ко всему этому онъ стремится совершенно искренно, и умъ его свободенъ отъ всякаго самообольщенія или лицемѣрія, то, можно сказать, что сердце его исправлено.

Слѣдующая ступень въ стремленіи къ совершенству есть развитіе личности. Это перекрестокъ на Конфуціанскомъ „пути", съ котораго начинается поворотъ. До сихъ поръ человѣкъ занимался только самоусовершенствованіемъ, но, благодаря развитію личности, онъ начинаетъ влiять сначала на своихъ окружающихъ, а затѣмъ и на всю имперію. Поэтому каждый долженъ тщательно развивать свою личность не только ради себя, но и ради другихъ. Это особенно относится къ императору, который, съ искреннею добродѣтелью развивая свою личность, достигаетъ гармоническаго единенія съ подданными. Воспитаніе личности должно начинаться съ самоуглубленія. Каждый человѣкъ долженъ быть осмотрительнымъ въ словахъ и осторожнымъ въ поведеніи. Онъ долженъ избѣгать всего низкаго и тревожнаго и избирать: мѣстомъ жительства — милосердіе, дорогой — праведность, одеждой — пристойность, свѣтильникомъ — мудрость, и обаяніемъ — вѣрность. Конфуцій говорилъ, что достоинство, почтительность, преданность и вѣрность — качества развитого человѣка. Достоинство отдѣляетъ его отъ толпы; за почтительность его любятъ; за преданность ему подчиняются; за вѣрность ему довѣряютъ.

Всѣ эти качества, разумѣется, выражаются въ словахъ и въ поведеніи, поэтому люди первымъ дѣломъ должны слѣдить за своими рѣчами и поступками. Нужно внимательно относиться ко всѣмъ дѣламъ и обдуманно выражаться. Поведеніе должно соотвѣтствовать словамъ, потому что, если поведеніе людей лучше ихъ словъ, то ихъ рѣчи не будутъ казаться мудрыми, а если ихъ слова лучше поведенія, то это — непоправимый уронъ справедливости. Хотя слова и поведеніе исходятъ отъ отдѣльнаго лица, но пріобрѣтаютъ широкое значеніе и для другихъ. Высшему человѣку они служатъ источникомъ вліянія и управляютъ славой и позоромъ. „Высшій человѣкъ, — говоритъ Конфуцій, — словами направляетъ людей, а своимъ поведеніемъ предостерегаетъ ихъ".

Для этой цѣли слова его должны быть искренними и тщательно взвѣшенными. Ему надлежитъ быть осторожнымъ и медленнымъ въ рѣчахъ, которыя всегда должны быть наготовѣ и подходить къ случаю. „Конфуцій, — какъ гласятъ источники, — въ своей деревнѣ держался просто и искренно, какъ будто не умѣлъ говорить. Въ княжеской кумирнѣ или при дворѣ онъ говорилъ обо всемъ подробно, но осмотрительно. Прислуживая при дворѣ и разговаривая съ низшими чиновниками, онъ выражался свободно и прямо. Разговаривая съ высшими чиновниками, онъ выражался мягко, но точно".

Конфуцій говорилъ словами Шу-Кинга: „прекрасныя рѣчи и вкрадчивая наружность рѣдко соединены съ истинною добродѣ-

телью". Гдѣ есть добродѣтель, тамъ будутъ и соотвѣтственныя слова; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы добродѣтель была неизмѣнной спутницей прекрасныхъ рѣчей. Конфуцій вначалѣ, какъ онъ самъ говоритъ, судилъ о людяхъ по ихъ рѣчамъ, но впослѣдствіи сталъ взвѣшивать ихъ слова съ ихъ поведеніемъ. Къ словамъ не надо относиться презрительно, такъ какъ по нимъ мы узнаемъ людей, а изреченія высшаго человѣка служатъ примѣромъ для всѣхъ временъ.

Для высшаго человѣка позорно, если его поведеніе не согласуется со словами, и поступки и рѣчи его должны отличаться полною искренностью и добросовѣстностью. Онъ долженъ быть терпѣливымъ, кроткимъ и снисходительнымъ. „Есть ли такое слово,— спрашивалъ Цзы-Кунгъ, — которое можетъ служить правиломъ для всей жизни? Учитель сказалъ, не взаимность ли это? Чего вы не хотите себѣ, того не дѣлайте другимъ". Эту отрицательную форму Конфуцій измѣнилъ на положительную, говоря: „На пути высшаго человѣка есть четыре вещи, изъ которыхъ я до сихъ поръ еще не достигъ ни одной, а именно: служить моему отцу, какъ я хотѣлъ бы, чтобы сынъ служилъ мнѣ; служить государю такъ, какъ я хотѣлъ бы, чтобы мой слуга угождалъ мнѣ; служить старшему брату, какъ я хотѣлъ бы, чтобы мой младшій братъ служилъ мнѣ; сперва предлагать друзьямъ то, чего желаешь отъ нихъ".

Искреннее поведеніе человѣка служитъ внѣшнимъ видимымъ признакомъ имѣющейся въ немъ добродѣтели. Прежде всего необходимо, чтобы человѣкъ обладалъ добродѣтелью. Ее нужно хранить, развивать, совершенствовать и твердо держать, такъ какъ безъ нея погибнетъ даже величайшая дѣятельность, и самый гордый правитель будетъ униженъ. Она достаточно сильна, чтобы вліять на небо, и нѣтъ такого разстоянія, котораго она не могла бы пройти. Слава о таинственной добродѣтели Шуна, какъ гласитъ Шу-Кингъ, была услышана наверху, и ему опредѣлено было занять императорскій тронъ. Но могущество добродѣтели этимъ еще не ограничивается: она ставитъ человѣка на одну доску съ божествомъ, какъ, напримѣръ, Т'анга, который, неустанно и ревностно развивая свою добродѣтель, сдѣлался равнымъ Богу.

Конфуціанцы увѣрены, что добродѣтель государя, подобнаго Као-Яо, нисходитъ на народъ, какъ дождь или роса на землю, оплодотворяя почву сердецъ своимъ благотворнымъ примѣромъ, и полагаютъ, что если царь управляетъ страною, то этимъ признается его добродѣтель. Пусть только его добродѣтель ежедневно поддерживается, и не только населеніе имперіи, но и подданные всѣхъ сосѣднихъ государствъ будутъ любить его. Съ другой сто-

роны, если онъ будетъ своеволенъ, то отъ него отвернутся даже девять классовъ его родственниковъ. Добродѣтельный князь подобенъ полярной звѣздѣ, которая неподвижна, тогда какъ всѣ остальныя звѣзды обращаются вокругъ нея. Дикія племена со всѣхъ сторонъ добровольно покоряются ему; тронъ его утверждается на мудрости, такъ какъ добродѣтельный никогда не бываетъ одинокъ: въ его распоряженіи услуги мудрѣйшихъ людей имперіи.

Добродѣтель есть основной принципъ человѣческой природы, а радость есть сіяніе добродѣтели, какъ гласитъ Ли-Ки. Но добродѣтель не пріурочена къ неизмѣнному образцу и по необходимости ограничена способностями къ добру, свойственными каждой отдѣльной личности. По описанію Конфуція, она состоитъ изъ знанія, человѣколюбія и доблести. Конфуцій также говорилъ: „Считайте вѣрность и искренность основными принципами и поступайте справедливо; это — путь къ возвышенію добродѣтели". Къ счастью тѣхъ, кто къ ней стремится, она хотя возвышенна, но въ то же время очень скромна. Конфуцій про себя говорилъ, что онъ не можетъ равняться съ мудрецомъ или человѣкомъ, обладающимъ совершенной добродѣтелью; однако, его идеаломъ была „высшая степень добродѣтельныхъ поступковъ". Въ силу такихъ же побужденій Т'ае-Пихъ, старшій сынъ царя Т'ае „трижды отказывался отъ престола, а народъ, не зная, чѣмъ онъ руководился, не одобрялъ его поведенія". Добродѣтель можно еще понимать, какъ исполненіе обязанностей. Во времена Конфуція добродѣтель стояла на низкомъ уровнѣ; проявлялась она рѣдко, а любовь къ ней исчезла почти вездѣ, за исключеніемъ „меньшой братіи", „добрыхъ, старательныхъ поселянъ, которыхъ можно назвать ворами добродѣтели".

Всякому, кто дѣйствительно настойчиво стремится къ добродѣтели, искать ее не приходится далеко, а разъ она найдена, то человѣкъ обрѣлъ безцѣнное сокровище. Она лучше жизни; а богатство и почести не могутъ даже сравниться съ нею. Она даетъ сердцу покой и ставитъ человѣка выше заботъ, стремленій и вожделѣній земной жизни. Она дѣйствуетъ безмолвно и не нуждается въ глашатаяхъ, чтобы возвѣщать о своемъ присутствіи. „Дѣйствія высшаго Неба не имѣютъ ни звука, ни запаха. Это совершенная добродѣтель".

Значеніе, которое Конфуцій придаетъ доблести, какъ составной части добродѣтели, стоитъ, очевидно, въ связи съ тѣмъ, что самъ онъ занимаетъ скорѣе положеніе политика-философа, чѣмъ моралиста. Главною цѣлью его было оберегаціе государства. Къ этому направлено все его ученіе, и, разумѣется, онъ придаетъ

высокое значеніе тѣмъ качествамъ, которыя, по его мнѣнію, могутъ привести къ желанному результату. Его понятіе о доблести не сводится къ простой физической храбрости. Наоборотъ, онъ придаетъ большое значеніе нравственному мужеству, которое помогаетъ человѣку стряхнуть съ себя вину и ошибки и заявить, несмотря на искушенія и соблазны, что онъ ищетъ справедливости. „Плыть по водѣ и смѣло смотрѣть въ лицо драконамъ,— говорилъ онъ, — есть доблесть рыбака; охотиться и не страшиться ни носороговъ, ни тигровъ — есть доблесть охотника; встрѣчать опасность съ оружіемъ въ рукахъ и смотрѣть на смерть, какъ на жизнь, есть доблесть солдата; но признавать, что бѣдность является по волѣ Неба и что людскими дѣлами управляютъ теченія, и не страшиться трудностей — такова доблесть мудреца".

Высшая доблесть идетъ объ руку со знаніемъ, и такую доблесть наглядно проявилъ Конфуцій, когда на него съ учениками въ Куангѣ напали многочисленные враги. Ученики высказывали опасенія за его участь, но онъ отвѣчалъ: „Развѣ послѣ смерти царя Вана истинное ученіе не вселилось въ меня? Если бы Небо хотѣло, чтобы истинное ученіе погибло, то оно не поставило бы меня въ такія отношенія съ нимъ. Но такъ какъ Небо не дастъ погибнуть истинному ученію, то что же можетъ сдѣлать мнѣ населеніе Куанга?"

Когда въ странѣ царитъ миръ, то, какъ гласитъ Ли-Ки, добродѣтель служитъ для того, чтобы утвердить благопристойность и справедливость; если же въ странѣ господствуютъ смуты, то она помогаетъ въ борьбѣ и въ побѣдѣ. Такимъ образомъ, добродѣтель нужна во всякое время, потому что безъ нея люди становятся непокорными и мятежными. Доблесть, которая не сдерживается разумомъ, переходитъ въ безпорядочность и распущенность. Людскія сердца тогда „попадаются въ плѣнъ къ глазамъ и ушамъ". Люди стремятся къ дѣятельности и падаютъ жертвой перваго дурного совѣта или перваго порыва страсти. Но истинно мужественный человѣкъ долженъ быть праведнымъ и милосерднымъ; онъ долженъ поступать такъ, какъ считаетъ справедливымъ, и спокойно встрѣчать невзгоды. Кто-то сказалъ, что солдату нужно больше мужества, чтобы бѣжать съ поля битвы, чѣмъ встрѣтить лицомъ къ лицу непріятеля. Конфуцій, повидимому, раздѣлялъ это мнѣніе, такъ какъ онъ говорилъ: „Испытывать чувство стыда, значитъ приближаться къ доблести".

По словамъ Конфуція, совершенная добродѣтель характеризуется милосердіемъ, такъ какъ оно есть корень прямодушія. Имъ держатся всѣ отношенія въ обществѣ. Высшій человѣкъ, представляющій воплощеніе милосердія, при его посредствѣ охраняетъ

народъ. Особеннаго развитія оно достигаетъ въ привязанности къ родственникамъ, но оно простираетъ свое гуманное вліяніе даже внѣ круга друзей и за предѣлами отношеній между правителями и подчиненными. Оно распространяется на все человѣчество. По опредѣленію Ханъ Фей-Цзы, милосердіе есть любовь къ людямъ, радостно исходящая изъ искренняго сердца, а, по опредѣленію Конфуція, милосердіе есть любовь ко всѣмъ людямъ. Главный врагъ, съ которымъ милосердію приходится бороться, это—эгоизмъ. Трудно быть милосерднымъ посреди себялюбивыхъ желаній, гласитъ Ли-Ки. Однако, милосердіе можетъ служить рычагомъ, чтобы поднять и удалить скупость. Понятно, что истинное милосердіе не можетъ существовать рядомъ съ эгоизмомъ. Кротость есть корень милосердія, почтительная настойчивость — его почва, а благородное великодушіе — его результатъ. Человѣкъ долженъ побѣдить свое *Я*, чтобы сдѣлаться поистинѣ милосерднымъ. Достоинство, по словамъ Конфуція, приближается къ благопристойности, умѣренность — къ милосердію, а вѣрность — къ любви.

Милосердіе должно идти объ руку съ разсудительностью, а не вытекать изъ одного лишь минутнаго побужденія. „Если милосердный человѣкъ узнаетъ, что кто-нибудь упалъ въ колодецъ,— спросилъ Конфуція одинъ изъ учениковъ, — то бросится ли онъ на помощь?“—„Зачѣмъ же?— отвѣчалъ мудрецъ.-- Высшаго человѣка можно убѣдить, чтобы онъ пошелъ къ колодцу, но нельзя заставить броситься въ середину. Его можно надуть, но нельзя одурачить“. Хотя милосердіе близко отъ тѣхъ, кто къ нему стремится, но случается, что и высшіе люди не познаютъ его; однако, не было примѣра, чтобы оно свойственно было человѣку обыкновенному. Для высшихъ людей эта добродѣтель имѣетъ особенную цѣну, и ни въ какомъ случаѣ они не дѣйствуютъ несогласно съ нею. Въ минуту спѣха они хватаются за нее, во время опасности они цѣпляются за нее.

Милосердіе тѣмъ труднѣе достижимо для ученика, что противовѣсъ ему оказываетъ эгоизмъ. Эгоизмъ сильно вліяетъ на человѣка, и избавить отъ него можетъ только могила. Но тотъ, кто поистинѣ стремится къ милосердію, обладаетъ совершенно достаточною силой для борьбы съ нимъ. Къ несчастью, въ сердцахъ большинства людей эгоизмъ сильнѣе, чѣмъ милосердіе, и многіе стряхиваютъ съ себя то, что сидитъ въ нихъ легко, а не то, что такъ трудно нести. „Милосердіе, — говорилъ Конфуцій, для человѣка значитъ больше, чѣмъ вода или огонь, однако, я видѣлъ людей, которые умирали, вступая въ воду или въ огонь, но никогда не видѣлъ, чтобы человѣкъ умеръ оттого, что всту-

пилъ на путь милосердія". Нѣкоторые люди тщетно борются, чтобы достигнуть его. Самъ Конфуцій не причислялъ себя къ совершенно милосерднымъ людямъ.

Есть, однако, различныя степени милосердія. Существуетъ милосердіе мудреца, милосердіе разумнаго человѣка, милосердіе добродѣтельнаго человѣка и милосердіе лицемѣра. Милосердіе даетъ мудрецу возможность узнать небо и пользоваться его явленіями, узнать землю и пользоваться ея богатствомъ, узнать людей, умиротворять и удовлетворять ихъ. Милосердный лицемѣръ только съ виду умѣренъ и церемоніально чистъ. Когда наступаютъ смуты, то онъ не можетъ ихъ уладить и ничего не дѣлаетъ, чтобы искоренить порокъ и вѣроотступничество. Хотя бы онъ жилъ въ деревнѣ, онъ имѣетъ видъ сидящаго въ грязи и углѣ. Если ему велятъ явиться ко двору, онъ выражаетъ свою готовность идти въ огонь и въ воду. Но онъ беретъ на службу только своихъ и ѣстъ только свою пищу. Онъ легко относится къ смерти, пренебрегаетъ своими братьями, и всѣ его планы разстраиваются. Таково милосердіе лицемѣра. Но съ другой стороны, „если воля будетъ направлена къ милосердію, то испорченность не будетъ имѣть мѣста".

Чтобы правильно понять то, что Конфуцій разумѣлъ подъ милосердіемъ, мы должны разсмотрѣть качества, изъ которыхъ, по его мнѣнію, слагается вышеупомянутая добродѣтель. Эти чувства: взаимность, преданность, почтительность и вѣра. Первыя два настолько близки между собою, что китайскіе философы всегда трактуютъ о нихъ вмѣстѣ. Взаимность, какъ говорятъ они, вытекаетъ изъ преданности; послѣдняя есть корень, а взаимность — стволъ; преданность есть сущность, а взаимность — отраженіе. Объясняя, что такое взаимность, Конфуцій счелъ болѣе удобнымъ на примѣрѣ показать, гдѣ ея нѣтъ. Если правитель, неспособный вести дѣла, ожидаетъ, чтобы министры служили ему; если человѣкъ, не питающій сыновняго чувства, ждетъ, чтобы дѣти относились къ нему должнымъ образомъ; если старшій братъ, не знающій уваженія, ждетъ, чтобы младшій относился къ нему подобострастно, то, во всѣхъ этихъ случаяхъ, взаимности нѣтъ. Ставить себя на мѣсто другого, это — взаимность, а отдавать кому-нибудь всю свою душу, это — преданность.

Отдаваться всею душой исполненію обязанностей, значитъ быть преданнымъ, сказалъ Конфуцій. Такимъ образомъ, эта добродѣтель входитъ во всѣ жизненныя сношенія. Нѣтъ того случая, гдѣ нельзя было бы проявить самопожертвованія, но это особенно примѣнимо къ высшему виду преданности, именно къ патріотизму. Министры съ преданностью должны служить своему повелителю,

народъ — императору, и даже цари — своимъ подданнымъ. Люди должны съ преданностью исполнять свои обязанности по отношенію къ ближнимъ, а друзья должны съ преданностью увѣщевать одинъ другого въ затрудненіяхъ и соблазнахъ. Но есть предѣлъ для послѣдняго проявленія преданности. „Увѣщевай своего друга и кротко старайся направить его на путь, — говоритъ Конфуцій, — если же онъ окажется несговорчивымъ, то остановись, не унижайся!“ Главная цѣль преданности — принести благо. „Можетъ ли быть преданность, не ведущая къ поученію лица, на которое она направлена?“ — восклицалъ Конфуцій. Итакъ, она вдвойнѣ благословенна, и для лица дѣйствующаго, и для лица воспринимающаго. Хотя Кунгъ-цзы-ки-ю и гласитъ, что преданность приближается къ искренности, но она не всегда служитъ показателемъ совершенной добродѣтели. Такъ, напримѣръ, Цзы-Чангъ спрашивалъ: „Министръ Цзы-Ванъ трижды поступалъ на службу, не выражая при этомъ радости, и столько же разъ оставлялъ службу, не выказывая огорченія. Онъ всегда считалъ нужнымъ познакомить новаго министра со своими способами управленія. Что вы думаете о немъ?“ Учитель отвѣчалъ: „Онъ былъ преданнымъ.“ — „Былъ ли онъ вполнѣ добродѣтельнымъ?“ допытывался ученикъ. „Какъ можно признать его вполнѣ добродѣтельнымъ?“ гласилъ отвѣтъ. Хотя преданность можетъ существовать независимо отъ совершенной добродѣтели, но обратный случай невозможенъ. Безъ преданности патріотизмъ не имѣлъ бы мѣста, и всякій высокій, благородный поступокъ былъ бы запятнанъ примѣсью личнаго интереса, который и уничтожается преданностью.

Подобно тому, какъ преданность близка къ взаимности, такъ достоинство сродни почтительности, которая таится въ сердцѣ. Благодаря почтительности, высшій человѣкъ охраняетъ внутреннюю честность, а благодаря прямотѣ поддерживаетъ внѣшнюю правильность поведенія. Какъ и можно было ожидать, по ученію Конфуція, высшее проявленіе почтительности состоитъ въ должномъ уваженіи къ родителямъ. Это не должно быть небрежное исполненіе обыкновенныхъ обязанностей, „такъ какъ собаки и лошади способны сдѣлать то же“; нѣтъ, человѣкъ долженъ съ истиннымъ почтеніемъ служить и повиноваться родителямъ, какъ виновникамъ его существованія. На ряду съ родителями нужно почитать всѣхъ начальниковъ. Министры должны почтительно исполнять обязанности по отношенію къ своему правителю, и даже императоръ имѣетъ своего начальника въ Небѣ, къ которому онъ долженъ относиться почтительно. „Небо, — гласитъ Шу-Кингъ, — слышитъ и видитъ глазами и ушами народа. Небо одобряетъ или караетъ тогда, когда нашъ народъ одобряетъ или трепещетъ.

Таково отношеніе между низшимъ и высшимъ мірами. Какимъ почтительнымъ долженъ быть земной владыка!" Правитель долженъ относиться къ своимъ обязанностямъ съ почтительною заботливостью. „Въ моихъ сношеніяхъ съ милліоннымъ населеніемъ,—говорилъ Т'ай-Кангъ,—я испытывалъ такую же тревогу, какъ если бы правилъ шестью лошадьми съ перебитыми ногами. Какимъ почтительнымъ долженъ быть правитель людей!" Эта почтительность должна быть взаимной и, до извѣстной степени, условной. Правитель имѣетъ право на почтительность своихъ подданныхъ лишь до тѣхъ поръ, пока онъ управляетъ съ достоинствомъ и благопристойностью: въ этомъ случаѣ ему воздается должное; но онъ теряетъ право на народное уваженіе, какъ только перестаетъ служить на пользу добра.

Къ духамъ также надлежитъ относиться съ почтеніемъ. Однако, Конфуцій со свойственной ему нелюбовью ко всему сверхъестественному совѣтовалъ выказывать уваженіе духамъ, но держаться въ отдаленіи отъ нихъ. Наконецъ, люди должны быть почтительными между собою. „Пусть высшій человѣкъ всегда почтительно держитъ себя и съ уваженіемъ относится къ другимъ, пусть соблюдаетъ благопристойность, и тогда до четырехъ морей всѣ будутъ его братьями".

Вѣрность дополняетъ всѣ перечисленныя качества. Безъ нея они ничего не значатъ и выродятся въ пустое лицемѣріе. Вѣрность есть основа поведенія; она такъ же необходима для истинно-добродѣтельнаго поведенія, какъ лодка для переправы черезъ рѣку или весла для лодки. Если человѣкъ и хочетъ быть добрымъ, но въ своемъ поведеніи не руководится вѣрностью, то онъ подобенъ лодочнику безъ лодки или лодкѣ безъ веселъ. Ученый долженъ одѣваться вѣрностью, какъ броней. „Считай вѣрность и искренность основными принципами", говорилъ Конфуцій; настойчивость, съ которой онъ многократно повторялъ эти слова, заслуживаетъ вниманія. „Я не знаю,—говорилъ онъ,—какъ человѣкъ можетъ обойтись безъ вѣрности. Можно ли дѣлать телѣгу безъ ярма, чтобы впрягать воловъ, или колесницу безъ дышла, чтобы впрягать лошадей?"

Вѣрность имѣетъ большое значеніе для всѣхъ людей вообще, но особенно важна она въ отношеніяхъ между друзьями, а также между правителями и ихъ подчиненными. Философъ Цангъ говоритъ, что онъ ежедневно провѣрялъ свою вѣрность друзьямъ. А всего важнѣе, чтобы правители сохраняли вѣрность къ своимъ подданнымъ. Слово правителя должно ходить между подданными какъ неподдѣльная монета, иначе они перестанутъ почитать его и съ презрѣніемъ отвернутся отъ него. „Чтобы управлять стра-

ною съ тысячью телѣгъ, — говорилъ Конфуцій, — нужны: почтительное вниманіе къ дѣлу, вѣрность, экономія въ расходахъ и любовь къ народу".

Человѣкъ, который достигъ этихъ добродѣтелей и, такимъ образомъ, развилъ свою личность, способенъ управлять семьей. Въ семьѣ Конфуцій признавалъ средоточіе всѣхъ государственныхъ отношеній. Глава семейства долженъ обладать тѣми же добродѣтелями, какъ и правитель, а дѣти должны относиться къ отцу съ такимъ же уваженіемъ, какъ подданные къ государю. Поэтому человѣкъ, который можетъ управлять семьею, можетъ управлять и государствомъ. Какъ глава семьи, онъ есть представитель Неба и прототипъ государя. „Когда существуютъ Небо и Земля, - гласитъ И-Кингъ, — то существуетъ все; если существуетъ все, то существуютъ мужское и женское начала; если существуютъ мужское и женское начала, то существуютъ супружескія отношенія. Изъ супружескихъ отношеній вытекаютъ отношенія между отцомъ и сыномъ; если существуютъ отецъ и сынъ, то существуютъ князь и министръ; если существуютъ князь и министръ, то есть высшій и низшій классъ; если есть высшій и низшій классъ, то есть обмѣнъ приличія и благопристойности".

„Человѣкъ не можетъ учить другихъ, если не въ состояніи поучать собственной семьи, — говоритъ Конфуцій въ Великомъ Ученіи. — Поэтому правитель, не выходя изъ семьи, почерпаетъ государственную науку. Существуетъ сыновняя почтительность, — съ такимъ же чувствомъ нужно служить государю. Существуетъ братская покорность, — съ такимъ же чувствомъ нужно относиться къ старшимъ и начальникамъ. Существуетъ кротость въ обращеніи со всѣми людьми.... Примѣръ любящей семьи дѣлаетъ все государство миролюбивымъ. Любовь и вѣжливость семьи передаются всему государству. Въ то же время отъ честолюбія и испорченности одного человѣка все государство можетъ прійти въ разстройство. Такова сила примѣра". Этимъ подтверждаются слѣдующія слова: „Дѣла могутъ погибнуть отъ одного рѣшенія; царство можетъ утвердить одинъ человѣкъ. Яо и Шунъ милосердно управляли народомъ, и народъ шелъ по ихъ стопамъ. Приказы послѣднихъ противорѣчили ихъ дѣламъ, и народъ не повиновался имъ. Правитель долженъ самъ обладать достоинствами прежде, чѣмъ ихъ требовать отъ народа... Итакъ, управленіе государствомъ зависитъ отъ порядка въ семьѣ". Въ Книгѣ Поэзіи говорится: „Какъ красиво и нѣжно это персиковое дерево! какъ роскошна его листва! Эта дѣвушка идетъ въ домъ мужа. Она будетъ должнымъ образомъ управлять семьею". Если въ семьѣ будетъ царить порядокъ, то населеніе государства будетъ поучаться.

Въ Книгѣ Поэзіи также сказано: „Они могутъ исполнять обязанности по отношенію къ старшимъ братьямъ. Они могутъ исполнять обязанности по отношенію къ младшимъ братьямъ". Пусть правитель исполняетъ обязанности по отношенію къ старшимъ и младшимъ братьямъ, и тогда онъ можетъ поучать населеніе государства!

Въ Книгѣ Поэзіи еще сказано: „Въ его поведеніи нѣтъ ничего предосудительнаго; онъ совершенствуетъ населеніе государства". Да, если правитель служитъ образцомъ, какъ отецъ, сынъ и братъ, то народъ подражаетъ ему.

Мы разсмотрѣли совершенства, которыя свойственны высшему человѣку и благодаря которымъ онъ можетъ управлять семьею. Теперь намъ остается разсмотрѣть, каковы должны быть отношенія членовъ добродѣтельной семьи къ ея главѣ. Первою добродѣтелью въ сынѣ или въ подданномъ должно быть сыновнее благочестіе. Оно-то отличаетъ человѣка отъ животнаго; въ немъ-то проявляется истинное отношеніе между ребенкомъ и родителями, между отцомъ и Небомъ, и, благодаря ему, сохраняется гармонія въ мірѣ. Эта мысль не принадлежитъ Конфуцію: еще за нѣсколько столѣтій до него она привилась въ народномъ умѣ. „Примѣръ любви,—говоритъ И-Йинъ царю Чингу,—это—когда вы любите старшихъ, примѣръ уваженія,—когда вы уважаете своихъ родственниковъ. Начало—въ семьѣ и княжествѣ, завершеніе въ имперіи". Чингъ также говоритъ, обращаясь къ своему министру: „Фунгъ! Такіе преступники, (какъ ты описываешь), отвратительны, но еще ужаснѣе люди, не питающіе сыновнихъ и братскихъ чувствъ. Таковъ, напримѣръ, сынъ, который не исполняетъ почтительно своихъ обязанностей къ отцу, а глубоко поражаетъ сердце отца, вызывая въ немъ къ себѣ ненависть; или младшій братъ, который пренебрегаетъ явною волей Неба и отказывается почитать старшаго брата, вслѣдствіе чего старшій братъ забываетъ, съ какимъ трудомъ родители воспитали его, и не по-братски относится къ младшему. Если мы, уполномоченные управлять государствомъ, не будемъ считать за обидчиковъ людей, столь нечестивыхъ, то законы природы, данные Небомъ нашему народу, придутъ въ упадокъ или полное забвеніе. Вы должны быстро расправляться съ такими людьми по уголовнымъ законамъ царя Вана (XII вѣкъ до Р. Х.), строго карая и не щадя".

Царь Ванъ, о которомъ здѣсь говорится, въ своей рѣчи противъ употребленія спиртныхъ напитковъ, дѣлаетъ исключеніе для тѣхъ, кто благочестиво относится къ родителямъ. „О, жители страны Мей!—говоритъ онъ.—Если вы разводите просо и присматриваете за нимъ на пользу своихъ отцовъ и старшихъ, или

если со своими телѣгами и волами вы отправляетесь на заработки, чтобы доставить все необходимое своимъ родителямъ, то вы можете очистить свои хмельные напитки и употреблять ихъ". Итакъ Конфуцій формулировалъ ходячія понятія, говоря: „Сыновнее благочестіе и братская покорность, развѣ это не корень всѣхъ милосердныхъ дѣяній?"

Въ чемъ же состоитъ сыновнее благочестіе? По мнѣнію Конфуція, оно заключается въ послушаніи, въ благопристойномъ служеніи родителямъ при жизни, въ благопристойномъ погребеніи ихъ послѣ смерти и въ благопристойныхъ жертвоприношеніяхъ имъ. Эта схема разработана до мельчайшихъ подробностей, направленныхъ къ тому, чтобы сынъ не причинялъ родителямъ никакого безпокойства, помимо болѣзни, къ которой онъ не властенъ. При жизни родителей сынъ не долженъ отлучаться; если же этого нельзя избѣгнуть, то онъ можетъ поѣхать только въ опредѣленное мѣсто. Дома онъ долженъ вставать съ пѣтухами и затѣмъ, тщательно умывшись и одѣвшись, освѣдомиться у родителей, какіе кушанья и напитки они желаютъ имѣть къ обѣду. Онъ не долженъ входить въ комнату безъ зова отца или выходить безъ его разрѣшенія; не долженъ заговаривать первый. Изъ дому онъ не долженъ уходить безъ спросу и, возвращаясь, долженъ показаться родителямъ. Ребенокъ долженъ чинно играть, прислушиваться, не позовутъ ли его, быть твердымъ въ рѣчи и не упоминать о старости. На послѣднемъ пунктѣ особенно настаиваютъ, и каждому мальчику въ примѣръ ставятъ поведеніе Лао-Лаи-Цзы, который изъ опасенія, что его семидесятилѣтній возрастъ можетъ напомнить родителямъ объ ихъ глубокой старости, постоянно носилъ дѣтское платьице и забавлялся дѣтскими играми!

Итакъ высшее проявленіе сыновняго благочестія бываетъ по отношенію къ родителямъ. Сынъ долженъ питать къ нимъ глубочайшее уваженіе, при этомъ онъ, разумѣется, съ радостью будетъ заботиться о нихъ. Сознавая, что онъ унаслѣдовалъ тѣло отъ родителей, онъ будетъ любить ихъ, какъ частицу самого себя, и постарается не обезславить ихъ и не опозорить собственнаго имени. „Изъ всѣхъ существъ, происходящихъ отъ неба и земли, — говоритъ Конфуцій, — человѣкъ самое благородное. Изъ всѣхъ, возложенныхъ на него обязанностей, ни одна не можетъ сравниться съ сыновнимъ благочестіемъ. При этомъ нѣтъ ничего существеннѣе почитанія отца, а для выраженія этого почитанія нужно ставить отца на одну высоту съ Небомъ. Такъ поступилъ благородный Чоу. Раньше всего онъ принесъ жертвы на кругломъ алтарѣ духамъ своихъ отдаленныхъ предковъ, какъ равнымъ Небу,

а на открытой площадкѣ онъ принесъ жертву Ванъ-Вангу (своему отцу), какъ равному Шангъ-Ти". Это — одинъ изъ многочисленныхъ литературныхъ примѣровъ сыновняго благочестія. Конфуцій самъ еще не такъ настаивалъ на вышеупомянутой добродѣтели, какъ древніе мудрецы, авторы изложенныхъ имъ доктринъ; но все же этотъ принципъ красной нитью проходитъ черезъ всю конфуціанскую систему и неразрывно слитъ съ нею. Пришлось бы совершенно подорвать конфуціанство, чтобы китайцы могли легко смотрѣть на обязанность, обусловленную однимъ изъ благороднѣйшихъ побужденій сердца и тѣсно связанную со всѣмъ, что есть хорошаго въ государственномъ устройствѣ Китая.

Хотя сынъ и долженъ повиноваться желаніямъ родителей, но на его обязанности лежитъ также выговаривать имъ, если они нарушаютъ правила благопристойности. Такого рода указанія надлежитъ дѣлать смиренно и шопотомъ. Если они не оказываютъ дѣйствія, то ихъ можно повторять до трехъ разъ. Сверхъ этого почтительный сынъ не позволитъ себѣ высказывать упрековъ, а будетъ молча скорбѣть о закоснѣлости своихъ родителей. Въ случаѣ болѣзни родителей онъ не только долженъ удвоить къ нимъ вниманіе, но еще внѣшнимъ образомъ выражать свое горе: не чесать своей косы, не выходить изъ дому, воздерживаться отъ вкусной ѣды и хорошаго вина, отъ музыки и громкаго смѣха.

Послѣ смерти онъ долженъ похоронить родителей по чину и „такъ какъ они вскармливаютъ сына три года", то онъ долженъ столько же времени носить трауръ по нимъ. Изъ уваженія къ отцу за этотъ трехлѣтній періодъ онъ соблюдаетъ всѣ его привычки. Жертвоприношеніе на могилѣ не должно совершаться скупо, и нужно помнить, что самъ покойникъ присутствуетъ при этомъ.

Сыновнее благочестіе не ограничивается одними родителями. Оно предписываетъ министру вѣрно служить своему князю, мандарину — почтительно выполнять свои обязанности, солдату — быть храбрымъ на войнѣ и всякому человѣку — не измѣнять своему другу. По это еще не все. „Каждому дереву опредѣленъ срокъ, чтобы зачахнуть, — гласитъ Ли-Ки, — и каждому животному назначено время, чтобы умереть. Кто преждевременно срубитъ дерево или убьетъ животное, грѣшитъ противъ сыновняго благочестія".

Понятно, что государство, придающее такое значеніе сыновнимъ обязанностямъ, караетъ за всякое ихъ нарушеніе. Самыя тяжелыя наказанія въ китайскихъ уголовныхъ законахъ полагаются именно за такія преступленія. Пекинская газета за 1877 годъ сообщаетъ, что пять преступниковъ (въ томъ числѣ одинъ лунатикъ) были четвертованы за совершонныя ими убійства родителей.

„Сыновнее благочестіе есть начало добродѣтели, — говоритъ Конфуцій, — а братская любовь — ея продолженіе“. Второе чувство вытекаетъ изъ перваго, такъ же точно, какъ сыновнее благочестіе изъ родительской нѣжности. Членовъ семьи скрѣпляетъ братская любовь, которая, вмѣстѣ съ сыновнимъ благочестіемъ, составляетъ корень всѣхъ милосердныхъ поступковъ. „Счастливое единеніе между родителями и дѣтьми, — говорится въ Книгѣ Поэзіи, — подобно музыкѣ лютней и арфъ, а когда существуетъ согласіе между братьями, то получается восхитительная несмолкающая гармонія“. „Нѣтъ друга, подобнаго брату: онъ одного съ тобою происхожденія и былъ вскормленъ тою же грудью“. Эти-то соображенія сливали между собою сердца братьевъ „въ доброе старое время“. Братья тогда любили жить подъ одною кровлей и лежать рядомъ въ могилѣ. А теперь китайскіе моралисты скорбятъ, что привязанность къ женѣ и дѣтямъ превосходитъ братскую любовь. „Я слышалъ, — говоритъ одинъ извѣстный писатель, — что братья иногда расходятся, но никогда не видѣлъ, чтобы мужъ и жена жили врозь“. Узы, соединяющія братьевъ и скованныя Небомъ, нужно считать гораздо священнѣе, чѣмъ супружескій союзъ, установленный людьми. Взаимная любовь братьевъ занимаетъ слѣдующее мѣсто послѣ чувства дѣтей къ родителямъ. Она заключается въ дружбѣ, пріятной гармоніи и покорности младшихъ старшимъ.

Младшій сынъ не можетъ ступить ни шагу, не посовѣтовавшись съ отцомъ и старшими братьями, и въ отвѣтъ на симпатію и любовь, которую они ему выказываютъ, онъ долженъ безъ утайки открывать имъ свое сердце. Младшій братъ всегда долженъ относиться почтительно къ старшему, уступать ему первое мѣсто во всемъ. Съ другой стороны, старшіе братья должны подавать хорошій примѣръ младшимъ. Потомки мудреца Конфуція, какъ говорятъ, никогда не знали гнѣва, а потомки Цангъ-Цзы, одного изъ знаменитѣйшихъ учениковъ мудреца, никогда никого не бранили. Такъ, собственно, и должно быть, потому что братья — одна плоть; и не будетъ ли неуваженіе къ брату, въ сущности, неуваженіемъ къ родителямъ?

Низкое положеніе, которое женщины занимаютъ въ Китаѣ съ незапамятныхъ временъ, лишаетъ ихъ всякаго права на братское уваженіе. Рабская покорность считается высшею обязанностью женщины. Различіе между судьбою сыновей и дочерей особенно ярко описано въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ Книги Поэзіи:

Сыны его на ложахъ почиваютъ
И, пышно разодѣты, скипетромъ играютъ.
Ребенка крику будутъ всѣ, какъ есть, внимать

И ножки одѣяльцемъ краснымъ укрывать.
Впослѣдствіи его царемъ почтутъ,
А государства и князья миръ обрѣтутъ.

* *
*

А если дочки у царя родятся,
То на полу ужъ спать онѣ ложатся.
Играютъ черепицами, простое платье носятъ
И радости и горести отъ жизни переносятъ;
Родительскаго сердца никогда не огорчаютъ,
Обѣдъ варятъ и солодъ на семью приготовляютъ.

(Legge).

Только становясь матерью, женщина получаетъ право на уваженіе, и тогда неравенство половъ стушевывается передъ требованіями сыновней любви, которая составляетъ вѣнецъ и славу Китая.

Въ основѣ семьи лежатъ отношенія мужа и жены, подобныя отношенію Неба и Земли. О нихъ Конфуцій страннымъ образомъ умалчивалъ, быть-можетъ, потому, что самъ былъ несчастливъ въ супружествѣ. Человѣкъ, которому пришлось развестись съ женой, едва ли будетъ лестнаго мнѣнія о женщинахъ вообще. Конфуцій смотрѣлъ на женщинъ, какъ на необходимое зло, съ которымъ можно мириться только ради материнства. „Изъ всѣхъ людей, — замѣчалъ мудрецъ, — труднѣе всего управляться съ женщинами и слугами. Если приближать ихъ къ себѣ, то они зазнаются, если держать ихъ въ отдаленіи, то они обижаются". Конфуцій не требовалъ вѣрности отъ мужа и даже съ презрѣніемъ отзывался о „мелочной вѣрности" простыхъ людей, связанныхъ съ одною женой. Въ то же время онъ, однако, возставалъ противъ разврата. Когда князь Ц'и прислалъ правителю Лу въ подарокъ искусныхъ музыкантшъ, то Конфуцій выразилъ протестъ противъ оказаннаго дѣвушкамъ пріема, удалившись отъ двора. „Женщина, — говорилъ онъ пренебрежительно, — не можетъ быть самостоятельной; поэтому въ юности она зависитъ отъ отца и братьевъ, въ супружествѣ отъ мужа, а если овдовѣетъ, то отъ сыновей".

Главная цѣль брака – имѣть дѣтей и, преимущественно, сыновей, которые совершали бы положенныя жертвоприношенія на могилахъ родителей. Бездѣтный вдовецъ можетъ и даже долженъ жениться во второй разъ, но со стороны вдовы вторичный бракъ считается нарушеніемъ вѣрности. Желаніе имѣть дѣтей такъ велико у китайцевъ, что безплодіе составляетъ одну изъ утвержденныхъ Конфуціемъ „семи причинъ" для развода. Вотъ эти причины: 1) неповиновеніе свекру или свекрови, 2) безплодіе, 3) невѣрность, 4) ревность, 5) проказа, 6) болтливость и 7) воровство.

Такой законъ, конечно, ставитъ жену въ зависимое положеніе отъ мужа. Не только на ея обязанности, но и въ ея интересахъ выказывать ему величайшее уваженіе, быть учтивой, смиренной и кроткой въ обращеніи съ нимъ и безпрекословно повиноваться каждому его слову. Если онъ въ чемъ-нибудь грѣшитъ противъ истинныхъ принциповъ, то она можетъ мягко сдѣлать ему выговоръ, стараясь, однако, не раздражать его и не докучать ему. Такимъ образомъ поддерживается гармонія семейнаго очага. Если же мужъ и жена враждебно относятся другъ къ другу, то семья скоро распадается. По ученію конфуціанцевъ, жизнь женщины раздѣлена на семимѣсячные и семилѣтніе періоды, жизнь мужчины на восьмимѣсячные и восьмилѣтніе. Такъ, у дѣвочки прорѣзываются зубы въ семь мѣсяцевъ, а мѣняются въ семь лѣтъ; въ четырнадцать лѣтъ она достигаетъ зрѣлости, а въ семьдесятъ должна приготовиться къ смерти. У мальчика же зубы прорѣзываются въ восемь мѣсяцевъ, выпадаютъ въ восемь лѣтъ, зрѣлости онъ достигаетъ въ шестнадцать лѣтъ, а предѣла жизни въ восемьдесятъ.

Брачный возрастъ для женщины — пятнадцать лѣтъ, а для мужчины двадцать. Таково, приблизительно, должно быть соотношеніе между лѣтами мужа и жены. Старикъ, который женится на молодой, уподобляется увядшей ивѣ, пускающей отростки, и добра отъ этого не будетъ. Но все же это сколько-нибудь лучше, чѣмъ если старуха выходитъ замужъ за молодого: она подобна увядшей ивѣ, которая цвѣтетъ, и во всѣхъ отношеніяхъ отвратительна.

Изъ всего сказаннаго видно, что Конфуцій, подобно іудейскимъ законодателямъ, поощрялъ многоженство, и на такихъ же точно основаніяхъ. Китаецъ, не менѣе древне-еврейскаго патріарха, жаждетъ имѣть сына; это желаніе считается настолько законнымъ, что, за неимѣніемъ дѣтей, мужъ въ правѣ взять наложницу, чтобы оставить послѣ себя потомство. Если частныя лица такъ стремятся имѣть дѣтей, то тѣмъ важнѣе, чтобы государь оставилъ наслѣдника. Поэтому, Уставы династіи Чоу, чтобы застраховать императора отъ бездѣтности, предписываютъ, кромѣ жены, давать ему трехъ наложницъ перваго разряда, девять второго, двадцать-семь третьяго и восемьдесятъ-одну четвертаго. Нужно ли говорить, какое зло приноситъ эта имперская система, которая, къ тому же, не всегда достигаетъ цѣли? Существованіе наложницъ въ частныхъ семьяхъ составляетъ источникъ большого горя. Брачныя узы не считаются священными, и это крупный недостатокъ конфуціанства. Оно въ значительной мѣрѣ подорвало домашній бытъ, лишило женщинъ ихъ законнаго вліянія и довело

ихъ до положенія, которое немногимъ лучше рабства. „Мужчины, твердые отъ природы, добродѣтельны, — говоритъ Сюнъ-Цзы,—а мягкія женщины — полезны“. Эти слова удачно передаютъ общій взглядъ китайцевъ на неравенство половъ.

„Супружество, — говоритъ Чу-Хи, — есть установленное Небомъ отношеніе, которымъ обусловливается потомство, а дружба есть установленное Небомъ отношеніе, которымъ обусловливается исправленіе характера. Дружба намѣчаетъ путь людей, и на ней зиждятся ихъ высшіе принципы“. Конфуцій и его ученики придавали большое значеніе дружбѣ: если бы всегда слѣдовать ихъ совѣтамъ въ выборѣ друзей, то ожидаемые ими великіе результаты, несомнѣнно, могли бы оправдаться. Напримѣръ, если бы люди знались только съ тѣми лицами, которыя раздѣляютъ ихъ мнѣнія, преслѣдуютъ одинаковыя съ ними цѣли и при этомъ добродѣтельны и честны, тогда міръ былъ бы гораздо лучше. Какъ и всегда, Конфуцій не указываетъ, почему люди должны держаться добродѣтельнаго пути, а не другого. Правда, онъ говоритъ: „Выгодно имѣть много достойныхъ друзей“ и „есть три рода выгодныхъ друзей, именно: честные, искренніе и опытные, и три рода предосудительныхъ друзей, именно: высокомѣрные, нахалы и болтуны“. Однако, онъ не приводитъ иныхъ доказательствъ, почему нужно выбирать друзей изъ числа хорошихъ людей. Но такъ или иначе дружбѣ придается большое значеніе.

„Начиная отъ императора, всѣ должны имѣть друзей. Дружба — первое изъ общественныхъ отношеній, и имъ не надо пренебрегать ни на одинъ день“. Никто не долженъ имѣть друга ниже себя. Лучшіе друзья — тѣ, которыхъ почтительный сынъ наслѣдуетъ отъ своего отца. Такіе друзья въ горѣ и бѣдѣ всегда желанны; они раздѣляютъ горе человѣка и удваиваютъ его радость. Они—богатство для бѣдныхъ, сила для слабыхъ и лѣкарство для больныхъ. Они всегда готовы забыть нанесенныя имъ обиды и помнить только о добродѣтеляхъ; гдѣ бы они ни находились, въ нихъ никогда не зарождается ни подозрѣнія, ни сомнѣнія.

Письменныя сношенія соединяютъ людей самою истинною дружбой. Высшій человѣкъ пріобрѣтаетъ друзей письменными упражненіями и возвышаетъ свое человѣколюбіе дружбой. „Если ты живешь въ княжествѣ, — говоритъ Конфуцій, — то поступай на службу къ самому достойному изъ высшихъ чиновниковъ и выбирай друзей изъ самыхъ добродѣтельныхъ ученыхъ“. Человѣкъ долженъ обращаться съ другомъ такъ, какъ хочетъ, чтобы тотъ обращался съ нимъ. Онъ долженъ съ преданностью увѣщевать его и стараться кротко руководить имъ. Но, если это не удается, то онъ долженъ остановиться, чтобы не унизиться. Подобно

ученику, Цзы-Лу, онъ долженъ желать себѣ колесницъ, лошадей и легкія мѣховыя одежды, чтобы имѣть возможность раздать ихъ друзьямъ. Когда умиралъ какой-нибудь другъ Конфуція, не имѣвшій родственниковъ, чтобы совершить надъ нимъ положенные погребальные обряды, то мудрецъ самъ хоронилъ его, считая это за долгъ дружбы. Онъ не допускалъ, чтобы друзья дѣлали ему самому какіе-нибудь подарки, за исключеніемъ жертвеннаго мяса, которое они приносили духамъ его родителей или предковъ.

Между друзьями раньше всего должна существовать полная откровенность. Скрывать обиду и прикидываться другомъ стыдно, такъ какъ это есть нарушеніе искренности, которая присуща дѣйствительной дружбѣ. „Тотъ, кому не вѣрятъ его друзья, — говорилъ Конфуцій, — никогда не заслужитъ довѣрія государя... Кто не повинуется своимъ родителямъ, тому друзья не будутъ вѣрить“.

ГЛАВА V.

Управленіе государствомъ.

Это — слѣдующая ступень, которую достигаетъ высшій человѣкъ. Научившись хорошо управлять семьею, онъ уже можетъ управлять государствомъ. Тутъ онъ впервые вступаетъ непосредственно на „путь Неба и Земли“, который онъ можетъ усовершенствовать, развивая природу людей и вещей, и такимъ образомъ, „охранять народъ“. Благо народа составляетъ главную цѣль хорошаго управленія. „Нѣтъ добродѣтели, — говорилъ императоръ Кухъ (2435 г. до Р. Х.), — выше любви ко всѣмъ людямъ, и нѣтъ цѣли управленія шире, чѣмъ всеобщее благо“. Когда Конфуція спрашивали, что нужно сдѣлать для народа, то онъ отвѣчалъ: „Обогатить его!“ А когда его спрашивали, что еще больше можно сдѣлать, то онъ отвѣчалъ: „Научить его!“ Трудно не согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, что народное благосостояніе и образованіе входятъ въ интересы государства. Но въ данномъ случаѣ мы опять видимъ непрактичность совѣтовъ мудреца. Онъ не пытается объяснить, какимъ способомъ можно обогатить народъ, а только мечтаетъ воскресить времена Яо и Шуна, описанныя въ Шу-Кингѣ, когда сила и обаяніе ихъ личностей изгнали изъ имперіи зло, а съ нимъ бѣдность и невѣжество. Тщетно хвалился Конфуцій: „Если бы кто-нибудь изъ князей призвалъ меня, то въ двѣнадцать мѣсяцевъ я произвелъ бы значительныя перемѣны, а въ три года усовершенствовалъ бы управленіе“.

Всѣ его совѣты по части управленія заимствованы изъ Шу-Кинга и, какъ часто бываетъ, многое потеряли въ передачѣ. Такъ, напримѣръ, Шу-Кингъ гласитъ, что добродѣтель сказывается въ качествѣ управленія, а что управленіе сказывается въ продовольствіи народа. Конфуцій же говоритъ: „Необходимыя условія управленія: чтобы было достаточно пищи и вооруженія и чтобы народъ довѣрялъ своимъ правителямъ“. Это лишь несовершенное извлеченіе изъ того пункта Шу-Кинга, который онъ, вѣроятно, припомнилъ въ данный моментъ. Тамъ также говорится, что въ

управленіи нужны восемь вещей: пища, торговля, поддержаніе положенныхъ жертвоприношеній, министерство работъ, министерство народнаго просвѣщенія, министерство юстиціи, приготовленія для пріема пріѣзжихъ гостей и заготовленіе провіанта для арміи. Это уже болѣе полное описаніе механизма управленія: здѣсь указаны источники, откуда берется пища для народа, способы поддерживать его нравственное благосостояніе, поощрять образованіе, защищать честныхъ людей отъ беззаконниковъ, вести дружбу съ сосѣдними государствами и поддерживать національную честь.

Отрицая оригинальность ученія Конфуція, мы этимъ самымъ только присоединяемся къ его собственной характеристикѣ. Почти всѣ свои доктрины, и въ томъ числѣ самыя замѣчательныя изреченія, онъ позаимствовалъ у древнихъ классиковъ; но, разумѣется, на оригинальной монетѣ тисненіе всегда глубже, чѣмъ на копіи. Конфуцій нигдѣ не подаетъ такого радикальнаго совѣта относительно управленія, какъ великій Ю своему государю. „Смотри въ корень вещей и изучай устойчивость“. Зато онъ распространяется объ условіяхъ существованія хорошаго правительства и объ его результатахъ. По мнѣнію Конфуція, хорошее управленіе можетъ быть въ томъ случаѣ, если князь будетъ княземъ, министръ — министромъ, отецъ — отцомъ, а сынъ — сыномъ. Это довольно вѣрно, но Ю выражается сильнѣе: „Если государь можетъ справиться съ затрудненіями въ своемъ государствѣ, и министръ съ затрудненіями въ министерствѣ, то въ управленіи будетъ порядокъ“.

Чтобы управленіе было устойчивымъ, нужно, чтобы оно велось по принципамъ добродѣтели; а для этого необходимо не только, чтобы государь во всемъ высказывалъ себя честнымъ, но также, чтобы не было кумовства въ раздачѣ должностей, и чиновниками были бы исключительно люди достойные и искусные. „Такое поведеніе призоветъ на страну дары Шангъ-Ти и благословеніе Неба“, добавляетъ Ю. Конфуцій не могъ обѣщать небесной награды: его, по существу языческій умъ отвергалъ всякую мысль о вмѣшательствѣ духовъ въ дѣла людскія. Онъ хотѣлъ, чтобы люди были добродѣтельными ради самой добродѣтели, и пытался приложить къ измѣнчивой природѣ людей извѣстную нравственную систему; онъ самъ могъ ею руководиться, и на этомъ основаніи считалъ ее удовлетворительною для духовныхъ запросовъ своихъ согражданъ. Ошибка Конфуція повторялась у людей во всѣ времена и во всѣхъ странахъ, но у него она, по крайней мѣрѣ, оправдывается результатами. Взгляды, которые въ другихъ странахъ составляли удѣлъ сравнительно немногихъ, въ Китаѣ

приняты большинствомъ населенія въ продолженіе болѣе, чѣмъ двадцати-трехъ вѣковъ.

Сила примѣра составляетъ одну изъ главныхъ доктринъ конфуціанства. Если государь хочетъ дѣлать добро, то народъ будетъ добрымъ; если правитель не скупъ, то хотя бы онъ положилъ награду за кражу, а народъ будетъ честнымъ, говоритъ мудрецъ. Трудно отрицать великую силу примѣра. „Отъ дохлыхъ мухъ мазь аптекаря принимаетъ дурной запахъ", писалъ Соломонъ. Повседневный опытъ показываетъ, какъ могущественно вліяніе хорошаго и дурного примѣра во всѣхъ случаяхъ жизни: въ школѣ, въ семьѣ, на службѣ, въ обществѣ. Конфуцій развивалъ эту доктрину до невѣроятныхъ подробностей при каждомъ поучительномъ урокѣ исторіи и при малѣйшемъ событіи въ собственной жизни.

Однако, многое изъ поученій Конфуція объ управленіи не подлежитъ критикѣ. На вопросъ Цзы-Чанга, какъ долженъ дѣйствовать государь, чтобы достигнуть хорошаго управленія, Конфуцій отвѣтилъ: „Пусть онъ почитаетъ пять прекрасныхъ качествъ и изгоняетъ четыре дурныхъ..." Вотъ эти пять хорошихъ качествъ: 1) когда человѣкъ, имѣющій власть, приноситъ пользу безъ большихъ затратъ, т. е. когда онъ дѣлаетъ болѣе доступными для населенія тѣ предметы, изъ которыхъ оно извлекаетъ пользу; 2) когда онъ назначаетъ общественныя работы, не вызывающія ропота, то-есть подбираетъ подходящіе труды; 3) когда онъ добивается желаемаго безъ жадности, то-есть стремится къ милосердному управленію и достигаетъ его; 4) когда онъ поддерживаетъ достоинство безъ примѣси гордости, то-есть въ сношеніяхъ со многими или съ немногими, въ великихъ дѣлахъ или въ малыхъ никогда не выказываетъ непочтенія; 5) когда онъ величественъ безъ надменности, то-есть должнымъ образомъ носитъ платье и шляпу и во взглядахъ выражаетъ достоинство, а народъ при видѣ его величія относится къ нему съ уваженіемъ. Четыре дурныхъ качества: 1) казнить людей, не поучавъ ихъ, это называется жестокостью; 2) безъ предупрежденія сразу требовать отъ нихъ полностью всю работу, это называется притѣсненіемъ; 3) давать приказанія, какъ будто не спѣшныя, а затѣмъ строго требовать отчета, это называется оскорбленіемъ, и 4) выдавать людямъ плату или награду скупо, это называется оффиціальнымъ отношеніемъ къ дѣлу.

Въ дѣлахъ управленія главную роль играетъ характеръ правителя, а затѣмъ характеръ его чиновниковъ. Какъ гласитъ Шу-Кингъ, достоинства или недостатки управленія зависятъ отъ чиновниковъ. Конфуцій неоднократно приводилъ это изреченіе и

настаивалъ на необходимости привлекать къ службѣ только добродѣтельныхъ и талантливыхъ людей. „При хорошихъ людяхъ, — добавлялъ онъ, — управленіе быстро процвѣтаетъ, какъ растительность на землѣ, и его можно уподобить легко разрастающемуся камышу. Поэтому, управленіе государствомъ зависитъ отъ подбора надлежащихъ людей. Такому подбору способствуетъ характеръ самого правителя, и этотъ характеръ развивается, когда онъ идетъ по пути долга. Ученіе о пути долга развивается при существованіи милосердія“. Такая администрація вполнѣ соотвѣтствовала излюбленному критерію Конфуція, что подданные будутъ счастливы, а чужеземцы будутъ приходить издалека. Подъ „людьми издалека“ Конфуцій разумѣлъ сосѣднія племена, которыхъ контрастъ между ихъ собственными грубыми законами и образцовымъ управленіемъ имперіи такъ поразитъ, что они захотятъ перейти въ китайское подданство.

О современныхъ ему чиновникахъ Конфуцій отзывается съ нескрываемымъ презрѣніемъ, быть-можетъ, потому, что они насмѣхались надъ его ученіемъ. „Фу, — говоритъ онъ, — это обезьяны, незаслуживающія вниманія“. Для оскорбленной добродѣтели нѣтъ ничего обиднѣе успѣховъ шарлатанства, и Конфуцій не прочь былъ излить свою желчь на сильныхъ міра сего. По контрасту съ ними, онъ описываетъ три степени достойныхъ чиновниковъ. Къ первой и самой лучшей относятся тѣ, которые въ своемъ поведеніи не забываютъ чувства стыда, и когда имъ даютъ назначеніе, вполнѣ оправдываютъ довѣріе государя. Далѣе идутъ тѣ, которые почтительно относятся къ своимъ родственникамъ и побратски — къ членамъ своей фамиліи. Третье мѣсто занимаютъ люди, искренніе въ своихъ рѣчахъ и выполняющіе то, что они себѣ намѣтили. „Это настойчивые людишки“, добавляетъ мудрецъ.

Итакъ, въ управленіи, какъ и во всемъ остальномъ, Конфуцій всѣми силами старался вернуть своихъ соотечественниковъ къ идеальнымъ временамъ царей Вана и Ву. Онъ упорно отказывался признать перемѣны, происшедшія въ имперіи отъ развитія новыхъ и сильныхъ княжествъ и отъ упадка имперской провинціи Чоу и старался всячески поддержать послѣднюю, дни которой уже были сочтены, и подавить стремленія тѣхъ правителей, которымъ, какъ сознавали всѣ, кромѣ него самого, суждено было бороться за главенство на развалинахъ царскаго дома. Итогъ его ученія можно формулировать его собственными словами. „Держись временъ года Хіа. Разъѣзжай въ государственныхъ колесницахъ Иня. Носи церемоніальную шапочку Чоу. Устраивай у себя музыку и пантомины Шао. Изгоняй пѣсни Ч'инга, и держись въ сторонѣ отъ праздныхъ болтуновъ“.

По мнѣнію Конфуція, двумя руководящими принципами управленія являются справедливость и соблюденіе церемоній, а присутствіе ихъ сказывается на современной музыкѣ. „Высшій человѣкъ, благодаря уваженію, сохраняетъ внутренюю честность, а, благодаря прямотѣ, внѣшнюю благопристойность поведенія", писалъ князь Чоу. Справедливость есть законъ міра, а церемоніи—правила сердца. Въ системѣ Конфуція, основанной на взаимныхъ отношеніяхъ людей, весьма важно было установить полный и точный сводъ церемоній, чтобы разграничить степени почтенія къ болѣе или менѣе близкимъ родственникахъ и къ лицамъ занимающимъ различное общественное положеніе. Такимъ образомъ установлены были степени родства, предусмотрѣны были различныя затрудненія и сомнѣнія, строго разграничены сходное и несходное, и истинное отдѣлено отъ ложнаго. Но Конфуцій придавалъ церемоніямъ еще большее значеніе. Онѣ должны были обуздывать безпорядочныя страсти и вырабатывать общее почтительное отношеніе во всѣхъ классахъ населенія. Сыновья всегда должны были точно выполнять однѣ и тѣ же сложныя церемоніи по отношенію къ родителямъ, независимо отъ соціальнаго положенія послѣднихъ. Чиновники и народъ должны были строго соблюдать положенныя правила этикета, чтобы при помощи церемоній всѣ научились быть членами семьи и государства. Соблюденіе церемоній, несомнѣнно, имѣетъ умѣряющее вліяніе. Трудно ждать внезапной рѣзкой выходки отъ человѣка, котораго всю жизнь учили говорить не иначе, какъ привѣтственными фразами и выражать свое почтеніе глубокими поклонами и колѣнопреклоненіемъ. Если бы было возможно распространить эту систему на населеніе цѣлой страны, то данное Конфуціемъ опредѣленіе хорошаго управленія, несомнѣнно, осуществилось бы, и князь былъ бы княземъ, министръ — министромъ, отецъ — отцомъ, а сынъ — сыномъ. Вездѣ царило бы смиреніе и не было бы мѣста невоздержности, злоупотребленіямъ и непочтительности.

Но и здѣсь опять-таки Конфуцій придавалъ слишкомъ большое значеніе силѣ примѣра, упуская изъ виду то обстоятельство, что въ каждой странѣ есть безпокойный элементъ, и удержать его можетъ лишь твердая рука закона. Только въ своемъ объясненіи къ И-Кингу онъ какъ будто призналъ этотъ фактъ, говоря: „Высшій человѣкъ живетъ въ безопасности, но не забываетъ осторожности. Онъ хранитъ то, что имѣетъ, но не забываетъ, что можетъ этого лишиться. Онъ управляетъ мирно, но не забываетъ, что возможенъ мятежъ. Только тогда онъ можетъ обрѣсти личный покой и покровительствовать подданнымъ своего государства".

Характеръ устанавливается правилами благопристойности, какъ

говоритъ Конфуцій, но все завершаетъ музыка. По системѣ Конфуція, музыка играетъ видную роль въ управленіи государствомъ; она вліяетъ на народъ въ хорошую или въ дурную сторону. Это вліяніе такъ очевидно для мудреца, что, какъ разсказываютъ, на пути въ Ци Конфуцій въ походкѣ и манерахъ встрѣчнаго мальчика съ кувшиномъ усмотрѣлъ вліяніе музыки Шао и велѣлъ своему кучеру погнать лошадей къ столицѣ. Въ другомъ отрывкѣ говорится, что въ мѣстечкѣ Ву-Шингъ игра на струнныхъ инструментахъ и пѣніе доставили Конфуцію величайшее наслажденіе, такъ какъ онъ въ звукахъ этой музыки различилъ вліяніе, которое его ученикъ Цзы-Ю оказалъ своимъ мудрымъ и милосерднымъ управленіемъ на буйный отъ природы народъ. Но музыка, какъ и всякое другое совершенство, должна быть слѣдствіемъ искренности. Безъ искренности не бываетъ добра. Колокола и барабаны сами по себѣ такъ же мало выражаютъ смыслъ музыки, какъ драгоцѣнности и шелкъ сами по себѣ не составляютъ благопристойности. „Если человѣкъ не имѣетъ человѣческихъ добродѣтелей, — говоритъ Конфуцій, — то что можетъ онъ извлечь изъ правилъ благопристойности или изъ музыки?“

Великая цѣль и назначеніе всей жизни мудреца — доставить имперіи миръ и счастье. Это достигается, когда „государь, относясь надлежащимъ образомъ къ старикамъ, даетъ народу примѣръ сыновней почтительности; когда, обращаясь должнымъ образомъ со старшими, онъ научаетъ народъ братскому повиновенію; когда, относясь сострадательно къ молодымъ и безпомощнымъ, онъ учитъ народъ такому же обращенію“. Таково было положеніе вещей при идеальныхъ царяхъ Яо и Шунѣ. Они царствовали по волѣ Шангъ-Ти и, одаренные отъ Неба совершенною природой, безъ труда шли по небесному пути, призывая на себя и на свой народъ благословеніе Шангъ-Ти и милость Неба.

ГЛАВА VI.

Второстепенныя поученія Конфуція.

Конфуція больше всего интересовало благо народа, хорошее управленіе государствомъ и процвѣтаніе имперіи; но попутно онъ затрогивалъ многія другія темы, не имѣющія прямого отношенія къ вышеупомянутымъ. Онъ часто бесѣдовалъ о Книгѣ Поэзіи, о Книгѣ Исторіи и о Правилахъ Благопристойности, говорилъ также о словесныхъ наукахъ, этикѣ, душевной преданности и вѣрности. Но о сверхъестественныхъ предметахъ, о подвигахъ храбрости, о государственныхъ смутахъ и безплотныхъ существахъ онъ не любилъ говорить.

Какъ моралистъ, онъ занимаетъ почетное мѣсто среди другихъ учителей человѣчества. За пять вѣковъ до Христа онъ проповѣдывалъ, правда, въ отрицательной формѣ, „непоколебимыя правила нравственности и основу общественной добродѣтели“: „дѣлай людямъ то, что хочешь, чтобы они тебѣ дѣлали“. Онъ говорилъ: „Не дѣлай другимъ того, чего не хочешь, чтобы они тебѣ дѣлали“. Разница между этимъ правиломъ и правиломъ христіанскимъ видна сразу, тѣмъ не менѣе весьма знаменательно, что Конфуцій такъ близко подошелъ къ нему. Какъ и все его ученіе, это правило было позаимствовано у древнихъ классиковъ. а они проповѣдывали, что вѣрноподданническихъ и сыновнихъ чувствъ могутъ ожидать только тѣ люди, которые сами проявляютъ такія же чувства. Итакъ, на практикѣ существовали извѣстныя правила взаимныхъ отношеній, но уже Конфуцію суждено было выразить ихъ въ отвлеченной формѣ.

Дальше этого онъ не пошелъ. По его мнѣнію, люди въ своихъ сношеніяхъ должны руководиться только взаимностью. „Нужно ли платить за зло добромъ“? спросилъ его одинъ ученикъ, а Конфуцій отвѣтилъ на это: „Чѣмъ же вы тогда вознаградите за добро? Платите справедливостью за зло и добромъ за добро“.

Здѣсь нѣтъ духа всепрощенія, а только суровый законъ: око за око, и зубъ за зубъ. О человѣкѣ, который платитъ добромъ за зло, Конфуцій отзывается съ презрѣніемъ, какъ о трусливомъ

существѣ, которое „боится за себя“. Онъ не только не пытается вывести мщенія, но даже иногда вмѣняетъ его въ обязанность. „Какъ долженъ вести себя человѣкъ, у котораго убили отца или мать?“ — спрашивалъ Цзы-Хи. „Сынъ, — отвѣчалъ мудрецъ, — долженъ спать на травѣ, подложивъ щитъ подъ голову. Онъ долженъ отказаться отъ службы и не жить подъ однимъ небомъ съ убійцею. Встрѣтивъ его на рынкѣ или во дворѣ, онъ долженъ держать оружіе наготовѣ, чтобы убить его“. „А какъ нужно мстить за смерть брата?“ — „Оставшійся въ живыхъ братъ не долженъ служить въ одномъ государствѣ съ убійцею; но если онъ по приказанію своего начальника идетъ въ то мѣсто, гдѣ находится убійца, то не долженъ сражаться съ нимъ“. — „А что нужно дѣлать въ случаѣ убійства дяди или двоюроднаго брата?“ — „Племянникъ или двоюродный братъ не есть главный родственникъ. Если главный родственникъ берется выполнить мщеніе, которое лежитъ на его обязанности, то племянникъ или двоюродный братъ можетъ только стоять позади него съ оружіемъ въ рукахъ, чтобы помогать ему“.

Съ такими законами мы встрѣчаемся и въ ветхозавѣтной исторіи, а китайское общество во времена Конфуція въ этомъ отношеніи ушло не многимъ дальше, чѣмъ іудейское во времена Моисея. Правила Конфуція нѣсколько мягче, чѣмъ еврейскіе законы. Конфуцій предписывалъ обязательное мщеніе только за убійство отца или брата, а Моисеевъ законъ — за убійство всякаго кровнаго родственника. Въ пользу Конфуція говоритъ еще и то обстоятельство, что къ мести за убійство родителей онъ взываетъ во имя своего неограниченнаго уваженія къ сыновнему долгу.

Восхваленіе сыновней преданности завело, однако, Конфуція слишкомъ далеко. Онъ, напримѣръ, предписывалъ отцу скрывать безчестіе сына и сыну—скрывать безчестіе отца. „Въ этомъ выражается прямодушіе“, говорилъ онъ. Такое чрезмѣрное возвеличеніе одной добродѣтели въ ущербъ другимъ вытекало изъ нравственнаго ослѣпленія, а не изъ склонности къ обману, такъ какъ врядъ ли кто-нибудь энергичнѣе Конфуція ратовалъ за искренность и честность. Подобно человѣку, который держитъ передъ глазами какой-нибудь предметъ, скрывающій отъ его взора все остальное, такъ и Конфуцій, сосредоточивъ вниманіе исключительно на сыновнемъ долгѣ, забылъ обо всѣхъ другихъ обязательствахъ. А онъ говорилъ: „Искренность есть начало и конецъ всего. Безъ нея ничто не могло бы существовать“.

Нельзя не относиться съ величайшимъ уваженіемъ къ личности самого Конфуція. Не многіе люди на свѣтѣ обладали такими почтенными достоинствами и такъ чужды были всякаго поро-

ка, какъ онъ. Его обвиняютъ въ недостаточной правдивости, но все зависитъ отъ того, что разумѣть подъ правдой. Главный фактъ противъ него тотъ, что, когда на него напалъ отрядъ въ Ц'у, онъ далъ клятву не идти въ княжество Вей и на этомъ основаніи получилъ свободу. Но какъ только враги отпустили его, то онъ все-таки отправился въ Вей. Оправдывался онъ тѣмъ, что клятва была вынужденная и поэтому не дѣйствительная. Разрѣшеніе этого труднаго вопроса мы предоставляемъ казуистамъ, а сами не будемъ въ него вдаваться, такъ какъ увѣрены, что большинство не слишкомъ осудитъ Конфуція, который, въ худшемъ случаѣ, превратно понималъ правдивость.

Замѣчательною чертой Конфуція было его смиреніе; онъ добросовѣстно отрицалъ оригинальность своихъ доктринъ. „Я передаю, а не создаю; я вѣрю и люблю древнихъ и поэтому осмѣливаюсь сравнить себя съ нашимъ старымъ П'ангомъ", такъ характеризовалъ онъ себя самъ. Никогда онъ не уклонялся отъ этого образа мыслей и не поддавался искушенію присвоить себѣ незаслуженныя почести. Онъ зналъ литературу родной страны лучше всѣхъ своихъ современниковъ и тѣмъ не менѣе считалъ себя не достаточно ученымъ, а только глубоко пристрастившимся къ ученію. Соотечественники смотрѣли на него, какъ на мудреца, но онъ отрицалъ въ себѣ качества даже „высшаго человѣка". „Я недостаточно добродѣтеленъ, — говорилъ онъ, — чтобы быть свободнымъ отъ безпокойства, недостаточно мудръ, чтобы быть свободнымъ отъ замѣшательства и недостаточно смѣлъ, чтобы быть свободнымъ отъ страха". Въ своихъ обязанностяхъ: чиновника, сына, поклонника умершихъ, онъ считалъ себя недостойнымъ. Занимая по временамъ привилегированное положеніе княжескаго совѣтника, онъ никогда не стремился завоевать себѣ болѣе высокаго поста и не злоупотреблялъ своимъ вліяніемъ, чтобы возвеличить себя въ глазахъ соотечественниковъ.

Какъ онъ самъ говорилъ, онъ искалъ такого прочнаго единенія, при которомъ строго поддерживались бы жизненныя сношенія, оказывалось бы почтеніе всѣмъ, кому слѣдуетъ, а побужденія гнѣва, печали, удовольствія или радости удерживались бы въ должныхъ границахъ. Личность надлежало подавить, а стремленія подвергнуть строгому контролю. Нужно было развить степенность, великодушіе, искренность, настойчивость и кротость, и съ чистыми качествами ума соединить прелесть внѣшняго лоска. „Если солидныя качества преобладаютъ надъ внѣшнею выдержкой, то получается неотесанность, а если внѣшній лоскъ преобладаетъ надъ качествами, то получаются манеры писаря. Только при ихъ равновѣсіи у человѣка будетъ совершенная добродѣтель".

Конфуцій неоднократно высказывался о необходимости уравновѣшеннаго характера, который выражается въ самообуздываніи. „Почтительность,—говорилъ онъ, —безъ правилъ благопристойности превращается въ утомительную суетливость; заботливость безъ правилъ благопристойности превращается въ робость; смѣлость безъ правилъ благопристойности превращается въ непослушаніе, и прямота безъ правилъ благопристойности превращается въ грубость“. Его поведеніе дома и внѣ дома свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ самъ безусловно выполнялъ всѣ указанныя имъ правила. При дворѣ или у себя на квартирѣ онъ не допускалъ ни малѣйшаго отклоненія отъ строгихъ предписаній древнихъ мудрецовъ относительно одежды, пищи и тѣлодвиженій.

Удѣломъ его была бѣдность, и онъ на нее никогда не роптал. „Имѣя грубый рисъ для ѣды, воду для питья, и подложивъ руку подъ голову, вмѣсто подушки, я все-таки чувствую себя довольнымъ и счастливымъ. Богатство и почести, пріобрѣтенныя неправеднымъ путемъ, я уподобляю плывущимъ облакамъ“. Однако, такая крайность выпадала на его долю рѣдко. При обыкновенныхъ же обстоятельствахъ онъ очень слѣдилъ за тѣмъ, чтобы имѣть положенное количество пищи, приготовленной, вдобавокъ, надлежащимъ образомъ; тщательно выбиралъ вино и въ его употребленіи себя не стѣснялъ. Во всѣхъ поступкахъ онъ выказывалъ себя искреннимъ поклонникомъ древнихъ, а въ своемъ ученіи руководился искреннею любовью къ ближнимъ. Въ умѣ его сложилось понятіе о совершенномъ состояніи общества, къ которому онъ старался направить людскія желанія и способности. Средства, къ которымъ онъ прибѣгалъ, оказались совершенно недостаточными; но поклонники его справедливо могутъ гордиться тѣмъ, что онъ установилъ уровень нравственности, который поднялъ его соотечественниковъ надъ всѣми народами Азіи и помогъ имъ сохранить имперію въ неприкосновенности, несмотря на всѣ превратности внутреннихъ смутъ и внѣшнихъ войнъ, постигавшія ее въ теченіе двадцати-четырехъ вѣковъ.

Ничто такъ не способствовало сохраненію нынѣшняго порядка вещей, какъ выдвинутая Конфуціемъ древняя доктрина о томъ, что правители вступаютъ на царство по волѣ Неба и что ихъ право на престолъ сохраняется лишь до тѣхъ поръ, пока они идутъ по небесному пути и повинуются небеснымъ повелѣніямъ. Уклоняясь отъ добродѣтели, они произносятъ себѣ приговоръ, освобождающій подданныхъ отъ долга повиновенія. Такимъ образомъ, Конфуцій уже предрекаетъ право, котораго открыто требовалъ Менцій, именно — право возстанія противъ нечестивыхъ правителей. И оно не осталось безъ примѣненія. Со временъ Конфу-

ція династіи мѣнялись уже больше тридцати разъ, и въ каждомъ случаѣ революція оправдывалась ссылками на ученіе мудреца и его великаго послѣдователя Менція.

Это разграниченіе сана отъ личности исключило преданность какой-либо одной династіи, и народъ совершенно равнодушно смотрѣлъ, какъ одна фамилія свергала другую и какъ престолъ доставался постороннимъ лицамъ, иногда даже чужеземцамъ. Этимъ объясняется, отчего революціи въ Китаѣ проходятъ сравнительно мирно. Въ большинствѣ случаевъ провинціальные чиновники, назначенные павшимъ правителемъ, остаются на своихъ мѣстахъ и при его счастливомъ преемникѣ. Народъ считаетъ императора сыномъ Неба, безразлично, будетъ ли онъ потомкомъ цѣлаго ряда императоровъ, или выйдетъ изъ-за верстака, какъ основатель династіи Мингъ, чтобы по повелѣнію Неба свергнуть недостойнаго представителя великихъ Яо и Шуна. Императоръ теряетъ свою индивидуальность, слагая съ себя прежнее имя, которое для даннаго царствованія замѣняется двумя тщательно подобранными іероглифами, сулящими счастье. Но такъ какъ вплоть до возвышенія нынѣшней Манчжурской династіи эти іероглифы неоднократно мѣнялись даже при одномъ и томъ же государѣ, то имъ не придается особаго значенія. Такимъ образомъ, всякій новый титулъ, присвоенный счастливымъ мятежникомъ, не нарушаетъ никакихъ дорогихъ традицій, не оскорбляетъ ничьей священной памяти.

Съ политической точки зрѣнія, это—сильная сторона конфуціанской системы. Благодаря тому, что въ Китаѣ императорскій домъ существуетъ не только номинально, но и фактически, доктрину эту охотно принималъ каждый государь, такъ какъ его притязанія на тронъ основывались наволѣ Неба, которая совпадаетъ съ волей народа.

Мы уже видѣли, въ какое смутное время жилъ Конфуцій. Въ ту эпоху первенствующую роль играли военные, а люди науки должны были отступить на второй планъ. Вся словесность ограничивалась народными пѣснями, и древнія литературныя произведенія были почти позабыты за войнами и борьбою партій. Конфуцій взялся записать ихъ, издать, а гдѣ нужно, дополнить, и такимъ образомъ возстановилъ, и предоставилъ своимъ соотечественникамъ полное собраніе классическихъ сочиненій, существовавшихъ въ Китаѣ до него. Благодаря этому, Конфуція стали считать за основателя ученія. Когда же его произведенія были спасены отъ великаго сожженія книгъ императоромъ Чи-Хуангъ-Ти (около 220 г. до Р. Х.), то слава всѣхъ предшествовавшихъ писателей потонула въ славѣ Конфуція, который сохранилъ знаменитыя преданія о золотомъ вѣкѣ китайской исторіи.

Ученые съ восторгомъ встрѣтили возрожденіе литературы, которая считалась совершенной. Для нихъ послѣ дикаго указа Чи-Хуангъ-Ти наступилъ періодъ умственнаго застоя, и они даже преувеличили важность новаго движенія. Такъ какъ нѣкоторыя произведенія были возстановлены по частямъ, а другія даже по устнымъ преданіямъ, то спеціалисты съ жадностью набросились на изученіе текстовъ. Вскорѣ появились комментаріи и критическія толкованія, и нынѣшніе ученые, вмѣсто самостоятельныхъ изслѣдованій и работъ, изощряются въ подробнѣйшихъ трактатахъ о различныхъ грамматическихъ формахъ. Сочиненія Конфуція и его учениковъ, къ которымъ также причислены были произведенія Менція, вызывали всеобщій восторгъ и признаны были единственными каноническими книгами въ національной литературѣ. Они получили названіе „пятикнижія“ и „четверокнижія“. Къ первой категоріи отнесены были древнія произведенія, цѣликомъ или частью составленныя Конфуціемъ, а именно: *И-Кингъ*, или Книга Перемѣнъ, *Ши-Кингъ*, или Книга Поэзіи, *Шу-Кингъ*, или Книга Исторіи, *Ли-Ки*, или Книга Обрядовъ, и единственное, написанное имъ самимъ произведеніе, *Чунъ-Цю*, или Весна и Осень. Въ составъ четверокнижія входятъ: *Та-Хіо*, или Великое Ученіе, *Чунгъ-Юнгъ*, или Ученіе о Серединѣ, *Лунъ-Ю*, или Конфуціанскія бесѣды, и *Мангъ-Цзы*, или сочиненія Менція [1]).

Народу не съ чѣмъ было сравнивать этихъ произведеній, содержаніе которыхъ вполнѣ соотвѣтствовало его духу, и онъ привыкъ почитать ихъ за выраженіе высшей мудрости. Эти книги приняты, какъ руководство, во всѣхъ школахъ и служатъ единственнымъ предметомъ изученія въ имперіи. Съ тѣхъ поръ, какъ въ Китаѣ введена была система конкурсныхъ экзаменовъ (въ 631 г. послѣ Р. Х.), экзаменаціонныя темы даются исключительно по нимъ, и этотъ обычай освященъ вѣками. Такимъ образомъ, уже больше двѣнадцати столѣтій каждое китайское поколѣніе съ дѣтства и до могилы изучаетъ девять конфуціанскихъ классиковъ.

Такое соотвѣтствіе конфуціанской системы съ національнымъ духомъ поддерживаетъ вліяніе мудреца въ прежней, если не въ большей степени. Буддизмъ и таоизмъ нашли адептовъ почти исключительно въ некультурныхъ классахъ, но даже и тѣ отрицаютъ доктрины, несогласныя съ ученіемъ Конфуція. Ни одинъ образованный китаецъ не допуститъ, чтобы его причисляли къ одной изъ этихъ двухъ религій. Такіе люди считаютъ Конфуція своимъ руководителемъ, философомъ и другомъ, и хотя признаютъ его за человѣка, но чтятъ, какъ Бога.

---

[1]) Подробности объ этихъ книгахъ см. *Васильевъ, В.*, Очеркъ исторіи китайской литературы. Всеобщая исторія литературы, подъ ред. *Корша*, т. I.

Прим. перев.

ГЛАВА VII.

Менцій.

Послѣ смерти Конфуція положеніе государства еще ухудшилось. Борьба между отдѣльными княжествами все обострялась, а мелкіе удѣлы постепенно подпадали подъ власть своихъ болѣе могущественныхъ сосѣдей. Въ довершеніе смутъ, стали появляться люди, проповѣдывавшіе новое ученіе и опровергавшіе общепризнанные принципы добра и зла. Въ настроеніи умовъ чувствовалась та же перемѣна, которая въ Индіи породила буддизмъ. Лао-Цзы проповѣдывалъ, что стремленіе ко всему земному суетно, и обѣщалъ возвращеніе къ Абсолюту всѣмъ тѣмъ, кто развивалъ въ себѣ самоуничиженіе и смиреніе. Нѣкоторые послѣдователи настолько извратили его ученіе, что считали возможнымъ обоготвореніе человѣка и пріобрѣтеніе имъ магической силы путемъ постояннаго созерцанія. Всѣ прежніе умственные и нравственные устои пошатнулись, и страна объята была смутами и волненіями.

Таково было положеніе имперіи, когда (въ 371 г. до Р. Х.) въ княжествѣ Цоу родился Менцій, которому суждено было стать преемникомъ Конфуція. Возмужавъ, онъ, подобно своему великому предшественнику, сдѣлался учителемъ и постепенно пріобрѣлъ цѣлую толпу вѣрныхъ и преданныхъ учениковъ, которыхъ онъ наставлялъ, какъ увѣковѣчить доктрины мудреца. Не создавая собственной новой системы, но облачаясь въ броню, изготовленную его учителемъ, онъ вступилъ въ борьбу со злобами дня. Насколько онѣ стали сложнѣе и запутаннѣе, чѣмъ во времена Конфуція, настолько и онъ былъ смѣлѣе въ нападкахъ и изобрѣтательнѣе въ аргументахъ, чѣмъ его учитель. Тамъ, гдѣ Конфуцій наказывалъ бичами, онъ наказывалъ скорпіонами, и громилъ не только себѣ равныхъ или низшихъ, а не щадилъ также князей и правителей.

„Можетъ ли подданный умертвить правителя?" спрашивалъ его царь Сюанъ. „Тотъ, кто грѣшитъ противъ милосердія,— отвѣчалъ Менцій,—называется злодѣемъ, а кто грѣшитъ противъ праведности, называется негодяемъ. Злодѣя или негодяя мы называемъ простымъ гражданиномъ. Я слышалъ, что обезглавили гражданина Шоу (послѣдняго императора изъ династіи Шань); но мнѣ не доводилось слышать, чтобы умерщвляли правителя". По его мнѣнію, права народа стоятъ выше всего. „Народъ, — говорилъ онъ, — есть самый

важный элементъ въ странѣ... а правитель самый неважный". Такимъ образомъ, благо народа должно быть на первомъ планѣ у правителей. Менцій рѣшительнымъ образомъ высказывался противъ царей, которые ведутъ безполезныя войны, разоряющія ихъ подданныхъ. Его „изреченія" дышатъ такою свѣжестью и силой, какъ ни одно изъ произведеній китайской литературы. Онъ умѣлъ прямо и рѣшительно подойти къ сути каждаго дѣла. Сталкивался ли онъ съ мечтателями, какъ Янгъ-Чу или Михъ-Тейхъ (изъ которыхъ первый проповѣдывалъ воззрѣніе „каждый для себя", а второй „всемірную любовь"), съ нечестивыми государями, какъ Хвуй изъ Ліанга, или съ резонирующими учениками, какъ Као-Цзы,—онъ сразу умѣлъ опредѣлить ихъ заблужденія. Онъ опровергалъ всѣ ихъ ложные выводы и напиралъ на ошибочныя доказательства или неправильныя основы, разбивая ихъ теоріи и выясняя несостоятельность ихъ взглядовъ. Самъ онъ говорилъ: „Я понимаю слова... Если рѣчи односторонни, то я знаю, въ чемъ умъ говорящаго помраченъ; если онѣ нелѣпы, то я знаю, въ чемъ его умъ заблуждается; если онѣ безнравственны, то я знаю. въ чемъ его умъ отступилъ отъ принциповъ; если онѣ уклончивы, то я знаю, передъ чѣмъ его умъ сталъ втупикъ".

Подобно Конфуцію, Менцій страстно желалъ найти правителя, который слѣдовалъ бы его совѣтамъ и, также, подобно Конфуцію, посѣщалъ различные дворы, гдѣ его принимали гостепріимно; но главной своей цѣли ему не удалось достигнуть. И хотя судьба не улыбалась ему, но онъ утѣшался въ своемъ уединеніи тою мыслью, что неудача его была опредѣлена Небомъ. „Небо не желаетъ, чтобы въ имперіи былъ покой и порядокъ", говорилъ онъ, и, поэтому, безъ всякой злобы отказался, наконецъ, отъ надежды увидѣть примѣненіе своихъ принциповъ. Послѣднія пятнадцать лѣтъ жизни онъ посвятилъ на обработку своихъ сочиненій и на проповѣдь ученикамъ.

Менцій не обладалъ качествами придворнаго. При жизни личный характеръ спасалъ его отъ печальныхъ послѣдствій, которыхъ можно было бы ожидать отъ взглядовъ, высказанныхъ имъ въ разговорахъ съ правителями. Но послѣ его смерти, когда остались только его слова и когда его безкорыстный патріотизмъ и почтенная независимость были забыты, заслуги его, при цѣломъ рядѣ императоровъ, почти не признавались. Съ возрожденіемъ наукъ при Ханьской династіи, его сочиненія привлекли вниманіе ученыхъ. Но только въ царствованіе Шинъ-Цунга (1068—1085 г. по Р. Х.) изъ династіи Сунгъ, они были причислены къ конфуціанскимъ классикамъ, и съ тѣхъ поръ Менцій, во мнѣніи своихъ соотечественниковъ, занялъ слѣдующее мѣсто за Конфуціемъ.

ГЛАВА VIII.

Современное конфуціанство.

Мы видѣли, что солнце Конфуція зашло за тучи. Современные ему правители не внимали его указаніямъ, а доктрины его безъ ихъ помощи не могли проникнуть въ народъ. Ученіе его главнымъ образомъ относилось къ правительствующему классу и ничѣмъ не удовлетворяло духовныхъ запросовъ человѣка. Это была просто политико-моральная система, которая нуждалась въ верховномъ покровительствѣ, чтобы пріобрѣсти право гражданства въ имперіи. При жизни Конфуція ей не удалось встрѣтить такого покровительства, съ одной стороны изъ-за государственныхъ смутъ, а съ другой изъ-за безусловной преданности Конфуція отживающему дому Чоу. Но не успѣлъ онъ умереть, какъ князь Гае, всегда оказывавшій ему уваженіе, но никогда не приглашавшій его своимъ руководителемъ, разразился сѣтованіями. „Небо,—говорилъ онъ,—взяло отъ меня старика! Некому помочь мнѣ въ управленіи. О горе мнѣ! Увы! О почтенный Ни!“ Нѣтъ основанія заподозрить эти слова въ неискренности. Князь постоянно велъ длинныя бесѣды съ Конфуціемъ о дѣлахъ управленія и, безъ сомнѣнія, извлекалъ пользу изъ данныхъ ему совѣтовъ. Онъ, очевидно, считалъ систему Конфуція, въ полномъ видѣ, непримѣнимой при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, но могъ убѣдиться въ практической мудрости многихъ поученій мудреца.

Ученики Конфуція также, несомнѣнно, оказали сильное вліяніе. Ихъ уваженіе къ его памяти и преклоненіе передъ его ученіемъ въ связи съ проповѣдью Менція доставили право гражданства общимъ основамъ его системы, даже при тогдашнемъ неблагоустройствѣ общества. Когда же борьба враждующихъ княжествъ окончилась торжествомъ Ц'иня, то Чи-Хуангъ-Ти приказалъ сжечь всѣ существовавшія книги и, главнымъ образомъ, сочиненія Конфуція. Но они не погибли отъ огня, такъ какъ были замуравлены ревностными послѣдователями въ стѣны домовъ или зарыты въ землю и, кромѣ того, сохранились въ памяти вѣрныхъ учениковъ.

Со вступленіемъ на престолъ династіи Хань (206 г. до Р. Х.) открылась новая эра для конфуціанской литературы. Императоръ Као-Ти поощрялъ всѣ отрасли науки, а, въ особенности, стоялъ за изученіе сочиненій Конфуція. Проникнутый сознаніемъ ихъ глубины и мудрости, императоръ посѣтилъ гробницу Конфуція въ Лу и тамъ, въ его честь, принесъ въ жертву тельца. Преемникъ Као-Ти, Пингъ-Ти (въ 1 году послѣ Р. Х.) назначилъ мудрецу посмертный титулъ „совершенный и славный князь Ни". Этотъ титулъ присвоенъ былъ ему до тѣхъ поръ, пока императоръ Хо-Ти, изъ восточной Ханьской династіи, не переименовалъ его въ „славнаго и почтеннаго графа". Лѣтъ черезъ четыреста онъ былъ канонизированъ, какъ „совершенный мудрецъ". Впослѣдствіи, по приказанію императоровъ, этотъ титулъ неоднократно измѣнялся и въ царствованіе императора Юангъ-Цунга изъ династіи Тангъ (715—742) Конфуцій удостоенъ былъ званія „совершеннаго и проницательнаго царя". Данный ему такимъ образомъ царскій санъ повелъ къ тому, что его изображеніе въ Имперской коллегіи перенесли изъ сѣней, гдѣ оно прежде стояло, на средину зала и поставили лицомъ къ югу, какъ подобаетъ царю. Шинъ-Цунгъ изъ династіи Сунгъ (1068—1086), желая, вѣроятно, показать, что онъ уважаетъ мудреца больше, чѣмъ его предшественники, возвелъ Конфуція въ императорское достоинство и величалъ „императоромъ". Еще позже Чингъ-Цунгъ, изъ династіи Юанъ (1295—1308), именовалъ его „совершеннѣйшимъ и проницательнымъ царемъ". А титулъ, который онъ носитъ теперь—„совершенный мудрецъ и древній учитель Конфуцій"—опредѣленъ былъ императоромъ Ши-Цунгомъ изъ династіи Мингъ (1506—1522).

Императоры нынѣшней династіи благоразумно воздерживались отъ назначенія новыхъ почетныхъ титуловъ мудрецу. Они считали ревностное служеніе его доктринамъ болѣе похвальнымъ дѣломъ, чѣмъ какія-нибудь перемѣны и добавленія къ его посмертнымъ почестямъ. „Царь безъ трона", вотъ удачное и ходячее наименованіе того, кто въ теченіе стольких вѣковъ оказывалъ подавляющее вліяніе на умы своихъ соотечественниковъ.

Титулы, данные Конфуцію китайскими императорами, не были пустымъ звукомъ. Со временъ Као-Ти и понынѣ Конфуцій, по крайней мѣрѣ, внѣшнимъ образомъ, является предметомъ высшаго почитанія и благочестиваго культа для каждаго изъ богдыхановъ. Во всѣхъ городахъ имперіи воздвигнуты были храмы въ его честь. Культъ его, первоначально ограничивавшійся его роднымъ княжествомъ, за послѣдніе 12 вѣковъ сдѣлался такимъ же общимъ достояніемъ, какъ изученіе литературы, связанной съ его именемъ.

Близъ могилы мудреца, въ Шантунгѣ, находится самый важный и священный храмъ, въ которомъ сосредоточены всѣ чудеса китайской архитектуры. Главная постройка — въ два этажа; веранда, окружающая верхній этажъ, „покоится на великолѣпныхъ мраморныхъ колоннахъ въ 22 фута высотою и около двухъ футовъ въ діаметрѣ. Издали кажется, что онѣ обвиты огромными драконами, которые свѣшиваются внизъ... Крыша, какъ и въ Пекинѣ, состоитъ изъ желтыхъ фарфоровыхъ черепицъ, а украшенія карнизовъ покрыты проволочною сѣткой для защиты отъ птицъ. Внутри храма, на алтарѣ, подъ роскошнымъ балдахиномъ, находится статуя Конфуція. Въ рукахъ у нея бамбуковая палочка, какою писали во времена мудреца. Статуя размѣромъ въ 18×6 футовъ и какъ будто живая. Конфуцій былъ высокимъ, сильнымъ, статнымъ съ полнымъ румянымъ лицомъ и большою тяжелою головой... На таблицѣ простая надпись: „Здѣсь покоится духъ святѣйшаго пророка, мудреца Конфуція". Съ восточной стороны стоятъ изображенія его любимыхъ учениковъ въ томъ порядкѣ, какой они, по преданію, занимали въ сердцѣ мудреца... Подъ самою крышей развѣшано множество табличекъ въ честь мудреца, наперерывъ воздающихъ ему хвалу... Передъ нимъ, а также передъ его учениками, находились обычныя сооруженія для жертвоприношеній, а противъ нихъ великолѣпныя курильницы; рядомъ были интереснѣйшія древности, какъ-то: вазы великолѣпной работы, якобы изъ временъ династіи Шангъ (1610 г. до Р. X.), два бронзовыхъ слона, относящіеся, по преданію, къ династіи Чоу, и столъ краснаго дерева изъ той же эпохи.

„Съ западной стороны два храма: передній въ честь отца Конфуція, а слѣдующій за нимъ въ честь его матери... Съ восточной стороны — храмы его пяти предковъ и большая мраморная глыба съ родословнымъ деревомъ, показывающимъ всѣ развѣтвленія его фамиліи... Позади большого храма находится храмъ въ честь жены мудреца; тамъ нѣтъ никакихъ изображеній, а одна лишь табличка. За нимъ идетъ еще одинъ храмъ, гдѣ находятся четыре таблицы, сооруженныя императоромъ Кангъ-Хи въ честь Конфуція. На нихъ по одному іероглифу, и эту надпись толкуютъ такъ: „мудрый учитель десяти тысячъ царствъ". Тутъ же находятся три мраморныя статуи мудреца. Первая во весь ростъ изображаетъ его довольно мрачнымъ старикомъ; на второй, поменьше, — сбоку отпечатки іероглифовъ; третья и самая лучшая изображаетъ только бюстъ мудреца. Онѣ представляютъ нѣкоторыя различія, но въ общемъ сходны между собою. На всѣхъ трехъ Конфуцій представленъ съ полуоткрытыми губами, за которыми видны верхніе зубы, и съ задумчивыми глазами. Непосредственно

за статуями идутъ выгравированныя на мраморѣ сцены изъ жизни Конфуція съ соотвѣтствующимъ объяснительнымъ текстомъ. Всего такихъ плитъ, вдѣланныхъ въ стѣну, было сто-двадцать" [1]).

Слѣдующее мѣсто за этимъ храмомъ занимаетъ *Кво-Цзы-Кинъ* въ Пекинѣ, который отличается тѣмъ, что въ немъ нѣтъ статуй. Зато тамъ находятся шесть памятниковъ съ желтыми черепичными крышами, свидѣтельствующихъ о политическомъ уваженіи къ Конфуцію и напоминающихъ о завоеваніяхъ императоровъ К'ангъ-Хи, Юнгъ-Чинга и К'инъ Лунга:

1704. К'ангъ-Хи, завоеваніе Шомо въ западной Монголіи.
1726. Юнгъ-Чингъ, завоеваніе Цингъ-Хая, или восточнаго Тибета.
1750. К'инъ-Лунгъ, завоеваніе Квей-Чоу.
1760. К'инъ-Лунгъ, завоеваніе Джунгаріи.
1760. К'инъ-Лунгъ, завоеваніе Кашгара.
1777. К'инъ-Лунгъ, завоеваніе страны Мяо въ Цзы-Чуанѣ.

Императоръ два раза въ году торжественно отправляется въ этотъ храмъ и, преклонивъ дважды колѣни и положивъ шесть земныхъ поклоновъ, призываетъ мудреца слѣдующими словами: „Ты великъ, о совершенный мудрецъ! Твоя добродѣтель полна, твое ученіе несравненно! Среди смертныхъ нѣтъ тебѣ равнаго. Всѣ цари почитаютъ тебя. Твои правила и законы прошли славный путь. Ты — образецъ для этой императорской школы. Жертвенные сосуды были нами почтительно разставлены. Благоговѣйно ударяемъ мы въ барабаны и колокола". Предполагается, что послѣ этого появляется духъ самого мудреца, и дальнѣйшая церемонія состоитъ изъ сообразныхъ случаю жертвоприношеній, для которыхъ употребляются: куски шелку, вино, соленое мясо тигра, сушеная рыба, сушеная и рубленая дичь, рубленый заяцъ, рубленое мясо, чистый черный теленокъ, овца или свинья.

Мандаринъ, совершающій службу, читаетъ тогда слѣдующую молитву: „Такого-то мѣсяца, такого-то года я, императоръ (имярекъ), приношу жертву философу Кунгу, древнему учителю, совершенному мудрецу и говорю: о, учитель, по добродѣтели равный Небу и Землѣ, чьи доктрины охватываютъ прошлое и настоящее! Ты привелъ въ порядокъ и сообщилъ шесть классическихъ книгъ и преподалъ наставленія для всѣхъ поколѣній. Сегодня, во второй весенній (или осенній) мѣсяцъ, почтительно соблюдая древній уставъ, я приношу тебѣ въ жертву животныхъ, шелка, напитки и плоды. Тебя окружаютъ: философъ Іенъ, твой продолжатель, философъ Цангъ, изложившій твои основные принципы, философъ Цзы-Сы, передававшій твое ученіе, и философъ Мангъ,

[1]) *Williamson*. Journies in North China.

(Менцій), занимающій слѣдующее за тобою мѣсто. Прими же наши жертвы". *(Legge)*.

Какъ упомянуто въ этой молитвѣ, изображеніе Конфуція окружено статуями его главныхъ учениковъ, а позади, въ особомъ придѣлѣ, находятся статуи его предковъ. Различные императоры въ свое время посѣщали гробницу мудреца въ Шантунгѣ, при чемъ воздавали необыкновенно торжественное поклоненіе въ святилищѣ близлежащаго храма. К'анг-Хи, знаменитѣйшій изъ императоровъ нынѣшней династіи, какъ правитель и какъ ученый, тоже совершилъ это паломничество и „показалъ примѣръ троекратнаго колѣнопреклоненія и троекратнаго земного поклона предъ статуей мудреца".

Культу Конфуція въ различныхъ провинціяхъ посвящено 1500 храмовъ. Перваго и пятнадцатаго числа каждаго мѣсяца передъ его статуей совершается жертвоприношеніе, а два раза въ году, весною и осенью, всѣ мѣстные чиновники принимаютъ участіе въ особенно торжественномъ поклоненіи. Согласно *Шингъ-мяо-ки*, или Исторіи храмовъ мудреца, въ такихъ случаяхъ приносятъ въ жертву 6 тельцовъ, 27.000 свиней, 5.800 овецъ, 2.800 оленей, 2.700 зайцевъ и возлагаютъ на алтарь до 27.600 кусковъ шелковой матеріи.

Изъ культа Конфуція, естественно, вытекаетъ глубокое почтеніе и уваженіе ко всѣмъ произведеніямъ, которыя были имъ написаны или изданы. Въ пекинскомъ храмѣ Кво - Цзи - Кинъ, надъ большимъ квадратомъ возвышаются своды изъ каменныхъ плитъ, на которыхъ вырѣзаны классическіе тексты, а „въ центрѣ находится одинъ изъ замѣчательныхъ образцовъ китайской архитектуры, именно—большая бесѣдка на бѣлой мраморной площадкѣ посреди круглаго бассейна съ водой, также выложеннаго мраморомъ. Къ ней переброшены четыре мраморныхъ мостика, соотвѣтствующихъ странамъ свѣта. Въ этомъ строеніи, изображающемъ Пи-Юнгъ, или Древнюю Императорскую коллегію, каждый богдыханъ долженъ хоть разъ въ свое царствованіе предсѣдательствовать на торжественномъ собраніи всѣхъ столичныхъ ученыхъ, на которомъ читается классическое разсужденіе, номинально составленное его величествомъ и поэтому носящее названіе Ю-Лунъ" [1]).

Хвалебный хоръ, который ученые много вѣковъ воспѣвали Конфуцію, рѣдко нарушался диссонансами. Бывали пререканія относительно его доктрины о врожденномъ совершенствѣ человѣческой природы, и вообще главныя положенія его подвергались

---

[1]) *Mayer*. Chinese Government.

различнымъ толкованіямъ. Одни комментаторы относились къ нимъ, какъ къ изреченіямъ бога, другіе же считали ихъ за слова дѣлового человѣка, который стремился выполнить все доступное ему добро. Самый выдающійся писатель, осмѣлившійся открыто возражать Конфуцію, былъ Вангъ-Ч'унгъ (19—90 г. по Р. Х.). Въ сочиненіи, состоящемъ изъ тридцати книгъ и озаглавленномъ Лунъ-Хангъ, или Критическія Изысканія, онъ „трактуетъ объ умственныхъ и физическихъ проблемахъ съ неслыханной въ китайской литературѣ дерзостью“ и посвящаетъ цѣлую главу описанію преувеличеній и противорѣчій, въ которыхъ онъ обвиняетъ Конфуція.

При жизни Конфуція, доктрины его встрѣтили такой холодный пріемъ, что трудно понять, какимъ образомъ позднѣйшіе конфуціанцы стояли за нихъ. Объясняется это, вѣроятно, тѣмъ, что изреченія мудреца были сведены его учениками въ систему, чего онъ самъ не сдѣлалъ. Тщательное изученіе рѣчей Конфуція показываетъ, что онъ, въ сущности, не изобрѣлъ системы ни въ этикѣ, ни въ политикѣ, а по мѣрѣ надобности давалъ отдѣльныя правила, большей частью позаимствованныя у древнѣйшихъ классиковъ, и многія изъ нихъ были, вдобавокъ, невѣрно истолкованы.

Все-таки въ его ученіи заключается основа мудрости, составляющая *raison d'être* конфуціанства. Кое-что уже отжило свой вѣкъ, но многое еще держится до сихъ поръ. Въ настоящее время мало кто согласится съ Конфуціемъ въ его воззрѣніи на необычайное вліяніе, которое можетъ произвести отдѣльный человѣкъ, будь то врожденный мудрецъ, или выработавшійся путемъ саморазвитія „высшій человѣкъ“; мало кто вполнѣ присоединится къ его взгляду на природу человѣка и на дѣйствительность средствъ къ ея усовершенствованію. Но на ряду съ этимъ, его правила всеобщей нравственности могутъ внушать уваженіе во всѣ времена. Въ Китаѣ они теперь въ такой же силѣ, какъ въ ту эпоху, когда возрожденіе наукъ при вступленіи на престолъ древней Ханьской династіи впервые заставило преклониться предъ его сочиненіями.

Въ концѣ XVII вѣка императоръ К'ангъ-Хи, который, какъ было указано выше, благоговѣйно относился къ Конфуцію, издалъ шестнадцать правилъ, основанныхъ на ученіи мудреца, для того, чтобы руководить народомъ, такъ какъ его нравственность „съ нѣкоторыхъ поръ стала постепенно падать и сердца уже не были такими, какъ въ старину“. Онъ слѣдующимъ образомъ формулировалъ главныя положенія конфуціанской доктрины:

1. Уважай больше всего сыновнюю почтительность и братскую покорность, чтобы должнымъ образомъ поднять общественныя отношенія.

2. Обращайся великодушно со всѣми родственниками, чтобы вывести на свѣтъ гармонію и кротость.

3. Поддерживай миръ и согласіе съ сосѣдями, чтобы предупредить ссоры и тяжбы.

4. Признавай важность земледѣлія и культуры тутоваго дерева, чтобы обезпечить достаточное количество пищи и одежды.

5. Покажи, что ты цѣнишь умѣренность и экономію, чтобы предупредить растрату своихъ средствъ.

6. Ставь высоко школы и училища, чтобы занятія ученыхъ шли правильно.

7. Порицай и изгоняй постороннія ученія, чтобы возвысить истинное ученіе.

8. Излагай и объясняй законы, чтобы предостеречь невѣждъ и упрямцевъ.

9. Выказывай благопристойность и учтивость, чтобы упорядочить нравы и обычаи.

10. Работай усердно на собственномъ поприщѣ, чтобы люди стремились къ своей цѣли.

11. Поучай сыновей и младшихъ братьевъ, чтобы удержать ихъ отъ дурныхъ дѣлъ.

12. Ставь преграду ложнымъ обвиненіямъ, чтобы покровительствовать честнымъ и хорошимъ людямъ.

13. Предостерегай отъ укрывательства перебѣжчиковъ, чтобы укрыватель не подпалъ подъ ихъ наказаніе.

14. Во-время и полностью плати подати, чтобы съ тебя безотлагательно не потребовали недоимокъ.

15. Собирайтесь по десяти и по сто, чтобы положить конецъ воровству и кражамъ.

16. Учись подавлять злобу и гнѣвъ, чтобы придавать должное значеніе личности и жизни.

Естественно возникаетъ вопросъ, въ чемъ же тайна того широкаго вліянія, которое оказалъ Конфуцій? На это мы отвѣтимъ, во-первыхъ, что онъ былъ китайцемъ до мозга костей, и его ученіе необычайно подходило его соотечественникамъ, для которыхъ оно и предназначалось. Разсудокъ монголовъ, холодный и несклонный къ умозрѣніямъ, не лежитъ къ изслѣдованію вопросовъ за предѣлами повседневной жизни, а свойственный имъ спокойный, мягкій темпераментъ не даетъ разыграться пылкимъ страстямъ и ужаснымъ преступленіямъ. Простая, дѣловая система нравственности, изложенная Конфуціемъ и вовсе не затрогивавшая вопроса о будущей жизни, вполнѣ удовлетворяла требованіямъ китайцевъ. Во-вторыхъ, въ интересахъ и правителей, и подданныхъ было поддерживать ученіе Конфуція. Фактическій

правитель почерпалъ въ немъ источникъ могущества. Разъ тронъ есть награда, пожалованная Небомъ за выдающуюся добродѣтель, то государь, мирно царствующій, очевидно, имѣетъ на него неотъемлемое право. Требованіе вѣрноподданническихъ чувствъ, которое встрѣчается на каждой страницѣ конфуціанскихъ книгъ, не могло также не ласкать слуха правителей.

Съ другой стороны, подданные чувствовали, что мудрецъ имъ отводилъ первое мѣсто. Забота объ ихъ интересахъ и матеріальномъ благосостояніи составляла главную обязанность правителя, и степень ихъ вѣрноподданническихъ чувствъ измѣрялась его успѣхомъ въ этомъ направленіи. Конфуцій признавалъ раздачу чиновъ и титуловъ только по заслугамъ, и такимъ образомъ любая государственная должность была доступна для всѣхъ безъ различія. Народъ видѣлъ, что о немъ заботятся, а въ случаѣ небрежности или притѣсненія имѣлъ право возстать. Правитель былъ намѣстникомъ Неба, но подданные обязаны были относиться къ нему съ преданностью и почтеніемъ лишь до тѣхъ поръ, пока онъ шелъ по небесному пути.

Наконецъ, существованіе столь прославленной литературы въ такую древнюю эпоху повело къ тому, что она была принята въ школахъ и на конкурсныхъ экзаменахъ; народъ, не зная ничего другого, привыкъ считать ее за квинтъ-эссенцію мудрости, а ея автора за мудрѣйшаго изъ людей. Быть-можетъ, скажутъ, что нельзя опредѣлить, какія послѣдствія дастъ вѣковое сосредоточиваніе народнаго ума на изученіи даннаго руководства; но въ Китаѣ мы видимъ его наглядный результатъ и находимъ, что оно привело къ полному порабощенію, болѣе, чѣмъ сорока поколѣній, предписаніямъ одного человѣка.

ТАОИЗМЪ.

ГЛАВА I.

Введеніе.

Описывая положеніе Китая при династіи Чоу, мы указывали на побужденія, которыя оторвали Конфуція отъ ученой дѣятельности и принудили бороться со злобами дня. Смуты, насилія и страсти, которыя онъ видѣлъ вокругъ себя, заставляли его кстати и некстати предостерегать и увѣщевать своихъ соотечественниковъ и ихъ правителей. Изученіе исторіи показало ему, какъ много можетъ сдѣлать даже одинъ человѣкъ. Онъ узналъ, что Яо и Шунъ, Ву и Ванъ въ различныя эпохи спасали имперію отъ анархіи и силою своего примѣра и вліяніемъ своего ученія доводили ее до состоянія мира и покоя. Конфуцій вѣрилъ, что Небо призываетъ его къ такой же реформѣ, и денно и нощно стремился пробудить въ своихъ закоснѣлыхъ современникахъ сознаніе ихъ заблужденій.

Мы видѣли, что его крестовый походъ противъ современныхъ беззаконій не удался, тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что Конфуцій обладалъ многими качествами реформатора. Онъ отличался безупречною нравственностью, огромною настойчивостью, высокимъ умственнымъ развитіемъ, и доводы его были не менѣе убѣдительны, чѣмъ всякіе другіе, когда-либо слышанные въ Китаѣ. На его мѣстѣ каждый потерпѣлъ бы неудачу. Попытки многихъ другихъ дѣятелей подтверждали принципъ Конфуція, что „высшій человѣкъ не долженъ входить въ шаткое государство". Такимъ людямъ приходилось удалиться съ политической арены, и они съ презрѣніемъ относились къ начинаніямъ Конфуція. Они видѣли, какъ онъ, окруженный толпою восторженныхъ учениковъ, переходилъ отъ одного правительства къ другому и какъ, въ столицѣ за столицей встрѣчая пренебрежительное отношеніе, уходилъ, отрясая прахъ отъ ногъ своихъ. Немудрено, что они при-

писывали ему честолюбивыя и недостойныя побужденія; немудрено, что они издѣвались надъ нимъ, какъ тотъ отшельникъ, у котораго онъ спрашивалъ дорогу въ Ц'ае, и укоряли его за придворныя манеры и горделивый видъ.

Одинъ изъ такихъ отшельниковъ выказалъ себя глубокимъ и оригинальнымъ мыслителемъ и сдѣлался основателемъ таоизма. Это былъ старый философъ Лао-Цзы, родившійся лѣтъ на пятьдесятъ раньше Конфуція. Такимъ образомъ, Лао-Цзы былъ уже въ преклонномъ возрастѣ, когда выдвинулся его великій современникъ. Давно убѣдившись въ безполезности борьбы съ испорченнымъ вѣкомъ, онъ съ горделивымъ презрѣніемъ смотрѣлъ на жалкія попытки Конфуція въ этомъ направленіи.

Исторія сообщаетъ массу свѣдѣній о жизни Конфуція, но почти умалчиваетъ о жизни Лао-Цзы. Мы въ подробности знаемъ все, что пережилъ Конфуцій отъ юности и до могилы. Насъ вводятъ въ его кабинетъ, въ его столовую и даже въ его спальню. Мы знаемъ, что онъ дѣлалъ во время грозы и какъ онъ кушалъ свой рисъ. И нельзя пренебрегать этими мелочами, такъ какъ онѣ характеризуютъ мудреца и его ученіе. Но что касается Лао-Цзы, то невыяснено даже его происхожденіе. Изъ его жизни до насъ дошли два-три факта, и даже неизвѣстно, какъ онъ умеръ и гдѣ похороненъ. А это былъ одинъ изъ величайшихъ мыслителей Китая!

Какъ сообщаетъ извѣстный историкъ Сы-ма-Цянъ, фамилія Лао-Цзы была Ли (сливное дерево), имя его — Урхъ (ухо), почетный титулъ — Пихъ-Янгъ, а посмертное прозвище Танъ (плоскоухій). Говорятъ, что отецъ его былъ крестьяниномъ и женился семидесяти лѣтъ на женщинѣ вдвое моложе себя. Совпаденіе этого показанія съ неравенствомъ возраста родителей Конфуція заставляетъ усомниться въ его правдоподобности. Предполагаютъ, что Лао-Цзы родился въ 604 г. до Р. Х. въ деревнѣ Кейхъ-Джинъ, или „угнетенное милосердіе", въ приходѣ Ли, или „жестокость", въ округѣ К'у, или „горечь", и въ княжествѣ Ц'у, или „страданіе". Иные даже сомнѣвались въ существованіи самого Лао-Цзы. Но если бы его личность и представлялась вымышленной, то нельзя было подыскать болѣе подходящихъ названій для мѣсторожденія добродѣтельнаго человѣка, который подъ гнетомъ времени долженъ былъ промѣнять службу на уединеніе и забвеніе. Тѣ лица, которыя вѣрятъ въ существованіе Лао-Цзы, отождествляютъ вышеупомянутый городъ „Горечи" съ древнимъ К'у, находившимся близъ нынѣшняго Квей-ти-Фу, въ восточной части провинціи Хонанъ. Въ К'у-Янгѣ показываютъ домъ, гдѣ, будто бы, жилъ Лао-Цзы; тамъ же находится посвященный ему храмъ.

Сы-ма-Цянъ ничего не сообщаетъ о дѣтствѣ или юности Лао-Цзы, а упоминаетъ только, что онъ занималъ при имперскомъ дворѣ въ Чоу должность „Шоу-Цангъ Шихъ-Чи-Ши“, или „хранителя архивовъ“.

Всѣ авторитеты признаютъ, что именно въ то время, какъ Лао-Цзы занималъ вышеупомянутый постъ при дворѣ Чоу, Конфуцій, какъ нѣкогда Аристотель, посѣтилъ китайскаго Сократа. За пятьдесятъ-одинъ годъ жизни Конфуцій натерпѣлся разочарованій и, по словамъ Чуангъ-Цзы, излилъ повѣсть своихъ похожденій въ уши стараго философа, который осадилъ его слѣдующими словами: „Если извѣстно, что болтунъ грѣшитъ въ доводахъ, и что слушателя сбиваетъ съ толку чрезмѣрная болтовня, то Путь никогда не можетъ быть забытъ“.

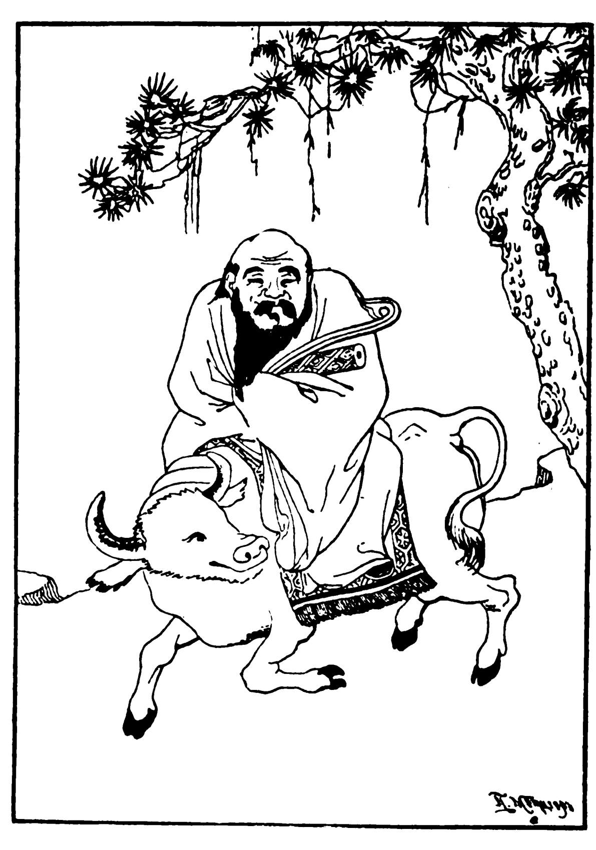
Въ другой разъ, когда Конфуцій восторгался древними мудрецами, циникъ-отшельникъ срѣзалъ его, говоря: „Кости этихъ людей уже давно истлѣли и остались только ихъ слова. Если высшему человѣку благопріятствуютъ обстоятельства, то онъ будетъ разъѣзжать въ колесницахъ и занимать должность, если же нѣтъ, то онъ будетъ катиться по жизненному пути, какъ былинка по песку. Я слышалъ, что хорошій торговецъ, у котораго сокровищница доверху полна, на видъ кажется бѣднякомъ, а что совершенный высшій человѣкъ выглядитъ глупцомъ. Отбросьте свой высокомѣрный видъ и многочисленныя желанія, свои напыщенныя манеры и сумасбродныя фантазіи. Это вамъ пользы не принесетъ. Вотъ все, что я могу сказать“.

Конфуція разстроило это свиданіе, и онъ сказалъ своимъ ученикамъ: „Я знаю, что птицы летаютъ, рыбы плаваютъ, а звѣри бѣгаютъ; однако, бѣгущихъ можно остановить тенетами, плавающихъ — сѣтями, а летящихъ — стрѣлою. Но что касается дракона, то я не знаю, отчего онъ носится на облакахъ и поднимается къ небу. Сегодня я видѣлъ Лао-Цзы и могу уподобить его только дракону“. Формализмъ и исповѣданіе добродѣтели, которымъ Конфуцій придавалъ такое значеніе, въ глазахъ Лао-Цзы лишь удаляли его отъ достиженія Тао. Все это только раздражало „хранителя архивовъ“, которому, повидимому, пріятно было уязвлять и высмѣивать своего дѣлового посѣтителя.

Это единственное свиданіе между Конфуціемъ и Лао Цзы, о которомъ сообщаетъ Сы-ма-Цянъ. Тотъ же историкъ говоритъ, что вскорѣ послѣ этого событія Лао-Цзы, предвидѣвшій неизбѣжное паденіе княжества Чоу (фактъ, котораго Конфуцій не допускалъ), покинулъ службу и поселился въ уединеніи. Нерѣдко случается, что во времена гражданскихъ смутъ и неурядицъ наступаетъ переворотъ въ міровоззрѣніяхъ. Умы людей, отвлекаясь отъ внутрен-

ней политики, направляются къ созерцанію невещественнаго. Такъ было и съ Лао-Цзы: освободившись отъ служебныхъ обязанностей, онъ „развивалъ Тао и Добродѣтель и жилъ въ уединеніи и забвеніи".

Но скоро общество дошло до такого разложенія, что убѣжище Лао-Цзы ужъ не представлялось надежнымъ. Поэтому онъ предпринялъ путешествіе въ отдаленную страну, черезъ княжество, гдѣ онъ служилъ столько лѣтъ, и Ханкусскій проходъ, въ округѣ Ченъ-Чоу провинціи Хонанъ. Нѣкоторое время онъ удѣлилъ на поученіе Инъ-Хи, стража прохода, доктринамъ Тао. Затѣмъ онъ продолжалъ свой путь на западъ, но дальнѣйшая судьба его неизвѣстна.

Лао-Цзы.

У него былъ сынъ, по имени Цунгъ, который сдѣлался полководцемъ въ княжествѣ Вей и въ награду за свою службу получилъ помѣстье въ Туанъ-Канѣ. Отъ Цунга по прямой линіи происходили пять поколѣній, изъ которыхъ послѣднее поселилось въ княжествѣ Ц'и. Съ этого момента исторія опять-таки перестаетъ слѣдить за судьбой его рода. И тутъ сказывается полный контрастъ съ Конфуціемъ, потомки котораго и понынѣ носятъ княжескій титулъ и получаютъ большую пенсію.

Хотя исторія сообщаетъ мало свѣдѣній о Лао-Цзы, зато религіозныя преданія изобилуютъ чудесными сказаніями объ его рожде-

ніи и жизни. Нѣкоторые писатели стали увѣрять, что Лао-Цзы — духъ и воплощеніе Тао; безначальный и безконечный источникъ бытія, безформенный, безцвѣтный и беззвучный, не имѣющій ни предковъ ни потомковъ; темный, но заключающій въ себѣ духовную сущность, и сущность эта — истина. По словамъ этихъ авторовъ, появленіе его во времена династіи Чоу было лишь однимъ изъ его аватаровъ (воплощеній). Въ царствованія трехъ первыхъ императоровъ онъ жилъ въ образѣ человѣка, по имени Юанъ-Чунгъ-Фа-Сы. Въ промежуткѣ между этимъ рожденіемъ и послѣднимъ, какъ Лао-Цзы, онъ воплощался не менѣе десяти разъ.

Смѣлые фабриканты легендъ утверждаютъ также, что мать зачала его отъ испуга при видѣ падучей звѣзды; что весемьдесятъ-одинъ годъ она носила его во чревѣ и, наконецъ, родила подъ тѣнью Ли, или сливнаго дерева. При рожденіи онъ выглядѣлъ сѣдымъ старикомъ, отчего и дано ему было имя Лао-Цзы, т. е. Старый Мальчикъ. Съ минуты появленія на свѣтъ, онъ былъ уже совершенно разумнымъ и умѣлъ говорить. Указывая на дерево, подъ которымъ мать за нѣсколько минутъ до того родила его, онъ сказалъ: „Мое прозвище будетъ Ли (слива)". Позднѣйшіе писатели говорятъ, что какъ только онъ родился, такъ, подобно Сакія-Муни, Игнатію Лойолѣ и другимъ святымъ, поднялся на воздухъ и, указывая лѣвою рукой на небо, а правою на землю, промолвилъ: „На небѣ вверху и на землѣ внизу только Тао достойно почитанія". У него былъ желтовато-бѣлый цвѣтъ лица, огромныя уши, съ тремя слуховыми проходами, красивыя брови, большіе глаза, рѣдкіе зубы, носъ съ желобкомъ и четырехугольный ротъ. На каждой ногѣ у него было по десяти пальцевъ, а на каждой рукѣ по десяти линій.

Такъ какъ Лао-Цзы по виду рѣзко отличался отъ обыкновенныхъ людей, то немудрено, что Инъ-Хи, стражъ Ханкусскаго прохода сразу призналъ въ немъ необычайную личность. Въ свою очередь, Лао-Цзы, убѣдившись, что Инъ-Хи обладаетъ качествами хорошаго ученика, охотно согласился пробыть у него нѣкоторое время и посвятить его въ основы Тао. Но, наконецъ, пришла пора, когда философъ объявилъ о своемъ предстоящемъ отъѣздѣ на западъ. Инъ-Хи умолялъ, чтобы Лао-Цзы взялъ его съ собою, увѣряя въ своей готовности идти за нимъ въ огонь и въ воду, но Лао-Цзы воспротивился этому. „Въ такомъ случаѣ, — сказалъ ученикъ, — оставьте мнѣ, пожалуйста, памятникъ вашей философіи". И Лао-Цзы, изъяснивъ свои доктрины, оставилъ ему сочиненіе изъ пяти тысячъ іероглифовъ о Тао (пути) и Те (добродѣтели).

Передъ отъѣздомъ встрѣтилось еще одно затрудненіе. Слуга философа, Сю-Кя, который жилъ у него двѣсти лѣтъ и не полу-

чалъ жалованья, узнавъ, что его хозяинъ собирается ѣхать въ невѣдомую страну, внезапно потребовалъ уплаты зажитыхъ денегъ въ суммѣ семидесяти-двухъ тысячъ унцій серебра. Опасаясь лично вести переговоры съ хозяиномъ, онъ, черезъ посредство одного своего знакомаго, попросилъ Инъ-Хи сообщить объ этомъ философу. Знакомый, не подозрѣвая, въ какихъ отношеніяхъ находились господинъ и слуга, но, видя, что Сю-Кя предстоитъ получить цѣлое состояніе, обѣщалъ выдать за него свою дочь. Красота дѣвушки еще больше подзадоривала слугу къ настойчивымъ требованіямъ. Лао-Цзы призвалъ его къ себѣ и сказалъ: „Я нанялъ тебя, чтобы исполнять черную работу. Ты былъ бѣденъ, и никто не хотѣлъ брать тебя. Я далъ тебѣ талисманъ долгоденствія, благодаря которому ты живешь до сихъ поръ. Какъ же ты могъ настолько забыть мои благодѣянія, чтобы осыпать меня упреками? Я теперь готовлюсь ѣхать къ Западному (Каспійскому) морю; думаю посѣтить царства: Та-Цинъ (Римскую имперію), Ки-Пинъ (Кабулъ), Тинъ-Чу (Индію) и Ганъ-Си (Парѳію), и приказываю тебѣ быть моимъ кучеромъ и везти меня туда. По возвращеніи я заплачу тебѣ все слѣдуемое“.

Однако, Сю-Кя не повиновался. Тогда Лао-Цзы приказалъ ему нагнуться впередъ и открыть ротъ, откуда у него выпалъ талисманъ; въ ту же минуту тѣло его превратилось въ груду сухихъ костей.

По усиленной просьбѣ Инъ-Хи, Лао-Цзы воскресилъ неблагодарнаго слугу и разсчиталъ его, подаривъ ему двѣсти тысячъ унцій серебра. Такъ какъ всѣ задержки ужъ были устранены, то Лао-Цзы простился съ Инъ-Хи и, поднявшись на облакѣ, исчезъ въ пространствѣ.

Нѣкоторые таоистскіе писатели считаютъ Лао-Цзы авторомъ девятисотъ-тридцати сочиненій о суевѣрныхъ обрядахъ современнаго таоизма, при чемъ оговариваются, что никакія другія книги не заслуживаютъ уваженія, потому что послѣдователи Тао негласно добавили ихъ уже гораздо позднѣе.

Какъ было сказано выше, Сы-ма-Цянъ упоминаетъ только объ одномъ свиданіи Конфуція съ Лао-Цзы. Но мудрецъ посѣтилъ Чоу, главнымъ образомъ, для того, чтобы кое-чему поучиться у хранителя архивовъ, и весьма вѣроятно, что, какъ свидѣтельствуютъ Кя-Ю, Ли-Ки и другіе источники, они видѣлись не разъ. Однажды Лао-Цзы спросилъ углубленнаго въ занятія Конфуція, какую книгу онъ читаетъ. „И-Кингъ (Книгу Перемѣнъ), — отвѣчалъ Конфуцій. — Древніе мудрецы также постоянно ее читали“. — „Мудрецы способны были ее читать, — возразилъ Лао-Цзы, — но для чего вамъ ее читать? Какова основа этой книги?“ — „Въ ней говорится о че-

ловѣколюбіи и справедливости", отвѣчалъ мудрецъ. „Нынѣ справедливость и человѣколюбіе только звукъ пустой, — сказалъ Лао-Цзы.—Они лишь прикрываютъ жестокость и смущаютъ сердца людей. Никогда не было большихъ смутъ, чѣмъ теперь. Голубь не купается каждый день, чтобы выглядѣть бѣлымъ, и ворона не красится каждое утро, чтобы выглядѣть черной. Небо естественно высоко, земля естественно плотна, солнце и луна естественно свѣтятъ, звѣзды и планеты естественно занимаютъ свои мѣста, растенія и деревья естественно распадаются на классы, согласно своимъ породамъ. Такимъ же образомъ, если вы развиваете Тао, если вы стремитесь къ нему всей душой, то вы достигнете его. Что значатъ человѣколюбіе и справедливость? Вы подобны человѣку, который бьетъ въ барабанъ, чтобы найти заблудившуюся овцу. Учитель! вы только смущаете природу человѣка".

Въ этомъ отрывкѣ ярко сказывается различіе между основными положеніями Конфуція и Лао-Цзы. Конфуцій находилъ, что въ его вѣкъ нужнѣе всего исправить имена. Онъ хотѣлъ, чтобы люди были человѣколюбивыми и называли это человѣколюбіемъ; чтобы они исполняли обязанности по отношенію къ родителямъ и называли это сыновнимъ благочестіемъ; чтобы они всею душой служили своему государю и называли это преданностью. Лао-Цзы, наоборотъ, находилъ, что если люди считаютъ себя человѣколюбивыми, почтительными и преданными, то это вѣрный признакъ того, что сущность исчезла и осталась только ея тѣнь. Голубь не отъ купанья бываетъ бѣлымъ, и ворона не красится, чтобы быть черной. Если бы голубь началъ купаться, а ворона краситься, то не было бы это признакомъ того, что они утратили естественную окраску? То же и съ людьми. Если бы всѣ были человѣколюбивыми, почтительными и преданными, то никто не толковалъ бы объ этихъ качествахъ, а слѣдовательно, ихъ никогда и не называли бы. Если бы всѣ люди были добродѣтельными, то самыя названія пороковъ не были бы извѣстны.

Неудивительно, что Конфуцій двадцать лѣтъ добивался Тао, о которомъ проповѣдывалъ Лао-Цзы. „Если бы можно было предложить людямъ Тао,—говоритъ Лао-Цзы,—то всѣ захотѣли бы предложить его своему повелителю; если бы его можно было подарить людямъ, то всѣ захотѣли бы подарить его своимъ родителямъ; если бы его можно было возвѣстить людямъ, то всѣ захотѣли бы возвѣстить его своимъ братьямъ; если бы его можно было передать людямъ, то всѣ захотѣли бы передать его своимъ дѣтямъ. Почему же вы не можете пріобрѣсти его? Потому, что вы неспособны дать ему мѣсто въ глубинѣ вашего сердца".

На это Конфуцій могъ только отвѣтить въ духѣ фарисеевъ,

ссылаясь на свои заслуги. „Я издалъ Книгу Поэзіи,—говорилъ онъ,— Книгу Исторіи, Книгу Обрядовъ, Трактатъ о музыкѣ и Книгу Перемѣнъ. Я написалъ лѣтопись Весна и Осень. Я читалъ правила древнихъ царей. Я освѣтилъ высокія дѣянія мудрецовъ, и никто не удостаиваетъ взять меня на службу. Трудно, какъ вижу я, убѣдить людей".

„Шесть свободныхъ искусствъ, — отвѣчалъ Лао-Цзы,— составляютъ наслѣдіе древнихъ царей. То, чѣмъ вы занимаетесь, основывается исключительно на устарѣлыхъ примѣрахъ. Вы только идете по слѣдамъ прошлаго, не производя ничего новаго".

Послѣ этого свиданія Конфуцій возвратился къ своимъ ученикамъ и три дня не произносилъ ни слова. Какъ онъ самъ говорилъ, Лао-Цзы произвелъ на него глубокое впечатлѣніе. Бесѣдуя съ древнимъ философомъ, онъ чувствовалъ, что имѣетъ дѣло съ недюжиннымъ умомъ, а безпощадная критика, которой подверглись его доктрины, нѣсколько поколебала его собственную вѣру въ нихъ. „При звукѣ его голоса,— говорилъ Конфуцій,— я широко открылъ ротъ, высунулъ языкъ, и душа моя повергласъ въ смущеніе".

Въ томъ же духѣ Лао-Цзы бесѣдовалъ съ ученикомъ Конфуція, Янгъ-Цзы. „Пятна тигра и леопарда и подвижность обезьяны привлекаютъ къ нимъ стрѣлы охотника", говорилъ онъ. На вопросъ, что онъ думаетъ объ управленіи знаменитыхъ древнихъ царей, Лао-Цзы отвѣчалъ: „Знаменитые цари управляли такъ, что ихъ заслуги распространялись по неизвѣстной имъ самимъ имперіи. Вліяніе ихъ примѣра простиралось на всѣ существа. Они вызывали счастье народа, не давая ему чувствовать своего присутствія. Добродѣтель ихъ была такъ высока, что ея нельзя выразить словами. Они жили въ непроницаемомъ уединеніи и были погружены въ Тао".

ГЛАВА II.

Тао-те-кингъ.

Какъ было сказано выше, Лао-Цзы, отправляясь изъ Китая въ неизвѣстное путешествіе, передалъ стражу Ханкусскаго прохода плодъ своихъ многолѣтнихъ уединенныхъ размышленій — книгу, состоящую изъ пяти тысячъ іероглифовъ. Врядъ ли какая-нибудь распространенная религія основывалась на такомъ маленькомъ фундаментѣ. Широко разрастающаяся таоистская литература и суевѣрное ученіе, къ которому свелся весь современный таоизмъ, подобно перевернутой пирамидѣ, имѣющей маленькое основаніе, первоначально зиждились на этомъ крошечномъ томикѣ. Мы говоримъ „первоначально", такъ какъ другія таоистскія произведенія теперь пріобрѣли уже большую популярность. Философія вышеупомянутой книги совершенно недоступна заурядному читателю, и даже ученые должны сознаться, что понимаютъ мысли стараго отшельника только въ общихъ чертахъ. „Не легко, — говоритъ одинъ извѣстный туземный комментаторъ, — объяснить, какъ слѣдуетъ, глубочайшія изреченія Лао-Цзы, и наука можетъ представить только ихъ общій смыслъ".

Европейскіе ученые встрѣчаютъ еще большія затрудненія. Какъ говоритъ *Rémusat* въ своемъ *Mémoire de Lao-tseu*: „Текстъ такъ теменъ, наши средства разобраться въ немъ такъ ничтожны, мы такъ мало знаемъ о событіяхъ, на которыя намекаетъ авторъ, — однимъ словомъ, мы во всѣхъ отношеніяхъ такъ далеки отъ впечатлѣній, подъ которыми онъ писалъ свое сочиненіе, что было бы слишкомъ смѣло претендовать на точное воспроизведеніе его смысла, когда этотъ смыслъ намъ недоступенъ". Однако, даже тамъ, гдѣ нельзя дать точнаго объясненія, всегда легко подыскать болѣе или менѣе правдоподобное толкованіе, и вотъ появились цѣлыя полчища комментаторовъ и переводчиковъ, которые находили въ Тао-те-кингѣ подтвержденіе своихъ предвзятыхъ мнѣній и теорій.

Оставляя въ сторонѣ всѣ эти фантастическія разсужденія, мы видимъ, что Лао-Цзы въ Тао-те-кингѣ развиваетъ мысль о со-

отношеніи между міромъ и Тао. Тао, въ собственномъ смыслѣ, значитъ „путь“ и относится къ предмету, который Лао-Цзы признаетъ „безыменнымъ“. Символически оно означаетъ „истинное поведеніе“, „разумъ“, а также „слово“. Переводчики знаменитаго сочиненія Лао-Цзы различно передавали его. Приписывая ему то или иное значеніе, можно основываться на отдѣльныхъ выдержкахъ изъ текста, но нѣтъ такого названія, которое буквально соотвѣтствовало бы термину Тао. Это слово не есть измышленіе Лао-Цзы. Конфуцій постоянно употреблялъ его въ смыслѣ „Путь“. Буддисты также употребляли его въ смыслѣ „Разумъ“ и называли своихъ единовѣрцевъ Тао-джинъ, т. е. люди Разума. Если бы намъ пришлось однимъ словомъ перевести Тао, то мы предпочли бы то значеніе, которое ему придавалъ Конфуцій, а именно—путь, т. е. методъ. „Если бы я былъ одаренъ благоразуміемъ, то я шелъ бы по великому Тао... Великій Путь совершенно ровенъ, но люди любятъ ходить по тропинкамъ, — говоритъ Лао-Цзы.—Тао больше, чѣмъ путь; это путь и путникъ вмѣстѣ. Это вѣчная дорога, которую проходятъ всѣ существа и предметы. Ее не создало никакое существо, такъ какъ она сама есть Существо. Она все и ничто, причина и слѣдствіе. Всѣ предметы происходятъ отъ Тао, соотвѣтствуютъ Тао и подъ конецъ возвращаются къ Тао“.

Тао неощутимо. На него смотришь, а не видишь. Его слушаешь, а не слышишь. Пытаешься коснуться его, а не можешь его схватить. Имъ пользуешься, а не можешь его исчерпать. Оно спокойно и пусто; оно обособленно и неизмѣнно; оно циркулируетъ вездѣ и не подвержено опасности. Оно всегда бездѣйствуетъ, а не оставляетъ ничего не сдѣланнымъ. Отъ него исходятъ явленія; благодаря ему они измѣняются, въ немъ они исчезаютъ. Безформенное, оно есть причина всѣхъ формъ. Безыменное оно даетъ начало небу и землѣ, съ именемъ, оно — мать всѣхъ вещей. Оно есть этическая сторона хорошаго человѣка и принципъ его дѣятельности. Итакъ, мы передали бы значеніе Тао слѣдующимъ образомъ: во-первыхъ, это абсолютъ, совокупность существованія и предметовъ; во-вторыхъ, — міръ явленій и его порядокъ, и въ-третьихъ — этическая сторона хорошаго человѣка и принципъ его дѣятельности.

Пространное опредѣленіе, которое намъ необходимо, чтобы передать смыслъ одного лишь слова Тао, уже показываетъ, какъ трудно объяснить туманныя и краткія выраженія Тао-те-кинга. Предметъ этого произведенія, какъ справедливо замѣчаетъ *Watters*, „трудно поддается толкованію, даже при ясномъ, простомъ слогѣ и богатомъ языкѣ; а тѣмъ больше трудностей онъ представляетъ при краткихъ, загадочныхъ изреченіяхъ. Лао-Цзы, подобно дру-

гимъ философамъ, жившимъ и писавшимъ въ ту пору, когда литературный языкъ былъ въ зачаточномъ состояніи, имѣлъ въ своемъ распоряженіи весьма несовершенныя средства для передачи своего ученія. Языкъ его времени былъ бѣденъ, необработанъ и не могъ выразить глубокихъ мыслей созерцательнаго ума; въ лучшемъ случаѣ онъ могъ только „на половину открывать, а на половину скрывать душу“. Краткія изреченія, несомнѣнно, служили текстами для проповѣдей, которыя старый философъ говорилъ своимъ ученикамъ. До насъ эти устные комментаріи и объясненія не дошли, а остались только заглавія.

Подобно Пиѳагору, Лао-Цзы первый пробудилъ въ Китаѣ мысль. Въ отличіе отъ Конфуція, который въ выродившійся вѣкъ стремился воскресить ученіе древнихъ китайскихъ мудрецовъ, Лао-Цзы, повидимому, почерпнулъ свое вдохновеніе извнѣ. Вся его система, цѣликомъ и въ частностяхъ, носитъ вліяніе браманизма; и данныхъ для толкованія Тао-те-кинга нужно поэтому искать не въ древнихъ китайскихъ книгахъ, а въ сочиненіяхъ индійскихъ философовъ, главнымъ образомъ, школы Веданты.

Туманность Тао-те-кинга породила ложныя представленія о предметѣ, который старый философъ имѣетъ въ виду. Многіе въ затруднительныхъ случаяхъ склонны искать гдѣ-то далеко какого-нибудь скрытаго и хитроумнаго объясненія вмѣсто того, чтобы допустить простое и очевидное толкованіе. Такая же судьба, большею частью, постигала сочиненія Лао-Цзы. Въ нихъ усматривали изліянія человѣконенавистника, проповѣдывавшаго строгое удаленіе отъ мірскихъ заботъ и тревогъ и даже отъ лицезрѣнія міра. Иные обвиняли автора въ томъ, что онъ писалъ безсмыслицу, а другіе, какъ мы видѣли, считали, что онъ предрекъ многія изъ великихъ христіанскихъ истинъ.

Безпристрастный изслѣдователь, однако, убѣдится, что, подобно Конфуцію, Лао-Цзы даетъ политико-этическую систему, но не стремится, какъ Конфуцій, произвести реформу путемъ обязательныхъ формальностей и установленій, а хочетъ вернуть народъ къ первобытному состоянію, когда формальностей еще не было и установленій еще не существовало. „Тамъ, гдѣ существуетъ много запрещеній, — говорилъ онъ, — народъ все бѣднѣетъ. Тамъ, гдѣ у народа много оружія, правительство имѣетъ все больше и больше хлопотъ. Чѣмъ больше хитрости и изобрѣтательности у людей, тѣмъ больше обнаруживается странныхъ вещей. Чѣмъ больше хитроумныхъ выдумокъ, тѣмъ больше появляется воровъ“. Онъ далеко не человѣконенавистникъ, какъ утверждали иные: его сочиненія дышатъ теплою привязанностью къ людямъ и страстнымъ желаніемъ ихъ общественнаго и политическаго усовершенствованія.

Самоотреченіе онъ считаетъ главнымъ правиломъ и для государя и для народа. Любимое его сравненіе идеальной жизни—съ быстрымъ ручьемъ. Въ то время, какъ воды его оплодотворяютъ, очищаютъ и освѣжаютъ все на пути, онъ течетъ къ мѣсту, которое всѣ презираютъ. Мудрый правитель, который хочетъ быть выше народа, на словахъ будетъ ставить себя ниже его. Если онъ хочетъ быть впереди народа, то самъ долженъ держаться позади. Такимъ образомъ, хоть онъ и стоитъ выше, а народъ не чувствуетъ его давленія; хоть онъ и стоитъ впереди, а народъ не испытываетъ неудобствъ. Поэтому, вся имперія прославляетъ его, и никто не обиженъ. „Тотъ, кто приметъ на себя безчестіе страны, назовется ея властителемъ, а тотъ, кто приметъ на себя ея бѣдствія, назовется царемъ міра“.

Посредствомъ такихъ-то кроткихъ увѣщаній хотѣлъ бы Лао-Цзы управлять имперіей и вернуть людей отъ бурныхъ страстей, вызванныхъ въ нихъ княжескими междоусобіями, тиранніей и гнетомъ, къ первобытному состоянію, когда правиломъ жизни былъ „Великій Тао“, когда человѣколюбіе и справедливость еще не имѣли названій; когда въ семьяхъ царило совершенное согласіе, а сыновнее почтеніе и отцовская нѣжность еще не имѣли мѣста; когда въ государствѣ былъ полный порядокъ, и вѣрность отечеству еще не была извѣстна. Развивая эту мысль, Лао-Цзы высказывается противъ современныхъ ему фарисеевъ, конфуціанцевъ. „Оставьте свою мудрость,—говоритъ онъ,—и отбросьте свое благоразуміе: тогда народъ будетъ во сто разъ счастливѣе. Откажитесь отъ своего человѣколюбія и отрѣшитесь отъ своей справедливости: тогда народъ возвратится къ сыновней преданности и родительской любви. Забудьте свое искусство и пожертвуйте своими доходами, и тогда воры исчезнутъ... Показывайтесь въ собственномъ неприкрашенномъ видѣ, сохраняйте чистоту, подавляйте эгоизмъ и обуздывайте свои честолюбивыя желанія“.

Отрицая одни пункты въ ученіи Конфуція, Лао-Цзы соглашался съ другими. Въ Шу-Кингѣ неоднократно говорится, что истинно добродѣтельный государь, окруженный честными министрами, силою своего примѣра больше вліяетъ на народъ, чѣмъ какими-либо законоположеніями или наказаніями. Вотъ къ этому-то состоянію онъ и хотѣлъ вернуть свою страну. Политическимъ дѣятелямъ, которые трубили на всѣхъ перекресткахъ о своей мудрости и объ испорченности своихъ противниковъ, онъ старался внушить, что многословіе есть безуміе и лучше не открывать рта, чѣмъ болтать безъ-толку; что многіе говоруны только больше запутываютъ государственныя дѣла, которыя каждый истинный гражданинъ долженъ приводить въ порядокъ, и что

блескъ искусственной политики можно смягчить лишь скромностью и самоотреченіемъ.

Такъ было въ древнія времена, на которыя Лао-Цзы не менѣе Конфуція любитъ ссылаться. Тогда всѣ, обладающіе Тао, стремились не къ тому, чтобы сдѣлать народъ умнымъ, а чтобъ сдѣлать его простымъ; не къ тому, чтобы поощрять въ немъ лицемѣріе и обманъ, а къ тому, чтобы научить его истиннымъ добродѣтелямъ: честности и безкорыстію. Такіе люди приносятъ благословеніе своей странѣ и дѣлаютъ честь всему міру. Но философъ жалуется, что современные ему люди забыли сущность и гонятся за призракомъ. Лао-Цзы хотѣлъ бы, чтобы они обладали добродѣтелями, отъ которыхъ у нихъ есть только поверхностный налетъ. „Я цѣню и уважаю три драгоцѣнныя вещи,—говорилъ Лао-Цзы,—а именно—состраданіе, экономію и смиреніе. Будучи сострадательнымъ, я могу быть храбрымъ, будучи экономнымъ, я могу быть щедрымъ, будучи смиреннымъ, я могу сдѣлаться начальникомъ надъ людьми. Но въ настоящее время люди отказались отъ состраданія и развиваютъ въ себѣ только храбрость, отказались отъ экономіи и стремятся только къ щедрости, отказались отъ послѣдняго мѣста и ищутъ только перваго. Состраданіе побѣждаетъ въ нападеніи и охраняетъ въ защитѣ. Когда Небо хочетъ спасти человѣка, то оно окружаетъ его состраданіемъ“.

Въ этихъ изреченіяхъ Лао-Цзы стоитъ настолько же выше Конфуція, насколько христіанская проповѣдь выше Моисеева закона. Конфуцій добивался внѣшняго очищенія сосуда. Онъ хотѣлъ точнаго выполненія обрядовъ и церемоній, какъ при дворѣ, такъ и на службѣ или въ кругу семьи, и соблюденія предписаній, до числа кушаній за обѣдомъ и позы въ постели включительно. Но Лао-Цзы пошелъ дальше и, исходя изъ неизмѣннаго закона природы, по которому во всемъ мірозданіи сила чередуется со слабостью и наоборотъ, проповѣдывалъ христіанскую мысль, что „кто возвышается, униженъ будетъ, и кто унижается, будетъ возвышенъ“. Кто знаетъ свѣтъ и въ то же время держится въ тѣни, тотъ сдѣлается примѣромъ всего міра. Кто будетъ примѣромъ всему міру, тотъ не утратитъ вѣчной добродѣтели и возвратится къ абсолюту. Кто знаетъ славу и въ то же время держится приниженно, тотъ сдѣлается долиной вселенной. Кто будетъ долиной вселенной, тотъ исполнится вѣчной добродѣтели и возвратится къ Тао.

Лао-Цзы раздѣлялъ мнѣніе Конфуція, что человѣку по природѣ свойственно добро; что, избѣгая мірскихъ искушеній и слѣдуя чистымъ побужденіямъ своей природы, онъ будетъ обладать Тао и возвратится къ Тао. Житейская мудрость и познаніе добра и

зла губятъ человѣка. Пусть онъ возвратится къ той первобытной простотѣ, когда онъ находилъ величайшее удовольствіе и наслажденіе въ семейныхъ радостяхъ, когда онъ вкушалъ плоды отъ трудовъ своихъ и не зналъ ни нужды, ни заботъ! Только при такомъ условіи онъ можетъ выполнять человѣческія и гражданскія обязанности въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Пусть лучше онъ будетъ невѣждой, чѣмъ обладаетъ житейской мудростью. Пусть лучше для передачи своихъ мыслей онъ завязываетъ узелки на веревкѣ, чѣмъ владѣетъ перомъ, какъ Конфуцій. Лучше быть скромнымъ и смиреннымъ, чѣмъ неугомоннымъ и борцомъ. Древніе философы были робки, подобно людямъ, переходящимъ черезъ рѣку. Они были благоразумны, подобно боящимся своихъ сосѣдей. Они были осмотрительны, какъ гости въ чужомъ домѣ. Они стушевывались, какъ тающій ледъ. Они были просты, какъ неотесанное дерево. Они были пусты, подобно долинѣ. Они были мрачны, подобно мутной водѣ. Поэтому они награждены были долгоденствіемъ, и ихъ добродѣтель была совершенна.

Но дни борьбы человѣка по необходимости должны быть сочтены. Сильный вѣтеръ не дуетъ цѣлое утро, и проливной дождь не идетъ цѣлый день. Такъ же и усилія человѣка: чѣмъ они напряженнѣе, тѣмъ они кратковременнѣе. Небо и земля не стремятся къ жизни; оттого-то небо долговѣчно и земля постоянна. Мудрецъ ставитъ себя на послѣднее мѣсто и поэтому занимаетъ первое. Онъ не заботится о себѣ и поэтому живетъ долго. Лучше спокойное довольство, чѣмъ стремленіе къ изобилію. Когда домъ наполненъ золотомъ и драгоцѣнными камнями, то невозможно сохранить его въ цѣлости. Такимъ же образомъ богатство и почести вмѣстѣ съ гордостью влекутъ за собой наказаніе. Эти вещи не прочны: это лишь внѣшняя выставка, въ которой нѣтъ принадлежностей истиннаго Тао. Когда Тао утрачивается, то приходитъ добродѣтель; когда добродѣтель утрачивается, то приходитъ милосердіе; когда милосердіе утрачивается, то приходитъ справедливость; когда справедливость утрачивается, то приходитъ благопристойность. Благопристойность — только остовъ вѣрности и вѣры и предтеча смущенія.

Привести народъ въ это состояніе аркадской простоты — вотъ главная цѣль государя. Благо народа должно быть его первою и единственною заботой; а такъ какъ въ его власти призывать на народъ благословеніе, то онъ отвѣтственъ также и за каждое бѣдствіе. Все для народа и все посредствомъ народа — вотъ девизъ его далеко не деспотическаго управленія. Государь назначается Небомъ, и народъ утверждаетъ это назначеніе. Пока правитель оправдываетъ довѣріе и слѣдуетъ побужденіямъ своей иде-

альной природы, тронъ остается за нимъ; но та же сила, которая его возвела на престолъ, можетъ и лишить его власти. Если онъ уклонится отъ Тао, то Небо перестанетъ ему покровительствовать, и народъ нарушитъ свою присягу. „Благородные приписываютъ себѣ простое происхожденіе, и высокопоставленныя лица считаютъ своею опорой и поддержкой низкихъ. По этой-то причинѣ цари и князья именуютъ себя „сиротами“, „одинокими“ и „людьми, лишенными добродѣтели“. Развѣ это не признаніе, что они держатся на низшихъ? Опровергните это! Карта, разорванная на клочки, не есть уже карта. Мудрецъ не хочетъ, чтобы къ нему относились какъ къ нефриту, или чтобы съ нимъ презрительно обращались, какъ съ камнемъ“.

Мудрый правитель помнитъ, что „народъ растетъ, а не создается руками человѣческими“, и что духовнаго оружія міра нельзя сдѣлать ни законами, ни постановленіями. Онъ будетъ стараться поэтому, чтобы сердца его подданныхъ были пусты, а желудки ихъ были наполнены; будетъ стараться ослабить ихъ волю и укрѣпить ихъ кости; будетъ охранять ихъ отъ желаній и познанія зла, и будетъ держать въ покорности тѣхъ, которые вкусили отъ древа познанія добра и зла. Онъ будетъ вызывать бездѣятельность, и тогда все будетъ въ порядкѣ. Вотъ что требуется, чтобы обезпечить счастье народа. Различныя запрещенія и постоянное вмѣшательство въ политическія и общественныя дѣла лишь увеличиваютъ зло, которое нужно предотвратить. Если только государь любитъ покой, избѣгаетъ законодательства и свободенъ отъ вожделѣній, то все добровольно покорится ему. Небо и Земля въ совокупности пошлютъ ему прохладительную росу, и люди сами будутъ жить въ согласіи. Посягать на свободу народа, значитъ отрицать въ немъ существованіе Тао и дѣлать подданныхъ рабами правилъ, а не свободными людьми принциповъ. Такимъ именно образомъ правили древніе цари, и „въ тѣ добрыя и старыя времена“ рука, державшая бразды правленія, бывала такъ легка, что народъ лишь по имени зналъ о существованіи своихъ властителей. Въ слѣдующій вѣкъ, когда правители стали считаться мудрецами, народъ почувствовалъ къ нимъ привязанность и началъ льстить имъ. Еще позже, когда они стали хвалиться мудростью, народъ началъ ихъ бояться и, подъ конецъ, когда они принялись твердить о милосердіи и справедливости, народъ сталъ презирать ихъ. Итакъ, народъ потерялъ врожденное ему обуздывающее вліяніе и, чтобъ поддерживать добродѣтель, сталъ зависѣть отъ законовъ и постановленій. Но такъ какъ, если Тао утрачено, то всѣ они—лишь призраки, сбивающіе людей все дальше и дальше съ истиннаго пути, то народъ постепенно па-

далъ все ниже и ниже, пока страна не достигла современнаго Лао-Цзы состоянія смутъ и разоренія.

Отличительною чертой этой эпохи было полнѣйшее беззаконіе. Необузданныя страсти, вызванныя честолюбіемъ и поддерживаемыя алчностью, охватили все общество. Люди добивались только своихъ личныхъ цѣлей, не признавали никакихъ правъ и не уважали никакихъ учрежденій. Война и распри, расхищеніе и грабежъ сдѣлались обычными явленіями. Правители, вмѣсто того, чтобы охранять подданныхъ и заботиться объ ихъ благѣ, увеличивали налоги, требовали добавочныхъ податей и высылали войска навстрѣчу непріятелей прямо черезъ засѣянныя поля. Народъ разорялся отъ ихъ непомѣрныхъ взысканій и приходилъ въ отчаяніе отъ своей безысходной нужды. Немудрено поэтому, что человѣкъ, который отказался отъ должности архиваріуса при дворѣ Чоу, чтобы своимъ присутствіемъ не потворствовать беззаконію правителя, возвысилъ свой голосъ противъ современнаго гнета, противъ грѣха отъ необузданныхъ желаній, противъ бѣды отъ неудовлетворенности и противъ несчастья отъ жажды пріобрѣсти многое.

Глядя на невоздѣланныя поля и заброшенные дома своего родного княжества, онъ указываетъ, что тамъ, гдѣ стояли войска, растутъ колючки и шипы. Онъ говоритъ, что по слѣдамъ большой арміи всегда двигаются нужда и голодъ. Вмѣсто полей, гдѣ пашутъ на рабочихъ лошадяхъ, здѣсь огромный выгонъ, гдѣ пасутся кавалерійскія лошади. Сошники перекованы на „злополучныя орудія", т. е. военные доспѣхи. Лѣвая, слабая сторона, которая въ мирное время считается почетнымъ мѣстомъ, забыта для сильной правой руки, которою воины сѣютъ вокругъ себя смерть и разореніе. Быть на сторонѣ мира, значитъ вызывать презрѣніе людей, которые особенно хвалятся тѣмъ, что покорили своихъ и отняли у нихъ земли и сокровища.

Какъ отличается отъ этого поведеніе высшаго человѣка! Миръ — его главная цѣль, и жизнь подобныхъ ему существъ составляетъ предметъ его главныхъ заботъ. Онъ берется за оружіе только въ крайности, когда всѣ другія средства испробованы, и сражается храбро, но все лишь во имя доброй цѣли. „Онъ ничего не предпринимаетъ ради силы. Онъ наноситъ рѣшительный ударъ вовремя, но не хвалится имъ. Онъ наноситъ рѣшительный ударъ, но не гордится имъ. Онъ наноситъ рѣшительный ударъ, но не кичится имъ". Напротивъ, онъ горючими слезами оплакиваетъ каждаго убитаго и складываетъ оружіе тотчасъ же по минованіи необходимости. Когда походъ оконченъ, онъ занимаетъ мѣсто справа, какъ будто на похоронахъ, такъ какъ чувствуетъ, что служилъ орудіемъ гибели своихъ ближнихъ и хочетъ

оплакивать ихъ смерть. Истинно великій полководецъ не любитъ войны; онъ чуждъ страстности и мстительности. Онъ командуетъ битвой, но предпочитаетъ не вести отряда. Онъ охотнѣе выжидаетъ нападенія, чѣмъ самъ наступаетъ. Если бы всѣ люди такъ думали, то не было бы натиска въ рядахъ; жаждущіе битвы не обнажали бы оружія, никто не кидался бы на непріятеля съ безразсудною поспѣшностью и не хватался бы за оружіе, пока непріятель не бросится на него. Хорошій полководецъ никогда легкомысленно не затѣетъ войны, такъ какъ онъ знаетъ, что это самый вѣрный способъ лишиться сокровищъ. Если въ битвѣ сталкиваются враждебные воины, то всегда побѣждаетъ сострадательный.

Возвращаясь послѣ заключенія мира, онъ знаетъ, что противъ него должно остаться злобное чувство и потому не измѣняетъ порядка вещей. Онъ со своей стороны исполняетъ договоръ, а отъ другой — ничего не требуетъ. Онъ придерживается только собственныхъ обѣщаній и собственныхъ правъ. Если бы такимъ образомъ руководить и управлять народомъ, то, даже имѣя панцыри, онъ не надѣвалъ бы ихъ и тогда избѣжалъ бы смертельной опасности, которая неминуемо слѣдуетъ за употребленіемъ оружія, какъ смерть неминуемо ожидаетъ рыбу, вынутую изъ воды.

Изреченія Лао-Цзы по этому вопросу полны глубокой мудрости и такъ же примѣнимы къ современнымъ западнымъ странамъ, какъ они были примѣнимы къ китайскимъ княжествамъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. Не такъ давно мы видѣли войны, начатыя „легкомысленно“ и окончившіяся „дорогою цѣной“ для зачинщиковъ. Мы видѣли, что миръ былъ заключенъ на тяжелыхъ условіяхъ, вызывающихъ горькое чувство несправедливости, и, наконецъ, видѣли, что побѣдители поплатились за притѣсненіе побѣжденныхъ. Идеалъ Лао-Цзы въ нашъ матеріальный вѣкъ можетъ показаться непримѣнимымъ или непригоднымъ. Но эпоха Лао-Цзы отличалась исключительными безпорядками, и бѣдствія, о которыхъ мы имѣемъ лишь смутное понятіе по дошедшимъ до насъ преданіямъ, со всѣхъ сторонъ окружали его. Онъ собственными глазами видѣлъ злополучные результаты ненасытнаго честолюбія правителей и крайней распущенности народа. „Увы! — говорилъ онъ. — Народъ не хочетъ очнуться отъ своего безумія и исполненъ честолюбивыхъ желаній“. При такомъ положеніи дѣлъ, по его мнѣнію, нужны были исключительныя мѣры. Конфуцій думалъ свести ученіе древнихъ мудрецовъ въ сводъ подробнѣйшихъ обрядовъ, и потерпѣлъ неудачу. Лао-Цзы попытался отбросить всякія формальности и церемоніи и достигнуть принциповъ, на которыхъ онѣ основывались, но тоже потерпѣлъ неудачу. Въ смутныя

времена, когда люди предаются страстямъ и руководятся правиломъ: „каждый для себя“, учитель, желающій подавить эгоистическія стремленія и личное честолюбіе, долженъ представить, взамѣнъ требуемой имъ жертвы, какое-нибудь осязательное преимущество. Заманчивыя обѣщанія обоихъ философовъ ограничивались тѣмъ, что добродѣтель сама себя вознаграждаетъ. Правда, Лао-Цзы обѣщаетъ, что человѣкъ, который слѣдуетъ Тао, такъ же глубоко узнаетъ дѣла Тао, какъ тотъ, который не одержимъ страстями; что онъ узритъ начало вещей и постигнетъ свѣтъ, который приведетъ его къ сіянію, что онъ будетъ „подобенъ ребенку, котораго не жалятъ ядовитые гады, не терзаютъ дикіе звѣри и не клюютъ хищныя птицы“; что дни его земного существованія продлятся не вслѣдствіе заботъ о собственномъ благополучіи, а благодаря отрѣшенію отъ эгоизма. И когда на склонѣ дней придетъ смерть, ему нечего бояться зла, такъ какъ ему ужъ не грозитъ погибель. Какъ онъ исходитъ отъ Тао, такъ точно онъ и возвратится къ Тао, и будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока Тао или Небо существуютъ. Вѣчная мать всего существующаго съ восторгомъ приметъ его въ себя, и онъ возвратится къ спокойной вѣчности.

По тѣмъ же причинамъ, которыя дѣлали его врагомъ войны и всякаго притѣсненія, Лао-Цзы возставалъ и противъ смертнаго наказанія. Кромѣ того, онъ полагалъ, что при хорошемъ управленіи государство не можетъ нуждаться въ смертныхъ или другихъ наказаніяхъ. По его мнѣнію, если бы внушить народу любовь къ простотѣ и чистотѣ, то преступность исчезла бы. Но стремленіе къ богатству, учености и чинамъ развращаетъ умы людей, возбуждаетъ ихъ страсти и заставляетъ ихъ легкомысленно относиться къ смерти. Человѣкъ, который склоненъ къ удовольствіямъ и удовлетворяетъ своимъ страстямъ, никогда не цѣнитъ жизни. Только для тѣхъ, которые видятъ въ жизни серіозную цѣль и твердо вѣрятъ въ будущее существованіе, она имѣетъ настоящій смыслъ. Люди, живущіе единственно для наслажденія или для потворства своимъ эгоистическимъ фантазіямъ, готовы лишиться жизни, если по той или иной причинѣ ихъ прихоти не бываютъ удовлетворены или ихъ честолюбивые замыслы разстраиваются. Разъ люди достигли этого состоянія, то никакія наказанія не предотвратятъ ихъ отъ грѣха. „Если люди не боятся смерти, то зачѣмъ же казнить ихъ смертью?“ Но если находится человѣкъ, достойный смерти, то это дѣло Великаго Палача, такъ какъ въ его рукахъ жизнь и смерть. Кого захочетъ, онъ умертвитъ, кого захочетъ, оставитъ въ живыхъ. Что такое человѣкъ, чтобы онъ смѣлъ становиться между злодѣемъ и судьею? „Если человѣкъ

беретъ на себя роль палача, то это все равно, что тесать работу за Великаго Архитектора. А кто берется тесать работу за Великаго Архитектора, тотъ въ рѣдкомъ случаѣ не поранитъ себѣ рукъ".

Лао-Цзы идетъ еще дальше и говоритъ: „Не судите своихъ ближнихъ. Будьте довольны собою. Будьте цѣломудренными и не карайте другихъ. Будьте сами вполнѣ благопристойными, не рѣжьте и не душите другихъ. Учитесь прощать несчастному его испорченность. Если одинъ человѣкъ умираетъ, а другой остается въ живыхъ, то почему же считать, что на того или другого сошелъ небесный гнѣвъ? Истинно добрый человѣкъ любитъ всѣхъ людей и не отвергаетъ никого. Онъ уважаетъ все и ничего не отрицаетъ. Онъ водится съ хорошими людьми и обмѣнивается съ ними наставленіями, а надъ дурными людьми онъ работаетъ, какъ надъ матеріаломъ, и ставитъ главной цѣлью своей жизни вернуть ихъ къ Тао. Но тотъ, кто не уважаетъ своего наставника и не любитъ своего матеріала, сильно заблуждается, хотя бы его и считали мудрымъ".

ГЛАВА III.

Тао-те-кингъ.

(Продолженіе).

По вопросамъ этики Лао-Цзы высказывался совершенно ясно. Но, давая нравственную оцѣнку его изреченій, необходимо помнить, что хотя многія его правила примѣнимы ко всему міру, но самъ онъ не столько былъ общимъ учителемъ, сколько протестовалъ противъ современныхъ ему пороковъ. Онъ видѣлъ честолюбивыхъ и жестокихъ людей и проповѣдывалъ имъ скромность и самообузданіе. Онъ видѣлъ людей алчныхъ, стремящихся къ наживѣ, и распущенныхъ — и проповѣдывалъ имъ самоотреченіе и сдержанность. Но этимъ онъ и ограничился. О доблести, истинѣ и честности онъ высказывался мало, и тутъ ему далеко до Конфуція, который придавалъ большое значеніе вышеупомянутымъ добродѣтелямъ. Быть-можетъ, Лао-Цзы полагалъ, что въ большемъ заключается и меньшее, и если удастся сдѣлать людей скромными, самоотверженными и добродѣтельными, то ужъ не понадобится проповѣдывать имъ истину, честность или доблесть. Но если онъ въ этомъ и уступалъ Конфуцію, то значительно превзошелъ его, проповѣдуя поистинѣ христіанское правило: „плати добромъ за зло“. До такой высоты Конфуцій не поднялся, и когда спрашивали его мнѣнія о чувствѣ, выраженномъ его современникомъ, то, какъ мы видѣли, его дѣловой умъ не могъ осилить этого великаго правила.

Подобно Конфуцію, Лао-Цзы считаетъ идеальнымъ человѣкомъ мудреца. Онъ есть средоточіе всякой добродѣтели. Онъ великодушенъ, онъ правовѣренъ, онъ равенъ Небу, онъ воплощеніе Тао, онъ знаетъ вѣчность. Всѣ люди должны стремиться къ тому, чтобы достигнуть этого высокаго состоянія, и поэтому должны быть скромными, сдержанными. Они не должны возвеличивать себя; тогда они смогутъ пріобрѣсти величіе. Знать другихъ, значитъ быть мудрымъ, а знать себя самого, значитъ быть просвѣщеннымъ. Кто побѣждаетъ другихъ, силенъ, а кто побѣждаетъ себя, могучъ. У кого удовлетворенный умъ, тотъ богатъ. Кто дѣй-

ствуетъ энергично, тотъ имѣетъ передъ собою цѣль. Кто не дѣйствуетъ противъ своей природы, тотъ долгоденствуетъ, а кто умираетъ и не погибаетъ, получаетъ вѣчность.

Принято уважать сильныхъ и презирать слабыхъ. Но люди забываютъ, что изъ слабости вытекаетъ сила и что нѣжныя вещи часто побѣждаютъ твердыя. Во всемъ мірѣ нѣтъ болѣе слабаго тѣла, чѣмъ вода, и тѣмъ не менѣе она сильнѣе всего разрушаетъ плотныя и твердыя тѣла. Развѣ мягкое и гибкое ползучее растеніе не истощаетъ, а подчасъ и не губитъ сильнаго дерева, вокругъ котораго оно обвивается? Какая скала можетъ устоять передъ непрерывно подтачивающей ее каплей воды? Все трудное на свѣтѣ должно начинаться съ легкаго и все великое — происходить изъ малаго. „Мудрецъ никогда не берется за великое и поэтому можетъ выполнить великое. Тотъ, кто безъ труда соглашается, рѣдко держитъ слово, а тотъ, кому многое дается легко, будетъ также имѣть много затрудненій. Мудрецъ считаетъ всѣ вещи трудными и никогда не имѣетъ затрудненій“. Другими словами, онъ предвидитъ наступленіе дурныхъ временъ и, благодаря своей осмотрительности, принимаетъ мѣры. Онъ помнитъ, что дерево, широко раскинувшее вѣтви, выросло изъ слабаго побѣга, и что девятиэтажный замокъ былъ воздвигнутъ на маленькой насыпи. Поэтому онъ берется за работу, когда она еще не оформлена, и устраиваетъ дѣла до наступленія безпорядковъ. Все хрупкое легко разбивается и все мелкое легко разсыпается. Онъ такъ же тщательно доканчиваетъ дѣло, какъ и начинаетъ его, и поэтому всегда даетъ ему успѣшный оборотъ.

Мудрый человѣкъ остерегается мелкихъ проявленій зла, какъ въ своемъ сердцѣ, такъ и въ окружающемъ мірѣ, и, такимъ образомъ, совершаетъ великія дѣла. Уничтожая сѣмена, онъ разрушаетъ огромный лѣсъ, который выросъ бы изъ нихъ. Онъ смиряется и этимъ избѣгаетъ грозныхъ пораженій, которымъ подвержена высокомѣрная гордость. Онъ унижается и этимъ предохраняетъ себя; онъ сгибается и отъ этого выпрямляется; онъ смиряется и отъ этого удовлетворяется. Онъ умаляетъ себя и отъ этого преуспѣваетъ. Онъ отрѣшается отъ страстей и тогда овладѣваетъ духовною сущностью Тао. Онъ тщательно охраняетъ „внутренняго человѣка“ и неприкосновеннымъ возвратится туда, откуда произошелъ. Онъ привязывается только къ дѣйствительному и отстраняется отъ всего показного и поверхностнаго. Онъ цѣнитъ состраданіе, экономію и смиреніе.

Лао-Цзы, такъ же, какъ и Конфуцій, считалъ болтуна подозрительною личностью. Человѣкъ не можетъ спокойно стоять на цыпочкахъ; и человѣкъ, который постояно старается занять первое

мѣсто въ разговорѣ и другихъ дѣлахъ, не можетъ быть спокойнымъ и удовлетвореннымъ. Сомкните уста, совѣтуетъ онъ, и закройте глаза и уши, тогда во всю жизнь вы не узнаете смятенія. Но откройте уста и начните вмѣшиваться въ дѣла, и во всю жизнь вы будете только усложнять препятствія. Каждый человѣкъ долженъ стремиться къ самообладанію, и этого онъ можетъ достигнуть, только избѣгая всякихъ излишествъ, веселья и роскоши. Человѣкъ, который рисуется, не можетъ поистинѣ прославиться, а человѣкъ, приписывающій себѣ достоинства, не пользуется уваженіемъ. Самохвалъ не обладаетъ достоинствами, а возвышающій себя, самъ не занимаетъ высокаго положенія.

Лао-Цзы осуждаетъ ученость, не менѣе квіетистовъ, и борется съ нею, на томъ основаніи, что она — врагъ простоты и невинности, которыя составляютъ истинное украшеніе націи. Въ древнія времена, когда государи обладали Тао и управляли мирною и довольною имперіей, они не старались сдѣлать народъ знаменитымъ, а только простымъ, не старались поощрять въ немъ мудрость, а только доставить ему довольство. Они находили, что избытокъ учености приноситъ огорченія, что образованіе вызываетъ нездоровую и вредную дѣятельность и что изъ-за споровъ объ употребленіи словъ люди забываютъ различіе между добромъ и зломъ. Высшаго познанія можно достигнуть, не выходя за порогъ дверей; чѣмъ дальше идетъ человѣкъ, тѣмъ меньше въ немъ высшаго познанія, именно самопознанія. „Не надо выглядывать въ окошко, чтобы видѣть небесное Тао"; и чѣмъ больше люди добиваются познанія, тѣмъ дальше уклоняются они отъ первобытной простоты, которая существовала въ золотой вѣкъ, когда человѣкъ безъ труда слѣдовалъ побужденіямъ своей чистой и святой природы. Если нужно какое-нибудь знаніе, то только для управленія государствомъ, но и то въ государствѣ всегда большій порядокъ, если предоставить его самому себѣ. Если государь любитъ покой и свободенъ отъ вожделѣній, то народъ будетъ идти по пути справедливости и самъ по себѣ сдѣлается простодушнымъ. Но счастье всегда построено на несчастьи, и несчастье всегда таится подъ счастьемъ. Правителю легко при недостаткѣ благоразумія, при безсердечномъ посягательствѣ на свободу народа или при распространеніи образованости навлечь на него невзгоду. Мудрецъ можетъ управлять міромъ безпечально, такъ какъ онъ умѣетъ быть умѣреннымъ, умѣетъ быть не искуснымъ, а смиреннымъ, не ученымъ, а спокойнымъ и бездѣятельнымъ.

„Тотъ, кто считаетъ свою величайшую полноту за ничтожество, можетъ работать безъ истощенія. Его величайшее прямодушіе — какъ будто недостатокъ прямоты. Его величайшее искус-

ство — какъ будто глупость. Его величайшее краснорѣчіе — какъ будто заиканіе. Дѣятельность побѣждаетъ холодъ, и спокойствіе побѣждаетъ жаръ; но есть чистота и покой, при помощи которыхъ человѣкъ можетъ управлять всѣмъ міромъ".

Какъ можно судить изъ Тао-те-кинга, Лао-Цзы не признавалъ личнаго Бога, и, дѣйствительно, такое вѣрованіе шло бы въ разрѣзъ со всею его философіей. Въ его системѣ не отведено мѣста высшему Богу, и онъ единственный разъ упоминаетъ о небесномъ „правителѣ". „Тао пусто, — говоритъ онъ, — въ дѣйствіи оно не истощимо, въ своей глубинѣ оно даетъ начало всѣмъ вещамъ. Оно притупляетъ острые углы. Оно распутываетъ безпорядки. Оно смягчаетъ ослѣпительный свѣтъ. Оно разсыпаетъ пыль. Оно какъ будто въ вѣчномъ покоѣ. Я не знаю, чье оно порожденіе. Оно, повидимому, существовало раньше Бога". Тао—безусловное существо, которое въ отвлеченномъ смыслѣ не можетъ быть выражено словами, и даетъ начало небу, землѣ и даже самому Богу, а съ именемъ оно — мать всѣхъ вещей.

Подобно любящему отцу, оно заботится о всѣхъ созданіяхъ. Черезъ его двери всѣ они вышли въ жизнь, и, несмотря на перемѣны и превратности существованія, оно тянется направо и налѣво отъ нихъ, любовно поддерживая ихъ, подавая всѣмъ жизнь и никому не отказывая. Хотя оно впереди всего, выше всего и во всемъ, но не приписываетъ себѣ власти, и хотя все покоряется ему, но оно не считаетъ себя владыкой; хотя оно совершенствуетъ, охраняетъ и покрываетъ все, но не хвалится силой, а признаетъ своею главною чертой слабость. Оно не борется съ человѣкомъ. Обладающіе имъ находятъ въ немъ благодѣтельнаго и всемогущаго покровителя, а отвергающимъ его приходится убѣдиться въ ложномъ направленіи своего пути. „Держитесь великой формы Тао, и весь міръ пойдетъ къ вамъ. Онъ пойдетъ къ вамъ и останется невредимымъ; а его покой и миръ прославятся". Можно достигнуть Тао даже при жизни, и созданіе способно отождествиться съ создателемъ, благодаря отрѣшенію отъ личности.

Нельзя не замѣтить сходства между возвращеніемъ къ Тао и достиженіемъ буддійской Нирваны. Но есть между ними существенная разница: достиженіе Нирваны, это — прекращеніе существованія, а возвращеніе къ Тао — только призывъ конечнаго къ безконечному, творенія къ творцу.

Судя по даннымъ Тао-те-кинга, Лао-Цзы лишь слабо вѣрилъ въ духовъ и то лишь низшихъ, какимъ и донынѣ поклоняются послѣдователи Тао. Подобно Конфуцію, и онъ считалъ, что мудрецъ имѣетъ власть надъ духами. Пусть же мудрецъ занимаетъ тронъ, и тогда отраженіе его добродѣтели заставитъ демоновъ

прятать головы, не потому, чтобы они потеряли способность къ злу, а потому, что зло никогда не можетъ побѣдить добра.

Лао-Цзы создалъ не духовную религію, а родъ мистицизма, обусловленный его огорченіемъ отъ безнадежной будущности, которую онъ видѣлъ въ своей странѣ, и его страстнымъ стремленіемъ къ покою, котораго онъ не могъ найти среди людей, искавшихъ въ жизни только личнаго блага, наперекоръ справедливости. Много лѣтъ онъ таилъ все это въ себѣ и молчалъ, но, наконецъ, не выдержалъ и выразилъ свой протестъ противъ современныхъ ему буквоѣдства, лицемѣрія, формализма и схоластики. У него не находилось комплиментовъ для такихъ людей, какъ Конфуцій, которые щеголяли передъ міромъ своею добродѣтелью и хвалились превосходствомъ своихъ рѣчей и поступковъ. Въ его глазахъ „чистое дѣйствіе внутренняго отреченія было цѣннѣе, чѣмъ сто тысячъ проявленій собственной воли". И кто не согласится съ тѣмъ, что онъ былъ правъ?

Какъ уже было указано, система Лао-Цзы — политико-этическая. Такою онъ считалъ ее самъ и того же мнѣнія о ней держались его ближайшіе послѣдователи. Было ли это слѣдствіемъ глубокой умозрительной вѣры въ происхожденіе вселенной, или же вело къ такой вѣрѣ, но изъ показаній, разбросанныхъ по Тао-те-кингу, очевидно, что Лао-Цзы выработалъ въ своемъ умѣ полную теорію о существованіи матеріальнаго міра и о положеніи человѣка.

По его мнѣнію, всѣ существа произошли отъ Тао, „матери бездны" или „матери всѣхъ вещей". Вначалѣ было Тао, хотя отвлеченное, не поддающееся словамъ, но Лао-Цзы смотрѣлъ на него, какъ на скрытое существованіе или, какъ онъ иначе выражался, на несуществованіе. „Съ этой точки зрѣнія оно неощутимо для человѣка, и о немъ можно говорить только отрицательно. Въ ѳтомъ смыслѣ названія: несуществующій, неограниченный или безконечный, неявный, нематеріальный, особенно употребительны по отношенію къ Тао". *(Watters)*. Оно соотвѣтствуетъ хаосу и есть начало земли и неба. Послѣ такого созданія оно переходитъ отъ скрытаго къ явному существованію, и изъ несуществованія вытекаетъ существованіе. Но въ скрытомъ или въ явномъ существованіи оно все-таки Тао, а существованіе и несуществованіе считаются за одно, такъ какъ, хотя въ явленіяхъ ихъ два, но по имени только одно. Въ скрытомъ существованіи Тао „пусто", „спокойно", „свободно", „безформенно" и „нематеріально". „Наверху оно не ярко, а внизу оно не мрачно. Оно безгранично въ дѣйствіи и его нельзя назвать именемъ. Возвращаясь, оно переходитъ въ ничто. Это я называю явленіемъ неявленія, формой ничтожности, это разбиваетъ изслѣдованіе". Оно невидимо, неслышно

и недостижимо. Въ то же время оно въ скрытомъ видѣ содержитъ жизнь, форму и сущность, и отъ него происходитъ все созданное: небо наверху, земля внизу и всѣ обитатели земли.

Но мало того, что оно создаетъ, оно еще печется о своемъ созданіи съ нѣжностью отца. Оно входитъ въ жизнь каждаго отдѣльнаго предмета. Оно проникаетъ въ непроницаемое; оно производитъ, питаетъ, расширяетъ, кормитъ, совершенствуетъ, дѣлаетъ зрѣлыми, охраняетъ и покрываетъ всѣ вещи. Оно есть слава хорошаго человѣка и надежда дурного. Оно возвышаетъ смиреннаго и сбиваетъ спесь съ надменнаго. Оно уравниваетъ положенія людей, отнимая у того, кто имѣетъ избытокъ, и отдавая тому, кто терпитъ нужду. Оно благословляетъ тѣхъ, кто помогаетъ другимъ въ несчастіи, и подаетъ вдвойнѣ тѣмъ, кто выручаетъ нуждающихся. Оно всеобъемлюще, но дѣла его видны. Оно всегда бездѣятельно, но не оставляетъ ничего несдѣланнымъ. Оно все и ничего, мельчайшій атомъ и цѣлое. Оно единство міра и вслѣдствіе этого поддерживаетъ, укрѣпляетъ и питаетъ всѣ созданія.

Первая глава Тао-те-кинга гласитъ, что „безыменное есть начало земли и неба“. Въ другомъ мѣстѣ мы узнаемъ тайну процессовъ, которые ведутъ къ этому созданію. Тао произвело одну великую первопричину. Отъ одного произошли два: мужское и женское начала природы. Отъ двухъ произошли три, а отъ трехъ произошли уже всѣ вещи, начиная отъ неба и земли. О Небѣ Лао-Цзы трактуетъ въ томъ же духѣ, какъ Конфуцій, но гораздо сдержаннѣе. Оба учителя подъ этимъ названіемъ разумѣютъ и видимое небо и олицетворенное Небо. Конфуцій говоритъ, что мудрецъ равенъ Небу. Лао-Цзы говоритъ, что мудрецъ союзникъ Неба, что онъ — само Небо. По его словамъ, Небо даетъ землѣ законы такъ же точно, какъ оно само получаетъ законъ отъ Тао. Оно не имѣетъ привязанностей, а смотритъ на все существующее, какъ на траву, пригодную для жертвоприношеній, то-есть для временной цѣли. Оно въ равной степени чуждо эгоизма и пристрастія. Оно не стремится къ жизни, и поэтому долговѣчно. Оно велико и сострадательно, и всегда готово спасти людей. Какъ вещественное небо, оно поддерживаетъ свое существованіе „ясностью“, которая обусловливается его единствомъ съ Тао.

О землѣ говорится приблизительно такъ же. Она ниже Неба и какъ личность и какъ часть вещественнаго міра, но соединена съ Небомъ въ своемъ существованіи и въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ. Въ качествѣ вещественной земли ее охраняетъ отъ распаденія ея единство съ Тао.

Далѣе, изъ могучихъ нѣдръ Тао вышли всѣ существа, подтверждающія вѣчный законъ природы, именно, — постояннаго чередова-

нія силы и слабости. Существованіе и несуществованіе взаимно порождаютъ другъ друга; такія же соотношенія бываютъ между труднымъ и легкимъ, длиннымъ и короткимъ, высокимъ и низкимъ, тихимъ и громкимъ, предыдущимъ и послѣдующимъ. Человѣкъ тоже при жизни гибокъ и нѣженъ а послѣ смерти неподвиженъ и твердъ. Такъ и все остальное. Когда кусты и деревья, которые постоянно были нѣжными и мягкими, засыхаютъ и твердѣютъ, то это признакъ ихъ увяданія. Когда дерево дѣлается крѣпкимъ, то его срубаютъ. Итакъ, крѣпкое низвергаютъ, а слабое и нѣжное возвышаютъ. Тяжелое есть корень легкаго. Покой управляетъ движеніемъ.

Всѣ предметы существуютъ нѣкоторое время, а затѣмъ погибаютъ. Всѣ они вмѣстѣ были призваны къ существованію, и каждому изъ нихъ опредѣлено время роста и зрѣлости, но, достигнувъ высшей силы, онъ сразу старѣетъ и возвращается къ своему корню. „Это называется возвращеніемъ судьбы". Прочна только пустота, которая приноситъ большую пользу. Такъ, напримѣръ, пространство между небомъ и землею можно уподобить кузнечному мѣху, который хотя и пустъ, но никогда не спадается, и чѣмъ больше онъ въ ходу, тѣмъ больше раздувается. То же можно сказать про колесо телѣги, про глиняный сосудъ, про окна и двери. Вездѣ есть несуществующая или пустая часть, которая полезна. Спицы и ступица колеса, стѣнки глинянаго сосуда, дверныя и оконныя рамы нужны, но польза ихъ обусловливается пустою частью. „Можно сказать, что существованіе соотвѣтствуетъ прибыли, а несуществованіе—пользѣ". Чтобы ослабить предметъ, нужно сначала его укрѣпить; чтобы опрокинуть его, нужно его сначала поднять. То, что нужно отнять, нужно сначала дать.

Въ преимуществѣ существованія надъ несуществованіемъ заключается тотъ урокъ, который Лао-Цзы особенно хотѣлъ запечатлѣть въ человѣкѣ. Всѣ люди и во всѣ времена главнымъ образомъ заботились о своемъ тѣлѣ и пренебрегали развитіемъ личности, искали чувственныхъ наслажденій и забывали о важности души. Каковы же послѣдствія? Пять цвѣтовъ, которые такъ восхищаютъ нашъ взоръ, нерѣдко производятъ слѣпоту. Пять звуковъ, которые очаровываютъ нашъ слухъ, нерѣдко производятъ глухоту. Нёбо человѣка, которое сначала наслаждается пятью вкусами, вскорѣ теряетъ способность ихъ различать. Стремленіе къ наслажденію и честолюбію также обманчиво. Катаніе и охота сводятъ человѣка съ ума, а трудно достижимыя вещи навлекаютъ на него бѣду. „Поэтому мудрецъ дѣлаетъ для внутренней личности, а не для глазъ. Онъ отстраняетъ одно, чтобы взять другое". Онъ помнитъ, что покой управляетъ движеніемъ, и ни-

когда не позволяетъ себѣ выйти изъ состоянія спокойствія и серіозности.

Таково ученіе, которое Лао-Цзы изложилъ въ Тао-те-кингѣ. Мы встрѣчаемъ много аналогій съ этимъ древнимъ вѣрованіемъ въ восточныхъ и западныхъ странахъ. Интересно, что созерцаніе однихъ и тѣхъ же предметовъ, имѣющихъ высшее значеніе для человѣка, породило одинаковые результаты у проницательныхъ грековъ, у хитроумныхъ индусовъ и у прозаичныхъ китайцевъ. О жизни Лао-Цзы такъ мало извѣстно, что мы не можемъ сказать, позаимствовалъ ли онъ свое ученіе изъ Индіи, или нѣтъ. Но какъ бы то ни было, а сходство между основами индусскаго мистицизма и таоизма поразительное. Когда мы узнаемъ, что индусскій мистицизмъ „требуетъ безкорыстной любви взамѣнъ корыстной религіи; что онъ реагируетъ противъ церемоніальныхъ предписаній и педантической литературы Ведъ; что онъ отождествляетъ въ своемъ пантеизмѣ субъекта съ объектомъ, поклонника съ предметомъ поклоненія; что онъ стремится къ сліянію съ безконечнымъ; что онъ считаетъ нужнымъ для этого полнѣйшее бездѣйствіе, самоуглубленіе и прекращеніе всякихъ силъ; что онъ имѣетъ свои миѳическія чудодѣйственныя объясненія, т. е. свою сверхъестественную область“ *(Vaughan)*, то мы, словно въ зеркалѣ, видимъ различныя фазы, которыя таоизмъ пережилъ съ того времени, какъ онъ впервые зародился въ умѣ Лао-Цзы, и вплоть до позднѣйшаго его суевѣрнаго развитія.

Лао-Цзы не раздѣлялъ многихъ заблужденій, которыя впослѣдствіи вкрались въ его систему. Онъ проповѣдывалъ не суевѣрное ученіе, а отвлеченную вѣру въ безконечную сущность. Хотя его ученіе и повело къ пантеистическому отождествленію творенія съ творцомъ, а въ нѣкоторыхъ его изреченіяхъ усмотрѣна была система чаръ и заклинаній, которая въ позднѣйшія времена уронила религію, но все же Тао-те-кингъ, безспорно, свидѣтельствуетъ, что его авторъ былъ чуждъ всѣхъ этихъ суевѣрій. Обоготвореніе человѣка прямо противорѣчитъ смиренію и самоуничиженію, которыя Лао Цзы проповѣдывалъ совершенно искренно, а магія его выродившихся послѣдователей идетъ въ разрѣзъ съ его ненавистью ко всякому обману. Онъ создалъ возвышенную чистую систему, въ нравственныхъ предписаніяхъ не только не уступалъ другимъ языческимъ философамъ, а даже значительно превзошелъ ихъ всѣхъ, провозгласивъ одно изъ славнѣйшихъ христіанскихъ правилъ: „плати добромъ за зло“.

ГЛАВА IV.

Лей-Цзы и Чуангъ-Цзы.

Судьба, неизмѣнно постигавшая всѣ религіозныя системы, выпала и на долю доктринъ Лао-Цзы. Ни одно чистѣйшее вѣроученіе, даже само христіанство, не могло удержаться въ первобытной чистотѣ. Послѣ смерти основателя религіи, который своимъ личнымъ вліяніемъ поддерживаетъ выработанные имъ принципы и къ которому обращаются за разрѣшеніемъ спорныхъ вопросовъ, остаются только преданія объ его дѣлахъ и рѣчахъ. Какъ быстро изученіе преданій порождаетъ расколъ и ереси, показываетъ исторія христіанства. Но въ средѣ таоистовъ, послѣдователей Лао-Цзы, преданія не играли такой роли. Лао-Цзы не совершилъ великихъ дѣяній; онъ избѣгалъ людныхъ центровъ. Жизнь его не была ознаменована чудесными событіями или подвигами силы и самоотверженія, а о смерти его ничего неизвѣстно. Онъ жилъ уединенно, предаваясь размышленію. То направленіе, которое его мысли приняли за много лѣтъ отшельничества, расходилось съ предвзятыми идеями и народнымъ духомъ. Къ тому же его взгляды встрѣтили серіознаго противника въ лицѣ Конфуція, который шествовалъ по странѣ, окруженный толпою учениковъ, вступалъ въ сношенія съ царями и князьями и проповѣдывалъ славу своей родины и несравненное превосходство древнихъ государей Китая.

Гораздо большую притягательную силу должны были имѣть слова и дѣла Конфуція, которыя были пріятны народу, гордившемуся исторіей своей страны. Почва ужъ была приготовлена для воспріятія брошеннаго сѣмени, и когда потомъ появились всходы, то оказалась обильная жатва между богатыми и великими, могущественными и мудрыми. Таоизмъ же, какъ Адолламская пещера, служилъ убѣжищемъ, гдѣ скрывались всѣ, недовольные судьбою и отчаявавшіеся въ будущемъ своей родины. Конечно, такіе люди не могли быть хорошими хранителями ученія Лао-Цзы. Геніальный духъ и краткія мысли „стараго философа“ превратились у нихъ въ насмѣшки и жалобы, а его философія существованія обращена была въ основу для равнодушнаго отношенія къ жизни и смерти.

Изъ древнихъ таоистскихъ писателей особенно выдавались Лей-

Ю-Коу, больше извѣстный подъ именемъ Лей-Цзы, и Чуангъ-Чоу или, какъ его иначе называютъ, Чуангъ-Цзы. Первый изъ нихъ родился въ V вѣкѣ до Р. Х. въ слѣдующемъ поколѣніи за Конфуціемъ и Лао-Цзы. Въ его сочиненіяхъ уже сказалось направленіе, которое стало принимать ученіе Лао-Цзы. Вѣра въ тождество существованія и несуществованія и ихъ постоянную смѣну, наблюдаемую въ природѣ, въ глазахъ Лей-Цзы приняла окраску древней доктрины: „будемъ ѣсть и пить, такъ какъ завтра мы умремъ". „Зачѣмъ безпокоиться о житейскихъ дѣлахъ? — спрашиваетъ онъ. — Не близка ли всегда смерть, которая есть только возвращеніе отъ существованія къ несуществованію? Тѣло мнѣ не принадлежитъ. Я лишь его временный обитатель и покину его, возвращаясь къ матери безднѣ. Зачѣмъ же мнѣ предаваться политикѣ или разнымъ заботамъ, которыми иные люди такъ любятъ себя мучить? Лучше я воспользуюсь благами, полученными отъ боговъ, и буду сегодня наслаждаться, предоставивъ завтрашнему дню самому о себѣ заботиться".

Въ томъ же смыслѣ онъ ведетъ разсказъ о свиданіи между Конфуціемъ и однимъ изъ послѣдователей Лао-Цзы. Этотъ человѣкъ, по имени Ингъ, котораго Конфуцій встрѣтилъ въ полѣ, недалеко отъ города Чинга, развлекался въ своемъ уединеніи пѣніемъ подъ гитару. „Отчего вы такъ веселы?" спросилъ Конфуцій. — „О, мнѣ есть чему порадоваться! — отвѣчалъ Ингъ. — Изъ всѣхъ созданій Неба развѣ люди не самыя почетныя? Я человѣкъ — вотъ одна причина для радости. Развѣ мужчины не благородны, а женщины не презрѣнны? Я мужчина — вотъ другая причина для радости. Затѣмъ, развѣ нѣтъ людей, которые отъ роду не видѣли солнечнаго и луннаго свѣта и за всю жизнь не выходили изъ пеленокъ? Я хожу по землѣ девяносто лѣтъ — вотъ третья причина для радости. Бѣдность — обычная спутница ученыхъ, а смерть похищаетъ всѣхъ: зачѣмъ же мнѣ печалиться, что я живу, какъ другіе, и умру, какъ всѣ?" — „Да, — сказалъ Конфуцій, — вы, дѣйствительно, мудры".

Сновидѣніе есть обычный пріемъ, къ которому Лей-Цзы прибѣгаетъ, чтобы нарисовать идеальное положеніе общества. Такъ, онъ разсказываетъ, что императоръ Хуангъ-Ти, послѣ продолжительнаго поста, которому онъ подвергся, чтобы подавить въ себѣ сладострастныя стремленія, заснулъ, и ему пригрезилось, что онъ безъ труда перенесся въ далекую страну, гдѣ не было правителей, такъ какъ люди сами управляли собою, гдѣ не было страстей, такъ какъ люди контролировали свои желанія. Жизнь не возбуждала въ нихъ удовольствія, а смерть — ужаса, поэтому ихъ не постигала неожиданная судьба. Они не знали родственныхъ или

другихъ отношеній и были чужды любви и ненависти. Мятежъ и угодливость были имъ незнакомы, поэтому они не терпѣли обидъ. Они ничего не любили, ничѣмъ не интересовались, ничего не почитали и ничего не боялись. Они ходили по водѣ и не тонули, бросались въ огонь и не горѣли; раны и удары не причиняли имъ поврежденій. Они подымались по воздуху и шли, словно по землѣ. Они спали въ пространствѣ, какъ на своихъ постеляхъ, а облака и туманы не мѣшали имъ. Они внимали грому, и онъ не оглушалъ ихъ. Они видѣли красоту и безобразіе, и сердца ихъ не волновались. Горы и долины не составляли для нихъ препятствій, такъ какъ они шли по пути боговъ. Тутъ царь проснулся.

Въ этой аллегоріи мы уже видимъ зачатки грубыхъ суевѣрій, которымъ вскорѣ суждено было свести чистую фантазію Лао-Цзы на степень шаманства. Ученіе Лао-Цзы о возможномъ сліяніи созданія съ Создателемъ, породило пантеистическое вѣрованіе, что люди даже въ нынѣшней жизни могутъ сдѣлаться богами и, подобно богамъ, стоять выше законовъ природы. Объ этомъ Лей-Цзы разспрашивалъ того сторожа прохода, которому Лао-Цзы вручилъ Тао-те-кингъ. Инъ-Хи сначала не хотѣлъ отвѣчать, но подъ конецъ согласился съ тѣмъ, что люди могутъ ходить по воздуху и безъ риска броситься въ огонь. Однако, онъ добавилъ: „Это приходитъ только тогда, когда духъ совершенно чистъ, и искусственнымъ путемъ этого нельзя пріобрѣсти“.

Но Лей-Цзы держался другого мнѣнія. Онъ выдавалъ за фактъ чудесныя сказанія о Мухъ-Вангѣ, который съ помощью одного западнаго чародѣя посѣтилъ волшебную страну и познакомился съ божествомъ, извѣстнымъ подъ именемъ Си-Вангъ-Му, или Западной Царственной Матери. Дальше Лей-Цзы увѣрялъ, что нѣкто Лао-Чингъ-Цзы научился отъ самого Инъ-Хи искусству созданія и заклинанія. Такъ, послѣ трехмѣсячнаго глубокаго размышленія, онъ могъ измѣнить времена года, произвести громъ зимою и ледъ лѣтомъ; заставить летать тѣ существа, которыя ходили по землѣ, и лишить птицъ употребленія крыльевъ.

Понятно, что человѣку, поддерживавшему такія воззрѣнія, непріятно было воспоминаніе о Конфуціи, который рѣшительно возставалъ противъ суевѣрныхъ заблужденій, и онъ постоянно старался высмѣивать мудреца и доказывать превосходство необразованности надъ его такъ называемой мудростью. „Однажды, — говоритъ онъ, — путешествуя на востокѣ, Конфуцій встрѣтилъ двухъ мальчиковъ, которые горячо спорили. Онъ спросилъ, о чемъ они пререкаются, и одинъ изъ мальчиковъ отвѣчалъ: „Я говорю, что солнце при восходѣ ближе къ намъ, чѣмъ когда оно стоитъ надъ

головою, и говорю это на томъ основаніи, что при восходѣ оно величиною съ верхъ телѣги, а въ полдень оно не больше деревянной миски". Другой же сказалъ: „При восходѣ лучи солнца холодны и нечувствительны, а въ полдень они горячи. Поэтому я увѣряю, что солнце въ полдень ближе къ намъ, чѣмъ утромъ". Конфуцій былъ смущенъ такимъ затрудненіемъ и не могъ дать рѣшительнаго отвѣта. „Гдѣ же ваша великая мудрость?" смѣясь крикнули мальчики вслѣдъ удалявшемуся философу".

Въ вопросѣ о происхожденіи и свойствахъ міра Лей-Цзы совершенно уклонился отъ Лао-Цзы и провозгласилъ теорію мірозданія до того непонятную, что мы здѣсь приводимъ только его буквальныя слова. Онъ училъ, что вначалѣ существовали: *Тай-И*, или Великая Перемѣна; *Тай-Чу*, или Великое Начало; *Тай-Чи*, или Великое Первое; и *Тай-Су*, или Великое Чистое. Въ Великой Перемѣнѣ не было духа. Великое Начало было источникомъ духа. Великое Первое было началомъ формы, а Великое Чистое — началомъ сущности. Не было раздѣленія между духомъ, формою и сущностью, и все представляло хаосъ. Хаосъ былъ невидимъ, неслышимъ и неощутимъ и потому былъ названъ И, то-есть Перемѣна. Послѣдняя была безформенна и пуста. Она подверглась превращенію и сдѣлалась Единицей. Единица измѣнилась и превратилась въ Семь. Семь послѣ измѣнія превратилось въ Девять, а такъ какъ перемѣны были исчерпаны, то Девять опять превратилось въ Единицу. Единица была началомъ формы. Все чистое и легкое поднялось и сдѣлалось небомъ, а все нечистое и тяжелое осѣло и сдѣлалось землею. Нельзя относиться серіозно къ этимъ страннымъ бреднямъ, но то обстоятельство, что Лей-Цзы серіозно излагалъ ихъ, наводитъ на мысль, что онъ самъ вѣрилъ въ чудеса и колдовство, о которыхъ онъ говоритъ въ своихъ произведеніяхъ, и, встрѣчая, напримѣръ, такія увѣренія, что пустельга иногда превращается въ фазана, ласточки въ лягушекъ, а полевыя мыши въ перепелокъ, мы ужъ не сочтемъ ихъ непослѣдовательными.

Къ несчастью, вліяніе сочиненій Лей-Цзы на его соотечественниковъ не встрѣчаетъ противодѣйствія, вслѣдствіе незнакомства китайцевъ съ основными элементами естественныхъ наукъ, которые для этого нужны. Итакъ нельзя считать его незначительнымъ писателемъ. Онъ настойчиво проводитъ свой взглядъ на значеніе человѣка въ мірѣ. Къ этому-то пункту его послѣдователи пристегнули свою вѣру, и отсюда ведетъ начало ихъ нынѣшнее потворство чувственнымъ удовольствіямъ и отрицаніе нравственныхъ преградъ, какъ чего-то безумнаго. Эта фаза ученія Лей-Цзы лучше всего иллюстрируется разсказанной имъ самимъ исторіей о Цзы-Чанѣ, министрѣ княжества Ч'ингъ. Благодаря трехлѣтнему

хорошему управленію, онъ довелъ это княжество до процвѣтанія и благосостоянія, но этотъ успѣхъ омрачался мыслью, что его два брата, Кунгъ-Сунъ-Чао и Кунгъ-Сунъ-Мухъ, вели самую безшабашную жизнь. Такъ какъ Конфуцій положилъ за правило, что передъ тѣмъ, какъ управлять государствомъ, человѣкъ долженъ научиться управлять собственною семьей, то Цзы-Чанъ считалъ несогласнымъ съ Тао, чтобы его братья продолжали нарушать благопристойность. Посовѣтовавшись съ однимъ изъ друзей, онъ самъ отправился къ своимъ порочнымъ братьямъ и обратился къ нимъ со слѣдующими словами: „Человѣка облагораживаетъ и возвышаетъ надъ животными знаніе и предусмотрительность. Добродѣтели, вытекающія изъ знанія и предусмотрительности, это — благопристойность и прямота. Усовершенствованіе этихъ качествъ создаетъ извѣстность и положеніе, но тотъ, кто потакаетъ страстямъ и настораживаетъ уши къ чувственнымъ наслажденіямъ, губитъ свою жизнь. Слушайте меня: если завтра утромъ вы раскаетесь въ своемъ поведеніи, то къ вечеру вы будете на службѣ“ (буквально „вкушать выгоды“).

На это виновные отвѣчали: „Все это мы давно знаемъ и сознательно сдѣлали выборъ. Вы думаете, мы васъ ждали, чтобы услышать это? Земная жизнь достается съ трудомъ, но смерть приходитъ легко. Кто жъ хочетъ проводить жизнь, которая такъ трудно достается, въ томъ, чтобы присматриваться къ смерти, которая такъ легко приходитъ? Вызывать благопристойность и прямоту, чтобы хвастаться предъ людьми, и скрывать наши стремленія и влеченія, чтобы пріобрѣсть извѣстность, это — для насъ хуже смерти. Мы хотимъ пользоваться наслажденіями жизни и испить до дна чашу мимолетныхъ удовольствій. Мы жалѣемъ только о томъ, что не можемъ пользоваться чувственными удовольствіями въ такой мѣрѣ, какъ этого желали бы, и что силы измѣняютъ намъ, когда наши страсти еще не удовлетворены. Намъ некогда горевать о томъ, что наше имя обезславлено или жизнь въ опасности. Если вы, гордясь тѣмъ, что способны управлять народомъ, думаете своею проповѣдью потревожить нашу совѣсть и обѣщаніями славы или выгоды увлечь наше воображеніе, то вы играете презрѣнную и жалкую роль. Мы вамъ покажемъ разницу между вашей философіей и нашей. Вы стремитесь къ внѣшнему управленію, и такъ какъ ваши средства не всегда достигаютъ цѣли, то вы навлекаете бѣдствія на своихъ соотечественниковъ. Мы же находимъ удовольствіе во внутреннемъ управленіи, рѣдко даемъ поводъ къ смутамъ, и наша природа упивается наслажденіемъ. Правда, ваша система управленія можетъ нѣкоторое время примѣняться въ царствѣ, но она не согласуется съ народнымъ

мнѣніемъ. Наше же внутреннее управленіе выполнимо во всей имперіи, и тогда Тао правителей и министровъ можетъ предаться покою. Мы давно хотѣли подѣлиться этой системой съ вами, а вы рѣшаетесь поучать насъ своимъ взглядамъ". Цзы-Чанъ былъ пораженъ и не могъ отвѣтить ни слова. Черезъ день - другой онъ разсказалъ о происшедшемъ Тангъ-Сею. „Вы жили съ истинными людьми, — замѣтилъ его совѣтникъ, — и не знали этого. Кто можетъ назвать васъ мудрымъ? Что касается до порядка въ княжествѣ Ч'ингъ, то это простая случайность, нисколько не зависящая отъ вашихъ заслугъ".

Такова философія Лей-Цзы. Насколько она отличается отъ ученія Лао-Цзы, видно изъ сравненія этой главы съ предшествующими. Но, къ счастью, хотя ученые высоко ставятъ Лей-Цзы, однако, не раздѣляютъ его взглядовъ. При своей удивительной способности усвоивать изъ литературы и науки только то, что совпадаетъ съ ихъ собственными взглядами, китайцы приняли только тѣ мнѣнія Лей-Цзы, которыя не противорѣчили ученію Конфуція. Остальное же они считаютъ за пустыя бредни.

Чуангъ-Цзы.

Замѣчаніе знаменитаго комментатора Чу-Хи, что ученики Лао-Цзы съ теченіемъ времени все дальше и дальше уклонялись отъ его ученія, не вполнѣ примѣнимо къ Лей-Цзы и Чуангъ-Цзы. Въ предыдущей главѣ указано было, какъ ложно Лей - Цзы понималъ таоизмъ. Чуангъ-Цзы хотя и не былъ правовѣрнымъ, а больше придерживался доктринъ ихъ общаго учителя. Китайскіе ученые признаютъ его сравнительное единомысліе съ Лао-Цзы и нерѣдко издаютъ большое его сочиненіе Нанъ-хва-кингъ вмѣстѣ съ Тао-те-кингомъ. Излюбленною темой его была суета мірская, а нападки его были направлены, преимущественно, противъ конфуціанцевъ. Хлопотливому политику, который кичится своимъ управленіемъ имперіей, онъ даетъ понять, что безъ его вмѣшательства государственныя дѣла шли бы гораздо лучше, а человѣку, который хочетъ достигнуть извѣстности, онъ говорилъ, что извѣстность только „гость дѣйствительности". „Птица-портной устраиваетъ гнѣздо въ лѣсной чащѣ, но на одномъ лишь сучкѣ; полевая мышь пьетъ изъ рѣки, но только пока утолитъ жажду". Вотъ такимъ примѣрамъ люди должны слѣдовать, а не подражать политическимъ пуристамъ или честолюбивымъ охотникамъ до церемоній. Если бы предоставить міръ самому себѣ, то народъ носилъ бы одежду, вытканную собственными руками, и ѣлъ бы то, что ра-

стетъ въ полѣ. На горахъ не было бы проложено дорогъ и на водахъ не плавали бы корабли. Всѣ созданія наслаждались бы жизнью. Дикія животныя ходили бы стадами, деревья и кустарники цвѣли бы, а въ ихъ чащѣ жили бы птицы и звѣри. Люди переживали бы золотой вѣкъ. Познаніе не отдѣляло бы ихъ отъ добродѣтели, а желанія не оскверняли бы ихъ чистоты. Каково же нынѣшнее положеніе вещей? Мудрецы бьются, чтобы сдѣлаться милосердными, рвутъ и мечутъ, чтобы сдѣлаться прямодушными, и народъ опасается ихъ. Они употребляютъ неистовыя усилія, чтобы выдвинуть музыку, кланяются и кривляются, стараясь поддержать благопристойность, и имперія начинаетъ распадаться. Чтобы приготовить церемоніальныя чаши, нужно погубить дѣвственный лѣсъ. Чтобы сдѣлать скипетръ, нужно отколоть и отточить бѣлый нефритъ. Если бы Тао и добродѣтель не были испорчены, то откуда взялись бы милосердіе и прямота? Если бы не отступать отъ естественныхъ склонностей, то къ чему понадобились бы церемоніи и музыка? Если бы пять цвѣтовъ не были слиты, то откуда взялись бы различные оттѣнки? Если бы пять звуковъ не давали разногласія, то кто повторилъ бы шесть нотъ? Уничтоженіе лѣса для производства утвари есть вина мастерового, а уничтоженіе Тао и добродѣтели для утвержденія милосердія и прямоты есть вина мудреца.

Такимъ образомъ, Чуангъ-Цзы выступилъ противъ Конфуція и своего современника Менція. По его мнѣнію, эти люди были представителями безпорядка въ дѣлахъ. Если мудрецы проповѣдуютъ милосердіе, то это несомнѣнный признакъ наступающаго зла. Если они говорятъ о честности, то, очевидно, назрѣваютъ грабежи. Сами они, поучая, что люди должны зависѣть отъ внѣшнихъ условій, и заключая въ неестественныя рамки дѣтоподобную природу человѣка, виновны наравнѣ съ величайшими преступниками. Заурядные люди всю жизнь стремятся къ прибыли, ученые—къ извѣстности, а мудрецы—къ управленію имперіей. Но хотя цѣли этихъ людей различны и носятъ другія имена, но всѣ онѣ сходны въ томъ, что насилуютъ свою природу. Пихъ-И умеръ за свое доброе имя у подножія горы Шоу-янга, а разбойникъ Чихъ умеръ отъ жадности на вершинѣ Тунгъ-линга. Хотя они пожертвовали жизнью по различнымъ причинамъ, но оба встрѣтили смерть и оскорбили свою природу. Кто скажетъ, что правъ Пихъ-И, или неправъ разбойникъ Чихъ? Весь міръ жаденъ. Одни гонятся за милосердіемъ и прямотою и называются „высшими людьми“; другіе ищутъ богатства и называются „простыми людьми“. Но всѣ чего-нибудь да добиваются съ жадностью.

Отъ сомнѣнія въ существованіи дѣйствительной разницы между

побужденіями людей недалеко до сомнѣнія въ дѣйствительност людскихъ мыслей и чувствъ, а слѣдовательно и личнаго суще ствованіи. Чуангъ-Цзы былъ заодно съ законами Ману и считал бодрствованіе обманчивою дѣйствительностью, призрачною жизнью Однажды ему снилось, что онъ превратился въ бабочку и пор халъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, совершенно забывая о своемъ суще ствованіи въ лицѣ Чуангъ-Цзы; но внезапно онъ проснулся почувствовалъ себя прежнимъ человѣкомъ. Тогда ему пришла слѣ дующая мысль: „Былъ ли я бабочкой во снѣ, или наяву? или ж я теперь бабочка, которая снится Чуангъ-Цзы?“

Но, несмотря на недѣйствительность существованія, нужн заботиться о жизни. Не такъ заботиться, какъ простые люди, ко торые хотятъ прожить нѣсколько лишнихъ лѣтъ; не такъ, как богатые и великіе, которые окружаютъ себя роскошью, чтоб холить свое тѣло, и — наслажденіями, чтобы удовлетворять свое чувственности: они забываютъ, что это лишь сѣкиры, которы вскорѣ срубятъ дерево жизни, тщетно ими поддерживаемое. Нѣт надо сохранять жизнь, какъ истинные таоисты, которые ищут чего-то внѣ тѣла и поэтому сберегаютъ тѣло.

„Какъ мнѣ продолжить жизнь?“ — спросилъ императоръ Хуан Ти знаменитаго Куангъ-Чингъ-Цзы. „Соблюдайте чистоту и по кой, — отвѣчалъ отшельникъ, — а больше всего избѣгайте сладо страстія. Пусть ни одна женщина не попадается вамъ на глаза, и мысль о ней не потревожитъ вашего ума. Это самое опасное изъ всѣхъ искушеній, которымъ подверженъ человѣкъ. Слѣдуя этимъ правиламъ, я дожилъ до своихъ преклонныхъ лѣтъ“.

Забота о жизни, по мнѣнію Чуангъ-Цзы, вполнѣ совмѣстима съ равнодушіемъ къ смерти. Самъ онъ чрезвычайно спокойно встрѣтилъ кончину и просилъ родныхъ не горевать о томъ, что неизбѣжно. Относительно своихъ похоронъ онъ распорядился такъ: „Я хочу, чтобы небо и земля были моими гробницами, чтобы солнце и луна отмѣчали мѣсто моего упокоенія и всѣ созданія оплакивали бы меня на похоронахъ“. На возраженія родныхъ, что птицы небесныя расклюютъ его тѣло, онъ отвѣтилъ: „Что жъ такого? Птицы небесныя — наверху, а внизу черви и муравьи; если вы ограбите однихъ, чтобы накормить другихъ, то какая же тутъ несправедливость?“

ГЛАВА V.

Позднѣйшій таоизмъ.

Китайцы отъ природы не склонны къ философскому мышленію, поэтому таоисты отвергли самыя глубокія разсужденія Лао-Цзы съ такимъ же непринужденіемъ и равнодушіемъ, какъ конфуціанцы исключили самые непонятные пункты изъ системы своего учителя. Нѣсколькихъ лѣтъ достаточно было, чтобы отодвинуть на задній планъ отвлеченныя размышленія стараго философа, и на остаткахъ его ученія построить систему, которая была бы примѣнима къ практической жизни. Неизвѣстно, какъ зародилась эта новая школа и кто былъ ея апостоломъ, но тотъ фактъ, что Чи-Хуангъ-Ти, распорядившись сжечь всѣ существовавшія книги, сдѣлалъ исключеніе для таоистскихъ сочиненій, свидѣтельствуетъ, что въ третьемъ вѣкѣ до Р. Х. ея приверженцы, повидимому, составляли большое и могущественное общество.

Надо думать, что въ самомъ началѣ послѣдователи Тао отвергли не удовлетворявшую ихъ доктрину Лао-Цзы о самоуничиженіи, и старались замѣнить ее способомъ достигнуть вѣчной жизни. Возможно, что легенда о смерти самого Лао-Цзы породила такое стремленіе, или же, наоборотъ, это стремленіе породило легенду о торжествѣ Лао-Цзы надъ смертью. Какъ бы то ни было, но во времена Чи-Хуангъ-Ти очень распространена была вѣра въ чары, которыя могутъ доставить вѣчную жизнь. Самъ Чи-Хуангъ-Ти раздѣлялъ эти суевѣрныя воззрѣнія. Его убѣдили, что въ Восточномъ морѣ существуютъ Золотые Благословенные острова, гдѣ живутъ геніи, которые занимаются только тѣмъ, что раздаютъ всѣмъ посѣтителямъ ихъ гостепріимныхъ береговъ напитокъ безсмертія, составленный изъ растущихъ у нихъ въ изобиліи душистыхъ травъ. Онъ такъ искренно вѣрилъ этому, что снарядилъ морскую экспедицію на поиски желанныхъ острововъ, поставивъ въ ея главѣ знатока магіи, по имени Сю-Ши. Основываясь на полученномъ откровеніи, что экспедиція встрѣтитъ лучшій пріемъ на Золотыхъ островахъ, если ее будутъ сопровождать юноши и

дѣвушки, Сю-Ши убѣдилъ императора послать съ нимъ нѣсколько тысячъ дѣвицъ и молодыхъ людей. По возвращеніи путешественники донесли, что они проплыли мимо островов, но попутный вѣтеръ отогналъ ихъ назадъ.

Не смущаясь этимъ, императоръ послалъ вторую экспедицію, чтобы привезти ему жизненнаго элексира. Ее также постигла неудача, но, говорятъ, частнымъ лицамъ посчастливилось больше, чѣмъ императору. Прибрежные жители Ц'и и Іеня, т. е. нынѣшнихъ провинцій Шантунга и Чили, неразъ принимали у себя путешественниковъ, которые побывали на островахъ и сообщили своимъ соотечественникамъ вывѣданныя ими тайны. Такъ, они научились плавить металлы и совершать надъ собой превращенія посредствомъ заклинаній. Никакія неудачи не открыли императору глазъ на обманъ, которому онъ подвергался. Онъ тратилъ несмѣтныя суммы на безполезныя похожденія подъ руководствомъ Сю-Ши или другихъ знатоковъ магіи. Стоило только объявить ему пророческое предсказаніе, что его династія будетъ свергнута Гу (гуннами), чтобы онъ выслалъ трехсоттысячную армію противъ этихъ сѣверныхъ враговъ. Походъ окончился удачно, и императоръ остался въ убѣжденіи, что онъ опровергъ пророчество, но таоисты считаютъ, что оно сбылось съ прекращеніемъ династіи при его преемникѣ Гу-Гай.

Въ царствованіе Чи-Хуангъ-Ти выдающіеся знатоки магіи стали именоваться *чинъ-джинъ*, или истинными людьми. Они приписывали себѣ власть надъ силами природы. Они бросались въ огонь и не сгорали, бросались въ воду и не тонули. По желанію они могли поднимать бурю и знали тайны философскаго камня. Они вели сношенія съ безсмертными обитателями благословенныхъ острововъ, которые открывали имъ будущее и посвящали ихъ въ тайны Тао. Но каждый изъ нихъ рано или поздно долженъ былъ умереть, а такъ какъ признаніе смерти противорѣчило бы всей ихъ жизни, то съ исчезновеніемъ каждаго распространяли слухъ, что онъ взятъ въ невѣдомый рай.

Таоисты не желаютъ признать, что ихъ религія ведетъ начало лишь со времени Лао-Цзы, и приписываютъ ея основаніе третьему изъ пяти миѳическихъ царей, Хуангъ-Ти, который взошелъ, будто бы, на престолъ въ 2697 году до Р. Х. и не умеръ, а взятъ былъ съ земли на спинѣ дракона. Къ несчастью, однако, извѣстно было о существованіи могилы Хуангъ-Ти, и на это противорѣчіе обратилъ вниманіе таоистовъ императоръ Ву изъ Ханьской династіи (140—86 до Р. Х.), который, повидимому, подобно Чи-Хуангъ-Ти, принялъ новую секту подъ свое покровительство. На это жрецы отвѣтили, что тогдашніе придворные не хотѣли разглашать о

вознесеніи императора, а торжественно похоронили одежду своего обоготвореннаго учителя, и если бы открыть гробъ, то можно было бы въ этомъ убѣдиться.

Ву принялъ это объясненіе и самъ постепенно подпалъ подъ власть жрецовъ. Сначала онъ удостовѣрялся въ ихъ объясненіяхъ; но потомъ разсудокъ его настолько извратился, что онъ сталъ всему вѣрить. Подобно Чи-Хуангъ-Ти, онъ снарядилъ нѣсколько экспедицій на поиски Счастливыхъ острововъ, увѣнчавшихся не бóльшимъ успѣхомъ, чѣмъ при его предшественникѣ. Самъ онъ посѣтилъ восточную гору Пунгъ, гдѣ ему показали слѣдъ гиганта-генія, который накануне явился придворнымъ чародѣямъ подъ видомъ старика съ собакой на привязи. Это было еще до того, какъ онъ сталъ вѣрить слѣпо, и онъ позволилъ себѣ усомниться въ подлинности слѣда. Чародѣи, однако, настаивали на своемъ, и, судя по тому, какое вліяніе на него они пріобрѣли впослѣдствіи, они успѣшно обманывали его.

Въ эту эпоху уже исчезли всякіе слѣды таоизма Лао-Цзы, и вниманіе его воображаемыхъ послѣдователей направилось къ добыванію жизненнаго элексира и философскаго камня. Человѣкъ всегда считалъ величайшими для себя несчастіями бѣдность и смерть. Вездѣ въ отдаленныя и темныя времена исторіи, колдуны и алхимики приписывали себѣ искусство врачеванія этихъ язвъ человѣчества. Подобно китайскимъ таоистамъ, европейскіе средневѣковые алхимики искали зачатковъ своего искусства въ глубокой древности. По ихъ вѣрованіямъ, Ною былъ извѣстенъ жизненный элексиръ; нѣкоторые дошли даже до того, что производили первый слогъ въ словѣ химія и второй въ словѣ алхимія отъ имени его сына Хама, котораго они считали знатокомъ этого искусства. Моисей, по словамъ этихъ писателей, также хорошо былъ знакомъ съ алхиміей, такъ какъ онъ могъ то растворять золото въ водѣ, то заставлять его всплывать на поверхность. Въ Римѣ и Константинополѣ мнимые дѣлатели золота и серебра бойко торговали въ теченіе двухъ первыхъ вѣковъ христіанской эры, а еще столѣтіемъ позднѣе Каліостро и его жена заработали груды золота, продавая въ Брюсселѣ жизненный элексиръ.

Увлеченіе китайцевъ магіей при династіяхъ Цинъ и Западной Ханьской было, повидимому, такъ же сильно, какъ южно-океанская манія у нашихъ предковъ. Весь народъ, начиная отъ императора, искалъ избавленія отъ болѣзни и бѣдности. Всѣ дѣла были запущены, поля заброшены, рынки опустѣли, и только таоистскіе жрецы наживались на счетъ легковѣрія и безумія своихъ соотечественниковъ.

Къ числу самыхъ легковѣрныхъ принадлежалъ императоръ Ву,

который не жалѣлъ денегъ на всѣ затѣи таоистовъ. Стоило только сказать ему, что Хуангъ-Ти построилъ такіе-то и такіе-то храмы въ честь геніевъ, и онъ тотчасъ же приказывалъ соорудить точно такіе же. Его, напримѣръ, убѣдили построить дворецъ, который служилъ бы сторожевою башней для геніевъ. Въ этотъ дворецъ вело безчисленное множество дверей; онъ былъ окруженъ садами, гдѣ въ прудахъ плавали рыбы и гады, вывезенные, будто бы, со Счастливыхъ острововъ, а въ большихъ каменныхъ птичникахъ содержались птицы всѣхъ породъ и величинъ. Императоръ Ву посвятилъ культу геніевъ гору Тай и воздвигъ жертвенный холмъ у ея подножія. На освященіи этихъ мѣстъ императоръ присутствовалъ самолично, а ночью, послѣ церемоніи, яркій сверхъестественный свѣтъ озарилъ холмъ, который, такимъ образомъ, сдѣлался священнымъ.

Такое чрезмѣрное усердіе не могло продолжаться долго. Многочисленныя предсказанія и льстивыя обѣщанія таоистскихъ жрецовъ не оправдывались, и даже самые суевѣрные люди съ теченіемъ времени перестали имъ довѣрять. Смерть сплошь да рядомъ полагала предѣлъ долгоденствію, которое жрецы обѣщали въ награду, и люди сплошь да рядомъ убѣждались, что пресловутое производство золота лишь обманъ; поэтому немудрено, что они стали тяготиться такою системой надувательства.

Въ эту эпоху таоизмъ уже не представлялъ религіи и не оказывалъ вліянія на поведеніе вѣрующихъ. При дворѣ императора Ву царила величайшая безнравственность, и таоистскіе писатели безъ стѣсненія разсказываютъ о легендарномъ романѣ императора и прекрасной посѣтительницѣ Си-Вангъ-Му. Жрецы только эксплуатировали общую жажду наживы и долголѣтія, и, кто приписывалъ себѣ бóльшее могущество, тотъ получалъ бóльшіе барыши. „Я умѣю, — говорилъ Ли-Шао-Кюнъ императору, — затвердить снѣгъ и превратить его въ бѣлое серебро. Я умѣю превратить киноварь въ желтое золото. Я могу управлять дракономъ и летать на край земли. Я могу сѣсть верхомъ на сѣдого журавля и подняться надъ девятью небесами“. За эти мнимыя способности онъ сдѣлался избраннымъ совѣтникомъ императора и удостоился высшихъ почестей.

Смерть императора Ву (въ 87 г. до Р. X.) была невознаградимою потерей для таоистскихъ жрецовъ. Никто изъ государей не бралъ ихъ подъ свое покровительство и не оказывалъ имъ существенной поддержки. Даже перемѣна династіи не была для нихъ благопріятною. Прошли ихъ золотые дни, и вѣра въ ихъ бредни смѣнилась возрожденіемъ этики Конфуція и мистицизма Лао-Цзы. Въ царствованіе императора Хуана (147—168 г. послѣ Р. X.) на

систему Лао-Цзы было обращено большое вниманіе; съ того же времени начались императорскія жертвоприношенія въ храмѣ, посвященномъ старому философу въ Ку-Хинѣ, на его предполагаемой родинѣ. Въ принятіи народомъ ученія Лао-Цзы уже сказывалось вліяніе буддизма. Пощада жизни была причислена къ основнымъ доктринамъ философа. Появились также легенды о дальнѣйшей судьбѣ Лао-Цзы послѣ его отъѣзда изъ Ханкусскаго прохода, до того сходныя съ жизнеописаніемъ Будды, что нельзя усомниться, изъ какого источника онѣ произошли. Перейдя въ глухую страну, за границей Китая, Лао-Цзы провелъ трое сутокъ подъ тутовымъ деревомъ, гдѣ его искушалъ лукавый. Прекрасныя женщины манили его въ свои объятія, и онъ, почти словами Будды, отклонилъ ихъ предложенія. „Онѣ лишь кожаные мѣшки, наполненные кровью. Если отводишь отъ нихъ взоръ и не имѣешь ничего имъ сказать, тогда только можешь усовершенствовать Тао. Въ нынѣшній вѣкъ чувственныя дѣвушки и легкомысленныя женщины считаются земными совершенствами. Роскошь и дорогія вина испортили вкусъ имперіи“.

Затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, таоизмъ былъ въ загонѣ. Въ царствованіе Тай-Кина (569—583 г. послѣ Р. Х.) изданъ былъ указъ, уничтожавшій всякія религіозныя братства буддійскихъ жрецовъ и монахинь и таоистскихъ ученыхъ и запрещавшій проповѣдь всякаго ученія, которое не содержится въ Конфуціанскихъ классикахъ. Послѣ смерти этого монарха для еретиковъ настали лучшія времена; при сѣверной династіи Вей и таоизмъ, и буддизмъ отчасти пользовались императорскимъ покровительствомъ. При императорѣ Тай-Ву-Ти (424—452) былъ возвратъ къ суевѣрной погонѣ за жизненнымъ элексиромъ и философскимъ камнемъ, и таоистскій ученый Као-Кинъ-Чи сдѣлался совѣтникомъ императора. Императоръ призналъ, что, благодаря его совѣтамъ, на имперію сошелъ миръ, и, по его настоянію, открыто перешелъ въ таоизмъ, а во время торжественнаго жертвоприношенія, получилъ чудодѣйственный талисманъ въ знакъ своей приверженности доктринамъ Лао-Цзы.

Въ силу строгихъ правилъ нелегко было получить такой талисманъ. Кандидатъ милосердіемъ, любовью, покоемъ и самоисправленіемъ долженъ былъ сначала заслужить долгоденствіе, а затѣмъ, сдѣлавшись геніемъ, онъ уже могъ достигнуть сліянія съ Тао. Каждому, кто такимъ образомъ совершенствовалъ себя, давался талисманъ въ видѣ бѣлой книги, въ которой были записаны пять тысячъ іероглифовъ (по числу іероглифовъ Тао-те-кинга), состоявшихъ изъ именъ небесныхъ чиновъ и непонятныхъ для мірянъ заклинаній отъ демоновъ. Передъ полученіемъ талисмана

кандидатъ подвергался посту. Въ день самой церемоніи онъ приносилъ жрецу подарокъ и золотое кольцо; жрецъ принималъ подарокъ, а кольцо перерѣзалъ пополамъ и возвращалъ ему одну половину, а другую оставлялъ у себя въ залогъ произнесеннаго обѣта. Вмѣстѣ съ талисманомъ иногда давалась печать съ изображеніемъ солнца, луны и звѣздъ, которая помогала владѣльцу излѣчивать болѣзни, безъ пораненія наступать на ножи и безъ ожоговъ проходить черезъ огонь.

Эти талисманы цѣлое столѣтіе были въ ходу у таоистовъ. Подобно другимъ суевѣрнымъ наслоеніямъ таоизма и это приписывалось Лао-Цзы. Тутъ еще разъ сказалось, какъ мало китайцы понимали ученіе „стараго философа". Въ подтвержденіе этого приведемъ отрывокъ изъ сочиненія Ко-Хунга, одного изъ знаменитѣйшихъ таоистскихъ ученыхъ четвертаго вѣка, гдѣ говорится о цѣли вышеупомянутыхъ талисмановъ. „Всѣ горы, — говорилъ онъ,—населены злыми духами, болѣе или менѣе могущественными, смотря по величинѣ горы. Если путникъ не имѣетъ протекціи, то ему грозитъ бѣда. Онъ заболѣетъ или пронзенъ будетъ колючками, или же его поразятъ странныя видѣнія и необычайные звуки. Онъ увидитъ, что деревья движутся, но не отъ вѣтра, а камни, безъ явной причины, будутъ срываться съ грозныхъ скалъ и обрушиваться на него. Онъ собьется съ пути и попадетъ въ пропасть или будетъ растерзанъ волками и тиграми. Не нужно переходить черезъ горы зимою. Третій мѣсяцъ года — самый благопріятный для такихъ путешествій, а для отъѣзда нужно выбирать счастливый день. Необходимо также за нѣсколько дней до этого поститься и очищаться и носить подходящій талисманъ.

„Иногда нужно имѣть при себѣ зеркало, такъ какъ живыя существа къ старости, благодаря своей чистой части, могутъ принимать человѣческую форму. Въ такомъ случаѣ зеркало покажетъ ихъ въ настоящемъ видѣ. Оно должно быть девяти вершковъ въ поперечникѣ и его нужно привѣшивать на шею. Обманщики-духи не смѣютъ приблизиться къ нему. Если кто-нибудь изъ нихъ подойдетъ къ путнику съ дурными намѣреніями, то въ зеркалѣ получитъ настоящее изображеніе чудовища. Если же это будетъ геній, или какой-нибудь добрый горный духъ, то и это видно будетъ въ зеркалѣ".

Чтобы подтвердить значеніе талисмановъ, тотъ же таоистскій писатель приводитъ слѣдующій разсказъ: „Подъ горою Линъ-Лу была живая бесѣдка — жилище демона. Путешественникъ, который тамъ останавливался, заболѣвалъ и умиралъ. Ночью тамъ показывались сорокъ-пятьдесятъ лицъ, одѣтыхъ въ желтыя, черныя

или бѣлыя платья. Однажды Пихъ-И остался переночевать въ этомъ мѣстѣ. Онъ зажегъ свѣчу и пѣлъ священныя пѣсни до полуночи. Въ это время пришли человѣкъ десять и усѣлись играть противъ него. Пихъ-И потихоньку вынулъ зеркало и увидѣлъ въ немъ отраженіе группы собакъ. Тогда онъ взялъ свѣчу, поднесъ ее близко къ платью одного изъ присутствующихъ и подпалилъ его. Внезапно пронесся запахъ присмоленной шерсти. Тогда онъ выхватилъ ножъ и вонзилъ его въ одного изъ демоновъ. Раздался возгласъ: „я убитъ", и на землѣ осталась бездыханная собака. Остальныя же убѣжали".

Таковы были суевѣрныя воззрѣнія, къ которымъ примкнулъ Тай-Ву-Ти, принявъ талисманъ отъ Тао-Кинъ-Чи. Послѣдній еще больше постарался воспользоваться довѣріемъ своего патрона, доказывая, что ему удалось открыть секретъ жизненнаго элексира. Но напитокъ, который онъ давалъ людямъ, не продлилъ его собственной жизни. Онъ умеръ отъ болѣзни, не достигнувъ старости. Хотя историки сообщаютъ подробности его смерти и упоминаютъ о роскошныхъ похоронахъ, которыя ему устроилъ императоръ, и о таоистскихъ церемоніяхъ, совершенныхъ при этомъ случаѣ, все же его послѣдователи утверждаютъ, что онъ не умеръ, а драконъ унесъ его на небо.

Какъ показываетъ вышеупомянутое повѣріе, въ народъ уже проникли нѣкоторыя буддійскія понятія. На ряду съ талисманами развилась система, извѣстная подъ именемъ Линъ-Янга или самообузданія. Ея приверженцы, аскеты, должны были сидѣть прямо и поджавъ ноги, но не для того, чтобы подчинить плоть духу и, такимъ образомъ, слиться съ Тао, и не для того, чтобы, подобно буддистамъ, войти въ Нирвану, а для того, чтобы прожить нѣсколько лишнихъ лѣтъ и соперничать въ долгоденствіи съ древними таоистами. Предполагалось, что это положеніе можетъ продлить жизнь, такъ какъ оно сохраняетъ дыханіе въ легкихъ и предотвращаетъ смерть, которая есть результатъ непрерывнаго выдыханія. Спокойствіе и отрѣшеніе отъ міра помогало также побѣдить другого житейскаго врага — страсти. Итакъ, аскетъ, въ молчаніи сидѣвшій въ своей уединенной пещерѣ, осиливалъ разрушеніе, свойственное и тѣлу и духу человѣка, и на счетъ радостей жизни выгадывалъ нѣсколько лѣтъ заточенія. Возможно, что такое существованіе содѣйствовало долголѣтію, и вѣра въ то, что древніе таоисты жили дольше обыкновеннаго, имѣетъ свои основанія. Извѣстно, напримѣръ, что квакеры долговѣчны; это обыкновенно, приписываютъ тому, что они избѣгаютъ всякихъ возбужденій. Древніе таоисты, достигая покоя, чистоты и бездѣятельности, какъ проповѣдывалъ Лао-Цзы, несомнѣнно, въ значи-

тельной мѣрѣ, избѣгали того тренія, которое сокращаетъ жизнь людей, пробивающихъ себѣ путь въ жизни.

Тѣло, по мнѣнію таоистовъ, возстановляется каждыя сутки, въ теченіе которыхъ человѣкъ дѣлаетъ тринадцать тысячъ пятьсотъ вдыханій. Человѣкъ вбираетъ въ себя совершенное дыханіе неба и земли, которое не только сохраняетъ тѣло отъ разрушенія, но еще увеличиваетъ количество и чистоту четырехъ стихій (земля, вода, огонь и воздухъ), изъ которыхъ тѣло состоитъ. При такомъ положеніи вещей нравъ бываетъ веселымъ, здоровье не страдаетъ ни отъ жара ни отъ холода, и ни заботы, ни волненія не тревожатъ ума. Тѣло легко, кости крѣпки, дыханіе сильно, духъ чистъ, и жизнь длится безконечно.

Если же источникъ жизни не силенъ, жизненная эссенція жидка и дыханіе слабо, то тѣло разрушается и не возстановляется. Вмѣсто того, чтобы пріобрѣтать совершенное дыханіе неба и земли, оно скопляетъ въ себѣ избытокъ женскаго начала природы и лишь малое количество мужского начала. Въ результатѣ дыханіе слабѣетъ, — наступаетъ болѣзнь; дыханіе прекращается, — человѣкъ умираетъ.

Аскетизмъ и общественное богослуженіе скоро привились къ ученію Лао-Цзы, и императоръ Тай-Хо (477—500) ознаменовалъ свое царствованіе построеніемъ храмовъ и убѣжищъ для таоистскихъ ученыхъ въ подражаніе буддійскимъ монастырямъ, которые уже были распространены по всей имперіи. Внѣшнее сходство, которое установилось въ обрядахъ и церемоніяхъ таоистовъ и буддистовъ, повело къ постояннымъ спорамъ между представителями обѣихъ религій. Буддисты были озлоблены за то, что таоистскіе кудесники и алхимики пользовались покровительствомъ императора и утверждали, что ихъ противники не больше, какъ фокусники. Таоисты, въ свою очередь, доказывали, что буддисты — пришельцы въ Китаѣ и, если не принять рѣшительныхъ мѣръ, то они неизбѣжно навлекутъ бѣду, внося иностранный элементъ въ имперію.

Таково было положеніе враждебныхъ сторонъ при вступленіи на престолъ императора Ву (566—578). Таоисты и буддисты такъ добивались его покровительства, что онъ созвалъ совѣтъ изъ двухъ тысячъ ученыхъ и жрецовъ, чтобы рѣшить вопросъ о превосходствѣ той или другой системы. По зрѣломъ размышленіи императоръ объявилъ свой приговоръ. Онъ отвелъ обѣимъ религіямъ мѣсто послѣ конфуціанства, но поставилъ таоизмъ выше буддизма. Къ этому времени буддисты такъ же уклонились отъ ученія Будды, какъ таоисты отъ ученія Лао-Цзы, и обряды обѣихъ сектъ сдѣлались въ высшей степени безнравственными. Это обстоятельство, въ связи съ ихъ взаимными столкновеніями, побудило императора,

вскорѣ послѣ рѣшенія совѣта, издать указъ, запрещающій обѣ упомянутыя формы культа. Но это запрещеніе было вскорѣ опять снято, и императоръ Цингъ (580—581) не только призналъ обѣ религіи, но приказалъ, чтобы во всѣхъ храмахъ, гдѣ стояли изображенія Будды и Тинь-Цуня, „почитаемаго на небѣ", т. е. Лао-Цзы, они занимали бы одинаково почетное мѣсто и обращены были бы на югъ.

Со вступленіемъ на престолъ династіи Тангъ, таоизмъ сталъ брать верхъ надъ своимъ чужеземнымъ соперникомъ. Мечты о жизненномъ элексирѣ и о философскомъ камнѣ опять стали волновать умы. Всегда находятся обманщики, готовые воспользоваться слабостями человѣчества, и съ возрожденіемъ этихъ суевѣрій появились колдуны, приписывавшіе себѣ знаніе завѣтныхъ тайнъ. Въ царствованіе Чингъ-Куана (627—650) въ числѣ другихъ алхимиковъ былъ иностранецъ, нѣкто Набуръ Сопо, вѣроятно, монголъ по происхожденію, и его-то считаютъ изобрѣтателемъ жизненнаго элексира. При слѣдующемъ императорѣ (650—684) таоисты продолжали господствовать, и Лао-Цзы былъ канонизированъ по императорскому указу, который провозгласилъ его Юанъ-Юанъ-Хуангъ-Ти, т. е. Императоромъ Первой Темной Причины. Императоръ такъ преклонялся передъ его личностью, что рѣшился на новшество и ввелъ его сочиненія для экзаменаціонныхъ темъ на ряду съ произведеніями Конфуція. Мало того, онъ требовалъ отъ подвластныхъ ему народовъ, чтобы они изучали таоизмъ.

До того времени офиціальныя должности раздавались только конфуціанцамъ, но отнынѣ не только таоисты, но даже буддисты были признаны пригодными для общественной службы. Зато они принуждены были подчиниться конфуціанскимъ обрядамъ, а особый указъ императора Кай-Юана (713—742) повелѣвалъ имъ относиться къ родителямъ съ почтительностью, какъ предписывалъ мудрецъ. Наподобіе главныхъ учениковъ Конфуція, Кай-Юанъ канонизировалъ Чуангъ-Цзы и нѣкоторыхъ другихъ послѣдователей Лао-Цзы и, такимъ образомъ, поставилъ таоизмъ на одинъ уровень съ конфуціанствомъ. Онъ также сочувствовалъ алхиміи и вызвалъ упреки министровъ за то, что принялъ порцію „золотого лѣкарства". Благодаря покровительству императоровъ, таоистскія чудеса стали появляться все чаще, и завершились, наконецъ, явленіемъ самого Лао-Цзы, который возвѣстилъ, что въ бесѣдкѣ Инъ-Хи, въ Ханкусскомъ проходѣ, хранится мистическій талисманъ. Императоръ послалъ на розыски, и, разумѣется, талисманъ былъ найденъ. Въ царствованіе этого императора Лао-Цзы явился еще разъ; въ благодарность за такую великую милость, императоръ назначилъ святому титулъ: „Великій мудрецъ-предокъ", и повелѣлъ

раздавать по всей имперіи Тао-те-кингъ. При остальныхъ императорахъ династіи Тангъ таоизмъ лишь изрѣдка встрѣчалъ поддержку, а временами даже подвергался гоненію. Въ царствованіе Пао-ли (825—827), таоистскіе ученые своими интригами и притѣсненіями навлекли гнѣвъ императора и въ силу указа изгнаны были изъ провинцій Куангъ-тунгъ и Куангъ-си. Но при Хвуй-Чангѣ судьба опять улыбнулась имъ, и, по ихъ настояніямъ, буддизмъ былъ офиціально признанъ чужеземною религіей.

Все это время таоистскіе жрецы не подчинялись строгой дисциплинѣ. Законъ или, вѣрнѣе, обычай безбрачія, установившійся у нихъ съ распространеніемъ буддизма, не ставился ни во что. Въ общественныхъ дѣлахъ они ничѣмъ не отличались отъ мірянъ. Они женились, воспитывали дѣтей, занимались земледѣліемъ, посѣщали рынки и были на такомъ же положеніи, какъ простые торговцы, за исключеніемъ уплаты налоговъ, отъ которыхъ ихъ избавляли указы обращенныхъ въ таоизмъ императоровъ. Однако, при первомъ императорѣ изъ династіи Сунгъ (960—976) возстановлены были прежнія строгости, и таоистскимъ жрецамъ запрещено было вступать въ бракъ. Въ царствованіе Хвей-Цунга (1101—1126) буддистамъ предписано было принять таоистскія наименованія для своей іерархіи. Сакія долженъ былъ называться *Тинъ-Цинъ*, Почетный въ Небѣ, Будда — *То-Зы*, Великій Учитель, логанъ — *Цунъ-Чай*, Почетный, а жрецъ — *Тихъ-Зы*. Нѣкоторымъ таоистскимъ жрецамъ даны были офиціальные чины и право суда надъ церковью.

Благоволеніе императоровъ династіи Сунгъ навлекло на нихъ преслѣдованіе, когда въ сѣверной части имперіи манчжуры водворили *Кинъ*, или Золотую династію. Быть другомъ Сунговъ, значило быть врагомъ династіи Кинъ; поэтому завоеватели манчжуры съ презрѣніемъ и отвращеніемъ относились къ таоистамъ. Свобода исповѣданія была значительно стѣснена, и мандаринамъ выше третьяго чина запрещено было поддерживать какія бы то ни было сношенія съ жрецами этой секты.

Зато у монголовъ, воспитанныхъ на суевѣріяхъ, таоисты нашли значительную поддержку. Лишь только арміи Чингизъ-Хана появились на сѣверной границѣ имперіи, какъ таоистскіе алхимики и кудесники стали подъ его знамена. Исторія гласитъ о томъ, что они объяснили многія странныя знаменія и сообщили предсказанія, которыя впослѣдствіи сбылись. Ихъ искусство имѣло такой успѣхъ, что появилось нѣсколько таоистскихъ сектъ, которыя всѣ приписывали себѣ сверхъестественныя силы и пользовались покровительствомъ императоровъ. Говорятъ, что Кублай-ханъ во время болѣзни своей жены просилъ таоистскихъ жрецовъ помо-

литься объ ея выздоровленіи, и ихъ молитвами — неизвѣстно кому — она поправилась. За эту услугу Кублай осыпалъ жрецовъ почестями и сдѣлалъ щедрые вклады въ ихъ храмы и монастыри. Полковникъ Yule говоритъ слѣдующее о таоистахъ этой эпохи: „На праздникѣ одного изъ ихъ божествъ, такъ называемаго Великаго Императора Темнаго Неба, они собираются передъ храмомъ, разводятъ костеръ пятнадцати или двадцати футовъ въ поперечникѣ, и переходятъ черезъ него босикомъ со жрецами во главѣ и со своими богами на рукахъ. Они увѣряютъ, что истинно-вѣрующій не пострадаетъ отъ огня. Но жрецы и народъ получаютъ при этомъ отчаянные ожоги. Escayrac de Lauture говоритъ, что они прыгаютъ, пляшутъ и кружатся около огня и пронзаютъ воображаемыхъ чертей прямыми, похожими на римскіе, мечами, а иногда наносятъ себѣ раны, какъ древніе жрецы Ваала и Молоха“.

Вступившій въ 1368 году на престолъ основатель китайской династіи Лингъ, Хунгъ-Ву, нашелъ, что таоисты составляли могущественную и популярную секту. Разсудивъ, что не выгодно объявить войну такой многочисленной корпораціи, онъ попытался направить теченіе, котораго не могъ преградить. Онъ издалъ указы, запрещающіе таоистскимъ жрецамъ жить отдѣльно или носить красное платье на манеръ монгольскихъ буддистовъ и шамановъ. Онъ распорядился также, чтобы всѣ жрецы, желающіе оффиціальнаго признанія, сдавали конкурсный экзаменъ по конфуціаискимъ классикамъ и, такимъ образомъ, сохранялась бы связь между ними и населеніемъ имперіи. У преемниковъ Хунгъ-Ву таоисты встрѣчали то поддержку, то немилость. Такъ, при Юнгъ-Ло ихъ притязанія на сверхъестественное могущество не пользовались вниманіемъ, хотя ученіе Лао-Цзы встрѣчало должное уваженіе. Одинъ честолюбивый жрецъ думалъ убѣдить Юнгъ-Ло въ подлинномъ существованіи жизненнаго элексира, но императоръ отвѣтилъ ему: „Единственное средство, чтобы пріобрѣсти долговѣчность, состоитъ въ томъ, чтобы очистить сердце и освободиться отъ желаній“. Такимъ образомъ, онъ позаимствовалъ наставленіе, которое Куангъ-Чингъ-Цзы далъ за четыреста лѣтъ до того людямъ, желавшимъ долго жить на землѣ: „Не насилуйте своего зрѣнія и слуха. Держите тѣло въ покоѣ и умъ въ мирѣ, и наградой за это вамъ будетъ долгоденствіе“.

При Хунгъ-Чи (1488—1506) покровительство прежнихъ императоровъ смѣнилось явною враждебностью. Алхимія была строго запрещена, какъ нелѣпое суевѣріе, и императоръ открыто смѣялся надъ догматами таоизма. Однажды, указывая на горящій храмъ, Хунгъ-Чи сказалъ жрецу: „Если бъ тѣ, кому вы поклоняетесь, были богами, то развѣ они допустили бы, чтобъ ихъ жилище

сгорѣло, или, по крайней мѣрѣ, не спаслись бы сами?“ Хотя слѣдующіе императоры изъ династіи Мингъ не высказывали такого недовѣрія, все же таоисты не встрѣчали того покровительства, какъ при династіи Чингизъ-Хана. Съ возстановленіемъ манчжурскаго владычества, въ 1636 году, таоисты лишились даже ничтожной поддержки послѣдняго времени. Одинъ изъ первыхъ указовъ императора Ц'унгъ-Тиха (1636—1644) былъ направленъ противъ таоистовъ, кудесниковъ и другихъ еретиковъ, которые смущаютъ людей своимъ ученіемъ, и поэтому ихъ нужно устранить. Но подобные люди не вымираютъ, и въ царствованіе Кангхи (1661—1721) они попрежнему занимались своимъ ремесломъ и пріобрѣли такую силу, что императоръ рѣшилъ воспрепятствовать ихъ вліянію на народъ. По его указу, всякій кудесникъ или таоистъ, который лѣчилъ отъ болѣзни чарами, подлежалъ Департаменту Наказаній, и всякій больной, который прибѣгалъ къ услугамъ этихъ шарлатановъ, долженъ былъ понести возмездіе. Далѣе, онъ приказалъ считать преступниками членовъ сектъ: „Ничегонедѣлателей“, „Бѣлой Лиліи“, „Возжигателей ѳиміама“, „Хунгъ“, „Происхожденіи Хаоса“, „Происхожденія Дракона“ и „Великой Колесницы“, а лицъ, собирающихся для чтенія сутръ или устраивающихъ процессіи со знаменами и колокольнымъ звономъ, повелѣлъ наказывать розгами или же надѣвать имъ кангъ [1]).

---

[1]) *Кангъ* — доска, въ которую просовывали голову и руки осужденнаго.
Прим. пер.

ГЛАВА VI.

Книга Наградъ и Наказаній.

Хотя современный таоизмъ, какъ мы видѣли, имѣетъ много общаго съ буддизмомъ, но онъ отличается отъ него въ тѣхъ именно чертахъ, гдѣ буддизмъ противорѣчитъ національному духу. Со временъ Конфуція, китайцы держались убѣжденія, что слѣдствія ихъ поступковъ не идутъ за предѣлы могилы, и поэтому нужно въ нынѣшней жизни ожидать награды за добродѣтельное поведеніе или наказанія за нечестивое. Во всемъ, что буддизмъ проповѣдуетъ о небѣ и адѣ, таоизмъ расходится съ нимъ и стоитъ заодно съ конфуціанствомъ.

Подобно конфуціанству, современный таоизмъ исключилъ непонятную философію и туманныя изреченія Тао-те-кинга, а только вывелъ изъ него систему нравственности. Насколько правила Кангъ-Хи резюмируютъ народное конфуціанство, настолько же *Канъ-интъ пинъ*, или Книга Наградъ и Наказаній, и *Инъ-чихъ-ванъ*, или Книга Тайныхъ Благословеній, содержатъ все, что нынѣшній народъ считаетъ существеннымъ въ таоизмѣ.

Эпоха перваго произведенія неизвѣстна, но во всякомъ случаѣ авторомъ его не можетъ быть Лао-Цзы, какъ увѣряютъ таоисты. Эта книга состоитъ изъ двухсотъ-двѣнадцати правилъ, снабженныхъ примѣрами изъ исторіи Китая до временъ диаастіи Мингъ. Мы знаемъ также, что Книга Наградъ и Наказаній входила въ большое собраніе таоистскихъ сочиненій, которое было напечатано въ концѣ XVI вѣка, подъ заглавіемъ Тао-Чангъ. Въ силу этого вѣроятно, что она появилась не ранѣе пятнадцатаго или шестнадцатаго столѣтія. Если древность ея и подлежитъ сомнѣнію, то по простотѣ и практической мудрости своего ученія она сдѣлалась однимъ изъ популярнѣйшихъ таоистскихъ сочиненій. Китайцы такъ вѣрятъ въ ея поучительность, что возводятъ раздачу этой книги въ религіозную обязанность. Изъ мѣстныхъ типографій выходитъ изданіе за изданіемъ по требованію благотворителей, которые распространяютъ множество экземпляровъ среди лицъ неимущихъ.

Въ виду того, что это сочиненіе больше другихъ оказываетъ вліянія на современныхъ таоистовъ, мы приводимъ его переводъ.

„Лао-Цзы сказалъ, что счастье и несчастье не предопредѣлено заранѣе, а человѣкъ вызываетъ то или другое своимъ поведеніемъ. Награда за добро и зло слѣдуетъ, какъ тѣнь за человѣкомъ".

„Для этого на небѣ и на землѣ существуютъ духи, на обязанности которыхъ—разслѣдовать грѣхи людей. Смотря по степени проступковъ, они уменьшаютъ жизнь людей на стодневные періоды. Если отбавленъ стодневный періодъ, то человѣкъ мало-помалу впадаетъ въ бѣдность, подвергается различнымъ бѣдствіямъ и затрудненіямъ. Всѣ люди ненавидятъ его. Наказаніе и несчастіе сопровождаютъ его, удача и счастье покидаютъ его. Злополучныя планеты посылаютъ на него бѣды, а когда всѣ стодневные періоды исчерпаны, тогда онъ умираетъ".

„Есть также Три Совѣтника и „Сѣверный Вѣнецъ", Князь Духовъ, которые поставлены надъ людьми. Они ведутъ счетъ людскимъ преступленіямъ и грѣхамъ и отсчитываютъ двѣнадцатилѣтніе и стодневные періоды".

„Есть также три духа, по имени *Санъ-Чихъ*, которые обитаютъ въ тѣлахъ людей. Когда наступаетъ день *Кангъ-Шинъ* [1]), то они являются въ небесный дворецъ и даютъ отчетъ о людскихъ преступленіяхъ и грѣхахъ".

„То же дѣлаетъ духъ семейнаго очага (который завѣдуетъ жизнью всѣхъ членовъ семьи) въ послѣдній день каждаго мѣсяца".

„За тяжелый грѣхъ изъ жизни человѣка вычитается двѣнадцать лѣтъ. За прегрѣшеніе — сто дней".

„Существуетъ нѣсколько тысячъ большихъ и малыхъ грѣховъ. Кто хочетъ достигнуть безсмертія, долженъ заранѣе избѣгать ихъ".

„Иди по истинному пути и отступай съ дурного пути".

„Не ходи по извилистой тропинкѣ".

„Не выдавай семейной тайны".

„Собирай добродѣтели и накопляй достоинства".

„Обращайся кротко съ животными".

„Выказывай прямодушіе и сыновнее благочестіе. Будь ласковъ съ младшими братьями и почтителенъ со старшими братьями".

„Исправляйся самъ и исправляй людей".

„Жалѣй сиротъ и сострадай вдовамъ".

„Почитай стариковъ и покровительствуй дѣтямъ".

„Не губи ни насѣкомыхъ, ни животныхъ, ни деревьевъ".

„Сочувствуй чужому несчастью".

„Радуйся чужому благополучію".

---

[1]) 53 день по счету.

„Помогай нуждающимся“.

„Спасай людей въ опасности. Радуйся успѣху другихъ и сочувствуй ихъ неудачамъ, какъ будто бы ты былъ бы на ихъ мѣстѣ“.

„Не выдавай чужой вины“.

„Не хвались своимъ превосходствомъ“.

„Предупреждай зло и превозноси добро“.

„Воздерживайся много, а бери мало“.

„Принимай княжескія милости со страхомъ“.

„Оказывай милость, не разсчитывая на награду“.

„Подавай охотно“.

„Человѣкъ, который все это дѣлаетъ, называется добродѣтельнымъ. Всѣ люди уважаютъ его. Провидѣніе покровительствуетъ ему. Его ожидаютъ удачи и чины. Демоны бѣгутъ отъ него. Богоподобные духи охраняютъ его. Онъ преуспѣваетъ во всемъ, за что берется, и можетъ надѣяться на безсмертіе“.

„Кто хочетъ сдѣлаться безсмертнымъ на небѣ, долженъ совершить тысячу-триста добрыхъ дѣлъ“.

„Кто мыслитъ неправедно, тотъ будетъ поступать противъ здраваго смысла“.

„Не считай насилія доказательствомъ ловкости“.

„У кого безчеловѣчное сердце, тотъ будетъ жестокъ въ обращеніи“.

„Не клевещи тайно на добродѣтельныхъ“.

(„Кто клевещетъ явно, — говоритъ Чуангъ-Цзы, — того накажутъ люди, а кто клевещетъ тайно, того накажутъ демоны“).

„Не презирай въ душѣ своего князя и своихъ родителей“.

„Не будь непочтительнымъ къ своимъ наставникамъ“.

„Не возставай противъ тѣхъ, кому служишь“.

„Не пользуйся невѣжествомъ людей, чтобы обманывать ихъ лживыми рѣчами“.

„Не клевещи на своихъ соучениковъ“.

„Не лги, не прибѣгай къ хитрости и обману“.

„Никогда не разглашай вины своихъ родителей.

„Не будь рѣзкимъ, жестокимъ или безчеловѣчнымъ“.

„Никогда не торопись удовлетворять своихъ причудъ“.

„Никогда не смѣшивай справедливаго съ несправедливымъ“.

„Учись различать, какихъ друзей нужно выбирать и какихъ избѣгать“.

„Никогда не обращайся дурно съ низшими, чтобы пріобрѣсти заслугу“.

„Не льсти начальству въ надеждѣ на его милость“.

„Не забывай благодѣяній“.

„Не питай злобы".

„Не относись легко къ жизни людей".

„Не вноси тяжелыхъ реформъ въ управленіи имперіей".

„Не награждай нечестивыхъ".

„Не наказывай невинныхъ".

„Не совершай убійства ради прибыли".

„Не сталкивай другого, чтобы занять его мѣсто".

„Не убивай враговъ, которые сдаются, и не казни тѣхъ, которые покоряются".

„Не изгоняй добродѣтельныхъ, и мудрецовъ не подвергай нуждѣ".

„Не обижай сиротъ и не притѣсняй вдовъ".

„Не нарушай закона и принимай подарки".

„Не дѣлай кривымъ того, что прямо, и прямымъ того, что криво".

„Не равняй ошибокъ съ преступленіями".

„Не поддавайся гнѣву, наказывая подсудимаго".

„Чувствуя за собой вину, исправь ее".

„Если знаешь, что справедливо, дѣлай это".

„Не сваливай своей вины на другого".

„Не препятствуй искусствамъ и торговлѣ".

„Не навлекай презрѣнія и не клевещи на святыхъ и мудрецовъ".

„Не обращайся жестоко и не оскорбляй тѣхъ, кто изучаетъ истину и добродѣтель".

„Не стрѣляй птицъ, не охоться на звѣрей".

„Не выгоняй насѣкомыхъ изъ ихъ норокъ, не спугивай птицъ съ вѣтки".

„Не забивай насѣкомымъ норокъ, не разоряй птичьихъ гнѣздъ".

„Не убивай самокъ съ дѣтенышами, не разбивай птичьихъ яицъ".

„Не желай другому несчастья".

„Не умаляй чужихъ заслугъ".

„Не подвергай другихъ опасности ради собственнаго благополучія".

„Не добивайся прибыли на счетъ другихъ".

„Не давай дурного товара взамѣнъ хорошаго".

„Не поступайся общественнымъ благомъ изъ личныхъ соображеній".

„Не ѣшь людей поѣдомъ".

„Не скрывай чужихъ добродѣтелей".

„Не указывай на чужіе недостатки".

„Не раскрывай частныхъ дѣлъ".

„Не воруй чужого имущества и богатства".

„Не разлучай мужа и жену, которые соединены между собою какъ плоть съ костями".

„Не помогай другому дѣлать зло".

„Не поддавайся своенравнымъ страстямъ и не старайся дѣйствовать на другихъ силой".

„Не оскорбляй людей, чтобы восторжествовать надъ ними".

„Не уничтожай зрѣющей нивы".

„Не разстраивай браковъ".

„Не добывай денегъ нечестнымъ путемъ и не гордись своимъ богатствомъ".

„Если ты счастливо избѣжалъ наказанія, то все-таки краснѣй за свое преступленіе".

„Не приписывай себѣ чужихъ преимуществъ и не взваливай на другихъ позора своей вины".

„Не навязывай другимъ своихъ несчастій и не торгуй своими преступленіями".

„Не покупай незаслуженной похвалы".

„Не таи въ себѣ вѣроломнаго сердца".

„Не хули чужихъ совершенствъ и не скрывай собственныхъ несовершенствъ".

„Не пользуйся своею силой, чтобы угнетать и притѣснять другихъ".

„Не позволяй себѣ жестокости, убійства и пораненій".

„Не рѣжь матеріи безъ надобности".

„Не убивай домашнихъ животныхъ и не приготовляй ихъ мяса иначе, какъ по обрядамъ".

„Не уничтожай и не выбрасывай пяти сортовъ зерна".

„Не изнуряй людей и животныхъ и не причиняй имъ страданія".

„Не разоряй семействъ и не отнимай у людей ихъ имуществъ".

„Не открывай шлюзовъ и не дѣлай поджоговъ съ тѣмъ, чтобы уничтожать чужія жилища".

„Не разстраивай людямъ плановъ и надеждъ съ тѣмъ, чтобы отнять у нихъ заслуги".

„Не лишай людей ихъ орудій, напримѣръ: ученаго — кисти, солдата — меча, плотника — инструментовъ, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать ихъ безпомощными".

„Если видишь человѣка, пользующагося славой и почетомъ, то не желай ему изгнанія изъ страны".

„Если видишь богатаго человѣка, то не желай ему разоренія или растраты".

„Не завидуй красотѣ".

(„Красивое лицо вызываетъ восхищеніе міра, но не обманываетъ Неба").

„Не желай смерти своему заимодавцу".

„Не проклинай тѣхъ, которые не хотятъ исполнить твоей просьбы, и не питай къ нимъ ненависти“.

„Не приписывай потери, которую понесъ человѣкъ, его собственной винѣ“.

„Не смѣйся надъ чужимъ уродствомъ“.

„Не препятствуй возвышенію талантливаго или достойнаго человѣка“.

„Не зарывай изображенія человѣка, чтобы навлечь на него кошмаръ“.

(Здѣсь намекается на обычай погребать деревянное изображеніе человѣка, чтобы околдовать его. Позднѣе въ Шанхаѣ и другихъ мѣстностяхъ нерѣдки бывали обвиненія въ производствѣ бумажныхъ людей, которые душили живыхъ людей во снѣ).

„Не отравляй деревьевъ твоего сосѣда“.

„Не питай дурныхъ чувствъ къ своимъ наставникамъ“.

„Не сопротивляйся и не наноси оскорбленія отцу и старшимъ братьямъ“.

„Не занимайся кражами и воровствомъ“.

„Не обогащайся грабежомъ и насиліемъ“.

„Не старайся возвыситься путемъ обмана и плутовства“.

„Не жалуйся на несправедливое присужденіе наградъ и наказаній“.

„Не предавайся удовольствіямъ и наслажденіямъ“.

„Не вникай подробно въ ошибки подчиненныхъ и не обращайся съ ними дурно“.

„Не пугай и не ужасай огорченныхъ“.

„Не ропщи на Небо и на свою судьбу и не обвиняй людей“.

„Не брани вѣтра и не ругай дождя“.

„Не возбуждай ссоръ и тяжбъ между людьми“,

„Не знайся со злодѣями“.

„Не слушай, что тебѣ говоритъ жена и наложницы“.

„Не нарушай повелѣній отца и матери“.

„Изъ-за новыхъ вещей не забывай старыхъ“.

„Не говори никогда того, чего ты не думаешь“.

„Не домогайся слѣпо богатства и не обманывай своего начальства“.

„Не клевещи на невинныхъ“.

„Не позорь другихъ и не выставляй себя честнымъ и искреннимъ“.

„Не злоупотребляй хмельными напитками и не выставляй себя добродѣтельнымъ“.

„Не отказывайся отъ обязанностей, предписанныхъ разумомъ, и не дѣлай того, что не согласно съ разумомъ“.

„Не поворачивайся спиной къ своимъ настоящимъ родителямъ и не ищи родителей на сторонѣ".

„Не призывай Небо и Землю свидѣтелями твоей невинности въ преступныхъ сношеніяхъ".

„Не направляй проницательнаго взора боговъ на нечестивыя дѣла".

„Не жалѣй о поданной милостынѣ".

„Плати долги".

„Не добивайся большаго, чѣмъ тебѣ предназначено Небомъ".

„Не растрачивай всей силы на достиженіе цѣли".

(Древніе говорили: „Если у тебя есть сила и могущество, то не злоупотребляй ими").

„Не предавайся удовольствіямъ выше мѣры".

„Не показывай кроткаго вида, если ты жестокъ въ сердцѣ своемъ".

„Не угощай людей тухлою ѣдой".

„Не совращай народа лжеученіями".

„Не употребляй фальшивой мѣры, короткаго аршина, легкихъ вѣсовъ и маленькой кварты".

„Не поддѣлывай товара".

„Не ищи мошеннической прибыли".

„Не заставляй почтенныхъ людей заниматься низкимъ ремесломъ".

„Не обманывай невинныхъ и не разставляй имъ сѣтей".

„Не домогайся ненасытно чужого имущества".

„Не клянись своей невинностью передъ богами".

„Не люби вина и не будь расточительнымъ".

„Не вступай въ рѣзкіе споры съ близкими родственниками".

„Если хочешь быть мужчиной, будь искреннимъ и прямодушнымъ".

„Если хочешь быть женщиной, будь кроткой и послушной".

„Живи въ согласіи съ женой".

„Жены, почитайте мужей".

„Не хвастайся".

„Не ревнуй и не завидуй".

„Обращайся разумно съ женою и дѣтьми".

„Жены, не забывайте обязанностей къ свекру и свекрови".

„Не относись съ презрѣніемъ къ душамъ своихъ предковъ".

„Не сопротивляйся приказаніямъ начальства".

„Не дѣлай ничего безполезнаго".

„Не будь двуличнымъ".

„Не проклинай себя и другихъ".

„Не будь несправедливымъ ни въ любви, ни въ ненависти".

(„Кто видитъ мудреца, тотъ любитъ его; кто любитъ порочнаго человѣка, тотъ ненавидитъ его. Если ты кого-нибудь незаслуженно ненавидишь, то, значитъ, закрываешь глаза на его достоинства, а если кого пристрастно любишь, то, значитъ, слѣпъ къ его недостаткамъ“).

„Не прыгай черезъ колодецъ или очагъ“.

(„Въ колодцахъ и очагахъ живутъ особые духи, и, прыгая черезъ нихъ, ты не только оскорбляешь боговъ, но и показываешь, что забылъ двѣ вещи, лежащія въ основѣ человѣческой жизни“).

„Не переступай ни черезъ пищу, ни черезъ людей“.

(*Санъ-кванъ-кингъ* гласитъ: „Кто не уважаетъ зернового хлѣба и загрязняетъ его, переступая черезъ него, того будутъ презирать“... Конфуцій говорилъ: „Тотъ, кто первый сталъ вырѣзывать людей изъ дерева, былъ лишенъ потомства, такъ какъ онъ дѣлалъ ихъ по подобію человѣка и употреблялъ при похоронахъ“).

„Не убивай своихъ дѣтей ни послѣ рожденія, ни до того, какъ они увидятъ свѣтъ“.

„Не дѣлай ничего тайнаго или необычайнаго“.

(Конфуцій говорилъ: „Я не подражаю тѣмъ, которые ищутъ сокровенныхъ вещей или прибѣгаютъ къ чудесному, чтобы угадать будущее“).

„Не пой и не пляши въ послѣдній день мѣсяца или въ послѣдній день года“.

(„Въ послѣдній день мѣсяца Духъ Очага, который завѣдуетъ жизнью людей, возносится на небо, чтобы доложить объ ихъ заслугахъ и прегрѣшеніяхъ... Въ послѣдній день года Духи Неба и Земли разсматриваютъ добродѣтели и грѣхи людей и присуждаютъ имъ награды и наказанія“).

„Не кричи и не сердись въ первый день мѣсяца или утромъ“.

„Не плачь и не плюй, обратившись на сѣверъ“.

(„На сѣверѣ живетъ князь Сѣверныхъ Звѣздъ. Сѣверный полюсъ — ось Неба... Если ты осмѣливаешься плакать или плевать, обратившись на сѣверъ, то ты оскорбляешь боговъ и оскверняешь ихъ присутствіе, и этимъ укорачиваешь жизнь, предназначенную тебѣ Небомъ“).

„Не пой и не плачь передъ очагомъ“.

„Не воскуривай ѳиміама на огнѣ, взятомъ изъ очага“.

„Не приготовляй пищи на грязныхъ дровахъ“.

„Не вставай ночью нагимъ и непокрытымъ“.

(„Боги выходятъ ночью. Люди, которые въ это время встаютъ нагими и непокрытыми, совершаютъ тяжкое преступленіе“).

„Не назначай наказаній въ восемь дней или *Па-Цехъ*, т. е. 4-го февраля, 21-го марта, 6-го мая, 21-го іюня, 8-го августа, 23-го сентября, 8-го ноября и 22-го декабря.

(„Въ каждый изъ этихъ дней чередуются мужское и женское начала природы и такая же перемѣна происходитъ въ человѣческомъ тѣлѣ. Если въ это время назначать тѣлесное наказаніе, то осужденный можетъ умереть подъ розгами").

„Не плюй на падучія звѣзды".

(„Это явленіе, Верховный Владыка посылаетъ, чтобы предостеречь людей и отвратить ихъ отъ грѣховъ. Поэтому люди должны быть исполнены страха, выказывать добродѣтель и приносить жертвы, чтобы предотвратить угрожающія опасности").

„Не указывай на радугу".

(„Окончивъ книгу о Сыновнемъ Благочестіи, Конфуцій выдержалъ строгій постъ и затѣмъ, обратившись къ созвѣздію Сѣвернаго Вѣнца, онъ почтительно объяснилъ побужденія, въ силу которыхъ онъ написалъ это произведеніе. Тогда съ неба упала радуга и превратилась въ кусокъ желтаго нефрита, который Конфуцій принялъ съ глубокимъ поклономъ").

„Не указывай дерзко на солнце, луну и звѣзды".

„Не поджигай хвороста, чтобы охотиться весною".

(„Весною растенія и деревья начинаютъ пускать побѣги, и насѣкомыя выводятъ дѣтенышей. Въ это время природа даетъ жизнь и ростъ всѣмъ существамъ. Если мы имъ приносимъ погибель, то противимся Небу и убиваемъ множество его созданій").

„Не бранись, обратившись на сѣверъ".

„Не убивай безъ надобности черепахъ и змѣй".

(„Черепаха и змѣя соотвѣтствуютъ сѣверному созвѣздію, такъ называемому Хуанъ-Ву. Убивая этихъ животныхъ безъ законнаго основанія, человѣкъ навлекаетъ на себя ужасныя несчастья").

„Богъ, завѣдующій жизнью человѣка, записываетъ всѣ его грѣхи и, смотря по ихъ тяжести, высчитываетъ изъ его жизни двѣнадцатилѣтніе или стодневные періоды. Когда исчерпаны дни, то человѣкъ умираетъ, а если къ смерти какой-нибудь грѣхъ останется неискупленнымъ, то наказаніе падаетъ на его сыновей и внуковъ".

„Если человѣкъ неправедно присвоиваетъ чужое богатство, то духи пересчитываютъ его женъ и дѣтей и поочередно посылаютъ имъ смерть, пока не будетъ достигнуто извѣстное искупленіе. Если же домочадцы останутся въ живыхъ, то бѣдствія, пожары, наводненія, кражи, обманы, потери, болѣзни, клевета или доносы уравновѣсятъ неправедно пріобрѣтенное имущество".

„Убивающіе невинныхъ подобны врагамъ, которые обмѣниваются оружіемъ и умерщвляютъ другъ друга“.

„Тотъ, кто неправедно отнимаетъ чужое имущество, подобенъ человѣку, который утоляетъ голодъ испорченнымъ мясомъ или жажду — отравленнымъ виномъ. На минуту онъ чувствуетъ удовлетвореніе, но вскорѣ неминуемо долженъ умереть“.

„Если ты замыслишь въ сердцѣ добро, хотя ничего добраго не сдѣлалъ, то добрые духи послѣдуютъ за тобою. Если ты замыслишь въ сердцѣ зло, хотя зла не сдѣлалъ, то злые духи послѣдуютъ за тобою“.

„Если согрѣшившій раскается, исправится, будетъ воздерживаться отъ дурныхъ поступковъ и совершать всякія добрыя дѣла, то, подъ конецъ онъ достигнетъ радости и блаженства. Это называется перемѣной злосчастья на счастье“.

„Хорошій человѣкъ добродѣтеленъ въ словахъ, взглядахъ и дѣлахъ. Если онъ ежедневно проявляетъ эти три добродѣтели, то, по истеченіи трехъ лѣтъ, Небо ниспошлетъ на него благословенія. Дурной человѣкъ пороченъ въ словахъ, взглядахъ и дѣлахъ. Если онъ ежедневно проявляетъ эти три порока, то, по истеченіи трехъ лѣтъ, Небо ниспошлетъ на него бѣдствія“.

„Почему же намъ не стараться дѣлать добро?“

ГЛАВА VII.

Книга Тайныхъ Благословеній.

Въ *Инъ-Чихъ-Ванъ* также нѣтъ ссылокъ на доктрины таоизма; эта книга содержитъ только рядъ высоконравственныхъ правилъ. Обыкновенно приписываютъ ея составленіе Ванъ-Чангу Ти-Кюнъ, но имя ея настоящаго автора неизвѣстно. Духъ милосердія, который сквозитъ въ ней, вызываетъ одинаковое сочувствіе буддистовъ, конфуціанцевъ и таоистовъ. Послѣ *Канъ-инъ-пина* это самая популярная религіозная книга въ Китаѣ.

Ея ученіе основано на необходимости очищенія сердца для того, чтобы приготовиться къ праведнымъ дѣламъ. Будь честнымъ и прямодушнымъ, говорится въ ней, и обновляй свое сердце. Будь сострадательнымъ и любящимъ. Будь преданъ своему господину и оказывай почтеніе родителямъ. Уважай старшихъ братьевъ и будь вѣренъ друзьямъ. Помогай несчастнымъ. Спасай тѣхъ, кто въ опасности. Выпускай на свободу птицу, попавшую въ силокъ. Жалѣй сиротъ и вдовъ. Почитай стариковъ. Будь ласковъ съ бѣдными. Накорми голоднаго; одѣнь нагого; похорони покойника. Употребляй правильный вѣсъ и мѣру и не обременяй народъ налогами. Помоги больному и напой жаждущаго.

Щади жизнь животнымъ и воздерживайся отъ кровопролитія. Старайся не раздавить насѣкомыхъ на дорогѣ и не выжигай лѣсовъ, чтобы не сгубить жизни. Держи на окнѣ зажженую свѣчу, чтобы освѣтить дорогу путнику, и имѣй наготовѣ лодку, чтобы онъ могъ переправиться черезъ рѣку. Не раскидывай сѣтей на горѣ для ловли птицъ и не отравляй рыбъ и гадовъ въ водѣ.

Никогда не уничтожай писанной бумаги. Не заключай союзовъ противъ твоего сосѣда. Избѣгай ссоръ и остерегайся волновать дурную кровь. Не пользуйся своею властью для того, чтобы обезчестить добрыхъ, и своимъ богатствомъ для того, чтобы угнетать бѣдныхъ. Люби добро и убѣгай отъ лица дурного человѣка, чтобы не подпасть злу. Скрывай вину твоихъ сосѣдей и говори только объ ихъ добрыхъ дѣлахъ. Пусть твои уста выражаютъ истинныя чувства твоего сердца. Убирай камни и мусоръ съ дороги, поправляй тропинки и строй мосты.

Въ чужихъ краяхъ произноси поученія, чтобы усовершенствовать человѣчество, и жертвуй свое состояніе на благо ближнимъ. Во всѣхъ дѣлахъ слѣдуй правиламъ Неба, а въ словахъ руководись чистымъ человѣческимъ сердцемъ. Помни всегда о древнихъ мудрецахъ и тщательно слѣди за своею совѣстью. Что хорошаго оставитъ тотъ, кто занимается „тайными благодѣяніями?"

Таковы главныя правила этого произведенія, которое состоитъ всего изъ пятисотъ-сорока-одного слова, но оказывало, и до сихъ поръ оказываетъ, невѣроятное вліяніе на народную массу. Оно выдержало не одну тысячу изданій; а выраженія его сдѣлались ходячими по всей имперіи. Благотворители безплатно раздаютъ его на улицахъ, а стараніями граверовъ и комментаторовъ оно по размѣру достигло изящнаго томика.

Упомянутыя два произведенія смѣло можно считать выразителями нравственной стороны современнаго таоизма. Изъ нынѣшнихъ таоистовъ мало кто интересуется разсужденіями Лао-Цзы или мечтаніями его первыхъ послѣдователей. Всѣ гонятся только за личными благами, главнымъ образомъ, земными, но также и нравственными. Чтобы заполучить первыя, они прибѣгаютъ къ магическимъ сочиненіямъ своей секты и къ ихъ толкователямъ, таоистскимъ жрецамъ. Они покупаютъ талисманы, подвергаются заклинаніямъ по требованію жаждущихъ барыша шарлатановъ, съ неослабѣвающимъ интересомъ изучаютъ совѣты и рецепты, указанные въ многочисленныхъ книгахъ и брошюрахъ.

Нѣкоторыя изъ этихъ книгъ содержатъ буддійскія воззрѣнія; такъ, въ нихъ обыкновенно проповѣдуется ученіе объ адѣ, не освященное таоистскимъ церковнымъ уставомъ. Нерѣдко встрѣчаются литургіи на подобіе буддійскихъ, а иногда въ этихъ молитвенникахъ воспроизведена не только форма, но даже и выраженія индусскихъ книгъ.

ГЛАВА VIII.

Таоистскія божества.

Мы уже говорили о тѣсной связи, которая существуетъ между таоизмомъ и буддизмомъ, и ни въ чемъ она не выражается такъ ярко, какъ въ таоистскомъ сонмѣ боговъ. Основатель религіи, Лао-Цзы, не признавалъ боговъ и богинь, и только со времени введенія буддизма послѣдователи его стали воздвигать святилища и статуи. Естественно, первымъ обоготвореннымъ лицомъ былъ самъ Лао-Цзы. По примѣру буддистовъ, которые поклоняются Сакія-Муни въ трехъ лицахъ, какъ Татхагатѣ трехъ временъ: настоящаго, прошедшаго и будущаго, они сдѣлали Лао-Цзы высшимъ предметомъ поклоненія съ титуломъ Санъ-Цингъ, или „три чистыхъ". Каждое лицо этой троицы стали изображать иконой. Подобно тому, какъ при входѣ въ буддійскій храмъ, взоръ останавливается на трехъ изображеніяхъ Татхагаты трехъ временъ, такъ въ таоистскихъ „дворцахъ" ,главное мѣсто занимаетъ Лао-Цзы въ тройственномъ видѣ.

Хотя Лао-Цзы является главнымъ предметомъ почтительнаго поклоненія, но такъ какъ онъ — чистый представитель отвлеченнаго созерцанія, то невозможно было допустить, что онъ свѣдущъ въ земнымъ дѣлахъ. Нужно было создать бога, который, какъ владыка вселенной, взялъ бы на себя непосредственное управленіе людскими дѣлами, и которому люди могли бы повѣрять свои надежды и печали. Такое существо было изобрѣтено подъ именемъ Юхъ-Хуангъ-Шангъ-Ти, или Драгоцѣннаго Императорскаго Бога, который управляетъ вещественнымъ міромъ. Съ теченіемъ времени, когда возвысились кудесники и алхимики, мысль о томъ, что все въ природѣ состоитъ изъ двухъ частей, матеріи и ея сущности, породила вѣрованіе, что звѣзды — утонченныя сущности вещей, и поэтому ихъ нужно считать богами, достойными общества Юхъ - Хуангъ - Шангъ - Ти. Въ землѣ считали пять элементовъ, именно: металлъ, дерево, вода, огонь и земля, которымъ въ небѣ соотвѣтствуютъ планеты: Венера, Юпитеръ, Меркурій, Марсъ и Сатурнъ. Многія другія звѣзды также были обоготворены, и имъ

приписывалось непосредственное могущественное вліяніе на судьбы людей. Таоистъ усматриваетъ въ небѣ эѳирную копію окружающаго міра. Вѣруя, что между оригиналомъ и копіей существуетъ такое же отношеніе, какъ между тѣломъ и душой, таоисты не ограничились почитаніемъ сущностей, а стали поклоняться соотвѣтствующимъ видимымъ предметамъ, какъ-то: горамъ, долинамъ, потокамъ и рѣкамъ.

Большая Медвѣдица играетъ большую роль въ культѣ звѣздъ; одна часть ея считается дворцомъ женскаго божества Тоу-Му, а другая посвящена богу Квей-Сингъ. Силы природы также олицетворены въ таоистской миѳологіи. Богу грома повсемѣстно воздается поклоненіе. Говорятъ, что онъ является подъ различными видами и наполняетъ всѣ страны своими воплощеніями. Когда онъ разсуждаетъ о доктринахъ, то его иога покоится на девяти прекрасныхъ птицахъ. Тридцать-шесть полководцевъ ждутъ его приказаній. Отъ него изошла одна знаменитая поучительная книга. Его приказанія быстры, какъ вѣтеръ и огонь. Онъ побѣждаетъ демоновъ силою своей мудрости. Онъ отецъ и учитель всѣхъ живыхъ существъ. Изъ другихъ подобныхъ божествъ отмѣтимъ: Мать Молніи, Духа Моря, Царя Моря и Владыку Теченія. Храмы Царя Дракона привлекаютъ особенно много поклонниковъ, которые всевозможными кривляніями признаютъ могущество этого сильнаго чудовища. Змѣи считаются проявленіями этого божества; при наводненіяхъ образованные и необразованные люди одинаково воздаютъ имъ поклоненіе. Во время наводненія въ Тянъ-Цинѣ въ 1874 г. змѣя укрылась въ храмѣ близъ города и забралась въ алтарь. Жрецы не только не подумали выгнать ея, а, напротивъ, привѣтствовали ее, какъ священную гостью, предвѣщающую счастье, и вице-король этой провинціи Ли-Хунъ-Чангъ самолично воздалъ ей поклоненіе, какъ олицетворенію Царя Дракона.

Кромѣ этихъ общихъ божествъ, есть еще боги, завѣдующіе различными дѣлами и ремеслами людей. Число боговъ, въ сущности, неограничено, а такъ какъ въ интересахъ жрецовъ — поощрять всякое поклоненіе въ храмахъ, то всегда легко присоединить къ таоистскому сонму пару-другую новыхъ боговъ. Учащіеся приспособили себѣ бога, который слѣдитъ за литературными работами своихъ поклонниковъ. *Ванъ-Чангъ-Ти-Кюнъ* или богъ литературы, согласно легендѣ, есть духъ Чангъ-Чунга, одного чиновника изъ временъ династіи Чоу. При слѣдующихъ династіяхъ онъ появлялся на землѣ въ образѣ людей, извѣстныхъ ученостью и добродѣтелью; наконецъ, при династіи Юанъ онъ былъ обоготворенъ и получилъ титулъ: „Покровитель династіи Юанъ, распространитель возобновляющихъ вліяній Зы-Лу-Ванъ-Чангъ, богъ и владыка“.

Съ этого обоготворенія начался его официальный культъ въ имперіи. Два раза въ году, именно третьяго числа второго и восьмого мѣсяца, въ каждомъ алтарѣ представители императора взываютъ къ нему и приносятъ ему жертвы. При этомъ особый чиновникъ читаетъ слѣдующую положенную молитву:

„Въ (такой-то) день, (такой-то) луны, (такого-то) года, императоръ посылаетъ своего чиновника (имярекъ) принести жертву богу Ванъ-Чангу и сказать: „О божественный, ты проявилъ свое присутствіе въ Тунгѣ, въ западной странѣ. Твоей (планеты) ось (небесная) обращается вокругъ сѣвернаго полюса; ты сіяешь ярко въ созвѣздіяхъ; ты придаешь блескъ благопріятнымъ судьбамъ.

„Изъ поколѣнія въ поколѣніе ты посылалъ на землю свое чудодѣйственное вліяніе. Ты былъ владыкой ученія среди людей. Поддерживая все справедливое, ты давно ярко сіяешь и вызываешь благодарность въ сердцахъ людей. Тебѣ надлежитъ приносить почтительную дань въ видѣ благоуханной жертвы. Нынѣ, посреди весны (или посреди осени), мы совершаемъ должное поклоненіе. Да будетъ тебѣ угоденъ дымъ этого жертвоприношенія и его ароматъ. Брось взоръ, мы умоляемъ тебя, на наше благоговѣніе и смиреніе".

Культъ, воздаваемый самимъ императоромъ, отражается и на народной массѣ. Въ каждомъ городѣ на частныя средства или же по подпискѣ устраиваются храмы въ честь Ванъ-Чанга, гдѣ таоистскіе жрецы и предсказатели съ успѣхомъ занимаются своимъ ремесломъ. Иногда храмы примыкаютъ къ школамъ. Дѣлается это для того, чтобы ученики всегда имѣли доступъ къ святилищу божества, отъ благосклонности котораго зависитъ ихъ успѣхъ или провалъ на конкурсныхъ экзаменахъ. Въ главномъ придѣлѣ храма находятся алтарь и святилище. Внутренность святилища занимаетъ „почтенная фигура, сидящая въ покойной и полной достоинства позѣ. Позолоченныя черты ея лица носятъ кроткое выраженіе; птица спускается къ ней на колѣни, гдѣ она держитъ сложенныя руки. Противъ нея стоятъ узкія перпендикулярныя таблицы въ глубокихъ рѣзныхъ рамахъ, перечисляющія титулы обожаемаго существа".

Въ Кантонѣ до десятка подобныхъ храмовъ, поддерживаемыхъ честолюбивыми учениками или ихъ родственниками. Въ Чутунгъ-юнѣ, гдѣ, по преданію, родился Ванъ-Чангъ, находится главный храмъ въ его честь. На одной изъ среднихъ балокъ этого зданія укрѣпленъ мѣдный орелъ, и изъ его клюва къ алтарю спускается веревочка. Къ ней привязана кисть, которою богъ, будто бы, пишетъ таинственныя слова на столѣ, усыпанномъ пескомъ. Эти небесныя посланія, обыкновенно, предвѣщаютъ наступленіе

бѣдствій. Говорятъ, что въ 1853 году жрецы храма такимъ путемъ намекнули знаменитому вице-королю Іеху на политическія смуты, которыя стали угрожать провинціямъ.

Солдаты поклоняются богу войны Куанъ-Ти, который на землѣ носилъ имя Куанъ-Ю. Въ началѣ земной жизни онъ торговалъ бобами; но душа его не лежала къ такому низкому ремеслу, и такъ какъ время (онъ жилъ при Ханьской династіи во II вѣкѣ), благопріятствовало честолюбивымъ предпріятіямъ, то онъ поступилъ въ солдаты и завоевалъ себѣ почести и извѣстность. Онъ удостоенъ былъ даже баронскаго титула. Коварные враги обманомъ захватили его и обезглавили. Много вѣковъ память о немъ жила только въ исторіи; но въ XII столѣтіи онъ былъ канонизированъ подъ именемъ Чунгъ-Хву-Кунга, или „патріотическаго и искуснаго герцога“, а вслѣдъ затѣмъ былъ возведенъ въ княжескій санъ. Обоготворенъ онъ былъ при императорѣ Тао-Куангѣ. Когда магометанское возстаніе при Чангъ-Кихурѣ (1828 г.) было подавлено, то императоръ издалъ слѣдующій указъ:

„Съ тѣхъ поръ, какъ установлено было троецарствіе нашей династіи, его величество Куанъ-Ти часто со славой оказывалъ намъ свою духовную и божественную помощь“.

„Главнокомандующій Чангъ-Лингъ доложилъ въ прошломъ году что когда мятежники подъ начальствомъ Чангъ-Кихура приблизились къ Аксу и на нихъ напали наши войска, то внезапно поднялся вѣтеръ, который наполнилъ воздухъ пескомъ и пылью. Въ это время мятежники въ отдаленіи увидѣли на небѣ зарево, и всѣ были перебиты или взяты въ плѣнъ.

„Въ другой разъ, когда Чангъ-Лингъ велъ войска къ рѣкѣ Хуанъ, мятежники всю ночь тревожили нашъ лагерь, пока не поднялась сильная буря, которая помогла нашимъ войскамъ незамѣтно броситься на враговъ. Безчисленное множество ихъ попало въ плѣнъ, и имъ отрѣзали уши.

„На слѣдующее утро мятежники признали, что видѣли посреди зарева огромныхъ лошадей и рослыхъ людей, съ которыми они не могли бороться и поэтому принуждены были бѣжать.

„Всѣ эти знаменія произошли отъ нашего упованія и надежды на духовное величіе и грозное могущество Куанъ-Ти, который молча исторгъ души мятежниковъ и помогъ намъ живьемъ схватить злое чудовище (Чангъ-Кихура) и навѣки успокоить границу.

„Поэтому должно усугубить нашу искреннюю преданность Куанъ-Фу-Цзы, чтобъ обезпечить его покровительство и покой народа на десятки и сотни тысячъ лѣтъ.

„И я приказываю, чтобы Департаментъ Церемоній изготовилъ новыя выраженія, чтобъ прибавить къ титулу Куанъ-Фу-Цзы въ

знакъ благодарности за покровительство славнаго бога. Внимайте этому".

Еще разъ (въ 1855 г.), когда войско подъ начальствомъ главнаго тайпинга предавало огню и мечу центральныя провинціи имперіи, Куанъ-Цзы сталъ на сторону государственной арміи и помогъ ей одержать блестящую побѣду надъ мятежниками. За эту милость царствующій императоръ Хингъ-Фунгъ указомъ повелѣлъ воздавать Куанъ-Ти такія же божескія почести, какъ Конфуцію. Трудно сказать, дѣйствительна или притворна вѣра властей въ это божество.

Образованные люди, большею частью, считаютъ такія воззрѣнія за суевѣрія; однако, правительство охотно пользуется ими, чтобы поддержать свой авторитетъ и убѣдить народъ, что даже боги сражаются противъ враговъ Великой Чистой Династіи.

Вѣроятно, ни одному богу не воздается такого ревностнаго поклоненія, какъ Цай-Шину, богу богатства. Хотя главные таоистскіе писатели и не одобряютъ стремленія къ наживѣ и почестямъ, но естественная жажда богатства поборола всѣ религіозныя предостереженія и угрозы и такъ же сильна у таоистовъ, какъ у самаго корыстолюбиваго народа на свѣтѣ. Ни одинъ богъ не можетъ похвалиться такимъ количествомъ храмовъ, какъ Цай-Шинъ. Каждый купецъ, получившій въ годичномъ итогѣ барыши, за оказанную ему милость приноситъ обѣщанную жертву подателю богатства. Тотъ же, кто боится убытка, старается умилостивить бога жертвоприношеніями и подарками.

Три второстепенныхъ бога звѣздъ, отъ которыхъ зависятъ счастье, чины и долгоденствіе, пользуются большою популярностью среди матеріалистовъ-китайцевъ. Буддисты проповѣдуютъ счастье Нирваны, таоисты распространяются о преимуществахъ воплощенія въ Тао, но практичный китаецъ предоставляетъ всѣ эти отвлеченныя цѣли проповѣдникамъ, а самъ ищетъ болѣе осязательныхъ благъ. Если бы таоистскіе храмы не имѣли алтарей, посвященныхъ богамъ счастья, богатства, чиновъ и старости, то жрецамъ пришлось бы плохо, и три четверти храмовъ должны были бы пустовать.

Въ культѣ этихъ боговъ, за исключеніемъ сопровождающаго его грубаго суевѣрія, нѣтъ ничего характернаго для таоизма. О нынѣшнемъ упадкѣ таоизма свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что, если желаютъ возвеличить какое-нибудь народное божество, такъ къ его алтарю приставляютъ таоистскихъ жрецовъ. На ряду съ обязанностями стражей, эти шарлатаны занимаются прорицаніемъ и врачеваніемъ. Купецъ, интересуясь узнать, удастся или не удастся ему рискованная сдѣлка; мать, желая удостовѣриться,

ожидаютъ ли ея ребенка служебныя почести, богатство и долгоденствіе, или же бѣдность и несчастье, обращаются къ таоистскому жрецу. Жрецъ прекрасно знаетъ всѣ плутни, имѣющія видъ сверхъестественной мудрости, и даетъ двусмысленные отвѣты, которые удовлетворяютъ, хоть на время, суевѣрнымъ запросамъ вѣрующихъ. Врачебные совѣты жрецовъ также мало обоснованы. *Gray* слѣдующимъ образомъ описываетъ случай, который произошелъ на его глазахъ въ одномъ кантонскомъ храмѣ: „Въ то время, какъ я осматривалъ храмъ, какой-то отецъ принесъ лѣчить жрецамъ своего сына, увѣряя, что ребенокъ одержимъ бѣсомъ. Вопросивъ идола, жрецы заявили, что въ тѣлѣ ребенка цѣлыхъ пять бѣсовъ, которыхъ они берутся изгнать за извѣстную плату. Отецъ согласился. Ребенка поставили противъ алтаря; на полу у ногъ его жрецы положили пять яицъ, заклиная бѣсовъ перейти въ нихъ. Лишь только бѣсы, какъ предполагалось, вошли въ яйца, главный жрецъ накрылъ ихъ глинянымъ горшкомъ и громко затрубилъ въ рогъ. Когда сняли горшокъ, то яйца, благодаря ловкому фокусу, оказались въ самомъ горшкѣ, а не на землѣ. Затѣмъ жрецъ обнажилъ руку и сдѣлалъ надрѣзъ ланцетомъ; кровь, показавшуюся изъ ранки, онъ смѣшалъ въ особой чашечкѣ съ нѣсколькими каплями воды. Обмокнувъ въ кровь печать храма съ именемъ идола, жрецъ заклеймилъ ею кисти рукъ, затылокъ, спину и лобъ бѣднаго языческаго ребенка, у котораго былъ простой припадокъ перемежающейся лихорадки“.

Къ многочисленнымъ богамъ, которыхъ признаютъ современные таоисты, относятся три небесныхъ управителя, наиболѣе характерныхъ для этой секты: первый—*Цзы-вей-ти-кюнъ*, правитель неба, распредѣляетъ счастіе; второй—*Цингъ-Лингъ-ти-кюнъ*, правитель земли, прощаетъ грѣхи; третій—*Янгъ-коу-ти-кюнъ*, правитель воды, предотвращаетъ опасность. Кромѣ нихъ, существуютъ *Санъ-тай*, или три совѣтника, которые слѣдятъ за поступками отдѣльныхъ лицъ. Они завѣдуютъ жизнью и смертью каждаго человѣка и могутъ продлить или сократить его дни. Существуютъ также *Санъ-чи*, на обязанности которыхъ — вести списки дѣяній, хорошихъ или дурныхъ, каждаго человѣка. Есть богъ семейнаго очага, который смотритъ за всею семьей и за каждымъ ея членомъ въ отдѣльности, и масса другихъ божествъ.

Лишь немногимъ ниже этихъ боговъ стоитъ Іерархъ Вѣры, который живетъ пышно въ Лунгъ-ху-шанѣ, или Драконовыхъ и Тигровыхъ горахъ, въ провинціи Кянгъ-си. Этотъ священнослужитель считается земнымъ представителемъ Юхъ-Хуангъ-Шангъ-Ти, который есть не что иное, какъ высшая форма одного изъ его предковъ. Со времени обоготворенія этого святого, всегда нахо-

дился членъ его фамиліи, чтобы занять престолъ жреца. Какъ въ Тибетѣ лама, такъ и здѣсь жрецъ офиціально избирается по жребію изъ числа членовъ опредѣленной фамиліи. Въ назначенный для выбора день всѣ мужчины сходятся въ домѣ жреца и бросаютъ въ глиняный сосудъ съ водой кусочки свинца, на которыхъ написаны имена присутствующихъ. Кругомъ стоятъ жрецы, заклиная „Трехъ Чистыхъ Духовъ", чтобы кусочекъ свинца, на которомъ стоитъ имя избранника боговъ, всплылъ на поверхность. О результатѣ выборовъ сообщаютъ императору, отъ котораго зависитъ ихъ утвержденіе. Номинально этотъ іерархъ поставленъ надъ всѣми жрецами секты, но на дѣлѣ онъ рѣдко вступаетъ въ сношенія со своими подчиненными. Какъ говорятъ, нынѣшній іерархъ — самый заурядный человѣкъ, мало образованный и мало проникнутый величіемъ своего положенія.

Умственное и нравственное развитіе этого жреца показываетъ, каково вообще состояніе современнаго таоизма, который утратилъ всякіе слѣды философіи и истины. Взамѣнъ поисковъ безконечнаго, которымъ предавался Лао-Цзы, его послѣдователи-жрецы стараются внушать своимъ соотечественникамъ глупѣйшія суевѣрія и обманывать ихъ различными фокусами. Образованные классы смотрятъ на нихъ съ величайшимъ презрѣніемъ, и только тѣ ихъ вѣрованія, которыя въ различное время и по различнымъ причинамъ были одобрены правительствомъ, признаются кѣмъ-нибудь, кромѣ темнаго люда. По закону, кандидатъ на жреческую должность долженъ пройти пятилѣтній курсъ наукъ, послѣ чего онъ произноситъ обѣтъ и получаетъ свидѣтельство отъ мѣстнаго мандарина. Въ сущности же ихъ ученическіе годы посвящены служенію жрецамъ, которые научаютъ ихъ только тѣмъ обманамъ и плутнямъ, которые они сами знаютъ, и составленію двусмысленныхъ отвѣтовъ отъ имени боговъ на запросы больныхъ и умирающихъ. Нравственность жрецовъ стоитъ на самомъ низкомъ уровнѣ, и женскіе монастыри, которые они устроили во всей имперіи по образцу буддійскихъ, служатъ разсадниками порока. Не вѣруя въ Бога, а только въ обоготворенныхъ людей, не зная чистыхъ побужденій, которыми буддисты руководятся въ своихъ стремленіяхъ къ лучшей жизни, съ каждымъ вѣкомъ все больше удаляясь отъ всего благороднаго, безкорыстнаго и истиннаго, современные таоисты во мнѣніи своихъ собратій падали все ниже и ниже, пока не сравнялись съ грубѣйшими идолопоклонниками.

КОНЕЦЪ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

главнѣйшихъ книгъ и статей

ПО ИСТОРІИ РЕЛИГІЙ ДАЛЬНЯГО ВОСТОКА.

Исторія религій вообще.

Мензисъ. Исторія религій. Перев. съ англ. С.-Пб. 1897. Изд, Павленкова. Ц. 1 р.
Мюллеръ, М. Религія, какъ предметъ сравнительнаго изученія. Харьк. 1887.
Хрисанфъ, арх. Религіи древняго міра.
Шантепи де-ля-Соссей. Иллюстрированная исторія религій. Перев. съ нѣм. Москва 1898. Изд. магаз. „Книжное дѣло". Ц. 5 р. 50 к.
Réville, A. Histoire des religions. Paris. Librairie Fischbacher. 1883—1889.
Revue de l'histoire des religions, publiée sous la direction de M. Maurice Vernes avec le concours de M. M. A. Barth, A. Bouché-Leclercq, P. Decharme, St. Guyard, G. Maspero, C. P. Tiele etc. Paris. Ernest Leroux. 1880—83. Pr. 100 francs.
Strauss v. V und Torney. Essays zur allgemeinen Religionswissenschaft. 1879.
Tiele, C. P. Manuel de l'histoire des religions. Esquisse d'une histoire de la religion jusqu'au triomphe des religions universalistes. Traduit du hollandais par M. Vernes. Paris. Ern. Leroux. 1885.
Véron. Histoire naturelle des religions. Paris 1885. 7 fr.

См. также: **Каррьеръ.** Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеалы человѣчества. Москва 1870.— **Коршъ.** Всеобщая исторія литературы, т. I.—**Вейсъ.** Внѣшній бытъ народовъ древняго міра, т. I. М. 1873. — Сочиненія по всеобщей исторіи **Беккера, Вебера, Іегера, Масперо, Петрова, Шлоссера** и др.; сочиненія по исторіи культуры: **Кольба, Леббока, Липперта, Тайлора** и др.

Ведаизмъ и браманизмъ.

Багуатъ Гета или бесѣды Кришны съ Аржуномъ. Съ примѣчаніями, переведенными съ подлинника, писаннаго на древнемъ браманскомъ языкѣ (санскритѣ), на англійскій, а съ сего на россійскій языкъ. Тип. Н. И. Новикова. М. 1788 г. (Библіографическая рѣдкость).
Бартъ. Религіи Индіи. Перев. съ франц. М. 1897. Изд. „Р. Мысли". Ц. 1 р.
Бидпай и Локманъ. Индійскія басни и сказки. Переведены на турецкій языкъ Али-Челеб-Бен-Сали. Начало перевода на французскій языкъ сдѣлано М. Галландомъ и окончено Кардономъ. Русскій переводъ обработалъ В. М. Кіевъ 1876 г.

Веды. Восемь гимновъ Ригъ-Веды. Переводъ Н. Крушевскаго. Казань 1879.
Калидаса. Сакунтала. Индійская драма. Перев. съ санскритскаго Путяты. М. 1879.
— То же. Переводъ С. Эйгесъ. Изд. Суворина. С.-Пб. 1895. Ц. 25 к.
— То же. Переложеніе Маракуева. М. 1883 г. Ц. 8 к.
Каррьеръ, М. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры. М. 1870, Т. I.
Коссовичъ, И. Сундъ и Упесундъ. Эпизодъ изъ Магабгараты. „Москвитянинъ" 1844 г., ч. I, кн. 2.
— Торжество свѣтлой мысли. Драма Кришны Мишры. „Моск. сборн." 1847.
— Сказаніе о Видъягарѣ Джимутаваганѣ. Повѣсть Сомадева-Бгатты. М. 1847.
— Сказаніе о Джувѣ. (Изъ Багавата Пураны). М. 1848.
— О характеристикѣ древне-индійской цивилизаціи и развитіи санскритской литературы. Ж. М. Н. Пр. 1859 г., ч. CIII.
— О санскритскомъ эпосѣ. „Р. Бес." 1860, кн. 6 и 8.
Миллеръ, Вс. Асвины-діоскуры. М. 1876.
Миллеръ, О. Поэзія древней Индіи. „Ж. Мин. Н. Пр." 1856, № 8.
Минаевъ, И. П. Новые факты относительно связи древней Индіи съ Западомъ. „Ж. М. Нар. Пр." 1870, № 8.
— Очерки важнѣйшихъ памятниковъ санскритской литературы. Всеоб. исторія литературы Корша, т. 1, ч. 1.
— Индійскія сказки, собранныя въ Камаонѣ. С.-Пб. 1877 г.
— Индійскія сказки. „Ж. М. Н. Пр." 1874, № 11; 1876, №№ 2, 4 и 5.
— Сказки и легенды. Ученыя Записки истор.-фил. факультета. С.-Пб. 1876 г.
Наль и Дамаянти. Индійская повѣсть, отрывокъ изъ Магабгараты. Перев. В. Жуковскаго. Полн. собр. соч., т. III.
— То же. Пер. И. Коссовича. М. 1851—62. Ц. 2 р.
— То же. Сокр. переложеніе. Изд. Маракуева. М. 1883 г. Ц. 10 к.
Овсяннико-Куликовскій, Д. Н., проф. Разборъ ведійскаго миѳа о соколѣ, принесшемъ цвѣтокъ Сомы. М. 1882.
— Культъ божества Сомы въ древней Индіи въ эпоху Ведъ. Одесса 1884.
— Къ вопросу о быкѣ въ религіозныхъ представленіяхъ древняго Востока. Одесса 1885.
— Къ исторіи культа огня у индусовъ въ эпоху Ведъ. Одесса. 1887.
— Ведійскіе этюды. Индра. „Ж. Мин. Н. Пр." 1891, 3.
— Религія индусовъ въ эпоху Ведъ. „В. Евр." 1892, 4—5.
— Ведійскіе этюды. Сыны Адитій. „Ж. М. Нар. Пр." 1892, 12.
— Зачатки философскаго сознанія у древнихъ индусовъ. „Русское Богатство" 1884, 7.
Отрывки изъ Упанишадъ и Веданты. „Вопр. филос. и псих." 1896, 1.
Сборникъ восточныхъ разсказовъ, легендъ и сказаній. С.-Пб. 1895. Ц. 1 р. 50 к.
Фулье. Исторія философіи. Пер. Николаева. Отрывки изъ сочиненій древнихъ философовъ. М. 1894 г.
Хрисанфъ. Религіи древняго міра, т. I.
Шевыревъ С. Исторія поэзіи. Чтенія въ московскомъ университетѣ. Т. I. Исторія поэзіи индійцевъ и евреевъ, съ приложеніемъ двухъ вступительныхъ чтеній о характерѣ образованія и поэзіи главныхъ народовъ Западной Европы. С.-Пб. Изд. 2-е. 1887 г.
Bergaigne. La religion védique. Paris 1878—83.
Cox, G. W. The mythology of the aryan nations.
Grätz. Geschichte der Inder von den ältesten Zeiten.

Hillebrandt, A. Varuna und Mitra. Breslau 1877.
Kaeggi. Der Rigveda, die älteste Literatur der Inder. Leipz. 1881.
Lassen. Indische Alterthumskunde.
Ludwig, A. Der Rigveda zum ersten Male vollständig ins Deutsche übersetzt mit Commentar und Einleitung. Prag 1876—1883.
— Die philosophischen und religiösen Anschauungen des Veda in ihrer Entwickelung. Pr. 1875.
Müller, M. History of ancient sanscrit literature. Lond. 1859.
— Hibbert Lectures.
— Lectures on the origin and growth of religion.
— Rigveda Sanhita translated and explained. Lond. 1869.
— Sacred Books of the East.
Muir, I. Original sanscrit texts. Lond. 1872.
Oldenberg. Die Hymnen des Rigveda. Berl. 1888.
Pischel und Geldner. Vedische Studien. Stuttgart 1889.
Roth, R. Zur Litteratur und Geschichte des Veda. Stuttgart 1846.
Weber. Indische Literaturgeschichte.
Williams Monier. Indian Wisdom.
Wilson, H. H. Works.

Индуизмъ.

Johnson, I. Oriental religions of India.
Hunter. Imperial Gazeteer of India, vol. VI.
Ward. View of the History, Religion and Literature of the Hindus. 1818.
Wilkins, W. I. Modern Hinduism.
— Hindu Mythology, Vedic and Puranic.
Williams Monier. Hinduism.
— Religion's thought and life of India.
— Indian Wisdom.

Буддизмъ.

Арнольдъ Эдвинъ. Свѣтъ Азіи. Поэма. Пер. Анненской (прозаич.) подъ ред. и съ примѣчаніями В. Лесевича. 2-е изданіе. С.-Пб, 1893.
— Свѣтило Азіи. Переводъ Федорова (стихотвор.). С.-Пб. 1891.
Бартъ. Религіи Индіи. М. 1897.
Буддизмъ въ наукѣ. „Отеч. Зап." 1843 г., 31.
Буддизмъ и его принципы. С.-Пб. 1891.
Васильевъ, В. П. О нѣкоторыхъ книгахъ, относящихся къ исторіи буддизма, въ библіотекѣ казанскаго университета. „Уч. Зап. Импер. Акад. Наукъ", т. III. 1855.
— Буддизмъ, его догматы, исторія и литература. С.-Пб. 1857—1869. (Ч. I. — Общее обозрѣніе. Ч. II не вышла въ свѣтъ. Ч. III.—Исторія буддизма въ Индіи).
— Религіи Востока. „Ж. М. Н. Пр." 1872, № 6.
Гусевъ, А. Нравственный идеалъ буддизма въ отношеніи къ христіанству „Православн. Собесѣдн." 1875, I.
Каленовъ, П. А. Будда, поэма. М. 1885.
Карма. Буддійская сказка. Перев. съ предисловіемъ гр. Льва Толстого. Соч. Л. Н. Толстого, т. XIII.
Карягинъ, К. М. Сакіа-Муни (Будда), его жизнь и философская дѣятельность. Изд. Павленкова. С.-Пб. 1891. Ц. 25 к.
Киплингъ, Р. Чудо Пуранъ Багата. Разсказы. Перев. съ примѣч. С. Ольденбурга. „Міръ Божій" 1897.

Леонардовъ, Н. Краткое изложеніе ученія Будды, составляющаго индійскую религію. Кіевъ 1889.
Лесевичъ, В. Этюды и очерки. С.-Пб. 1886.
— Буддійскій нравственный типъ. „Сѣв. Вѣстн.“ 1886, № 5.
— Новѣйшія движенія въ буддизмѣ, поддерживаемыя и распространяемыя европейцами. „Рус. Мысль“ 1887, № 8.
— Буддійскій катехизисъ.
— Цейлонъ и буддисты.
— Религіозная свобода по эдиктамъ царя Асоки Великаго. „Вопросы Философіи и Психологіи“ 1889, № 1.
Лядовъ, В. Буддизмъ. „Разсвѣтъ“ 1860, № 6.
Минаевъ, И. Пратимокшасутра, буддійскій служебникъ. Приложеніе къ XVI т. Записокъ Императорской Академіи Наукъ. 1869.
— Нѣсколько разсказовъ о перерожденіяхъ Будды. „Ж. М. Н. Пр.“ 1871, № 11.
— Нѣсколько словъ о буддійскихъ джатакахъ. „Ж. Мин. Нар. Просв.“ 1872, № 6.
— Буддизмъ. Матеріалы и изслѣдованія. С.-Пб. 1887.
— Очерки Цейлона и Индіи. II ч. С.-Пб. 1878.
— Спасеніе по ученію позднѣйшихъ буддистовъ. С.-Пб. 1890.
— Пересказы нѣкоторыхъ неизданныхъ джатакъ палійскаго канона. (Изъ бумагъ, оставшихся послѣ смерти автора). „Живая Старина“, изданіе Императорскаго Географ. Общества. 1891, вып. 3 и 4.
Нилъ, архіепископъ. Буддизмъ, разсматриваемый по отношенію къ послѣдователямъ его, обитающимъ въ Сибири. С.-Пб. 1858.
Ольденбергъ, Г. Будда, его жизнь, ученіе и община. Пер. съ нѣм. П. Николаева. 3-е изд. М. 1898.
Ольденбургъ, С. Буддійскій сборникъ „Гирлянда джатакъ“. „Зап. Восточн. Отдѣл. Импер. Русск. Археологич. Общества“, т. VII, 1892.
— Буддійскія легенды. ч. I. С.-Пб. 1894.
Подгорбунскій. Воззрѣнія буддійской священной литературы на женщину. „Изв. Импер. Русск. Геогр. Общ.“, т. XXIV, 1893.
Потанинъ, Г. Коллекція буддійскихъ храмовыхъ предметовъ въ Пекинѣ. „Изв. Импер. Русск. Геогр. Общ.“, т. XXIV, 1893.
Сто великихъ людей. Кн. I. Зороастръ, **Будда**, Конфуцій, Магометъ. Изд. Суворина. С.-Пб. 1894. Ц. 20 к.
Труды пекинскаго миссіонерскаго общества. Жизнеописаніе Будды, о. Палладія.
Тэнъ, И. Критическіе опыты. Буддизмъ и др. Пер. подъ редакціей Чуйко. С.-Пб. 1869. Ц. 1 р. 75 к.
Хрисанфъ. Религіи древняго міра, т. I.
Шюре. Сакіа Муни, древній мудрецъ. Легенды о Буддѣ. Популярно-научная библіотека Маракуева. М. 1898. Ц. 20 к.
A Catena of buddhist scriptures. London 1871.
Alabaster. The modern Buddhism. Lond. 1870.
Barthélemy Saint-Hilaire. Le Bouddha et sa religion. 2-me éd. Paris 1862.
Bastien, Ad. Die Völker des östlichen Asien. Iena 1868.
Beal, S. Texts from the Buddhist canon. Lond. 1878.
— The romantic legend of Sakya Buddha. Lond. 1875.
— The Fo-Sho-hing-tsan-king, a life of Buddha. Oxford 1883.
— Outline of Buddhism from chinese sources. Lond. 1870.
— Buddhism in China. Lond. 1884.
Brigandet, P. Vie ou légende de Gaudama, le Bouddha des Birmans, traduit par V. Gauvain. Paris 1878.

Burnouf, Eug. Introduction à l'histoire du bouddhisme indien. 2-me éd. Paris 1876.
— Le Lotus de la Bonne Loi. Paris 1852.
Copleston, Reginald Stephen. Buddhism primitive and present in Ceylon and Magadha. 1892.
Cunningham, Al. Inscriptions of Asoka. Lond. 1877.
Die innere Verwandschaft buddhistischer und christlicher Lehren. Leipzig 1891.
Doctrines des bouddhistes sur le Nirvana. Paris 1864.
Edkins. Religion in China.
— Chinese Buddhism.
Eitel. Buddhism. Hongkong 1884.
Féer, Léon. Etudes bouddhiques. 1-re série. Paris 1870.
— 2-me série. L'ami de la vertu et l'amitié de la vertu. 1873.
— 3-me série. La piété filiale.
Geschichte des Buddhismus in Indien. С.-Пб. 1869.
Hardy, Edm. Der Buddhismus nach älteren Paliwerken dargestellt. 1890.
Hardy, Spence. A Manual of Buddhism in its modern development translated from the singhalese. Lond. 1860.
— Eastern Monachism. Lond. 1860.
— The legends and theories of the buddhists. Lond. 1866.
Julien, Stan. Voyage des pélerins bouddhistes. Paris 1853—1858.
Kern. Der Buddha und seine Geschichte. Leipzig 1882—1884.
Köppen. Die Religion des Buddha und ihre Entstehung. Berlin 1859
Lénard. La philosophie orientale.
Lyall. Asiatic studies.
Obry, I. F. Du Nirvana bouddhique.
Rhys, Davids T. W. Hibbert Lectures on some points in the History of Indian Buddhism. Lond. 1881.
— Buddhism, a sketch of the life and teachings of Gautama Buddha. Lond. 1877.
— The Buddhist doctrine of the Nirvana. Contemporary Review 1877, 1.
— Buddihsm. 1890.
Schieffner, A. Târanâtha's Geschichte des Buddhismus in Indien, aus dem Tibet. Petersburg 1869.
Schott, W. Zur Literatur des chinesischen Buddhismus. Berl. 1873.
— Geschichte des chinesischen Buddhismus. Berl. 1874.
Sénart. Essai sur la légende du Bouddha, son caractère et ses origines. Paris 1875.
Turnour. The Mahawanso translated. Colombo 1836.
Weber, A. Indische Skizzen. Berlin 1862.
Wurm. Der Buddhismus. 1880.

Джайнизмъ.

Encyclopaedia Britannica. Jaino.
Imperial Gazetoer of India.
Sacred Books of the East, vol. XXII.
Statistical account of Bengal.
Stevenson, I. The Kalpa Sutra and Nana Tatva, translated from the Magadhi. Lond. 1848.
Weber, A. Ein Fragment der Bhagavati. Akad. der Wissenschaften in Berlin 26/x 1865, 12/vii 1866.

Ламаизмъ.

Бичуринъ, о. Іакинеъ. Исторія Тибета и Хухунора съ 2282 г. до Р. Х. и до 1227 г. по Р. Х. С.-Пб. 1833.

Кирилловъ, Н. В. Современное значеніе тибетской медицины, какъ части ламайской доктрины. Докладъ, сдѣланный въ общемъ собраніи Восточно-Сибирскаго Отдѣла Импер. Русск. Геогр. Общества въ г. Иркутскѣ. „Вѣстн. Обществ. гигіены, судебной и практической медицины“ 1892, №№ 7 и 8, и отдѣльный оттискъ.

Мэн-гу-ю-му-цзы. Записки о монгольскихъ кочевникахъ. С.-Пб. 1895.

Обручевъ, В. А. Попытка W. Bockhill'я проникнуть въ Лассу. „Изв. Импер. Геогр. Общ.“, т. XXXI, 1890, № 1.

Позднѣевъ, А. Поѣздка по Монголіи въ 1892—93 гг. „Изв. Импер. Геогр. Общ.“, т. XXX, 1894.

— Очерки быта монгольскихъ монастырей. Изд. Импер. Русск. Геогр. Общества.

— Монголія и монголы. С.-Пб. 1897.

Потанинъ, Г. Н. Очерки сѣверо-западной Монголіи. С.-Пб. 1881—83 г. 4 т.

— Монгольскія легенды о монастырѣ Эрдени-Цзу. „Живая Старина“. Изд. Имп. Геогр. Общ. Вып. III, 1891 г.

— Тангутско-тибетская окраина Китая и центральная Монголія. Путешествіе въ 1884—86 г. С.-Пб. 1893. Ц. за 2 т. 12 р.

— Труды тибетской экспедиціи 1889—90 гг. С.-Пб. 1895. Изд. Имп. Р. Геогр. Общ.

Шиди-Куръ. Собраніе монгольскихъ сказокъ. Перев. съ монгольскаго яз. на русскій ламы Галсана Гомбоева. Съ предисловіемъ академика Шифнера. Этнографич. сборникъ.

Schiefner. Eine tibet. Lebensbeschreibung Sakiamunis. С.-Пб. 1849.

Schlagintweit. Buddism in Tibet. Leipzig 1862.

Waddes, A. The Buddhism of Tibet or Lamaism with its mystic cults, symbolism and mythology and its relation to Indian Buddhism. London 1895.

Конфуціанство и таоизмъ.

Бичуринъ, о. Іоакинѳъ. Китай въ гражданскомъ и нравственномъ отношеніяхъ.

Васильевъ, В. П. Очеркъ исторіи китайской литературы. Всеобщ. исторія литературы Корша, т. I, ч. 1.

— Матеріалы по исторіи китайской литературы. Лекціи, читанныя въ петербургскомъ университетѣ. С.-Пб. 1888.

— Исторія и древности восточной части средней Азіи съ X в. по XIII вѣкъ. 1861.

— О движеніи магометанства въ Китаѣ. 1867.

— Религіи Востока. Конфуціанство, буддизмъ и даосизмъ. С.-Пб. 1873. (Изданіе распродано).

Георгіевскій, С. Первый періодъ китайской цивилизаціи. С.-Пб. 1885.

— Анализъ іероглифической письменности китайцевъ, какъ отражающей въ себѣ исторію жизни древняго китайскаго населенія. С.-Пб. 1889.

— Принципы жизни Китая. С.-Пб. 1888. Изд. Панафидина. Цѣна 2 р. 50 к.

— Важность изученія Китая. С.-Пб. 1890.

— Два изслѣдованія Китайской имперіи. „В. Е.“ 1887, № 8.

— Миѳическія воззрѣнія и миѳы китайцевъ. „Р. Об.“ 1891, № 10 и 11.

Грумъ-Гржимайло, Г. Е. Описаніе путешествія въ западный Китай. С.-Пб. 1896.

Изреченія китайской мудрости. Изъ книги Та-Хіо (Великая наука), изъ книги Чунгъ-Юнгъ (Неизмѣнность въ серединѣ), изъ книги Лунъ-Ю (Бесѣды мудрецовъ), изъ книги Менъ-Тсе (Менція). Перев. Д. Мережковскаго. „В. Ин. Лит.“ 1895.

Каррьеръ, М. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры, т. I. М. 1870.
Карягинъ, К. Л. Конфуцій, его жизнь и философская дѣятельность. Біографич. очеркъ. Изд. Павленкова. С.-Пб. 1891. Ц. 25 к.
Конисси, Д. Лао-Цзы. „Вопр. Фил. и Псих.“ 1893. 3.
Конфуціева лѣтопись Чунъ-Цу. Переводъ Н. Монастырева. С.-Пб. 1876 г.
Конфуцій. Середина и постоянство. Перев. съ китайскаго Д. Конисси. „Вопр. Филос. и Псих.“ 1895, 4.
Коростовецъ, И. Китайцы и ихъ цивилизація. Изд. М. М. Ледерле. С.-Пб. 1897 г. Ц. 4 р.
Лао-Цзы. Тао-те-Кингъ. Пер. съ китайскаго Д. Конисси „Вопр. Филос. и Псих.“ 1894, 3.
— То же. Москва 1894. Ц. 40 к.
Пясецкій. Путешествіе въ Китай. 2 тома. Изд. 2-е. М. 1882.
Симонъ, Жюль. Срединное царство. Основы китайской цивилизаціи. С.-Пб. 1886 г.
Сто великихъ людей. Кн. 1. Зороастръ, Будда, **Конфуцій**, Магометъ. Изд. Суворина. С.-Пб. 1894. Ц. 20 к.
Balfour. Taoist texts.
Edkins, J. Religion in China. 2 ed. 1878.
Faber, Ernst. Lehrbegriff des Confucius. Lond. Trübner. 1872.
— Quellen zum Confucius und dem Confucianismus. Lond. Trübner. 1873.
Gabelenz, G. von. Confucius und seine Lehre. 1888.
Gützlaff. Geschichte des chinesischen Reichs, herausgegeben von K. F. Neumann. Stuttgard 1847.
Happel, Jul. Die altchinesische Reichsreligion. Leipz. 1881.
Haug Martin. Confucius, der Weise China's. Berlin 1880.
Jullen Stanislas. Lao Tseu Tao-té-king, le livre de la Voie et de la Vertu. Paris 1842.
— Le livre des récompenses et des peines. Paris 1835.
— Contes et apologues indiens suivis de fables et de poésies chinoises. 2 v. Paris 1860.
Käuffer, J. Geschichte von Ost-Asien. Leipz. 1858—60.
Legge, James. The Chinese classics with a translation, critical and exegetical notes, Prolegomena and copious indexes. Hong-Kong and London 1861—1875.
— The religions of China. Lond. 1880.
— Confucius. Encyclopaedia Britannica.
— The sacred books of China. Oxford 1879—1882.
Pauthier. Les livres sacrés de l'Orient. Paris 1840.
— L'Univers. La Chine.
Pfitzmayer. Die Lösung der Leichname und Schwerten, ein Beitrag zur Kenntniss des Taoglaubens. Wien 1870.
— Die Taolehre. Wien 1870.
Plath, I. H. Die Religion und der Cultus der alten Chinesen. München 1862.
— Confucius und seiner Schüler Leben und Lehren. 1867—1874.
— Chronologische Grundlage der alten chinesischen Geschichte. Sitzungen der Bayerischen Akademie 1867, III.
— Ueber die Quellen des alten chinesischen Geschichte. Ibid. 1870, I.
— China vor 4000 Jahren. Ibid. 1869, I, 2, 3, II, 1.
— Ueber Schule und Unterricht bei alten Chinesen. Ibid. 1868, II.
Rémusat, Abel. Mémoire sur la vie et les opinions de Lao-Tseu. 1820.
— Le livre des récompenses et des peines traduit. Paris 1816.

Réville, A. La religion chinoise. 2 v. Paris. Libr. Fischbacher. 1889. Pr. 12 fr.
Rotermund, W. Die Ethik Lao-tsé's mit besonderer Bezugnahme auf die buddhistische Moral Gotha 1874.
Schott, W. Lun-yu übersetzt. Halle und Berlin 1829—1832.

Шинтоизмъ.

Griffis, W. E. The Mikado's empire. New-York 1890.
— The religions of Japan. New-York 1895.

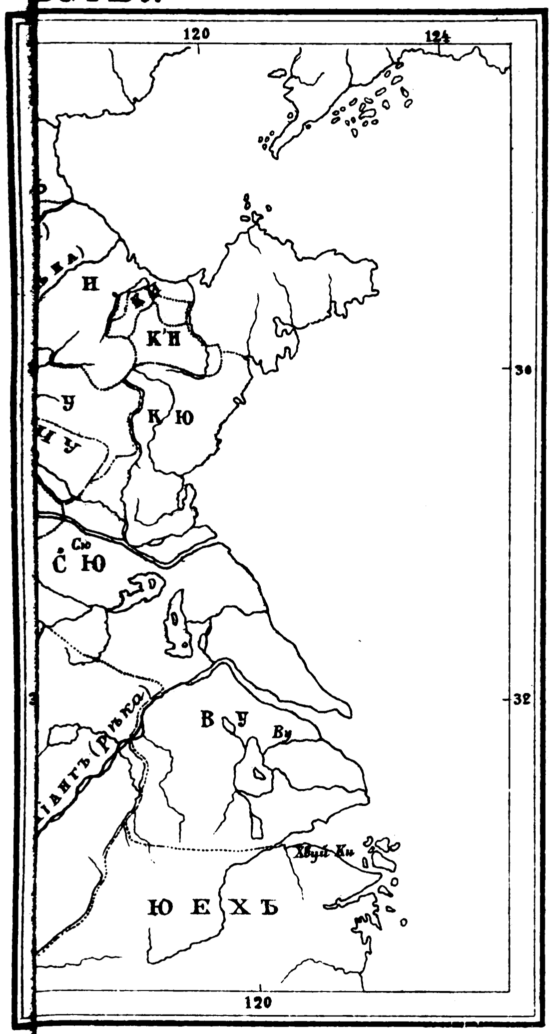
Маздеизмъ и парсизмъ.

Дилленъ, Э. Дуализмъ въ Авестѣ. С.-Пб. 1880.
Залеманъ, К Очеркъ исторіи древне-персидской или иранской литературы. Всеобщ. исторія Корша. Т. I, ч. 1.
Darmesteter, James. The Zend-Avesta translated Oxford 1880—1883.
— Etudes sur l'Avesta. Paris 1883.
Dillon, E. Notice critique sur le Zend-Avesta. 1880.
— Avesta, das heilige Buch des Zoroastrismus. 1885.
— The home and age of the Avesta. 1887.
Dosabhai Framjà Karaka. History of the Parsis. Lond. 1884.
Geiger. Civilisation of the eastern Iranians, transl. by Dastur. L. 1886.
Haug, M. Essays on the sacred language, writings and religion of the Parsis. Lond. 1884.
Houtam Schindler. Die Parsen in Persien, ihre Sprache und einige ihrer Gebräuche. Zeitschrift d. deutsch. Morgenländ. Gesellschaft. 1882, т. XXXVI.
Hovelacque. L'Avesta, Zoroastre et le Mazdéisme. Paris 1878.
Justi. Geschichte des alten Persiens. Berl 1879.
— Geschichte der orientalischen Völker im Alterthum. Berl. 1884.
Müller, F. Zend-Studien. Wien 1863.
Navalkar. An inquiry into the Parsee religion. Bombay 1879.
Rhode. Die heilige Sage und das Religionssystem des Zendvolks. Francf. 1820.
Spiegel, F. Iranische Alterthumskunde. Leipz. 1871—78. 3 Bände.
— Avesta aus dem Grundtext übersetzt. Leipz. 1852—63.
— Einleitung in die traditionelle Literatur des Parsen. Leipz. 1856—60.
Williams, M Modern India and the Indians. Leipz. 1887. 4 ed.
Wilson, H. The Parsee religion as contained in the Zend-Avesta. Bombay 1843.
Windischmann. Zoroastrische Studien, herausgegeben von Spiegel. Berl. 1863.

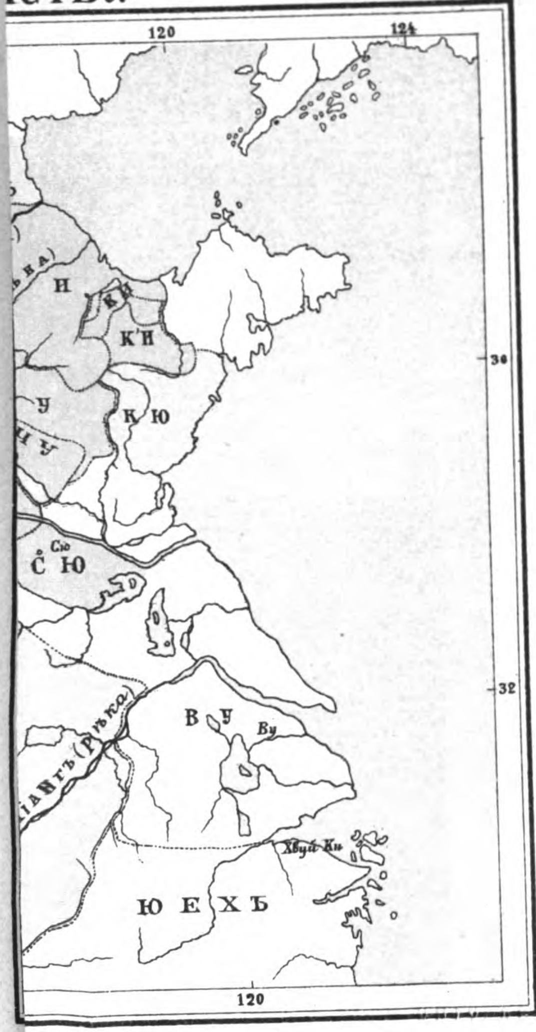
АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

(Римская цифра II—обозначаетъ часть 2-ю).

ІСТВУ.

ІСТВУ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Стр.	*Строка.*		*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
70	2	сверху	ретигія	религія
—	3	—	пысячи	тысячи
—	4	—	лротивъ	противъ
76	2	снизу	мясо	масло
—	20	сверху	Word	Ward
84	15	снизу	многіе	многія
89	7	—	Сатти	Сашти
93	8	—	Практики	Пракрити
97	11	сверху	Гскуля	Гокуля
101	8	снизу	Вигину	Вишну
106	12	сверху	Май	Майя
110	6	—	Салагрямъ	Салаграмъ
—	7	снизу	поклоняется	покланяется
112	2	сверху	изображеніе	изображенія
124	11	снизу	данди	дандисы
131	2	—	церемонія	церемоніи
133	19	сверху	сётги	сетти или сати
151	20	снизу	Будда	Будды
—	—	—	нечестія	нечестіе
155	9	—	развивается	развѣвается
166	4	—	буддійская	буддійскіе
177	2	—	Къ тому же	Вдобагокъ
182	11	сверху	Нативъ	Натовъ
—	9	снизу	покровительствуетъ	не покровительствуетъ
191	15	—	странѣ.	странѣ».
196	1	снизу	цептрѣ	центрѣ
200	1	—	бирманской	бирманскаго
205	18	—	Даначаннаты	Джаччанната
221	15	сверху	Пи-гонъ-си	Пи-юнъ-си
232	9	—	прерывается	прерывается молитвами
235	5	—	Ананта	Ананда
245	1	—	Надгерѣ	Надирѣ
265	1	снизу	остальные	остальныя
296	14	—	анчіатъ	панчіатъ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Стр.	*Строка.*		*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
10	22	снизу	выходила	выходитъ
27	23	—	Вей	Вея
41	22	сверху	необычнаго	необычайнаго
90	3	снизу	Шань	Шангъ
93	17	—	Ши-Цунгомъ	Шинъ-Цунгомъ
121	7	—	образованости	образованности
144	21	сверху	Тинъ Цинъ	Тинъ Цунъ

ОГЛАВЛЕНІЕ II-й ЧАСТИ.

ДУГЛАСЪ, Р. — КОНФУЦІАНСТВО и ТАОИЗМЪ.

I. Конфуціанство.

II. Таоизмъ.

Приложенія:

Digitized by Google